

Журнал

Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

3/2011

Журнал
«Семь искусств»

Март 2011

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2011

Журнал

«Семь искусств»

Март 2011

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Издательство «Общества любителей еврейской старины»

Содержание

Мирон Я. Амусья	
Атомные ядра, пионная конденсация и кое-что ещё	5
Габриэль Мерзон	
Таланты и «поклонники»	46
Михаил Хазин	
Твардовский, мой вечный спутник	76
Игорь Ефимов	
Связь времён.....	109
Александр Ласкин	
Двое из племени образцовых питерских стариков	179
Раиса Ей	
«Дневник» Оноре	203
Наум Зайдель	
Крутой поворот	234
Виктор Юзефович	
«Если в Ваш лавровый суп подсыпать немного перца...»..	267
Андрей Пелипенко	
Между природой и культурой.	331
Григорий Пруслин	
Юрий Рост: «Жизнь – это жизнь»	407
Борис Тененбаум	
Герцог Мальборо, 1702-1704	417
Макс Вексельман	
С.М. Михоэлс в Ташкенте.....	457
Александр Габриэль	
«Из окна второго этажа»	498
Моисей Борода	
Баллада о благородном рыцаре	508
Елена Шуваева-Петросян	
Время платить по счетам.....	514
Ольга Ольгерт	
Читая на твоих страницах	520
Эстер Пастернак	
Снежные птицы.....	527
Арье Бацаль	
Долгая благополучная жизнь.....	532
Елена Мазур-Матусевич	

Записки из несумасшедшего дома.....	539
Кирилл Подрабинек	
Шок. Два рассказа.....	546
Эрнст Левин	
Опыт размышления над переводом.....	560
Юдифь Каган	
О еврейской теме и библейских мотивах у Марины Цветаевой.....	573
Ион Деген	
Действительность, превращенная в неправду.....	588
Александр Зелинский	
Черный ворон украинской литературы.....	597
Дина Ратнер	
К вопросу формирования национального самосознания грузин.....	609
Реувен Миллер	
Тринадцатая страна.....	630
Об авторах	656

Мирон Я. Амусья

Атомные ядра, пионная конденсация и кое-что ещё

**К столетию со дня рождения
Аркадия Бейнусовича Мигдал**

(11.03.1911, Российская Империя –09.02.1991, США)

*Надо заставить их собачьи законы
действовать против них самих.¹*

А.Б. Мигдал, Из личного разговора
*Я хочу заставить мир носить
пальто в форме сарафана.*

Ив Сен Лоран (со слов Мигдала)

1. Вводные замечания

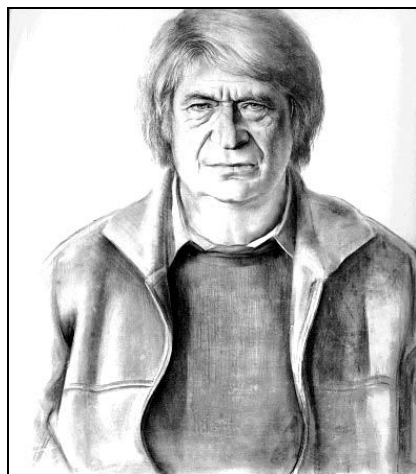

тремительно летит время. В памяти, будто прямо сейчас отнюдь не юный Мигдал внезапно прерывает разговор и успешно догоняет уходящий троллейбус. Буквально «бегущий по волнам». Не скрою, несмотря на сложности в наших отношениях, я восхищался им как яркой личностью всегда, даже в моменты острого конфликта. В памяти доминирует не просто преклонение перед крупным физиком-теоретиком, которым он, несомненно, был, но видение яркой личности – во всех её многогранных проявлениях.

Сразу предупрежу читателя – я не был аспирантом А.Б. Мигдала и не могу считать себя его учеником, хотя, вероятно, и находился под определённым влиянием его как

¹ Цитирую по памяти.

учёного. Однако видел его неоднократно и вблизи, был среди противников двух его важных научных разработок, пользовался несколько раз советами в области науки и жизни, обсуждал острые социальные и этнические вопросы. Эти несколько разрозненные воспоминания и составляют предмет настоящей статьи.

Портрет академика А.Б. Мигдала. 1983

Основные вехи жизни и деятельности академика Мигдала можно найти в Википедии и в ряде других энциклопедий. Я неоднократно видел Мигдала, АБ, как звали его хорошо знакомые, на семинаре в ленинградском Физико-техническом институте, где он бывал сравнительно часто. Привлекали его, вероятно, когдатошняя работа в этом институте, отсюда (и не только) давнишнее знакомство с коллегами своего возраста и уважение к ним, прежде всего, к профессору Илье Мироновичу Шмушкевичу, которого он называл Люся, и сила молодой поросли, прежде всего, В.Н. Грибова. Мои первые впечатления от АБ не выходили за рамки обычных – маститый учёный, член-корреспондент АН СССР, общается со своими начинающими коллегами. Была известна тяга Мигдала к розыгрышам, но я не стал их объектом, поскольку был недостаточно близок к нему и,

вероятно, не очень впечатляющ для того, чтобы заслужить розыгрыша в свой адрес.

Уже в один из первых его приездов я, как, впрочем, и другие, получили от него некий урок жизни. Было довольно поздно. Мигдал беседовал, в основном, односторонне, с теоретиками в кабинете Шмушкевича, и вдруг заторопился на вокзал. «Люся, вызовите дежурную машину из гаража», – попросил он. «Люся» сообщил, что гараж машину не даст, но, явно нехотя, позвонил. «Не могли бы вы...», – тоном просителя начал он и получил сразу отказ. «Люся, надо не так», – сказал Мигдал и позвонил сам. «С вами говорит член-корреспондент Мигдал. Мне нужна машина на вокзал. Подайте её к подъезду главного здания через пять минут», – сказал он не допускающим возражения тоном и повесил трубку. К подъезду проводить Мигдала вышли мы все, на ходу заключая пари – «будет – не будет». И что вы думаете? Машина ждала у подъезда! Не только физике мог учить и учил Аркадий Бейнусович, официально именовавшийся Аркадием Бенедиктовичем.

2. «Теперь сходитесь»

Ситуация в смысле знакомства резко изменилась в 1962, когда АБ вплотную занялся построением единой и универсальной теории ядра как системы большого числа протонов и нейтронов. Эта область к тому моменту развивалась на основе нескольких моделей, называемых феноменологическими, поскольку они основывались на уже наблюдаемых в опытах свойствах ядра. Две наиболее известные из них, модель жидко-капельная, предложенная Н. Бором в 1936 г. и оболочечная, предложенная М. Гёпперт – Майер и Иенсоном в 1949-50 гг², исходили, на первый взгляд, из прямо противоположных представлений о характере движения нуклонов – протонов и нейтронов в ядре – сильно скореллированного в первой модели и независимого – во второй. Это противоречие и известная большая величина межнуклонного взаимодействия объясняют первоначальное резко отрицательное отношение

² Лауреаты Нобелевской премии по физике за 1963 г

Л.Д. Ландау к оболочечной модели³. Поскольку обе опирались на обширный экспериментальный материал, преодоление указанного противоречия было необходимо. Оно потребовало значительных усилий и времени, о чём скажу далее. На основе каких идей оно было достигнуто – поясню там же.

Для описания ядер с помощью моделей приходилось использовать параметры, подбираемые на основе опытных данных по исследованию свойств этих ядер. Развивалась и попытка описать ядро, решая уравнение Шредингера, описывающее эту систему, несколько огрубляя картину, как газ протонов и нейтронов, взаимодействующих друг с другом так же, как пары свободных протонов и/или нейтронов. Инициатором этого подхода стал профессор К. Бракнер[1] из США. Меня эта проблема сразу увлекла. В рамках обсуждаемой проблемы взаимодействие свободных нуклонов стало именоваться «уличным»⁴. Назовём этот подход многонуклонным или газовым приближением (ГП).

К 1960-61 относится и построение двухпараметровой модели, где предполагалось, с известной натяжкой, что двумя основными видами сил в ядре, где нуклоны взаимодействуют, как и свободные, является очень сильное отталкивание на малых, разумеется, в ядерном масштабе, расстояниях, и значительно меньшее по величине, но длиннодействующее притяжение. Этот подход, предложенный сначала в работе Г.М. Ваградова и Д.А. Киржница[2], и почти сразу – в работе автора этих заметок[3], позволял вычислить характеристики ядер, не вводя никаких свободных параметров. Чуть позднее было отмечено, что нуклон, рассеиваясь на ядре, ведёт себя как квазичастица, отличаясь от нормального нуклона, движущегося в потенциале, создаваемом ядром, эффективной массой, не равной массе нуклона. Сама идея существования в спектре возбуждений системы сильно взаимодействующих ферми-частиц ветви, подобной

³ Здесь опираюсь на рассказы проф. Л.А. Слива.

⁴ Насколько помню, термин «уличное взаимодействие» был введён мною.

возбуждениям свободных фермионов, но с отличной от них массой – квазичастиц, была предложена ещё в 1956 г. Л.Д. Ландау[4]. В качестве примера им рассматривался жидкий гелий-3⁵. В[3] к рассмотрению двухпараметровой модели была применена техника диаграмм Фейнмана, адаптированная к нерелятивистской проблеме многих тел в работе Мигдала и В.М. Галицкого[5]. Поскольку и короткодействующее, и длиннодействующее взаимодействия в ядре сильные, в[3] были проведены суммирование бесконечных последовательностей диаграмм Фейнмана – так «лестничной» для короткодействующего, так и «анти – лестничной»⁶ – для длиннодействующего. Более сложные диаграммы, где перемешивались бы лестничные и анти-лестничные, образуя то, что несколько позднее было названо «паркетом», в работе[3] отбрасывались. Однако это был явный шаг вперёд по сравнению с Бракнером[1], где всё взаимодействие трактовалось в чуть усовершенствованном газовом (оно же – лестничное) приближении.

Ландау считал задачу вычисления свойств жидкости исходя из данных о взаимодействии свободных пар входящих в неё частиц, т. е. построение её количественной микроскопической теории, неразрешимой. Скорее всего, такая задача, с точки зрения Ландау, была даже лишёна смысла⁷. Это мнение кажется основательным, поскольку жидкость столь плотна, что столкновения изолированных пар входящих в неё частиц едва ли доминируют. В принципе, весьма вероятно одновременное взаимодействие троек, четвёрок и большего числа частиц, нерасчленимое на парные столкновения. Вместо микроскопической теории, Ландау предлагал описывать все макроскопические свойства

⁵ Гелий-3 – атом, чьё ядро состоит из двух протонов и одного нейтрона, в отличие от гораздо более распространённого в природе гелия-4 с двумя, а не одним нейтроном

⁶ Иногда именуемое пузырьковым (bubble) или кружевным (lice) приближениями – в зависимости от эстетических вкусов использующего данное приближение.

⁷ Из-за возможного появления в достаточно плотной системе трёх – и более частичных сил.

жидкого гелия-3 с помощью нескольких параметров, находящихся из опытных данных. Центральной идеей теории Ферми-жидкости было представления о слабо взаимодействующих квазичастицах, описывающих поведение жидкости в ответ на слабое внешнее воздействие. АБ решил применить эту теорию, предложенную для описания жидкого гелия-3 при крайне низких температурах и обобщённую так, чтобы учесть наличие двух взаимодействующих Ферми-жидкостей – протонной и нейтронной, к описанию атомных ядер.

Это был грандиозный по размаху замысел. Предлагалось построить теорию ядра на надёжной основе, исходя из непреложных, так называемых «первых принципов». Фактически всё, сделанное до Мигдала в теории ядра оказывалось при этом ненужным. Подход этот исключал из числа осмысленных и газовое приближение. Попытка описать ядро, исходя из данных по взаимодействию между изолированными нуклонами – протонами и нейтронами, становилась ересью. Мигдал объявлял газовое приближение неприменимым при микроскопическом описании атомных ядер, ликвидируя само это приближение как допустимое. Таким образом, и наш с Киржницем подход подлежал закрытию. Как говорится, «всё старое и отжившее надо уничтожить в зародыше». Замечу, забегая вперёд, что на одной шестой части суши АБ это удалось. Что касается остального мира, в частности США, то там до сих пор ведутся, а значит – финансируются работы по вычислению свойств ядер из «первых принципов» – используя взаимодействие свободных нуклонов (см., например, [6])⁸.

Моё личное отношение к этой проблеме сейчас иное, чем полвека назад. Оно ближе к мигдаловской тогдашней точке зрения, чем моей собственной. Разумеется, не в части

⁸ Возможно, в терпимости американцев и когдатошней нетерпимости АБ подсознательно играла роль именно идея свободы, пусть и в применении к нуклонам, остающихся самими собой даже в присутствии множества сильно воздействующих соседей.

справедливости подхода Мигдала, но в вопросе о возможностях построения для такой сложной системы, как ядро, микроскопической теории, исходящей лишь из знания «уличного» взаимодействия нуклонов. Это видно из нескончаемых попыток вводить в рассмотрение и специфическое трёхчастичное взаимодействие, учёт которого добавляет много произвола в теорию.

АБ знал работы Ландау, на которые опирался, не понаслышке, не просто в результате их прочтения в журнале, или прослушивания соответствующего доклада на семинаре. Он сам принимал довольно активное участие в создании подхода, фактически записав теорию ФЖ на языке диаграмм, подобных фейнмановским⁹. Помню обсуждение теории Ферми-жидкости Ландау с Мигдалом, происходившее уже после того, как страсти, связанные с критикой ГП улеглись. Я сделал упор не на исходную, идейную, но постулирующую принципы, работу 1956 г.[4], а на вывод (или, лучше сказать, квази-вывод) этих идей, содержащийся в статье Ландау 1958 г.[7]. Там были приведены доказательства, и рассмотрение проводилось с помощью модифицированной диаграммной техники Фейнмана, приспособленной к задаче многих тел. Помню, я даже спросил АБ, читал ли он эту работу. Мигдал улыбнулся и, в свою очередь, спросил меня: «А вы-то её внимательно читали? Вы обратили внимание, кому там выражена благодарность?». «Вам», – ответил я. «Так неужели вы думаете, что Ландау меня бы поблагодарил, если б я не написал эту статью?» – объяснил он мне довольно откровенно.

Но вернёмся к истории нашего с АБ столкновения. Оно началось, насколько помню, с наступлением 1962 г. Первые испытания «Теории конечных ферми-систем» (ТКФС), как чуть позже АБ назвал свой подход, произошло на «полигоне» ФТИ. Однако им предшествовали «слухи из Москвы». Согласно им, Мигдал пришёл к выводу, что все существующие и любые мыслимые (и немислимые – АБ

⁹ Фактически, впервые диаграммы Фейнмана в теории многих тел применили АБ и В.М. Галицкий[5].

был склонен к обобщениям) варианты Газового Приближения – заведомая и злокозненная чушь. Правда, непосредственно перед его приездом, мне позвонил Д.А. Киржниц, мой старший «подельник» по ГП, и сообщил, что после доклада АБ в Физическом институте Академии наук, вероятно, также в начале 1962 г., на котором АБ прилюдно признал за нами право на существование, они даже беседовали о сотрудничестве. Это было для меня очень важно, ибо версия ГП, о которой шла речь, составляла предмет моей кандидатской диссертации, одним из оппонентов которой и был Киржниц.

Доклад АБ в Физтехе не оставил сомнения в том, что желаемое было принято за реальность, или продемонстрировал переменчивость пристрастий великих мира сего. Так или иначе, но в ходе доклада АБ я был упомянут как автор вредного и ошибочного подхода. Пользуюсь сильно смягчённой версией его утверждения. В тот день, как, впрочем, и в других ситуациях, АБ не очень выбирал выражения, когда считал нужным доказать свою правоту.

Я робко защищался. После доклада АБ, он, вместе с приехавшим с ним А.И. Ларкиным, соавтором первой, ещё препринтной версии ТКФС, подход ГП, как и я, его присутствующий апологет и адепт, был атакован «в четыре руки». Комментируя этот день баталий, Ларкин сказал в комнате В.Н. Грибова¹⁰, а оттуда, естественно, дошло и до меня: «С Амусьёй покончено навсегда». Поторопился, как показала жизнь, А.И. Ларкин, ох, как поторопился. Но до сих пор не могу понять, почему целью или достижением было «кончатъ».

Разумеется, спор, хоть и крайне эмоциональный, шёл по принципиальному вопросу: можно ли в рамках Газового Приближения описать устойчивую в основном состоянии, гипотетическую пространственно бесконечную систему – «ядерную материю» – совокупность бесконечного числа протонов и нейтронов, в которой кулоновским

¹⁰ Тогда – восходящая звезда, позднее – один из крупнейших физиков-теоретиков СССР.

взаимодействием протонов пренебрегалось. Само понятие ядерной материи как объекта исследования ввёл, насколько помню, К. Бракнер. Вопрос состоял в том, может ли такая система в ГП быть, как я это называл, «самосжата», или, предоставленный себе самому набор бесконечного числа протонов и нейтронов будет сжиматься до тех пор, пока ГП не перестанет быть применимым. Сейчас мне далеко не очевидно, что ядерная материя должна быть даже в основном состоянии непременно пространственно однородной, а не примет форму, заметно более сложную и неоднородную. Примечательно, что эту возможность тогда ни одна из сторон, участвовавших в дискуссии, не обсуждала. Не обсуждалась и возможная структура сжимающейся до иной плотности, чем ядерная, нейтронной материи (см., к примеру,[8]).

Примечательно, что, обсуждая проблему устойчивости ядерной материи, мы концентрировались вокруг лишь минимума полной энергии и не обсуждали даже иные неустойчивости, критерии которых были уже получены академиком И.Я. Померанчуком[9]. Вне нашего внимания остались и другие виды неустойчивостей. Впрочем, и дискуссии как таковой не было – ядерщики–теоретики ФТИ, в первую очередь проф. Л.А. Слив, молчали. Специалист по физике твёрдого тела С.В. Малеев быстро принял сторону нападения. Однако, подняв сигнал «Погибаю, но не сдаюсь», я сопротивлялся. Для этого открывалась удобная возможность.

Существенно, что уже в своих следующих за первой работах на тему ядерной материи[9, 10], я обсуждал переход от неё к ядрам, реально имеющимся в природе, и отмечал, что в их поверхностной области эффективное межнуклонное взаимодействие может быть существенно иным, нежели внутри ядра. В работах же АБ и Ларкина поверхность игнорировалась совсем. А ведь именно в этой области сосредоточена примерно треть нуклонов, включая всех, наиболее активных, и проходят основные ядерные процессы. Несколько констант, с помощью которых предполагалось описать множество свойств ядра, подобно тому, как это предложил для Ферми-жидкости гелий-3

Ландау, наличия поверхности не учитывали никак. Это делало подход АБ уязвимым. Тем более что на поверхности, согласно моим оценкам, взаимодействие нуклонов могло быть даже заметно сильнее, чем внутри.

Дискуссия о поверхности ядра и усилении там взаимодействия была очень острой. «Только полный дурак может говорить о поверхности, как о чём-то существенном¹¹», – утверждал АБ. Мои потенциальные защитники молчали. АБ отметил, что в рамках нашего с Киржницем подхода возникает неустойчивость типа самопроизвольного сжатия. Мы эту особенность не заметили. Моё положение осложнялось тем, что работы [3, 10, 11] должны были составлять первые три главы кандидатской диссертации, а проклятая неустойчивость влезла в главу 4. Мигдал с Ларкиным уехали. Их работы были вскоре опубликованы [12-14].

Мой руководитель Слив струхнул, да и раздражение против меня у него тогда было – ведь свой подход ещё совсем недавно я тоже предлагал ему и своим коллегам как единственно правильный, всеобъемлющий и особо перспективный – точь-в-точь, как Мигдал свой. «Дай Бог нашему теляти ...», – сказал Слив тогда, после моего домигдальского доклада. Словом, я был послан в Москву, к проф. Б.Т. Гейликману, только что опубликовавшему статью, использовавшую наш с Киржницем подход, на новый суд. Гейликман быстро понял существо проблемы и куда-то позвонил. «Кады¹², тут у меня Амусья говорит, что вы против его защиты. Это так?», – сходу спросил он и, выслушав ответ, заметил: «Я так и думал». Выходило, что по вопросу о защите у АБ никаких возражений нет. Гейликман усомнился и в том, что в нашем подходе есть злополучная неустойчивость. Тем не менее, под влиянием научного руководителя я главу 4 устранил и на защиту пошёл. Однако через некоторое время к теме вернулся и

¹¹ За давностью лет за буквальную точность не ручаюсь, но дух и стиль запомнил хорошо

¹² Так звали Мигдала его друзья и очень хорошие знакомые.

опубликовал эту главу в виде статьи[15]. Сейчас перечёл и о публикации не жалею.

Этот эпизод кончился для меня благополучно. Но чувство «неотомщённости», да и ясное сознание важности поверхности у ядра определяло моё поведение: на каждой конференции эту трудность теории АБ¹³ я отмечал. И был далеко не единственным, кто теорию критиковал. Ведь помимо очевидности наличия у ядра поверхности, подчиниться насильственному устранению всех других подходов в теории ядра заинтересованные участники обсуждений не могли и не хотели.

Вскоре АБ ввёл в свою теорию уточнения, связанные с наличием поверхности. Признаться, помимо того, что они нарушали красоту теории, их форма была совершенно необоснованна с теоретической точки зрения. Прилюдные столкновения продолжались. Лично для меня они, хотя и были интересны, судьбоносными быть не могли, поскольку к тому времени я увлёкся применением теории многих тел в физике атома[16-18], где начал насаждать своё, многочастичное вероучение с упорством, а подчас и с эффективностью, подобной этим чертам у АБ. Во всяком случае, мой первый публичный шаг[16] в направлении физики атома имел много общего, за исключением битвы конкретного врага, с началом жизни теории конечных Ферми-систем. Но само научное предположение о том, что электроны в атомах могут двигаться не независимо, а колебаться вместе, всем коллективом, определённо вызывало интерес.

¹³ А.И. Ларкин от работы в области теории ядра почти сразу отошёл. Взаимное раздражение, однако, осталось. Помню, как мы оба оказались в Аргоновской национальной лаборатории США в 1993 г. на докладе коллеги из России. Продолжить дискуссию я предложил в своём кабинете, поскольку тогда был Fellow этой лаборатории, а Ларкин искал работу в США. Российский гость у него допытывался, где тот намерен остановиться. И я допустил ошибку фрейдовского толка, сказав Ларкину, что коллега его спрашивает «Где откинешь ты копыта?». Моя подмена пушкинского «опустишь» на «откинешь» была, гарантирую читателям, случайна, но отношений не улучшила...

3. «Такова моя природа»

Странно, однако, но почему-то частые стычки и ругань на конференциях моих отношений с АБ не портили. Напротив, в один из приездов, когда в кабинете проф. Л.Э. Гуревича было довольно много народа, АБ вдруг повернулся ко мне и предложил мир, рассказав знаменитую притчу о скорпионе, попросившем черепаху перевести его через озеро. Известно, что после небольшой дискуссии черепаха согласилась, но на середине озера скорпион её ужалил. «Что ты делаешь? Ведь мы же оба потонем?», – воскликнула черепаха. «Понимаю, но ничего не могу с собой поделать – такова моя природа», – и с этими словами АБ протянул мне руку. Нет нужды говорить, как я был этим обрадован. Однако критики теории ТКФС не прекращал. АБ неприятием коллег внешне не очень огорчился и продолжал насаждать вероучение. Признаю, как мастер теоретической физики, он значительно превосходил всех советских коллег, работавших в этой области, возможно, за исключением проф. В.Г. Носова. О его пересечении с АБ я расскажу далее. Возможно, именно поэтому АБ мнение коллег по ядерному цеху просто не волновало. Но ведь и лилипуты способны стреножить великана, если их много, а здесь разница всё-таки была не столь значительна. Сопrotивление «вероучению» нарастало, и весьма искусственный учёт поверхности не успокоил критиков.

Вообще, в «сухом остатке» получалось, что Теория Конечных Ферми-Систем приводила к уравнениям, уже использовавшимся широко в ядерной физике, например уравнению Хартри-Фока с эффективным, подбираемым сопоставлением с данными опыта, взаимодействием. Сведение этого взаимодействия в рамках ТКФС к константам означало, что радиус эффективного взаимодействия считался нулевым. Оно, тем самым, становилось просто грубее принятого в публикациях западных сторонников модельных подходов, которые ту или иную проблему рассматривали раньше. По этому поводу АБ как-то сказал всердцах: «Ты выстрадаешь теорию, обдумаешь её вглубь и вширь. И тут тебе суют в нос какого-то Пинкстона, говоря, что это он, а не ты впервые получил

этот результат. А ещё неизвестно, взял ли бы ты этого Пинкстона к себе в аспирантуру!». Западников волновал и волнует результат, а АБ даже в предисловии к своей книге говорил об особой важности его правильного понимания: «Изложенная в первом издании этой книги теория конечных ферми-систем (ТКФС) стала основой расчета ядерных явлений. Эта теория определила, в частности, правильное понимание и развитие метода Хартри-Фока с эффективным взаимодействием».

Замечу, что АБ советскую теоретическую физику ставил необычайно высоко. Оценивая состояние дел в этой области в США, он сказал после своей, вероятно, первой поездки в эту страну на семинаре в ленинградском Физтехе: «Они там вообще сидят на деревьях». Однако философское замечание одного из присутствующих: «и собирают там Нобелевские премии» вынужден был оставить без ответа. Тогда же он рассказал притчу о музыканте, который вдохновенно играл на скрипке, стараясь усладить слух стареющего льва. Когда музыкант кончил, лев спросил «Ась?». Как оказалось, лев был просто-напросто совершенно глух. Контекст позволял рассматривать это как описание встречи АБ с лауреатом Нобелевской премии по физике Г. Бете, который к моменту их встречи был, как и сам АБ, немолод, но и не нем или глух. Другое дело, что его больше интересовало получение нового результата, нежели развитие правильного понимания уже имеющейся теории. А АБ подчас высоко ставил последнее. Это *правильное понимание* и могло быть причиной разных оценок теории автором и его собеседником.

Подход, развиваемый АБ, в принципе позволяющий рассмотреть вновь множество вопросов теории ядра, равно как характер и темперамент автора подхода, требовали широкого размаха работ, для чего нужны были новые руки и головы. Имевшиеся ученики к тому времени «вышли в люди», стали известными учёными или просто не торопились стать в ряды адептов нового вероучения, т. е. переквалифицироваться. Кроме того, и сам АБ хотел смены поколений. Он любил и повторял притчу о старом еврее, публично именуемом им цыганом, который всё порывался

помыть свою многочисленную детвору. И вот, как-то выведя их на свет божий из халупы, где они жили, он вдруг увидел, до чего они грязны. Идея их просто помыть мгновенно ушла из головы цыгана-еврея. «Проще народить новых!», – сказал он.

К проблеме «народнения новых» или привлечения гастарбайтеров, как теперь такое называется, АБ подошёл с двух сторон. Он начал писать книгу – учебник, пусть совсем не букварь, но по возможности «с самого начала», и приступил к поиску денег – ставок. Книга появилась в виде ряда препринтов, но уже в 1965 г. вышла из печати[19]. Для денег нужны были спонсоры, но тогда таковым был по сути один – Академия Наук. Заражая своей идеей, которая подымет советскую теоретическую ядерную физику на невиданную высоту, АБ организует заседание Президиума Академии Наук, где основным был его доклад. АБ был тогда на взлёте, без пяти минут действительный член Академии (избран в 1966, член-корреспондент с 1953).

Меня он включил в список приглашённых, о чём я узнал из телеграммы, наверху которой ярко красным было жирно написано магическое слово «Правительственная»¹⁴. Мне это дало проезд в Москву вагоном СВ (класс люкс) и место в зале заседания. Занимать его можно было всюду, кроме 1-го ряда, и я уселся во втором. Президиум расположился на сцене-подиуме и погрузился в дрему, надеясь поспать. Но под рокот доклада Мигдала спать было трудно, а дремалось, как видно было из зала, нормально. По мере развёртывания грандиозных перспектив, нарастало напряжение в Президиуме. Было не ясно, что докладчик за такое величественное попросит. Напряжение было очевидно, нарушало дрему и не снялось даже чаем с печеньем, которые дали Президиуму и гостям первого ряда. Начиная со второго ряда, чаем не поили. Я, как всегда, оказался вне зоны раздачи, тогда – всего на один ряд от неё.

¹⁴ Такие телеграммы я получал всего дважды в жизни, но по амбициозности молодости и неготовности тогда писать воспоминания – не сохранил.

Доклад АБ по силе своего воздействия потрясал. Казалось, потребуй он под свою идею отстроить не то, что институт – целый город – ему будет трудно отказать. А он попросил за столь многообещающий переворот в науке всего каких-то двадцать ставок. Так дёшево. Вмиг окончательно стряхнув дрёму, члены Президиума прочувствовали историчность момента. Радостные, все закивали головами. Ответы на вопросы членов Президиума в ходе обсуждения были точны, чётки и остроумны. Председательствовал, насколько помню, академик П.Л. Капица, который гостей, опять же, насколько помню, не спрашивал. Было единогласно решено «одобрить», и, как много позже скажет другой исторический персонаж, «процесс пошёл».

Вскоре появились «новобранцы», которым АБ настоятельно советовал существующие работы по ядру не читать, чтобы попусту не тратить время и «не портить породу». Они сначала этот совет слушали, но очень скоро убедились, что это опасная линия, поскольку сами оказались куда более уязвимыми для критики со стороны «ретроградов», которые были в большинстве, чем сам АБ.

Время несколько изменило ситуацию, в результате чего в недавно созданной российской Физической энциклопедии, в статье Ядерная физика появилась впечатлившая меня фраза: «развитие *квантовой теории многих частиц* привело к пониманию этих вопросов и к созданию совр. теории ядра. Большую роль в этом сыграли теория *ядерной материи* К. Бракнера (K. Brueckner) и теория конечных ферми-систем (ТКФС) А.Б. Мигдала». А чуть далее там же следует фраза: «Самосогласованная ТКФС и близкий к ней *Хартри-Фока метод* с эфф. силами позволяют путём введения неск. констант, универсальных для всех ядер (кроме самых лёгких), рассчитать большое число ядерных явлений с точностью, адекватной точности экспериментов». Уравнивание в правах, я бы даже сказал, преувеличение роли теории Бракнера, а тем более, этой пары, Хартри-Фок, с ТКФС было просто невозможно в те боевые годы – самое начало шестидесятых.

Тогда, из-за незнакомства с чужими работами возникали непрестанные дискуссии. Они были резкими по форме. Помню совещание, проводимое АБ в гостинице «Украина». От Физтеха были мы с Б.Л. Бирбраиром. Докладывали в основном молодые сотрудники АБ, из зала шли вопросы «острые, жгучие». На каком-то этапе АБ прервал ответы в тот момент докладывавшего Э. Е. Саперштейна, сейчас профессора и заместителя главного редактора журнала «Ядерная физика», сказав добродушно: «Дело не в том, что я знаю лучше Эдуарда Евсеевича, как ответить. Но определённо знаю лучше его тех, кто спрашивает». В перерыве он совсем не добродушно выговаривал Бирбраиру: «Боря, или вы уймётесь сам, или я скажу Льву Абрамовичу¹⁵, чтобы он посадил вас на цепь».

Но совсем иной была реакция АБ, когда, спустя годы, он получил от председателя, то ли ВАК, то ли секции физики этого почтенного учреждения, докторскую диссертацию Б.Л. Бирбраира для негласной рецензии. Было известно, что отправитель всяких там бирбраиров недолюбливал. Мигдал передал диссертацию своему сотруднику, и тот быстро сделал из научного труда котлету. Но АБ нужно было совсем не то. И он сказал автору отзыва: «Уточните то-то и то-то, а заодно подумайте, что следует делать, когда такой человек как (следовало имя отправителя), направляет эту диссертацию именно мне». Отзыв изменили, и страна получила ещё одного доктора, науке преданного и в ней вполне успешного. Да и диссертация объективно была, кстати, на должной высоте.

Мой интерес к ядерной физике угасал. И хотя АБ передал мне приглашение работать с ним по ядерной физике, я это предложение с глубоким внутренним сожалением отклонил. К тому времени я уже укрепился в теории атома, занимался электронным газом[20, 21] и общей теорией многих тел. Это позволяло следовать принципу, который любил повторять мой покойный друг, физик-ядерщик Г.М. Шкляревский: «Грудь вперёд. Хотя

¹⁵ Профессор Л.А. Слив, наш с Борей научный руководитель и начальник.

маленькая, но своя». А быть самим по себе при Мигдале было очень трудно. Его личность просто подавляла, возможно, даже не по его собственной воле.

Чуть позднее я вернулся одной работой[22] в ядерную физику, показав, что концепция квазичастиц в ядре справедлива и для глубоких внутренних состояний. Заимствованное из теории Ферми-жидкости представление о квазичастицах снимало противоречие между моделями оболочечной и жидкой капли. Просто, оболочечная модель описывала возбуждение наружных квазичастиц, а жидкая капля – движение самих нуклонов. В этом пункте у меня с АБ противоречий не было (см.[10, 11] и [12, 13]). Иное дело – внутренние нуклоны. Можно ли их рассматривать как квазичастицы, мною в[10, 11] не обсуждалось. Согласно Мигдалу и Ларкину[12, 13], ответ должен был быть отрицательным. В моей работе[22] концепция квазичастиц, на базе данных опыта, расширялась. Притом, оказалось, что эти квазичастицы кардинально отличаются от наружных и без микроскопической теории понять их поведение невозможно. Простая феноменология здесь заводила в тупик. Объяснение специфики внутренних квазичастиц я нашёл, вернувшись к своей работе по двухпараметровой модели[3].

4. Друг мой, враг мой

Хотя борьба против ТКФС продолжалась, и я посилено в ней участвовал, стал всё чаще обсуждать свои работы с АБ. Так было со статьями[23] и [24]. В них утверждалось, что состояние с наименьшей энергией безграничного газа электронов не однородно по зарядовой и/или спиновой плотности. Оно, якобы, всегда представляет собой этакий кристалл, т. е. периодическую функцию с большим волновым вектором k , в пределе высокой плотности частиц порядка удвоенного импульса Ферми $2p_0$, $k \approx 2p_0$. Вывод американского теоретика А.В. Оверхаузера[23] был малопонятен, но в[24] японский теоретик К. Савада с соавторами пользовались хорошо знакомой мне техникой диаграмм Фейнмана.

Из чисто физических соображений представлялось очевидным, что при высокой плотности электронная

система должна вести себя просто как газ, без всяких кристаллоподобных волн. Мне казалось, что я понимаю, в чём ошибка этих работ, но объяснение было уж очень простым. Действительно, моё мнение сводилось к тому, что в работах [23] и [24] пренебрегалось экранированием кулоновского взаимодействия между электронами. В то же время, я считал невозможным, чтобы такую грубую ошибку совершил физик калибра Катуро Савады. У АБ чувство преклонения перед авторитетами было развито гораздо меньше, чем у меня – просто из-за осознания своего масштаба. Он сказал, как припечатал: «Я не знал, что Савада такая задница». Для меня это сняло внутренний трепет, и две работы, [20] и [21], с благодарностями АБ, но без цитирования дословно его отзыва о Саваде, появились на свет. В этих работах было показано, что при высоких плотностях электроны образуют газ, поскольку стремление магнитной восприимчивости при $k \approx 2p_0$ к бесконечности полностью компенсируется стремлением к нулю эффективной массы электрона, если экранированием его заряда пренебречь.

Что, однако, мы просмотрели, я – в первую очередь, так это возможность появления волн статической зарядовой и спиновой плотности, этой самой кристаллизации в обычном и спиновом пространстве при промежуточных плотностях электронного газа. А именно предсказание спиновых и зарядовых волн принесло несколько позднее Оверхаузеру (см. [23]) широкую известность, можно даже сказать, мировую славу. Совет «зри в корень» был проигнорирован, а с ним и ряд работ, и кусочек этой самой «курицы славы» ускользнули из моих рук. А жаль.

Исследование электронного газа прошло не совсем без толку и с более общей точки зрения. Именно, в [21] было обнаружено примечательное свойство систем многих Ферми частиц: их спиновая восприимчивость – величина, определяющая реакцию системы на внешнее статическое магнитное поле, могла резко изменяться в зависимости от того, однородно это поле или, напротив, резко неоднородно. Оказалось, что при определённых условиях спиновая восприимчивость может иметь значительный максимум при

неоднородности поля на расстояниях, порядка среднего межчастичного. Оказалось также, что в этом максимуме магнитная восприимчивость может быть больше, чем для однородного поля.

Кулоновское отталкивание электронов газа в обычном канале приводит к их притяжению в канале спиновом. Это соображение показывало, что электронный газ может быть сверхпроводящим, причём роль знаменитой куперовской пары могут играть два электрона с одинаково направленными спинами, т. е. с полным спином 1. Обычные куперовские пары в сверхпроводниках обладают полным нулевым спином. Но соображение это было совершенно общим. Оно указывало, что в любой системе, состоящей из одинаковых Ферми-частиц отталкивание в обычном канале приводит к притяжению в спиновом. Результатом этого может быть сверхтекучесть пар типа куперовских, однако, с полным спином 1, а не 0. Это означало существенное изменение представлений, принятых в теории Ферми-жидкости Ландау[4, 7], где указанная особенность вообще не упоминалась и не обсуждалась.

Вместе с обнаруженным максимумом в магнитной восприимчивости, была тем самым показана возможность неустойчивости системы по отношению к возмущениям, крайне далёким от однородности. Эта неустойчивость сигнализировала о готовности самопроизвольного перехода системы в сильно неоднородное состояние. Иначе говоря, речь шла о переходе обычного парамагнитного состояния, спины частиц в котором распределены совершенно неупорядоченно, в антиферромагнитное, при котором спины соседних электронов направлены противоположно друг другу.

Рассмотрение, проведенное в связи с исследованием, представленным в[21], показало также, что поведение восприимчивости именно по отношению к полям, периодически и быстро меняющимся с расстоянием, сильно влияет на такую важнейшую характеристику Ферми-системы, в частности, Ферми-жидкости, как эффективная масса квазичастиц. С другой стороны, проблема коротковолновых, т. е. имеющих место на малых

расстояниях, неустойчивостей или иных особенностей, в работах Ландау не обсуждалась. Если моё рассмотрение было правильным, из него следовала необходимость существенного дополнения теории Ферми-жидкости. Её единственным природным объектом тогда был лишь жидкий гелий-3 при низких температурах¹⁶. Но его поведение, как стало ясным уже с середины шестидесятых, отличалось от предсказаний теории Ферми-жидкости. Именно, теплоёмкость не убывала линейно, как следовало из[4], а делала это гораздо медленнее[25]. Поскольку коэффициент при температуре T в растущей линейно теплоёмкости C_V есть эффективная масса m_{eff} [4], это означало её рост с уменьшением температуры T , а отнюдь не постоянство. Притом рост впечатляющий, от 1.4 массы свободного атома гелия-3 при $T = 0.1^0 K$, до более трёх атомных масс при нескольких тысячных градуса Кельвина $^0 K$. Имеющиеся данные позволили предположить зависимость $m_{eff} \propto \ln(T^* / T)$, где T^* некоторая характерная, порядка одного градуса Кельвина, температура. Замечу, что и магнитная восприимчивость не выходила на константу, а упорно росла с уменьшением температуры[26, 27].

Определённо, такое поведение шло вразрез с теорией Ландау. Приведенные соображения о роли обменного притяжения и доминировании в магнитной восприимчивости малых расстояний, порядка средних межчастичных $r \approx \hbar / 2p_0$, где \hbar - постоянная Планка а p_0 – так называемый импульс Ферми, требовали проверки на опыте. Тут возникла в принципе простая идея – сжать достаточно сильно гелий-3, увеличить роль межчастичного отталкивания, а, следовательно, и тесно связанного с ним обменного притяжения. При этом, как я надеялся, жидкий гелий-3 перейдёт в антиферромагнитное состояние, уже упомянутое выше в связи с обсуждением электронного газа.

¹⁶ Других природных объектов, которые целиком можно отнести к Ферми-жидкостям, нет и по сей день.

Разумеется, думая о столь серьёзных преобразованиях в принятом понимании гелия-3, я нуждался в поддержке. Свои соображения изложил АБ. Примечательно, что в это же время публичные, и мои в том числе, атаки на теорию конечных ферми-систем, не затихали. Тем не менее, АБ идею о роли малых расстояний в восприимчивости оценил, но против попыток вычислять этот параметр в рамках модели, типа упомянутой выше двухпараметровой, резко возражал. Вместо этого он посоветовал ввести два набора не вычисляемых и не сводимых друг к другу констант, определяющих взаимодействие квазичастиц, относящихся отдельно к большим и малым расстояниям, вместо одного, как в теории Ферми-жидкости. «Делайте, как Ландау», – посоветовал АБ, подводя итог нескольким нашим продолжительным разговорам на эту тему.

Я послушно сел, и начал «делать», очень скоро поняв всю глубину слов классика из другой области:

*Уважаемые поэты московские
Я в искусстве правду любя,
Умоляю – не делайте под Маяковского.
Делайте под себя.*

Ничего по понятной причине не получалось. Доступную мне модель я отбросил, а «под Ландау» было не по силам. Точь-в-точь, как отметил другой большой поэт:

*С тех пор перестали малютки играть,
Не рылись в грязи и в пыли.
И все оттого, что не смели визжать,
А хрюкать они не могли!*

Кстати, у того же автора был замечательный совет, как надо действовать, которым я почему-то пренебрёг:

*Рассчитывай силы свои.
И, если сказать не умеешь «хрю-хрю»,
Визжи, не стесняясь: «И-и!»*

Вместо этого, была написана одна работа[28], в которой предполагалось, что в жидком гелии-3 существуют намагниченные участки – домены, и показано, что это приводит к росту магнитной восприимчивости с уменьшением температуры. Основываясь на соотношении, полученном Мигдалом[29], мы показали, что эффективная масса при низких температурах обладает обнаруженным в эксперименте поведением $m_{eff} \propto \ln(T^*/T)$. Это было не «как Ландау», но содержало достаточно вольные предположения. Опубликованная в иностранном журнале, наша работа сразу была раскритикована, как потом выяснилось, совсем не поделом. Однако охоту продолжать эта критика отбила, тем более что работа в области атомной физики шла успешно, встречая поддержку моего оппонента по ядерной деятельности – АБ.

Идеи антиферромагнетизма жидкого гелия-3, точнее близости его к этому состоянию, пробили себе дорогу позднее, в работах А.М. Дюгаева[30, 31], где наличие обсуждавшейся выше особенности в магнитной восприимчивости было постулировано и подкреплено анализом имеющихся тогда данных эксперимента.

Для меня вся эта история, несмотря на неопубликованность результатов, прошла не без своеобразной пользы. Возможности роста эффективной массы за счёт большой величины магнитной восприимчивости я обсуждал не только с АБ, хотя именно его мнение для меня было наиболее значимым. Моим собеседником стал и профессор Браун, физик-ядерщик из США. Его эта идея заинтересовала, и он рассказал об этом лауреату Нобелевской премии Д. Шрифферу, одному из авторов теории сверхпроводимости. Тому, как потом рассказал мне Браун, эта мысль пригодилась при рассмотрении модельной системы частиц с очень большой эффективной массой. Это сообщение было приятно, но я уже занимался другими вещами. Шриффер же запомнил моё имя, о чём я узнал, когда мы познакомились лично, лет этак через двадцать, в 1992 г. в Париже.

В целом, возвращаясь памятью к этой истории, отмечу, что в ней полностью проявился страх советских

теоретиков, включая АБ, к публикациям и рекламированию работ, не имеющих под собой достаточно строгих теоретических выкладок. Невозможность ответить на вопрос, «каков малый параметр в вашей теории?», отсекал не только неверные, но и вполне полезные работы и вселял страх перед ошибкой.

Требование «малого параметра» по счастью не остановило публикации предположения, что эффективная масса может быть не просто велика, но бесконечна, сигнализируя о переходе в состояние, названное авторами Ферми-конденсатом[32], что представляет собой этакий кристалл из квазичастиц. Первоначально настроенный скептически по отношению к этой идее по причине отсутствия теоретической строгости, я уже давно усиленно участвую в её развитии (см., например, работы с моим участием[33, 34]). Кстати, это занятие хорошо помогает справляться с переживаниями об упущенных возможностях.

Уместно здесь упомянуть про дальнейшее исследование жидкого гелия-3. Оно показало, что снижение температур в сторону абсолютного нуля не превращает его в настоящую Ферми-жидкость Ландау. Напротив, при температуре в 2.6 микрокельвина и давлении в 34 атмосферы в нём была открыта сверхтекучесть[35], за что авторы работы в 1996 г. получили Нобелевскую премию. Теория сверхтекучести жидкого гелия -3 была разработана в основном Леггетом, за что он, вместе с А.А. Абрикосовым и В.Л. Гинзбургом получил Нобелевскую премию в 2003 г. Увлекательную историю развития теории сверхтекучести жидкого гелия-3 можно найти в Нобелевской лекции Леггета[36].

5. Ещё напор, и враг бежит

Вернусь к самому концу 1960-х. Школа молодых ядерщиков, воспитанных в традициях теории конечных Ферми-систем (ТКФС) усилиями АБ уже создана. Ропот несогласных громок, но они не столь, казалось бы, авторитетны, чтобы помешать общегосударственному признанию. Таковым могла быть для академика Мигдала лишь Ленинская премия – высшая научная награда в СССР. Этому награждению не могло, разумеется, непосредственно

препятствовать отсутствию признания со стороны западных ядерщиков. Игнорируемые в рамках ТКФС, они отвечали игнорированием. И оно было поразительно единодушным, о чём говорит полное отсутствие ссылок на работы по ТКФС в наиболее подробной и фундаментальной монографии по ядерной физике О. Бора и Б. Моттельсона¹⁷, появившейся в 1969 г. [37].

Резко отрицательные суждения о ТКФС я слышал и в личных разговорах с О. Бором и Дж. Брауном, с которыми к тому времени был уже неплохо знаком, на конференции по физике ядра в Дубне в 1968 г., которую проводил профессор В. Соловьёв. Кстати, для меня там места не хватило, и я получил аккредитацию, только когда американские физики включили меня в свою группу, сказав об этом Соловьёву.

Итак, наступал подходящий момент для получения Ленинской премии за ТКФС. Выдвигали на её соискание институты, возможно даже министерства и Академии наук, союзные или республиканские. После некоего предварительного рассмотрения, Комитет по присуждению Ленинских премий публиковал в газете «Известия» список соискателей, или, говоря сегодняшним языком, номинантов. Желающих, тем самым, приглашали выступить со своими замечаниями – «за» или «против» соискателя. Насколько знаю, от этого давно отказались – нечего кому ни попадя лезть со своим, никому не интересным, мнением. Словом, «что было – то было. Того уж не вернёшь».

Итак, в газете «Известия», № 41 от 17 февраля 1970 г. появился список номинантов, куда входила и следующая позиция: «А.Б. Мигдал, за работу "Применение методов квантовой теории поля к проблеме многих тел и к теории ядра"». Год 1970 был юбилейным и отмечал столетие со дня рождения Ленина. Возможностью высказаться по поводу работы АБ воспользовался профессор Вадим Глебович Носов (1928-2008). Он написал сильнейший отрицательный отзыв на работу АБ. Как-то, критикуя метод

¹⁷ Вместе с Дж. Рейнвотером, они стали лауреатами Нобелевской премии по физике в 1975 г. за так называемую обобщённую модель ядра.

публичных выступлений как эффективный инструмент научной полемики, он передал мне своё письмо в Комитет по Ленинским премиям[38]. Сам В.Г. Носов был блестящим специалистом, с глубокой интуицией и обширнейшими знаниями в области физики. В дополнение к этому, он имел весьма трудный характер и редкую научную принципиальность в отстаивании своей точки зрения. Последнее сказывалось и сказывается на оценке его работ. Из своего письма он не делал секрета. Главный посыл его отзыва сводился к следующему абзацу:

«...было бы ошибкой считать, что распространение таких приёмов, как техника функций Грина и графический метод, на область столь своеобразную, осуществляется чуть ли не автоматически. Нет, это не чисто техническая задача и не инженерного типа расчёт. В данном случае скольконнибудь плодотворное, результативное внедрение новых формальных методов требует огромного творческого напряжения и оригинальных физических идей. Недостаточно самокритичный подход и слишком большой упор на формальный математический аппарат, рассматриваемый как нечто самодовлеющее, физических результатов тут не обещает. Без одухотворяющей физической идеи подобное дело легко может выродиться в бесполезное жонглирование формулами. К сожалению, нечто подобное произошло и с работами принадлежащего А.Б. Мигдалу цикла, о котором идёт речь».

Тщательно продуманное и блестяще написанное, это письмо в очень сильной форме суммировало голос несогласных с ТКФС. Оно, насколько знаю, трижды зачитывалось на заседаниях комитета и сыграло важную роль при голосовании, не поддержавшем Мигдала.

Практически уверен, что АБ знал о письме и, вполне возможно, читал его. Он и Носов работали в одном институте Атомной энергии, в одном его отделении. Возможно, АБ был начальником Носова, во всяком случае – уровня начальника. Но прекрасно понимал абсолютную принципиальность соображений Вадима Глебовича, бесконечно далёкого от заспинного интриганства. Поэтому

никаких карающих и мстящих действий в адрес Носова не предпринял.

Однако, глядя сегодня на список физиков, лауреатов Ленинской премии 1970 г., я думаю, кому из них открыл дорогу своим письмом В.Г. Носов. Ведь, устраняя одного, он неизбежно, по закону сохранения всего и вся, помогал другому. Хочу, однако, верить, что это не его усилия позволили академику А.А. Логунову, позднему борцу с теориями относительности, стать тогда лауреатом. Тот, к счастью, получил премию как директор Института физики высоких энергий, вместе с четырьмя сотрудниками, за создание в Серпухове протонного ускорителя на 70 Гэв. Странно, что, обсуждая уже сыгравшее свою роль письмо, мы не говорили о законе сохранения, т. е. о том, что оно кому-то открыло дорогу совершенно без должных, как показало время, оснований. Не дорос я тогда до понимания этой сложности мира сего.

То ли чувство обиды за не награждение и перманентную критику, то ли ощущение того, что задачи ТКФС для него исчерпалась, но АБ в 1971 г. уходит из института имени Курчатова и переходит в небольшой, но знаменитый институт теоретической физики им. Л.Д. Ландау, если правильно помню, старшим научным сотрудником. Возможно, он справедливо полагал, что бывшие «новобранцы» ТКФС повзрослели, и не нуждаются в его опеке. Кстати, вскоре некоторые из них начали из ядерной физики уходить, меняя, так сказать, профессию и прокладывая свою собственную дорогу, притом весьма успешно. Шок от свободы, обретённой неожиданно и непрошено, у них прошёл, и у неё обнаружили свои прелести. Возможно, АБ полагал, что пора «рожать новых», или дать себе перерыв, занявшись какой-нибудь иной областью. У него даже был замысел провести эдак с годик, занимаясь изучением океанов, и был разговор, о том, что он присоединится к подходящей научной экспедиции.

Чем кончилась история про океан, не помню, но про необходимость «рожать новых» знаю. Ведь именно в это время у АБ вспыхнула новая научная страсть – «пионная конденсация»[39, 40] – ПК. Замечу, что АБ не бросил тут же

в одночасье ТКФС. Просто он резко перенёс центр тяжести. А по ТКФС вышла, в виде второго, кардинально переработанного издания, книга (см. [19]). Много в ней добавилось и изменилось по науке, но, увы, принцип «до меня был потоп» – сохранился. Иначе не объяснить появление утверждений, подобных следующему: «В однородном внешнем поле может быть использовано взаимодействие при $q = 0$. В конечной системе требуется знать взаимодействие при волновых векторах не внешнего, а эффективного поля, т. е. в интервале волновых векторов $q \sim p_0$. На это явление впервые обратили внимание Саперштейн и Ходель в 1967 г.». Помилуй Бог, так о чём же ещё твердила уйма «ретроградов» из конференции в конференцию задолго до 1967? Именно об этом, притом со дня официального рождения ТКФС!

Уже первые разговоры о пионной конденсации не оставили сомнения в том, что «всё опять повторится сначала». АБ обнаружил, что при распространении пи-мезона в ядерном веществе он существенно «теряет в весе». Оказалось, что его эффективная масса может вместо 140 Мэв для свободного пи-мезона обратиться в нуль или стать даже мнимой. Если такое бы имело место, это означало бы, что модифицированные мезоны, или, точнее, квазимезоны, могут самопроизвольно порождаться в ядре, поскольку на подобный процесс не тратится никакой энергии. Оказалось, что эти свободно рождённые пи-мезоны, согласно оценкам АБ, заполняют ядро не равномерно, а образуют своего рода кристалл с периодом, примерно равным расстоянию между нуклонами. Бывшие «новобранцы ТКФС» стремительно восприняли изменение в вероучении. Появились и те, из вчерашних студентов, кого уместно называть «новобранцами Пионной Конденсации»

Помню первое впечатление о докладе АБ на эту тему на семинаре теоретиков ФТИ – слушая, я просто ненавидел, но не докладчика, а себя. Ведь то, о чём сообщалось, было вполне сродни, по сути дела, просто той же неустойчивостью, которую АБ считал смертным грехом в нашей с Киржницей двухпараметровой модели [2, 3]. Нам просто надо было говорить о кристаллизации нуклонного

вещества, как и рекомендовал мне Б.Т. Гейликман, и не было бы того «стягивания» ядра, в котором нас обвинял АБ. Да и вообще, как я, дурак, не догадался досмотреть задачу о прохождении пи-мезона! Я занимался ею, изучал движение чего угодно через ядерное вещество и не заметил простой особенности! Воистину, смотрел в книгу... Конечно, увидел, что масса пи-мезона убывает, а «подкрутить» ядерные параметры и сказать, что неустойчивость может возникнуть при иной плотности, чем ядерная, не догадался. Чтобы успокоиться, я повторял себе – «ты не он, есть между вами масштабная разница»¹⁸. Вскоре АБ предложил другой вариант теории, где выходило, что, весьма вероятно, эта конденсация уже есть в нормальных, существующих всюду, ядрах. Здравсьте, пожалуйста! Выходит, «говорим прозой», и не знаем об этом. Это было уже слишком и явно настораживало.

Более внимательное рассмотрение показало, что в теории АБ есть существенные дефекты. К примеру, не учитывалось, что ранее использовавшиеся в ТКФС параметры взаимодействия уже должны учитывать обмен пи-мезонами. Странно было, что эти явные дефекты тут же не были отмечены сотрудниками Мигдала, ещё вчера не видевшими никаких «дыр» в описании нормальных ядер с помощью ТКФС. Как обычно, АБ возражений не слушал, но теперь уже сходу не относил несогласного к идиотам. Мы с М.Ю. Нестеровым довольно быстро написали критическую статью, смысл которой был прост – ПК в ядрах нет, быть не должно, и не может. Что касается других плотностей ядерного вещества, то обсуждение там не может основываться на ТКФС – все параметры взаимодействия

¹⁸ Сходное чувство испытал через 20 лет в Копенгагене на конференции по теории многих тел, когда, в ходе дискуссии противоречивого доклада, председательствующий Дж. Шриффер своими замечаниями реагировал на сказанное мгновенно. Я явно не успевал, хотя думал о том же, и злился. «Вот разница между Нобелевским лауреатом и простым человеком», – сказал я сидящему рядом А.А. Абрикосову, тогда ещё не лауреату. «Успокойтесь, Мирон. Вы ведь слышите эту работу впервые, а Шриффер – уже несколько раз», – ответил он.

иные. Написать-то написали, но с отправкой в печать я не торопился, поскольку в памяти живы были впечатления о бурном, пусть лишь по видимости, столкновении с АБ десятилетней давности. Словом, пока «я всё думал, думал, думал – посылать – не посылать», это за нас сделал Джерри Браун (подробности см. в его обзоре[41]).

Как и в случае с ТКФС, иностранцы оказались «не на высоте», особенно лауреат Нобелевской премии по физике Т.Д. Ли, приведший некоторые аргументы в пользу того, что нуклон в ядре может полностью «раздеваться», теряя массу до нуля. В результате в ядре оказывалось возможным самопроизвольное порождение нуклон – антинуклонных пар без затрат энергии, и их кристаллизация. Доводы в пользу своей картины Ли подробно разъяснил в[42]. В применение к обычным ядрам и это было не убедительно. Полную картину Пионной Конденсации АБ развил в обзоре[43].

В общем, атака на традиционное ядро была опять отбита, но примечательно, что интереснейшая идея фазового перехода в каких-нибудь гипотетических ядроподобных объектах необычной плотности, нейтронных звёздах, кварк-глюонной плазме и т. п. – жива. К пионной добавилась и каонная, по имени К-мезона, конденсация. Вообще, поиск в Гугле на *pion condensation* дал 426 000 ссылок!

Тема явно не исчерпалась, в доказательство чего приведу часть аннотации совсем недавней статьи[44]:

«Идея конденсации π -мезонного поля в ядерной материи была предложена давно. Однако было установлено, что нормальная ядерная плотность слишком низка для конденсации π -мезонов. Поэтому π -конденсация никогда не наблюдалась. Недавние экспериментальные и теоретические исследования высокотемпературных сверхпроводников обнаружили конденсацию магнонов, эффект, полностью аналогичный π -конденсации».

Хорошо, что история развивается подобно старому анекдоту, в котором раввин двум спорящим, выражающим противоположные суждения, говорит каждому: «Ты прав!». «Этого не может быть, ребе, чтобы оба они были правы!», – воскликнул третий, и услышал в ответ: «Ты тоже прав».

6. Корни и степени

Этническое происхождение, еврейство, не было для АБ ни досадной обузой, о чём читаешь, увы, в ряде биографий великих из творческого цеха, ни чем-то второстепенным, вроде случайно купленного костюма. Проблема корней была для него важна. Говорю это на базе многих личных разговоров, где затрагивалась и тема еврейства, и тема Израиля, притом, не только его физики, но и остальной жизни. АБ определённо был сторонником этой страны, и все его симпатии в нелёгкой борьбе на Ближнем Востоке были на её стороне. Мигдал был не единственным, для кого не столько политики, сколько люди, сочетавшие замечательные достижения в науке с военно-государственной деятельностью, такие, как выдающийся физик и заместитель начальника военной разведки Юваль Нееман или известнейший археолог, начальник генерального штаба израильской армии Игаль Ядин, символизировали Израиль и вызывали к нему глубочайшее уважение.

Впервые, АБ оказался в Израиле, когда его пригласили в институт им. Вейцмана на конференцию, посвящённую двадцатилетию со дня смерти крупного ядерного физика А. Де Шалита. Мигдал был и в Иерусалиме, включая старый город. Это был самый разгар первой интифады, в старом городе легко было стать жертвой арабских юнцов – камнеметателей, или даже угодить в более серьёзную переделку. Мигдал не выказывал ни малейшего признака страха, ходил там довольно долго. Был он и на Мёртвом море. Буквально со слезами на глазах говорил он о давно виденных картинках этого моря, где люди могут, лёжа на воде, читать газету. «Не думал, что доживу до этого момента», – сказал он.

Считаю нужным здесь об этом сказать потому, что вижу в этнических корнях важнейший элемент формирования личности. Для меня печально, что этот вопрос был просто пропущен, думаю, сознательно, в воспоминаниях, посвящённых другому близкому мне человеку – знаменитому физики Уго Фано. Еврейство Фано, столь важное для него, несмотря на крещение в молодости, о

котором он горько сожалел в зрелые годы, из его посмертной биографии исключили. Фано был отнюдь не безразличен к своим этническим корням, которые отражались даже в совпадении его фамилии с названием городка в Италии.

Боюсь, Мигдал не знал, что его фамилия в переводе с иврита означает «башня». Это значение, в применении к АБ, символично. Он говорил мне, что фамилия ещё его деда была Мигдалов, т. е. давно была русифицирована, но затем окончание отбросили.

Вернусь, однако, в русло воспоминаний. С началом описанной в предыдущем разделе эпохи пионной конденсации совпала моя личная проблема: в 1972 г. я собрался, наконец, защищать докторскую диссертацию. Она была посвящена исследованию многоэлектронных эффектов в атомах. Лично я считал себя не только давно созревшим, но и перезревшим, а результаты диссертации – несомненно верными. Но всегда у кого-нибудь могут быть сомнения, для прояснения которых, если этот «кто-нибудь» заметная фигура, надо выступить с докладом. Иногда доклад требуют, чтобы просто соискатель «знал своё место», и понимал, «кто есть кто». Так или иначе, но видный теоретик, заведующий соседнего, в основном территориально, сектора проф. Л.Э. Гуревич потребовал, чтобы я выступил у него с докладом. А они потом решат, гоюсь я в доктора или нет. Я заартачился. «Пусть они меня приглашают как гостя-докладчика, для своего просвещения, а не для апробации, для которой в соседний сектор ходить не нужно», – говорил я. Мой начальник давил, сколько мог, но я упёрся. И решил вместо соседей поехать в Москву к Мигдалу.

Решил, что мимо него не пойду. Сможет и захочет «дать по морде» – пусть даст. Но при этом хоть получу оплеуху от бесспорно достойнейшего противника. Мы свыше часа говорили у АБ дома о диссертации, он сам написал замечательный отзыв без всяких моих заготовок – «рыб». Потом, двумя короткими звонками он организовал мне двух оппонентов – академика АН УССР А.И. Ахиезера и проф. В.М. Галицкого. Курьёзно, но главной проблемой было найти машинистку, чтобы отзыв напечатать, поскольку

АБ поздно вечером куда-то уезжал. Но нет непреодолимого в момент получения хорошего отзыва.

После диссертационных дел мы довольно долго и откровенно говорили о политике – академической, и простирающейся далеко за её рамки. АБ был совсем не чужд этой проблематике. Совсем не убеждённый демократ в науке, Мигдал не случайно оказался среди тех, кто подписали ещё в далёком 1955 г. знаменитое письмо 300 – протест против существования лысенковщины и той чрезмерной власти, которую имел академик Т.Д. Лысенко в биологии.

Имея отзыв Мигдала и таких оппонентов, мне нечего было беспокоиться о реакции соседей по институту – она была вторична и predetermined. Блестящий физик, А.И. Ахиезер был оппонентом, которого интересовала суть работы, а не мелочи. Он также оказался незабываемым рассказчиком. Вечером, после защиты, в «хрущёвке», набитой людьми так, что нам с женой сидячего места не досталось, он делился своими впечатлениями о друзьях-товарищах, артистически пользуясь при этом и нецензурщиной. Главным героем историй был Л.Д. Ландау, но не обойдён вниманием оказался и «сосватавший» нас АБ.

История с отзывом, нередкие встречи в Физтехе и ежегодные – в школах ядерной физики, обусловили то, что, когда через четыре года меня пытались выгнать с работы, первым, к кому я обратился за советом и помощью, был АБ. Наказание было за то, что одного из членов моей группы обвинили в шпионаже в пользу США и передаче совершенно секретных материалов о гамма-лазере, устройстве для создания пучков излучения фотонов большой энергии, американскому консулу в Ленинграде. Замечу, что гамма-лазер не создан и до сих пор. Обвинение было смехотворным, а наказание – пятнадцать лет тюремного заключения, которые приговорённый отбыл от звонка до звонка, с 1975 по 1990 – было от смехотворного крайне далеко.

Я считал своё увольнение неосновательным, но как сопротивляться – не знал. Рассказав АБ ситуацию, услышал в ответ рекомендацию, взятую одним из эпитафий этих

воспоминаний: «Надо заставить их собачьи законы действовать против них самих». Комбинация «их» и «собачьи» немало говорит о политических взглядах Мигдала.

Он дал мне чёткий совет – не идти ни на какие соглашения типа перехода на другую работу, временного ухода из Института, а требовать соблюдения законов о труде. Он также рекомендовал чётко заявить о своей готовности защищаться от незаконного увольнения в суде, где свести вопрос об увольнении к его чисто научному аспекту. Для этого следовало заручиться свежими отзывами о работе, и я посетил, с реальной, чисто научной пользой для себя, ряд исследовательских центров. Рекомендации «ты людям все расскажи на собрании» придерживаюсь до сих пор. АБ также поговорил с руководством теоретиков Физтеха, ясно выразив мне свою полную поддержку. Вскоре проблема увольнения рассосалась, и решающую роль здесь играла позиция Мигдала и В.Н. Грибова.

7. Я люблю, тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно.

Широко известно, что Мигдал увлекался розыгрышами других, но иногда и сам становился их объектом. Я знаю, однако, лишь один розыгрыш, попавший на пуританские страницы научного журнала. Имею в виду статью Я.Б. Зельдовича и В.С. Попова «Электронная структура сверхтяжёлых атомов», опубликованную в Успехах физических наук, том 105, стр. 403 за 1971 г. Введение к этой статье кончалось абзацем: «Любопытно, что правильный ответ на вопрос о значении теории строения материи дан полвека назад русскими поэтами. В последние годы стало модным противопоставление физиков и лириков. Налицо утрата глубокой сопричастности художника к научному прогрессу. Между тем когда-то, в 20-е годы, теория относительности и строение атома глубоко волновали воображение всех мыслящих людей. Валерий Брюсов в чеканных стихах рисовал планетарную систему атома, предвосхищая некоторые современные идеи о структуре частиц. Но еще примечательнее ощущение тесной связи между теорией микромира (поэт-словотворец

называет эту теорию «атомосклад») и космосом, выраженное в двустишии Велимира Хлебникова:

*Могучий и громадный, далек астральный лад.
Ты ищешь объясненья – познай атомосклад»¹⁹.*

Статью я заметил сразу, как близкую моим интересам, и восхитился широтой воззрений авторов. Поскольку в примечании к двустишию было указано «Разыскания Я.Б. Зельдовича», у меня не оставалось сомнения в какой-то проделке. Почти сразу дешифровал из первых букв первой строки имя «Мигдал». Но что же такое «Тиопа» из второй? Ещё напор, и стало ясно, что имелось в виду вместо двух слов «Ты ищешь» одно – «Желаешь». Вот эту «жопу» из второй строчки, как оказалось, и модифицировала редакция журнала, сама или по представлению бдительной цензуры).

Мигдалу поэтическое восприятие мира было столь свойственно, что упомянутое выше стихотворение В. Брюсова «Мир электрона» считаю уместным привести здесь полностью:

*Быть может, эти электроны –
Миры, где пять материков,
Искусства, знания, войны, троны
И память сорока веков!
Ещё, быть может, каждый атом –
Вселенная, где сто планет;
Там все, что здесь, в объёме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.
Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.
Их мудрецы, свой мир бескрайний
Поставив в центре бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;*

¹⁹ Здесь в статье шло примечание: «Разыскания Я.Б. Зельдовича».

*А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат, в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч загасил!*

Долгое время полагал, что этот розыгрыш был неспровоцированной агрессией великого физика Я.Б. Зельдовича. Оказалось, он лишь отвечал на атаку АБ. Случайно наткнулся в интернете на статью Владимира Успенского «Требуется секундант». Оттуда выяснилось, что «разыскания Зельдовича» были специалистами по Хлебникову восприняты куда серьёзней, чем мной. Из этой статьи я узнал, что был научный семинар, где Зельдович выступал со своей новой теорией, а другие участники, как водится, его весьма резко критиковали. И тут принесли телеграмму поддержки Зельдовича от самого В. Гейзенберга, одного из создателей квантовой механики. Соотношение сил спорящих менялось прямо на глазах, Зельдович ликовал, и тут присутствующий Мигдал предложил сложить первые буквы слов телеграммы. Получилось *Vi vse duraki*. Нет, что ни говори, неплохо шутили наши научные предки.

Почти каждый год АБ приезжал на Зимнюю школу, которую проводил Ленинградский институт ядерной физики для повышения квалификации научных работников. Помимо высочайшего уровня научной программы, она имела и уникальную культурную. АБ участвовал в обоих и как лектор, и как слушатель. Непринуждённая обстановка школы, дневные лыжные походы, семинары до полуночи оставляли много времени для личных контактов.

Помню его рассказ о методике научной работы, с умственным напряжением на грани психологического срыва, когда в голове нет ничего, кроме обдумываемой задачи. Он говорил о том, что в это состояние – близкое к срыву, следует себя вводить, если хочешь решить трудную для тебя задачу. Я ловил себя на мысли, что многие годы старался засыпать, думая о задачке, и приучился в результате к широкому спектру снотворных.

Памятна история и про то, как АБ писал книги, сначала неохотно, под давлением обстоятельств, а затем всё

с большим интересом, втягиваясь в этот процесс, но после каждой, тем не менее, обещая с этим отвлечением от основной работы покончить.

Помню, как, осуждая не слишком благовидный поступок коллеги, он дал ему объяснение: «Идей не было, а желание опубликовать статью – было. Пришлось стащить». Помню его урок: «Не надо стремиться сделать открытие. Вреден выбор работы по кажущейся перспективности направления. Надо решать задачу, которая интересна. Открытие – оно либо придёт, либо нет. А вот работать надо постоянно». Эти высказывания вспоминаю часто, в связи с постоянно идущими с научно-административного «верха» рекомендациями сосредоточить усилия на «перспективных направлениях».

Помню историю, как он загорал в горах, а рядом парень говорил своей девушке о том, почему небо голубое, и упомянул, что рассеяние света обратно пропорционально кубу его частоты. «Я сказал ему, что не кубу, а четвёртой степени, поскольку куб нарушал бы инвариантность относительно отражения времени. И девушка на него уже больше не смотрела», – рассказывал АБ, и мы знали, куда она смотрела теперь. Помню как в год своего семидесятилетия он говорил, что не чувствует возраста, и желание жить сильно, как всегда.

Мигдал проявлял завидную осторожность в оценке непонятных явлений. Так, он рассказывал на школе про своё знакомство с знаменитой целительницей Джуной, когда отказался дать оценку её «необычайным» способностям, если на сеансе одновременно с ним не будет присутствовать знаменитый иллюзионист Акоюн. Примечательно, что Джуна от такой компании отказалась! Многие маститые учёные были далеко не столь осмотрительны, нередко своими регалиями помогая, пусть и невольно, распространению псевдонауки.

На Школе я слышал доклад АБ, где впервые критиковался Ландау, чья категоричность в суждениях и сложившийся, пусть и на основе несомненных огромных заслуг, культ личности, принесли физике в СССР определённый вред. Именно в этой связи от АБ я прилюдно

услышал слова о пользе свободы в науке, о том, что публиковать можно не только заведомо правильное. АБ говорил, что пуританство и крайняя требовательность строгой теоретической обоснованности в определённой мере мешает, а не помогает развитию физики как единой науки²⁰. Я видел в этом повороте АБ «тлетворное» влияние Запада, с которым связи, в том числе и научные, становились всё теснее.

Школа располагала к вольности беседы, и как-то я попрекнул видных учёных СССР за то, что их выступления за запрет ядерного оружия есть апологетика правительственной линии, тогда как американские учёные, добиваясь запрета этого оружия, выступают против своего правительства. Откровенно говоря, я считал такую позицию видных научных работников СССР просто аморальной, открыто и необъективно про-правительственной. Мигдал легко мог просто поставить меня на место, указав, грубо говоря, что позиция верхов Академии наук – не моё дело. Он так не поступил. Но дискуссия, не очень короткая, не принесла мне успеха. Все попытки заставить Академию через конкретного академика смелее отмежеваться от своей власти, даже по существу уже не своей, встречали терпеливое, но упорное сопротивление.

На Зимней школе произошёл инцидент, показавший способность АБ быть независимым арбитром даже во вред своему ученику. Во время одного доклада, в основе которого лежала подготовленная к защите докторская диссертация, я обнаружил в ней кардинальную ошибку, что называется – с первой строки. Разумеется, автор не слушал доводов, «закрывавших» его работу. После бесплодного препирательства «верно-неверно», пошли к АБ, как к третьей стороне, хотя речь и шла о работе его ученика. После недолгого размышления он кончил дискуссию

²⁰ В этой связи вспоминаю, как слушал на конференции Американского физического общества в 1991 г. доклад Н. Рамзая о своей работе, за которую он получил Нобелевскую премию. Его рассуждения, позволившие сделать открытие, казались мне просто неверными, но это ведь он был лауреатом!

коротким приговором в мою пользу, оставив своего сотрудника наедине с непростой проблемой выхода из создавшегося положения. Выход спустя какое-то время был найден. Но поведение АБ, без ожидавшегося мною «наших не трожь», меня приятно поразило.

8. Заключительные замечания

Иногда я жалел, что ушёл, не без толчка со стороны АБ, из ядерной физики и на столь много лет, почти навсегда, застрял в физике атомной и прилегающих к ней районах. Говорят, что «лучше быть первым на селе, чем последним в городе». В применении к науке это не совсем так, или совсем не так. Несколько лет назад я прочитал у выдающегося израильского физика-теоретика и крупнейшего государственного и военного деятеля профессора Юваля Неемана замечание о том, что перейдя из первоклассного Калифорнийского технологического института на лучшую позицию в сравнительно слабый коллективом физической департамент Института сельского хозяйства и механизации²¹ в Техасе, он совершил просто роковую ошибку. Не применяя прямо к себе это соображение, и не сопоставляя интеллектуальный уровень разных людей и разных отраслей, замечу, что принцип «лучше с умным потерять, чем с дураком найти» имеет общечеловеческое и универсальное значение. И дело не только в школе, но и самой обстановке, которая окружает человека выдающегося, тех проблем и вопросов, которых неизбежно касаешься, общаясь с ним. А Мигдал был человеком выдающимся, и это впечатление о нём с годами у меня лишь усиливается.

За двадцать лет после смерти его имя в науке совсем не стёрлось. Весьма эффективный искатель *Google scholar* даёт на АВ Migdal 12 800, на VL Ginzburg 27 000, на АА Abrikosov 19 300, и на VN Gribov 9 700. Сколь это много, легко почти каждому ощутить, сравнив с собой. Такой результат не случаен – АБ был и остался блестящим мастером теоретической физики.

²¹ Это университет с весьма приличным рейтингом, но, разумеется, не Калифорнийский технологический институт.

Другое дело, что капризная мать-природа не пошла ему навстречу. Это уже вопрос удачи. О её признанной роли свидетельствует эпизод на банкете, посвящённом пятидесятилетию Физико-Технического института им. Иоффе, в 1968 г. Уже изрядно разогретые, кружком собрались теоретики. Помню Мигдала, Зельдовича, Грибова. Обсуждалось, что определяет успех в научной работе. И вот эти талантливейшие люди на первое место поставили не блеск дарования, а удачу, везение. Разумеется, они сознавали, что «удача не приходит к тому, кто ищет её вслепую»²². Но сознавали они и фольклорное «непруха выше интеллекта».

Подводя итоги жизни А.Б. Мигдала, можно сказать, что он не осуществил своего желания или предназначения – физический мир не стал «носить пальто в форме сарафана». Но он оставил яркий след в физике, проявил себя как крупный учёный и состоялся как выдающаяся личность. А это совсем не мало.

Заканчивая статью, отвечу на вопрос, кому я её адресовал. Для специалиста она слишком проста, обходит выкладки и доказательства, для неспециалиста – наверное, чересчур трудна, поскольку содержит многовато физики и маловато околофизических историй. Выходит, я писал её только для себя? Возможно и так. Но я не мог не сделать этого во имя памяти близкого мне человека, которым восхищался и с кем нередко враждовал, во имя памяти тех для меня замечательных дней, которые, как это ни банально звучит, уже не вернутся. А может, это заинтересует и кого-нибудь ещё.

9. Благодарность

Выражаю свою глубокую признательность проф. В. Крайнову, сотруднику и соавтору А.Б. Мигдала, предложившему мне написать воспоминания. Однако я не совсем уверен в том, что получилось нечто, им ожидавшееся.

²² Цитирую по памяти «Иду на грозу» Д. Гранина.

Список литературы

1. К.А. Brueckner, J.L. Gammel, Phys. Rev., 109, 1023, 1958.
2. Г.М. Ваградов, Д.А. Киржниц, ЖЭТФ, 38, 1499, 1960.
3. М.Я. Амусья, ЖЭТФ, 41, 2(8), 429, 1961.
4. Л.Д. Ландау, ЖЭТФ, 30, 1058, 1956; 32, 59, 1957.
5. В.М. Галицкий, А.Б. Мигдал, ЖЭТФ, 34, 139, 1958.
6. R.Schiavilla, R.V. Wiringa, Steven C. Pieper, and J. Carlson, Phys. Rev. Lett. 98, 132501-1:4, 2007.
7. Л.Д. Ландау, ЖЭТФ, 34, 262, 1958.
8. М. Ya. Amusia, V.R. Shaginyan, The European Physical Journal, A 8, 1, 77-80, 2000.
9. И.Я. Померанчук, ЖЭТФ, 35, 524, 1958.
10. М.Я. Амусья, ЖЭТФ, 43, 1(7), 287, 1962.
11. М.Я. Амусья, ЖЭТФ, 41, 3(9), 942, 1962.
12. А.И. Ларкин, А.Б. Мигдал, ЖЭТФ, 44, 1703, 1963.
13. А.Б. Мигдал, А.И. Ларкин, ЖЭТФ, 45, 1036, 1963.
14. А.В. Migdal, Nucl. Phys., 51, 561, 1964.
15. М. Amusia, Nuclear Physics, 56, 305, 1964.
16. М. Ya. Amusia, Phys. Lett., 14, 1, p. 36, 1965.
17. М. Амусья, J. Tech. Phys. (USSR Akad. Sci.), 36, 8, p. 1409-1415, 1966.
18. М. Амусья J. Tech. Phys. (USSR Acad. Sci.), 36, 8, p. 1416-1425, 1966.
19. А.Б. Мигдал, Теория конечных Ферми-систем и свойства атомных ядер, Москва «Наука», Главная редакция физико-математической литературы, 1965, Второе издание – 1983.
20. М. Ya. Amusia, Phys. Lett., 16, 3, p. 254, 1965.
21. М. Ya. Amusia, Phys. Lett., 20, 6, p. 596, 1966.
22. М. Ya. Amusia, Letters to J. Exp. Theor. Phys., (USSR Acad. Sci.), 8, 2, p. 86, 1968.
23. A.W. Overhauser, Phys. Rev., 128, 1437, 1962.
24. N. Fukuda, F. Iwamoto and K. Sawada, Phys. Rev., 135, 932, 1964.
25. W.R. Abel, A.C. Anderson, W.C. Black, and J.C. Wheatley, Phys. Rev., 147, 111, 1966.
26. A.L. Thomson. H. Meyer and E.D. Adams. Phys. Rev. 128, 509, 1962.
27. W.R. Abel. A.C. Anderson, W.C. Black and J.C. Wheatley, Physics 1, 337, 1965.
28. М. Ya. Amusia, V.E. Starodubsky, Phys. Lett. A, 35, 2, p. 115, 1971.
29. А.В. Migdal, Nucl. Phys. 30, 239, 1962.
30. А.М. Дюгаев, Письма в ЖЭТФ, 23, 3, 156-161, 1976.

31. А.М. Дюгаев, ЖЭТФ, 70 (6), 2390-2407, 1976.
32. В.А. Ходель, В.Р. Шагинян, Письма в ЖЭТФ, 51, 488, 1989.
33. М.Ya. Amusia and V.R. Shaginyan, Phys. Lett., A259, 6, 460, 1999.
34. V.R. Shaginyan, M. Ya. Amusia A. Z. Msezane, and K. G. Popov, Physics Reports, 492, 2-3, 31, 2010.
35. D. D. Osheroff, R.C. Richardson, D.M. Lee, Phys. Rev. Lett. 28, 885, 1972.
36. Э.Дж. Леггет, УФН, 174, 11, 1256, 2004.
37. А. Бор и Б. Моттelson, Структура атомных ядер, Москва, «Мир», тт. 1-3, 1971-1977. (*Nuclear Structure. The first volume, Single-Particle Motion*, 1969, the second volume, *Nuclear Deformations*, 1975).
38. В.Г. Носов, В комитет по Ленинским премиям в области науки и техники, март 1970 г., не опубликовано.
39. А.Б. Мигдал, ЖЭТФ, 61, 2210, 1971.
40. А.Б. Мигдал, ЖЭТФ, 62, 1993, 1972.
41. W. Weise and G.E. Brown, Phys. Reports, 27C, 1, 1976.
42. T.D. Lee, Rev. Mod. Phys., 47, 267, 1975.
43. A.B. Migdal, Rev. Mod. Phys., 50, 107, 1978.
44. O.P. Sushkov, Physics of atomic nuclei, 72, 8, 1340, 2009
Москва – Санкт-Петербург – Иерусалим. 24.02.11

Габриэль Мерзон

Таланты и «поклонники»

Поднадзорная наука

К истории ФИАН

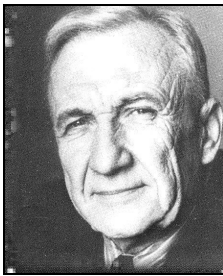
Главное здание ФИАН на Ленинском проспекте 53

Кнут и пряник

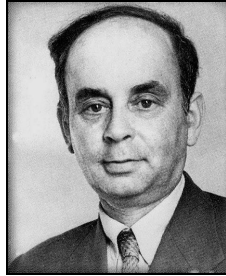

Наука и власть, власть и наука. Их противостояние известно ещё со времён Галилея и Джордано Бруно. В нашей стране наука нужна власти, поскольку генерирует новые технологии (в первую очередь, военные) и поднимает престиж государства. Основное предназначение науки – понять, как устроен окружающий нас мир – не очень заботит власть. Она обеспечивает науку материальными ресурсами, созданными трудом всего народа, и решает, сколько средств потратить на нее и как их распределить. За это власть ждёт от учёных полной лояльности.

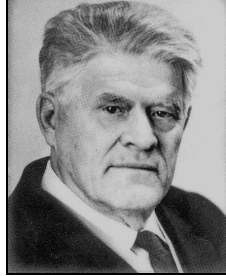
В советское время отношения власти и науки принимали особые формы. Между ними как бы существовал негласный общественный договор. Власть финансировала научные исследования и тем способствовала развитию науки. Учёные же своими разработками повышали обороноспособность и технический потенциал СССР, проявляя полное согласие с «линией партии и правительства». При этом должны были безоговорочно выполняться все указания сверху: от осуждения антимарксистских научных идей западных учёных до участия в субботниках, работах в колхозах и на городских овощных базах, а также в массовых политических митингах и приветственных встречах едущих из аэропорта иностранных коммунистических лидеров.

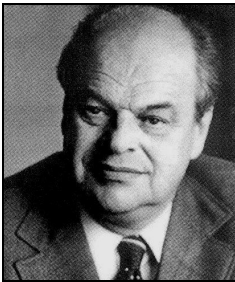
И.Е. Тамм

И.М. Франк

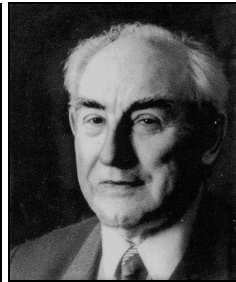
П.А. Черенков

Н.Г. Басов

А.М. Прохоров

В.Л. Гинзбург

Не отваживаясь на анализ всей проблемы, в целом (см., например, 1-7), автор поставил своей целью рассказать о взаимоотношениях советской власти и учёных-физиков на

конкретных примерах и эпизодах из жизни Физического института имени П.Н. Лебедева Академии наук СССР в 50-80-е годы минувшего столетия, т. е. о событиях, свидетелем которых был он сам.

Руководство СССР, бесспорно, понимало важность науки для развития страны. Поэтому ещё в предвоенные годы была создана сеть научно-исследовательских институтов, возрождена система защит кандидатских и докторских диссертаций, учреждены ежегодные правительственные (Сталинские) премии за выдающиеся научные достижения. Учёные поощрялись материально: в конце Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы они получали дополнительный паёк, пользовались специализированными поликлиниками. В 1948 г. Академия наук СССР получила в подарок от правительства страны благоустроенные дачные посёлки в лучших местах Подмосковья (Абрамцево, Луцыно, Мозжинка). Научным сотрудникам была дана возможность вступать в жилищно-строительные кооперативы, а в некоторых случаях даже получать бесплатное жильё.

Но советская власть не принадлежала к числу искренних и преданных поклонников науки. Кроме пряника широко применялся и кнут. В области философских, гуманитарных и биологических наук насаждался сугубо догматический подход: генетика была объявлена «продажной девкой империализма» и подвергнута остракизму, кибернетика считалась лженаукой. Основами науки о языке и экономической науки стали работы Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». Строптивость отдельных учёных, даже обладавших мировым именем, жестко пресекалась. Так, в 1948 г. был снят с работы директор Института физических проблем известный физик, ученик и соратник Э. Резерфорда П.Л. Капица, несогласный с передачей советского атомного проекта под начало Л. Берии.

Инструменты влияния

Физический институт Академии наук (в сокращении ФИАН) известен далеко за рубежами России. Это

единственное в нашей стране научное учреждение, давшее 6 (из 11) отечественных нобелевских лауреатов по физике. Имена этих выдающихся ученых: академиков И.Е. Тамма, И.М. Франка, П.А. Черенкова, Н.Г. Басова, А.М. Прохорова, и В.Л. Гинзбурга знают даже школьники старших классов. А драматическая история жизни лауреата Нобелевской премии мира А.Д. Сахарова известна всему миру.

Учёные ФИАН лауреаты Нобелевских премий по физике

Несмотря на смену поколений, дух научного поиска и увлеченности, взыскательной требовательности к результатам научных исследований и сегодня царят в ФИАНе. Каждый день, входя в его классической архитектуры здание, украшенное колоннадой, которая поддерживает высокий портик, я ощущаю себя в Храме науки и не перестаю благодарить за это судьбу.

ФИАН никогда не был «башней из слоновой кости», и на его деятельности неизбежно сказывались холодные ветры, которыми изобиловала политическая погода в Советском Союзе. Управление наукой осуществлялось специально созданным для этой цели Отделом науки ЦК КПСС. Помимо фундаментальных исследований, которые вела Академия наук, ей полагалось выполнять так называемые правительственные задания по разработке особо важных для страны тем и направлений. Они наиболее щедро финансировались, и их исполнителям полагались солидные премии.

Своё влияние на коллективы учёных КПСС и советская власть осуществляли через партийные комитеты научных институтов, управлявшие партийными организациями лабораторий, а также через отделы кадров. В ФИАНе в начале 1950 годов куратором Отдела кадров был генерал КГБ Смирнов. В середине 1950-х была учреждена должность помощника директора ФИАН по кадрам, которую более 10 лет занимала бывший второй секретарь Свердловского райкома КПСС Москвы Р.Г. Трофименко. «Линию партии» эта грубая и энергичная дама проводила неукоснительно и откровенно. Сотрудники её недолюбливали и посмеивались над ней. Стиль её работы

можно проиллюстрировать такими примерами. Однажды она отказалась зачислить на скромную должность лаборанта молодого человека по фамилии Шапиро, заявив, что один Шапиро (замечательный учёный, специалист по нейтронной физике Ф.Л. Шапиро) у нас уже имеется(?!). Она противилась переводу с Горьковского радиозавода в Теоретический отдел ФИАН талантливого молодого учёного будущего члена-корреспондента Российской Академии наук Д.А. Киржница, а также приёму в ФИАН физика-теоретика Е.И. Волкова. Дирекции ФИАН пришлось действовать через её голову.

Большинство сотрудников ФИАН воспринимали такой порядок вещей как должное. Лишь считанные единицы отказывались соглашаться с ним и пытались сопротивляться диктату власти.

Холодные ветры в храме науки

Для тех, кто не знаком с историей ФИАН, напомню, что институт ведёт своё начало от Физического кабинета императора Петра I. Кабинет был основан в 1724 г., таким образом, ФИАН является старейшим научным учреждением России. В дореволюционное время в его стенах трудились такие всемирно известные учёные как Л. Эйлер, В.В. Петров, М. Якоби, М.В. Ломоносов, Г.-Ф.Э. Ленц, Б.Б. Голицын. В 1920-1930 годы институт возглавляли замечательные российские учёные: П.П. Лазарев, В.А. Стеклов, А.Ф. Иоффе, А.Н. Крылов. В 1934 г. директором ФИАН стал Сергей Иванович Вавилов, и тогда же институт переехал из Ленинграда в Москву, где разместился в здании на Миусской площади, выстроенном в 1916 г. на пожертвования меценатов. Оно предназначалось для лаборатории известного русского физика П.Н. Лебедева, впервые измерившего давление света. Вскоре ФИАНу было присвоено имя П.Н. Лебедева. Современное здание на Ленинском проспекте, 53 институт занимает с 1951 г.

С.И. Вавилов ввёл в тематику Физического института такое новое направление физической науки как физика атомного ядра. Был образован Теоретический отдел, который возглавил И.Е. Тамм. В годы сталинских репрессий конца 1930-х годов четверых сотрудников отдела

арестовали. И тогда, чтобы отвести обвинения от отдела и его руководителя (брат И.Е. Тамма тоже был арестован), учёный совет ФИАН принял мудрое решение: Теоретический отдел упразднить, а теоретиков распределить по лабораториям в помощь экспериментаторам. Заново Теоретический отдел был воссоздан лишь спустя 5 лет в 1943 г.⁸

В 1948 г. С.И. Вавилов принял на себя ещё и бремя президента Академии наук СССР. Говорили, что он пошёл на этот шаг, поскольку альтернативным кандидатом был увенчанный академическим званием сталинский сатрап А.Я. Вышинский, которого опасно было допускать к руководству наукой.

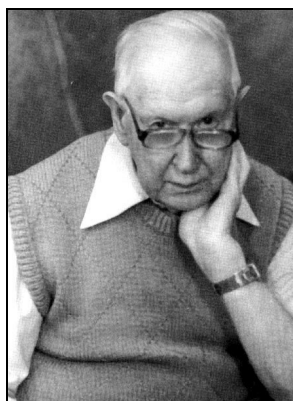
П.Н. Лебедев

С.И. Вавилов

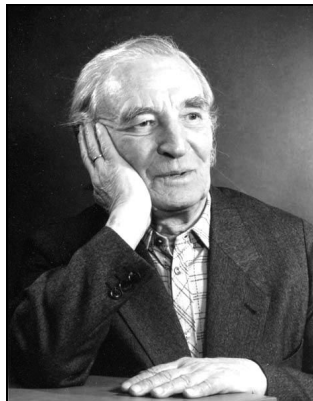
Д.В. Скобельцын

Хотя новейшие области физической теории – квантовая механика и теория относительности – хорошо описывали результаты опытов, они вводили в обиход физики необычные идеи и понятия. Так, например, квантовая механика отвергала представления классической физики о траекториях электронов в атоме и оперировала чисто вероятностными категориями. В теории относительности длина и масса тела оказывались зависящими от его скорости, а факт одновременности событий – от скорости движения наблюдателя. Этого не могли принять некоторые физики старой школы и, тем более, многие философы-марксисты. Последние яростно критиковали обе теории как буржуазные и идеалистические.

Последователей новой физики обвиняли в идеализме, космополитизме, низкопоклонстве перед буржуазным западом. На этом основании, например, был объявлен «махистским» и запрещён превосходный учебник для ВУЗов «Механика» С.Э. Хайкина. Несколько известных учёных ФИАН, преподававших в Московском университете (И.Е. Тамм, Г.С. Ландсберг, М.А. Леонтович), вынуждены были перейти в Московский механический институт (ММИ), который с 1945 г. начал готовить инженеро-физиков для атомной промышленности.

М.А. Марков

Н.А. Добротин

Особенно крепко досталось тогда физику-теоретику ФИАН, будущему академику М.А. Маркову. По просьбе С.И. Вавилова он попытался разъяснить необычные идеи квантовой механики в статье «О природе физического знания»[9], которую в 1947 г. опубликовал журнал «Вопросы философии». Эта блестящая статья не устарела и сегодня. Мы, тогдашние студенты, читали её с захватывающим интересом. Тяжело вспоминать, сколько хулы и огульной критики обрушилось по этому поводу со стороны философов-догматиков на голову М.А. Маркова!

Летом 1948 г. состоялась приснопамятная сессия Академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ). На сессии подверглась разгрому советская биологическая наука. Верх взяли поощрённые Сталиным сторонники

Т.Д. Лысенко, который в 1940 г. сыграл ключевую роль и в аресте выдающегося отечественного биолога Н.И. Вавилова. Итоги сессии в обязательном порядке обсуждались в научных институтах, в том числе и в ФИАН. Здесь собрание вёл С.И. Вавилов, который прекрасно понимал происходящее. Как пишет Ж.С. Такибаев в предисловии к книге[10]. Ю.Н. Вавилова, на вопрос, почему он, президент Академии наук, не защищает честных учёных от нападок лысенковцев, Сергей Иванович ответил: «Когда Вы видите на дороге грязную лужу, то не вступаете туда, а обходите её стороной». Тяжёлые переживания, связанные с арестом и гибелью старшего брата и необходимостью идти по лезвию бритвы во главе Академии наук преждевременно подточили здоровье С.И. Вавилова и свели его в могилу. Он умер от сердечного приступа в начале 1951 г., не дожив и до 60 лет. Поработать в новом здании ФИАН на Ленинском проспекте ему так и не пришлось. После С.И. Вавилова институт возглавил академик Д.В. Скобельцын.

Аналогичный разгром власть готовила и для физической науки. Его всё же удалось предотвратить. Научный руководитель советского атомного проекта И.В. Курчатov заявил Берии, что такое мероприятие помешает созданию в СССР атомной бомбы. Говорили, что по этому поводу Сталин заметил: «Ладно, подождём. Мы ещё до них доберёмся!»

Впрочем, иногда непонимание властью проблем науки шло ей на пользу. Как вспоминал Н.А. Добротин[11], однажды Сталин спросил С.И. Вавилова: «Встречаются ли в природных процессах гигантские энергии, характерные для деления атомных ядер урана?» Сергей Иванович объяснил, что отдельные космические частицы обладают неизмеримо большей энергией. После этого разговора были неожиданно выделены значительные средства на строительство высокогорной лаборатории ФИАН на Памире, предназначенной для изучения космических лучей.

В 1952 г. произошло событие, имевшее прямое отношение к теме нашего рассказа и отразившееся на судьбах ряда научных сотрудников ФИАН. В тот год состоялся XIX съезд Коммунистической партии, на котором

обсуждались проблемы критики и самокритики в советском обществе. В своём выступлении 2-й секретарь Московского городского комитета (МГК) партии Е.А. Фурцева, в частности, заявила: «О какой критике и самокритике может идти речь в Физическом институте имени П.Н. Лебедева, где работают 102 родственника!» Этим выступлением она сделала себе карьеру. Её заметили, она пошла на повышение и вскоре стала 1-м секретарём МГК КПСС, а впоследствии министром культуры СССР. Тезис о засилье родственников в ФИАН (хотя в большинстве своём они и не состояли в прямом подчинении друг у друга) был подхвачен печатью. Журнал «Крокодил» поместил на развороте карикатуру, где многократно обыгрывалась тема: «Дедушка Леонтий и его родственники в ФИАН». В институте шутили, дескать, Е.А. Фурцева забыла упомянуть ещё двух «родственников»: В.А. Петухова и Г.А. Курицо! На самом деле было не до смеха. После этого вмешательства власти ряду научных сотрудников пришлось покинуть институт. Среди них были и такие выдающиеся физики-теоретики как М.А. Леонтович и В.А. Фок, сыновья которых работали в экспериментальной лаборатории люминесценции.

Я попал в ФИАН осенью 1952 г., «по воле Провидения» в лице А.И. Алиханяна, кого не устаю благодарить и спустя почти 60 лет. Меня приняли сюда вопреки неблагоприятным холодным ветрам, которым я мог противопоставить лишь горячее стремление заниматься физикой и две опубликованные научные работы по космическим лучам, выполненные в высокогорной лаборатории «Арагац» в Армении во время дипломной практики. Отдел кадров ФИАН отвергал меня по анкетным данным, но авторитет А.И. Алиханяна в этом противостоянии всё же перевесил. С тех пор моя научная деятельность всецело связана с этим замечательным институтом, где я нашел также верных друзей и единомышленников.

Оттепель

Весной 1956 г. в свет вышла небольшая повесть Ильи Эренбурга «Оттепель», в которой выражалась осторожная надежда на потепление политической погоды в

нашей стране. Повесть, вызвавшая яростную критику приверженцев режима, в частности, придворного писателя М.А. Шолохова, дала имя целой эпохе. Осенью того же года прошёл XX съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Через день после его закрытия состоялось общее собрание сотрудников ФИАН. Вместительный конференц-зал был заполнен до отказа. У дверей дежурили дружинники с красными повязками: посторонних в зал не пускали. Цель собрания была нам не ясна, ждали чего-то значительного, и действительность превзошла все ожидания. Бывший офицер-фронтовик член парткома А.Е. Саломонович громким командирским голосом зачитал закрытый доклад Н.С. Хрущёва с разоблачением культа личности Сталина и преступлений сталинского режима. Помню мысли, пришедшие во время чтения доклада: «Наконец-то всё становится с головы на ноги!» Но обнародование этих фактов приветствовали далеко не все. Многие правоверные члены партии считали, что их сообщать не следовало бы.

Для меня большая часть разоблачений не была новостью. Кое-что я знал ранее, кое о чём догадывался. Но, собранные вместе, они приводили душу в смятение. Переселение миллионов крестьян во время коллективизации, дутые судебные процессы над «врагами народа», репрессии, задевшие сотни тысяч невинных людей, неоправданные потери во время финской и Отечественной войн, выселение целых народов, преследование бывших военнопленных произвели ошеломляющее впечатление. Возникло обманчивое ощущение покаяния власти перед народом. У меня даже появилась мысль о вступлении в партию, мысль, которую жизнь довольно скоро развеяла.

В соседнем Институте теоретической и экспериментальной физики доклад Хрущёва был оглашён на открытом партийном собрании, где группа физиков-партийцев (среди них известный впоследствии правозащитник и член Хельсинкской группы Юрий Орлов) потребовала возврата к ленинским нормам вплоть до вооружения народа для противодействия диктатуре власти. Ответ последовал быстро «и в сапогах». На следующий день

четверо выступавших были исключены из партии (что тогда было равносильно волчьему билету) и уволены с работы. Семеро отделались партийными взысканиями. «Поклонники» по-прежнему командовали талантами. Власть недвусмысленно напомнила, что правом на критику обладает только она сама, и она же определяет меру допустимой свободы.

Письмо, отправленное через 30 лет

Летом 1957 г. я просматривал в библиотеке ФИАН очередной номер американского физического журнала *«The Physical Review»*, где среди прочих публиковались и научные статьи по космическим лучам. Имя автора одной из них и название университета, где он работал, показались мне знакомыми. Во время войны, когда мне было 14 лет, в мои руки попало письмо пятнадцатилетнего американского школьника по имени Росс Редикер, который хотел переписываться со сверстником из России. Он писал, что живет в Калифорнии в городке Пало-Альто, летом работает на консервной фабрике, заменяя ушедших на фронт, и мечтает поступить в Университет Пало-Альто на отделение физики. Ещё он увлекается филателией и просит прислать ему советские почтовые марки. Я послал ответное письмо, вложив туда лучшие марки из своей небольшой коллекции. На этом наша переписка оборвалась. Впрочем, моё письмо могло и не дойти до адресата: в мире бушевала война. И вот, передо мной лежит статья со знакомыми с детства именем автора и названием американского университета!

Я был связан подпиской, согласно которой для общения с иностранцами необходимо было заручиться разрешением Первого (секретного) отдела ФИАН. Такие были порядки во времена холодной войны. Работники этого отдела моё желание не одобрили, и разрешения на переписку не дали. Поэтому отправить письмо Россу Редикеру и получить ответ мне удалось только 30 лет спустя во времена перестройки.

Снова заморозки

После смещения Н.С. Хрущева в 1964 г. с высшего партийного поста оттепель сошла на нет. В августе 1968 г. на смену ей пришла политическая зима. Страны

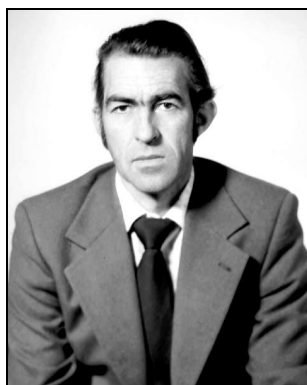
Варшавского договора вторглись в Чехословакию. «Социализм с человеческим лицом» не состоялся и, по-видимому, состояться не мог. Усилилась цензура, глушились зарубежные радиостанции, вещавшие на русском языке: «Голос Америки», «Свобода» и др., от которых мы узнавали нежелательные для властей новости. Другим источником сведений были отпечатанные на папиросной бумаге листки «Хроники текущих событий», передаваемые из рук в руки. А.И. Алиханян познакомил меня с книгами писателей-диссидентов: «Раковый корпус» и «В круге первом» Александра Солженицына, а также «Хранить вечно» Льва Копелева. В 1962 г. повести А. Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича», «Матрёнин двор» и некоторые его рассказы появились в журнале «Новый мир». Затем власть стала всячески прижимать писателя, но он, все же успел прописаться в Подмоскowie в качестве «дворника» на даче своего друга – всемирно известного виолончелиста и дирижёра Мстислава Ростроповича.

В феврале 1974 г. с обострением холодной войны власти решили выслать А.И. Солженицына из СССР. Я узнал об этом из вечерней передачи радиостанции «Свобода», которая вместо комментариев пустила в эфир песню Булата Окуджавы о Лёнке Королёве: «Я себе Москвы не представляю без такого как он Короля...» Читатели А.И. Солженицына восприняли его высылку как знаковое событие, свидетельство резкого ужесточения режима. Незадолго до этого мне захотелось перечитать повесть про Ивана Денисовича, и я взял её в библиотеке ФИАН. После высылки автора его книги подлежали уничтожению. Потому эту повесть я в библиотеку не возвратил, о чём не раскаиваюсь и сегодня.

Фиан в эпоху Шарпантье

В 1973 г. вместо Дмитрия Владимировича Скобельцына директором ФИАН стал Николай Геннадьевич Басов. Талантливый физик, лауреат Нобелевской премии – он во всём поддерживал власть и был щедро обласкан ею. Я знал его ещё со студенческих лет: он тоже учился (курсом старше) в Московском механическом институте (ныне МИФИ). Туда он поступил, вернувшись с фронта, который

прошёл военфельдшером. В те годы Н.Г. Басов производил на меня впечатление внешне рыхловатого доброго и очень целеустремлённого студента. Он стоял во главе Научного студенческого общества и привлёк в его ряды и меня, что вспоминаю с благодарностью. Когда в 1952 г. мы встретились в ФИАНе, он пожал мне руку и выразил радость, что будем работать вместе. Однако по мере его научных успехов наши отношения менялись. При встречах он ограничивался кивком головы, а затем и вовсе перестал здороваться. Так продолжалось до 1990 г., когда ФИАН выбрал нового директора – Л.В. Келдыша. Я был председателем счётной комиссии и огласил неутешительные для Н.Г. Басова результаты голосования. Утром следующего дня мы случайно повстречались у ворот ФИАНа. Он сам подошел ко мне и, улыбаясь, протянул руку для пожатия.

А.Ф. Плотников

При Н.Г. Басове секретарём партийного комитета стал его помощник А.Ф. Плотников, которого с лёгкой руки сотрудника Нейтронно-физической лаборатории А.В. Антонова мы звали между собой «шарпантье» (от французского *charpentier* – плотник). Это был мрачный, не улыбкающий человек с неизменной дымящейся сигаретой во рту. Ранее мне пришлось случайно столкнуться с ним во время командировки в Ленинград. Возвратившись поздно вечером в гостиницу, я увидел в приёмной человека, ожидавшего свободного места. Признав в нём сотрудника

ФИАН, я осведомился, нет ли у него трудностей и сказал, что в моём номере имеется свободная койка.

Дежурная запротестовала, что, дескать, я вмешиваюсь в её дела. Возникла перепалка, в которой мне удалось отстоять интересы своего коллеги. Дежурная уступила, и мы вместе отправились ночевать. Я пожелал соседу спокойной ночи, на что он не ответил. Утром следующего дня он ушёл, не проронив ни слова. Когда мы снова с ним встретились в коридоре ФИАН, он опять не ответил на приветствие. Этим человеком был А.Ф. Плотников. Про него говорили, что он детдомовец и, возможно, его мизантропия идёт из сиротского детства.

Мой второй разговор с А.Ф. Плотниковым случился много лет спустя, в 1980 годы, когда наша лаборатория пыталась добиться зачисления в ФИАН специалиста высочайшей квалификации Б.Н. Ломоносова. Шарпантье, который стал к тому времени заместителем директора ФИАН, в резкой форме этому противился. И тут мы нашли следующий веский аргумент:

«Анатолий Фёдорович, что о Вас скажут, когда узнают, что Вы отказались принять в ФИАН Ломоносова»?!

В этом конкретном случае он сдался. Но политику властей он и такие, как он проводили в ФИАНе с искренним усердием. Поэтому большинство из описанных ниже событий произошли как раз в эпоху шарпантье. Характерно, что в постперестроечные годы А.Ф. Плотников быстро сник и постарел, что кажется вполне закономерным. «Выдавить из себя рабовладельца» он не хотел и не мог.

Учёным можешь ты не быть, но членом партии обязан

Партком ФИАН часто собирал митинги сотрудников – в связи с торжественными датами и достижениями СССР, а также различными международными событиями. Помню два многолюдных антиизраильских митинга во время ближневосточных конфликтов в 1967 и 1973 гг. Урапатриотические речи с заранее подготовленными текстами произносили известные учёные и «передовые представители рабочего класса», назначенные парткомом. Один из таких представителей выступил совершенно пьяным, прилюдно

матерился с трибуны в адрес «агрессора». Ну почти как в известной песне Александра Галича про израильскую военщину, известную всему свету.

Люди собирались на митинги по призыву парторгов лабораторий (существовала такая выборная партийная должность). Народ приходил и добровольно: порой сообщалась интересная информация. Иногда применялись и методы принуждения. Такое случилось однажды на собрании, посвящённом Дню Советской армии: в зал пришло лишь несколько человек. Было решено провести собрание повторно, обеспечив полную явку. От меня, возглавлявшего тогда профсоюзную организацию лаборатории, наш парторг потребовал предоставить списки сотрудников, которые на собрание не пришли. Я в резких выражениях отказался, на что парторг мудро заметил: «Хочу Вас предупредить: при парткоме существуют партийные информаторы, которые ставят его в известность о событиях, происходящих в институте. Я бы не хотел, чтобы партком узнал от них о Вашей позиции!»

В эти же годы мне (в весьма топорной форме) предложили вступить в ряды партии. Как-то меня вызвал к себе администратор лаборатории бывший смершевец К.М. Смыслов (СМЕРШ – смерть шпионам – отдел НКВД, занимавшийся во время войны фильтрацией населения и бывших военнопленных на освобожденных от немецкой оккупации территориях). Он зачем-то запер дверь, сел на кресло и, с силой ударив кулаком по столу, неожиданно произнес: «Вступай в партию, за границу будешь ездить!»

Ситуация показалась мне несколько комичной, и я почувствовал себя неловко.

«Константин Михайлович! В партию вступают по идейным соображениям, а Вы соблазняете меня зарубежными поездками!»

Он удивленно посмотрел на меня как на человека, не понимающего простых вещей.

«Да, – повторил он, – будешь ездить, а чем ты хуже других? Ты человек общительный, знаешь английский. Мог бы пользу принести. Да и карьеру быстро сделаешь!»

Увы, понятия пользы и карьеры у нас с ним сильно различались. В результате, вербовка в партию окончилась ничем.

А между тем, моё беспартийное положение стало предметом беспокойства партийных коллег нашей маленькой лаборатории. Однажды ко мне подошёл парторг и завязал такой разговор.

—Уже много лет Вы, беспартийный, возглавляете профсоюзную организацию лаборатории. Пришла пора дать дорогу другим.

— Я готов! А что, имеются претензии по существу дела?

— Претензий нет. Работаете Вы неплохо. Но с партийным профоргом проще. Можно вызвать на партбюро, поругать, даже отmaterить! Других аргументов у него не нашлось.

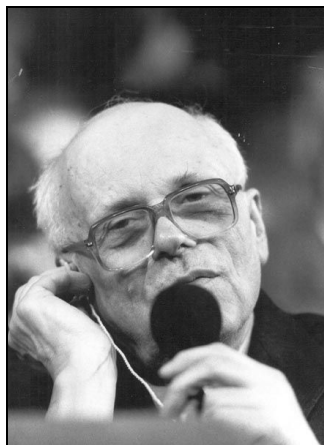
Вообще говоря, принадлежность к парии давала научным сотрудникам определённые преимущества при построении карьеры. Порой, эти преимущества были ощутимее тех, что достигались успехами в науке. Я не помню ни одного секретаря парткома ФИАН (кроме А.Н. Лебедева, избранного впоследствии членом-корреспондентом Российской академии наук), который, уйдя из парткома, не получил бы более высокой, чем прежде, научной должности.

При направлении делегаций за рубеж требовалось соблюсти пропорцию «50 на 50»: не менее половины делегатов должны были быть членами партии. В этой связи вспоминается моя командировка в Венгрию осенью 1975 г. Артём Исаакович Алиханян решил развить в нашей лаборатории новую тогда технику газовых проволочных пропорциональных детекторов. Он поручил мне перенять опыт венгерских коллег из Института физики в Будапеште. Однако партком потребовал, чтобы в поездке принял участие кто-либо из членов партии. В результате, мы поехали вдвоём с нашим парторгом, который занимался совсем другими научными проблемами. Зато необходимая норма партийного присутствия была соблюдена. К слову, он оказался хорошим спутником и быстро забыл наказ

парткома не принимать приглашений в гости к нашим венгерским друзьям.

Следует ли считать, что все мои партийные коллеги были конформистами и карьеристами? Нет, это не так. Конечно, среди них попадались и такие. Но большинство из них вступили в партию по идейным и патриотическим соображениям, не замечая разрыва между коммунистическими идеалами и реальным их воплощением. Другие следовали привычному, устоявшемуся порядку вещей. Лишь немногим было дано критически оценивать окружающую действительность. О таких хотелось бы рассказать чуть подробнее.

Академик Андрей Сахаров

Андрей Дмитриевич Сахаров

Вернемся к началу 1970 годов, когда идеологическая борьба в ФИАН сосредоточилась вокруг фигуры Андрея Дмитриевича Сахарова. Власти были крайне раздосадованы тем, что в 1969 г. этот выдающийся учёный, один из отцов советской водородной бомбы, в своём труде «Размышления о мире, прогрессе и интеллектуальной свободе» осмелился высказаться о необходимости конвергенции социалистической и капиталистической организации современного общества. После этого А.Д. Сахаров был

отстранен от секретных работ, но получил возможность вернуться в Теоретический отдел ФИАН из закрытого города Сарова, где располагался один из советских ядерных центров.

Я не был лично знаком с Андреем Дмитриевичем. Иногда слушал на научных семинарах его выступления, лишённые какого-либо внешнего блеска. Говорил он раздумчиво, медленно, негромко, словом, явно не был оратором. Но при случайных встречах в длинных коридорах ФИАН я невольно замечал его взгляд: устремлённый вдаль и вверх, взгляд Пророка.

Против А.Д. Сахарова власть неоднократно развязывала шумные кампании травли. Естественно, что с особым размахом они проходили в ФИАН. От научных сотрудников настойчиво требовали подписывать коллективные письма, осуждавшие принципиальную и честную позицию Андрея Дмитриевича. Несогласным грозили карами, в частности, запретом на зарубежные поездки. Упорствовавших пугали даже отчислением из ФИАН. Кампания, прошедшая в начале 1970 годов, не миновала и нашу лабораторию. Скажу честно, протестовать открыто я не решился. Чтобы переждать острую фазу кампании, я обратился к врачу с жалобой на радикулит и получил больничный лист. Через неделю кампания закончилась, и можно было спокойно работать вновь. Таким образом, своей цели я достиг. Но партком упорно проверял лояльность тех, кто собирался в командировку за границу. От них требовали осудить А.Д. Сахарова публично. Письма осуждения публиковались в стенной газете «Импульс». Их основной аргумент состоял в том, что А.Д. Сахаров – учёный-физик, а потому в политике ничего не понимает, и незачем ему туда соваться! В праве на гражданскую позицию ему было отказано.

Ещё большее ожесточение властей вызвал протест А.Д. Сахарова против вторжения Советской армии в Афганистан осенью 1979 г. Вскоре он и его жена были высланы в Горький и провели в ссылке 6 долгих лет. Власти упрекали Теоретический отдел в развале идеологической работы. Партком ФИАН решил поправить дело, усилив

наглядную агитацию. Для этого на лестнице, ведущей в отдел, развесили красочные пропагандистские плакаты. Среди них был и плакат «Слава героям социалистического труда!» На следующий день перед словом «героям» кто-то жирным фломастером приписал «ТРИЖДЫ» (по числу золотых звёзд Андрея Дмитриевича). За время его ссылки Теоретический отдел сделал почти невозможное, чтобы сохранить живую связь с Андреем Дмитриевичем и держать его в курсе текущих работ. Всё это подробно описано в книгах[12,13], посвящённых памяти А.Д. Сахарова.

Противостоять давлению власти в советское время было невероятно трудно. Но можно ли только этим объяснить, почему антисахаровские письма подписывали крупнейшие учёные ФИАН, в том числе лауреаты Нобелевской премии академики Н.Г. Басов, А.М. Прохоров, И.М. Франк, П.А. Черенков? Ведь сумели избежать этого академики В.Л. Гинзбург и Е.Л. Фейнберг! Думаю, что Н.Г. Басов сделал это по убеждению, другие же – опасаясь за судьбу возглавляемых ими научных коллективов. Известно, что И.М. Франк до самой кончины остро переживал свой поступок. Такова была участь многих учёных в тоталитарном советском государстве.

Как это ни прискорбно сознавать, к выступлениям своих коллег против А.Д. Сахарова общественность ФИАН относилась весьма спокойно, терпимо. Те, кто его публично осуждали, отторжения в научной среде не вызывали.

Анатолий Никишов: быть гражданином

Расскажу о событии, наглядно иллюстрирующем атмосферу тех лет. О нём подробно писал также сам его непосредственный виновник и участник Анатолий Ильич Никишов[14].

Хмурым апрельским утром 1974 г. мне потребовалась помощь моего коллеги из Лаборатории космических лучей. На месте его не оказалось, и о причинах этого поведал работавший в той же комнате физик-теоретик Анатолий Никишов. Он объяснил, что в соседнем институте вскоре начинается предвыборный митинг по выдвижению кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, и многие сотрудники, пойдут прямо туда, не заходя в ФИАН.

– Я тоже собираюсь на этот митинг и даже хочу там выступить, – запальчиво добавил А. Никишов.

Зная природную скромность, даже застенчивость моего собеседника и порядок организации подобных мероприятий, я заподозрил неладное.

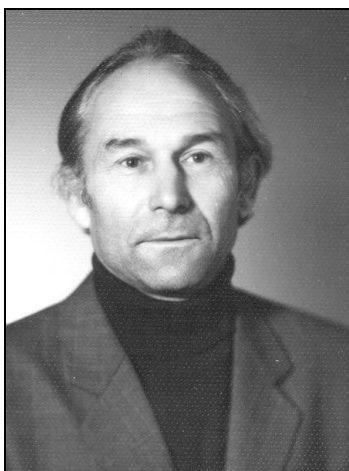
– О чём же ты будешь там говорить?»?

– Считаю, – с горячностью отвечал он, – что нельзя ограничиваться лишь одним кандидатом и хочу предложить альтернативу! Наши зарубежные коллеги упрекают нас в инфантильности, потому что мы ведём себя очень пассивно»!

Разговор этот не на шутку встревожил меня.

«Толя, тебя не поймут, засмеют, ты навлечёшь на себя неприятности»!

Но он ничего не желал слушать.

Анатолий Ильич Никишов

И тут я вспомнил, как много лет назад, ещё в студенческую пору сам чуть было не попал в аналогичную ситуацию. Тогда на комсомольское собрание инженерно-физического факультета ММИ, где я учился, пришло человек 300. Просторная аудитория, амфитеатром уходящая вверх, была переполнена. Собрание вёл наш комсомольский вожак Володя Файнберг (рыжий Файнберг,

как мы его звали). Впоследствии он стал сотрудником Теоретического отдела ФИАН, известным учёным, членом-корреспондентом Российской академии наук. Открывая собрание, Володя, как это было тогда принято, предложил избрать в почётный президиум нашего собрания Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Сталиным. И тут я поднял руку, и даже привстал, чтобы сказать: «Ребята, давайте проведём собрание по-деловому и обойдёмся без почётного президиума!» Файнберг заметил меня, но резко махнул рукой вниз, приглашая сесть. Я сконфуженно опустил на место, и тут меня как будто пронзило: «Господи, да что же я делаю?» На дворе стоял 1948 год. Произнеси я эти слова, то, как сказано у поэта, был бы «исхлёстан и распят»: выгнан из института и, наверняка, арестован за антисоветскую выходку. Какое счастье, что Володя вовремя удержал меня! Вот о чём я подумал после разговора с А. Никишовым.

О том, что произошло дальше, знаю со слов очевидцев. На собрании, где председательствовал А.Ф. Плотников, выступили несколько записных ораторов. Первый из них предложил, а остальные дружно поддержали единственного кандидата Н.Г. Басова. Собрание уже близилось к концу, когда слово попросил А. Никишов. Это не было предусмотрено протоколом, и председательствующий насторожился.

«Будем ли обсуждать снова? – обратился он к собранию, – ведь и так всё ясно!»

Его призыв был услышан. Всем хотелось домой. Лишь 5-10 человек, знавших А.И. Никишова, поддержали его. Слово ему, конечно, не дали.

Но самое тревожное началось позже. В экстренном порядке было собрано заседание парткома ФИАН. А.Ф. Плотников потребовал от А. Никишова письменное объяснение его намерений, которые квалифицировались как политическая провокация. Самым важным было установить, не планировалось ли выдвижение А.Д. Сахарова. Даже альтернатива в лице В.Л. Гинзбурга выглядела невыносимой крамолой.

Дальнейшие события приняли ещё более драматический оборот. Партком констатировал полный

развал идеологической работы в Лаборатории космических лучей. Встал вопрос о самом её существовании. Строгое партийное взыскание получил заведующий лабораторией Н.А. Добротин. Недолголюбивавший его директор ФИАН Н.Г. Басов использовал ситуацию для сведения личных счётов. Лаборатории реально грозило расформирование, но её спас академик Д.В. Скобельцын, отдавший много лет жизни исследованию космических лучей. К мнению Д.В. Скобельцына Н.Г. Басов прислушивался, так как именно Дмитрий Владимирович в 1964 г. выдвинул его и А.М. Прохорова на Нобелевскую премию по физике.

В результате, Н.А. Добротин был вынужден переехать на работу в Казахстан, А.Н. Никишова отсадили в отдельную комнату, дабы он меньше общался с другими сотрудниками(!), а коллеги, поддержавшие его желание получить слово, на длительное время лишились возможности продвижения по служебной лестнице. К таким последствиям привёл, казалось бы, естественный гражданский поступок: намерение выбрать достойного кандидата в народные депутаты. Это ли не театр абсурда? Как говорится: кто сумасшедший?

Одиссея Юрия Орлова

Да, советская система сурово наказывала смельчаков, искавших правды и справедливости. Одним из них стал Юрий Орлов. Невысокого роста, с густой рыжекудрой шевелюрой и грустными усталыми глазами он был уволен из ИТЭФ за критику порядков, приведших к расцвету культа личности Сталина. А.И. Алиханян не побоялся пригласить Ю. Орлова в Ереван, где он стал одним из основных создателей электронного кольцевого ускорителя с энергией 6 ГэВ. После успешного запуска ускорителя в 1967 г. Ю. Орлова даже избрали членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР. После 1971 г. он снова оказался в Москве и часто посещал нашу лабораторию. Во время одной из встреч он пожаловался на трудности с поисками жилья. Я предложил ему поселиться в комнате моих недавно умерших родителей. Комната находилась в коммунальной квартире на Арбате в доме № 53, где в 1831 г. после женитьбы поселился А.С. Пушкин,

и занимала половину бывшей гостиной поэта. Ключи от комнаты оставались у меня. Туда никого не поселяли, поскольку дом предназначался под Пушкинский музей. Ю. Орлов не замедлил воспользоваться этой возможностью.

Спустя год, мы отпраздновали его новоселье в другой небольшой квартире, приобретённой им в жилищном кооперативе на улице Новаторов. Там Ю. Орлов показал мне свое письмо на имя генсека ЦК КПСС Л.И. Брежнева. В письме доказывалось, что техническую отсталость СССР от западных стран невозможно преодолеть без демократизации советской системы. Эти идеи перекликались со взглядами А.Д. Сахарова. Я выразил сомнение, что письмо заинтересует Брежнева. На это Ю. Орлов ответил, что его цель – ознакомить с письмом возможно большее число людей.

Через несколько месяцев он попросил меня передать его личное послание академику В.Л. Гинзбургу, которого я часто видел в ФИАН. Как пояснил Ю. Орлов, в послании содержался призыв возвысить голос в защиту узников совести. «Он ничем не рискует, – добавил Ю. Орлов, – его заслуги и авторитет столь велики, что отнять их невозможно».

А.И. Алиханян и Ю.Ф. Орлов в Ереване. 1970 г

Встретив на одном из семинаров Виталия Лазаревича, я рассказал ему про это послание и попросил разрешения его передать. Разрешение было немедленно

получено. Но к моему изумлению, после этого В.Л. Гинзбург перестал меня замечать. При встречах он отворачивался и старался не смотреть в мою сторону. Так продолжалось довольно долго: год или полтора. Не скрою, мне было обидно, и я терялся в догадках, пытаюсь объяснить себе произошедшую метаморфозу. Причина, скорее всего, состояла в том же, почему в древности гонцу, принесшему дурную весть, отрубали голову. Думаю, что Виталий Лазаревич опасался за судьбу Теоретического отдела, который власти могли бы разогнать в случае опрометчивых действий его руководства. Поэтому он не посчитал для себя возможным последовать обращённому к нему призыву. Однако вспоминать об этом ему было, по-видимому, неприятно. Слаб человек, даже великий! Психологически проще ему было рассердиться не на власть, не на себя, а на меня.

Вскоре после отправки письма Брежневу Ю. Орлов был уволен из Института земного магнетизма и остался без работы. На жизнь он зарабатывал частными уроками. Дохода от своего академического звания он не имел, поскольку жил не в Армении, а в Москве. К тому же решением общего собрания Академии наук Армении звания члена-корреспондента лишился. Он был буквально загнан в угол и полностью погрузился в правозащитную деятельность. В начале 1977 г. его арестовали. За две недели до этого мы встретились с ним на лыжне в зимнем подмосковном лесу. Он не верил в грозящую опасность, поскольку вся деятельность правозащитной Хельсинкской группы протекала в рамках закона. После закрытого судебного процесса Ю. Орлов был осуждён на пять лет лагерей с последующей семилетней ссылкой. Он пережил и голод, и холод карцеров, и годы ссылки в глухом посёлке среди таёжных болот Красноярского края. В 1986 г., уже в горбачёвские времена, его неожиданно погрузили в самолёт и выслали в США. Там он вновь обрёл работу в научной лаборатории и звание профессора. В 1990 годы он приезжал в Россию на Сахаровский конгресс и был принят в Кремле Борисом Ельциным. Свою трудную жизнь Ю. Орлов описал в книге[15], изданной уже после его освобождения.

Примечательно, что статью для сборника памяти А.И. Алиханяна[16] Ю.Ф. Орлов озаглавил «Человек и учёный в паутине государства».

«Преступление» и наказание Евгения Андриюшина

Осенью 1975 г. в Москве в Сокольниках состоялась Международная выставка физических приборов под названием «Физика-75». Для ФИАН, как организатора выставки, были выделены деньги на приобретение новейшего зарубежного оборудования. Две лаборатории, включая и нашу, а также Теоретический отдел, объединили полученные средства для закупки нескольких персональных компьютеров ВАНГ-2200. На их основе мы создали межлабораторный расчётный центр. В числе его энтузиастов и руководителей оказался и я. Обслуживание компьютеров взяла на себя молодёжь Теоретического отдела. Тогда-то я и познакомился с Евгением Александровичем Андриюшиным, который привлёк меня «лица необщим выраженьем», пытливостью, деловитостью и принципиальностью. В силу разницы в возрасте я стал звать его Женей и позволю себе эту вольность и здесь. Расчётный центр просуществовал более 7 лет. Всё это время мы поддерживали дружеские деловые контакты.

Весной 1982 г. по ФИАН пролетел слух, что Е. Андриюшина арестовали. Причина ареста держалась в тайне. Дирекция и партком ФИАН отмалчивались: никаких разъяснений от них не последовало. Осуждающих митингов тоже не было. Чувствовалось, что широкая огласка этого дела властям нежелательна.

Мною владело глубокое беспокойство. Остаться равнодушным к судьбе молодого коллеги было невозможно, и я стал настойчиво доискиваться правды. Источников было два. Кое-что сообщили друзья Жени из Теоретического отдела, которые поддерживали связь с его семьёй. Кое-что рассказал член парткома Г.Н. Галкин. Он, как представитель ФИАН, участвовал в нескольких судебных заседаниях. В результате выяснилась следующая картина.

Женя со студенческих лет интересовался социологией, проявлял политическую активность, был лидером неформальных студенческих объединений

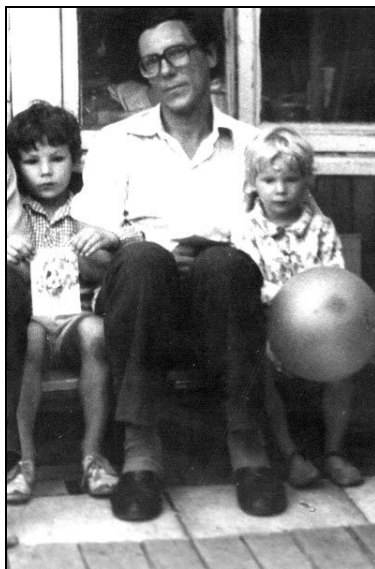
критического толка. Комитет государственной безопасности уже тогда положил на него глаз. Собирая и обобщая сведения, опубликованные в советских газетах и журналах, Женя пришёл к выводу, что страна стоит на пороге краха. (Через несколько лет в начале перестройки это полностью подтвердилось.) Женя подытожил свои мысли на бумаге в привычной для человека науки форме и решил поделиться ими с друзьями. Один из друзей отнёс эти записки «куда надо». Вскоре Женю арестовали «за антисоветскую деятельность». Ему также вменялось в вину желание передать клеветнические материалы для публикации за рубежом, хотя никаких доказательств этого у следствия не было. Тем не менее, следователь уговорил Женю признаться в несуществующем намерении, чтобы суд поверил в его полное и искреннее раскаяние и смягчил наказание. На суде прокурор потребовал для Жени одного года лишения свободы и двух лет ссылки. Вопреки этому приговор нашего самого гуманного суда в мире гласил: два года заключения и три года ссылки!

Обо всём об этом я узнал только поздней осенью 1982 г. и долго пребывал в смятении. Меня переполняло чувство бессилия. Хотелось как-то действовать, но подходящего способа не находилось. И тут память подсказала, что делали в подобных обстоятельствах другие.

Выдающийся физик ФИАН Г.С. Ландсберг материально помогал семье арестованного в 1938 г. коллеги Б.М. Гессена. Попавшему в опалу в 1948 г. и оставшемуся без средств существования писателю Михаилу Зошенко помогали А.И. Алиханян и Д.Д. Шостакович. У меня нашлись единомышленники: коллега по лаборатории Л.П. Котенко и сотрудник Теоретического отдела И.И. Ройзен. Вместе мы решили поступить так: Женя ежемесячно приносил домой зарплату 120 рублей. Теперь это сделаем мы, собирая те же деньги для его семьи: жены и двух малолетних детей. Благодаря дружному отклику сотрудников Теоретического отдела задуманное нами сбылось.

Далее я попросил аспирантку Теоретического отдела Олю Гельфонд помочь мне встретиться с женой Жени

Наташей. На следующий день Оля объявила, что Наташа никого не желает видеть, «а если кто придёт, она спустит его с лестницы».

Женя Андриюшин с сыном Артёмом и дочкой Катей во время ссылки в Емву (Коми)

Нужно было преодолеть и это препятствие. Морозным декабрьским вечером я отправился к Наташе Андриюшиной на Бульвар Карамзина в Ясенево. Дома её не оказалось, но, догадавшись, что она гуляет с детьми, я стал терпеливо ждать у подъезда. Наконец показалась молодая женщина с мальчиком 2-3-х лет и коляской, в которой спала полугодовалая девочка. Я придержал входную дверь, и мы вместе вошли в грузовой лифт. Мои спутники, как и я, поднимались на 10-й этаж, и стало понятно, что я не ошибся и нашёл тех, кого искал. Я рассказал, что знаю Женю по работе в ФИАН и хотел бы поговорить о нём. Против ожидания, с лестницы меня не спустили и даже пригласили в дом. Мне удалось объяснить нашу реакцию на арест Жени и желание вплоть до освобождения поддерживать его семью. Наташа решительно отказалась принять деньги до

свидания с Женей, которое было назначено на ближайшие дни.

Так началось моё знакомство с семьёй Андриюшиных, переросшее в дружбу, которая продолжается и в наши дни. Я познакомился с матерью Жени Еленой Пантелеймоновной, с которой, как оказалось, мы окончили (хотя и в разное время) одну и ту же московскую школу № 59, отцом Александром Ивановичем и братом Игорем. Нашему сближению способствовало сходство взглядов на окружающую действительность. Мне долго казалось странным, что Наташу, преподававшую в МГУ русский язык иностранцам, не уволили с работы, имевшей «идеологический» характер. Ведь от советской власти в подобных вопросах сочувствия ждать не приходилось. Позже я понял, что в случае увольнения, когда семья с двумя маленькими детьми осталась бы без средств существования, Наташа в порыве отчаяния могла бы обратиться в правозащитные международные организации. По-видимому, опасаясь лишнего шума, власть не хотела доводить её до крайности.

Между тем, Женю этапировали в Пермские лагеря, где до него отбывал свой срок Ю. Орлов. Перевозили его в тюремном вагоне вместе с уголовниками, которые относились к нему неплохо. Однажды он случайно стал свидетелем такого разговора.

– А за что сидит этот политический, спросил молодой уголовник.

– Как тебе сказать, – отвечал другой постарше, – вот ты против своего мента, я против своего, а он – против всех ментов!

Женя пробыл в лагерях два года. Не согнулся, не сломался. Затем последовала ссылка в посёлок Емва на севере Коми, где летом Женю уже могла навестить его семья. Потом наступила горбачевская перестройка. Было удовлетворено прошение о помиловании с признанием несуществующей вины. Впрочем, в 1991 г. Женю полностью реабилитировали за отсутствием состава преступления. Он вернулся в родной ФИАН и сейчас успешно трудится, продвигая научные разработки в промышленность.

Поистине, неисповедимы пути Господни! Страшная сказка завершилась счастливым концом. Увы, далеко не все подобные истории заканчивались столь благополучно.

Послесловие

Напоследок хочу спросить себя: следовало ли ворошить эти давно минувшие события? В советское время в ФИАН было сделано столько ярких открытий, выросла целая плеяда замечательных учёных! Прошло много лет, страна стала другой. Нужно ли вспоминать те непростые годы? И главное, зачем? Ведь время не повернёшь вспять, и ничего изменить уже нельзя!

Но не перекликается ли рассказанное выше с событиями современной жизни России? Стала ли сегодняшняя власть лучше относиться к науке и учёным? Скудный бюджет Российской академии наук и стремление власти заполучить в свои руки академическую собственность (например, вавилонский Институт растениеводства в Санкт-Петербурге) говорят об обратном. Многие даже считают, что при советской власти науку ценили больше, чем сейчас.

А извлекли ли мы сами нравственный урок из нашего прошлого? Стали ли терпимее к инакомыслию? Думается, что если мы всерьёз желаем появления в России гражданского общества, помнить о прошлом необходимо!

Говорят, что основной урок истории состоит в том, что люди забывают уроки истории. Рассказанное выше – ещё одна попытка опровергнуть это расхожее мнение.

Выражаю искреннюю признательность своим друзьям и коллегам: Е.А. Андриюшину, Б.М. Болотовскому, Ю.Н. Вавилову, В.М. Максименко, А.И. Никишову, И.И. Ройзену и В.И. Ритусу за полезные советы и замечания.

Москва

Август 2010 г.

Список литературы

- 1 М.А. Поповский «Управляемая наука» (London, Overseas Publications Interchange Ltd., 1978)
- 2 П.Л. Капица «О науке и власти». Библиотека «Огонёк» (Москва, изд. Правда, 1990).
- 3 В.Н. Сойфер «Власть и наука» (Москва, Че Ро, 2002).

- 4 Е.М. Беркович, Б.М. Болотовский Заметки по истории науки (Москва, ФИАН, 2009).
- 5 А.С. Сонин «Физический идеализм: История одной идеологической кампании» (М, ИФМЛ, 1994).
- 6 «Репрессированная наука», ред. Н.Г. Ярошевский (СПБ, «Наука»), т. I (1991), т. II (1994).
- 7 С.Э. Шнолль «Герои, злодеи, конформисты отечественной науки» (М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010).
- 8 Б.М. Болотовский, Теоретический отдел ФИАН (Москва, ФИАН, 2009).
- 9 М.А. Марков, Вопросы философии» № 2, 140 (1947).
- 10 Ю.Н. Вавилов «В долгом поиске», 3-е издание (Уральск, Полиграф, 2004).
- 11 Н.А. Добротин, Интервью 03.03.1993,
<http://www.instru/projects/sohist/interview/dobrotin.com>
- 12 А.Д. Сахаров. Этюды к научному портрету. Глазами коллег и друзей. Вольномыслие. Составители И.Н. Арутюнян и Н.Д. Морозова (Москва, Физическое общество СССР, 1991).
- 13 Он между нами жил... Воспоминания о Сахарове (Практика, Москва, 1996).
- 14 А.И. Никишов «Прошу слова» (не опубликовано).
- 15 Ю.Ф. Орлов, «Опасные мысли» (Москва, Аргументы и факты, 1992).
- 16 «Артём Алиханян в воспоминаниях друзей и коллег» (Москва, Физматлит, 2008).

Михаил Хазин

Твардовский, мой вечный спутник

юности я стал твардовцем. Строки и облик Александра Трифоновича Твардовского как писателя, как русского человека и сына своей страны, стали неотъемлемой частью моего внутреннего мира. Чем же, спрашиваю я себя, так пронял меня этот человек и поэт, о котором и в наши дни в России предпочитают поменьше писать и говорить, будто он застрял в прошлом, остался достоянием вчерашнего дня? Почему Твардовского с годами для меня не только не затмили ни события бурных и смутных времен, ни новые звезды поэзии, но он становится все внятней и ближе моей душе?

18 декабря 2011 года – сорок лет, как не стало Твардовского. А в 2010 году прошло столетие со дня рождения поэта, прожившего на белом свете шестьдесят один год. Родина отметила эту дату довольно сдержанно, в международном плане она и вовсе, кажется, прошла вскользь. Можно сказать, мало замеченной. На слуху и на виду другие добры молодцы, удалые наездники Пегаса, нобелиаты. В серии ЖЗЛ за последние годы вышли книги о Корнее Чуковском, Окуджаве, Высоцком, Солженицыне, Пастернаке, Бродском, Довлатове, даже о Фаддее Булгарине. В ряду «замечательных людей» этой серии, наконец, нашлось место и для Твардовского. Вышла не такая пухлая и помпезная, как о других корифеях, но достойная, содержательная без интересничания книга Алексея Туркова. По случаю юбилея Александра Трифоновича мемориальные торжества прошли, в основном, в Смоленской области, хранящей благодарную память о своем выдающемся земляке.

В Государственном литературном музее открылась скромная выставка «Переправа...», отразившая жизнь Твардовского от детства и студенческих дней до последних лет. Среди экспонатов – личные вещи поэта: фотографии, книги с его дарственными надписями, его портфель, пишущая машинка, письменный прибор, пачка сигарет «Ароматные», рабочий стол Твардовского из редакции «Нового мира». Списки произведений Твардовского, ходивших в самиздате, – первый вариант поэмы «Теркин на том свете» с примечаниями Ю.Буртина и другой поэмы – «По праву памяти», книги с дарственными надписями и авторскими вставками. Среди них «Страна Муравия» с вписанными Твардовским красными чернилами фрагментами, повествующими об ужасах раскулачивания, которые были изъяты цензурой.

Младшая дочь поэта, Ольга Твардовская, в эти дни сказала в интервью: «Мы с сестрой Валентиной подготовили двухтомник отцовских дневников шестидесятых годов. Реализовался проект «Комсомольской правды» про Василия Тёркина. Впервые собрали книжечку «Времена года», куда вошли произведения Твардовского о природе. Обидно, что не получилось издать полное собрание сочинений. К нашей радости на юбилей откликнулась наша дорогая театральная провинция: Орёл, Воронеж, Владимир, Саратов... Отец боролся не с социализмом, а с идеологической, бюрократической системой того времени... Правда, эту систему, к сожалению, победить не удалось, и сегодня она цветёт буйным цветом... Вся его творческая жизнь, не говоря уже о работе в «Новом мире», – это была борьба за правду. А чтобы сказать правду, надо было критиковать всё то плохое, что нас окружало. Сейчас многие его упрекают в том, что он остался в социализме. А где он должен был остаться? Хотя, в принципе, социализм, не говоря уже о коммунизме, в нашей стране так и не был построен. Отец остался верен идее построения коммунизма в СССР, но в меру своих сил старался сопротивляться несправедливости, которой тогда было немало. Это стоило ему, в конце концов, и журнала, и жизни».

Что ж, спасибо Смоленску, хутору Загорье, другим городам и весям за память о своем великом, безвременно ушедшем из жизни сыне. Трубные патриотические заверения, характерные для пропаганды советской поры, о любви к великой родине – от Калининграда до Курильских островов, Твардовский дополнил скромным и проникновенным термином «малая родина», бережно заявив о праве на особую привязанность к отчему краю, к земле своего детства. Дополнил? Пожалуй, скорей противопоставил. С его легкой руки термин «малая родина» прижился. Обостренная совесть поэзии Твардовского, вплоть до горьких обвинений автора самому себе, непременно с искренней благодарностью людям, даже если это крупинки добра, – черты его творческого облика, угадываемые и в «Теркине».

*Мать-земля моя родная,
Вся смоленская родня!
Ты прости, за что – не знаю,
Только ты прости меня.*

Много лет спустя после войны Твардовский создаст лирическую жемчужину, в которой с предельной искренностью и взыскательностью всматривается в свою душу, винит и не винит самого себя. Стихотворение это – словно незавершенное, оборванное на полуслове, но как много невыразимого, неизреченного сказано и выражено этой мнимой недоговоренностью.

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...*

Не парадоксально ли, что Твардовский, жизнью своей заплативший за торжество искренности, правды, свободного слова в своей стране и в мире, неблагодарно оттеснен на второй план, на задворки современного

сознания? Кому-то форма его стиха кажется обманчиво простоватой, кто-то ставит в вину поэту его стихи о Сталине, считая его беспримерное в тоталитарном обществе противостояние насаждаемой лжи, цензурному беспределу – дозволенной верхами смелостью, кто-то видит в нем литературного вельможу былой эпохи...

Но прорываются и голоса, опровергающие напраслину. Порой и признанные виртуозы слова шли по стопам Твардовского, такого доступного и не заумного. В юбилейной статье к столетию Твардовского, опубликованной в «Новой газете», Дмитрий Быков пишет: «Любопытно, что и Бродский, скажем, – который Твардовскому в числе прочих заступников был обязан досрочным освобождением, – отзывался о нем весьма скептически: было в нем, дескать, что-то от директора крупного предприятия... Бродский, скорее всего, не мог ему простить отказа напечатать норенские стихи – «В них не отразилось пережитое вами», – но ведь и тут бывают странные сближения. Легче всего сказать, что двустопный анапест ранней автоэпитафии «Ни страны, ни погоста...» воспринят Бродским через пастернаковскую «Вакханалию»: «Город, зимнее небо, тьма, пролеты ворот...» Но вот вопрос: у Пастернака он откуда? Кто первым в русской лирике начал разрабатывать этот размер с его вполне конкретной семантикой вечной разлуки и мысленного возвращения на место любви? «Поездка в Загорье» 1939 года: «Что земли перерыто, что лесов полегло, что границ позабыто, что воды утекло! Тень от хаты кося отечает полдня. Слышу, крикнули: "Саня!". Вздогнул. Нет, не меня». Все это еще, конечно, прикидки, эскизы к главному – к одному из величайших, по любому счету, русских стихотворений XX века: «Я – где корни слепые ищут корма во тьме; я – где с облачком пыли ходит рожь на холме; я – где крик петушиный на заре по росе; я – где ваши машины воздух рвут на шоссе...»

Пастернак, о котором никак не скажешь, что он щедро раздавал похвалы другим поэтам, не поспешил на доброе слово о Твардовском, особенно о загадочной силе его таких, на первый взгляд, простых, незатейливых и

доступных строк. Борис Леонидович писал: «Эта простота, меткое слово, помогла завоевать сердца миллионов...» Твардовский, конечно, понимал масштабы поэтического мастерства Пастернака, но в минуту раздражения его нарциссическим центропулизмом однажды произнес в сердцах: «Поэт он – такусенький». Великие испытания своей страны, неисчислимы драмы века Александр Трифонович нес в своей душе, пропускал через себя, воплощал в слове, стремясь к тому, чтоб от встречи с его строкой «чью-то душу отпустила боль».

И хотя в силу особенностей характера Твардовский порой был склонен винить самого себя – в чем виноват и в чем нет его вины, он знал себе цену, в творческой устремленности был мужествен, неподкупен. Он не любил игры в величие, не написал «Памятника» в духе пушкинского, но свое кредо выразил четко и недвусмысленно:

*Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете –
Живых и мертвых, – знаю только я.*

*Сказать то слово никому другому,
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому –
Нельзя. Не скажет – пусть себе он бог.*

*А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.*
1958

Не обошел своим вниманием столетие Твардовского и оккультист Павел Глоба, опубликовавший к памятной дате гороскоп, в котором говорится: «Несмотря на то, что поэт занимал высокие посты не только в литературном руководстве, но и в руководстве КПСС, у него почти не было врагов. Например, даже такой заклятый ненавистник Советской власти, как Иван Алексеевич Бунин, очень

высоко отзывался о творчестве Твардовского». Как говорится, и смех, и грех – читать такие прозрения тайновидца. То есть насчет симпатии «заклятого ненавистника Советской власти» (а по совместительству – классика русской литературы) Бунина к «Теркину» и вообще к поэзии Твардовского, все верно. Спорить не приходится.

А вот насчет того, что врагов у Твардовского почти не было, тут ясновидец и мастер гороскопов, к сожалению, горько ошибается. Врагов было много – с первых шагов на литературном поприще, когда его травили в печати, нацепив ярлык «кулацкий подголосок», до конца пути, когда его, автора бессмертных строк, редактора «Нового мира», неукротимого правдолюбца, свели в могилу. Да и как могло быть иначе? Можно ли представить, что не было врагов у благородного Андрея Дмитриевича Сахарова? Философ Мартин Бубер писал, что Пророк призван спорить с царями или даже с историей. Миссия пророка – заступничество за народ, спасение народа. Думается, именно в таком духе сознавал свой долг и предназначение зрелый Твардовский. К слову сказать, если Эренбург был глашатаем оттепели (и автором этого живучего термина), то душой оттепели был Твардовский.

На свой салтык, как говорили в старину, спорил с историей, с царями и Твардовский. Спорил с «неистовым Виссарионом» с молодых лет, еще с 1930 годов. В «Стране Муравии» были такие строки молодого поэта, какие за всю жизнь не решились написать даже признанные тогда богатыри словесности.

*– Товарищ Сталин!
Дай ответ,
Чтоб люди зря не спорили:
Конец предвидится ай нет
Всей этой суетории?..
И жизнь – на слом,
И всё на слом –
Под корень, подчистую.
А что к хорошему идём,
Так я не протестую.*

Ты слушай, выслушай меня...

Поразительна нравственная цельность молодого поэта, в которой сошлись и творческая смелость, и мужественная верность правде, без малейшей примеси приукрашивания действительности. В черновиках «Муравии» остались горестные строки, запечатлевшие русскую деревню после большевистского великого перелома. Поистине деревня с переломанным хребтом так и не пришла в себя до конца XX века.

*Дома гниют, дворы гниют,
По трубам галки гнезда вьют,
Зарос хозяйский след.
Кто сам сбежал, кого свезли,
Как говорят, на край земли,
Где и земли-то нет.*

В «Геркине» – поистине народной поэме о войне СССР с фашизмом, ни разу не упомянута ни партия, ни «творец всех наших побед», как величали Сталина. И все же Твардовский внес свою лепту в прославление, возвеличивание этого злодея. Но даже это он делал (рискнута сказать), искренне заблуждаясь, не как льстецы и раболепствующие царедворцы. Да, были люди, как Мандельштам, которые на раннем этапе распознали кремлевского горца и как бы всегда знали, что он собой представляет. Но были и такие, кто в своем самоотверженном чистосердечии так верили (или старались верить) ему, «как, может быть, не верили себе». И даже любили его...

Помню, в отроческом возрасте это чувство как подросток пережил и я. Подобно другим сверстникам, чьи отцы не вернулись с войны, мы, безотцовщина, желторотые юнцы, тянулись к *нему*, может быть, подсознательно, как к отцу, которого нам так не хватало. В его крутости чудилась нам строгая справедливость, в его немногословности – правдивость, мудрость... Я как-то поделился этими мыслями со старшим другом, еврейским писателем Ихилом Шрайбманом, раскаивался (если не в своей вине, то в

ошибке), на что Ихил отозвался: «Да, мы любили Сталина. Что было, то было, но любили мы не тирана и преступника, а того, кого придумали себе (или нам придумали). А это значит, что наша любовь предназначалась и шла не злодею и убийце, а совсем другому адресату». В таком ключе понимаю я и «культурные» стихи Твардовского о Сталине. Например, такие.

*Глаза, опущенные к трубке,
Знакомой людям всей земли,
И эти занятые руки,
Что спичку с трубкою свели.
Они крепки и сухощавы,
И строгой жилки вьется нить.
В нелегкий век судьбу державы
И мира им пришлось вершить.*

*Усов нависнувшего тенью
Лицо внизу притемнено.
Какое слово на мгновенье
Под ней от нас утаено?
Совет? Наказ? Упрек тяжелый?
Неодобренья горький тон?
Иль с шуткой мудрой и веселой
Сейчас глаза поднимет он?*

К слову сказать, эти родниково прозрачные строки для некоторых толкователей таят в себе нечто загадочно скрытое, не лежащее на поверхности. В книге Алексея Виноградова «Тайные битвы XX столетия» (Москва, 1999) немало подробностей о том, что Сталин проявлял интерес к средневековой мистике, оккультным тайнам, магическим обрядам воздействия, в том числе и к так называемому энвольтованию (прокалывание иглой изображения с целью пробить «ауру» и нанести вред прототипу). В связи с этим в книге приводится такая любопытная деталь: «Сталин дарил на память гостям и знакомым только одну свою растиражированную фотографию, на которой он – вполоборота, сощурившись, раскуривает трубку. Почему «кремлевский горец» остановился на этом изображении, как

подарочном? Все объясняется очень просто: оно не годилось для энвольтования. Глаза Сталина (самое уязвимое в магическом смысле место у человека) на том снимке прикрыты, а «внешний энергетический контур» защищен огнем».

Что касается своего зрелого отношения к Сталину, Твардовский выразил его с присущим поэту проникновенным талантом и мужеством души в поэмах «За далью – даль», «По праву памяти», в том, как вел и удерживал редактируемый им журнал – бастион правды, противостоящий официальной лжи.

«Нет! Отец не был оголтелым сталинистом, – убеждена Ольга Твардовская. – В его «Стране Муравии» есть глава, где появляется Сталин, едущий на белом коне. И горбунок его спрашивает: сколько ещё нам терпеть эту суеторию? Вы можете себе представить, кто тогда мог осмелиться задать такой вопрос отцу народов? Да, у отца были и стихи о Сталине – «глаза, опущенные к трубке»... Вот умер вождь, началось разоблачение культа личности, но отец никогда от этих стихов не отрекся. Здесь работает его другая фраза: «Так это было на земле». Он говорил: «Так было со страной, так было со мной».

В 1955 году я еще учился в университете на своей малой родине, в Молдове. В ту пору отдельными, самостоятельными публикациями появлялись в периодике главы из поэмы «За далью – даль», тогда еще не оконченной. Темой своей дипломной работы будущего филолога я выбрал «Послевоенную лирику Твардовского. Шаг за шагом увлеченно изучал творческий путь поэта. По ходу дела у меня возникали вопросы, на которые не мог найти ответа в литературоведческих источниках, и я с неожиданной решимостью сел да написал письмо самому Александру Трифоновичу. Каково же было мое удивление, когда я получил ответ Твардовского. (Письмо, адресованное студенту, вошло в книгу Твардовского «Письма», составленную женой поэта, Марией Илларионовной Твардовской.)

Москва 2.II.1955

Дорогой тов. Хазин!

Изменяю моему правилу – не отвечать в адрес «до востребования» – из опасения, что Вы вдруг приедете в Москву, а меня здесь не застанете, т. к. на днях я уезжаю на неопределенный срок – месяца на два, по крайней мере.

Так что придется Вам без меня справляться со своей дипломной работой, и это хорошо. Это обеспечит Вам необходимую свободу наблюдений, замечаний и выводов.

Не огорчайтесь, я не первому Вам отказываю в «консультации». Если то, что я пишу и печатаю, само по себе не дает достаточно материала для рассмотрения, так сказать, в научном плане, то наличие живого автора тут не поможет.

Желаю всего доброго.

А. Твардовский

В ту оттепельную пору, когда я написал письмо поэту, глава за главой складывалась на виду у читателей поэма «За далью – даль», окруженная созвездием ярких и пронзительных лирических стихов. Хотелось осмыслить путь поэта целиком, от самых ранних истоков, куда не принято забредать, покуда поэт не признан великим, и я углубился в чтение старых материалов, газетных подшивок, относящихся к юности Александра Трифоновича.

Юность поэта побуждала с особой силой задуматься, разобраться: ведь именно в эту пору сокровенно складывается то, что лишь будущему дано выявить. Тут меня подстерегали неожиданности прямо-таки ошеломительные. Оказывается, поэт, изведавший в довольно молодые годы заслуженные признание и признательность, в еще более молодые годы (и даже потом, параллельно с признанием) сполна испытал горечь необоснованных обвинений, жестоких советских проработок. Помню, сердце сжалось от сострадания, когда в соответствующем томе старой «Литературной энциклопедии» я прочел в статейке, которой удостоили молодого поэта, что Твардовский родился в семье кулака.

Крутые, вульгарно-социологические обвинения обрушила на молодого Твардовского летом 1934 года смоленская газета «Большевистский молодец». Критика была настолько оглушительной, что «Литературная газета» (от 18 августа 1934 года) взяла под защиту молодого автора: в статье «О загибах по-смоленски» критик Ан. Тарасенков образумливал тех, кто «мобилизует весь свой пыл для критической порки поэта».

Подобные переживания, пусть даже глубоко личные, не могли пройти бесследно для человека такой обостренной памяти, как Александр Трифонович. Забрехала догадка, что и они, эти переживания, наряду с событиями совсем иного, отнюдь не личного масштаба, как-то повлияли на трагически мощные взлеты его поэзии.

Спросить об этом, как думалось тогдашнему студенту из кишиневской глубинки, не у кого, кроме как у самого автора. И без долгих колебаний спросил – по праву молодости...

Признаться, с чувством неловкости вспоминаю сегодня «отвагу», с которой решился вот так вот запросто сесть за стол (дело было дома, в Сороках, во время моих последних зимних каникул) и сочинить письмо Александру Трифоновичу.

Еще раз вдумываюсь: что же «подвинуло» меня? Пожалуй, такого рода обращения «исследователей» к исследуемым авторам тогда вроде считались в порядке вещей. Преподавательница Людмила Михайловна Неизвестных, помню, неоднократно рассказывала студентам о своей переписке с Фадеевым, и через ряд лет в последнем томе сочинений Фадеева, вместе с другими письмами, были опубликованы строки, адресованные ей.

В ту пору письма литературоведов писателям были, кажется, проявлением доброй воли, желания понять всё не вразрез с автором, а как бы совместно с ним. Правда, относилось это к литературоведам, имевшим по меньшей мере ранг диссертантов. Тем, как говорится, и флаг в руки. А в таких условиях, почему бы не решиться и пятикурснику, который, того и гляди, тоже может взяться за диссертацию.

Все так и не так: несмотря на литературоведческую шелуху, это было искреннее и наивное письмо любимому поэту. В нем были такие строки: «Дипломная работа для меня – не очередная учебная нагрузка, а средство уяснить и упорядочить свои мысли о Вас, о всей нашей литературе, о том, каким должен быть человек, я сам». Я даже собирался специально поехать в Москву, чтобы повидать поэта, задать кое-какие вопросы.

А чего стоит обращение, которым начиналось письмо. Резонно рассудив, что никакой эпитет не способен выразить искренне и емко отношение к любимому поэту, автор письма не нашел ничего лучшего, как полностью обойтись без эпитетов и начать письмо подчеркнуто сухо: «Александр Трифонович!» Это еще не все. Предстояло тщательно обдумать вопрос с обратным адресом и предусмотрительно принять меры, чтобы ответ Твардовского, ежели он последует, не пропал, не стал добычей чьего-то любопытства или недобросовестности.

Подобно большинству иногородних студентов, я получал корреспонденцию по университетскому адресу. В решетчатом ящике с ячейками в алфавитном порядке каждый день (перед занятиями или после) нашаривал ладонью, нет ли чего-нибудь? Ясно, что доверить ответ Твардовского решетчатому ящику, куда может сунуться каждый, кому не лень, – дело не очень надежное. А поскольку в вестибюле нашего первого корпуса находилось почтовое отделение (третье), надумал я указать в обратном адресе «до востребования», даже не взяв в толк, что сам термин «до востребования» придает автору письма какое-то уклончивое подобие анонимности, и лишь из-за одного этого штриха Твардовский может не ответить.

Все же поэт ответил студенту из глубинки. Ответил с достоинством, заботливостью и с той суровой сосредоточенностью, которая единственно уместна, когда речь идет о вещах серьезных. Дипломную работу о послевоенной лирике Твардовского я написал и успешно защитил. До диссертации дело не дошло. Литературоведом я не стал. Но Александр Трифонович Твардовский стал для меня одним из тех, кого называют вечными спутниками.

Читаю его. И о нем. Возвращаюсь мыслями к нему. Иногда размышляю о нем в печати.

Таким раздумьем о поэте была моя статья в защиту доброго имени Александра Твардовского, опубликованная в «Литературной газете» под заголовком «Что делать нам с тобой, моя присяга?». Предыстория ее такова. По радио «Свобода» в книжном обозрении Марины Ефимовой я услышал имя Твардовского и, естественно, стал еще внимательней слушать. Прежде всего, потому что речь шла об Александре Трифионовиче. Во-вторых, потому что моя жена и я давно стали поклонниками радиопередач талантливой журналистки и писательницы Марины Ефимовой. (Обстоятельства сложились так, что нам с женой посчастливилось лично познакомиться и с Мариной, и с ее мужем Игорем Ефимовым, известным писателем и издателем. В его издательстве “Hermitage” вышла моя книга прозы, которую редактировал Сам Игорь Маркович Ефимов).

Итак, Марина Ефимова говорила в своем книжном обозрении о новой книге известного английского историка Орландо Файджеса «Шептуны. Частная жизнь в сталинской России» (Orlando Figes. The Whisperers. Private life in Stalin's Russia. NY, 2007, 741 p.), которая была тепло встречена англоязычной критикой и читателями. Ее автор, сочетая достоинства серьезного научного исследования с писательским мастерством, на основе глубокого анализа массы документов, сотен интервью с конкретными людьми той эпохи повествует о нравах в России сталинских времен – о крамольных разговорах на кухнях, опасных обсуждениях запретных тем, анекдотах и пр. Рассматривает в ней социальные условия, различные аспекты коммунистической морали, в том числе и такую нравственную коллизию, как отношение в обществе к репрессированным гражданам, отказ детей от арестованных родителей, разветвленная практика доносов, поощряемая господствовавшей идеологией.

Книга Файгеса не ограничивается откровениями простых безвестных людей, – говорила Марина Ефимова. –

Описывая эпопею Павлика Морозова, автор подчеркивает, что в создании пропагандного культа вокруг этого имени участвовал Максим Горький, предложивший поставить памятник мальчику, который, по словам Горького, «понял, что человек, родной по крови, может быть при этом врагом по духу». А враг, само собой, должен быть обезврежен... желательно – уничтожен. Рецензент книги Джошуа Рубинштейн (директор Североамериканского отделения организации «Эмнисти Интернэйшнэл» был особенно огорчен тем, что среди многих «Павликов Морозовых» советского периода оказался и Александр Твардовский. Он пишет:

В биографии будущего редактора прогрессивного журнала «Новый мир», где в первые же послесталинские годы начали печатать вещи Солженицына и мемуары Эренбурга, было свое темное пятно. Когда в 1931 году были арестованы по политическим мотивам его отец и братья, молодой Твардовский дал им знать, чтобы они не пытались налаживать с ним контакты. Многообещающий поэт, он не хотел ставить под удар свою литературную карьеру. Через два месяца отец бежал из ссылки, чтобы повидать сына и понять, что с ним происходит. И сын сообщил о его приезде в милицию.

Подобные суждения и английского историка, и американского рецензента о Твардовском, понятное дело, не могли оставить меня равнодушным. Не мешкая, поспешил я в публичную библиотеку, взял книгу Файджеса, углубился в нее. И убедился, что авторитетный автор мимоходом допускает утверждения крайне досадные и абсолютно не соответствующие действительности. Он пишет, что Александр Трифонович «сдал» родного отца в руки карательных органов. Дословно: «Александр предал его». (“Aleksandr had betrayed him”), стр. 134.

К великому сожалению, напраслина эта стала повторяться и множиться в статьях о книге Файджеса. В рецензии, опубликованной в авторитетном книжном обозрении «Нью-Йорк Таймс Санди Бук Ревью», сказано: «Твардовский предал его полиции» (“Tvardovsky betrayed him to the police”). Так ложное, несуразное обвинение

начинает гулять по свету, выдавая себя за правду. Я решил, что промолчать было бы непростительно. Решил написать полемическую реплику и направил Марине Ефимовой письмо, в котором говорилось:

«Ваши обзоры новых книг на радио "Свобода" стараемся не пропускать. Как правило, они жгуче интересны и выбором произведений, о которых рассказываете, и достойной манерой изложения, умением мастерски вести беседу со слушателями, читателями. Часто перечитываем в интернете Ваши материалы, потом идем по Вашим следам, обращаемся к книгам, рассмотренным Вами.

Меня заинтересовала книга Орландо Файджеса "Шептуны". Огорчила досадная ошибка в этой работе – утверждение, что Твардовский донес в милицию на родного отца. Из книги эта напраслина перекечевала в авторитетные рецензии. В частности, в отзыв Джошуа Рубинштейна, с которым я, кстати, знаком тут в Бостоне.

Пройти мимо такой несправедливости я не мог. Счел долгом написать несколько страниц в защиту доброго имени Твардовского. Важно это еще и потому, что книга Файджеса, конечно, будет переводиться на иностранные языки и, к сожалению, создавать искаженное представление о личности поэта, если вовремя не внести в нее не большое, но существенное исправление. Вероятно, в идеале было бы лучше всего, если бы до автора дошло критическое замечание, он принял его и исправил допущенную ошибку. Прошу Вас, Марина, ознакомиться с прилагаемой статьей. Может быть, на Вашем радио найдется возможность обнародовать ее. Твардовский в "Новом мире" отстаивал свободу, – может, теперь и "Свобода" заступится за него?»

Признаться, я рассчитывал, что мои соображения не будут отвергнуты. Но ожидания мои не оправдались. В ответном письме Игорь Ефимов писал мне:

Увы, пафос Вашей статьи нас с Мариной не заразил, не увлек, а даже скорее удивил и огорчил. Значит, доносить на родного отца в НКВД явно нехорошо? А сказать беглецу из сталинского ада – пусть даже не отцу! – «возвращайся обратно!» – это что? Терпимо? Простительно? Миллионы жён «врагов народа» были

брошены в Гулаг по единственному обвинению: «Знала и не донесла». Почему мы должны верить тому, что пламенный коммунист Твардовский решил в этой ситуации идти на смертельный риск и не донёс?

Александр Трифонович может взять Вас в адвокаты для Страшного суда, но всё, что Вы перечисляете в своей статье, годится лишь как смягчающие обстоятельства и никак не может послужить ОПРАВДАНИЮ. Ни одному вельможе сталинской эпохи оправдания быть не может. Они не знали? Верили в идеалы? Или шкуру спасали? Большой пахан не пускал наверх чистеньких, у него все должны были быть замешаны в крови. Фадеев подписывал все смертные приговоры казнимым писателям – потому и покончил с собой в 1956. Твардовский знал за собой тоже немало – потому и глушил эту память ящиками коньяка. У Солженицына в «Бодался телёнок с дубом» он нарисован вполне убедительно и даже с сочувственным пониманием. Но вспомните его главный аргумент в пользу советской власти: «Без неё я был бы никем!»

Никто не выражает сомнения в талантливости Твардовского. Так же, как в талантливости Маяковского, Эзры Паунда, Гамсуна и сотен других, принявших – по выражению Генриха Бёлля – «причастие буйвола». Но тратить время на поиски МОРАЛЬНЫХ оправданий для них как-то не хочется.

Если уж заниматься восстановлением исторической справедливости, не лучше ли написать исследование про двух скромных еврейских женщин, делавших изо дня в день передовой журнал «Новый мир», пока главный редактор пропал в недельных запоях: Асю Берзер и Инну Борисову? По свидетельству Солженицына, Твардовский даже имён их не знал и никогда не здоровался. Прошу заметить, что должное этим двум замечательным женщинам отдаёт писатель, чьи произведения они не раз отвергали.

Не стану здесь вдаваться в полемику относительно «двух скромных женщин», которые после смерти Твардовского с искренней скорбью и даже не уважением, а обожанием высказались в печати, – совсем не в духе

Солженицына, широко известного своей неблагодарностью почти ко всем, кто ради него шел на риск и на жертвы. Кстати, Солженицыну, вернувшемуся из Штатов в Россию совсем не бедным, даже в голову не пришло хоть чем-то помочь нуждающейся одинокой пенсионерке Асе Берзер, сыгравшей немалую роль в продвижении Ивана Денисовича в печать. А Твардовский ради Солженицына и вовсе взошел на костер.

Поскольку через радио заступиться за доброе имя Твардовского не удалось, я решил отправить статью в «Литературную газету», там к ней отнеслись с пониманием и сочувствием. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: утверждение Орlando Файджеса тем оскорбительней для Твардовского и памяти о нем еще и потому, что реальную семейную трагедию поэта, в которой отразилась трагедия всего русского крестьянства, русского народа тех лет, автор излагает в одном ряду с полумифической историей «подвига» Павлика Морозова, которую насаждала советская пропаганда.

Файджес справедливо пишет, что советских детей воспитывали в духе того, что надо следовать славному примеру Павлика Морозова, донесшего на своего батю. И всего несколько страниц спустя переходит к драме жизни Твардовского, основываясь на воспоминаниях брата поэта, Ивана.

Иван Трифонович Твардовский излагает эпизод, когда отец поэта с младшим сыном – тоже Павликом – добрался нелегально из северной ссылки в Смоленск. Попросил вызвать Александра из его офиса (редакции). Александр, увидев отца и младшего братишку, потрясен. (Поэт, комсомолец 20-х годов, по молодости лет еще верящий в святую правоту революции, в оправданность ее жестокостей, с присущей ему цельностью делает свой трагический выбор. Так я смотрю на эту ситуацию, не имеющую ничего общего с насаждавшейся тогда надуманной историей пионера-доносчика).

На просьбу Трифона Гордеича о помощи Александр якобы ответил с жестокой прямолинейностью, что может только помочь ему и братишке бесплатно вернуться туда,

откуда они приехали. (Сам Иван Твардовский при этой печальной встрече не присутствовал, этих слов Александра не слышал. В таком виде они ему запомнились в позднейшем пересказе отца).

Убедившись, что спасения от сына ждать не приходится, отец попросил подождать, пока посетит друга в селе Столпово, недалеко от Смоленска. Трифон Твардовский навестил друга. Они пили весь вечер, говорили. Павлик спал. В полночь нагрянули чекисты, арестовали отца поэта.

Автор «Шептунов» делает вывод, что Александр Трифонович настучал в органы, предал отца.

Файджес строит свое утверждение на ошибочном истолковании свидетельства Ивана Твардовского в его «Страницах пережитого», опубликованных в журнале «Юность», 1988, № 3, стр. 23.

Но даже там Иван Твардовский не обвиняет Александра в подлом доносе. Чтобы проверить себя, правильно ли воспринимаю текст Ивана Твардовского, я решил узнать мнение моего друга Кирилла Ковальджи, московского писателя, работавшего в «Юности» как раз в ту пору, когда печатались эти мемуары. На мое послание Кирилл Ковальджи быстро откликнулся: «Спешу ответить... Как раз я публиковал в «Юности» воспоминания Ивана, познакомившись с ним в Смоленске. Ни в тексте, ни в разговорах с ним не было ни намёка на «донос» Александра».

Дочери поэта, Валентина и Ольга Твардовские, с болью касаются той напраслины об отце («Мифы и правда о Твардовском», Нью-Йоркская газета «Курьер», 2004, 6 февраля).

Ольга Александровна Твардовская: «Отец через всю жизнь пронес это чувство вины – перед всеми, не только перед семьей. В сущности, вину без вины. Кроме неких ритуальных слов, никакого отказа Твардовского от семьи не было. Это миф. К гонимым и несчастным, – кто бы они ни были, – всегда относился с величайшим сочувствием. А тут родня! То, что отец *не порвал с близкими*, и ставилось ему в вину».

Валентина Александровна Твардовская:
«Твардовского приручали всю жизнь – то кнутом, то пряником. Но процесса огосударствления отца не получилось. Сейчас думают, что это был официальный поэт, увенчанный всеми мыслимыми наградами: тремя Сталинскими премиями, одной Ленинской, орденами. И забывают, что при всем этом Твардовский остался самим собой. Властям не удалось его приручить».

Да и сам Иван Твардовский рассказывает в своих воспоминаниях о том, как в 1936 году поэт совершил почти невозможное, – добился освобождения родных из ссылки, вырвал их из пасти зверя. Поехал за ними в ссылочные края и привез их домой, в Смоленск.

С юных лет Александр Твардовский не страдал недостатком смелости и умел заступиться, дать отпор злу. За раскулаченного отца 20-летний Александр ходил хлопотать по инстанциям, пробился к секретарю Смоленского обкома партии Ивану Румянцеву. Высокопоставленный партийный чин сказал ему, как отрезал: «Выбирай: либо папа с мамой, либо революция». Ирония судьбы заключается еще и в том, что вскоре самого Ивана Румянцева арестовали и пустили в расход, а Твардовскому, помимо того, что он «сын кулака», добавили еще одно обвинение – контакты с расстрелянным «врагом народа».

Когда в расстрельном 1937 году в Смоленске арестовали его друга молодости – Адриана Македонова, по прозвищу Сократ, Твардовский написал в его защиту страстное письмо в областную прокуратуру, в котором осмелился высказать предположение, что Македонов, возможно, жертва злобной клеветы. Благодаря заступничеству поэта, Македонов получил всего (!) восемь лет лагерей, остался жив и после выхода из ГУЛАГа написал ряд ценных книг.

Присущее Твардовскому высокое достоинство в обыденной жизни сочетались у него с не меньшей, а, пожалуй, даже с большей смелостью, когда дело касалось литературы. В январе 1938 года, в Москве, в обстановке чисток, проработок, расправ, с литературной трибуны Твардовский – без ложного пафоса, но и без малейшей

робости – назвал эмигранта Бунина (наряду с Некрасовым) важнейшим для себя русским поэтом. (Этот факт приводит Регина Романова в книге «Александр Твардовский. Труды и дни». – М. «Водолей Publishers», 2006).

Конечно, Бунин в Париже этого не знал. Известно, что к советской литературе Нобелевский лауреат из зарубежья относился без особых симпатий. Тем более ценен восторженный отзыв Бунина о поэме Твардовского «Василий Теркин»: «Это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный солдатский язык – ни сучка ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, т. е. литературно-пошлого слова».

А.Т. Твардовский не вел дневника (в привычном смысле слова), но регулярно делал записи в то, что сам, чураясь высокого штиля, называл «Рабочими тетрадами». Они, по сути, служили и деловой памяткой, и творческим полигоном-черновиком, и дневником. В 2000, 2001 году «Рабочие тетради» были напечатаны в журнале «Знамя» с комментариями дочерей поэта.

Вот запись в тетради, относящаяся к марту 1964 года, когда советский официоз обрушился на молодого поэта: «Дело Бродского... Налицо очевиднейший факт беззакония: 5 лет за то, что работал с перерывами, мало зарабатывал, хотя никаких нетрудовых источников существования – отец и мать пенсионеры. Парнишка... безусловно одаренный... Почему это меня как-то по-особому задевает... потому, что в молодости я длительный срок был таким «тунеядцем», т.е. нигде не работал, мало, очень мало и случайно зарабатывал... Но я тянул и тянул эту стыдную и мучительную жизнь... и в конце концов выходит, что я был прав». Не партийным боссом предстает Твардовский в этих строках. Человечное отношение к людям, жизненным явлениям не подменялось установочно-пропагандистским подходом.

Какой бы пост ни занимал Александр Трифонович, он никогда не становился «подручным идеологии», оставался верен себе, своему пониманию правды, справедливости, достоинства. Особенно это проявилось в

годы, когда он стоял у руля «Нового мира». На Западе этот журнал называют либеральным – и тем, как им кажется, воздают ему должное. Ведь у них, на Западе, есть самые разные журналы, в том числе и либеральные. А «Новый мир» Твардовского был уникальным. Преданный читатель ждал свидания с каждым его номером, как ждут свидания с любимой. Он радовал истинной литературой.

Без особой охоты взвалил на себя Александр Трифонович редакторские обязанности. Об этом вспоминает Константин Симонов в очерке «Глазами человека моего поколения»: *Фадееву, который очень любил Твардовского как поэта, ценил его строгость, самостоятельность суждений, внутренне даже сверялся с ними, давно искренне хотелось поближе втянуть Твардовского в какую-то большую общественно-литературную работу. Именно Фадеев уговорил Твардовского, если возникнет такой вариант, согласиться пойти редактировать «Новый мир» вместо меня. И решительный разговор по поводу «Литературной газеты» произошел у нас втроем – с Фадеевым и Твардовским. Мне было жалко оставлять «Новый мир», и я не знал, на кого его оставить. Но после уговоров Фадеева Твардовский вдруг неожиданно для меня сказал, что, если я соглашусь тянуть на себе такой воз, как «Литературная газета», он, если предложат, не откажется и возьмется за мой гуж в «Новом мире».*

В 1950 году Твардовского назначили главным редактором «Нового мира». За годы его руководства (1950-54, 1958-70) «Новый мир» стал, говоря старинным слогом, властителем дум определенной (хочется сказать, передовой) части общества, прибежищем лучших писателей, своего рода альтернативным идеологическим лидером. Задуманный властью как орган, выпускающий избыток пара, чтобы котел не лопнул, журнал стал трибуной вольномыслия, свободы слова, которая никак не могла ужиться с тоталитарной идеологией, как две вещи несовместные, и все же каким-то чудесным образом уживалась. Цензурные клещи вырывали из журнала куски, ортодоксы словесности шельмовали, урапатриоты навешивали ярлыки. Цензура умудрялась забодать даже произведения главного редактора – поэмы «Теркин на

том свете», «По праву памяти». И в этих условиях Твардовский, приложив сверхчеловеческие усилия, сумел напечатать «Один день Ивана Денисовича».

Советский истеблишмент не простил ему снятия табу с лагерной темы. Того, что он открыл заслонку в пекло. Твардовского отстранили от «Нового мира». И тем ускорили его уход из жизни. Поэт умер в возрасте 61 года. Погиб, сражаясь. Отстаивая правду, взошел на костер. И, хотя в числе подписавших некролог был и лично Леонид Брежнев, советский режим, надо полагать, облегченно вздохнул, избавившись от трудно управляемого, неудобного для кукловодов народного поэта.

К 60-летию Твардовского ему уже, рассказывают осведомленные люди, звезду Героя Труда уготовили. А он поехал в Калугу, в сумасшедший дом – проведать заключенного Жореса Медведева. Цековский работник со вздохом сказал поэту:

– Мы, Александр Трифонович, собирались дать вам звезду Героя, а вы...

Твардовский отозвался на эти слова:

– А я и не знал, что звание героя дают за трусость...

И после смерти Александра Твардовского не улеглись споры о его гражданской позиции, о его роли в истории русской литературы и родной страны. Для одних он – человек с характером, последовательный сторонник социализма с человеческим лицом, искатель «правды сущей, правды, прямо в сердце бьющей, да была б она погуще, как бы ни была горька». Для других – сочувствующий диссидентам выходец из классово враждебной среды, еретик, попавший под влияние чуждых сил, «любящий воду на мельницу врага», – посмотрите, как он ведет журнал, да и собственными вредными творениями...

Что касается похода сделанного, ошибочного утверждения Орlando Файджеса о том, что Твардовский «предал отца», оно, думается, результат неверно понятой ситуации, описанной в мемуарах Ивана Твардовского.

Однако не исключено, что каким-то образом, прямо или косвенно, на английского историка повлияло и отрицательное отношение к личности и поэзии

Твардовского, упорное и живучее, не желающее угаснуть в определенной части российского общества.

Как-то я завел разговор о Твардовском с одним из московских поэтов-лауреатов, некогда считавшим себя подручным партии. Он с внезапной злостью перешел почти на крик: «Твардовский – двойной предатель! Дважды предатель!»

– Почему дважды? – осведомился я.

– Потому что один раз предал своего отца, другой раз – Сталина, – отрезал собеседник.

Я пытался фактами убедить собеседника, что разговоры, будто поэт предал отца, – напраслина и клевета. А вот к Сталину отношение Александра Трифоновича с годами, действительно менялось, как и у миллионов других людей – в России и во всем мире. Были у Твардовского стихи о Сталине. Искренние. Не патока лъстеца. Написанные при жизни «неистового Виссарионыча», они отражали тогдашние чувства и мысли поэта. И не сразу, не в одночасье изменилось его отношение к «отцу народов». И не по мановению директивного перста.

Помню, в марте 1954 года, когда исполнился год, первый год, со дня смерти Сталина, советская печать по указанию верхов предпочла не заметить эту годовщину. Проигнорировать. Еще недавно так трубно скорбели, а тут – молчок. И только один печатный орган нарушил молчание: в мартовской книжке «Нового мира» была напечатана небольшая новая глава из складывавшейся тогда поэмы «За далью – даль», посвященная той дате. Твардовский опять же шел против течения, наперекор установке. Запомнились строки:

Да, мир не знал подобной власти

Отца, любимого в семье.

Да, люди, это наше счастье,

Что мы с ним жили на земле...

Эти строки никогда не вошли в окончательную редакцию поэмы. Потому что взгляды автора, а заодно и его читателей резко изменились. Но тогда они нашли отзвук в душах многих наивных людей. И нравился нам анжамбеман

в конце первой строки, – богатая смыслом пауза: «Да, мир не знал подобной власти...»

Для мыслящего, тем более, для творческого человека верность собственным взглядам не означает способности следовать им слепо, не пересматривая их под влиянием велений времени, требований совести. Мировоззрение – не раз навсегда застывшая данность, не мертвый клад, а живая мысль в развитии и борениях.

Обеты верности, клятвы у знамени, лояльность... Мучительный труд души выпадает на долю человека, когда на изломе эпох и судьбы ему приходится сочетать их, пытаться гармонизировать с нравственным императивом. Летом 1968 года Александр Трифонович занес в рабочую тетрадь четверостишие, отрывок из так и не законченного стихотворения:

*Что делать нам с тобой, моя присяга,
Где взять слова, чтоб написать о том,
Как в сорок пятом нас встречала Прага
И как встречает в шестьдесят восьмом...*

В подходе Александра Твардовского к жизни и к искусству человеческое, человеческое преобладало над классовым, даже над государственным, перерастая в общечеловеческое. Эта сторона его творчества мало изучена, так же как и не броское, словно замкнутое в себе новаторство Твардовского, скрытое за фасадом классически традиционной формы.

И уж вовсе неприемлемо и нелепо представлять миру как заурядного доносчика карательных органов, чуть ли не наподобие Павлика Морозова, поэта истинного и трагического, одного из самых благородных и совестливых людей в русской советской литературе, Александра Трифоновича Твардовского.

О статье в «Литературке» я получил ряд воодушевляющих отзывов, устных и письменных, из Бостона, Москвы, Кишинева. Приведу отрывок из очень содержательного, на мой взгляд, письма русского писателя

Николая Сергеевича Савостина, живущего в Молдове. В своем послании Николай Сергеевич рассказывает:

Не так давно в Москве прошла конференция писателей русского зарубежья, делегатом которой был и я. Среди множества любопытных суждений одно особенно задело меня: представитель Киргизии всю свою речь посвятил несправедливости, которую, по его мнению, проявляет российская общественность по отношению к Твардовскому, которого совершенно забыли, не упоминают в печати, говоря о советской поэзии. По мнению этого писателя (забыл фамилию) Твардовский необходим современности, он заслуживает соответствующего Фонда, Всероссийской премии его имени, пристального изучения его творчества... Так что не только ты заметил это стремление определенных литературных (и политических!) кругов опорочить великого поэта и предать его имя забвению. Больше всего стараются сочинители стихов, которых Александр Трифонович никогда не печатал в своем журнале и вообще не принимал за Поэтов, хотя их отмечали всяческими премиями и орденами. И в своем кругу теперь эти люди задним числом «назначают» гениями жалких стихотворцев, чтобы спрятать за ними действительно истинного поэта. Боже, каких ничтожеств обряжают в одежды святых и великих.

Как-то Давид Кугультинов рассказывал мне, – продолжает Николай Савостин, – как оказался свидетелем ссоры Твардовского с Александром Прокофьевым, руководившим в то время Ленинградской писательской организацией. Эти два поэта во время писательского съезда по дороге в гостиницу к Прокофьеву (намечалась выпивка) встретились с Кугультиновым и Кулиевым и пригласили их с собой. Так вот, в застолье Твардовский внезапно спросил Прокофьева: что там у вас с молодым поэтом по фамилии Бродский? Прокофьев вышел из себя, стал поносить тогда неизвестного будущего нобелиата. Твардовский тоже вышел из себя. Короче, они чуть не подрались. Помнится из рассказа Давида Кугультинова: Прокофьев в качестве довода против «антисоветчика» Бродского выкрикнул: «Мой отец погиб за советскую

власть!» Твардовский: «А мой – погиб от советской власти!..

А вот письмо незнакомого мне читателя: «Статья читается на одном дыхании. Убедительно звучит каждое слово. Всё эрудированно обосновано. Дурная тенденция – портить репутации всех подряд, искать пятна даже на солнце. Дай волю нашим и чужим копателям в грязном белье – ни одного благородного человека не останется. А ведь были такие, хоть, может быть, и не так их много. Не все в любой момент жизни остаются безупречны. Безупречные скорее гибнут. Трудно было Твардовскому, но он неподдельный Герой. Спасибо за то, что прислали Вашу статью, и ещё большее за то, что написали. А помещение её в «Литературной газете» – настоящий большой успех. Владимир Корман».

Перебирая в памяти строки Твардовского, страницы воспоминаний о нем, с понятной пристальностью всматриваюсь в текст каждый раз, наткнувшись на упоминание «этой нации». На слово о моем народе. Когда думаю о том, что сказано поэтом о евреях, как он их упоминает, первым делом всплывают строки из поэмы «За далью – даль», описание кузницы детства, на Смоленщине, своеобразного клуба сельских философов, тружеников, горемык, среди которых с щемящим состраданием обрисовано в одной-единственной строке «лицо еврейской национальности»:

*На малой той частице света
Была она для всех вокруг
Тогдашним клубом, и газетой,
И академией наук.
И с топором отхожим плотник,
И старый воин – грудь в крестах,
И местный мученик – охотник
С ружьишкой ветхим на гвоздях;
И землемер, и дьякон медный,
И в блестках сбруи коновал,
И скупщик лиха Ицка бедный, –
И кто там только не бывал!*

Там был приют суждений ярых...

Этот «скупщик лиха», подумать только, когда и где дерзнул напомнить о себе. В стране, где только что успели выпустить из заточенья чудом избежавших казни кремлевских врачей-отравителей, «убийц в белых халатах», где годами чередой тянулись кампании то против безродных космополитов, то против сионистских прихвостней, то против талмудистов и начетчиков, агентов и прислужников вражеских разведок; где лучшие еврейские писатели, деятели культуры были истреблены или еще оставались за колючей проволокой ГУЛАГа (реабилитация только разворачивалась), где сочувственное слово о еврее встретить в советской печати было почти невысказано. Тем не менее, Александр Трифонович вспомнил Ицку бедного.

И это был не только смелый литературный ход, остроумная находка. То был драгоценный знак, что гуманизм не сгинул окончательно. Тем более что «Ицка бедный» увязывал тогдашнюю современность с русской классикой XIX века, хотя мало кто мог уловить эту историческую коннотацию. Ицка бедный охарактеризован у Твардовского всего двумя словами: «Скупщик лиха». С лукавинкой намекает автор на торгашеский момент («скупщик»), но чем он приторго бывает, этот Ицка? Мало лиха достается ему бесплатно? Так он еще скупает лихо, так сказать, делает лихой гешефт, бизнес.

Как много затаенного сострадания, сочувствия зашифровано в этих двух словах поэта – скупщик лиха. Они и сами по себе волновали, трогали мое сердце. Меня ждал сюрприз. Уже будучи взрослым человеком, я обнаружил, что в гуманной русской литературе есть еще один Ицка, тоже скупщик лиха... Запечатлел его задолго до Твардовского талантливый прозаик Гарин-Михайловский. Александр Трифонович Твардовский, глубокий знаток русской литературы не только по ее вершинам, вполне мог быть знаком с этим его текстом.

Очерк Гарина-Михайловского «Ицка и Давыдка» был опубликован в 1892 году в журнале «Русское богатство». В демократически настроенных кругах журнал был очень

популярен, благодаря и многочисленным публицистическим выступлениям в защиту «униженных и оскорбленных».

Изображенный на его страницах Ицка – нищий портной с полным домом детей. Трудяга, не способный постоять за себя. Когда пристав охаивает его работу, Ицка, словно лишившись дара речи, не смеет и словом возразить. А ведь сам полицейский чин, дивясь, говорил своей жене: «Черт их знает! Только жид может так дешево работать!» А как дошло дело до расчета, его благородие рассчитался с бедным портным даже не копейками, а зуботычиной. И ушел Ицка не солоно хлебавши. Гарин-Михайловский пишет: «Ицка кряхтел, но терпел, как терпел он все, что только кому-нибудь угодно было, чтобы он терпел». Так выглядит Ицка бедный, обрисованный писателем XIX века.

В публицистике и мемуарах я вылавливал штрихи, эпизоды, моменты, как бы заполняя копилку фактов по волнующей меня тематике. В московской «Еврейской газете» (№ 10, 1992) попала на глаза статья Д. Нахмановича «Самуил Маршак спасал еврейских детей». В ней рассказывалось, что в послевоенные годы (1946-1955) у Маршака установились связи с родственниками, жившими в Литве и уцелевшими после оккупации. Маршак интересовался, как они спаслись от гибели в годы нацизма, расспрашивал о сиротах, где и как их прятали. Узнав, что в Каунасе есть детский садик, а также интернат для еврейских детей-сирот, Маршак стал оказывать им денежную помощь. Часть этих детей нелегально переправляли через Кенигсберг и Польшу – в Израиль (тогда еще Палестину). Маршак передавал для этих сирот не только свои деньги, но и средства, тайно собранные у людей, заслуживающих полного доверия. В числе этих добрых душ был и А.Т. Твардовский. Автор статьи пишет, что в те годы сам Твардовский приезжал однажды в Каунас и вручил доктору Гурвич «деньги для Израиля».

Любопытные детали содержатся в публикации Владимира Лакшина «"Новый мир" во времена Хрущева (1961-1964). Страницы дневника». Вот фрагменты некоторых записей.

Заговорили об антисемитизме. Александр Трифонович рассказал, что на днях к нему домой явился незнакомый человек, прорвался в квартиру, и Твардовский пригласил его в кабинет. Он учитель физики, взволнован, озирается по сторонам. «Меня затравили те, которых недавно защищал Бертран Рассел... Вы понимаете, о ком я говорю?» Александр Трифонович сказал ему: «Ничем, к сожалению, не могу помочь...»

– Но почему?

– Потому что я сам – еврей!

Встал и выпроводил совершенно раздавленного столь неожиданным оборотом дела просителя.

Чуть что, у начальства уже было наготове обвинение, что евреи подсовывают, проталкивают крамолу, выгодную их роду-племени. Так было и в те дни, когда мемуары Эренбурга готовились к печати в журнале. Еврейская тема в них многократно превосходила дозволенную дозу. Потому-то и стали искать скрытые пружины еврейского заговора. Если его нет, надо придумать. Дальше – слово Владимиру Яковлевичу Лакшину, автору дневника.

Твардовский сел напротив меня за маленький столик и, нагнув голову, внезапно сказал после паузы:

– Вы православный, Владимир Яковлевич? Скажите мне прямо, глядя в глаза.

Я опешил, потом засмеялся. Оказывается, Лебедев (помощник Хрущева – М.Х.) уверял Твардовского, что точно знает, что я еврей.

– Я не находил бы стыдом признаться в этом, если бы это было так, – сказал я Твардовскому, – но я чистокровный русский...

– Понятно, понятно... – отвечал А.Т., – но я вот объясняю Лебедеву, что и отца вашего знаю, и матушку, а он: «Не спорьте, Александр Трифонович, мне это сказали люди, которые не могли ошибиться». Вот я и решился спросить, не обижайтесь.

И этим занята голова помощника Хрущева! Боже, какая жалкая чепуха возводится в ранг политики! А все, по-видимому, потому, что надо редакцию столкнуть с

Эренбургом: Твардовский, мол, знает ему цену, а «евреи» – Кондратович, Закс, Лакшин «тащат» его на страницы журнала.

В рукописных вариантах «Теркина», не вошедших в текст поэмы, сохранились строфы, где Теркин с присущей ему лукавинкой делится тем, как доводилось ему сталкиваться с деликатными вопросами, которые ему задавали в Польше.

*Отвечать случалось мне
На вопрос не всякий –
О земле, о трудодне,
О семье и браке...
Я однажды три часа
Баял с половиной.
– А скажи, видал ксендза
Или там раввина?*

Привожу эти строки лишь для того, чтобы показать, – поэт не погнушался использовать в разговорном тоне религиозное слово «раввин» (не для брани и разноса). А ведь в советской прессе у многих авторов поперек горла становилось даже обиденное слово «еврей», которое почти исключили из употребления. Вместо него ставили казенный термин «лицо еврейской национальности».

Эту историю о деловом визите нескольких еврейских писателей к Твардовскому рассказал мне поэт Арон Вергелис, будущий редактор журнала «Советиш Геймланд» («Советская родина»). Дело было в конце 1950 годов. Еврейская культура в СССР тогда представляла собой выжженное пепелище. После убийства Михоэlsa в 1948 году, закрытия еврейского театра, ликвидации издательства, всех органов печати, ареста и расстрела лучших писателей, заточения в ГУЛАГ видных деятелей культуры, преподавателей родного языка, врачей, даже много лет спустя, и под солнцем оттепели не удавалось пробиться

росткам еврейской культуры. Тем временем из-за колючей проволоки стали возвращаться те немногие, оставшиеся в живых реабилитированные писатели, артисты, педагоги, которых не успели перетереть в лагерную пыль. Возникла потребность в открытии (для начала) журнала на еврейском языке.хлопоты были долгими. Письма и обращения летели в государственные и партийные инстанции, в Союз писателей, к отдельным авторитетам.

В рамках этих усилий несколько еврейских прозаиков, незадолго до этого выпущенных на волю, собирали в Белокаменной подписи крупных русских писателей под письмом в поддержку идеи, что все-таки надо открыть журнал на еврейском языке. И к Александру Трифоновичу в редакцию «Нового мира» эти горемыки пришли с просьбой поддержать их хлопоты. Подписать коллективное письмо.

Твардовского уговаривать не пришлось. Он сразу сказал своим гостям, что, конечно, каждый народ должен отстаивать жизнь своего языка, и журнал на еврейском языке, несомненно, нужен. Александр Трифонович поставил подпись на придвинутом ему листе бумаги и, с улыбкой глядя на своих благодарных собратьев по перу, добавил:

– Конечно, разумеется, нужен еврейский журнал, которого вы добиваетесь. По крайней мере, у вас будет, где печататься на родном языке. *Меньше будете нам портить русский язык.*

Судя по контексту разговора, в этом колючем замечании Твардовского больше шутки, чем упрека или злословия. Конечно же, он не считал, что евреи, работающие в русской литературе, садятся не в свои сани. Такой зашоренностью Александр Трифонович абсолютно не страдал. Достаточно вспомнить, с кем его связывали доверительные, дружеские отношения. С. Маршак, Э. Казакевич, В. Гроссман... Писатели милостью Божьей, цвет литературы. Не над ними подтрунивал Твардовский. Ни в кого персонально не метил.

Речь не о том, но всё же, всё же, всё же... Мимолетной шуткой своей Александр Трифонович напомнил о долге высоком и непреходящем, – о

привязанности к родному языку, необходимости его сохранения, недопустимости пренебрежения к нему и, тем более, отказа от родной речи.

Взаимоотношения двух выдающихся писателей-фронтовиков, создавших монументальные произведения о войне с гитлеровским фашизмом, Александра Твардовского и Василия Гроссмана, их дружба, расхождение, безвременно рано и трагично оборвавшийся литературный путь – залитые кровью страницы истории советской литературы, готовности ее творцов взойти на костер во имя правды, свободного слова, человечности. У Твардовского власти отняли дело его жизни – журнал «Новый мир». У Гроссмана КГБ арестовал выстраданный автором, вершинный его роман – «Жизнь и судьба». По этому поводу Василий Семенович горько проронил: «Они меня задушили в подворотне». И богатырские силы Твардовского надорвались в противостоянии этому же монстру.

Эти записки о поэте хочу закончить свидетельством Семена Липкина об одной из последних встреч Твардовского и Гроссмана. Она произошла в Коктебеле. После того, как Вадим Кожевников, редактор журнала «Знамя», отверг роман, но до того, как его арестовали. В книге «Сталинград Василия Гроссмана» Семен Липкин пишет: *Твардовский сказал: «Дай мне роман почитать. Просто почитать». И Гроссман, вернувшись в Москву, отвез ему, видимо, с некой тайной надеждой, роман в редакцию «Нового мира». После ареста романа к Гроссману чуть ли не в полночь приехал Твардовский, трезвый. Он сказал, что роман гениальный. Потом, выпив, плакал: «Нельзя у нас писать правду, нет у нас свободы». Говорил: «Напрасно ты отдал бездарному Кожевникову. Ему до рубля девяти с половиной гривен не хватает. Я бы тоже не напечатал, разве что батальные сцены. Но не сделал бы такой подлости, ты меня знаешь.*

Это уж точно. В отличие от верноподданных подручных партии из журнала «Знамя», Твардовский,

несомненно, не стал бы пересылать крамольную рукопись «куда надо». Не такой он был человек.

Игорь Ефимов

Связь времён

Три главы из книги¹

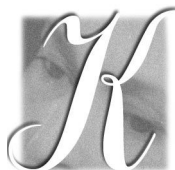
12. Истопник

1967-1969

*...Тут нам истопник открыл глаза.
...Всё теперь на шарике вкривь и вкось,
шиворот-навыворот набекрень,
и то, что вы все думаете день, то ночь,
а то, что вы думаете – ночь, то день.*

Александр Галич

Солнечное

Жак-то везло мне в жизни на генералов.

Родился племянником генерала Карина – правда, уже расстрелянного.

В восемь лет вселился в квартиру генерала Черняева – правда, уже превращённую в коммуналку.

В школе учился с сыновьями генералов – правда, только таких, которые не появляются на полях сражений, а правят нашими судьбами из своих кабинетов.

А в тридцать лет оказался обитателем двухэтажной каменной дачи генерала Куприянова – правда, всего лишь в должности истопника.

У генерал-лейтенанта Петра Андреевича Куприянова, в прошлом главного хирурга Ленинградского и Северного фронтов во время Второй мировой войны, кавалера многих орденов, академика, лауреата разных

¹ Книга «Связь времён» (первый том – «В Старом свете») выходит в издательстве Захаров (Москва).

премий, было две дочери. Одна из них, очаровательная и добрейшая Ирина Петровна, вышла замуж за Владимира Дмитриевича Савицкого, который в 1964 году стал членом Союза писателей по секции перевода (он переводил на русский произведения чешских и словацких драматургов, был даже лично знаком с Вацлавом Гавелом). Загадочным образом новоиспечённый член союза был тут же назначен председателем Иностранной комиссии Ленинградского отделения. Мы догадывались, что на этом посту мог быть утверждён только представитель КГБ, но вслух обсуждать это было не принято.

Ко мне Савицкий с первых же дней знакомства проявлял неизменную доброжелательность. Это он включил меня в список участников конференции с финскими писателями, он рекомендовал для поездки в Югославию. И он же устроил меня истопником на генеральскую дачу, похожую на маленький особнячок.

Сам генерал Куприянов умер в 1963 году. Его дочери, с мужьями и детьми, жили и работали в Ленинграде. Но им очень хотелось иметь возможность приезжать на дачу и зимой тоже. Катанье на лыжах, снежные бабы для детей, с горки на санках – такое удовольствие в выходные и каникулы! Увы, отапливалась дача-особняк не дровяными печами, а водяными батареями. В кухне был установлен небольшой котёл, который нужно было кормить торфом круглосуточно – иначе вода замёрзла бы и разорвала трубы. Сливать воду, каждый раз уезжая с дачи? И в следующую субботу приезжать с детьми в промерзший дом? Да какая же мать согласилась бы на такой вариант?

Видимо, в разговоре с Савицким я как-то упомянул, что из-за тесноты нашей коммунальной квартиры вынужден снимать для литературных занятий комнатку в Павловске. И в голове его родился этот несложный план: я поселяюсь на генеральской даче бесплатно, но с обязательством топить её всю неделю, до приезда куприяновского потомства. Зимой 1966-67 года я заступил на вахту и честно нёс её все зимние месяцы почти три года.

Посёлок Солнечное (бывшее Ollila), в котором находилась дача, располагался на северном берегу Финского

залива, в сорока минутах езды от Ленинграда. Дальше по железной дороге следовала станция Репино (бывшее Кубккала) с Домом творчества художников, потом Комарово (бывшее Келломяки), с Домом творчества писателей, потом – Зеленогорск (бывшее Териоки), и далее железная дорога уходила на Выборг. Граница между Финляндией и Россией до войны 1939-40 годов проходила по реке Сестре, протекавшей к югу от Солнечного. Даже во времена империи мера независимости Великого княжества Финляндского была такова, что на пограничной станции действовала таможня, а многие русские революционеры (включая Ленина) находили в Финляндии убежище, и царская полиция не могла там до них добраться.

Генерал Куприянов кончал Военно-медицинскую академию ещё до революции 1917 года, и, хотя дача строилась, скорее всего, после войны, в неё перекочевало множество примет и предметов «из мирного времени»: бронзовые часы с боем, фарфоровые расписные тарелки на стенах, табакерки, медные подсвечники, малахитовый письменный прибор. Особенную радость доставляла мне превосходная домашняя библиотека – я накинул на неё с жадностью.

За два года, благодаря этой библиотеке, я смог заполнить много пробелов в своей читательской биографии. Но случилось и несколько разочарований. Помню, с каким наслаждением я прочёл драму Гюго «Рюи Блаз». На следующую ночь, предвкушая продолжение удовольствия, устроился под одеялом с тем же томиком в руках, открыл следующую драму и вдруг – что такое?! Стихотворные строчки будто заскрежетали, ломаясь рифмами и размерами. Только после этого я догадался взглянуть на имена переводчиков в оглавлении. «Рюи Блаз» был переведён Ахматовой, а следующая драма – Всеволодом Рождественским.

Другое разочарование случилось, когда я начал читать в томике Лермонтова роман «Вадим». Опять: первые страницы – наслаждение и предвкушение, а с четвёртой вдруг началось что-то неуклюжее и беспомощное, на уровне тех графоманских рукописей, что мне приходилось

рецензировать в «Звезде». Впоследствии я полез в работы исследователей и выяснил, что существует только одно упоминание современника об этом произведении: да, девятнадцатилетний Лермонтов начинал роман из Пугачёвских времён, но потом оставил. Можно было бы ещё поверить в подлинность, если бы весь роман был одинаково бездарен – в юности такое возможно. Но так не бывает, чтобы автор написал первые три страницы блистательно, а потом пошёл бы строчить позорную чушь. Видный исследователь творчества Лермонтова, Ираклий Андроников, деликатно обходит вопрос об авторстве этого романа. В хранящейся в Пушкинском доме рукописи только титульный лист с рисунками и первая глава – с блёстками стиля и иронии – подлинны. Дальше идёт беспомощная тягомотина, накатанная фальсификатором к 1873 году – моменту первой публикации. Очень надеюсь, что рано или поздно какой-нибудь спектральный анализ бумаги страниц рукописи подтвердит моё убеждение и снимет с Лермонтова незаслуженное им пятно.

Дрова и торф, заготовленные на зиму, находились в десяти шагах от крыльца. Приезжая на дежурство, я сразу разжигал котёл и первые два-три часа должен был двигаться по дому, не снимая шубы и шапки. Однажды, в особенно холодный день, дела задержали меня в Ленинграде настолько, что температура в доме успела упасть до нуля. В отопительной трубе, ведущей на второй этаж, образовалась ледяная пробка, и мне пришлось растапливать её, поливая трубу кипятком из чайника. Как удачно, что Творец дал нам здесь поблажку и велел льду расширяться не сразу при нуле градусов по Цельсию, а при минус двух-четырёх!

Куприяновы-Савицкие обычно приезжали на дачу в конце недели, и я уезжал, чтобы провести выходные с семьёй. Но вечер пятницы обычно посвящался священодейству, имя которому было БРИДЖ!

Голая дама в червях

Савицкий преподавал нам основные правила игры и за это получил прозвище «учила». Бывшие преферансисты переучивались легко, и новая игра так увлекала их, что старый добрый преферанс бывал заброшен бесповоротно.

Даже известные российские шахматисты Семён Фурман (тренер Карпова), Ирина Левитина (гроссмейстер) сделались страстными бриджистами.

Поначалу мы играли по маленькой в тот домашний бридж, за которым проводили вечера наши предки, называя его «винтом». В дневниках Льва Толстого «винт» упоминается часто, обычно с раскаянием, что вот мол опять поддался соблазну. Но вскоре мы узнали, что весь мир давно уже играет в бридж по-другому: не каждый за себя, а пара против пары или команда из двух пар против другой команды-четвёрки. И называется это «спортивный бридж» или «дубликат-бридж». Устраиваются национальные и международные соревнования, выходят журналы и книжки-руководства, есть свои чемпионы и герои, гигантские лайнеры принимают на борт сотни бриджистов и везут их в круиз от острова к острову, давая возможность по дороге играть до полного изнеможения.

Игра оказалась настолько увлекательной, что денежные ставки исчезли из неё, были брошены как нечто презренное и недостойное чистого наслаждения спортивным противоборством. Выяснилось, что даже в Советском Союзе, в каждом крупном городе есть тайные клубы энтузиастов, которые регулярно устраивают игры-соревнования, а раз или два в год съезжаются в каком-нибудь из прибалтийских городов на всесоюзный турнир.

Почему «прибалтийских»? Да потому, что в Прибалтике бриджистам нет нужды прятаться от полицейских ищек, вынюхивающих «незаконные организации» («больше трёх не собираться!»). Там в бридж играют даже министры, директора заводов, председатели парткомов-исполкомов. Им ничего не стоит арендовать на несколько дней какой-нибудь спортивный зал или кафе и гостеприимно предоставить его фанатикам, съезжающимся со всей страны. Они не боялись, что их обвинят в организации подпольного игорного дома, как это случилось впоследствии с бриджистами Ленинграда. Все наши попытки получить от Центрального комитета по физкультуре и спорту разрешение на легальное проведение всесоюзных турниров не увенчались успехом.

«За что!? За какие грехи нам такая напасть?», было написано на лицах пассажиров автобуса «Ленинград-Таллин», оглядывавшихся на шумную компанию, заполнившую задние сиденья. Нет, молодые люди не выпивали, не ругались, не горланили песни. Но они с жаром и смехом обсуждали свои дела, используя не русский язык, а какой-то тарабарский жаргон: «сел без двух на дубле», «шлем бескозырный», «ходит в двойной ренонс», «очки раскладные», «голая дама в червях», «повалил контракт», «прорезал валета», «косой расклад, а оба в зоне». Бедным пассажирам досталось ехать восемь часов с тремя командами ленинградских бриджистов, направлявшихся на очередной подпольно-всесоюзный турнир.

Марина провела эти дни, гуляя по старому Таллину, заглядывая в магазинчики сувениров, наслаждаясь нежарким балтийским солнцем. Но время от времени заходила в ресторан, где шла игра, и потом объясняла:

– Не то ужасно, что столько умственной энергии растрачивается впустую, а то, что из сотни высоколобых мужчин ни один не повернул головы в мою сторону. Думаю, войди в зал голая Мэрилин Монро, вы всё равно так же тупо глядели бы в свои карты.

Когда сладкое наваждение игры выпускало меня из своего капкана, я пытался анализировать эту страсть. Что заставляет всех их – москвичей, киевлян, таллинцев, рижан, харьковчан, тбилисцев – раз за разом съезжаться, садиться за игорные столы и впиваться глазами в карты, напрягая все умственные силы в спортивном противоборстве? Не сродни ли это тому азарту, с которым я в школьные годы кидался решать геометрические задачи? Ведь в нашем увлечении нет никакой награды, нет денежного стимула, нет даже тщеславия, ибо про полузапрещённые состязания по бриджу не напишут в газетах, победителей не прославят в кинохронике. Конечно, мне было приятно в какой-то момент стать чемпионом Ленинграда и потом целый год любоваться блестящим кубком, выставленным на книжной полке. Но о моей «славе» знали хорошо если пять десятков бриджевых фанатиков. Нет, природа игрового волнения была

необъяснима мотивом тщеславия. Что это вообще за манящий феномен такой – игра?

Думаю, именно размышления о бескорыстном, безденежном бридже, соединившись с размышлениями о массовых зрелищах, помогли мне нащупать те выводы, которые легли в основание постройки под названием «Практическая метафизика». Потребность игры как общечеловеческое свойство – вот главная путеводная нить, главная предпосылка, направлявшая ход размышлений в этой книге.

«Вещь в себе»

*В мире огромном ни вспять, ни впрёдъ,
Который незримоу дал смотреть.*

Иосиф Бродский

В веках минувших, когда большинство человечества было занято борьбой за существование, игру можно было считать детской забавой или придурью богачей. Но нынче, в машинный век, когда не только дети и богачи оказались избавленными от этой борьбы, когда кусок хлеба и кров над головой перестают быть проблемой, а счастья всё нет, а дух томится всё так же, если не больше, и среди возможных средств утоления всё чаще прибегает к игре, мы получаем полное право рассматривать игру как некое чистое обнаружение – проявление – человеческой воли, в котором она странным образом находит удовлетворение, не достигая никаких объектов своих обычных желаний.

Чтобы отрицать правомочность этой посылки, пришлось бы закрыть глаза на целые отрасли промышленности, обслуживающие игры взрослых, на тысячи мужчин, гоняющих в поте лица невзрачный мяч по зелёному полю, на тысячи других, с ещё бóльшим остервенением носящихся по льду за ещё более невзрачной шайбой, на миллионы зрителей, жадно следящих за каждым движением игроков и приветствующих удачный удар дружным восторгом. Пришлось бы не видеть на верандах и пляжах, в поездах и беседках мелькания карточных колод, не слышать стука домино и кеглей, ударов городошных бит и клюшек для гольфа, пришлось бы отвернуться от миллионов наморщенных лбов, склонённых над шахматами и нардами, маджонгом и рулеткой. А треск выстрелов над

озёрами и лесами, и одна окровавленная пичужка как результат всей пальбы? А зимние и летние армии рыболовов, увешанные снаряжением, стóящим дороже всех возможных уловов? А те, кто гоняется наперегонки на всём, что может ехать, плыть, летать, не жалеющие ни машин, ни голов своих ради десятой доли секунды?

Homo Ludens – «Человек играющий» – так назвал свою книгу знаменитый историк мировой культуры, Йохан Хейзинга (1938). Но этот труд мне ещё не был известен, когда я, с дерзостью вечного российского школяра, взялся за изложение своей философской системы.

Главными событиями моей жизни в 1961-62 годах я назвал Сэлинджера, Бродского, Солженицына. Пять лет спустя, в годы 1966-67, «со мной случились» три других события, тоже вызвавших душевное потрясение, тоже разбивших жизнь на «до» и «после»: Шопенгауэр, Кант, Кьеркегор (перечисляю не по хронологии их жизни, а по порядку прочтения).

Кант и Шопенгауэр подробно описаны во вступительных главах к «Практической метафизике» – отсылаю читателя туда, в надежде, что, идя по моим стопам, он преодолет естественный страх перед канонизированным многотомьем и чудесные метафизические царства откроются ему, как они открылись мне. Кьеркегор открылся для меня – случился со мною – несколько позже, подробнее это событие описано в следующей книге, «Метаполитике» (закончена примерно в 1974).

Число людей, знающих датский язык, в России всегда было невелико. Но так уж случилось, что Ирина Петровна Куприянова-Савицкая по профессии была переводчиком с датского, преподавала датский язык в Ленинградском университете. Узнав о моём интересе к Кьеркегору, она дала мне телефон и адрес старушки Ганзен – дочери известных переводчиков скандинавской литературы, Петра и Анны Ганзен, в чьих переводах русский читатель знакомился с произведениями Ибсена, Гамсуна, Стриндберга. Оказалось, что к 1917 году они перевели несколько книг Кьеркегора, но опубликовать их не удалось из-за начавшейся революции. Сам Пётр Гофридович

уехал обратно в Данию, Анна Васильевна Ганзен осталась в России и погибла в блокаду, но их дочь каким-то чудом сохранила рукописи переводов. Поверив рекомендации Ирины Петровны, она одолжила их мне для перепечатки. Так Сёрен Кьеркегор начал своё существование в российском Самиздате. Может, и правда – рукописи не горят?

Из полученных датских сокровищ самой ошеломительной для меня оказалась книга «Страх и трепет». Она впервые открыла мне глаза на пугающую истину, которая до сих пор остаётся скрытой от большинства людей: доброе (этика) и высокое (вера, религия) не только не всегда совпадают, но могут придти в мучительное противоречие и противоборство. В критериях Веры, Авраам – величайший основатель мировых религий. В критериях Добра, он изувер, собиравшийся убить своего сына без всякой вины. Прикосновение к этому противоречию повергает в страх всякого человека, стремящегося к нравственному или религиозному усовершенствованию. Он как бы теряет последний ориентир в своих блужданиях между добром и злом и спешит захлопнуть окошко, из которого пахнуло столь пронзительным сквозняком.

Если бы какое-нибудь электронно-энциклопедическое издательство заказало мне изложить в трёх-четырёх строчках суть самых важных для меня открытий в истории философской мысли, я написал бы примерно следующее:

Аристотель взгляделся в правила, которым следуют все разумные люди в своих рассуждениях, и создал свою знаменитую «Логикку».

В XVIII веке Кант взгляделся в науку математику, основы которой находятся в сознании всех людей до всякого опыта (априори) и пришёл к выводу, что наше представление о мире есть лишь комбинация наших априорных форм познания, представлений о времени и пространстве, поэтому необходимо допустить некое непостижимое основание всякой познавательной деятельности, её объект – вещь в себе.

В XIX веке Шопенгауэр вгляделся в то, что является средоточием всякого человека, в волю, и выдвинул тезис, что воля в мире и является кантовой вещью в себе – чем-то безусловно существующим, но неразложимым на составляющие никакими усилиями разума.

Современник Шопенгауэра, Кьеркегор, вгляделся в духовные искания всего человечества, и нарисовал картину нашей духовной устремлённости вверх, которая может приводить к трагическим столкновениям высокого с высочайшим, то есть доброго с божественным.

Склоняясь перед требованиями кодекса скромности, я попросил бы кого-нибудь из друзей-читателей завершить этот ряд за меня и написать: в XX веке Ефимов вгляделся в необъяснимую радость игры, испытываемую всеми людьми, и предложил рассматривать боль и удовольствие как важнейшие формы познания, дарованные нашей воле: боль – физическая или душевная – всегда говорит о сужении нашей свободы, нашего царства я – могу; удовольствие, радость – всегда о расширении границ этого царства.

Недремлющее око

С самого начала мне было ясно, что моё увлечение метафизикой не может никоим образом реализоваться в подцензурной печати, что даже показать рукопись «Практической метафизики» редакторам советских издательств было бы слишком опасным шагом. Идеологический зажим в стране всё крепчал, независимое мышление каралось лагерными сроками и ссылкой.

В 1965 году в Ленинграде были арестованы члены группы, издававшей самиздатский общественно-политический журнал «Колокол». Их руководитель, Валерий Ронкин, получил по статье 70 уголовного кодекса семь лет лагеря и три года ссылки.

В феврале 1966 в Москве закончился судебный процесс над Синявским и Даниэлем. Приговоры: Синявскому – семь лет лагеря, Даниэлю – пять. Началась, было, кампания протеста, но на её участников тут же обрушились кары, инициаторов – Юрия Галанскова и Александра Гинзбурга – отправили в лагерь.

Год спустя в Ленинграде арестовали 20 человек, входивших в тайную организацию ВСХСОН – Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа. Руководитель, Игорь Огурцов, получил 15 лет лагеря, остальные члены группы – от 4 до 10 лет. Был среди них и наш приятель, бывший член литкружка Эди Александровны Мбдель, Михаил Коносов.

Мы принимали какие-то меры предосторожности, не говорили о важном по телефону, не писали в письмах, прятали рукописи и зарубежные издания, хотя понимали, что, если *им* очень понадобится – найдут. Пущенную в Самиздат «Практическую метафизику» я приписал неизвестному автору, Андрею Московиту. (Такой хитрец – пусть ищут меня в Москве!) Один из экземпляров рукописи мой друг – сосед по квартире – партнёр по бриджу – Марк Подгурский хранил на дне корзины с грязным бельём. В записной книжке я использовал нехитрый шифр. Например, запись Averbahil, Munich, Podrez 5-11, 333-3787 означала на самом деле: Илья Авербах, Ленинград, переулок Подрезова, дом 5, кв. 11, тел. 33-37-87 (первую цифру в семизначном номере следовало отбросить). Chum, Roma, Svetly, 35-239 означало Володя и Майя Чумак (друзья с Ленфильма), Светлановский проспект, дом 35, кв. 239. Опять же, понимал, что и про друзей разноухают. Но, по крайней мере, оттянуть, дать им время подготовиться в случае моего ареста – вот что казалось важным. Последняя записная книжка пересекла со мной границу СССР, хранится у меня до сих пор.

Вызов в Ленинградский «Большой дом» последовал летом 1967 года – и по совершенно неожиданному поводу. Всех участников литобъединения Бакинского опрашивали в качестве свидетелей по делу «изменника родины», Юрия Ветохина – того самого, который попытался уплыть в Турцию из Крыма. Приехавший из Симферополя следователь, лейтенант Коваль, объяснял мне, что они ещё не решили, как покарать неудачливого беглеца: предъявить ли ему обвинение в измене или объявить сумасшедшим и отправить в психлечебницу. Страх я не испытывал, обвинить меня в содействии беглецу КГБ явно не

собиралось. Я даже не испугался явно провокационного вопроса следователя: «А как бы вы поступили с Ветохиным на нашем месте?» и дерзко ответил:

– Отпустил бы немедленно в Турцию или куда там он рвался.

– Как «отпустил бы»? Он, понимаете, бежит (sic) за границу, выдаёт там наши военные тайны. Его же допускали ко всяким секретным проектам – это как?

– Да какие там «проекты»! Он последние годы преподавал себе в Инженерно-экономическом институте, ничем военным не занимался. То, что он знал когда-то, за десять лет безнадежно устарело. Наша оборонная промышленность, знаете ли, не стоит на месте. А представляете, какой вред может причинить человек с такими настроениями, оставаясь внутри страны?

Всё же один вопрос следователя поставил меня в тупик. Сам Ветохин выдвинул при задержании такую версию: он намеревался в случае ареста отсидеть в лагере полученный срок, а потом выйти и написать об этом роман в духе Солженицына.

– Так вот, как вы считаете, Игорь Маркович, – спросил лейтенант Коваль, – способен Ветохин написать талантливый роман или нет?

И тут я растерялся. Скажешь «неспособен» – они будут смотреть на него с пренебрежением и третировать, как обычного ээка. Скажешь «способен» – они засунут его в психушку на всю жизнь, чтобы он никогда не смог осуществить свои планы. После долгого молчания я извернулся примерно такой демагогией:

– Видите ли, гражданин следователь, по моим наблюдениям, культурный уровень советского человека необычайно вырос за последние годы. Мне часто приходится рецензировать рукописи, присылаемые в журналы простыми людьми. Я почти уверен, что сегодня каждый человек в нашей стране способен написать неплохой роман о своей жизни. **ДАЖЕ ВЫ!**

Дальнейшая судьба Ветохина заслуживает отдельного большого рассказа, и этот рассказ существует. Боясь потерять потом из вида столь замечательного

человека, я нарушу хронологический порядок повествования, перепрыгну на двенадцать лет вперёд и вкратце расскажу конец его эпопеи, его «заплыва длиною в жизнь».

Ленинград, 1979 год. Отбыв десять лет лагерей, психушек, тюрьмы, бывший зэк Ветохин влачит нищенское существование, прирабатывает к пенсии случайными заработками – грузчиком в ресторане, продажей собранных грибов и клюквы на рынке. Но мечты о побеге не оставляет. И вот в очередной визит в Ленинградское бюро путешествий вдруг видит новое объявление: «Поступили в продажу путёвки на круиз "Из зимы в лето"». Теплоход «Ильич» отправлялся из Владивостока на юг, достигал экватора и возвращался обратно. Всё путешествие занимало месяц. Так как теплоход не заходил в иностранные порты, виза для поездки не требовалась. Стоимость путёвки, включая перелёт Ленинград-Владивосток, – 580 рублей.

Как Ветохин наскребал эти деньги, как просиживал ночи над картами южных морей и архипелагов, над книгами об акулах и ядовитых медузах, как, к своему изумлению, получил разрешение на въезд в пограничный город Владивосток, как, уже с борта теплохода, вглядывался в проплывающие вдаль силуэты филиппинских и индонезийских островов – это дивная тема для телесериала, для Голливудского триллера. Достигнув экватора, теплоход повернул обратно на север. Ветохин понял, что дальше откладывать нельзя. В ночь с 9 на 10 декабря от открыл иллюминатор в своей каюте и прыгнул с восьмиметровой высоты в волны Молуккского моря.

До ближайшего острова Бацан было около 25 километров. Но когда закалённый пловец-марафонец преодолел это расстояние, коварные прибрежные течения начали раз за разом относить его от манящей полоски прибоя. Из-за солёной воды глаза превратились в две пылающие раны, взошедшее экваториальное солнце сжигало кожу лица, мучительная судорога стянула икру правой ноги так, что она сделалась камнем, наполненным болью, жажда раздирала горло. По оценкам самого Ветохина, заплыв занял 20 часов, что, при средней скорости

2 км/час, составит 40 километров. Индонезийцы в моторной лодке были изумлены, увидев в прибрежных джунглях ободранного белого человека с седой шевелюрой, с трудом махавшего одной рукой (другая отказывалась служить) и выкрикавшего единственное всем понятное слово: SOS! SOS!

Четыре года спустя, оказавшись в Америке, Ветохин сумел написать свою книгу, которой так опасался симферопольский лейтенант Коваль. Православные русские американцы взяли под своё покровительство смелого собрата по вере и помогли ему издать по-русски и по-английски подробные мемуары, которые он назвал словами из своего психиатрического диагноза: «Склонен к побегу».

В 1983 году я, находясь в Мичигане, получил эту книгу с дарственной надписью от автора. Читал с волнением, с полным доверием, с радостью за героя-пловца. Но лучше бы я оставил чтение, не открывая последнюю часть – «Размышления советского политзаключённого». Там, в главе 65, под названием «О будущем устройстве свободной России» можно прочесть такие рекомендации:

Будущее устройство России должно основываться на принципе «Никто не забыт и ничто не забыто!»... Нельзя допустить, чтобы люди, потерявшие здоровье в борьбе с коммунизмом, владели бы жалкое существование из-за недостатка средств. Средства на все эти цели можно получить за счёт конфискации имущества у коммунистов и за счёт неоплачиваемой принудительной работы коммунистических преступников.

Главные коммунистические преступники или их кровные родственники, если эти кровные родственники пользовались при коммунизме особыми льготами, должны понести более суровое наказание. Никто из коммунистических преступников не должен избежать наказания... Мы... должны искать своих врагов во всех странах мира, потом привозить их в Россию и казнить публично – и без всякого срока давности... Россия с первых дней своего освобождения должна заявить о своей силе, чтобы никаким западным либералам и недобрым коммунистам не пришла мысль помешать русскому народу

совершить правосудие. Эта сила должна быть и военной и политической.

То есть, лагеря с «неоплачиваемым трудом» остаются, карать будем не за конкретные преступления, а просто за принадлежность к коммунистической партии, родственникам осуждённых тоже не уйти от нового – антикоммунистического! – правосудия. Читая такие лозунги в годы «перестройки» многие читатели в СССР могли задуматься: не лучше ли терпеть власть недалёкого лейтенанта Ковалья, чем попасть под власть его умного и непримиримого арестанта, Юрия Ветохина?

Подёнщина литературная

Первая моя «взрослая» книга вышла в 1965 году, следующая выйдет лишь в 1975. Погоню за литературными заработками в течение этих десяти лет можно сравнить с блужданиями героев Джека Лондона по снежной пустыне в поисках чего-нибудь съедобного, с охотничьими и рыболовными усилиями Робинзона Крузо. Нельзя было гнущаться никакой работёнкой, никакими крохами, падавшими со столов пирующего Массолита.

Меньше всего платили за внутренние рецензии на рукописи графоманов, присылаемые в редакции журналов, – кажется, три рубля, независимо от объёма присланного произведения. Но добрая «Звезда» подбрасывала мне, Довлатову и ещё нескольким нашим сверстникам этот приработок довольно регулярно. На Западе мы узнали, что почти все журналы и издательства включают в свою рекламу фразу: «Рукописи не возвращаются и в обсуждение их редакция не вступает». В СССР такой подход был бы недопустим. Он означал бы скрытое признание того, что не все люди одарены талантом, то есть подрывал бы самые основы эгалитарной ментальности.

«Народное творчество» оставалось «священной коровой» коммунистической идеологии, и ему следовало оказывать поддержку во всех сферах культурной жизни. Я уже упоминал создателя медицинских препаратов, отрезавшего голову неотзывчивому министерскому чиновнику, не оценившему его талант. Во время работы в ЦКТИ мне много раз приходилось писать подробные

отклики на «изобретения» доморощенных Ползуновых, пересылавшиеся нам министерством энергетики (как правило, они сгущались по весне), объясняя, почему придуманные ими газотурбинные установки не будут работать. (И порой это было нелегко.)

Но поток литературной самодеятельности, так называемый «самотёк», превосходил по объёму все прочие. Попадались ли там талантливые произведения? Хорошо, если одно на десять тысяч. Случались и курьёзы. Один рецензент в «Литературной газете» подробно объяснил в своём отклике, почему присланное стихотворение находится ниже всякой критики и напечатано быть не может. Оказалось, что он не прочёл письмо, предпосланное стихам. Там автор честно объяснял, что он посылает не своё, а малоизвестное стихотворение Маяковского, с просьбой напечатать его в газете.

Мне запомнился один «раман», написанный от руки на тридцати тетрадных страницах, под названием «Эх, хороша ты, жизнь!». Начинался он с детства героя, который уже в дошкольные годы ухитрился изобретательно прикончить своего сверстника: столкнул его в колодец, предварительно укрепив на дне финский нож остриём кверху. Через две страницы нож снова всплывал – теперь уже в драке подростков. «"За что? За что он меня обидел?"», – думал Николай, поворачивая финку в животе Ивана». В таком же духе действие развивалось до конца, завершаясь массовым отравлением детского сада. Герой высыпал яд в котёл с супом, но вы никогда не догадаетесь, дорогой читатель, какой ёмкостью он воспользовался для этой цели. Нет, не кружкой, не миской, не чашкой, не стаканом, не пригоршней, не бутылкой. Николай высыпал в суп *полную кепку яда!* В конце умиротворённый герой произносит загадочную сентенцию: «Эх, хороша ты жизнь простая, рабочая, если верно тебя понимать».

Примечательно, что даже наши короткие отклики графоманам подвергались проверке и цензуре. Осуществлял эту проверку заместитель главного редактора Пётр Жур. Про этого «литератора» сегодня можно найти такую справку на сайте радио «Свобода»: «Настоящая фамилия [писателя-

эмигранта] Юрасова, – рассказывает Иван Толстой, – была Жабинский. И вот под фамилией Жабинский он и был в 37-м году арестован и приговорен к семи или к восьми годам лагерей. ...У Жабинского, арестованного в 37-м году, следователем был некто Пётр Владимирович Жур, журналист и писатель ленинградский, который впоследствии много десятилетий работал в журнале "Звезда"».

И вот однажды Пётр Владимирович потребовал, чтобы я переделал свой отклик на повесть одной дамы, явно автобиографическую. Она описала, как они с мужем-энкаведешником в конце 1930-х получили новую квартиру и как она «пролетала по просторным чистым комнатам, точно юная фея». Дальше говорилось, что раньше квартира принадлежала «каким-то Рабиновичам, которые в чём-то провинились и их куда-то выслали». Бывшему следователю Журю не понравился сарказм, с которым я разъяснял «юной фее», куда выслали Рабиновичей, и он потребовал убрать эту фразу.

– А что, Пётр Владимирович, – спросил поднаторевший в демагогии рецензент, – я вот газеты нерегулярно читаю – неужели пропустил? Неужели постановления XXII и XXIII съездов коммунистической партии о культе личности уже отменены?

Жур налился кровью и посмотрел на меня так, словно хотел сказать: «Эх, попался бы ты мне в конце тридцатых!». Рецензию поручили написать кому-то другому, и я лишился своих честно заработанных трёх рублей.

Марина тоже понемногу подрабатывала пером – её поприщем была журналистика. Детская редакция Ленинградского радио, в лице Лии Абрамовны Флитт, сумела оценить её таланты и поручила ей серию радиопередач об истории разных районов города на Неве. Идея была в том, чтобы в какой-нибудь школе выбрать полдюжины способных шести-семиклассников, устраивать с ними экскурсии по историческим местам, встречаться с интересными людьми, брать у них интервью под магнитофон, и потом монтировать всё это в часовую

программу. Если делать халтурно, можно было бы уложиться в две недели, но халтурить Марина никогда не умела, поэтому с трудом укладывалась – под стоны и поторапливания Лии Абрамовны – в два месяца.

Гораздо более серьёзным заработком были инсценировки для радио- и телеспектаклей. Однако здесь всё зависело от милости редакторов: кому-то дадут, а кого-то обойдут. Например, Яшу Гордина редакторы ценили, но в конце 1960-х он подписал открытое письмо в защиту Гинзбурга и Галанскова, и на него, как и на других подписантов, обрушились всевозможные кары, в том числе и запрет на какие бы то ни было публикации. Что было делать? Так надо же, нашлось несколько смелых редакторов, не побоявшихся принять участие в несложном заговоре: Гордин писал инсценировку, объявлял автором кого-то из литературных друзей, ещё не попавших в чёрные списки, студия запускала материал в работу, гонорар выписывали на имя подставного автора, тот получал его в кассе и передавал настоящему автору. Так тянулось несколько лет, пока запрет не то чтобы был отменён, а как-то растворился сам собой. На первый же гонорар, полученный под собственное имя, Гордин созвал всех нас – помогавших – к себе домой на вечеринку, которая получила название «Бал двойников».

Потом в головах литературных подёнщиков родилась удачная мысль: почему бы не написать популярно для детей про какие-нибудь технические чудеса нашей эпохи? Зря что ли в столах у нас лежат инженерные дипломы? Бывший инженер Марамзин написал книжку о городском транспорте и очень гордился придуманным названием «с секретом для посвящённых»: «Кто развозит горожан». Я решил воспользоваться своим знанием аэродинамики и описал чудо XX века: полёт человека в машине тяжелее воздуха. Книга «Сильнее ветра, быстрее звука» оплатила примерно полгода жизни нашей семьи, а потом ещё немного добавилось за её издание в переводе на молдавский язык. Тебе интересно, читатель, как звучит название по-молдавски, то есть на самом деле по-румынски? «Май путерник на вынтул, май рапид на сунетул».

Получить путёвку на оплаченное выступление перед читателями мне удалось только два или три раза. То ли репутация у меня была подмочена, то ли просто дамы, ведавшие в Союзе писателей распределением этих выступлений, имели своих любимчиков. Запомнилась такая сцена – я стою в зале ремесленного училища, перед аудиторией будущих ткачих, форменные платья пятнадцатилетних женщин готовы лопнуть под напором весенних соков, и мне вдруг становится нестерпимо стыдно за то, что я морочу им голову какой-то историей про никому ненужную старуху (рассказ «Телевизор задаром»), вместо того чтобы крикнуть: «Все свободны! В сад, в поле, в луга, в озёра! Исполняйте завет Творца – плодитесь, размножайтесь и наполняйте землю!».

Подёнщина экранная

Иерархия документального кино имела свои строгие градации и ступени. Женя Рейн, например, сумел даже завоевать прочную позицию на студии Леннаучфильм, научился придумывать и пробивать интересную и «проходную» тему (например, «Чуккокола», 1972), заключать договор, добиваться утверждения в плане, дожидаться выхода на экраны. Нет, мне такое не удалось ни разу. Меня отнесло вниз, на Ленинградскую студию документальных фильмов, причём, на самую нижнюю палубу галеры: писание текстов для ежемесячной кинохроники, но не городской – чином не вышел! – а для областной.

Допустим, студия получала известие о каких-то трудовых свершениях и успехах в Луге, Приозёрске, Волхове, Тихвине, Ивангороде или другом отдалённом уголке Ленинградской области. Туда посылался кинооператор с помощником, они снимали отличившихся производителей, их машины и станки, их комбайны и экскаваторы, прилагали краткое описание, фамилии и имена героев и присылали всё это на студию. Режиссёр монтировал киноматериал и только после этого вызывали литературного негра, который должен был сочинить текст для диктора за кадром.

Я довольно быстро набил руку на этом деле и безотказно мчался на вызов. Одна беда: на даче Куприянова телефона не было, а ждать *ежемесячная* хроника не могла, поэтому часто работа доставалась другому. На студии в те годы работали два талантливых режиссёра, с которыми у меня завязалась долгая дружба: Павел Коган и Пётр Мостовой. К сожалению, мои литературные способности им были не нужны: они сочиняли такие фильмы, в которых текст играл ничтожную роль. Например, Коган сделал фильм о блокаде – целиком на документальных фотографиях. Единственным «движущимся» элементом была кинокамера. Вот рота солдат идёт по ленинградской улице на фоне разбомбленного дома. Камера медленно наезжает на фотографию, за кадром – марш и стук сапог, разом ударяющих о мостовую. У зрителя – полное ощущение, что мёртвое изображение «ожило» и превратилось в киноплёнку, и рота идёт в окопы прямо на передовую, проходящую где-нибудь не дальше Пулкова.

Вдвоём Коган и Мостовой придумали и сняли десятиминутный фильм «Взгляните на лицо». Они установили в Эрмитажном зале, рядом с картиной Леонардо да Винчи «Мадонна Литта» полотняную будку, Мостовой спрятался в ней с камерой на штативе и снимал посетителей музея, останавливавшихся перед картиной: школьница; пожилая работница в косынке; молодой солдатик; мужчина с заснувшим ребёнком на руках; старый интеллигент в галстук бабочкой; иностранный турист с фотоаппаратом. За кадром – звуки клавесина и голос экскурсовода: «Взгляните на лицо мадонны. Оно прекрасно. В нём видны те чудесные качества, которые свойственны всем матерям». А мы не можем оторвать глаз от человеческих лиц, схваченных в момент серьёзной и почтительной сосредоточенности. Каждое – как шедевр искусства фотопортрета. Какое многообразие чувств, какой парад! Феллини мог бы позавидовать.

Всё же один раз мне удалось оказать помощь моим друзьям. Я сидел в студийной библиотеке, проверял понадобившиеся мне цитаты из Блока, когда меня отыскал там Паша Коган и, с криком «Игорь, спасай!» потащил к

себе в просмотровый зал. По дороге он объяснил, что произошло. Они уже смонтировали очередной киножурнал, его нужно было на следующий день везти на цензуру в Ленинградский обком, и вдруг выяснилось, что к одному из присланных и уже вмонтированных кусков нет никаких разъяснений: то ли оператор забыл приложить, то ли они потерялись по дороге. В кадрах двигались лесорубы с бензиновыми пилами, клонились и падали деревья, их кроны стучались о землю – и всё. Ни имён героев труда, ни размеров перевыполнения нормы, не было даже названия местности, где происходило дело. И выбросить сюжет было невозможно, потому что каждый киножурнал должен был иметь стандартную длину: десять минут.

Что было делать?

Я посидел минут пять, глядя на экран с падающими деревьями. Потом вернулся в библиотеку, отыскал на полках том Льва Толстого с рассказом «Три смерти» и через полчаса подал Паше листок с таким примерно текстом:

Русский читатель знает и помнит чудесное описание гибели дерева в одном из рассказов Льва Толстого: «Дерево вздрогнуло всем телом, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своём корне. На мгновение всё затихло, но снова погнулось дерево, послышался треск в его стволе, и, ломая сучья и спустив ветви, оно рухнулось макушкой на сырую землю».

Великий писатель часто задумывался над загадками бытия. Зачем умирает человек? Зачем умирает дерево? Но сегодня на последний вопрос мы знаем ответ. Из деревьев, срубленных этими героями-лесорубами, будет изготовлена отличная бумага, на ней напечатают новое издание произведений Льва Толстого, и каждый житель нашей страны сможет насладиться бессмертными строками: «Первые лучи солнца, пробив сквозившую тучу, блеснули в небе и пробежали по земле и небу. Туман волнами стал переливаться в лощинах, роса, блестя, заиграла на зелени, прозрачные побелевшие тучки, спеша, разбегались по синевшему своду. Птицы гомозились в чаще и щебетали что-то счастливое, а сочные листья радостно и спокойно шептались на вершинах».

– Спаситель ты мой! – возопил Коган. – Я руки тебе готов целовать!

И убежал доделывать журнал.

На киностудии Ленфильм отделом дублирования иностранных фильмов заведовала добрая душа, Алла Михайлова, и она часто подбрасывала нам работу по укладке текста на губы актёров. Припоминаю, что, кроме меня, эта подёнщина перепадала Бродскому, Косцинскому, Кушнеру, Лосеву, Марамзину, Уфлянду (он впоследствии женился на Алле). Делался дубляж таким образом: кинолента разрезалась на куски с диалогами, эти куски склеивались в кольца, и проекционный аппарат начинал гонять по экрану очередной фрагмент. Актёр-укладчик вглядывался в губы персонажей и говорил литобработчику, где ему нужны звуки, открывавшие рот – «а», «у», «я», а где губные – «п», «б», «в». Задача состояла в том, чтобы переделать русский перевод отрывка по возможности близко к тому, как это произносилось на экране. Заключительный этап, озвучивание, делался профессиональными актёрами, мы в нём не участвовали.

Обычно европейские и американские фильмы доставались Кириллу Косцинскому – всё же он и по возрасту был старше всех нас, и знал несколько иностранных языков. Мне же чаще приходилось работать с фильмами союзных республик. Но страсть к лингвистике обернулась у Косцинского тем, что он уже в лагере начал собирать коллекцию жаргонных и блатных слов, которая потом вылилась в его «Словарь ненормативного русского языка». Граница между цензурными и бранными словами в его сознании постепенно размывалась, и однажды это привело к микро-скандалу на студии дубляжа.

Я сидел в просмотровом зале и уныло подбирал слова для латышских крестьян XIX века, чьи страдания под гнётом царизма были чёрно-бело воссозданы Рижской киностудией. Вдруг из соседнего зала появляется режиссёрша и – да, читатель, я люблю вспоминать себя в роли спасителя! – кричит точно, как Павел Коган:

– Игорь, спасай! Кирилл, злодей, смену кончил и смылся, и погляди, что он мне оставил!

На экране начинает крутиться полуминутное кольцо из «Майерлинга». Снова и снова император Франц-Йозеф (актёр Джеймс Мейсон) уговаривает своего сына, кронпринца Рудольфа (актёр Омар Шариф), не жениться на незнатной чешке, снова и снова повторяет, что их дети будут не Габсбурги, а какие-то bastards! Эта губная «б» и следующая за ней «а» видны так отчётливо под усами Мейсона, что обойти их невозможно. И что же сделал злодей Косцинский? Вписал в текст слово из своего словаря: «выБльАдки».

– Я не могу выпустить ленту с таким словом! – стенает режиссёрша.

А и правда – что тут можно придумать? Сказать «бастарды»? Многомиллионный советский кинозритель не знает этого слова. «Незнатные, незаконнорожденные»? Не вмещается по длине, нет губных звуков. Поломав голову я совершаю очередную трусливую уступку цензуре и предлагаю слово «пáрии». Осчастливленная режиссёрша убегает. Кирилл при встрече обливает меня презрением и насмешками. Я принимаю их покорно. Разве могу я сердиться на человека, который, с риском для себя, месяц назад переправил на Запад с заезжим иностранцем рукопись «Практической метафизики»?

Все мои попытки продать киностудиям – Мосфильму или Ленфильму – роман «Смотрите, кто пришёл!» провалились. С трудом мне удалось заключить договор на экранизацию детской повести «Таврический сад», но не на полнометражный фильм, а на сорокаминутную четырёхчастёвку. И потянулись месяцы и годы бесконечных переделок сценария по требованиям редакторов. Эпизод противоборства с «дамской кинопромышленностью», описанный выше в письме в литовскую деревню, был только одним из многих. Завет Ленина – «из всех искусств для нас важнейшим является кино» – соблюдался свято. А это означало, что цензурный зажим в кинематографии был самым свирепым. Но и кассовые сборы фильмов постепенно приобретали статус важного показателя. Директор киностудии Ленфильм, бывший актёр цыганского театра Киселёв, учил режиссёров

и сценаристов, как обеспечивать высокие кассовые сборы без ущерба для идейности фильмов:

– Вот, допустим, у вас картина на девяносто минут. Так нужно, чтобы 85 минут шли танцы, драки, блядки, погони, грабежи, любовь всякая, пьяные оргии – чтобы зритель валом валил. А в последние пять минут входят милиция и дружинники и всю лавочку разгоняют. «Такого не должно быть в нашей стране!» Неужели непонятно?

В ожидании очередного заседания редсовета я слонялся по студии, заводил знакомства, развлекал себя всей экзотикой большого иллюзиона. Пятнадцать лет спустя какие-то из врезавшихся в память сцен всплывут в романе «Архивы Страшного суда»:

«Запомнились потом крепче всего только самые маскарадные картинки: стрелец с бердышом, звонящий по телефону-автомату; выставленные во дворе в один ряд карета, полевая кухня, скорострельная пушка, катафалк, орган, гильотина, тачанка (для фильма о вечной революции?); или две дамы в кринолинах, несущие из буфета связки сосисок; или просмотр какого-то фигурно-конькобежного мюзикла, где все приглашённые и пробравшиеся тайком ютились в рядах, а для директора кресло было поставлено на возвышении, и он сидел там, толстый и курчавый, как какой-нибудь новый хан, взирающий на пронсящих по овальной стене неземных гурий, сжимая пальцами не плётку, а карандаш, которым он время от времени чиркал в блокноте».

На студии меня не покидало ощущение, что все были придавлены тревогой и напряжённым желанием то ли не упустить что-то, то ли, наоборот, быть замеченными, не упущенными из виду (кинокамерой? зрителем? режиссёром?). Это чувство тревоги в коридорах киношного мира висело гуще и тяжелее, чем в любых других лабиринтах, подчинённых Министерству культуры. Писатели и поэты всё же могли «писать в стол», художники – терпеливо накапливать дома отвергнутые выставками полотна, композиторы и барды – доверять свои произведения магнитофонным лентам. А что оставалось киношникам? Их выход к зрителю был намертво перекрыт

многослойной, многократной цензурой. Это изматывало, напрягало нервы, мучило унижением и беспомощностью. Я уверен, что все ранние смерти наших лучших режиссёров той поры были прямым результатом этого неравного противоборства. Илья Авербах умер в 52 года, Динара Асанова – в 43, Андрей Тарковский – в 54, Лариса Шепитько – в 41, Василий Шукшин – в 45.

«Таврический сад» наконец вышел на экраны в паре с какой-то другой короткометражкой, мелькнул несколько раз в окраинных кинотеатрах и исчез. Моя карьера киносценариста была на этом закончена. А что впереди? Слабыми огоньками надежды мелькали какие-то отклики из провинциальных театров, потихоньку продвигалась вперёд очередная детская повесть. Но общее настроение было невесёлым, борьба за выживание для генеральского истопника делалась всё труднее. «О бедность, заучил я, наконец, урок твой горький».

Единственной отрадой оставались летние каникулы в деревне.

15. Приют спокойствия, трудов и вдохновенья 1970 и после Дачники

Русская природа в стихах Пушкина – это почти всегда природа Псковщины. Здесь он провёл детство, здесь томился в ссылке. «В багрец и золото одетые леса» – это леса по берегам рек Великой, Сороти, Алоли, Шелони, Псковы. Но псковское лето он оклеветал. «...Когда б не пыль, не зной, не комары да мухи» – неужели ничего другого не замечал? Неужели – как и Онегина – «...на третий роща, холм и поле / его не занимали боле»?

«Деревня, где скучал Евгений...»

«Прелестный уголок» – да, это про нас, про наши Усохи, приютившие нас на многие годы. Но «скучал»? Вот уж чего не было, так это скуки. Да и как можно заскучать с такими славными, такими талантливыми, такими остроумными, такими начитанными друзьями?

Ядро колонии составляли три семейства: Ефимовы, Гордины и Петровы. Про Гордина уже было рассказано выше. Его жена, Наталья Леонидовна Рахманова, Тата – для

друзей и родных, дочь известного киносценариста и писателя, Леонида Николаевича Рахманова, – прекрасная переводчица с английского. Как раз в 1970-е она работала над первым полным переводом «Хоббита», и наши дети имели возможность читать эту книгу прямо с машинописных листов.

Михаил Петрович Петров был уже тогда профессором, занимался физикой плазмы. Но порой отвлекался и на литературные труды. «Огонёк» напечатал несколько его рассказов. Однако зов науки оказался сильнее. Свой литературный дар Михаил использовал для устных историй. Несколько из них я впоследствии украл для своих романов – пора, наконец, выразить ему за них благодарность. Жена его, Мия Гильо, Мика, играла в литературе самую важную роль – была талантливым читателем.

Игорь Ефимов в 1970-е. Фото Бориса Шварцмана

Собирались по вечерам чаще всего у нас. Нам с Мариной досталась маленькая бревенчатая пристройка к хозяйской избе, состоявшая из комнаты размером в шестнадцать метров и кухоньки в три раза меньше. Наши дочери спали в комнате, а в кухоньке шестеро человек могли усестись лицом к стене перед полкой-столом, на которой теснились тарелки и стаканы. Электричество часто

отключалось – тогда сидели при свечах. Но какие это были весёлые застолья!

Кроме постоянных членов колонии, часто наезжали гости из обеих столиц. В кухоньке места им не хватило бы, с ними общались при дневном свете, на берегу Великой. Рассматриваю старинные фотографии, вглядываюсь в дорогие лица, ворошу воспоминания.

Вот нагрязнули Штерны – Люда, Витя и их дочь Катя, привезли баранье мясо. Шашлык дымится над углями костра, в золе печётся картошка, а рядом с огнём томится завёрнутая в листья кувшинок щука, только что подстреленная охотником Ефимовым. Поляна, получит название Первая шашлычная, в отличие от последовавших Второй, Третьей, Четвёртой. («Где встречаемся завтра?» – «На Третьей шашлычной!»)

Удачливый охотник

Вот Пётр Грязневич, арабист, только что вернулся из Южного Йемена, где он давно ведёт историко-этнографические исследования. Работая в качестве переводчика с группой советских врачей, он смог заглянуть в недоступный для посторонних мир: домашнюю жизнь мусульманского семейства. Марине нравятся его рассказы о тайном могуществе арабской женщины. Днём она покорно

семенит по улице за мужем, который важно шествует, украшенный чалмой и кинжалом. Но вечером дома может распоясаться, распорядиться и орать, как какая-нибудь русская бой-баба.

Друзья в квартире Ефимовых на канале Грибоедова № 9: Стоят Яков Гордин и Анатолий Найман, сидят Александр Кушнер, Тата Рахманова, Михаил Петров и Мика Петрова

Ещё Грязневич описывал усилия советских дипломатов оседлать военный переворот в стране и затянуть её в орбиту своих сателлитов. Начинать они собирались с раскулачивания. «Как по-арабски будет кулак?» – «По-арабски кулак будет кулак, – отвечал Грязневич. – У них нет такого явления, нет и слова для него». Южный Йемен остался независимым, нераскулаченным, опасным, непредсказуемым, в чём впоследствии могли убедиться моряки американского крейсера «Коул», взорванного джихадистами в порту Адена в октябре 2000 года.

Время от времени приезжает отдохнуть главный режиссёр Ленинградского театра комедии, Вадим Голиков. Он дружит с Гординым, они вместе работают над разными театральными затеями. Управлять труппой, привыкшей подчиняться авторитету Николая Акимова, ох, как нелегко! И всё же Вадиму удалось поставить на сцене театра

несколько великолепных спектаклей: «Село Степанчиково и его обитатели», «Тележка с яблоками», «Троянской войны не будет».

Семья Ефимовых на берегу реки Великой

Один летний сезон в соседней деревне провели Найманы. Наша Лена в свои одиннадцать лет уже «ставила спектакли» с местными детьми, и семилетняя Аня Найман, конечно, получала в них роли, так же, как и сын Гординых, Алёша. Дорога к Найманам занимала минут пятнадцать и проходила по пешеходному мостику через речку Алоль. Этот мостик мы пересекали в обе стороны много раз, и потом он всплывёт в чудесном Наймановском стихотворении, посвящённом Ефимовым, которое кончается строфой:

*Что же привязанности все наши – благо ль, иго ль?
День каждый живя, мы умираем, Марина, Игорь!
Кому из Жеймяны, за берег держась, сказать: «Холодина!»?
Через Алоль где-то был к вам мост, Игорь, Марина.*

Добирался до нас и враг всего банального, Серёжа Вольф, самым фактом своего появления, молчаливо признавая за нами – так мне казалось – хоть какую-то меру оригинальности. Впрочем, не исключено, что его просто влекли рыболовные загадки реки Великой. Стоя в резиновых сапогах по колено в воде, посреди листьев кувшинок, осенённый кустами бересклета, он прекрасно вписывался в псковские пейзажи. Казалось, и рыбы узнавали в нём знатока и пытались ошеломить полной непредсказуемостью: клевали в неправильное время дня, при неправильной погоде, на неправильную наживку, а чаще отказывались клевать совсем – на любую.

Делиться старыми друзьями с новыми – дело деликатное, волнующее: примут или нет? Сашу и Тамару Нильва полюбили и Гордины, и Петровы. С Тамарой я был знаком с детства, с Раифской колонии, где её мать, Элла Иосифовна Гинзбург, учила малолетних преступников английскому. Совсем молодой Тамара заболела какой-то неизвестной болезнью позвоночника, которая не давала ей возможности сидеть. «Но зато *как я лежу!*», говорила она. Фамилию «Нильва» склонять нелегко, однако выход подсказала надпись на статуэтке Будды, увиденная ими в комиссионном магазине: «Будда, одна, подержанная». Так вот, однажды поездка в Усохи у *Нильвов* сорвалась из-за несчастного случая, в котором Сашин характер отразился, как в капле воды. По своей доброте он позволил приятелю поставить мотороллер в тесном гараже рядом со своим «запорожцем». Когда пришла пора выводить автомобиль, Саша выкатил мотороллер, но из-за неисправной подпорки оставленный мотороллер начал падать. Ни секунды не задумываясь, суперответственный Саша попытался удержать его, подставив колено. Острый фронтальной щиток перерубил мышцы до кости. Поистине, «ни одно доброе дело не останется безнаказанным». Наша дружба с Сашей Нильва (Нильвой?) продолжалась и в Америке, куда его с семьёй выпустили после шестилетнего отказа, но Тамара умерла в Ленинграде в год нашего отъезда.

В свою очередь, от Гординых мы «получили» Валентина Певцова. По профессии он – преподаватель

английского, по страсти – книгочей и меломан. Это в его доме я впервые услышал «Бранденбургские ворота» Брубека и остался в плену этой симфонии на всю жизнь. Обаяние Певцова описать невозможно, единственное свидетельство ему – множество заполонённых сердец – мужских и женских. Он навещал нас несколько раз в Америке, в последний приезд помог Марине посадить дерево около нашего дома. Теперь оно так и называется: «клён Валечки Певцова».

Когда нас навещал Марк Подгурский, партнёров на бридж в деревне найти мы не пытались. Зато могли предаться другой общей с ним страсти: подводной охоте. Подводный мир реки Великой не уступал по своей красоте миру, открытому нам Жаком Кусто. Вода была довольно холодной, через двадцать минут очень хотелось вылезти из неё и погреться. Тогда ружьё и маску брал напарник, и охота продолжалась. Число язёй, голавлей, щук, окуней, попадавших на стол Усошской колонии, заметно увеличивалось в эти дни. Иногда удавалось побаловать друзей и свежими раками. А однажды мы с ним увидели печальное зрелище: песчаное дно одной излучины, усыпанное сотнями дохлых рыбёшек – жертв браконьерского глушения. Ведь после взрыва хорошо если одна десятая погибших рыб всплывает на поверхность – остальные опускаются на дно. Если бы браконьеры были поумнее, они должны были бы взять в дело ныряльщиков – тогда их добыча возросла бы раз в десять. Но мы бы на такое грязное дело не пошли – правда, Марк?

Из Москвы приезжал Александр Грибанов, конечно, с каким-нибудь запрещённо-подсудным чтением в портфеле, с новостями про общих друзей и про общих врагов, про обыски, допросы, очные ставки. После высылки Солженицына в 1974 году, КГБ взялось за тех, кто помогал ему хранить, перепечатывать и пересылать на запад его рукописи. Друг Грибановых, Вадим Борисов, участвовал в сборнике статей «Из-под глыб», составленном Солженицыным, и за это ему запретили защиту диссертации, закрыли все пути профессионально заниматься

историей России. Других друзей, сына и дочь Елены Боннэр, исключили из института.

А вот снова Штерны – около своего автомобиля. Это 1975 год, они приезжали проститься перед эмиграцией. «Стра-а-а-ашно – аж жуть!» Первые в нашем кругу, отчаянные. Они рассказали, что мать Люды, Надежда Филипповна Крамова, начинает каждый день с того, что садится в постели, раскачивается и воет: «Не хочу жить! Не хочу жить!». Сама Люда с тревогой спрашивала у приезжей американки: «А мы там не пропадём?». Та успокаивала её: «Если вы *здесь* не пропали... Вы – как это? – *закалонные*». По поводу их отъезда подруга Гординых, переводчица Аза Ставиская, обронила ставшее знаменитым восклицание: «Как хорошо было при Сталине! Никто никуда не уезжал!».

Со всеми уезжавшими мы, конечно, прощались *навсегда*. Даже и мысли не было о том, что когда-нибудь и нашей семье может достаться эмигрантская судьба.

Сельчане

К нам, ко всей нашей компании и к гостям, они относятся по-доброму, но между собой говорят: «В чём сила евреев? Вот в этом самом: если один найдёт хорошее место, всех за собой тянет».

Другой эпизод на эту же тему. Я собрался в поселковый магазин за продуктами, остановился под окном Гординской избы, спрашиваю у Таты, что купить для них. Потом иду дальше. Вдруг меня догоняет деревенская женщина и говорит взволнованно:

– Вы меня извините, ради Бога... Я ничего... Я просто давно хотела вам сказать, как я вас всех уважаю! За то, что вы так помогаете друг другу... А мы... А у нас, русских... Буханки хлеба не допросишься купить!

Я предложил купить продуктов и для неё, благо рюкзак был большой – армейский, «абалаковский». Но оказалось, что ей ничего не нужно, – просто хотела облегчить душу, высказать наболевшее.

За деревней была ложбинка, в которой сельчанам выделили полоски земли для личных огородов. Воду для поливки приходилось носить в вёдрах либо из реки, либо из

колодца – тоже не близко. Я спросил старика, у которого мы снимали избушку-пристройку:

– Савелий Иванович, почему бы вам не сложиться и не купить насос – один на всех? Вот Фёдоровы в одиночку купили, и теперь у них и сад, и огород всегда политы без хлопот.

– Эх, Маркович, как ты не понимаешь! «Один на всех». Вот я услышу, что насос заработал, и буду думать: «Это, наверно, опять Ганька включила без очереди. А нам всем платить за электричество». Ведь изведусь от злости и подозрений.

Ту же тему затронул и философ Александр Зиновьев, человек подчёркнуто русский, в интервью, данном им профессору Джону Глэду в 1988 году: «Евреям свойственна гораздо большая солидарность, чем русским. Русские – не солидарный народ... русские не поддерживают друг друга. Меня и в Советском Союзе, и здесь на Западе в гораздо большей степени поддерживали евреи, чем русские».

Компания у нас была довольно смешанной по пятому пункту, примерно половина – русские или полукровки. Но сельчане всех нас отнесли к евреям, видимо, по пяти главным признакам: не напиваются, не матюгаются, не бьют жён и детей, чисто говорят по-русски, а главное – устроились так, что могут всё лето не работать. (Наше стучание на машинках они, конечно, за работу не считали.) Но враждебности в этом не было – просто такой жизненный факт. Тем более что деревня была издавна староверская, здесь умели сочувствовать гонимым. Пятидесятилетняя Ирина Андреевна говорила мне не без гордости:

– А правда ведь, Маркович, что *наша* вера ближе к *вашей*?

Я понимал, что она имела в виду, и соглашался.

Единственный из нас, кто не укладывался в представления деревни о еврейской нации, был Яша Гордин. По избытку сил, по доброте и сердечной отзывчивости, он всё лето тратил свою энергию на полезные дела, безвозмездно помогая сельчанам: окучивал картошку, латал крышу, рыл колодец, пилил дрова, вскапывал и поливал огород, чинил ограду, а умирал кто – помогал и могилу

выкопать. Деревня его боготворила. И вот однажды, во время совместного с сельчанами застолья, жена Тата проговорила, что она-то как раз русская, а муж вот у неё случился евреем.

Мёртвая тишина установилась за столом.

– Нет! – грохнул кулаком по столу тракторист Витя.
– Не может того быть.

– Правда, правда.

– Аркадьевич – еврей? Такой человек?! – Витя обвёл всех налившимися пьяной слезой глазами, понял, что его не разыгрывают, и с непередаваемой горечью человека, у которого отнимают веру всей жизни, произнёс: – Не говорите этого больше... Не расстраивайте меня...

Говор у сельчан характерно псковский. В нём нет местоимений «что», «чем», «чего» – только «кто», «кем», «кого». «Пойду морковки куплять, а то суп не из кого варить». «Михайловна (это к Марине), ты кого это – книжку читаешь? Ну, читай, читай – кого тебе ещё делать». Зато слова произносятся целиком, буква за буквой. Встречаем на улице старого Феоктиста, я роняю по-городскому скомканное «здрать». «Здравствуйте, добрые люди» отвечает чисто и ясно Феоктист.

Если заходит разговор о политике, обе стороны осторожничают, выбирают слова и предметы для обсуждения.

– По радио передавали, – роняет Савелий Иванович, – в Финляндии – сплошь дожди. Всё сено у фермеров сгнило.

Я вижу: ему приятно услышать, что где-то крестьяне бедствуют хуже, чем он. И не пытаюсь ему объяснить, что дожди или нет, а маленькая страна исправно снабжает пятиллионный Ленинград финскими яйцами и сливочным маслом.

Приезжаем летом 1972 года – Савелий Иванович встречает нас взволнованный.

– Маркович, мы так тебя ждали! Ты должен нам объяснить. А то мы уже ничего не понимаем. Пойдём, я уже и баню истопил для разговора.

Наши политические дебаты, как правило, протекают в полумраке парной.

– Что случилось, Савелий Иванович? О чём тревога?

– Да этот вот... Приехал и разглагольствует... А ему даже цветы подносят и оркестры играют...

– Да кто приехал-то?

– «Кто, кто...» Никсон ихний – кто же ещё...

Было начало детанта, и простые советские граждане не попевали за быстрыми извивами высокой политики. Особенно трудно было понять происходящее староверам, для которых имя американского президента было так созвучно имени их самого страшного врага, инициатора церковных реформ XVII века – патриарха Никона.

– И чего он такого сказал?

– А того... Тут, понимаешь, они зверствуют во Вьетнаме, у себя в Америке негров линчуют, Анджелу Дэвис мучают. А президент ихний приехал – и нате ему, оркестры и улыбки, и флажками машут... Не понимаем мы этого... Ты уж объясни нам тёмным...

Он в сердцах выплёскивает ковш воды на горячую каменку, исчезает в облаке шипящего пара.

– Видите ли, Савелий Иванович, – осторожно начинаю я, – очевидно, наше правительство, приглашая в гости американского президента, руководствовалось экономическими соображениями. Возможно, оно решило, что хватит нам дружить только с нищими палестинцами, кубинцами, йеменцами. Не пора ли завести дружбу и с богатой Америкой?

– Америка – богатая?! Да ты что? Ты, наверное, радио совсем не слушаешь. Там нищета, голод, забастовки, безработица. – И, подняв мокрый палец к чёрному потолку: – Доллар всё время падает.

Я смотрю на его мослы, обтянутые старческой кожей, на покрасневшую лысину, но всклоченную бороду. Ему 75 лет. Он прошёл Первую мировую войну, гражданскую, Вторую мировую. В 1920-е выделился на хутор – и как он вспоминает эти годы, своё цветущее хозяйство единоличника! Но звериную суть раскулачивания распознал раньше других – всё бросил и явился с семьёй к

брату: «Пусти жить в амбар». Так и стал в один день бедняком, спас себя и детей от наганов нагульновых и зениных. Теперь, на восьмом десятке, он должен летом трудиться 12-14 часов в день, чтобы заготовить себе на зиму картошки, дров, свиного сала. Но всё равно, несмотря на все труды, в его зимних письмах к нам проскакивают строчки: «Снегу навалило так, что до посёлка не доехать, не дойти. Сидим без хлеба голодом».

И что же его волнует больше всего?

Приезд злого американского президента, страдания заморских безработных, разорение финских фермеров. Я понимаю, что спорить бесполезно, и только говорю устало:

– Доллар, действительно, иногда падает, Савелий Иванович. Но он падает потому, что очень высоко стоит. А рубль – не падает. Ему падать некуда. Он тихо и послушно лежит на таком дне, что вы на него даже зерна для кур купить не можете.

Старик машет на меня рукой как на безнадёжного.

Всё же постепенно он проникался ко мне доверием и время от времени решался критиковать власти предрержащие – но с какого-то неожиданного – не того – бока.

– Я тебе, Маркович, честно скажу: на Ленина я в обиде. Вот у меня ноги так болят, так болят – а отчего? От того, что в двадцатые надрывался, себя не жалел. Зачем Ленин мужикам землю дал? Бери, говорит, сколько тебе по силам обработать. Вот я и взял через меру. А то, думал, дети вырастут и скажут: «Ты чего земли мало взял, когда давали? Хуже других что ли?».

Нельзя сказать, что сельчане верят каждому слову, вылетающему из репродуктора на стене. Если им не нравится – не верят.

Летом 1971 года вся деревня очень переживала гибель трёх советских космонавтов при разгерметизации корабля «Союз-11», спускавшегося на Землю после долгого полёта. Жена Савелия Ивановича, Ирина Ивановна, причитала:

– Ну, кого летают, куды? Разве мыслимое это дело – до Луны долететь?!

– Американцы, вот, долетели, – говорит Марина.

Старуха смотрит на неё и качает головой.

– Взрослая ты вроде женщина, а повторяешь такую ерунду. Не были они там никогда – и весь сказ.

– Да как же? Ведь и фотографии сделали, и киносъёмки показывали...

– Эва, фотографии! В пустыне своей наснимали и морочат дурачков. Наш Серёжка не хуже может наснимать – на пустыре за домом.

Не станут верить и собственным глазам, если увидят что-то обидное для себя. Лучший пример – история про спасение коня, провалившегося на мосту. Возьму её целиком так, как она запечатлелась в моём романе «Седьмая жена». И тысячи извинений, любезный читатель, за неизбежный оттенок хвастовства – уж очень я горжусь проявленной в этой операции смекалкой.

– Помогитё... Помогитё...

Голос снова приближался.

Антон вышел на крыльцо, окликнул незнакомую тётку, бредущую по улице и зовущую на помощь.

– Эй, мамаша! В чём, кажется, быть беде?

Тётка глянула на него из-под ладони.

– Да вот, родителька ты мой, ехали мы, слава Богу, в посёлок, в магазин, слух прошёл, что спички завезли и курево, и песок у нас кончился, мы и поехали из наших Чаловниц напрямки, но вода, вишь ты, поднялась, вброд лошади не перейти, мой-то и говорит: «Давай да давай, через мост, одна живём», такой рисковый, я ему говорю, на этом мосту ещё о прошлом годе племянник на мотоцикле чуть не провалился, а с той поры никто его не чинил, а только ледоходом весной ещё хуже расшатало, а он своё, давай да давай, вот и поехали, вот и провалился конь, а он у нас последний, один на всю деревню...

– Разбивался? До смерти?

– Не-а, висит ещё... Передние ноги на мосту, а зад весь над водой свесился. Мужики ваши уже почтай второй час над ним бьются... Да не осилить им вятером... Вот послали меня ещё подмогу звать... А где она, подмога? Все ваши с утра на вырубках, сухостой валят, одни детки да старухи вроде меня по домам сидят. Уж ты не откажи,

кормилец, приложи ручку свою... Глядишь, вшестером-то и сладите, где пятерым – невподым.

...Дорога перевалила через холм, и взгляду открылась река. Деревянные сваи моста вколочены в дно под углом, расплзаются, как ноги пьяницы, покрыты ссадинами от весенних льдин. Сверху – дощатый настил, сквозь который поблескивает вода. Конь сидел посредине, в нелепой собачьей позе, выставив передние ноги. Задние, вместе с крупом, провалились в дыру между разъехавшимися досками. Они болтались там в одном метре над несущейся отяжелевшей водой, судорожно искали опоры. На лошадиной морде – выражение виноватой тоски. Отпряженная телега стояла в прибрежных кустах.

Антон ускорил шаг, переиёл на бег. С первого взгляда ему было ясно: если доски раздвинутся дальше, конь рухнет всей тяжестью на камни внизу. Но собравшиеся мужики не допустят этого. Наверное, им не впервой вытаскивать провалившихся лошадей, наверное, они знают, с какого конца братья за такое дело. Всё, что требуется от него, Антона, – предоставить в их распоряжение пару своих рук...

Но, добежав до группы спасателей, Антон почувствовал – что-то неладно. Мужики явно устали и закручинились от тщетных усилий. Они бестолково хлопали коня по шее, гладили по морде, тянули за сбрую. Они вспоминали похожие случаи, хвастались, спорили, обижались, бились об заклад. Вот два умника сняли доску из настила, подсунули под лошадиное бедро, собрались нажать, как на рычаг. Ещё минута – и лошадиная кость хрустнула бы, порвав мясо. Антон едва успел оттолкнуть новоявленных Архимедов.

Теперь все уставились на незваного помощника с недоверием и насмешкой. «Этот откуда взялся?.. Кого он может знать о вытаскивании коней?.. У них, небось, в заморских краях и забыли, куда хомут надевать, куда – седло».

Антон размышлял лихорадочно.

«Нужен подъёмный кран... Но его не достать... Забудь о всякой технике... В скаутском лагере учили

вытягивать завязиющую машину: привязать верёвку одним концом к бамперу, другим – к дереву и навалиться посредине... Нет, это тоже не пройдёт – только исколечившь несчастное животное... Вот если бы сверху нависала прочная ветка, можно было бы перебросить верёвку и поднять, как лебёдкой. Но ветки нет. А если быстренько сколотить раму из брёвен? Этакую спасательную виселицу?.. Но хватит ли у нас силёнок – у шестерых – подтянуть наверх?.. А почему шестерых?.. Ведь есть ещё сам конь... Одна лошадиная сила... Одна большая лошадиная сила... Конь – сильнее нас всех... "

И тут Антон хлопнул себя по лбу и просиял.

– Толик! Будешь помогай?

Толик Сухумин с готовностью взялся за другой конец доски. Вдвоём они спустились под мост. Антон упёр один конец доски в береговой скат, знаками объяснил помощнику свою затею. Тот с готовностью подставил крепкую спину. Антон оседлал его и въехал в воду, держа второй конец доски. В полуметре под настилом, между сваями была прибита горизонтальная укрепляющая балка. Антон положил на неё конец доски. Попробовал – прочно. Толик, по пояс в воде, подвёз своего всадника под брыкающиеся лошадиные ноги. Антон крепко ухватил одно копыто и поставил его на доску. Конь перестал брыкаться, замер, словно не веря своему счастью. Потом замахал вторым копытом, чуть не разбив Антону голову, нащупал доску, упёрся.

Жилы его вздулись под дрожащей кожей. Ещё минута, и он не шагнул, а с грохотом взмыл вверх.

В опустевшую дыру хлынул дневной свет.

Ликующие крики спасателей слились с лошадиным ржанием и топотом копыт по доскам.

Толик вернулся на берег, спустил Антона на землю и начал прочувствовано трясти ему руку.

Распираемые гордостью, обняв друг друга за плечи, они выбрались из-под моста и замерли в картинной позе, ожидая поздравлений, дубовых венков, благодарственных грамот или хотя бы приветливого кивка.

Но никто не обратил на них внимания. Мужики уже перевели коня на другой берег, впрягли его обратно в телегу. Мимоезжая тётка кланялась в пояс каждому по очереди и осеняла крестным знаменем. Мужики хлопали друг друга по плечам, отирали пот, передавали по кругу бутылку с водой.

Антон не мог смириться с происходящим. Он перебежал через мост, приблизился к запряжённой телеге.

– Всем теперь ясно, как извлекать коней? – весело крикнул он. – Если кто не запоминал, можно повторять.

Мужики посмотрели на него с молчаливым недоумением. Переглянулись. Им явно было неловко за перемазанного, назойливого иностранца. «Кого он хочет от нас? – было написано на их лицах. – Мы долго и честно трудились, вытаскивали провалившегося на мосту коня. Наконец, с Божьей помощью, одолели всем миром это нелегкое дело. А этот прибежал на готовенькое и хочет теперь примазаться... Нет, не знают заграничные, как вести себя, нету у них правильной манеры».

Они молча расселись по краям телеги и поехали в сторону деревни. Даже Толик Сухумин обогнал Антона и присоединился к своим.

Антон, как оплётанный, потащился следом, пытаясь уложить в своей непривычной, тщеславной, заграничной голове трудный, но – видимо – очень важный урок.

Хлеб насущный

Мы не видим всходов из наших пашен...

Иосиф Бродский

Добыча пропитания в нашей любимой деревне была делом серьёзным, трудоёмким, но порой и азартным, как рулетка. Из города привозили с собой запас мясных консервов – то, что удавалось поймать в магазинах зимой. (Популярная шутка тех лет: «Мясо ромали, проживавшего в Сомали».) В Алольском сельпо покупали сахар, хлеб, соль, водку. Лес щедро одаривал грибами и ягодами, река – рыбой. Картошку и овощи нам продавали сельчане, но с молоком и яйцами становилось труднее с каждым летом. «Валя, когда же будут ячки-то?» – спросила одна

покупательница в сельпо. «Щас сяду класться», – ответила остроумная Валя.

Начав работу над книгой «Бедность народов» (она выйдет в Германии, в 1979 году, под названием «Без буржуев»), я пытался взглянуть в феномен этого вечного советско-российского недоедания. Кое-что прояснилось, после того как «Литературная газета» опубликовала несколько цифр из справочника «Народное хозяйство СССР за 1977 год». Оказалось, что «площадь, отведённая под личное подсобное хозяйство жителей села, составляет 1,5 % всей пахотной земли в стране. На этих полутора процентах ежегодно производится 34 % овощей (от общего объёма по Союзу), 40 % яиц, 60 % картофеля. На них же содержится 18 % общесоюзного стада овец, 18 % свиней, 33 % коров, 80 % коз («Литгазета», 11-5-77)».

Одни, прочитав, недоверчиво качали головами. Другие кричали. Третьи спрашивали, как и кто мог провести такие подсчёты, если продукция не поступает на рынок, а в основном потребляется самими производителями. Четвёртые ругали колхозы. Пятые говорили, что этого просто не может быть и они никогда ни за что такому не поверят.

Но те, кому доводилось летом бывать в деревне, – те верили сразу.

В наших Усохах, например, совхозное поле начиналось прямо за личными огородами, так что контраст был особенно разительным. Идёшь по дороге мимо аккуратных рядов окученной, прополотой, пышно кустящейся картошки, и вдруг – что такое? – видишь бесконечное поле бурьяна. «Да нет, – уверяют вновь приехавших те, кто жил с самого начала лета. – Там под бурьяном тоже картошка. Только совхозная. Вон в одном месте её цветочки пробилась. Приедет трактор окучивать, тогда сами убедитесь».

Действительно, через несколько дней приезжает трактор. Конечно, разглядеть междурыдья в буйном море зелени тракторист не может, ведёт машину почти наугад. Да и некогда ему разглядывать. У него план – обработать столько-то гектаров, а как – не его забота. Срезанные плугом

картофельные стебли валяются в борозды вперемешку с бурьяном, но что-то все-таки остаётся стоять. Так что осенью картофелеуборочный комбайн выскребет из земли несколько мешков, да бригада работниц, бредя за ним, наберёт с поверхности ещё столько же. Сколько картошки остаётся в земле – никому неизвестно. Однажды к концу октября наши старики пришли на убранное поле и, что было силёнок, ковыряли его лопатами и наковыряли ещё мешков десять. Но не было подводы сразу отвезти по домам, оставили до удобного случая. А тут, как назло, проезжал директор совхоза и увидел.

– Что за мешки?

– Да вот, старички добрали, что в земле осталось.

– Как?! Государственное добро грабить? Не допущу!

Забрать на склад.

И забрали. Ну, на следующий год никто уже не пошёл добирать ту картошку – пусть себе гниёт в земле.

Каким же чудом появлялись на свет те пышные, зелёные ряды, которые покрывали личные участки крестьян? Да просто люди работали на них от зари до темна – только и всего. Работали старики, старухи, подростки, пенсионеры, инвалиды. Приезжала помогать в выходные и отпуска городская родня. Мужики после рабочего дня в совхозе или в близлежащем городе тоже заступали «во вторую смену», делали, что малым и старым не под силу. Техники никакой не было, лошадь хорошо если дадут на один день на всю деревню – на вспашку, потом на окучивание. Но многим не достанется и лошади, обходились тяпкой. С удобрениями и семенами тоже выкручивались, кто как сумеет, в магазине не купишь.

Но хуже всего было со сбытом продукции. Урожай, известное дело, год на год не приходится. Даже если крестьянин засевал участок в расчёте только на свою семью да на городскую родню, в урожайный год у него получался излишек, который он не прочь бы продать. Тут и начиналась морока. В сёлах, даже в крупных, рынки почти повсеместно были запрещены, закрыты, разогнаны, чтобы в людях «не развивался нездоровый дух наживы». Везти в районный центр? На чём? Насчёт дров из леса с шофёром

договориться ещё можно, но соваться в город с «частным» товаром на казённой машине – слишком рискованно.

Понятие «торгует» сделалось синонимом понятия «спекулирует». Торговать стало стыдно. Стыднее, чем пьянствовать или красть. Поэтому каждый поневоле старался ничего лишнего не выращивать. Мимо нашей деревни плыли на байдарках туристы, останавливались, просили продать картошки, молока, яиц. «Нету, родимые, только-только на себя хватает». Туристы из Прибалтийских республик не верили, обиженно поджимали губы. «Вот они, эти русские. К нам приедут – все прилавки опустошат, а как мы к ним – даже картошки не продадут».

Конечно, трудно поверить.

Трудно поверить, что в августе, я, пытаюсь купить яблок для детей, ходил из дома в дом и брал младшую, Наташу, с собой – «для жалости». Тогда удавалось кого-нибудь из хозяев растрогать, уговорить, и мы уносили полведёрка мелких, траченных червём яблочек. Сады стояли без ухода, стволы не белёные, не окопанные. Кому охота зря надрываться? А свиньи опадышами и так наедятся, они неразборчивые.

Псковская область снабжалась по 3-й категории. Это включало крупу, рыбные консервы, соль и хлеб. Хлеб привозили в больших количествах и продавали в магазинах. А мясо – нет. Весь скот, которые животноводческие хозяйства области сдавали государству, увозился на мясокомбинаты городов 1-й категории снабжения: Москва, Ленинград, столицы союзных республик. Но сельскому жителю прожить долгую зиму без мяса и жиров (масла в поселковых магазинах тоже почти не бывало) очень трудно. Поэтому каждый деревенский дом старался весной купить поросёнка (цена на рынке – 50-70 рублей), за лето выкормить его в кабана, осенью заколоть, сало засолить, мясо закатать в банки и тем салом и мясом всю зиму питаться.

Возникал вопрос: чем откармливать кабана?

Конечно, собирали объедки, варили картошку, мешали всё с рубленой травой. Но кабан ел это плохо, медленно набирал вес. А вот если добавлять хлеба, ел

вовсю. И добавляли. Покупали в магазине по десять, пятнадцать буханок свежесдобитого хлеба и скармливали его борову. Хлеб дешёвый – 14 копеек буханка. Это делалось и в те годы, когда пшеница закупалась за границей за золото и валюту. Словно в страшном сне: стоят в своих тёмных хлебах у корыт кабаны и хрюпают зелёные долларовые бумажки.

А птица? Чем откармливать кур? Зерна на Псковщине тоже было не достать. Иногда продавалась сырая рожь, но стоила она «по сложившимся ценам» 42 копейки килограмм. Кому это по карману? Так что и сюда шла та же варёная картошка и крошенный хлеб. Но хлебно-картофельная диета курам вовсе не нравилась. Начиналась нехватка кальция, скорлупа не образовывалась, и, вместо твёрдого яйца, несчастные птицы изливали посреди двора жидкую кашу с желтком посередине, которую вся стая тут же расклевывала.

Подкармливали хлебом и коров. Пастухи жаловались, что коровы в поле траву стали есть плохо, ждали, когда погонят домой, чтобы там полакомиться хлебом. С молоком в Усохах становилось тоже труднее и труднее. Чтобы заготовить на зиму две тонны сена на одну корову, крестьянину нужно было заготовить не меньше десяти тонн травы. Но где?

Из лета в лето доводилось нам наблюдать эту великую эпопею – борьбу крестьянина за сено для своей коровы. Ещё по ранней весне обходили совхозные бригады луга и всюду, где только сможет развернуться совхозная сенокосилка, втыкали свежесрубленную берёзку, завязывали её маковку узлом. Через несколько дней листочки забуреют, и завязанная березка превратится в издали видный знак, предупреждение для селянина – это государственное, тронуть не могут. Но на государственное крестьянин и не посягает и старается, по возможности, с ним не связываться.

Нет, не из общественного котла черпал 65-летний Анисим, окашивая скаты старого овощехранилища. И наш Савелий Иванович, махая косою от зари до зари на дальних прогалинах, тоже к тому котлу не прикасался. А Ермолаич,

который возил на своей лодке скошенную осоку с дальнего озера? А Феоктист, который по двадцать раз в дождливое лето то рассыпал скошенную траву на каждый проблеск солнца, то трусил наперегонки с тучей, чтобы успеть сгрести всё обратно в стожки? А высохший до размеров десятилетнего мальчика Мокей, которого не видно, когда он наваливал копну на свою тачку, сложенную из досок и велосипедных колёс, и впрягался в неё спереди вместо лошади? А согнутый пополам Фёдоровский дед, выползавший ворошить клюкой сено, пока главный кормилец семьи вкалывал в городских мастерских? И, наконец, тот незнакомый седой, грузный дядька, пронесившийся мимо наших окон на мотоцикле в сторону леса, каждый раз под вечер, после рабочего дня, так и не сняв мазутной спецовки, и возвращавшийся уже к ночи, с коляской, заполненной горой свежескошенной травы, – где, в какой чаще находил он свой заветный лужок? Откуда брал силы так надрываться?

А в газетах писали: «Намечается тенденция к свёртыванию личных хозяйств колхозников».

Свернёшься тут, если тебя столько лет бьют по голове рукояткой классового нагана.

Языком метафизики – о страстях истории

«Спокойствие» и «труды» я описал – время коснуться «вдохновенья».

Годы 1971-74 были отданы книге, которая в окончательном виде получила название «Метаполитика». Основные идеи её всплывают уже в четвёртой части «Практической метафизики». Но желание развить их, довести до большей ясности и убедительности, подкрепить цепью исторических примеров – не оставляло.

Впоследствии Револьт Пименов напишет в своей самиздатской рецензии на «Метаполитику»: «Ни один критик марксизма не дал удобной альтернативы ему... Московит же (не занимаясь критикой) эту альтернативу даёт» (самиздатский журнал «Сумма», стр. 557, опубликован в 2002 году, издательством «Звезда»). Мне было отрадно узнать, что эрудированный и талантливый

мыслитель подметил – угадал – оценил стержневой момент моего исследования.

И действительно: нам смешно сейчас смотреть на карту мира, которой оперировал Марко Поло; но другой у него не было и, худо-бедно, пользуясь ею, он доехал до Китая и вернулся назад. То же самое и с марксизмом – в течение ста лет он был единственной «сеткой координат» мировой истории, по которой можно было перемещаться в века минувшие и возвращаться обратно.

Однако бурные события XX века категорически отказывались втиснуться в марксову схему: первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодализм, капитализм, социализм. Когда социализм, восторжествовавший в России, Китае, Вьетнаме, Кубе, Камбодже, глазом не моргнув, возродил рабство, превзошедшее по своей жестокости все древние деспотии, схема выпустила воздух и рухнула на землю, как простреленный дирижабль. Для плаваний в океане мировой истории нужно было вычертить другие карты, изобрести другую сетку координат. Именно этот замысел лежал в основе работы над «Метаполитикой».

Не смена политических формаций, но неуклонный – и необратимый – переход с одной технологической ступени на другую – вот рисунок развития мировой цивилизации, проступавший передо мной.

Первая видимая ступень: человек живёт охотой и собирательством; именно на этой стадии приехавшие в Америку европейцы застали американских индейцев.

Вторая: приручено животное, начинается скотоводчески-кочевая эра, длившаяся тысячелетия для многих народов – скифов, галлов-кельтов, гуннов, готов, монголов.

Третья ступень: осёдло-земледельческая, непременно включавшая в себя «приручение» камня и металла для обороны от кочевников и от соседей, а также возникновение письменности; используемая энергия – ветер, вода, мускульная сила людей и животных.

Четвёртая: машинно-индустриальный век, начавшийся с овладения энергией пороха, пара, электричества.

Пятая стадия-ступень начинается на наших глазах, скорее всего ей подойдёт название «электронная эра».

Поразительный факт: даже сегодня мы можем найти на земле – и изучать – племена и народы, находящиеся на всех пяти ступенях. Ушедшие вперёд стараются помочь отставшим совершить необходимый прыжок, и то, что усилия эти часто не приводят к успеху, показывает нам, *как труден* для каждого этноса путь наверх.

Коренной вопрос, на который мне хотелось найти ответ: какие силы движут народом, поднимающимся *первым* на следующую ступень цивилизации? Почему одни народы обгоняют на этом пути другие? Какие внутренние потрясения переживает каждый народ в переходный период? В конце предисловия эта задача была сформулирована так: «как, каким образом народы достигали жизни свободной, цветущей, могущественной и как, из-за чего они эту свободу, силу, процветание утрачивали?».

Исторические события представлялись мне макроявлениями, которые можно понять, только связав их со свойствами микроклетки этих явлений – индивидуальной человеческой воли. Об этом писал уже Толстой во Втором эпилоге к «Войне и миру»: «Движение народов производит не власть, не умственная деятельность, даже не соединение того и другого, как то думали историки, но деятельность *всех* людей, принимавших участие в событии».

Принципиальная трудность этого подхода состояла в том, что микроатом исторических событий – человек – предстал перед нами в пугающем и обескураживающем многообразии. Разве позволительно было ставить знак равенства между строителем египетской пирамиды, скифским конником, американским ирокезом, китайским хунвейбином, варяжским мореходом, флорентийским суконщиком, русским казаком, испанским конквистадором? Здесь-то и приходила на помощь формула, созревшая в «Практической метафизике»: *всякий* человек есть воля, стремящаяся к расширению своего личного и социального я-

могу. Подобное абстрагирование от историко-географических и этнических частных особенностей позволяло сделать объектом наблюдений всю мировую историю и довести ход рассуждений до важных обобщающих выводов.

То же самое относилось и к политико-социальным структурам в доступных нашему взору пяти тысячелетиях. При всём фантастическом многообразии форм, в каждой из них кто-то должен был трудиться, кто-то – заниматься организацией труда и распределением продукции, кто-то – воевать и управлять, кто-то хранить важную информацию и постигать мироздание. Эти четыре необходимые функции государственной жизни один к одному воспроизводили четыре главные функции любого животного организма: мышцы, кости, хрящи осуществляют перемещение в пространстве; желудок, лёгкие, кишечник, кровеносные сосуды обеспечивают обмен веществ; волевое начало «принимает решения», когда бежать, а когда пускать в дело зубы и когти; органы чувств и память инстинкта поставляют информацию необходимую для ориентирования в пространстве и времени. Абстрагируясь от частных особенностей, мы получали возможность сравнивать различные государства по устройству в них четырёх главных функций общественной жизнедеятельности.

Во время плаваний по океану мировой истории особый сочувственный интерес вызывали у меня эпизоды успешного противоборства маленьких республик с огромными деспотиями. Навуходоносор в VI веке до н. э. завоевал весь Ближний Восток, но не смог взять крошечную столицу финикийцев – портовый город Тир; Афинская республика в V веке устояла перед страшным персидским нашествием; Римская отбилась от галлов-кельтов, покоривших в IV веке всю Северную Италию; Венеция в течение XV-XVII веков н. э. противостояла в Средиземном море турецкому гиганту; Голландия не дала себя покорить ни Испании Филиппа Второго, ни Франции Людовика Четырнадцатого (XVI-XVII века); Финляндия отбилась от Сталинских полчищ в веке XX; и в наши дни шесть миллионов израильтян выстаивают против напора 100-миллионного арабского мира.

В этом ряду история Псковской республики XIII-XV веков занимает своё почётное место. Как – каким чудом – отбивали псковские ратники раз за разом нашествия немцев, ливонцев, поляков, литовцев? Кто были те зодчие, что возвели неприступные стены Псковского кремля и купола собора Святой Троицы? Каким земледельческим талантом должны были обладать псковские крестьяне, чтобы извлекать обильные урожаи из этой небогатой земли, по которой я топаю в Алольский магазин и обратно? Летописи сообщают, что и в неурожайные годы голодающие со всей России тянулись на Псковщину, где хлеба всегда хватало. В том ли был их секрет, что никогда псковичи в своей республике не допускали холопства и крепостничества? Или в том, что их нравы отличались, по свидетельству заезжих иностранцев, честностью и человечностью? Или в том, что было на этих землях какое-то изначальное благословение, которое ощущали наши языческие предки, выбирая места для своих поселений и установки идолов?

Во всяком случае, наша компания горожан-дачников так прикипела сердцем к этим краям, что в течение семи лет никакие знаменитые курорты, никакой Крым, Сочи, Пицунда, не могли нас выманить с берегов Алоли и Великой.

17. «Ближе, ближе звон кандалный 1974-1975

Обыски и аресты

1974 год был заполнен атаками властей на непокорных литераторов. В январе из Союза писателей исключили Лидию Чуковскую, в феврале – Владимира Войновича. 11 февраля восемь человек ворвались в квартиру Солженицына, лауреата Нобелевской премии по литературе 1970 года, и увезли его в тюрьму Лефортово. Там, в одиночной камере, ему был зачитан указ, объявлявший его изменником родины, лишавший советского гражданства, и 13 февраля он был посажен в самолёт и вывезен в Западную Германию. В том же году, после исключения из Союза писателей, был вынужден эмигрировать Владимир Максимов.

В Ленинграде главным объектом для атак и травли был выбран профессор Ефим Григорьевич Эткинд. В домах шести его близких знакомых были проведены обыски, нацеленные на обнаружение материалов, связанных с подготовкой самиздатского собрания сочинений Иосифа Бродского. Из показаний семидесятилетней машинистки Воронянской КГБ уже знало, что Эткинд хранил у себя машинописные экземпляры книги «Архипелаг ГУЛАГ» и, возможно, способствовал их переправке за границу. Не выдержав пятидневных допросов, в августе 1973 году Воронянская покончила с собой, и после этого Солженицын дал своим зарубежным издателям разрешение опубликовать эту самую взрывную свою книгу осенью того же года.

Моё знакомство с Эткиндом началось во время дела Бродского. Перед отправкой на Запад стенограммы Вигдоровой он попросил меня и Бориса Вахтина как свидетелей, присутствовавших в зале суда, письменно подтвердить верность этих записей. Мы с симпатией относились друг к другу, но общение, по большей части, сводилось к случайным встречам в Союзе писателей. Годы 1971-73 я провёл в Москве и деревне, так что практически не принимал никакого участия в собирании стихов Бродского, осуществлявшегося Марамзиным и другими нашими общими друзьями: Борисом Вахтиным, Яковом Виньковецким, Яковом Гординым, Львом Лосевым, Михаилом Мейлахом, Людмилой Штерн и другими. Я даже не смог проститься с Бродским, когда его внезапно вынудили к эмиграции в июне 1972 года. Тем не менее, обыск у Марамзина (1 апреля, 1974) и последовавший за ним арест в июле – это уже было так близко ко мне, что пришлось срочно унести из дома и перепрятать часть моей подпольной библиотеки.

По возвращении из Чехословакии в сентябре 1974 друзья быстро ввели меня в курс событий, «обрисовали положение дел на фронте».

Во время апрельских обысков у Михаила Хейфеца обнаружили написанное им предисловие к самиздатскому собранию Бродского. На этом предисловии оказались пометки, сделанные читавшим его Эткиндом, – факт

«хранения и распространения антисоветских материалов» налицо.

Следствие по делу Хейфеца тянулось пять месяцев, многих друзей и знакомых вызывали в качестве свидетелей, устраивали очные ставки с арестованным. В своих воспоминаниях Хейфец не без гордости описывает, как он «переигрывал» следователя, но потом признаёт, что тот «правил игры» не признавал и, проиграв, просто «хватал короля рукой, как Остап Бендер, или бил противника шахматной доской по голове». Суд проходил в сентябре 1974 года. Свидетеля Марамзина доставили в судебное заседание из внутренней тюрьмы Большого дома. Он попросил разъяснить ему, какие кары полагаются за ложные показания и какие – за отказ от дачи показаний. Судья Карлов во всеуслышание солгал: до семи лет и за то, и за другое. Марамзин заявил, что в Уголовном кодексе за отказ от дачи показаний указан максимальный срок – полгода. Судья промолчал.

Видимо, адвокат уговорил Хейфеца признать на суде свою вину, чтобы у него были основания просить об условном сроке. Но прокурор и судья заявили, что раскаянию подсудимого они не верят, и дали ему четыре года лагерей строгого режима и два года ссылки.

Дело Хейфеца оказалось для нас поучительным во многих смыслах. Главное: проступили некие правила, которым КГБ старается следовать при подготовке дела к слушанию в суде. Оказалось, что все данные, полученные путём тайной слежки, перлюстрации писем, прослушивания разговоров в квартирах или по телефону, предъявлять на суде не разрешалось – не столько потому, что это незаконно, сколько для того, чтобы скрыть своих агентов и методы слежки. Необходимо было найти живого свидетеля, который подтвердит полученную оперативную информацию, на их жаргоне – «закроет». К этому и сводилось по большей части противостояние следователя со свидетелем.

– Вы же видите, Михаил Рувимович, – говорил следователь Хейфецу, – нам доподлинно известно, что вы не сами передали свою статью Эткинду, а сделали это через его дочь Марию, вашу соседку по дому. Почему вы вдруг

упёрлись и не хотите это подтвердить? Мне же просто нужно «закрыть» этот пункт.

– Потому что такое показание превратит Машу в распространительницу антисоветских материалов.

– Помилуйте, она могла передать рукопись, не читая, не зная, что в ней. И неужели вы думаете, что мы станем привлекать к суду молодую женщину с годовалым ребёнком? Тем более что принято решение разрешить Эткинду с семьёй выезд за границу. Но пока дело не закрыто, они будут сидеть на чемоданах. Ваше упорство только осложняет их ситуацию.

«Логика паразитирования на нашей порядочности действовала на меня», – признаётся Хейфец в своих мемуарах.

На арест Эткинда Москва не дала разрешения – с ним расправились по-другому. КГБ отправило «справку» с подробным описанием его «антисоветской деятельности» (от защиты Бродского на суде до дружбы с Солженицыным) по месту работы – в Педагогический институт имени Герцена и в Союз писателей. И там, и там были немедленно проведены собрания, на которых выступавшие клеймили «скрытого антисоветчика и политического двурушника». Результат – исключение, расторжение всех договоров с издательствами, требование покинуть страну, но не по приглашению от французских университетов, а по обычной израильской визе.

Марамзин после проведённого у него обыска уехал в Москву и три месяца скрывался там у друзей. Его арестовали в июле, после чего начались допросы друзей и знакомых. Уже вызывали Вахтина, который взбесил кагебешников отказом давать показания. Все считали, что мне следует ожидать вызова в Большой дом со дня на день. Но так случилось, что в дело Марамзина я оказался втянут не повесткой с печатью, а неожиданным полуночным звонком. Звонила

Майя Чумак

С супружеской парой Чумаков мы с Мариной сдружились в годы моих мытарств на киностудии Ленфильм. Володя Чумак был известным кинооператором,

снимавшим такие фильмы как «Мальчик и девочка», «Миссия в Кабуле», «Премия» (1974). Майя занимала скромную редакторскую должность на студии, но её кабинетик всегда был бурлящим центром обмена новостями, сплетнями, рукописями, книгами – в том числе и Тамиздатскими. Многократно появлялся в этом кабинетике и Марамзин, не раз приносивший туда «запрещёнку» всякого рода.

В доме Чумаков тоже постоянно толпились гости. И это при том, что телефона у них не было и каждый появлялся без предупреждения и мог оказаться в самой неожиданной компании. Помню, однажды мы попали на сборище актёров, среди которых был и знаменитый Павел Луспекаев. Чем-то мы ему понравились, и он сразу стал объяснять Марине, что она явно не понимает, как ей повезло с мужем, а вот если бы она была его женой, то каждый день её начинался бы с воплей: «Паша! Паша! Только не по лицу – у меня сегодня съёмка!»).

Общительность и радушие Майи Чумак поразительным образом сочеталось с предельной ранимостью и неуверенностью в себе. Принимать гостей у себя – сколько угодно. Но пойти к кому-то в гости – об этом не могло быть и речи. Вне своей квартиры она чувствовала себя, как улитка, лишившаяся раковины. На каждый телефонный звонок из кабинетика ей нужно было собирать все душевные силы, как на прыжок в прорубь. Что могло заставить её выйти из дома к телефону-автомату в половине двенадцатого?

– Игорь, простите, что так поздно... Но вот... Володя в отъезде, на съёмках в Риге... А я только что вернулась домой и нашла в ящике повестку... На завтра...

Она не сказала, что за повестка, но и так было ясно.

– Я сейчас приеду, – сказал я.

Троллейбус, метро, снова троллейбус – около часа ночи я звонил в дверь Чумаков. Майя была внешне спокойна, но говорила сбивчиво и всё время соскальзывала на тему прощания.

– Как хорошо, что вы приехали... Спасибо вам... Эти годы нашей дружбы были такими славными... Володе я

написала подробную записку, где что лежит, что надо будет сделать в первую очередь... Но на словах передайте ему, когда он вернётся, что я прошу прощения за то, что втянула его во всё это... У него и так нервы на пределе, а тут из-за меня на него накинута все наши драконы и гидры...

Она явно не верила, что её выпустят после допроса. Спрашивала, разрешат ли ей взять в камеру её успокаивающие лекарства. Наверное, не разрешат – ведь им выгодно, чтобы человек не мог владеть собой. Ей и в обычной-то жизни трудно было соврать кому-нибудь в глаза, а тут... «Они умеют играть на нашей порядочности». Если она предстанет перед следователем в таком состоянии, он сумеет извлечь из неё всё: имена посетителей её кабинета, названия книг и рукописей, приносившихся Марамзиным, адрес машинистки, тайно печатавшей для нас всё неподцензурное. Этого нельзя было допустить.

– Майя, покажите мне эту повестку, – сказал я. – Она ведь не была вручена вам под расписку, как положено. Вы просто извлекли её из почтового ящика, так? Вы могли не найти её, потерять, случайно выбросить. Нет свидетелей тому, что она была у вас в руках.

– После звонка вам я позвонила одной подруге, тоже сказала о повестке.

– Это неважно. В уголовном кодексе нет статьи, карающей за неявку по вызову. Заболела, перепутала дату, послали в командировку. Можно соврать что угодно.

Майя смотрела на меня с печальной укоризной. «Хорошо вам, умеющим соврать глазом не моргнув». Разумнее всего было бы опустить повестку обратно в ящик – да, мол, забыла проверить почту. Но это опять означало бы, что она должна врать и изворачиваться. Нет, на неё, человека театра, мог подействовать только какой-то сильный театральный жест.

– Пойдите сюда, – я открыл дверь ванной, поманил её внутрь. – Вот что мы сделаем с этой бумажкой. Рвём на мелкие куски – раз. Бросаем обрывки в унитаз – два. Аккуратно спускаем воду – три. Всё. Её не было, вы её в руках не держали.

Майя смотрела на меня с испугом, но и слабая благодарная улыбка вдруг проступила на её губах.

– Дальше я предлагаю такой план действий. Вы сейчас собираете чемодан – всё, что взяли бы с собой в двухнедельную командировку. С этим чемоданом мы выходим на улицу, ловим такси и едем к нам. Это на тот случай, если нашим пинкертонам вздумается прислать за вами утром машину. Вы ночуете у нас, а завтра утром я везу вас на Рижский вокзал и отправляю к Володе. Да, съёмочной группе срочно понадобилась помощь редактора Майи Чумак на месте. Все друзья подтвердят это. Если пинкертонам вы очень нужны, они рано или поздно найдут вас и там. Но у вас будет время прийти в себя, всё обдумать, выработать линию поведения. Завтра я подробно расскажу вам то, что мне удалось разузнать – понять – про методы обработки свидетелей в КГБ. Но в нынешнем состоянии идти к ним в логово вам нельзя, невозможно.

И к моему изумлению, Майя Чумак – Майя, которую никогда, никому из друзей не удавалось выманить в гости, – согласилась *ехать ночевать в чужом доме!* Мы поставили ей раскладушку в столовой, и наутро полуторагодовалая Наташа с любопытством разглядывала чужую тётю, которая – вот глупышка! – не сумела за завтраком проглотить ни одной оладьи с вареньем.

Дальше началась эпопея, восстановить – описать – которую подробно можно было бы, лишь имея доступ к секретным архивам КГБ. Краткая версия сводится к следующему. Как мы и опасались, через две или три недели на съёмочную площадку в Риге явились два вежливых агента – латыш и русский – и заявили, что им поручено Ленинградским отделением Комитета государственной безопасности отвезти гражданку Майю Чумак обратно по месту жительства. Нет, это не арест – она просто затребована как важный свидетель по важному государственному делу. В поезде сопровождающий агент обращался с задержанной почтительно – видимо, получил соответствующую накачку.

Допросы в Большом доме тянулись три или четыре дня, с двухчасовым перерывом на обед. Майя приходила к

нам измотанная, и мы с Мариной кидались к ней, как ассистенты кидаются к боксёру, отпущенному на минуту на стульчик в углу ринга. Что было? Устали? Хотите ванну? Массаж, поесть? Ну, хоть тарелочку куриного супа с лапшой?

Майя поспешно пересказывала очередную порцию вопросов, свои ответы, и самозванный «тренер» Ефимов тут же сыпал свои комментарии и наставления. Я с радостью видел, что три недели отсрочки – передышки – сделали своё дело: страх почти исчез, появилась уверенность в том, что противник ей по силам и что слухи о пресловутом всеведении КГБ сильно преувеличены: многие её «грехи» остались им неизвестны, сведения о знакомых сплошь да рядом неверны – оперативные данные – подслушивание, перлюстрация, слежка – так перепутаны, что многое она могла без труда опровергнуть. Получение и передача рукописей? Но ведь в этом и состоит работа редактора на киностудии: знакомиться с предлагаемыми рукописями и передавать отобранное режиссёрам и сценаристам. В конце третьего дня усталый следователь даже сказал ей с упрёком: «Эх, Майя Залмановна, со мной можно быть более откровенной. Знали бы вы, скольким людям я помог в этих стенах, а некоторых даже и спас!».

В общем, того, чего мы больше всего опасались, не произошло: Майю Чумак не стали превращать из свидетельницы в обвиняемую. Может быть, этому помог неожиданный поворот, который приняло дело Марамзина.

Подсудимый Марамзин

В «Хронике текущих событий» № 35 от 31 марта, 1975 года был опубликован подробный отчёт о суде над Марамзиным, состоявшемся 19-21 февраля. Приведу отрывки из этого документа:

«Владимир Марамзин обвинялся по статье 70, часть 1, Уголовного кодекса РСФСР. Ему инкриминировано изготовление и распространение материалов, названных в обвинительном заключении (а затем и в приговоре) антисоветскими. (Далее перечисляются авторы инкриминируемых книг и статей: Милован Джилас, Александр Солженицын, Генрих Бёлль, Григорий Свирский,

Пётр Григоренко, Николай Бердяев, Георгий Федотов, Осип Мандельштам, Александр Воронель, Анри Волохонский).

Значительную часть «антисоветских материалов», инкриминируемых Марамзину, составили его собственные «клеветнические произведения»: «Человек, который верил в своё особое назначение», «Блондин обеего цвета», «Кадры», «Секреты», «Смешнее, чем прежде», «Тянитолкай».

В те дни, когда Марамзин находился под угрозой ареста и после того, как он был арестован, на Западе прошла широкая компания поддержки и защиты его.

За несколько дней до судебного процесса отдел печати МИД СССР передал корреспонденту газеты «Монд» письмо Владимира Марамзина (немедленно опубликованное газетой), в котором Марамзин выражает огорчение по поводу того, что его имя «используется сейчас за границей в антисоветских целях»...

На суде Марамзин полностью признал себя виновным и сделал суду такое заявление: «Я глубоко сожалею об ущербе, причинённом моими действиями советскому государству, и искренне раскаиваюсь в содеянном. Особое возмущение у меня вызывают те, кто поспешил представить меня диссидентом и антисоветчиком, приписывая мне несуществующие связи с какими-то неизвестными для меня, враждебными нашей стране организациями».

Суд приговорил Владимира Марамзина к пяти годам лагерей строгого режима условно. Марамзин был освобождён из-под стражи в зале суда».

Я присутствовал на судебном заседании первые два дня. На третий не пошёл – не хотелось смотреть на унижение товарища, которого вынудили выступить в такой жалкой роли. Осуждал ли я его за сделанный выбор? Пожалуй, нет. Даже защищал потом от нападок друзей, снова и снова указывал на то, что Марамзин не дал следствию никаких показаний, которые можно было бы использовать против других собирателей стихов Бродского, против распространителей Самиздата и просто знакомых.

Атмосфера в зале суда была почти такой же напряжённой, как в суде над Бродским, а дружинников было

ещё больше. Один из них заметил, что Михаил Мейлах делает записи, и грозно прикрикнул:

– Эй, там! Ну-ка дайте сюда блокнот.

С неподражаемой невозмутимостью Мейлах окинул его взглядом и вежливо заявил:

– Нам с вами абсолютно не о чем разговаривать.

Ошеломлённый подобной дерзостью страж порядка побежал узнавать у начальства – «кто такой? Может быть, ему *позволено так нагличать?*» Он отсутствовал всего пять минут, вернулся с подкреплением – «брат наглеца». Но Мейлах, закинув за плечо свой театрально заметный шарф, уже успел удалиться из зала.

В марте или апреле я навестил Марамзина перед его отъездом во Францию. Опять внимательно слушал подробности: слежка, арест, условия жизни в камере (он успел прочесть там полное собрание сочинений Лескова), следствие, торг с прокурором. Он сознался, что был огорчён моим отсутствием в зале в последний день суда. Потом обсуждали пути пересылки рукописей за границу, обменивались адресами и телефонами зарубежных знакомых. К тому времени на Западе действовали три главных центра русского литературного зарубежья: издательство «Посев» во Франкфурте, издательство ИМКА-Пресс в Париже и издательство «Ардис» в Мичигане.

Владельцы «Ардиса», молодые красивые американцы, Карл и Эллендея Проффер, уже не раз приезжали в Россию и сделались для многих главным «каналом за бугор».

Меня познакомил с ними Бродский, в начале мая 1972, когда я заскочил к нему проститься перед отъездом в деревню на лето. Не знал я тогда, что расставание получится таким долгим – на шесть лет. Ибо 10 мая его вызвали в ОВИР и решительно предложили выбор: ехать на Запад или в Мордовию. А Профферы стали нашими друзьями на многие годы. Они или их посланцы приезжали в Россию довольно часто, и тогда наша квартира в Ленинграде становилась их «штабом», местом, где они встречались с литераторами, критиками, фотографами, получали рукописи

и архивные материалы и потом отправляли в Америку через знакомых дипломатов и журналистов.

Сергей Довлатов в шаржевой зарисовке смешно описал, как это происходило.

Я не просто волновался. Я вибрировал. Я перестал есть. И более того – пить... Я ждал.

Ведь это был мой первый издатель. После шестнадцати лет ожидания.

Я готовился. Я репетировал. Я просто-таки слышал его низкий доброжелательный голос:

– Ах, вот вы какой! Ну прямо вылитый Хемингуэй!..

Встреча состоялась. Он ждал меня. И я вошел...

– Вы издаете мою книгу? – спросил я.

Проффер кивнул. Точнее, слегка качнулся в мою сторону. И снова замер, обессилев полностью.

– Когда она выйдет? – спросил я.

– Не знаю, – сказал он.

– От чего это зависит?

Ответ прозвучал туманно, но компетентно:

– В России так много неопубликованных книг...

Наступила тягостная пауза.

Внезапно Проффер чуть напрягся и спросил:

– Вы – Ерофеев?

– К сожалению, нет, – ответил я.

– А кто? – слегка удивился Проффер.

Я назвал себя. Я сказал:

– Моя фамилия – такая-то. Я узнал, что вы хотите издать мою книгу. Меня интересуют сроки.

Тогда он наклонился и еле слышно произнес:

– Я очень много пью. В России меня без конца заставляют пить. Где я ни окажусь, все кричат: «Пей!» Я пил ужасное вино. Она называется: «Семь, семь, семь». Я не могу больше говорить. Еще три фразы, и я упаду на пол...

Карл не упал на пол, а увёз с собой рукопись «Невидимой книги» – первой опубликованной книги Довлатова, вышедшей в Америке в 1977 году в издательстве «Ардис». Увозили Профферы и рукописи Марамзина и впоследствии издали самое полное собрание его прозы под названием «Тянитолкай» («Ардис», 1981). А мне дружба с

Бродским и Марамзиным откликнулась осенью 1975 года, когда пришла моя очередь отвечать на вопросы следователя в кабинете Большого дома.

«Скользкий человек»

«Count your blessings – напоминай себе о подарках судьбы», любят повторять американцы. И если оглянуться сегодня на середину 1970-х, справедливость требует снова вознести благодарственные молитвы за выпавшие тогда удачи. «Звезда» опубликовала несколько больших рассказов. «Советский писатель» соединил их с повестью «Лаборантка» и выпустил сборник прозы Ефимова (1975). Ирме Кудровой удалось опубликовать положительную рецензию на эту повесть в журнале «Новый мир». В Варшаве одна за другой выходили детские повести в переводе на польский. Гонорары за них выплачивали в специальной валюте для привилегированных – «сертификатных рублях». Эти рубли открывали вход в сертификатные магазины, куда простым гражданам вход был заказан. Я объездил несколько таких магазинов в Москве и, с помощью Иры Грибановой, купил одежды для детей и Марины. На семейных фотографиях трёхлетняя Наташа щеголяет в пушистой белой шубке – явно «сертификатной».

Союз писателей оказывал знаки внимания, чехословацкое самовольство осталось безнаказанным. Путёвку в Комарово с семьёй – пожалуйста. Билеты на поезд, на самолёт – только закажите. Приглашали участвовать во встречах с делегациями иностранных писателей (из Югославии, из Бангладеша), в семинарах-конференциях молодых писателей Северо-запада – уже в качестве одного из руководителей. И поэтому, когда осенью 1975 года раздался очередной звонок из канцелярии, я сначала даже не понял, о чём это, и должен был переспросить:

– Куда-куда?

– Вас вызывают на беседу в Большой дом. Завтра, в десять утра.

Вот так всегда: ждёшь беды, готовишься, но когда она нагрянет, стоишь как обухом стукнутый. А в голове – лихорадочная давка вопросов.

По какому делу?

Свидетелем или обвиняемым?

И почему звонком, а не повесткой?

Узнали, как я обращаюсь с их повестками?

Идти или заартачиться?

Кого ещё вызывали?

Но звонивший уже повесил трубку.

Подумав хорошенько, я решил идти. Иначе погрузишься в тоскливое ожидание новых звонков или визита агентов, или внезапного обыска. Остаток дня ушёл на расчистку подпольной библиотеки, на перевозку всего недозволенного надёжным друзьям, заранее предлагавшим помощь в хранении. С Мариной обсудили срочные дела, которые лягут на неё, если я не вернусь с беседы. Утром обнялись на прощанье, и я отправился навстречу неизвестности.

Большое помещение бюро пропусков напоминало зал ожидания железнодорожного вокзала. Я сдал паспорт в окошечко, объяснил, что был вызван звонком, а не повесткой. Дежурный попросил подождать, стал звонить по внутреннему телефону. Потом заявил, что меня просят прийти два часа спустя – в двенадцать. Чтобы убить эти два часа, отправился к жившему неподалёку Вахтину.

Борис был встревожен моими новостями. К тому времени КГБ уже отомстило ему за строптивость в деле Марамзина: направило ябеду-справку по месту работы, в Институт востоковедения. Такие «сигналы-доносы» из бессонного учреждения срабатывали безотказно. Защита докторской диссертации политически неблагонадёжного соискателя была отменена, любое продвижение по службе стало невозможным, доступ к научным конференциям закрыт. Человек превращался в изгоя, прежние знакомые и сослуживцы спешили свернуть за угол коридора, перебежать на другую сторону улицы. Борис считал, что мой вызов через Союз писателей был нацелен на то, чтобы заранее заклеить меня неугодным, так сказать, наказать

авансом. Но за что именно? И какие материалы на меня у них могут быть?

К тому времени мы уже прочли – проштудировали – ходившие в Самиздате инструкции «Как вести себя на допросе»: Якова Виньковецкого, Александра Есенина-Вольпина. Вахтин добавил к ним кое-что из своего опыта. Обнимая меня на прощанье, вдруг сказал:

– А знаешь, ты сильно побледнел.

– Побледнеешь тут, – вздохнул я.

Помню, что путь от бюро пропусков до кабинета следователя занял чуть ли не четверть часа. Провожатый вёл меня длинными коридорами, делавшими многочисленные повороты, вверх-вниз по разным лестницам, и вдруг на одной лестничной площадке...

Нет, тут необходимо отступление.

Как я уже упоминал в первых главах, моя мать, Анна Васильевна Ефимова, в Ленинграде сделала своей профессией изготовление мягких игрушек. Вернее, она вела кружки, в которых учила детей, как превращать старые кофты, изношенные шляпы, меховые обрезки в смешных медвежат, обезьянок, ёжиков, верблюжат, лисят. Весёлые и печальные мордочки зверят заполняли всё моё детство. К середине 1970-х Анна Васильевна стала своего рода знаменитостью в городе. Она публиковала альбомы с фотографиями своих игрушек и с выкройками-чертежами, объяснявшими, как можно их сделать самим. Постоянная выставка-зверинец красовалась на Невском во всех шести окнах Книжной лавки писателей, рядом с Аничковым мостом. Лица людей безотказно расплывались, когда в руках у них оказывалось доброе пушистое существо. Если какой-нибудь важный деятель Обкома партии отправлялся за границу, в кружок мягкой игрушки во Дворце пионеров поступал заказ: изготовить столько-то слонят, пингвинов, тигрят для подарков. По слухам, сердца зарубежных мэров, сенаторов, конгрессменов безотказно размягчались от таких сувениров, и они уже не смотрели на представителя Страны Советов как на посланца «Империи зла».

И что же я увидел на лестничной площадке зловещего Большого дома?

Большой застеклённый шкаф, заполненный сверху донизу знакомыми мне с детства игрушками. Крупная табличка разъясняла: «Работы детей наших сотрудников». Сияющие звериные глазки, видимо, должны были охранять – спасать – сердца чекистов от полного задубения на трудной работе.

Случайно ли меня провели этим маршрутом? Или хотели показать, что «ничто человеческое им не чуждо»? Знали ли они, по чьим чертежам маленькие кагебешники мастера очаровательных зверюшек?

Раздумывать над этим мне не пришлось. Ибо провожатый, наконец, открыл дверь и впустил меня в кабинет, где за столом сидел человек в штатском – лысый, плотный, с заметным шрамом над бровью. Не помню, под каким именем он представился. Помню, что раза два в кабинет заходил сотрудник помоложе и обращался к хозяину с какими-то пустяковыми вопросами, вроде: «Товарищ майор, у вас спички есть?»

Разговор наш начался издалека, в интонациях задумчиво-загадочных, но одновременно и скрыто-угрожающих. Тридцать лет спустя я попытался воспроизвести его в своём интервью Алексею Митаеву.

«Да, Игорь Маркович, возникла необходимость с вами побеседовать. Сами-то вы не догадываетесь, почему?» – «Нет, не догадываюсь». – «Скажите, как вам нравятся произведения Марамзина, Бродского? Как вы относитесь к тому, что произошло с Бродским и Марамзиным?» – «В их жизни произошла трагедия». – «Ага, значит советская власть устроила им трагедию». – «Этого я не сказал. В жизни, кроме советской власти есть еще и судьба. В их судьбе произошло нечто трагическое для всякого пишущего человека – отрыв от родного языка. Только это я и имел в виду». – «А как вы относитесь к их произведениям?» – «Мне нравятся их произведения». – «Да? А что вам там нравится?»

Тут мне вспомнился популярный в те годы анекдот. Еврея вызывают в КГБ. «Рабинович, мы знаем, что у вас есть брат за границей. А вы уже много лет не отвечаете на его письма. Это нехорошо. Вот вам бумага и конверт,

пишите прямо сейчас». Рабинович послушно склоняется к листу и начинает писать: «Дорогой брат! Наконец я нашёл время и место написать тебе...» Так и я: наконец-то нашёл время и место сформулировать свои критерии оценки литературных произведений. Напрягся и выдал формулу, от которой не откажусь и сегодня:

«Как в любом литературном произведении, мне нравится, когда богатый эмоциональный мир пишущего воплощен в ярких образах и выражен стилистически и лексически богатыми новыми формами».

Майор решил сменить тему.

«Ну а знаете ли вы, что в письме из-за границы, которое мы обнаружили при обыске у Марамзина, в письме от врага нашей родины, эмигранта Эмиля Когана, который написал книгу о Солженицыне, на полях этого письма ваше имя и телефон?». Я говорю: «Но мой телефон не является государственной тайной. Никто мне не звонил по этому поводу. Вы, наверное, это знаете не хуже меня».

Я говорю медленно, спокойно, но мысленно твержу себе: «Не расслабляйся. Это ведь всё пристрелка, отвлекающие манёвры. Жди, когда он выложит свои главные козыри». Разговор продолжается, но «козырей» всё нет. Ни слова о визитах Профферов, ни слова о подпольной библиотеке, ни слова об Андрее Московите. Вместо этого – примитивный и откровенный блеф.

«Да, материала у меня на вас много. Если я сейчас этот ящик открою, у нас по-другому разговор пойдет. Ну что, открыть? Открыть?» И вот тут я растерялся. Скажешь – открывайте, не боюсь! Вранье. Очень боюсь. Скажешь – нет, не открывайте, окажется, что прошу о чем-то. И вдруг до меня буквально в этот момент дошло: есть еще третий вариант. Не отвечать. Молчать. И я молчу. Тут он начинает нервничать. Долго разговор тянулся. Три часа. И в заключение фраза: «Да, Игорь Маркович, вы человек осторожный, даже, извините, скользкий. Но я хочу вам сказать: в этом здании надо быть более откровенным».

Вернувшись домой, я застал Марину, окружённую примчавшимися друзьями. Начались расспросы, поздравления, вздохи и ахи. Один только Саша Кушнер

никак не мог выдавить из себя улыбки. Он чувствовал себя ужасно виноватым. В чём? Чтобы объяснить это, потребуется ещё одно отступление.

В.С.К.

Был в нашей компании один литературный критик – назовём его В.С.К. Оживлённый, приветливый, увлекающийся. Очень маленького роста, но очень подвижный. Запойный читатель классики и современной литературы, как разрешённой, так и неподцензурной. Страстный собиратель и знаток бабочек. С очаровательной женой, которая вскоре получила место редактора в литературном журнале.

Нельзя сказать, что мы были просто знакомы. Что греха таить – мы дружили. Ходили к ним в гости, а они – к нам. Саше Кушнеру не раз доводилось проводить дни с В.С.К. в совместных литературных командировках. Бывали у них и Бродский, и Довлатов. Я доверял им настолько, что давал читать рукопись «Метаполитики». Они знали, кто скрывается за псевдонимом Андрей Московит.

Критические статьи В.С.К. печатались во всех журналах и газетах. Восторга у нас они не вызывали. Но мы слишком хорошо знали, как умело редакторские ножницы вырезали всё самое живое и небанальное из публикуемых литературоведческих работ. Примеры Хмельницкой, Ерёмина, того же Эткинды были у нас перед глазами.

Иногда в поведении и репликах В.С.К. мелькали провокационные ходы и интонации. Но я относил их в разряд озорства. Низкорослые мужчины часто ведут себя вызывающе – им это необходимо для самоутверждения. Однажды мы столкнулись – вернее издали увидели друг друга – в коридоре общежития Литературного института, переполненном студентами и слушателями ВЛК.

– Господин Московит, приветствую вас! – прокричал мне издали В.С.К.

Видимо, ему хотелось увидеть мой испуг. Но я разочаровал его – только помахал в ответ рукой.

Разрыв наш произошёл лишь после того, как он опубликовал – то ли в «Известиях», то ли в «Правде» – разносную статью о стихах Саши Кушнера. Пастернак где-

то написал: «Неумение отыскать и высказать правду нельзя заменить никаким умением говорить неправду». Вот этим умением В.С.К. обладал вполне. Когда ему нужно было вознести Евтушенко, он брал за начало отсчёта, скажем, поэзию Асадова. А когда ему захотелось – понадобилось – принизить Кушнера, он пустил в дело шкалу Пушкин-Лермонтов-Блок. В условиях постоянной травли нашего поколения силами Массолита печатать такую статью в официальной газете было очевидной гнусностью. Я позвонил В.С.К. и сказал, что в дальнейших наших встречах и контактах смысла не вижу.

После разрыва сведения о В.С.К. долетали до меня от общих знакомых. Я слышал, что многие отшатнулись от него за статью, что в Ленинграде вокруг него образовался вакуум. Что вскоре он – а затем и семья – переехали в Москву. Дружбы, как и браки, не длятся вечно. Люди меняются, соблазны Массолитовского пряника действуют на них с разной силой. К этому мы привыкли. Но история, рассказанная Сашей Кушнером, ошеломила всех собравшихся в нашей квартире после моего допроса.

Оказалось, что где-то в начале 1970-х, во время очередной литературной командировки, хорошо выпив в номере гостиницы, в порыве пьяной откровенности В.С.К. сознался, что он давно, уже со студенческих лет, является тайным осведомителем КГБ. То есть стукачом. Что они обработали его, поймав на чтении какой-то запрещёнки, запугали арестом и лагерем и предложили альтернативу: «стучать». И он согласился. Он говорил себе, что будет использовать свою роль для борьбы с антисемитами. И что, по возможности, не доносит ни на кого из друзей – только на плохих людей. (Впоследствии, уже будучи в эмиграции, он повторил все эти признания в своих мемуарах.)

Наутро, протрезвев, В.С.К. горько сожалел о своей откровенности. Умолял Кушнера никому не рассказывать – ведь все друзья отшатнутся от него. Обещал исправиться, по возможности вырваться из кагебешных лап. Кушнер поверил ему. Согласился оставить всё в тайне. И держал слово до сегодняшнего дня. А теперь страшно раскаивается, что не предупредил друзей – включая меня – об опасности.

Поистине, как написал Хейфец: «они умеют спекулировать на нашей порядочности». Подобную же дилемму рассматривает в одном из своих писем Достоевский. Представьте себе, пишет он, что вы случайно подслушали на улице или в кафе разговор двух революционеров, обсуждавших запланированное на следующий день убийство. Что делать? Побегать донести в полицию? Явная гнусность, по понятиям образованных людей. Промолчать и дать совершиться злодеянию? Не простишь себе всю жизнь.

Я заверил Сашу, что вполне понимаю его колебания. Не дай Бог оказаться перед таким выбором. Почём знать: может быть, В.С.К. и правда далеко не всё рассказывал своему «куму». Если главной целью майора со шрамом было запугать меня, неужели он не воспользовался бы именем Андрей Московит? Может, действительно, не знал?

Смутьяны

Несколько дней спустя мы узнали, что на такой же «беседе» только что довелось побывать писателю Давиду Дару. Мы встретились с Давидом Яковлевичем в каком-то скверике, сравнили наши впечатления. Тот факт, что обоих вызвали через Союз писателей, был очень странным и необычным. Он явно указывал на то, что КГБ действовало здесь не столько по своей инициативе, сколько выполняло чью-то просьбу-заказ. Давать заказы Ленинградскому отделению КГБ мог только Ленинградский обком партии. То, что меня заставили ждать два часа, могло быть приёмом психологического давления. Но могло быть и знаком небрежного отношения ко всей затее. Я готов был даже принять такое объяснение: не ждали, что я послушаюсь и приду. Не потому ли мой «собеседник» не имел времени просмотреть моё досье (мы знали уже, что обмен внутренней информацией в КГБ был крайне затруднён правилами секретности) и явился на встречу практически с пустыми руками. Номер телефона на полях письма Марамзину – не густо.

В конце концов, мы с Даром пришли к выводу, что нас обоих – двух литературных смутьянов – хотели просто припугнуть, чтобы мы вели себя тихо на предстоящем

отчётно-перевыборном собрании в Союзе писателей. Ибо на предыдущих выборах тайным и явным «контрикам» удалось провалить обкомовского кандидата на пост первого секретаря Союза, Олега Шестинского. И Обкому партии очень не хотелось, чтобы подобная история повторилась.

На Западе меня потом с недоверием расспрашивали: как такое было возможно? Неужели в зале собрания нашлось достаточно смельчаков, чтобы поднять руку против ставленника Обкома? Нет, объяснял я, такого не случилось. Но каким-то чудом в уставе Союза писателей – сохранился – уцелел – «буржуазный пережиток»: тайное голосование на одном из этапов выборов. Собрание не выбирало первого секретаря – оно выбирало *правление* числом 50 членов, и правление уже потом открытым голосованием выбирало из своей среды главу организации. Но для этого кандидат на высокий пост должен был хотя бы быть избранным в правление, а эти выборы проходили путём подачи закрытых бюллетеней. Задача оппозиционеров была – провалить обкомовского ставленника на этапе *тайного* голосования, не дать ему пройти даже в правление.

Решающую роль в том памятном собрании сыграл переводчик, балетовед и социолог Поэль Карп. Он вышел на трибуну и с невинным видом «дал математическую справку»:

– В списке кандидатов сейчас 60 человек. Правление должно насчитывать 50 членов. Если каждый из нас вычеркнет только десять человек, то, по законам математической теории вероятности, все 60 наберут необходимые 75 % голосов. Так что, дорогие друзья – вычеркивайте, не стесняйтесь.

После этого разъяснения обкомовский кандидат не прошёл в правление, и партийному начальству пришлось, скрепя сердце, выбирать ставленника из прошедших. (Кажется, на этот пост тогда поставили Георгия Холопова).

Давид Яковлевич был смутьян со стажем: в 1967 году он написал открытое письмо к 4-у Всесоюзному съезду писателей, в 1969 – письмо протеста против исключения Солженицына из Союза писателей. Я же, насколько мне

помнится, вылез на трибуну в Союзе писателей только один раз – чтобы отвести кандидатуру детского писателя Вильяма Козлова. Про него мне стало известно, что он, мстя редакторам радио за отвергнутую повесть, написал донос в Обком, смешивая с грязью всех литераторов, сотрудничавших с радиовещанием для детей: Виктора Голявкина, Сергея Вольфа, Якова Длуголенского, Радия Погодина. Зал проголосовал за «отвести», после чего приятель Козлова, поэт Аквилёв, прокричал с рыданием – «Так продают Россию!» – и убежал обратно в буфет. Вскоре Козлова наградили за перенесённое унижение местом редактора в журнале «Аврора». По слухам, он начал с того, что выбросил из шкафа все рукописи Довлатова, спрятанные там Еленой Клепиковой до лучших времён.

Новое отчётно-перевыборное собрание прошло гладко. И не потому, что запуганные смутьяны притихли. Какая-то общая апатия повисла над литературным миром. Открывшаяся щель эмиграции тоже делала своё дело, выпускала пар недовольства. В 1975 году на Запад уехали, кроме упомянутых выше, Николай Боков, Александр Глейзер, Вадим Делоне, Зиновий Зинник, Константин Кузминский, Рафаил Нудельман, Саша Соколов, Александр Суслов, Алексей Цветков, Геннадий Шмаков. Дар тоже планировал отъезд в Израиль (уедет в 1977).

Для меня же потянулись дни, недели и месяцы элементарной борьбы за выживание. Клеймо «вызывавшегося в КГБ» незримо легло на меня, как жёлтая звезда, как метка неприкасаемого на лбу. Двери всех ленинградских редакций не то чтобы закрылись для меня, но явно открывались в пустоту. «Ах, знаете, портфель нашего журнала уже переполнен на этот год». «К сожалению, по финансовым соображениям, нам пока запрещено подписывать новые договоры». «Рассказ ваш мне понравился, но наш главный редактор... Вы должны понять ситуацию как умный человек».

«А можно я на годик-другой перестану быть умным?!» – хотелось крикнуть мне.

Единственный слабый ветерок надежды тянул из Москвы. Но я долго не позволял себе относиться к нему всерьёз. Ефимов в «Политиздате» – разве такое возможно?

Александр Ласкин

Двое из племени образцовых питерских стариков

ти главки не так много отделяет в смысле пространства. Всего-навсего другой подъезд и этаж. Но зато их очень многое разделяет в смысле времени.

Впервые к Геннадию Самойловичу Гору я попал еще школьником и бывал исключительно вместе с отцом. Здесь я был просто гостем. Если точнее, сыном гостя. Претендовать на самостоятельную роль я никак не мог.

У Юрия Иосифовича Слонимского я оказался студентом последнего курса театроведческого факультета. С ним мы встречались в связи с профессиональными интересами. Не только Слонимского, но, представьте себе, моими.

Давайте так и двигаться. Одна главка – одна квартира. Сначала заглянем к Геннадию Самойловичу, а потом к Юрию Иосифовичу.

Сперва надо преодолеть смущение. Ведь рассказывать придется и о себе. Тут уж точно ничего не поделаешь. Все, что я знаю об этих людях, я знаю как участник и очевидец.

После такого предуведомления можно отправляться в путь. Впрочем, прежде чем оказаться в одной из квартир, нам придется подняться на лифте.

Лифты в петербургском доме 34 по улице Ленина очень медленные. Во время движения они покачиваются. Словно сомневаются в том, что выбрали правильный маршрут.

Возможно, кто-то считает, что лучше всего в прошлое его доставит карета или повозка, но я предпочел бы этот лифт.

Места тут ровно для автора и читателя. Нажимаем на нужную нам кнопку и – вперед!

Глава первая. Геннадий Самойлович

Начало

Когда-то он писал: «Музыка Стравинского ударила во все струны, загремела посудой, и, как бешеная лошадь, закусив удила, выбежала на середину зала».

Семен Борисович Ласкин (слева) и Геннадий Самойлович Гор.
Комарово. 1970. Фото А.А. Крестинского

На протяжении фразы музыка становилась гитаристом, потом посудомойкой и, в конце концов, цирковой лошадью.

Слова в этой прозе разноцветные, не похожие друг на друга. Некоторые от нахождения в контексте приобретают иной смысл.

И в облике писателя не было второстепенного. В этом смысле он походил и на эту фразу, и на картины обожаемых им левых художников.

Когда потом я прочел его давний рассказ, в котором действует некто Андре Шар, то подумал: вот именно! К его совершенно круглой голове эта фамилия подходила идеально.

Имя тоже соответствовало. Человеку со столь нетривиальной внешностью лучше называться как-нибудь вроде этого.

Впрочем, Геннадий Гор – это почти Андре Шар. Назвав так своего героя, подлинного искателя нового искусства, автор сразу указывал на прототип.

Кстати, до войны Гор жил на Грибоедова, в знаменитой писательской «надстройке». Так что ощущение связи с литературой двадцатых в первом своем варианте представляло чувство соседства.

В гостях у Гора

В конце шестидесятых годов мой отец подружился с Гором. Бывая у него на улице Ленина, он часто брал меня с собой.

Надо сказать, что несмотря на младший школьный возраст, я к этому времени уже повидал кое-каких писателей. Ни на кого из них Геннадий Самойлович не был похож.

Обилие картин и книг в его квартире не мешало чувствовать себя на удивление уютно. Мы поглощали обед в непосредственной близости от картин Петрова-Водкина и Константина Панкова, но при этом совсем не ощущали неловкости.

Так же как дом был полон книг, так и разговоры за столом гостиной были переполнены разнообразными цитатами. За первым хозяин рассказывал о Бергсоне, за вторым – о Бердяеве, на третье оставался Франк.

Как ни хотелось Гору поговорить о высоком, он неизменно помнил об опасности. Едва беседа приближалась к именам запрещенным, он наклонялся к собеседнику и переходил на шепот.

И все же некоторые формулы и характеристики Геннадия Самойловича звучали оглушительно. Несмотря на усилия конспирации, не оставляло сомнений, что он ничуть не сомневается в своих выводах.

Однажды мы с удивлением услышали, что искусствовед Николай Пунин – фигура столь же значительная, как его жена, Анна Ахматова. Затем Гор сообщил, что только что обедавший вместе с нами и почти все время молчавший профессор Берковский – «абсолютный гений». Последнее утверждение поразило меня больше

всего: прежде мне казалось, что «гений» и «профессор» принадлежат разным рядам.

Кое-что из высказываний Гора отец записал в дневнике. Вот, например, Геннадий Самойлович устраивает своему младшему коллеге своего рода испытание.

– Как, Семен Борисович, вы относитесь к русской иконе? – спрашивает Гор, предвкушая растерянность собеседника.

– Как вы думаете, куда делась икона? – продолжает он допрос с пристрастием.

– Она перешла к Достоевскому, – победоносно сообщает Геннадий Самойлович одному ему известный ответ.

Совершенно естественно, что такой человек находился с обыденностью в напряженных отношениях. Быт, если и присутствовал в его жизни, то только как нечто, что может ее осложнить.

«Вот книги надписывал, – говорил он отцу, – очень устал. Эта работа требует внимания. А читаю философию – отдыхаю».

При этом Геннадий Самойлович не только не желал быть небожителем, но настаивал на том, что ему не чужды житейские обязанности. Особенно он гордился своей способностью покупать мясо. Правда, в магазины Гор ходил только с женой, так что окончательный выбор оставался за ней.

Словом, ему не хотелось предстать перед окружающими человеком какой-то одной крайности. И в своей прозе он пытался крайности соединить: фантастика в его произведениях оправдывалась причастностью к жанру «фантастики», философские размышления мотивировались тем, что они возникали в головах высокоинтеллектуальных героев.

Все эти меры предосторожности – вроде перехода на шепот во время разговора или стремление соединить фантастику и «фантастику» – не что иное как опыт жизни. Все-таки в нескольких постановлениях его фамилия упоминалась. Пусть и не среди главных лиц, но ему вполне хватило и этого.

«Я писать начинал всегда интересно, – жаловался он, – Но когда после какой-нибудь проработки возникали мысли, что это не напечатают, тут же сбивался. В результате получалась слабая вещь».

Потому-то и за письменным, и за обеденным столом Геннадий Самойлович был одновременно и смел, и опаслив. Станным образом в его текстах соединялись узнаваемые черты советской прозы и несомненные традиции искусства двадцатых годов.

К счастью, этот поистине мичуринский эксперимент оказался не таким уж чистым: и в разговоре, и за работой Геннадий Самойлович мог увлечься и на время забыть об обстоятельствах. В нескольких его рассказах гоголевская традиция присутствовала в беспримесном виде, вне связи с привычной бутафорией советских романов о космических пришельцах. Кроме того, во время войны и блокады он написал книгу стихов.

Гор и мир

Эти стихи были его тайной. Два-три неопубликованных рассказа и роман «Корова» он все же кому-то показывал, а о стихах даже не заикался. Как видно, его смущал избранный им когда-то бескомпромиссный способ высказывания.

Именно радикальность удивляет больше всего. Сложившийся тридцатипятилетний автор вдруг отбрасывает накопленный опыт и выбирает традицию Хармса и Вагинова. Речь по сути не только о стилистике, но об ином варианте судьбы.

Кажется, он ничего не боится. За исключением, конечно, жизни и смерти. Никогда ни прежде, ни после он не писал с такой поистине ошарашивающей безысходностью и отчаянием.

Он не столько рассказывает о своем страхе, сколько дает возможность высказаться ему самому. Именно так и должен говорить ужас – сбивчиво, нелогично, вступающими в самые неожиданные сочетания словами.

Гор замечательно понял или почувствовал, что для окружающего мира не подходит язык Кузмина или Ахматовой. Тут нужна иная поэтика – та, в которой слово

является лишь обозначением подспудного, не выходящего на поверхность, смысла.

Эти стихи есть прямая, ничем не сдерживаемая, речь подсознания. Ощутивший неожиданную свободу автор возможно впервые не думал ни о последствиях, ни даже о возможной реакции читателя. Безо всяких околичностей он вел разговор с миром о нем самом.

Вы немцы, не люди.
Ваш Гитлер – творог.
Пред вами на блюде
Протухший пирог.
И в том пироге
Я с женою лежу,
На немцев с тревогой
С пироги гляжу.

Словом, Гор и – мир. И – смерть. «И мальчик с зеленым лицом как кошка». «И Гимлер дремучий с трескучей губой». Все это, такое удивительное и непонятное, ему следовало осознать.

Читая его стихи, переживаешь то же чувство, которое совсем маленьким испытал в «комнате смеха». Помнится, было по-настоящему страшно. Ты сам и люди вокруг представляли сплюснутыми или раздутыми.

Гор подводил к этому вроде как непреднамеренно. Разве может быть по-другому? Если тебя окружает странный мир, то описывать его ты будешь самыми немислимыми словами.

За обеденным столом Геннадий Самойлович часто возвращался к этой теме. «Реализм девятнадцатого века, – записал отец его слова, – есть проявление благополучия и успокоенности. Двадцатый век – век психологического надлома, век сверхреализма».

Эту мысль Гор по-своему выразил и во многих своих повестях. Всякий раз, говоря о том или ином художнике, он непременно ставил под сомнение право на единоличное авторство. Он писал, что у Кончаловского «предметы словно сами написали себя». О «самооткровении реальности», лишь зафиксированной на холстах Пахомова.

О том, что «человеческая мысль, доверившись ему, послала его...»

Странные, конечно, метафоры для писателя горовского поколения. Как известно, в его времена более привычным было «ячество». Впрочем, нельзя не увидеть тут связи с личным опытом: например, стихи писались не только им самим, но и войной.

Во многом это объясняет то, что его стихотворные опыты остались без продолжения. Реальность, переболев безумием, вновь обрела черты обыденности. К тому же в мирное время у Гора опять появились обязанности главы большого семейства. В отличие от героя своей поздней повести он был «человеком с привычками» и не собирался отказаться от них.

Есть еще одна, куда менее явная, причина. О ней Гор сказал в своих стихах через непрямой диалог с текстом особенно ценимого им писателя.

Те же и Елизавета Бам

Всякий раз мы уходили от Гора с каким-то «домашним заданием». Однажды эта была хармсовская «Елизавета Бам», напечатанная на узких длинных полосках бумаги. Тогда я как-то не задумывался о том, что многочисленные пометки в тексте могут принадлежать только автору пьесы.

В другой раз мы получили альманах «Дом искусств» со статьей Евгения Замятина «Я боюсь». Этот альманах передавался с особой осторожностью: мало того, что автор был почти запрещенным, но и мысли свои он высказывал с абсолютной наглядностью.

«Писатель, который не может стать юрким, – писал Замятин, – должен ходить на службу с портфелем, если он хочет жить. В наши дни – в театральный отдел с портфелем бегал бы Гоголь; Тургенев во «Всемирной литературе», несомненно, переводил бы Бальзака и Флобера; Герцен читал бы лекции в Балтфлоте; Чехов служил бы в Комздраве».

Теперь, читая стихи Геннадия Самойловича, я с удивлением обнаружил скрытые отсылки к этой статье. С поистине обэриутской смелостью Гор по-своему продолжил

ряд, обозначенный Замятиным. Он писал о Пушкине «в солдатской шинели», о Сервантесе, идущем «в Сельсовет», об Овидии, завидующем белке и мечтающем о булке.

Горовские видения свидетельствовали о том, насколько переменилось время. Перспектива, представлявшаяся Замятину зловецей, оказалась не столь страшной: через какие-то двадцать лет после его статьи писателей ожидали куда более изощренные испытания.

Как видно, Гор это понимал, а потому возможности стать обзериутом предпочитал разговоры об обзериутстве во время хорошего обеда. Иногда Геннадий Самойлович становился не на шутку резок: особенно если надо было защитить кого-то из любимых авторов.

Кстати, и в письме мог высказаться. Ведь письмо – это тоже беседа. Вряд ли оно попадет на глаза кому-то, кроме близких родственников адресата.

Вот хотя бы письмо моему отцу, помеченное августом шестьдесят восьмого года. Начинается оно вполне добродушно: «На днях была ограблена коллекция Чудновского. Воры унесли всех Малевичей, Кандинских, Гончаровых, Ларионовых, обнаружив высокое понимание живописи... Гранин уезжает в Болгарию греть свои замыслы. Пишет большой роман. О чем? Держит в секрете», а потом тон резко меняется: «Юрию Трифонову я теперь враг. Он обругал К. Вагинова в своих американских заметках в «Ин. литературе».

И все же прозу Геннадий Самойлович писал уже по-другому. Обзериутская традиция была крайностью, а он склонялся к разного рода «гремучим смесям». Скорее всего, этим он не облегчал, но усложнял свою жизнь – в его сочинениях можно обнаружить размышления на эту тему.

В одной из поздних повестей Гор описал ученого, специалиста по каким-то сверхсложным материям, в то же время пишущего стихи. «Стихи для него, – характеризует он своего героя, – были способом разговора с самим собой». Возможно, Геннадий Самойлович имел в виду себя и свою ситуацию – ведь с общепризнанной точки зрения он был автором фантастических романов, но никак не поэтом и мыслителем.

Это было особенно обидно потому, что жанр фантастики, традиционно связанный с новейшими открытиями, с попытками заглянуть в будущее, был ему по сути чужд. С техникой Гор находился в отношениях столь же непростых, как с бытом: достаточно сказать, что всякий раз, когда он становился на эскалатор метро, у него на лбу выступали капельки пота.

В этом и была настоящая сложность – куда более неразрешимая, чем все придуманные им «квадратуры круга». Как ни стремился Геннадий Самойлович соответствовать своей эпохе, он оставался человеком прошлого – времени, где нет ни метро, ни космических полетов, но живы и здравствуют Хармс, Введенский и Вагинов.

Глава вторая. Юрий Иосифович Интересные разговоры в хорошую погоду

Все началось так. Летом 1976 года я писал диплом о чеховских спектаклях Художественного театра. Мне сказали, что балетный критик Юрий Иосифович Слонимский дружил с художником Владимиром Дмитриевым, оформлявшим «Три сестры» сорокового года.

Я решил с Юрием Иосифовичем познакомиться. Уже не вспомнить, как это произошло. Не исключено, что меня кто-то представил, а, возможно, я просто подсел к нему на скамейку в Доме творчества в Комарово.

Хорошо помню Слонимского на этой скамейке. Несмотря на солидный возраст, комплекция у него была вполне балетная. И жест балетный. Не только функциональный, но и грациозный.

Над лысым черепом гордо развевалось несколько волосинок. Время от времени он о них вспоминал и укладывал в правильном порядке.

С этих пор мы стали постоянно общаться. Не только в Комарово, но у него дома, на Ленина, 34.

Сразу возникает вопрос: почему? Зачем пожилому и занятому человеку тратить время на столь юного собеседника?

Что я умел в этом возрасте, так это слушать. Наверное, это главное, что у меня тогда получалось по-настоящему хорошо.

Видно, Слонимский нуждался в почтительных слушателях. Еще имело значение то, что в отличие от многих своих сверстников, я был небезразличен к его эпохе.

Странно, конечно – идут шестидесятые, семидесятые, а главный для Юрия Иосифовича период завершился. Слово основной текст уже написан и остался только постскриптум.

Об этом замечательно сказал его приятель Юрий Тынянов. Хотя его книга о Грибоедове рассказывает о людях восьмьсот двадцатых годов, но люди девятьсот двадцатых читали ее как обращенную к себе.

«Людей двадцатых годов настигла тяжелая смерть, – говорится на первой странице романа, – потому что их век умер раньше их».

Кажется, Юрий Иосифович первым обратил мое внимание на эти слова, а уже через многие годы я догадался, что они на самом деле обозначают.

Так вот двадцатые-тридцатые меня очень притягивали. Еще, как я теперь понимаю, меня интересовали судьбы людей, которые смогли это время достойно прожить.

Эта же проблема мучила Геннадия Самойловича. Что делать тому, чьи привязанности остались в прошлом? Как избежать предательства – и не вступить в конфликт с новым веком?

У Гора были Хармс, Вагинов, Добычин, а у Слонимского – Баланчин, Лопухов, Голейзовский... Многие отреклись от своих кумиров, а они хотели эту ниточку протянуть в будущее. Давно завершившаяся юность их никак не отпускала.

Оттолкнувшись от чеховских спектаклей Художественного театра, мы со Слонимским говорили о времени. Если о театре у меня были кое-какие представления, то о времени я знал очень мало.

Впечатления от размышлений Юрия Иосифовича были необычайно сильными. Кое-что мне казалось

преувеличением. Следовало еще очень много обдумать, чтобы с ним окончательно согласиться.

К примеру, Юрий Иосифович упомянул, что в конце тридцатых годов в Ленинграде стало больше продуктов. Как он считал, это связано с тем, что половина страны сидела в тюрьмах.

Еще он объяснял необычайный успех Улановой. Людям хотелось настоящих чувств. То, что начисто отсутствовало в жизни, сохранялось на сцене.

Тогда во всех садах и парках Советского Союза появились скульптуры юных комсомолок. Сразу узнавался профиль и жест Галины Сергеевны.

Видно, монументальная пропаганда в эти годы дала трещину. Возникла усталость от грандиозных Сталиных до небес. Интуитивно в качестве новой меры вещей выбрали знаменитую балерину.

Об Улановой Слонимский говорил особенно вдохновенно. Считал ее в первую очередь драматической актрисой. Человеком, способным рассказать историю. Приблизить нас к чужой жизни.

Так мы часами просиживали на скамейке. Иногда к нам кто-то присоединялся. Чаще всего это был Сергей Петрович Варшавский, автор известных (вместе с Юлием Исааковичем Рестом) книг по истории Эрмитажа.

Варшавский был не просто полный, но величественный. Особенно величественным он становился тогда, когда брал в руку трость с серебряным набалдашником.

Однажды два этих старика взялись доказать мне, что благодаря им я связан с историей по крайней мере столетней давности. Что достаточно быть с ними знакомыми, и весь серебряный век для меня открыт.

Чтобы доказать это, они не пожалели рабочего утра. Было предъявлено множество примеров. Где-то к обеду картина вырисовалась окончательно.

Помнится, погода стояла прекрасная, солнышко припекало, в голову приходили удивительные мысли... Самое время было решать: так ли далеко от нас прошлое, как это может показаться на первый взгляд?

Начал Юрий Иосифович. Он рассказал о том, что его отец был лучшим в Петербурге мужским портным. Вроде даже «поставщиком Двора Его Величества». Да что члены императорской фамилии, если пальто у него заказывал сам Анатолий Кони.

Казалось бы, что для знаменитого сенатора очередная обнова? Вместе с тем, в историю светоч юридической мысли вошел именно в этом пальто: на его поздних фотографиях сразу узнаешь работу Слонимского-старшего.

Знаете такую игру? «Холодно», «тепло», «еще теплее», «горячо»... Вот это и будет пальто Анатолия Федоровича. Благодаря уютному меховому нутру, аккуратному воротнику и двойному ряду пуговиц ушедшее столетие становится как-то родней.

Если Юрий Иосифович выложил козырного валета, то у Сергея Петровича нашелся козырной король... Голосом нарочито нейтральным он объявил о том, что ему довелось увидеть начало крупнейшей исторической драмы.

Конечно, находился он в возрасте почти младенческом, и его участие ограничивалось присутствовавшей невдалеке строгой воспитательницей.

В 1914 году Варшавский вместе с родителями и бонной находился в Вене. Остановились они в гостинице в самом центре города. Так что процессию, шедшую за гробом убитого в Сараево наследника, он разглядел хорошо.

Конечно, дальнейшие военные события Сергея Петровича не коснулись, но в тот день он плакал едва ли не больше австрийских подданных.

Козырной валет... Козырной король... «Позвольте присовокупить девяточку», – как говаривал некогда герой гоголевских «Игроков».

Оказывается, в юности Юрий Иосифович брал уроки танца у Жоржа Баланчивадзе, будущего Джорджа Баланчина. Уже знакомый нам петербургский портной мог позволить себе роскошь оплачивать эту прихоть сына.

Вам мало этого примера? Тогда вот еще. В ноябре семнадцатого Слонимский находился среди зевак на Дворцовой площади. Какой-то юноша пытался сбросить

вниз двуглавого орла, не рассчитав сил и сам упал с крыши. Толпа к смерти отнеслась равнодушно, но зато приветствовала падение герба.

Даже рассказывая об этом, Юрий Иосифович как-то поеживался. Уж очень сильно напирали люди, чересчур громко кричали пьяные, и совсем одинок был труп юноши на обочине дороги.

Скорее всего, это один из самых важных в моей жизни уроков. Я и сейчас уверен, что минувшее близко. Порой мне кажется, что оно даже ближе, чем настоящее.

Человек, занимающийся историческими сюжетами, просто не может считать по-другому. Если иногда ему удастся проникнуть в прошлое, то лишь потому, что он перестает думать о дистанции.

Те же и Баланчин

Так Слонимский стал моим учителем. Домашним учителем. Официальные учителя были в Театральном институте, а с ним мы встречались приватно. Чаще всего, как уже говорилось, в Комарово или на Ленина, 34.

Вскоре настал момент, когда я показал ему свой диплом. Что-то ему тут померещилось. Вряд ли какие-то основания имелись в самой рукописи, но он обладал способностью видеть сквозь текст.

Еще, возможно, Юрий Иосифович обнаружил следы наших разговоров. Понял, что я вполне обучаем. Это стало основанием для того, чтобы он дал мне новое задание.

Оказывается, в Пушкинском доме хранится архив семейства Дягилевых. Вот, сказал он, замечательно интересный искусствоведческий сюжет.

Честно говоря, я проникся далеко не сразу. Смушало то, что сам Дягилев в это время был явлением почти маргинальным. На лекциях в институте нам о нем не рассказывали.

Странно, согласитесь, заниматься историей семейства Икс. Следовало бы сперва превратить неизвестную величину в более внятную, а уже затем приниматься за его родственников.

Я настолько расхрабрился, что прямо спросил: «Вам кажется это интересно?»

Слонимский настаивал на том, что ничего более увлекательного просто не может быть.

К тому же, он просил меня стать его помощником. Эта просьба подкреплялась договором с американским издательством «Данс Хорайзн».

Почему именно это издательство, я расскажу чуть позже, а пока уточним, что тут не было ни толики инакомыслия. Такие договора заключались под строгим контролем ВААПа.

Перед возможностью стать соавтором Юрия Иосифовича устоять было сложно. Еще меня совершенно захватил архив Дягилевых. Все эти письма, документы, фотографии, рисунки... На меня обрушился целый мир, пока никому неизвестный и никем не прочитанный.

Теперь почти каждое мое утро начиналось в рукописном отделе Пушкинского дома, а оттуда я направлялся в Свердловскую больницу, где лежал Юрий Иосифович. Я читал ему переписанные от руки письма и выслушивал его соображения и замечания.

Как оказалось, прошлое – совсем не меньше, чем настоящее! – может быть чревато неожиданностями. Самым большим сюрпризом для нас стал отказ Павла Дягилева, отца Сергея, от звания Старшины Благородного собрания.

Если говорить коротко, история тут такая. В стенах собрания подрались два офицера, но их за это не осудили. Тогда Павел Дягилев в знак протеста отказался от звания Старшины. Этим он сильно осложнил жизнь своей семьи.

Я хорошо помню, какое впечатление произвело на Юрия Иосифовича это поистине неординарное известие.

Он откинулся на подушке и улыбнулся в знак одобрения и солидарности. Вот как следует поступать каждому! Именно такого поступка он от него ждал.

На больничной койке тело вынужденно безмолвствует, а жест получает особую выразительность. В соответствии с полученными когда-то уроками Баланчивадзе-Баланчина движения становятся понятнее слов

Сначала солировала рука. Чуть покачиваясь на локте, она говорила что-то нежное и

умиротворенное. После длинной паузы Слонимский произнес:

– Как хорошо.

Кстати, в первое же мое посещение Пушкинского дома я убедился в том, что не одинок. Тот путь, который я намеревался пройти, несколько раз был проделан до меня.

Конечно, вылазки в прошлое были единичными и нерегулярными. В архивной описи моя подпись оказалась третьей или четвертой. Список посетителей открывала Анна Петровна Остроумова-Лебедева.

Таково еще одно доказательство правильности аргументов двух замечательных стариков. Прошлое было действительно недалеко. Лишь три строчки отделяли мою фамилию от известной мирискусницы, а от нее до Дягилева – буквально рукой подать.

Юрий Иосифович Слонимский. 30-е гг.

Еще раз о Баланчине

В истории с предполагавшейся книгой о семействе Дягилевых участвовал еще один человек. Его присутствие где-то совсем близко от нашего замысла не могло меня не вдохновлять.

От него до Дягилева даже ближе, чем от Остроумовой-Лебедевой. Ведь Остроумова с Сергеем

Павловичем была просто знакома, а он с ним работал несколько лет.

Да, да, это Джордж Баланчин. Сперва преподаватель, дававший уроки Юрию Иосифовичу, а потом его соученик по Петербургской балетной школе.

Для того чтобы объяснить участие Баланчина, надо кое-что рассказать. Все же это событие чрезвычайное. Не так просто американскому хореографу соединиться с советским балетоведом.

Как уже понятно, этот союз возник не на пустом месте. В студенческие времена Слонимский с Баланчиным жили в одной комнате. Скорее всего, перед сном они обсуждали идею нового балетного театра.

Вскоре они перешли к осуществлению своего плана. В начале двадцатых возникла труппа «Молодой балет». Спектакли ставил Баланчивадзе, их оформляли Владимир Дмитриев и Борис Эрбштейн. Слонимский считался «теоретиком» – человеком, формулирующим задачи и определяющим направление поиска.

В двадцать четвертом Баланчивадзе покинул Россию, а его товарищи остались на родине. В тридцатые годы Дмитриев работал главным художником МХАТ, но рано умер, не пережив ареста жены; Эрбштейн много лет провел в тюрьме, а в начале шестидесятых покончил жизнь самоубийством...

За это время Петроград стал Ленинградом, Слонимский – основоположником советского балетоведения, а Баланчивадзе – великим американским хореографом Джорджем Баланчиным.

Еще Слонимский стал мужем Натальи Леонидовны Лисовской, одной из солисток «Молодого балета».

Последующая эпоха связана с не менее радикальными переменами. Если говорить о Слонимских, то для них наступила старость. О принадлежности этих людей к миру балета можно было судить только по жестикуляции.

Юрия Иосифовича я помню на улице, а Наталью Леонидовну исключительно дома в кресле. Оставались, правда, руки. Выяснилось, что они тоже могут танцевать.

С помощью рук Наталья Леонидовна исполняла для меня опусы раннего Баланчина. Пальцы легко образовывали дуэты, трио и квартеты. Когда указательный или мизинец вырывался в солисты, их соседи становились кордебалетом...

Все это мне показывалось после того, как отношения Баланчина и Слонимских возобновились. До этого десятилетиями они не надеялись на встречу. Она казалась столь же нереальной, как возвращение в юность.

Одним из признаков оттепели конца пятидесятых-шестидесятых годов стали гастролы баланчинского «Нью-Йорк Сити балле».

Зрелище это было удивительное. Ни тебе фей, ни принцев, ни сильфид. Чистая пластика, без какой-либо примеси самого простого сюжета.

Такой же абстрактной бывает живопись. Или музыка. Внимание публики сосредотачивалось не на отношениях героев, а на соотношениях тел.

Кстати, тела тоже стремились к абсолюту. В том смысле, что одежда не считалась чем-то необходимым. Именно у Баланчина появились облегающие трико телесного цвета.

Запомним эти трико. В самое ближайшее время нам придется опять о них вспомнить.

Едва ли не в первый день гастролей в доме Юрия Иосифовича раздался звонок.

– Позовите, пожалуйста, господина Слонимского, – произнес голос с явным иностранным акцентом.

– Жоринька, это ты? – спросила Наталья Леонидовна.

– Наташенька, а что ты тут делаешь? – удивился звонивший.

– А я жена Юрия Иосифовича, – внесла ясность бывшая солистка «Молодого балета».

Дальше следовал настоящий *хэппи-энд*. Юрий Иосифович не только ходил на спектакли, но посетил репетиционную комнату. Специально для него демонстрировалась последняя новинка балетной одежды – уже упомянутые трико.

Два старика вроде как принимали этот парад. Они ходили вдоль выстроивших специально ради них танцовщиц. По праву главнокомандующего Баланчин шлепнул какую-то артистку ниже спины.

Когда Юрий Иосифович рассказывал об этом, у него горели глаза. Было ясно, что постановка американского хореографа и на сей раз была выше всяких похвал.

Потом состоялся званый прием на улице Ленина. Как видно, за обедом Слонимский рассказал своему приятелю об архиве Дягилевых, а тот загорелся этой идеей и пообещал найти издателя.

После того как Баланчин ушел, Слонимский увидел в окне картинку из прошлого: к остановке резво бежал, а затем вскакивал на подножку трамвая петроградский юноша Жорж Баланчивадзе.

Вот почему возник «Данс Хорайзн». Баланчин старался ради своего первого патрона и для своего питерского приятеля. Еще, возможно, его согревала идея Сергея Павловича о «мире искусства». О том, что красота и творчество отменяют всяческие границы.

Судя по всему, Великий импресарио и его друг-хореограф сильно заблуждались. Отменить границы могли только те, кто их перед этим установил.

Незадолго перед кончиной Юрий Иосифович перезаключил договор на меня. Особого смысла это уже не имело. В отсутствие Баланчина и Слонимского все становилось сомнительным. Что за неизвестные Дягилевы? И, главное, кто такой я? Было очевидно, что теперь ничего не будет.

К этому сюжету я вернулся только после перестройки. Тогда многие стали рыться в загашниках. Когда я достал давно позабытую рукопись, то увидел, что ее страницы пожелтели.

Я перечитал этот текст, сказал себе: «Как хорошо, что его не напечатали!» и написал книгу заново*. Так что

* Неизвестные Дягилевы, или Конец цитаты. – СПб.: Ассоциация «Новая литература», альманах «Петрополь», 1994. Второе

Советская власть на сей раз не очень ошиблась. С тем, первым вариантом действительно стоило повременить.

Долой суету!

В больнице мы разговаривали с Юрием Иосифовичем не только о Дягилеве. Как ни важен этот сюжет, но существовали и другие проблемы.

Тогда я работал в театре имени Ленсовета автором текстов Игоря Петровича Владимировича. Вообще-то должность у меня была заведующий литературной частью малой сцены, но основные обязанности сводились к этому. Предполагалось, что из статей со временем составитя книга.

Конечно, движение не было односторонним. Я не только помогал Владимирову, но многому у него научился. Это он преподавал мне первые уроки по-настоящему взрослой жизни.

Игорь Петрович был не только превосходный режиссер и актер, но почти персонаж. Человек не менее разнообразный, чем какой-нибудь герой Островского и даже Шекспира. Тут существовали противоречия, и тут чувствовался масштаб.

На сей счет можно рассказать множество историй, но я выберу одну. Ведь в ее финале принял участие Юрий Иосифович.

В семьдесят восьмом году Игорю Петровичу заказали постановку концерта к юбилею Октября. Его явно подзадоривало то, что за год до этого такой же концерт ставил Товстоногов. Разумеется, ему следовало сделать лучше и, уж точно, оригинальней.

Я был призван для помощи. Несколько дней мы вдохновенно творили. Изо всех сил я пытался угнаться за мыслью Владимировича и литературно ее оформить.

Главным эпизодом стала сцена на Красной площади. Кружатся в вальсе барышни и юноши. Затем, после перебивки, они танцуют какой-то современный танец.

Мысль тут была почти бесхитростная: вот так связываются времена. Молодежь всегда танцует, а Красная площадь стоит. Если существует то и другое, то в мире есть устойчивость.

Понятно, что ни о каком смелом содержании не могло быть речи. Ну если только о более или менее выразительной форме.

Владимиров отнес сценарий в Обком партии. Оттуда он вернулся мрачный. Ему сказали, что лучше обойтись без фантазий. Текст представления должен быть типовым.

Игорь Петрович реагировал так: «Буду делать, что они требуют». Впрочем, не то чтобы легко пережил запрет. На подобные события он обычно отвечал запоем.

Когда я пришел на репетицию концерта, Владимиров был сильно пьян. Он демонстрировал, что такой сценарий можно ставить в любом виде. Может даже лучше, если напиться до чертиков.

Это, так сказать, одна правда. О том, что есть и другая, я понял, когда в очередной раз пришел в Свердловку.

Я рассказал Слонимскому о нашем сценарии. О том, что молодежь сперва танцует вальс, а потом что-то заводное. К моему удивлению он грустно сказал: «Вы что – серьезно? Неужели вам это нравится?»

Больше к концерту мы не возвращались. Правда, перед тем, как попрощаться, Юрий Иосифович взял свою книжку и надписал: «Дорогой Саша! Помните пушкинский завет: "Служенье муз не терпит суеты!" Долой суету».

Да, вот еще. Книга называлась: «Балетные строки Пушкина». Каждая ее главка начиналась пушкинской цитатой. Видно, Слонимский хотел сказать, что это центральная пушкинская строка. Как бы цитата цитат. Все остальное начинается с нее.

Опять Свердловская больница

Как уже сказано, почти каждый день я приходил в Свердловскую больницу для того, чтобы поделиться архивными находками.

Немного остановимся на этой больнице. От прочих заведений такого рода она отличалась контингентом и особым к нему отношением.

Право лечиться в таких условиях Слонимский заслужил не своими книгами о балете, а тем, что в юности принял участие в создании ленинградской милиции.

Странные бывают повороты в жизни! Этот, как видно, связан с такой логикой: ах, вы все про фей и сальфид! Извольте принюхаться к той области, в которую сальфиды и феи не залетают.

У Юрия Иосифовича были отягчающие обстоятельства: помимо балетной школы, он закончил юридический факультет Петербургского университета. Увильнуть от этого предложения он никак не мог.

Вот почему среди следователей ленинградского УГРО оказался человек, бравший уроки у Джорджа Баланчина.

Так государство ломало жизни. Впрочем, в отдельных случаях долги возвращались. Хотя бы на время болезни кто-то из его жертв приобщался к уровню жизни партийного чиновника.

Свердловка была почти раем. Все, что никак не удавалось за ее стенами, здесь оказывалось возможно.

В другой больнице пациентам выдавали апельсин по праздникам, а тут фрукты стояли в коридоре в вазах. Их не получали, а брали. Даже, – уж это совсем невероятно! – могли угостить ими гостей.

Впрочем, это не самое удивительное. Палаты были не на десять, а на двух человек. По слухам каким-то особенным представителям полагались номера люкс.

Юрий Иосифович лежал в палате на двоих. У обоих «в анамнезе» было много всего. Впрочем, судьба соседа оказалась еще крученей.

Почувствуйте разницу: одно дело работать в милиции, а другое служить в охране Троцкого. Самое главное тут последствия. Даже странно, что обошлось двадцатью пятью годами лагерей.

Пришлось бывшему троцкисту опять стать большевиком. Уже не молодым, а старым. За выслугу лет

ему полагалось улучшенное питание и внимание со стороны пионерской организации.

В перерыве между процедурами сосед рассказывал свою одиссею. Даже человеку, прошедшему через УГРО, такое было невозможно представить.

Слонимского почти мучило от этих разговоров. Ему было стыдно. В сравнении с этими испытаниями даже эпоха борьбы с космополитизмом могла показаться санаторием.

Однажды я застал своего учителя одного. Он сидел на койке, закрыв лицо ладонями. Не хотел, чтобы кто-то видел его слезы.

Затем он сказал то, что не имело отношения к нашим обычным разговорам. Ни балет, ни Дягилев тут были не при чем.

– Что они сделали со страной.

Трудно сказать, к кому он обращался. Да и кто эти «они». Ведь его сосед вместе со своим патроном тоже приложили руку. Уж не говоря о людях за стенкой. Пациентах в самом широком смысле слова.

Итоги

Что остается через столько лет? В первую очередь, ключевые фразы. Например, «До войны появились продукты», «Неужели это Вам нравится», «Долой суету».

Еще, конечно, вот это, только что процитированное: «Что они сделали со страной».

Затем остаются зрительные впечатления. Неизменная грациозность Юрия Иосифовича. Движения пальцев Натальи Леонидовны, пытающихся следовать за артистами давно несуществующих спектаклей.

Да еще немалое число балетных движений. Все они имеют отношение к тому апрельскому дню 1978 года, когда на Комаровском кладбище хоронили моего учителя.

После похорон автобус подъехал к дому на Ленина, 34. Впрочем, вышедшие из него люди на поминки не спешили, а группами стояли в садике.

Здесь находился танцовщик и хореограф Петр Гусев. Примерно сверстник Юрия Иосифовича. Этот пожилой человек был как-то неправдоподобно, почти по-кинематографически, красив.

Кинематографичность этого впечатления подтверждалась тем, что Петр Андреевич был одновременно похож на Чайковского и Петипа.

Кстати, в фильме о Чайковском Гусев сыграл роль Петипа. Так что эта догадка принадлежит не только мне.

Как видно, сходство им поддерживалось. Можно представить, сколько сил каждое утро он посвящал бороде и усам.

Впрочем, сейчас нас интересуют прямая спина, пружинистый шаг, жестикуляция. Его руки не бесцельно болтались в воздухе, а четко двигались по своему маршруту.

Петр Андреевич что-то рассказывал. Затем слов ему стало не хватать, и он начал танцевать.

Вряд ли когда-либо в этом садике танцевали. Да еще так профессионально. И, уж точно, без всякого сомнения в том, что это наиболее правильный способ выражения мысли.

Какие удивительные эти старики! Наталье Леонидовне было достаточно ручки кресла, а Петру Андреевичу пяточка перед домом.

Уж не результат ли это участия в труппе «Молодого балета»: тоже ведь условия были не совсем подходящими, а планы самые захватывающие.

Незадолго до этого мне пришлось видеть Гусева, танцующего в комнате Юрия Иосифовича в комаровском Доме творчества.

Номер был не очень маленький. Если убрать стулья, то кое-какое пространство высвобождалось.

Конечно, дело не в возможностях, а в поводе. Так вот повод был самый серьезный. Гусев вернулся из Москвы, где смотрел «Ангару» Эшпая и Григоровича в Большом театре.

Слонимский интересовался буквально всем. Кое-что даже просил повторить. Ведь современная тема в советском балете появилась с его легкой руки. Так что он был лицом заинтересованным.

Разумеется, Петр Андреевич показывал балет не столько как танцовщик, сколько как хореограф. Главное было отразить ключевые моменты.

Иногда, правда, артист брал верх. Тогда он почти взлетал в воздух. Сейчас мне это так и видится: в роскошном прыжке Гусев едва не повисает над письменным столом, а мы с Юрием Иосифовичем и Натальей Леонидовной ему аплодируем.

В эти годы меня больше интересовали внешние вещи. Такова была степень моей неразумности. Теперь я понимаю, что дело не в сходстве с предшественниками. Куда важнее то, что Петр Андреевич имел право находиться в этом ряду.

Надо сказать, не такой длинный этот ряд. Петипа, Чайковский, Петр Гусев, Слонимский... Вернувшись к первому, рассказанному нами, сюжету, прибавим Геннадия Гора. Пусть к балету Геннадий Самойлович не имел отношения, но он точно принадлежал к славному племени образцовых питерских стариков.

январь-февраль 2011

Раиса Ей

«Дневник» Оноре

Из книги «Жизнь для вечности»

Казанские музыканты о Натане Рахлине Предисловие и публикация Георгия Кантора Предисловие

азалось, совсем недавно прошли юбилейные торжества, посвященные 100-летию со дня рождения великого дирижера XX века Натана Рахлина. (1906-1979). Юбилей отмечался в нескольких городах, расположенных в разных странах. Это Казань, где прошли последние тринадцать лет жизни и творчества дирижера; украинские города Киев, Харьков, Ялта, Одесса, где достаточно сильна память о Рахлине (в Киеве он четверть века руководил Государственным симфоническим оркестром Украины), в Нью-Йорке, где в 1990 годы выходцы из Киева основали Фонд памяти Рахлина (Nathan Rachlin's Memorial Fund). В 2006 году Татарская государственная филармония выпустила большую книгу Г.М. Кантора «НАТАН РАХЛИН. Материалы. Статьи. Воспоминания. Интервью» (Издательство «Титул», Казань, 300 с.) Книга быстро разошлась и нашла своих читателей, прежде всего в Казани, а также в Германии, Израиле, США, где еще немало музыкантов, игравших в разных оркестрах с Рахлиным, его многочисленных слушателей-поклонников и просто любителей классической музыки. Личность знаменитого дирижера овеяна легендами. После выхода книги (в продажу поступило всего 300 экз.) автор-составитель получил за эти годы немало откликов, новых воспоминаний, обнаружались неизвестные доселе документы, фотоматериалы, письма. Один из этих материалов приведен в этой публикации. Есть одно исключительное обстоятельство, отличающее эту и предыдущую книги о Рахлине от всех других «мемориальных» книг о дирижерах. Нигде и никогда с такой теплотой, любовью и глубочайшим преклонением перед талантом оркестровые

музыканты не высказывались о том, кто стоит над ними за дирижерским пультом. Не случайно один из крупнейших английских критиков Норман Лебрехт дал своей достаточно скандальной книге «Маэстро Миф» подзаголовок «Великие дирижеры в борьбе за власть» (книга на русском языке вышла в 2007 году). Новая книга о дирижере называется «ЖИЗНЬ ДЛЯ ВЕЧНОСТИ» (*Тель-Авив-Казань. Издательство Beit Nelly Media, 2010, 250 с.*) Она включает в себя материалы и документы, связанные исключительно с последним тринадцатилетним пребыванием Рахлина в Казани и руководством, созданным им симфоническим оркестром Республики Татарстан. Как составитель, комментатор, редактор и один из авторов новой книги о Натане Рахлине я глубоко признателен здравствующим авторам, чьи воспоминания и документы мною использованы. Учсть все, что сделал Рахлин почти за полвека своей дирижерской деятельности вряд ли возможно, но я уверен, что уникальность и неповторимость этой яркой личности бесспорна.

Мемориальная доска на доме по улице К. Маркса, где жил Н. Рахлин с 1967 по 1979 гг.

Предлагаемый к публикации «Дневник» Раисы Борисовны Ей представляют несомненную ценность. Подобно многим личным документам, созданным человеком, находившимся рядом с великим музыкантом, они расширяют и обогащают наши представления о знаменитом дирижере Натане Рахлине. «Дневник», хотя и вёлся не систематически и недолго, освещает важный, «казанский» период жизни и деятельности знаменитого музыканта. Лично для меня, как составителя и комментатора, он бесспорно является глубоко правдивым документом, своеобразной хроникой тех, уже далеких времен. Я был свидетелем и активным участником событий, описанных Раисой Ей, был хорошо с ней знаком. Судьбе угодно было распорядиться так, что Раиса Ей, пианистка, ученица известного педагога и композитора профессора А.С. Лемана, поступила на работу в Казанский

симфонический оркестр, созданный Н.Г. Рахлиным в 1966 году, и проработала в нем 9 лет. Рахлин, живя в Казани в большой четырехкомнатной квартире по ул. К. Маркса (там ныне мемориальная доска), часто был совершенно одинок, жена его Вера Львовна большей частью проживала в Киеве или на их крымской даче в Мисхоре.

Пожилой человек, не очень здоровый, не имевший в Казани близкой дружеской семьи, естественно, остро нуждался в друге-музыканте, собеседнике, помощнике-секретаре. Естественно, что Рае Ей, молодой, умной и образованной женщине, которой Натан Рахлин очень нравился, который поразил ее своим музыкантским величием, захотелось стать близким и нужным ему человеком. Замечательно, что она, осознав, кто есть Натан Рахлин, и, обладая тонкой наблюдательностью, будучи сама отличным музыкантом, живя в гуще тех музыкальных событий, решила зафиксировать некоторые факты его личной жизни. Натан Григорьевич, будучи натурой экстравертной, обладал некоторыми типическими базовыми, характерными для этого типа людей чертами, особенно людей искусства. Он не хотел, не мог быть «как все». Он понимал, что он – громадный талант. Он был инфантилен, мало приспособлен к бытовым нуждам и трудностям. Он четко знал, что его стихия – это внешний мир, публика, эстрада. Его всегда интересовал успех, лидерство и материальные ценности. Он не переносил одиночества, любил жизнь и земные радости. Он очень любил женщин и имел на них сильное влияние. Все это достаточно убедительно прослеживается в наблюдениях Раи Ей в годы ее близости к Рахлину, хотя, разумеется, она и не ставила перед собой какой-то специальной задачи – дать психологический портрет великого музыканта. Она пишет искренне, просто и естественно. Сама Раиса Борисовна Ей живет в Набережных Челнах, до сих пор преподает фортепьяно в детской музыкальной школе, читает лекции о музыке. Рукопись «Дневника» довольно хаотична, автор перескакивает с домашних бесед на репетиции оркестра, с наблюдений над музыкальным феноменом Рахлина на воспоминания о концертах, гастролях. Особый интерес для профессионалов-музыкантов представляют конкретные замечания и указания Рахлина в связи с репетиционным процессом, а также его оценки исполняемых им композиторов прошлого. Поэтому, последовательная запись автора подверглась мною значительной перепланировке, где выделены особые макро- и микро разделы. Зафиксированный рукой Раисы Ей план будущей книги Рахлина «Дирижерское искусство» также даёт представление о теоретическом базисе его

исключительного дирижерского влияния на музыкантов и слушателей. Названия разделов согласованы с автором «Дневника Оноре». В завершение привожу строки из письма Раисы Ей, адресованные мне 24 мая 2009 года после прочтения отредактированного мною её «Дневника». «Дорогой, замечательный Георгий Михайлович! Моей заслуги в том, что я близко знала Рахлина – нет. Только случай. Но душу это очень греет. Интереснее таких людей в жизни ничего и не было, как нет ничего прекраснее музыки».

Георгий Кантор

Личность. Дирижёр в быту. Разговоры с ним

В конце октября 1966 года в стоматологической клинике, что против оперного театра, я сидела у вешалки за столом, дожидаясь очереди. По коридору шел одеваться Натан Григорьевич Рахлин. Я мельком взглянула в его сторону. До октября с начала учебного года он появлялся в Казани изредка. Года за два до того он дирижировал «Патетической ораторией» Свиридова. Осанка и внешность у него запоминающиеся по своей значительности. <...> Рост – 1 м 64 см., очень толстый. Нога – 41 размера, вес около 90 кг. Эти данные я помню по его анкетным данным в больнице¹. Коричневые крашенные волосы, кудрявый от природы, лысоватый со лба череп, большая голова, широкие плечи и большой живот. В тот раз мы с легкостью познакомились и Н.Г. пригласил меня на репетицию оркестра в клуб им. Менжинского (*ныне клуб МВД*) на следующий день.

31 мая 1968. Отметили годовщину оркестра, исполняли «Пинии Рима», концерт Мендельсона для скрипки (Нелли Школьниковой), «Татарскую рапсодию» А. Лемана. Концерт получился большой и прошел с успехом. 6 симфония имела большой успех. С 8 февраля по 6 апреля Н.Г. провел в Праге, поехал на гастроли и заболел там. Концертов не было, но он узнал, как там ценят его имя,

¹ Совершенно очевидно, что Раиса Ей сопровождала Рахлина при неоднократных госпитализациях в его «казанскую» пору.

и что считают первым дирижером у нас в стране². 7 декабря мы были с ним в Москве, я его проводила в Прагу. Попали случайно на юбилей БСО (*Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения*)³. Его (Рахлина) встречали как Мессию. Кланялись в землю и целовали руки. Говорили, что он первый дирижер. Он, действительно, чудо. Накануне отлета мы спустились в ресторан гостиницы «Украина» поужинать и попали на юбилей БСО к праздничному столу. Помню, что напротив сидел Евгений Светланов.

После Праги он еще чувствует себя слабо, очень похудел, живота почти нет. Сегодня была у него с ФР. Играл на гитаре «Менуэт» Орландо Лассо, из «Тассо», «К Элизе», еврейские народные песни и др. Держит гитару как ребенка. Играет с большим увлечением, с милым юмором, что невозможно не смеяться. Лицо очень доброе, глаза становятся большими, нижняя губа отвисает, особенно хороши широкие плечи и руки. Он ученик ученика самого

2 Еще за 12 лет до этого Рахлин гастролировал в Чехословакии во время международного фестиваля «Пражская весна». Он имел там громадный успех. Привожу здесь рецензию полувековой давности. – «В первые дни фестиваля "Пражская весна" большим событием был концерт оркестра Чешской филармонии под управлением Натана Рахлина. В течение двух часов он удерживал переполненный зал им. Сметаны в состоянии величайшего напряжения и вызвал такие овации, что их можно сравнить только с успехом, каким пользовались в Праге Д. Ойстрах, С. Рихтер, Э. Гилельс <...> В программе были Шестая симфония Чайковского и Вторая симфония Хачатуряна. <...> Трактовка Рахлиным симфонии Чайковского существенным образом отличается от пражской традиции <...> не только в деталях, но и всей концепцией. Некоторые моменты в трактовке Рахлина воспринимаются как спорные, но это несколько не мешало тому, чтобы все признали яркий талант советского дирижера, его мастерство и темперамент (Проф. Мирослав Барвик. «Пражская весна 1956». // «Литературная газета». Москва. 1956. 24 мая.

3 Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения. Ныне оркестр называется «Российский симфонический оркестр им. Чайковского». 35 лет его возглавляет Владимир Федосеев.

Ф. Тарреги, играет виртуозно. Гитара старинная, нижняя дека из деки виолончели, разбитая, с несколькими трещинами⁴.

21 декабря 1968. Очень жалею, что так плохо и мало записываю. С 13 по 17 ноября были концерты в Киеве. После долгого перерыва впервые там выступил. Успех, как говорят, был грандиозный. Не давали начать концерт, публика очень долго приветствовала. Говорят, что в Киеве его очень любят⁵. Там был замечательный оркестр, а теперь Н.Г. говорит, что он в развале. Ему пришлось очень много работать, репетировать пред концертами. Не поняла, почему Н.Г. говорил, что удовлетворения от этой поездки он не имел, несмотря на шумный успех. Говорит, что туда не вернется, хотя его очень просят («вертайтесь до дому»). Еще такой национализм и антисемитизм многому виной. О киевских гастрольях сказал, что Шестая получилась хорошо, но «Манфред» – лучше. Оркестр превосходный, но запущенный. Помимо того, что симфония произвела большое впечатление, воспринималась даже не музыкантами как выражение сугубо личного, слышала выражение – «это исполнение было "лебединой песней"». Очень часто говорит о евреях, о судьбе этого народа в прошлом и теперь. – Я страдаю от того, что я еврей. Я не хочу быть евреем. От моего народа у меня есть терпение все пережить. Я – «вечный Жид», я изгой, у меня нет места, где

4 В подростковом возрасте Рахлин брал уроки у одного испанского гитариста, волею судеб оказавшегося во время Первой мировой войны военнопленным в Сновске. Тот был учеником великого испанского гитариста Франческо Тарреги. – Мне Рахлин говорил, что его гитара – работы известного русского мастера Ивана Краснощечекова, что ей более ста лет.

5 Спустя много лет, в марте 2006 года мне посчастливилось провести два вечера в Киеве, посвященных 100-летию со дня рождения дирижера. Поразили не просто переполненные залы, но и отношение старых поклонников дирижерского искусства Рахлина, их любовные воспоминания о «золотых» рахлинских симфонических годах. Киевская пресса широко осветила этот фестиваль.

бы я чувствовал себя прочно и дома⁶. Если бы здесь в Татарию татарин сделал бы то, что сделал я (создал оркестр), его бы вознесли, а этот героический труд делаю я, но не хотят замечать. Вижу, что Н.Г. очень переживает появление здесь Мансурова, с которым все очень носятся... Я слышала его (Мансурова) впервые в Сочи, играл «Шехеразаду», и очень скучно. Так же скучно прошла 3-я симфония Рахманинова в Казани и 5-я Бетховена. На репетициях он держит строжайшую рабочую дисциплину и вообще, на репетициях он как будто ничего, а на концертах все сухо и скучно. Зато нравится женщинам своей замечательной осанкой, красивыми руками и определенной мужественностью и ростом. В оркестре проявил себя бестактно, обращается ко всем на «ты». «Это, в общем, про любовь» – это он о побочной партии 9-й симфонии Дворжака. Истый татарин⁷.

6 ВЕЧНЫЙ ЖИД (Агасфер) (латинское Ahasverus), герой средневековых сказаний, еврей-скиталец, осужденный Богом на вечную жизнь и скитания за то, что не дал Христу отдохнуть (по многим версиям, ударил его) по пути на Голгофу. К легенде об Агасфере обращались писатели и поэты разных времен: – И.В. Гете, П.Б. Шелли, Н. Ленау, В.А. Жуковский, Э. Сю, Х. Борхес и др. Вечный жид – один из вечных образов, символ парадоксального возмездия – проклятие бессмертием. Один из вариантов легенды воплощен в опере Вагнера «Летучий голландец» («Моряк-скиталец»).

7 Характеристика Фуата Мансурова (1928-2010) автором «Дневника» страдает, на мой взгляд, поверхностностью и явной односторонностью. Когда Мансуров явился в Казани в конце 1960 годов сначала главным дирижером Татарского академического театра оперы и балета (ТАТОБ), выступал с молодым Казанским симфоническим оркестром, он уже обладал большим дирижерским опытом в крупнейших музыкальных коллективах России, Московской консерватории, Большом театре СССР. Мансуров – дирижер большой воли, жесткий, требовательный, даже конфликтный с оркестрантами. Он отличался феноменальной памятью (дирижировал наизусть), ясностью и конструктивностью мышления, помогающему ему как в реализации цельного замысла, так и в проработке деталей. Высокая работоспособность, точность художественных намерений, выразительная дирижерская пластика

23 декабря 1968. Помню, он говорил о том, что покончит с собою, если ему, как еврею, в конце концов, придется вновь покинуть работу в новом месте⁸. При разговоре о Мансурове он сказал, что ему, видимо, придется или дискутировать или подчиниться его гегемонии. Выход он видит только в том, что бросит работать вообще и будет давать отдельные концерты.

Репетиция с Казанским оркестром. На обороте—дарственная надпись: Раисе Ей «Милой, дорогой, божественной «CELESTe» Райской Раюшке от Натана», 1970 (из личного архива Раисы Ей)

Разговор о Мансурове тогда его очень расстроил. В такие минуты он стремится выйти наружу и идти, куда глаза глядят, обдумывая новое затруднение. Если такие минуты застают его в комнате, он начинает ходить из угла в угол, как зверь в клетке. На льва, выпущенного из клетки на арену, он бывает похож, когда почти выбегает на сцену в начале концерта и почти всегда, когда ему приходится выходить. Даже в маленьких клубах, на небольших сценах, он всегда как бы вырывается на свободу. Спокойным шагом он выходит только в случае, когда очень болен, когда резкая

сделали его любимцем публики. Он – очень образованный музыкант и человек. Следует отметить, что Мансуров был весьма независим и порою резок в своих суждениях о музыке и музыкантах (и о Рахлине в том числе).

⁸ Рахлин был уволен из руководимого им четверть века Украинского государственного симфонического оркестра в 1962 году.

боль в животе не дает ему бежать. Но на сцене уже, он говорит, что постепенно боль оставляет его и возвращается опять после концерта⁹. Совсем больным он дирижировал в Эссентуках. Но вот он вышел, повернулся к оркестру, поднял руки и с первым энергичным жестом так рыкнул, что я, стоя за кулисами, очень была удивлена. Успех был замечательный. Играя партии арфы и челесты в «Болеро» Равеля, я запомнила его лицо в конце «Болеро». Выражение огромной страсти на лице. Рот разверзся и, кажется, он должен кричать «А-А-А», все на ffff. Удивительно, что он не кричит в такие мгновенья. Вообще, он великолепно владеет собой на сцене. При первом исполнении 2-й симфонии Жиганова (5 октября 1968 – ГК) случилось пережить ему страшные минуты. Премьера. В ложе композитор и представители власти, народ – все ждут музыки. Когда он уже вышел, настроение праздничное, повернулся к оркестру, ему сказали, что 1-й кларнетист забыл дома свою партию. Мы видели, что Гершковский выбежал за сцену, а Н.Г., повернувшись к публике, начал говорить о симфонии и все такое прочее. Говорил долго, некоторым казалось, что он заговаривается, потом медленно-медленно повернулся всем корпусом к оркестру, надеясь увидеть кларнет на месте, но увы... Тут он начал перелистывать партитуру и ругаться страшными словами, до меня долетело только «вот, сволочь». Н.Г. был зеленый, страшно было на него смотреть. В публике началось движение, а кларнетиста все нет. Минуты были страшными. Потом появился кларнет, и все вздохнули. В публике почти ничего не поняли. Натан тут же шелкнул палочкой по пульта и начал дирижировать, не

9 Будучи ведущим-лектором в его концертах, я вспоминаю, что, перед тем, как выйти на сцену, он каким-то искусственным способом оттягивал этот момент, в последнюю минуту начинал что-то искать с напряженным мучительным выражением лица – волновался. Бывало, отговоришь вступительное слово, идешь в артистическую. – «Натан Григорьевич, пора... Что, уже? – и начинал причесываться, пудриться, вспоминать, на месте ли партитура. Выходя на сцену, как-то отталкивался правой ногой и быстрой, решительной походкой начинал пробираться между оркестрантами.

теряя ни секунды. В том сезоне с нами играл чешский скрипач концерт Моцарта. Я слушала в зале. То, что Н.Г. дирижировал наизусть, я не заметила, потому что мы все привыкли к этому, дирижирует без партитуры. Оказалось, что он забыл партитуру концерта дома. На репетиции не все было гладко, скрипач играл застенчиво. Сам скрипач после концерта сказал мне восхищенно, что Натан сказал только «Ничего!», успокаивая больше скрипача, и продирижировал наизусть. Все сошло очень хорошо, скрипач тоже хорошо играл. Знаю, что Н.Г. удивительно много работает. Перед большими концертами он почти не спит. Все время делает вписки, поправляет партии, сам ставит штрихи. Иногда он приносит вписки прямо на концерт, никто уже не удивляется. Пишет он как ноты, так и слова очень плохо, неразборчиво. Работает по ночам. Спит, обычно после генеральной репетиции, прямо перед концертом, иногда совсем сонный он выходит из дома на концерт. Говорит, что основную работу он делает на генеральной репетиции, вернее даже творит, добивается настроения на репетиции и с ним идет дирижировать в концерте¹⁰. После концерта, обычно, около часа соснет, ночь проводит без сна, а отдыхает весь следующий день, если он бывает свободен.

6 января 1969. Любит выражения «в бесконечном пространстве памяти», «над уровнем обыденности». Говорит с украинским акцентом. Акцент еврейский передает замечательно. Знает много анекдотов и очень любит их рассказывать, большей частью нецензурные. Рассказывает их замечательно, с выразительной мимикой и жестом. Замечательно рассказывает библейские истории, подчеркивая мудрость, в них заложенную. Говорил, что

10 В отношении репетиционного процесса сам Рахлин высказывался следующим образом. «Не люблю проигрывать на репетициях большие куски произведения. На репетициях мне нужно делать «тени»... Нахожу содержание, программу образа. <...> Никогда не репетирую эмоциональность. Вся картина в окончательном виде рисуется только на концерте « (из интервью журналистке Т. Грум-Гржимайло). Цит. по книге «Натан Рахлин. Материалы. Статьи. Воспоминания. Интервью». С. 86. Казань, 2006.

когда-то переводил Талмуд с древнееврейского, говорит, что этот язык звучит очень красиво и гордо. Еврейский современный (*идиш* – ГК), видимо, знает очень хорошо. Дома у него огромная библиотека, говорит, что в молодости был «книжник», много читал¹¹. Рассказывал, что в молодости, учась в консерватории, решал (другим студентам) за два бублика гармонические задачи. Тем и кормился. Сидел в каморке сторожа или вахтера, сторожу тоже доставалась какая-то часть бубликов. Прочла «Прометей или жизнь Бальзака» А. Моруа. Нахожу, что Натан очень походит на Бальзака. Такой же толстый и подвижный, невысокого роста, со странными иногда манерами – плетется по улице, сморкается. Одет Натан очень плохо. Не следит за своим туалетом, пижонем его не назовешь. Брюки подтягивает ремнем, очень туго. Брюки сидят всегда ужасно, но тут виновата, разумеется, жена. На себя он совсем не обращал внимания.. Иногда надевал галстук, но в удобную минуту тут же его снимал, комкал как попало и спокойно засовывал его в карман. Летом ему очень идет рубашка на выпуск, распашонка. Он выглядит тогда ужасно милым и симпатичным. Вообще, внешне он очень симпатичен, при всей его небрежности. Ему очень идет фрак. Во фраке он необыкновенно преобразается, выглядит в нем старым интеллигентом и большим артистом, что и есть на самом деле. В быту Н.Г. совсем непритязателен, может выпасться, сидя за столом, есть, что попало. Времени, его движения, почти совсем не чувствует, не ориентируется во времени, часов на руке не носит, потому, что забывает их. Дирижировать в часах не может. Обладает большим воодушевлением, легко убеждает, легко обманывает. Один и тот же эпизод из своей биографии рассказывает по-разному, но все так же убедительно. Большой мастер на комплименты

11 У Рахлина в Казани вся его большая четырехкомнатная квартира была заставлена специально сделанными на заказ застекленными стеллажами до потолка. Книгами ведала его жена Вера Львовна, книги никому не выдавались. Можно было читать только у них.

женщинам, что называется «умеет ухаживать»¹². 28 декабря у него день рождения, хотя он признает, что у него их несколько. Сколько ему лет пока точно не знаю¹³. Сейчас он в Ленинграде, уехал 23 декабря, жду его около 13 января, хотя говорил, что вернется, может быть, 28 декабря или 31 декабря, или 3 января. Вера Львовна уже сказала, что вернется 13 января. Вот так всегда, несколько вариантов. Летом 1967 года в июле мы были несколько дней в Сочи. В первом концерте шла симфония «Из Нового света» Дворжака. Летний театр был полон, ни одного свободного места, меня посадили в директорскую ложу слева от сцены. Успех был очень большой. Слышала, как музыканты были в восторге от симфонии (*какой оркестр – неизвестно ГК*). Мне тогда очень понравилось, поразил финал симфонии. Однако после концерта, уже в гостинице я заметила его беспокойство. В номере было много красивых цветов, прекрасный букет роз, мы весело ужинали, и я не стала его допрашивать. Рано утром на рассвете я подошла и заметила, что он не спит и даже очень чем-то расстроен. Оказывается, что он недоволен концертом. Тогда он сказал мне, что я слышала только пол-Рахлина. он сделал не все, что мог бы сделать за 7-8 репетиций, если бы они у него были. Вот так. Если программа не готова, то Н.Г. говорит, что испытывает только стыд. Н.Г. много работает над штрихами. Его штрих можно сравнить со смелым густым мазком живописи. А духовые он просто учит играть, поскольку он играет на всех духовых. Говорил, что фагот дается ему сложнее. О себе он говорит, что дирижер-педагог прежде всего. В первые полгода (с ноября по апрель) (*очевидно, имеется в виду ноябрь 1966 – апрель 1967 – ГК*) он репетировал с оркестром, не давая концертов. Как много интересного он тогда говорил. Например, какая разница между *crescendo* у

12 Московский музыковед Жанна Дозорцева вспоминает. «Натан Григорьевич очень любил женщин, подобно Дон Кихоту он из любой Золушки делал Дульсинею Тобосскую, а женщины обожали его за великий талант». (Цит. изд. С. 20).

13 На самом деле, Н.Г. был в это время в возрасте 63 или более лет.

классиков и романтиков; какая разница у «восьмых» у Бетховена и Брамса, жаль, что я тогда так мало его слышала. На премьере оркестра в Оперном театре я играла партию фортепьяно в 1 симфонии Шостаковича.

Ленинград, ноябрь 1965, на репетиции
(из личного архива Раисы Ей)

18 января 1969 года. 22 января – его первый концерт в этом году. Программа – *Брамс 4 симфония. Шостакович 1 концерт для фортепьяно с оркестром. Казелла. Симфоническая поэма «Италия».*

До Четвертой Брамса играли недавно Третью его симфонию и «Венгерские танцы». 3-я симфония прозвучала очень хорошо. Репетиций было всего 2-3. Мне особенно понравились 2 и 3 части. А теперь вот Четвертая. О слухе Н.Г. На записи у труб было трудное место. Праченко (*первый трубач – ГК*) попытался один раз сыграть не те ноты, чтобы было удобнее. Н.Г. остановил оркестр, но не из-за них, объяснил кому-то что-то, а потом спросил, почему Праченко играет там ми бекар. Вся духовая группа валялась от смеха. Так Натан великолепно слышит, но очень редко показывает это. Вчера говорил, что хочет писать книгу. Говорит, никто не понимает этой уникальной фигуры дирижера. Дирижер – архитектор и каменщик, доктор и подметальщик мусора, маляр и художник, в общем, он целиком возводит здание своими собственными руками и головой, от основания до крыши. Мало того, он населяет

этот дом внутри живыми образами. Говорила ему о том, что он очень похож на Бальзака. Он тоже это находит, ему об этом многие говорят. Н.Г. очень добрый, добрый на хорошие слова, на ласку, и лицо у него доброе. Внешне выглядит общительным, веселым, в компании – простым и сердечным в общении. Очень хорошо разбирается в людях; в жизни, конечно, как и все, бывает близорук. Мудрость у него от хорошего знания Библии и Талмуда. Однажды он говорил о том, что очень плохо воспринимает многословия Р. Роллана, потому что воспитан как максималист Талмуда. Многословие есть и у Горького, но никак не у Толстого. Говорил, что в свое время переводил Талмуд с древнееврейского. Я читала его перевод из Талмуда, отрывок (*неразборчиво*) «Дочь совершенства». Сколько поэзии. Вчера, когда говорили о Бальзаке, я сказала, что у него, как и у Бальзака, как у всех гениев, ясность воображения находится на высшем пределе. В ответ он рассказал, что воображение, действительно рисует ему образы самые определенные, в ясности своей они превосходят абстракцию. «В музыке я все это могу воплотить, а в словах выразить не могу». Говорил также, что когда он дирижирует, тысячи образов проносятся у него в голове. Говорит он страшно проникновенно, негромко, хрипловатым голосом непонятного диапазона. «У меня баритональный тенор». Динамические акценты в его речи самые неожиданные, постараюсь как-нибудь записать. Акценты неожиданные, против всяких правил литературной интонации и очень сильные. Речь сопровождается жестикующей, такой же непринужденной и выразительной. Говорит с украинским акцентом и плохо строит предложения, но мысль всегда захватывает. В ораторстве это, конечно, не Леман, не Коган (*профессора Казанской консерватории – ГК*). Но в зале слушают затаив дыхание, потому что он иногда говорит такие вещи, которые редко от кого, да еще со сцены услышишь. «Дорожите музыкой как дорожите своей возлюбленной». Кого не захватит встрепенуться душой такая фраза!

2 февраля 1969. Вчера были на конференции «Прометей» (*в те годы «Прометей» – научно-*

исследовательская группа в Казани, в структуре Казанского авиационного института – ГК), очень ею заинтересован. «Я чувю тут какую-то авантюру». Вчера слушали запись репетиции, сделанную Толей Тихоновым. 2 часть 3-й симфонии Бетховена¹⁴. Он пишет прямо из зала консерватории, где теперь идут репетиции. «Это дело мне представляется очень ценным». Недавно, 30 января состоялся концерт из произведений Иоганна Штрауса. Некоторые вальсы прозвучали замечательно. Все репетиции он очень нервничал, сердился. В начале второго отделения первый вальс после первых уже тактов бросил дирижировать, палочку положил на пульт. Я сидела на первом ряду с краю (мне нужно было играть в конце партии в «Сказках Венского леса»), и мне показалось, что ему стало плохо, я видела, что руки у него просто не поднимаются. Теперь он сказал мне, что бросил дирижировать потому, что оркестр играл не с ним. «Когда я бросил, так в оркестре появился такой ансамбль, они сплотились, но творчества не было. А у меня оркестр всегда звучит со мной, ни одной минуты не играет без меня, и всегда творчество – главное». Говорил о том, что к нему прицепили ярлык «стихийного дирижера», и он этот ярлык так и не смог исправить, потому что ему не пришлось быть москвичом и работать там долго со своим оркестром. «Я скорее академик, чем дирижер стихийного плана». Бросил фразу о том, что Казань это единственный минус в его жизни, карьере. Говорил, что ему в беседе с незнакомыми раньше людьми приходилось слышать удивительное – «А вы, оказывается, совсем не идиот». Последнее время очень нервничает из-за оркестра, дисциплины нет, творчества нет, а есть цинизм, нет состава. И это перед поездкой в Москву. С 31 января – Н.Г. – Оноре. Л. Райгородецкий сделал мне две фотографии Оноре¹⁵. Одна – репетиция, 18 цифра «Болеро». Очень выразительный момент, на лице и в движении та самая страсть, о которой я писала. В польке «Осень» (И.Штрауса – ГК) написал

14 Аспирант Рахлина, впоследствии проректор КГК по учебной работе, профессор.

15 Леонард Райгородецкий – альтист оркестра. Хороший фотограф.

мелодию, которую играют скачками валторны, виолончели, альты и т. д. Эту мелодию он хотел ввести еще в концерте в Кисловодске. При мне они писались и приобретали окончательный вариант. Потратил он на это минут двадцать. Но в Кисловодске не удалось ее сыграть, не было репетиций. Наконец-то Оноре прилично одет. 31 января был в новом костюме, который хорошо на нем сидит. До этого года одежда на нем была ужасная; на нем сейчас светло-серое пальто, в нем он очень похож на Бальзака из фильма «Ошибка Оноре де Бальзака». Оноре с 23 по 28 января был в Москве, сказал, что записал Пятую симфонию Дворжака с оркестром БСО.

«Болеро» Равеля. Актный зал Казанской консерватории. Конец 60-х гг. (из личного архива Раисы Ей)

6 февраля 1969 года. Оноре был 4 февраля. Волнуется за концерты в Москве. Постоянно думает и обсуждает вслух программу концертов. Волгоград и Астрахань (*неясно*). Спрашивала, нельзя ли не поехать в Москву. Он – нельзя. Это банкротство. В следующем, юбилейном году, будет невозможно поехать. Концерты в

Москве пойдут, несомненно, на одном Рахлине¹⁶. Тоже риск. Говорил о цветомузыке. Из этого обязательно что-то выйдет, но что, пока они ничего не знают. Говорил, что когда дирижирует, то не видит перед собою оркестра, иногда видит только глаза оркестрантов. Когда закрывает глаза – в мозгу возникают странные световые комбинации – ВОТ что он видит перед собой через несколько тактов после того, как начнет дирижировать. Однажды, помню, как он хотел выяснить, сколько времени идет какое-то симфоническое произведение. Продирижировал минут 8-10. – Давайте посчитаем. Я по часам дала ему знак начинать. Он сидел за столом, свои большие, весомые руки положил перед собой на стол ладонками вниз и слегка подобрал пальцы. Легонько и редко отстукивая пальцами, он начал про себя слушать эту музыку. Затем, увлекшись, закрыл глаза, он не напевал ничего, но только рычал и иногда очень резко костяшками пальцев отстукивал какой-нибудь заключительный аккорд. Музыка клокотала в нем, как клокочет кипящая вода в плотно закрытом сосуде. Мускулы лица выражали внутреннее напряжение. Весь он слегка вздрагивал. Мне было жутко наблюдать за ним, очень любопытно. Мне было страшно быть возле него, но остановить его я не посмела. Было страшно и за него почему-то. Потом несколько заключительных аккордов, и он широко открывает глаза и спрашивает, сколько прошло времени. Так и получилось, 8,5 минут¹⁷. В тот же раз он решил узнать, сколько идет увертюра Жиганова «Нафиса». Он взял гитару и сыграл ее наизусть, до этого он

¹⁶ Очевидно, имеется в виду, что без второго дирижера.

¹⁷ Видимо, Рахлин каким-то способом мог вызвать в себе внутреннее вдохновение. Из беседы с Т. Грум-Гржимайло: «Неизменно у дирижера возникает ощущение, что он один на пьедестале. Очевидно, что-то близкое ощущению космонавта. <...> Вдохновение, которое я испытываю при знакомстве с произведением, – это тот идеал, который бы я хотел услышать. Вдохновение же, которое я испытываю в зале, на концерте приходит от непостижимого чувства, которое наполняет меня силой и уверенностью, что я использую все возможности. Это какая-то неразгаданная сила» (Цит. изд. с. 87).

репетировал ее только в оркестре несколько раз¹⁸. Когда он про себя слушал музыку, я, не отрываясь, смотрела в его лицо, я не могла оторваться. Было не по себе от такого ненормального, непонятного явления. Я стояла, облокотившись на стол, и близко-близко (на одной высоте с его головой) смотрела, не отрываясь в его лицо с плотно закрытыми глазами.

Беседа во время репетиционного перерыва
(из личного архива Раисы Ей)

11 февраля 1969. «Все проходит. И это пройдет «говорил по-еврейски». Говорил, что часто думает о смерти. «Думай, не думай. Это штука верная. Долго я не проживу. Я горю». Вдова Аухадеева¹⁹ просила его написать некролог к годовщине смерти. Я убедила Оноре отказаться от этого, потому что он не знал Аухадеева. Из этого и вышел разговор о смерти. Оноре говорил вчера, что хотел бы умереть как Аухадеев. Говорил о серьезной роли средних учебных

¹⁸ О поразительном умении дирижера играть на шестиструнной гитаре крупные симфонические произведения вспоминал его аспирант А.В. Тихонов, когда однажды на уроке Рахлин, ввиду отсутствия пианиста-концертмейстера, сам сыграл ему на гитаре «Ночь на Лысой горе» Мусоргского (там же, с. 61).

¹⁹ Ильяс Вакасович Аухадеев несколько десятилетий был директором Казанского музыкального училища. Умер скоропостижно на 64 году жизни.

заведений (музыкальных училищ) в биографии музыканта. В консерваторию приходят профессионалы. В ДМШ нас умиляет перспектива талантливых детей, а вот училище – это... Все волнуется о поездке в Москву. Программу составил и доволен ею. Его беспокоит оркестр, люди, которые, как ему кажется, не понимают ответственности и значимости предстоящего. Говорил, что думает при мне вслух, что я его понимаю, именно, понимаю, а не знаю. Вспоминал о том, что он из старинного испанского рода Нилхаров, еврейских раввинов. С 5-6 лет он играл на свадьбах, с 9-10 – служил в армии²⁰. После окончания консерватории он 10 лет колесил по стране в поисках работы и жилья. Потом, когда он получил, наконец, комнату в Киеве, началась война. Он потерял 3-х детей²¹. В Зеленодольске 9 февраля состоялся концерт музыки Иоганна Штрауса с Оноре. Когда объявили польку-pizzicato, Оноре положил палочку на пульт и хитро, по-доброму улыбнулся. Репетировал Н.Г. всегда без палочки, иногда с карандашом. Он всегда стоит за пультом так, будто Александрийский столп в Ленинграде – ничем не закрепленная колонна, но неколебима под своей же тяжестью. Он очень прочно прикован к подставке. Иногда он всем корпусом разворачивается к первым скрипкам или к виолончелям. Осанка его при дирижировании полна благородства, достоинства и естественности. У него совсем нет лишних движений, неоправданных жестов. Теперь, когда смотришь на молодых дирижеров, кажется, что они много-много машут, широко размахивая руками, в глазах мельтешит от их махания. Они все слишком подвижны. Натан лаконичен в жесте. И лишь иногда каким-нибудь неожиданным виртуозным движением, чаще левой рукой, он поражает, как

²⁰ Н.Г. часто фантазировал о своих годах, вводя в заблуждение всех исследователей его жизненного пути.

²¹ Последнее не вполне соответствует действительности. У Рахлина до начала ВОВ была прекрасная квартира в Киеве. Что касается смерти одного из детей, то, действительно, Вера Львовна в начале войны родила сына, и он вскоре умер.

поражает молния, хотя и знаешь, что при грозе она обязательна.

12 февраля 1969. Концерт Штрауса с Оноре в БКЗ (*Большой концертный зал консерватории*). Вел концерт Кантор. Очень хорошо вел, интересно говорил. Н.Г. был в хорошей форме, играли хорошо.

17 февраля 1969 Вчера говорил, что в мыслях одна Москва, больше ни о чем думать не может. До сих пор нет подтверждающей телеграммы. Спит плохо. Просыпается с головной болью. Спрашивала, что у него болит. С силой несколько раз хлопнул по голове, показывая, что болит голова. Думает, брать ли «Карнавал» Берлиоза или же играть «Бенвенуто Челлини». «Карнавал» здесь тем хорошо, что не несет на себе груза особой мысли, а в «Бенвенуто Челлини» надо опять показать определенную тематику, мысль, а это в конце отделения после Баха и Гайдна уже ни к чему. Помню, как в концерте играли 7 симфонию Прокофьева. Играли неудачно. Особенно финал. Симфония шла в 1 отделении, аплодисменты были обыкновенные, но Н.Г. решил еще раз сыграть финал. Оркестр этого не ждал. Валторнисты на первых же тактах сбились. Н.Г. пришлось остановить оркестр и начать снова. Сыграли – не блеск. В антракте Н.Г. вызвал к себе валторнистов и сказал им, что финал симфонии пойдет еще раз, и, если они не сыграют, им крышка. Никто не знал кроме них, что Н.Г. задумал. На бис он еще раз продирижировал финал, прозвучало много лучше. Натан очень веселился и говорил после концерта – два раза прорепетировали – один раз сыграли

21 февраля 1969. Вчера читали Оноре план книги, которую он должен написать непременно. Он столько знает, что писать книгу ему необходимо. Взяла на себя смелость сделать этот план. Сначала он, как будто, не хотел слушать. Потому что весь увлечен Москвой²². По ходу чтения

²² Рахлин с огромным вниманием следил за московской музыкальной жизнью, считал московскую публику чуткой и высокоинтеллектуальной. В письме к близкому другу Гертруде Пясковской читаем. «Сейчас, когда я чувствую себя гораздо мудрей, более зрелым и профессионально обогатившимся, я

обсуждалось кое-что. Ему показалась интересной эта затея. Он попросил переписать для него этот план, хочет подумать подробнее. Сказал, что я, кажется, все охватила. Я рада натолкнуть его размышления о книге на конкретные действия. Сказал еще, что лучше меня его никто не знает. Польщена, конечно. Договорились о том, что я буду вести его записи на его репетициях, а потом вместе будем расшифровывать. Сказал, что на репетициях ему неожиданно приходят в голову очень интересные мысли, которые потом забываются. Как-то придя, увидел книгу Пазовского²³. Говорил о том, как работал Пазовский. На постановку он брал 80 репетиций и жаловался, что не имеет 90. Фанатик. Оперные спектакли его были волшебными. Шел минута в минуту, как машина. Если вдруг действие задерживается по времени на 7 минут, он не успокаивался, пока не находил эти потерянные 7 минут. Ритм был гениальный. Все шло идеально подготовлено. Но, не дай Бог, что-то ломалось в спектакле, он уже терялся. В опере он был гениален. В симфоническом концерте его было неинтересно слушать. Натан слышал его «Шехеразату», «Царя Салтана». Вспоминал о конкурсе 1938 года (*Первый Всесоюзный конкурс дирижеров – ГК*). Сказал, что Пазовский его тогда поддерживал, и что Тольба, ученик Пазовского, говорил ему, что тот к нему хорошо относится. Пазовский якобы сказал о Рахлине «Это дирижер без потолка». Натан говорил, что ему удалось прочитать протокол заседаний конкурсной комиссии. На 2-й тур Натан шел предпоследним. На 3-й тур вышел вперед с очень

должен сконцентрировать свою деятельность вокруг замечательного, но все же не столичного города. Обыватель скажет «он съехал, уже не работает в Киеве, Москве и т. д., отступил, мол, в провинцию». А это чепуха. Вот в марте услышишь о моем выступлении с новым оркестром в Москве. Рахлин был и остался Рахлиным, а место его работы по традиции обрекает его фактически высшее искусство расценивать ниже только потому, что он не в столице» (письмо Г. Пяцковской от 6.06.67. Цит. по статье «Из частной жизни великого дирижера»// журнал «Казань», 2009, № 2)

²³ А. Пазовский. Записки дирижера. М., 1966.

большим преимуществом перед другими дирижерами. С Мравинским разница в очках – больше 100. После второго тура Натану пришлось ехать хоронить горячо любимого отца. Имея перед 3-м туром четыре репетиции, он использовал только одну, а на первых трех репетировал очень мало. Ему чудилось, что отец ходит между контрабасами. Ему посчитали за минус неумение репетировать. За вкус тоже упрекнули. Натан поставил в программу симфонию украинского композитора. Раньше Натан говорил мне, что его очень уговаривали взять именно эту симфонию. Натану присудили Баховскую премию, которая единственная открывала путь на международный конкурс 1941 года. Вторую премию на Всесоюзном конкурсе он поделил с Мравинским и Мелик-Пашаевым. Разгорелись споры на голосовании. Двумя тайными голосованиями Натан вышел на первое место. Потом были еще и 3-е. и 4-е, пока не прикрыли эту лавочку²⁴. По пути обсуждения плана будущей книги говорили о дирижерской технике. Никогда не дирижирует одинаково, никогда! Он не готовит заранее жеста. Говоря о технике, он заботится только о том, чтобы руки были всегда свободны в действии, не прикованы к туловищу, чтобы такое количество движений не влияло на сердце. Ведь иногда он дирижирует

²⁴ На самом деле все обстояло несколько иначе. Это был первый Всесоюзный конкурс дирижеров. Критерии были очень высоки, условия конкурса очень сложными. В жюри входили наиболее авторитетные музыканты той поры С. Самосуд, Д. Кабалевский, А. Пазовский, Г. Нейгауз, И. Дунаевский и др. Первые два тура включали в себя репетицию + концертную программу (во втором туре – концертная программа и обязательный аккомпанемент солисту); третий тур – самостоятельный концерт со свободной программой. Из 46 конкурсантов в финал вышли пять дирижеров. 1-я премия – Е. Мравинский, две вторых премии – А. Мелик-Пашаев и Н. Рахлин, 3-я – К. Иванов, 4-я – не присуждена, 5-я – М. Паверман. Все лауреаты заняли на долгие десятилетия ведущие места в музыкальной жизни СССР, возглавляя крупнейшие симфонические оркестры и оперные театры. Рахлин получил блистательные отзывы в прессе (Г. Нейгауз, Д. Ойстрах, Д. Шостакович).

в день по 9 часов. Рассказывал, что у него проверяли пульс перед и после концерта. Пульс тот же. А вот артериальное давление поднимается на 30-60 единиц. Потеет он на концерте не от двигательной нагрузки, а от мыслительного напряжения. Я замечала, как Натан, выстраивая аккорд, шевелит каждым пальцем отдельно. Это движение вызвано вовсе не художественной выразительностью, а необходимостью. Каждому из музыкантов он показывает «выше», «ниже» Говорит, что фаготист всегда берет высоко, и он, зная об этом, показывает ему, как бы погружая кисть во что-то, вниз. У Важорова (*флейтист – ГК*) всегда висит или низит фа диез, так он всегда соответственно ему и показывает.

О памяти. У Натана замечательная память. Как о минусе сказал, что не обладает фотографической памятью. «Эти головастики вылетают у меня из головы» (*нотные знаки, что ли? – ГК*)²⁵. Говорит, что считает необходимым дирижеру уметь играть на инструментах оркестра, как инженер обязан знать свой станок. Натан показывает, какими приемами извлекать звук. Таким образом он добивается красок, тембра в различных стилях, а современные дирижеры этого не делают. Они, в лучшем случае, добиваются исполнения нюанса, но красок нет. Если одно и то же место получается у скрипок, а у виолончелей не получается, так лучше обратить внимание на скрипки, а виолончели подтянутся. Так надо экономить время. Об этом Натан сказал Брискину²⁶ О недавней записи в Москве «Прелюдов» Листа и 9 симфонии Дворжака сказал, что собрал кое-как за очень короткое время. Получилась

²⁵ Это не вполне точное выражение. Рахлин прекрасно помнил партитуру. Он говорил так. «Моя система такова, что пока я мысленно не могу представить всю партитуру, а иногда записать ее на бумаге, я никогда не дирижирую этим произведением наизусть. Записывать по памяти произведения очень полезно. Так, я однажды записал наизусть Девятую симфонию Бетховена, правда, на это потребовалось четыре года». (Интервью Н. Туркиной. // «Натан Рахлин. Материалы, статьи. Казань, 2007. С. 101).

²⁶ Анатолий Брискин – второй дирижер оркестра в эти годы.

ужасная халтура. А там устроили ажиотаж. Всем понравилось. Подходили к нему и говорили, что он «здорово вырос». Оркестр не дорос пока до 4 симфонии Брамса, даже до понимания ее первой темы, но я попробовал. Через некоторое время в мае, может быть, повторю. На 750 раз, может, получится.

Из хроники концертов и репетиций. 25 марта 1969 – выехали на гастроли в Москву. 27 марта – репетировали в Большом зале консерватории ночью, с 11 часов вечера. Начало первой репетиции, не получается d-moll в «Чаконе» Баха. Рахлин говорит «Здесь на моем месте стояли Чайковский, Глазунов, Рахманинов...» Все равно не получается, все скованы этой ответственной ситуацией. Н.Г. несколько минут с большим трудом «раскачивал» оркестр, пока первый аккорд не зазвучал как орган. 28 марта – репетиция в Большом зале и вечером концерт в 18.30. После концерта поздравить заходил Козловский, протезировал какую-то певицу. 29 марта – пятичасовая репетиция в Доме композиторов. 30 марта – репетиция, а вечером концерт.

5 апреля 1969. Концерты в Москве позади. Их было 5. Концерты прошли с огромным успехом. Особенно выделился концерт 28 марта в Большом зале Московской консерватории. Поразил слушателей английский рожок (*солист В. Казанцев – ГК*), все вытянули шеи и хотели знать, не нанятый ли это музыкант²⁷. Оноре говорил, что очень волновался, когда вышел дирижировать в Большом зале.

²⁷ Программа этого концерта была такова. Бах – Чакона; Гайдн – Симфония № 98; Жиганов – Симфония «Сабантуй»; Чайковский – «Франческа да Римини»; Вагнер – увертюра «Риенци». Рецензия на этот и другие концерты (автор В. Рубинштейн) помещена в газете «Советская культура» от 5 апреля 1969 года. В частности, мы читаем: «Во "Франческе" – потрясающий трагизм, глубокий пафос и возвышенный гуманизм с впечатляющей силой были воссозданы оркестром, <...> последующие концерты наших гостей дали возможность достаточно полно оценить широту исполнительских возможностей коллектива. Произведения Лемана и Хиндемита, Монасыпова и Казеллы, Бетховена и Листа были сыграны технически свободно, с тонким чувством меры, образного строя и стилистических особенностей музыки».

Или я заслужу улыбочку и похлопывание по плечу, или... Это большая его победа. В Большом зале 28 марта он вообще дирижировал потрясающе. Каждый жест, каждый палец выражал самое точное эмоциональное содержание музыки, мысли. Все была мысль и музыка! Сила взгляда, говорят, была необыкновенной. Играли все настолько лучше, чем всегда, что это казалось чудом, духовые играли без единого «кикса». Первое отделение я сидела в зале. После «Чаконы» вокруг раздались голоса «Молодец!» В антракте публика громко и живо обсуждала успех. Многие удивились и не верили, что оркестр существует лишь два года... Все были взволнованы такой отдачей оркестра и дирижера. Говорили «Какая свежесть». Спрашивали «Где вы еще играете?». Наказывали – «Любите его, держите его!». Натан сказал, что хочет сделать в оркестре Прелюдию и Фугу ми минор. Натан едет отдыхать в Киев или в Крым, очень устал. Моей маме написал в ответ на ее приветствие, что так устал, что ему кажется, что он распадается на части. Сейчас он очень постарел. Сердце, видимо, все чаще беспокоит. Жаловался, что в доме не соблюдают диету. Рецензии в Москве на концерты – замечательные.

Дирижер в кабинете в своей киевской квартире, конец 50-х гг.
(из личного архива Раисы Ей)

22 июня 1969. Недавно говорил о концертах Караяна в Москве, был на двух концертах. По его словам, 10 симфония Шостаковича удалась и он (*Караян*) дирижировал

ее без трюков. На Дивертисменте Моцарта разошлись, тактов 15 играли ерунду, не поняли его (*Караяна*). Безусловно, Караян крупный дирижер. Но ничего особенного. Никому этого не могу сказать. Но это просто шарлатан. О себе я тоже хорошо не думаю. Оркестр великолепно сделан. За 80 лет с ним работали всего 4 дирижера (Бюлов, Никиш, Фуртвенглер и Караян)²⁸. Волновался так, будто сам дирижировал. Вчера показывал наброски плана будущих лекций-конcertов об искусстве дирижера и музыке. Собирается сам вести беседы со слушателями и попутно показывать музыку. Очень увлечен этой идеей²⁹.

29 ноября 1969. Летом были гастроли в Ригу, Ленинград. Хельсинки. Недавно был в Харькове. Вчера приехал из Донецка. За последнее время почти не виделись. Как-то ездили к Юре слушать музыку. Слушали «Летнюю

²⁸ Рахлин не упомянул также Иоахима – его первого дирижера с 1884, и Челибидаке, руководившего оркестром до Караяна (до 1955 г.).

²⁹ Немного позже Натан Григорьевич вернулся к этому замыслу, пригласив меня в качестве собеседника-ведущего. Дело практически обстояло так. Я обращался к Рахлину с конкретным вопросом (они были подготовлены заранее). Мы сидели перед оркестром. Он пространно отвечал на мой вопрос, и в нужный момент вставал к оркестру, который играл необходимый фрагмент какой-либо пьесы. Это были дневные лекции-концерты, по воскресениям. Рахлин и здесь в своих ответах оставался блестящим импровизатором, он уходил в сторону от конкретики вопроса, забывал, что оркестр подготовил **нужную** пьесу. Самое интересное было не в иллюстрациях, а в его неповторимом рассказе, который обрастал богатыми подробностями, некоторые из которых были настоящими открытиями для всех профессионалов. Например, оркестр играл в качестве иллюстрации (тема была «Танцевальные жанры в симфонической музыке») Менуэт Больцони. Натан рассказал, что Больцони использовал тему испанского музыканта – еврея гитариста Эммануэля Сора. Тот служил при короле Филиппе Втором, был влюблен в королеву и написал в ее честь Менуэт. Настолько нежна была эта музыка, что король счел ее откровенным объяснением гитариста в любви к его жене и велел его повесить.

пастораль», Пассакалию Баха (орган). Н.Г. сказал, что исполнитель злоупотребляет верхними регистрами и что он бы хотел послушать еще (у Юры несколько записей). Слушали ансамбль Моцарта для 13 духовых. Слушали часа 2,5, в конце он уже дремал основательно. После концерта (симфония Глазунова – ужасно смешно показывал, как сам Глазунов дирижировал Скерцо из этой симфонии *(очевидно, из 5 симфонии – ГК)*). Самое смешное, как Н.Г. пытался изобразить какой толщины был Глазунов, с какой медлительностью он дирижировал. – «Сыграем, ребяташки?» – Натан в то время был концертмейстером первых скрипок в Киеве. *(Очевидно, это сентябрь 1927 года – ГК)*. Был разговор о том, что со мной он может мыслить вслух, освобождается от груза мыслей, освобождает место другой, следующей. Н.Г. часто бисируя пьесу, исполняет ее всегда в ином темпе, более одухотворенно.

«Что же это значит?»

Оно и совсем дешево,
и вместе с тем очень
дорого, что же это такое?
Конечно, книга, —
и особенно она дорога, когда
нужна, и еще дороже, когда
за ней гоняются.

20/II 1973г.

И вот получил их даром от
Ваш в день рождения
от истого сердца, с
самыми теплыми
пожеланиями
Ваш
Раиса

Дарственная надпись Н. Рахлина Г.М. Кантору,
сделанная на книге Г. Чичерина «Моцарт»

24 марта 1970. Н.Г. проводит по абонементу лекции-концерты о дирижерском искусстве. Первое отделение длится полтора часа... Публика слушает с интересом. Н.Г.

ведет себя непосредственно, публике это нравится. На последнем концерте, который вел Г. Кантор, давали в сравнении записи Тосканини и Баршая (соль минорная симфония Моцарта) и Мравинского с Абендротом (скерцо из 6 симфонии Чайковского), а затем играл наш оркестр. Н.Г. Рахлина не назовешь мастером слова, публичная лекция обязывает знать законы литературного языка. Г. Кантор говорит, что Н.Г. по ходу концерта ломает всю заготовленную конструкцию лекции. Говорил, что его зовут в Одессу, и в Москву тоже – вторым дирижером к Кондрашину. Опять задумался над еврейским вопросом. Смерть Тибальда – с самого начала – нелепость смерти, удары в конце – одинаковы по силе, без <...>. Вчера занимался французским языком. После «Тибальда» играл на «бис» «Осеннюю песню» Чайковского. Я сказала, что в давнем концерте с «Богатырской» симфонией, она прозвучала в сотни раз лучше, на что Натан сказал, что просто после Прокофьева Чайковского играть нельзя. Мелик-Пашаев хорошо делал «Аиду».

4 апреля 1970. Только что ушел, вернее полетел в Магнитогорск на 2-3 дня. Вчера был на премьере «Дуэньи» Прокофьева. Она была дипломной работой его ученика Монасыпова. Отзывался хорошо о нем (показал хорошую работу, именно, работу с оркестром). С сожалением говорил о купюрах. – У меня такое впечатление, что наблюдал убийство или казнь. Из-за купюр – нелепости в действии. Вот симфония в том смысле купюр не допускает. Попробуй изъять хоть бы ноту в симфонии Бетховена. А в опере делают, что хотят (с возмущением). 2 апреля был грандиозный концерт с огромным стечением публики. Н.Г. ждал государственную комиссию относительно себя или Жиганова – оба выдвинуты на соискание Государственной премии. Меньше всего надеется, что дадут ему, Жиганову – скорее, а вернее всего, ни тому, ни другому, так он думает. Комиссия не приехала (*Речь идет о выдвижении на государственную премию СССР Второй симфонии Жиганова. Были предложения дать и автору и первому исполнителю – Рахлину. Премию дали Назибу Жиганову. – ГК*). Но концерт был очень торжественный.

Первое отделение *Бах. Чакона. *Прокофьев. «Классическая» симфония. *Чайковский. «Манфред» (1 часть).

Второе отделение. *Жиганов. Вторая Симфония «Сабантуй». *Глазунов. Концерт для скрипки с орк. (солистка И. Бочкова). –*Берлиоз. Увертюра «Бенвенуто Челлини». В «Манфреде» я играла пару пассажей за вторую арфу и поэтому могла наблюдать за Натаном. Grimасы скорби, мольбы, страсти – все это как в греческой маске. В конце комок подступил к горлу... Сегодня Натан говорил, что до сих пор выдыхает из себя усталость после концерта. В такой программе центральным произведением был «Манфред». И это бывает в каждой программе.

4 октября 1970. Говорили очень долго. Вернее Н.Г. говорил, вспоминая детство и юность, и все события излагал почти по порядку, но в конце сказал, что было бы неплохо на магнитофон записать все события его жизни. Когда я напомнила ему, что магнитофон у него есть, он с очень правдивой интонацией пожалел о том, что не всегда есть настроение вспоминать, а тем более рассказывать. Выразил сожаление о том, что плохо помнит даты и тут же сказал, что все рассказанное выглядело бы достоверно, помни он точные даты происходящего³⁰. Родился Рахлин в Сновске, видимо, в 1905 году, всякий раз он называет разные годы, но тут, видимо, путаница еще и в том, что дата его рождения приходится на 29 декабря и таким образом перемещается на год в новом стиле. Думаю, что и при большом желании установить все точные даты, ему не удастся, потому что в

³⁰ Отмечу, что всё или почти всё из рассказа Раи Ей мало совпадает с воспоминаниями Рахлина, изложенными им в различных интервью, из рассказов его дочери Леоноры, его брата Бориса и из бесед со мной. Его склонность к фантазиям, действительно, неточное знание дат, чисел часто ставило его собеседников в тупик. Тем не менее, воспоминания Рахлина о своей жизни в интерпретации Раи Ей – безусловно близкого и преданного ему человека – представляют интерес. Они даются с небольшими сокращениями, касающимися весьма неправдоподобной личной жизни легендарного Григория Ивановича Котовского.

первую очередь, он живет вообще не в ладу со временем (не чувствует его вне музыки, темпа и ритмики; а во-вторых, в жизни его накопилось страшное количество событий). В раннем детстве начал учиться в еврейской школе (*хедер – ГК*), где изучил грамоту на древнееврейском языке. Затем после двухмесячной подготовки поступил в гимназию. Сразу в 3 класс. Кажется, проучился там года полтора перед самой революцией. Видимо, в 1917, 1918 или в 1919 году, когда в Сновске поочередно захватывали власть разные бандиты..., он потерял родителей (*явное недоразумение – отец Рахлина скончался в 1938 году, см. выше – ГК*). Это было в год убийства Щорса (1919 – *ГК*). Тогда начались бунты, погромы, неразбериха полнейшая. В тот день родители его не нашли, нашлись люди, которые сказали, что видели, как сыну сняли голову, а еще перед этим видели, как сын шел к станции или речной пристани. Он действительно там был, на пароход не попал и шел пешком до следующего пункта. Какое-то время Натан мальчиком видимо, потерялся и был без родителей, тогда и попал к Котовскому сигнальником. Потом родители нашлись. В те же дни ему пришлось наблюдать кавалерийскую атаку. Она продолжалась минут 15-20. Рубили друг друга и разезжались. Там же он услышал сигналиста из кавалерии. – «Плохо играешь...» – «А ты попробуй». Натан попробовал, но у него тоже ничего не получилось. Это было первое знакомство с духовыми инструментами (*мне же Н.Г. рассказывал, что у отца в годы его жизни в Сновске был небольшой ансамбль-оркестр с духовыми инструментами, сопровождавший показ немых кинофильмов. Возможно, это было до революции 1917 года – ГК*). В отместку этот сигналист, которого звали Мишей, двинул ему по голове прикладом. Н.Г. упал и видимо потерял сознание. Тогда тот же Миша принес его в лазарет. В этом лазарете работала жена Котовского. Кроме сильного ушиба обнаружилось еще что-то вроде нервного потрясения. Прележал он в лазарете долго. Навещал его тот же Миша ежедневно. – Принесет он то морковку, то кусочек хлеба. После выздоровления, по-видимому, получил такой же сигнал (горн) и уже через две недели овладел им вполне. Так Н.Г. попал в армию

Григория Ивановича Котовского (*кавалерийский корпус Котовского входил в состав Первой Конной армии С.М. Буденного – ГК*). Котовский был невысок, «квадратный», широким в фас и узким, если смотреть на него сбоку. Обладавал большой физической силой. Например, брал картошку и сдавливал с такой силой, что брызгал сок. Н.Г. было тогда, видимо, лет 13-14 . Говорил, что на Украине гражданская война и вообще волнения были до 1926 года. (?). В основном боролись за установление границы с поляками. Котовский организовал оркестр у себя в кавалерии. Как он гордился оркестром. Музыкантов из других оркестров заставляли работать на кухне, а у Котовского этого не было. Всем оркестрантам дали белых лошадей. Станция Наливайковская. Вчера они отступили. Потеряли в перепалке большой барабан. Наутро играли сбор или побудку без барабана. На наше несчастье проходил мимо Котовский. – Где барабан? Что за оркестр без барабана? По коням!! – И понеслись туда, где вчера отступили, отбили барабан, вернулись в Наливайковскую³¹.

³¹ Иной вариант этого рассказа я слышал в марте 2006 году в Киеве, от Леоноры Натановны Рахлиной,, когда в Киевском доме учителя был организован вечер воспоминаний о Натане Рахлине в связи с его 100-летием со дня рождения.

Наум Зайдель

Крутой поворот

(продолжение. Начало в №1/2011)

В сентябре 1971 года скрипач Юрий Белявский, объявил о своем намерении выехать в Израиль. Он немедленно был отстранен от работы и исчез. Мы были в приятельских отношениях. В таких отношениях, что не нашел нужным поделиться со мной в своем решении. Много разговоров было среди артистов оркестра. События развивались бурно. Меня вызвали в административный отдел для беседы. Ответственный из отдела кадров задал мне прямой вопрос:

– Собираетесь ли Вы уехать? – стесняясь произнести слово Израиль

– Таких планов у меня нет, – ответил я.

– В таком случае, подтвердите только что сказанное в письменном виде.

Подобное заявление я написать отказался. В ноябре 1971 года оркестр поехал в Западную Германию с концертами, а меня, как и следовало ожидать, – наказали. Я остался дома, особенно не сокрушался по этому поводу. Меня направили работать в оперно-симфонический оркестр Всесоюзного радио, хотя я там был не нужен. Потому и играл всего одну неделю. Директор сказал мне, что свободен до приезда моего оркестра из заграницы. Я присоединился к Андрею Волконскому – мы вместе отдыхали в Батуми, снимая домик в знаменитом Ботаническом саду. Когда возвратился в Москву, мне рассказали о прелюбопытных событиях. Оперно-симфонический оркестр Всесоюзного радио репетировал и записывал новую оперу молодого композитора Марка Копытмана «Каса маре». Главный

дирижер оркестра Юрий Аранович в перерыве поднялся в административный отдел и подал заявление о выезде в Израиль. Работа была прервана, Юрий Аранович уволен. В марте 1972 он благополучно прибыл в Израиль.

Мне было предложено уйти по собственному желанию или меня просто уволят – повод, причина всегда найдутся. Всех «потенциальных кандидатов» на выезд в Израиль обязали играть конкурс на защиту своего места в оркестре. Я действительно не хотел уезжать; мое положение до сих пор казалось мне стабильным – интересная работа в одном из лучших оркестров, камерные концерты в залах Москвы, записи для радио и Мелодии. Сионистом себя не считал и диссидентством не увлекался. Не хотелось мне начинать свою жизнь с нуля. Но я оказался в тупиковой ситуации и выход из нее – эмиграция.

Отмерили мне десять дней на сборы. Перед моим отъездом я лихорадочно покупал книги, партитуры, грампластинки. Хотел увести с собой частичку культуры страны.

Дальше, как по нотам. 11 августа 1972 года в три часа ночи самолет El Al приземлился в аэропорту Бен-Гурион. В семидесятых годах началась волна эмиграции советских евреев в Израиль. Приехало много музыкантов. Говорили тогда, по трапу спускаются новые эмигранты и почти все со скрипичным футляром в руке – это скрипачи. Те же, кто без футляра – пианисты. Первые впечатления – «солнцем полна голова», в Тель-Авиве жара и влажный воздух. Я возненавидел синее небо, а ночью мне снились дождевые облака, темные тучки.

«5 сентября 1972 года в 4:10 утра восемь вооруженных террористов группы «Черный сентябрь» ворвались в резиденцию израильской делегации в Олимпийской деревне Мюнхена, расстреляли на месте двоих спортсменов, а еще девятых взяли в заложники». Новость живо обсуждалась в лобби.

– Захватили в заложники девятых наших спортсменов.

Общность, причастность к народу не появляется с приземлением самолета и пересечением границы

государства. Я еще не привык называть израильтян «нашими», но тогда понял, одно дело слушать подобное сообщение из далекой Москвы, и совсем другое восприятие, находясь в Израиле.

С начала учебного года 1 сентября я начал преподавать в Академии музыки в Иерусалиме, не зная иврита. На первых уроках присутствовал переводчик, потом я управлялся с моим английским. Несколько позже имел удовольствие встретиться с Натаном Владимировичем Брауде, профессором Казанской консерватории. Помнил я его с юных лет по Казани. В 1977 г. приехал в Израиль Петр Абрамович Бондаренко, профессор и ассистент Давида Ойстраха в Московской консерватории. В 1977-85 гг. был профессором Академий музыки имени С. Рубина в Тель-Авиве и Иерусалиме.

В октябре я играл конкурс в Иерусалимский симфонический оркестр Израильского радио, в ноябре начал работать постоянно. Основанный в 1937 году, Kol Israel Orchestra, увеличился до 90 человек. 26 лет я играл в Иерусалимском Симфоническом оркестре (Jerusalem Symphony orchestra – JSO). Каждая неделя новый дирижер и солист; – три репетиции, после чего 2-3 концерта. Приезжают со всех стран мира. Упомяну лишь самых знаменитых солистов: Артур Рубинштейн, Жан Пьер Рампаль, Хайнц Холлигер, Морис Андре, Сальваторе Аккардо, Иври Гитлис, Ида Гендель, Генрик Шеринг, Исаак Стерн, Мстислав Ростропович.

В JSO работали мои друзья Белявский и Аранович. Оба обзавелись собственными квартирами, Юрий Аранович успел жениться на израильской девушке по имени Тали. Он уже изъяснялся худо-бедно на иврите, а Тали говорила и учила русский *только за то, что им разговаривал* Юрий. Счастливая пара. Первый концерт сезона дирижировал Ю. Аранович. Зал на три тысячи мест (Binyanei haUma) был полон. После концерта многочисленные слушатели, помнящие его по Москве и другим городам, пришли приветствовать и поздравить лично. Очередь длинная, каких я не видел никогда прежде. После такого успеха и восторженных отзывов слушателей, Юрий Аранович не мог

проглотить горькую пилюлю; – всем известное решение администрации оркестра. Положение второго дирижера, зависящего от милости музыкального директора (Music Director) оркестра, не совпадало с его устремлениями. Не видя каких-либо перспектив, он оглянулся вокруг, оскорбленный уехал в Италию, затем в Западную Германию.

В 1975 г. он стал главным дирижером и художественным руководителем «Гюрцених-оркестра» в Кельне, пробыв в этой должности до 1986 г., а в 1982-1987 гг. – главным дирижером Королевского симфонического оркестра Стокгольмской филармонии (был избран пожизненным членом этого оркестра). Аранович с успехом выступал и сделал ряд звукозаписей с лучшими оркестрами Европы, США и Японии, в том числе с Парижским, Лондонским и Венским симфоническими оркестрами. Кроме того, Аранович проявил себя как незаурядный оперный дирижер: его дебют состоялся в 1974 г. в лондонском театре «Ковент-гарден» постановкой оперы Мусоргского «Борис Годунов» с Борисом Христовым в главной роли (спектакль, посвященный 25-летию исполнения Христовым партии Годунова). Впоследствии Аранович работал во многих оперных театрах, в том числе в «Лирической опере» в Чикаго, «Ла-фениче» в Венеции, Шведской королевской опере, оперных театрах Женевы, Рима, Турина, Кельна. В оперном репертуаре Арановича преобладали произведения русских и итальянских композиторов. Несколько раз он участвовал в оперном фестивале «Арена ди Верона»; итальянская музыкальная критика присудила ему премию за лучшую интерпретацию опер Пуччини. В 1984 г. Аранович стал членом Шведской королевской академии музыки; в 1985 первым из иностранных дирижеров был награжден рыцарским орденом Полярной звезды «за выдающийся вклад в музыкальную жизнь Швеции».

Сотрудничество с JSO прекратилось и возобновилось только через 10 лет в 1983 г., когда он охотно ответил на экстренное приглашение дирижировать оркестром. По-видимому, Аранович мечтал возглавить JSO когда-нибудь в будущем. Он купил квартиру в самом

элитном районе Иерусалима, рядом с резиденцией Президента Израиля и Концертным залом Henry Crown, приезжал еще несколько раз, в 1984 дирижировал концерт в День независимости Израиля, и всегда отказывался от гонорара.

Дирижёр Юрий Аранович и пианист Владимир Ашкенази

Yom Kippur War или война Судного дня разразилась 6 октября 1973 года. Радио и телевидение как обычно в субботу, совпавшую с Судным днем, молчали. Единственный день в году, когда частные автомобили припаркованы, дети катаются на велосипедах и роликовых коньках по проезжей части. Но в этот день с утра нервно сновали машины и военные джипы. Позже выяснилось, происходила мобилизация резервистов по домам. Только в 14.25 минут заговорило радио. Голда Меир, премьер-министр Израиля выступила с обращением к народу. Она говорила о военных действиях, о войне, развязанной тремя арабскими странами – Египтом, Сирией и Иорданией в наш священный день, о молодых солдатах, гибнущих в Синае. 25 октября война закончилась. За три недели войны Израиль насчитывал 2 800 погибших, 8 000 раненых, 293 взятых в плен. В тылу жизнь текла своим чередом, – бензин без ограничений, магазины полны продовольственных товаров.

С началом концертного сезона 1972-73 года назначен и вошел в свои права новый художественный руководитель оркестра Лукас Фосс (Lukas Foss b. August 15, 1922, Berlin – d. February 1, 2009) великолепный музыкант, пианист,

композитор, интеллектуал, и большой любитель дирижировать.

После прихода национал-социалистов к власти в Германии, он, тогда Lukas Fuchs, и его семья уехали в Париж, где он учился играть на фортепиано, флейте и композиции. В 1937 году семья эмигрировала в Соединенные Штаты. Там он сменил Fuchs на Foss, продолжал занятия на фортепиано, по композиции и дирижированию.

Играли произведения композиторов классиков и современных, всех эпох и народов. Наряду с обычными программами, Lukas Foss привнес новшество, так называемые Концерты-марафоны. Они начинались в 3 часа дня концертами камерной музыки в зале или под открытым небом на площади при входе в зал, и заканчивались концертом Иерусалимского Симфонического оркестра. Программы были огромные, публика покидала зал, приходили новые слушатели. Первая заграничная поездка в истории оркестра состоялась осенью 1974 года. Играли концерты в Швеции, Норвегии, Дании.

Флейтист Жан Пьер Рампаль

Впервые я увидел солистов мирового класса вместе, на относительно ограниченном пространстве. Они прибыли на морском лайнере, совершающий круиз по Средиземному

морю, от Одессы до Марселя. Пассажиры были богатые люди, и вместе с ними флейтист Жан Пьер Рампаль, трубач Морис Андре, Исаак Стерн, Мстислав Ростропович и Галина Вишневская.

Мы репетировали на лайнере, который стоял несколько дней в Хайфе. Вечером, играли в древнегреческом амфитеатре, недалеко от Бейт-Шеана. На следующий день, Галина Вишневская пела recital в концертном зале в Иерусалиме. За роялем – Мстислав Ростропович. Незабываемое исполнение романса С. Рахманинова «Вешние воды» на слова Тютчева. Ростропович постарался, играл как Бог, закончив романс под бурные аплодисменты.

Артур Рубинштейн. Концерт с Иерусалимским симфоническим оркестром

В честь Артура Рубинштейна, в 1974 году в Израиле был учрежден Международный конкурс пианистов его имени. Он прилетел в Тель-Авив, корреспонденты бросились к нему с вопросами.

– Как Вы оцениваете уровень игры молодых пианистов?

– Мы играли лучше, – под общий смех ответил знаменитый пианист. С JSO он играл Beethoven's Emperor Concerto. За сценой перед репетицией ему приготовили три инструмента Steinway, – на выбор. Он взял несколько

аккордов, пробежался пальцами по клавиатуре одного инструмента, второго, третьего. Указав на рояль, сказал:

– This is the best one.

Играл он мудро, технически безупречно. Трудно поверить. Артуру Рубинштейну было тогда 87 лет. Дирижировал Саша Шнайдер. Концерт был заснят на пленку, фильм часто передавали по телевидению.

По окончании конкурса состоялось торжественное вручение премий, речи и поздравления. Обращаясь к собравшимся, Голда Меир произнесла несколько коротких фраз.

– А сейчас я перейду на английский, так как наш дорогой гость еще не говорит на иврите.

Рубинштейн умер в Женеве 20 декабря 1982 г., не дожив чуть больше месяца до своего 96-летия. Музыкант завещал развеять свой прах над Иерусалимским лесом, однако главные раввины Израиля постановили, что в этом случае лес, являющийся общественным парком, подпадает под религиозные законы по обустройству кладбищ. В первую годовщину смерти Рубинштейна был найден компромисс: урну с его прахом захоронили на специально выделенном небольшом участке, возвышающемся над лесом. Участок получил название; – «Лес Рубинштейна».

Каждые три года в Израиле проводится Международный Конкурс имени Артура Рубинштейна.

The 13th Arthur Rubinstein International Piano Master Competition May 10-26, 2011

Лукаса Фосса сменил скрипач Сидни Харт (Sidney Harth) (1976-78). На международном конкурсе скрипачей имени Венявского в 1957 г. он завоевал вторую премию после советской скрипачки Розы Файн. Третьего места удостоился Марк Комиссаров. Сидни Харт работал концертмейстером в New York Philharmonic Orchestra, Chicago Symphony Orchestra, Los Angeles Philharmonic Orchestra.

Моя жизнь текла равномерно, приобрел квартиру, машину, женился. Моя жена Лариса приехала в Израиль раньше меня на два года из Советского Союза.

Молодые ребята обязаны служить 3 года в Армии Обороны Израиля. Я прошел медицинскую комиссию, был признан годным служить в израильской армии, как резервист. Мужчины-резервисты обязаны служить в израильской армии до достижения возраста 48 лет. 30 дней каждый год. По приказу из армии я освобождался от работы, получал заработную плату, как обычно. После трехдневных курсов я получил автомат и был направлен с моим напарником в различные места скопления людей; – Центральная автобусная станция в Иерусалиме, рынок Махане Йеѓуда, улица Бен Йеѓуда, площадь Кикар Цион. Стрелять категорически запрещено. Само наше присутствие должно отпугнуть потенциальных террористов.

Наум Зайдель на Кикар Цион

В оркестре у меня сложились дружественные отношения с моими коллегами в группе. Супружеская пара из Америки – Hanoch and Sharona Tel Oren, оба флейтисты, двадцать лет живут в Израиле и работают в оркестре. У них большая дружная семья, шестеро детей, большой дом. Каждый weekend они совершали путешествия, экскурсии по стране. Для удобства, они купили большой вместительный автомобиль Peugeot 504 Station. Погода стояла замечательная; – самое время для путешествий. В этот день

я, как обычно, включил радио и услышал тревожное сообщение.

Сегодня, 11 марта 1978 года отряд палестинской организации ФАТХ под командованием Далаль аль-Муграби, совершили террористический акт, высадившись с моря в районе Зихрон-Яакова. В тот день шофера компании «Эгед» со своими семьями возвращались после прогулки на север страны. Отплывшая на резиновых лодках от берега Ливана банда из 11 террористов, в которую, кроме Далаль Муграби, входила еще одна женщина, подплыла к берегу моря у кибуца Мааган-Михаэль и высадилась на берег в районе рыбных прудов. Первым делом они расстреляли попавшуюся им под руку фотографа Гэйл Рубин, снимавшую в этом красивом месте стаи перелетных птиц, которые в это время года останавливаются здесь по пути на север. Гэйл оказалась племянницей американского сенатора Рыбикова, и это террористы записали себе в кредит как еще один неожиданный успех. Захватив машину Гэйл, они подъехали к прибрежному шоссе и открыли огонь по проезжавшим машинам. Затем они захватили прогулочный автобус «Эгеда», полный людей. Они приказали шоферу продолжить движение в направлении Тель-Авива и по пути продолжали обстреливать проезжавшие мимо машины.

В ходе захвата заложников, последующего преследования и штурма автобуса силами израильской полиции и (предположительно) частей особого назначения погибли 39 израильских граждан и 9 боевиков, включая саму аль-Муграби.

Трагедия произошла в субботу. Придя на репетицию на следующий день, я был потрясен. Одна из машин, обстрелянная террористами была машина семьи Tel Oren. Их 13-летний сын, спящий на заднем сидении, был убит.

В оркестре, кроме израильтян, музыканты из разных стран. В Америке, как известно, перепроизводство исполнителей на духовых инструментах. На одно вакантное место кларнетиста или фаготиста в симфоническом оркестре приходят играть конкурс до 150 человек. Будучи отличными музыкантами, мечтая играть в профессиональном

симфоническом оркестре, многие из них приезжали в Израиль, работали в JSO и были счастливы.

Много струнников приехало из Советского Союза. Скрипач Семен Мельник из Большого театра, скрипач Яша Сорокер, – ученик и биограф Д. Ойстраха. Он написал художественно-документальный очерк «Давид Ойстрах», «Камерно-инструментальные ансамбли С. Прокофьева», книгу «Борис Гольдштейн». Несколько позже, к оркестру присоединился скрипач Моисей Гиршович, из Оркестра Ленинградской филармонии. Он начал работать в продвинутом возрасте 55 лет, ему каждый год продлевали контракт. Возвратившись из отпуска к началу очередного концертного сезона, он узнал, что контракт с ним не возобновлен и не будет подписан. По закону пенсия выплачивается гражданам, стаж работы которых не менее 10 лет. Стаж работы в стране исхода, не засчитывается. Это означало, он оказался без источников средств существования, так как работал в Израиле только 9 лет и пять месяцев. После долгих мытарств, консультаций с адвокатами, ему разрешили работать до его дня рождения. Сколько здоровья он потерял, добиваясь свою мизерную пенсию. К сожалению, мои друзья Сема Мельник, Яша Сорокер, Моисей Гиршкович очень рано ушли из жизни.

Рудольф Баршай в Израиле А напоследок я скажу¹

Баршай принял пост художественного руководителя и главного дирижера Израильского Камерного оркестра. Рудольф Баршай был принят государственными структурами в Израиле, как никто другой из Советского Союза.

Израильский Камерный оркестр работал в рутинном порядке как любой другой коллектив – по системе гастролеров-дирижеров. Тот дирижер хорош, который может быстро, ловко и без проблем склеить программу. Три

¹ Статья «А напоследок я скажу» была впервые опубликована в музыкальном журнале «Израиль XXI» № 7(25) Январь 2011. Настоящая публикация дана в новой редакции автора.

репетиции – программа концерта готова. Скрипачи в знак одобрения стучат смычками по пультам, публика аплодирует. Среднестатистический концерт для среднестатистического слушателя. Пресса расточает дифирамбы. Довольный собой, дирижер спешит на самолет. Завтра у него репетиция с другим оркестром, в другой стране.

Рудольф Борисович получил приглашение от руководства Иерусалимского симфонического оркестра дирижировать три концерта. Он согласился, но с одним условием. В программе должна быть Восьмая симфония Д. Шостаковича. «Отлично, это будет премьера в Израиле» – ответили ему. После концерта, прошедшего с большим успехом, музыканты спрашивали, почему музыка симфонии так драматична, создает ощущение ужаса, отчаяния, разрушения. О чем это? Совершенно верно. Люди, знающие, что такое сталинский режим 1930-40 годов, репрессии и аресты, тюрьмы и расстрелы, люди, знающие, что такое жестокая кровопролитная война, понимают, что хотел сказать композитор Дмитрий Шостакович. Баршай донес до оркестра и слушателей в зале смысл, сущность и дух военной симфонии.

Дирижер Баршай всегда ищет, мучается, – что-то удалось, многое можно улучшить. В его голове замысел, еще не осуществленный полностью, идея, только ему известная, требующая реализации. Начинается серьезная каждодневная работа. Повторение того, что было в Московском Камерном оркестре в 1957 году. Израильский Камерный оркестр играл «Искусство фуги» не хуже, чем Московский. Это были событийные концерты. Но газетные критики называли исполнение оркестра сухим, скучным, музейным. Обнаружились непримиримые разногласия с директрисой оркестра Рут Шахар. Баршай потребовал отстранения ее от должности и добился увольнения. Художественному руководителю оркестра Р. Баршаю стало трудно осуществлять художественное руководство. Баршай решил окончить свое сотрудничество с Израильским Камерным оркестром. Он никогда больше не приезжал, не дирижировал в Израиле.

Произошла рокировка, – любопытная перестановка фигур. Израильский дирижер Ури Сегаль принял руководство Израильским Камерным оркестром. У него к тому времени заканчивался контракт с Борнмутским Симфоническим оркестром. Рудольф Баршай в 1982 году унаследовал его место.

Свое личное мнение, концептуальное видение этих событий воспроизвели пять лет спустя Йоси Тавор, обозреватель по вопросам культуры и искусства ряда газет и журналов, радио “Kol Israel”, и концертмейстер группы вторых скрипок Иерусалимского оркестра Даниэль Фрадкин. Обоих я знаю лично десятки лет. Даниэль Фрадкин – мой коллега в оркестре. Они довольно точно дают представление, как и что, писали израильские газеты о Баршае, их стилистике и содержании, да и сами они характеризуют Баршая как неисправимого Homo Sovieticus, ограниченного, старомодного музыканта.

«Когда в 1976 году израильский камерный ансамбль после ухода его главного дирижера Гарри Бертини возглавил новый репатриант из Москвы Рудольф Баршай, его развитие пошло по пути жесткой дисциплины. Баршай резко увеличил состав в основном за счет репатриантов из СССР, и после огромного числа репетиций представил израильской публике отшлифованный до блеска ансамбль. Многие критики поспешили предсказать блестящее будущее Израильскому Камерному оркестру (Баршай поменял и название коллектива). Но оказалось, что муштра не может заменить подлинного энтузиазма, а отсутствие музыкальных идей нельзя восполнить даже великолепным звучанием. Репатрианты из СССР не захотели работать по системе изнурительных и зачастую лишних репетиций. Первоначальный восторг критики сменился недоумением, а затем и явным отсутствием интереса. Равнодушие и усталость, сквозившее в игре музыкантов, недовольство самого Баршая привело к тому, что даже самые верные поклонники Камерного начали оставлять его. С Баршаем не продлевают контракт, и он уезжает за границу.

Думается, что здесь сыграл роль важнейший фактор нашей творческой жизни: успех зависит от нашего

умения воспринять новые идеи, новый стиль, новую систему отношений, короче, атрибуты творческой жизни в свободном мире. Рудольф Баршай, выдающийся знаток струнных инструментов и феноменальный педагог-репетитор, в Москве диктовал вкусы публике. Его система взглядов на барочный и классический репертуар, а именно эти произведения составляют основу программ камерного оркестра, оказались сильно устаревшими. Баршай не сумел понять это.

К счастью, это не свойственно основной массе музыкантов из СССР. Большинство из них готовы понять, осознать и более того – развивать новые идеи и течения, которые они наблюдают на Западе».

Девять мер красоты

Рассказы о культуре. Издательство Тарбут. 1987

Мне особенно нравится пассаж; *Рудольф Баршай* в Москве диктовал вкусы публике. Как он это делал? Повидимому, раздавал бесплатные билеты на близлежащих улицах, а советская милиция загоняла празднующих в концертный зал.

Красной нитью в статье педалируется вымысел, что, «репатрианты из СССР» были активной движущей силой против Баршай. Это они, якобы не захотели работать по системе «изнурительных и зачастую лишних репетиций».

Должен сказать, репатрианты совсем недавно в стране, говорили плохо на иврите, но точно знали, – не так-то просто в Израиле найти работу. Работали по своей специальности, и были довольны. О старожилах-израильтянах не сказано ни слова. Можно сделать заключение, – они пассивные, послушные, дисциплинированные, забытые, безропотные и запуганные наблюдали в сторонке.

На самом деле, власть, несомненно, в руках израильтян. У руля директор оркестра, Совет директоров (Board of Directors). Они и принимали решения.

Действительно, скрипач Моти Шмит ушел из оркестра. Причина лишь в том, что Баршай не продвинул его на место концертмейстера, как обещал. Гарри Бертини

взял его на место концертмейстера в Иерусалимский симфонический оркестр, вот он и ушел.

Зуся Родан, скрипач-инспектор Израильского Камерного оркестра и Раши Леваот, альтист – музыканты, с амбициями стать руководителями, перешли в Иерусалимский симфонический оркестр. Со временем, Зуся Родан превратился в скрипача-инспектора, а потом плавно, legato, занял должность директора Иерусалимского оркестра, оставив скрипку навсегда. Раши Леваот тоже нашел свою нишу. С согласия администрации, прекратил играть в оркестре, расстался с альтом. В одночасье стал дирижером в оркестре, проводя концерты для детей.

В 1983 году Иерусалимский симфонический оркестр, выехал с концертами в Германию, Англию. По прибытии в Лондон я заболел. Рудольф Борисович узнал об этом, навестил меня вместе со своей женой Леной в отеле, где я находился. Он был в прекрасном настроении, рассказывал о своих прошедших концертах, о планах на будущее.

Рудольф Баршай, Лена Баршай, Наум Зайдель. Лондон, 1983 г.

Рудольф Баршай работал с London Philharmonic orchestra, Orchestre National de Paris, Tokyo-Philharmonic, Vancouver Symphony Orchestra. В период 1992-1998 он записал с оркестром Западногерманского радио цикл всех 15 симфоний Д. Шостаковича. В 2004 году записал собственную завершённую и реконструированную версию

Десятой симфонии Малера с оркестром Junge Deutsche Philharmonie.

После распада Советского Союза в 1993 году Баршай триумфально возвратился в Россию. Он дирижировал Большим симфоническим оркестром радио. Исполнялась Девятая симфония Малера.

В 2007 году Баршай пригласили дирижировать в Большом зале консерватории. Так российская газета GZT возвещала о предстоящем концерте:

Сегодня в Большом зале консерватории состоится концерт, который можно назвать историческим. За пультом «Виртуозов Москвы» встанет Рудольф Баршай – знаменитый дирижер, создавший в 1955 году легендарный Московский камерный оркестр. Именно этот коллектив познакомил наших слушателей с «Временами года» Вивальди, «Искусством фуги» Баха и многими шедеврами барочной и современной музыки.

«Я с большой опаской отношусь к камерным оркестрам. Даже самые лучшие среди них, как правило, доставляли мне большие сердечные муки – они настолько далеки не то, что от идеала, но от элементарных, необходимых вещей, которых за много лет работы в Московском камерном оркестре нам удалось добиться. Но на приглашение "Виртуозов" я все же откликнулся».

28 сентября 2010 года Рудольфу Борисович исполнилось 86 лет. Я набрал его номер, длинные гудки, Рудольф Борисович поднимает трубку. Я слышу знакомый, совсем не изменившийся голос. Четкая дикция, ясная мысль, острая память. Рассказывает о скором завершении работы над второй редакцией инструментовки «Искусства фуги» Вспоминает о Десятой симфонии Г. Малера. «Вы знаете, я записал ее с оркестром Junge Deutsche Philharmonie. Молодые умные талантливые ребята, не задирают нос, как бывает в знаменитых оркестрах, где так много наглецов и глупых идиотов. Отто Клемперер, величайший дирижер, – тоже настрадался от них. Один невежда как-то сказал ему: you are talking too much. (Вы разговариваете слишком много). Я чувствую, накопело у него, больно ему, и говорит он о самом себе с плохо скрываемым волнением.

– Вы не хотите поговорить с Леной? – без перехода спрашивает он меня. Лена берет трубку. После нескольких приветственных слов, она говорит: «Рудик упал на ровном месте, сломал ногу. Он слабый, из дома не выходит, а здесь такой чудесный воздух. Рудик уверяет меня, если бы позвали дирижировать концерт, тогда бы сразу много сил прибавилось. Проверял, не пришло ли приглашение по факсу».

Грустно мне стало. Рудольф Борисович Баршай посвятил всю свою жизнь единственной Музе, которая всегда вдохновляла его – Музыке. Делом всей своей жизни он считал завершение своей версии неоконченной 10-й симфонии Густава Малера и переложение для оркестра «Искусство фуги» И.С. Баха.

Рудольф Баршай наиграл бесчисленное количество грампластинок, CD, и сам себе воздвиг памятник.

Похоронили его там, где он жил и творил, в маленьком живописном швейцарском городке Рамлинсбург, недалеко от Базеля.

Прощай, Маэстро...

Dolente «Мимолетности» С. Прокофьева

<http://www.youtube.com/watch?v=P354UcYK6g0&feature=related>

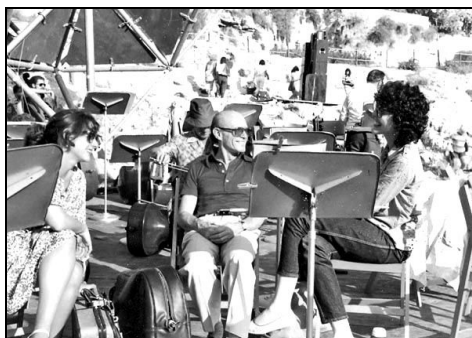
В декабре 1978 года после очередного концерта в Нидерландах Кирилл Петрович Кондрашин принял решение не возвращаться в СССР. Вскоре он получил место главного приглашенного дирижера оркестра Концертгебау в Амстердаме.

Кирилл Кондрашин вскоре приехал в Израиль. Я присутствовал на концерте оркестра Израильской филармонии, играли Пятую симфонию С. Прокофьева. На сцену вышел тяжелой походкой постаревший, много переживший человек. Кирилл Петрович дирижировал солидно, лаконично, убедительно. Одним словом, большой музыкант, художник. В его артистической комнате я увидел эффектную средних лет высокого роста блондинку. Она заботилась о нем в те тяжелые дни, когда он принял решение не возвращаться на родину. В 1981 году должен был возглавить Симфонический оркестр Баварского радио, однако скоропостижно умер от инфаркта.

Маэстро Гарри Бертини

Творческий человек, профессионал, человек с идеями, стал главным дирижером Иерусалимского симфонического оркестра (1978-87).

Гарри Бертини учился в Тель-Авиве, затем в Париже at the Ecole Normale de Musique and the Conservatoire. Получив блестящее европейское образование как дирижер, музыковед и композитор, в Париже его педагогами были Онеггер, Мессиан и Надя Буланже. Бертини вернулся в 1954 г. в Израиль. Он основал Камерный хор Ринат в 1955 г., затем создал Израильский Камерный оркестр в 1965, которым руководил до 1975 года. В то же время он начал строить карьеру симфонического дирижера, занимая посты главного дирижера в BBC Scottish Symphony Orchestra, music director of the Detroit Symphony Orchestra, the Radio Symphony Orchestra in Cologne.

Светская беседа

Он знал восемь языков. Дома говорил только по-французски. Его концепцию в музыке я бы выразил тремя словами: Верую в человеческий голос. Почти в каждой программе, в каждом концерте исполнялось произведение с участием хора или певцов-солистов.

Несомненно, опера соответствует его Credo. Севильский цирюльник, Риголетто, Травиата, Кармен, Евгений Онегин, ставились в концертном исполнении. Впервые в Израиле прозвучали «Военный реквием» Б. Бриттена, «Осуждение Фауста» Г. Берлиоза. Бертини

задумал и проводил фестиваль Liturgica, концерты, приуроченные к еврейскому празднику Ханука и христианскому Рождеству. Играли Мессу h-moll и Кантаты И.С. Баха, Реквием В. Моцарта, Г. Берлиоза, Д. Верди, и многое другое.

Трудно сказать, кто был его любимым композитором. Он одинаково серьезно репетировал и играл в концертах симфонии Густава Малера, дирижировал оперы В. Моцарта и Р. Вагнера в Германии, Война и мир С. Прокофьева в Мариинском театре в Санкт-Петербурге, Самсон и Далила К. Сен-Санса в Париже. Много музыки XX века, – сочинения Д. Мийо, Д. Лигети, Symphony of Psalms И. Стравинского и сочинения израильских композиторов – Бен-Хаима, Мордехая Сетера, Цви Авни, Йосефа Таля, Ами Маньяни, Марка Копытмана.

Он обожал театр, огни рампы, лучи прожектора, сопровождающие его восхождение на дирижерский подиум перед началом спектакля. Любил артистично стоять перед большим оркестром, хором, солистами, медленно обзревая всех взглядом властелина, повелителя.

Его лицо переполнялось гордостью, как бы говоря – все это я достиг собственными руками, трудом и талантом.

Дирижер Гарри Бертини

Музыкантов оркестра держал на расстоянии вытянутой руки, в поездках старался не жить в одном отеле с оркестром, никогда не ездил в автобусе с артистами оркестра. Девять лет его работы принесли удовлетворение в

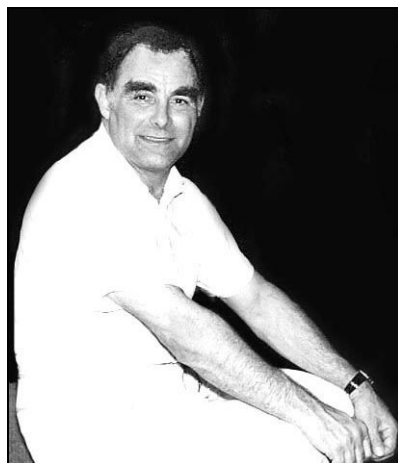
работе, высокие музыкальные достижения, и как следствие, концерты оркестра в Америке и европейских столицах – самый плодотворный период в жизни оркестра. Он возглавил вновь созданную «Новую Израильскую оперу», посвятив последние годы своей жизни своему детищу.

Для дирижеров Lawrence Foster (1988-92), и David Shallon (1992-2000), пришедших после него, обувь Гарри Бертини была слишком велика, они не привнесли ничего важного и запоминающегося, чтобы говорить об этом.

Старый знакомый Роберто Бенци

Один из гостей-дирижеров – Роберто Бенци, из Франции. Первый вопрос, который я задал ему в перерыве на репетиции, был:

«Вы снимались в фильме «Прелюдия славы». Божественное озарение и талант вундеркинда сделали свое дело?»

Роберто Бенци из Франции

«Нет, конечно, С четырех лет я учился играть на рояле, а в 10 лет дирижировал одним из парижских оркестров. С 1947 года я учился дирижированию у знаменитого Андре Клюитанса, который заинтересовался мной».

– Мне довелось играть с вашим учителем, дирижером Андре Клюитансом в Москве в 1959 году.

Программа состояла из произведений М. Равеля: «Гробница Куперена», «Испанская Рапсодия», Вторая сюита из балета «Дафнис и Хлоя» и «Болеро». Андре Клюитанс сказал несколько слов, предваряя первое проигрывание «Болеро». Эта пьеса не сложная, за исключением Solo тромбона, тем самым подчеркнул его важность и значение. Все солисты оркестра играли лучшим образом, до знаменитого Solo тромбона. Исполнив великолепно первую фразу, по-видимому, из-за чрезмерного волнения, солист-тромбонист, жестоко просчитавшись, начал вторую фразу на одну четверть раньше. Началось несоответствие ритмического сопровождения и Solo тромбона. Андре Клюитанс пытался исправить положение, рисуя в воздухе спасательный треугольник – схему тактирования – un, deux, trois. Но тромбонист не смотрел на дирижера. Увлеченный своей игрой, он закончил Solo на одну четверть раньше всего оркестра. В спортивном состязании первым придти к финишу было бы похвально. При повторении этой программы в следующем концерте солист-тромбонист был заменен.

Иегуди Менухин играет с Израильским симфоническим оркестром

Перерыв закончился. Пожелав успеха в предстоящем вечером концерте, я сфотографировал дирижера Роберто Бенци, сидящим на дирижерском подиуме. Концерт прошел. Не могу сказать, – какая была программа, как играли. Все безвозвратно забыто. Мальчик вырос, wunder исчез.

Иегуди Мену́хин неоднократно играл с JSO и дирижировал. Его благородная личность производила впечатление, прежде чем он произносил первое слово. Его сын Джереми также участвовал в концертах. Последний концерт в 1980 годах особенно запомнился мне. Как дирижер он много времени уделил подготовке пьесы современного английского композитора. Не помню, к сожалению, его имя. Но вот он взял скрипку и заиграл Mozart Violin Concerto K219. В самых неожиданных местах, его правая рука переставала функционировать. Повидимому, какой-то физический дефект временами охватывал его руку, она становилась неуправляемой.

Феноменальный пианист Леон Флейшер

В одном концерте в 1989 году пианист Леон Флейшер играл Концерт № 2 для левой руки М. Равеля совершенно сногшибательно. Его пригласили играть в следующем концертном сезоне. Оркестр собирался в гастрольное турне по Соединенным Штатам, приуроченное к 50-летию государства Израиль. Леон Флейшер охотно согласился, но выразил желание также дирижировать несколько концертов в Америке. Леон Флейшер начал играть на фортепьяно в четыре, в 16 лет вышел на сцену самого знаменитого концертного зала Карнеги-холл исполнить с оркестром нью-йоркской филармонии Первый концерт И. Брамса. Дирижировал Пьер Монте и характеризовал его как явление века.

Он участвовал в международном конкурсе пианистов имени королевы Елизаветы в Брюсселе (1952 год) и завоевал первую премию.

Но в 1965 году, все это закончилось внезапно.

«Когда Боги хотят нанести удар, они знают, куда его нанести», – говорит Флейшер. «Они ударили меня в правую руку. Я заметил такую медлительность в моем пятом и четвертом пальце правой руки. Так что я подумал: Ну, мне пора вернуться к работе, работать больше, самое худшее, что мог бы делать. Я знал, что я не мог играть правой рукой. Моя жизнь была практически завершена», – вспоминает Флейшер. Его интенсивные занятия оказались причиной

дальнейшего повреждения. Пальцы сворачивались в клубок, и он не мог их выпрямить.

Леон Флейшер

А потом произошло нечто замечательное. В пыльном углу фортепианной литературы, он нашел пьесы, написанные специально для левой руки. Задолго до того, Пауль Витгенштейн, богатый австрийский пианист, повредил правую руку на полях сражений в Первой мировой войне. Он заказывал у великих композиторов своего времени сочинения для левой руки с оркестром. Так появились на свет концерты для левой руки М. Равеля, С. Прокофьева, П. Хиндемита.

Эти Концерты для левой руки позволили Флейшеру возобновить свою концертную деятельность, но он по-прежнему страдал из-за потери правой руки.

Каждый день он садился за рояль, чтобы проверить ее, и каждый день пальцы не подчинялись ему. Он говорит, что так продолжалось в течение 35 лет. Надеялся ли он? «Я никогда не терял надежды, по каким-то причинам, – говорит Флейшер. – Казалось, что это какой-то каприз. Как это может так продолжаться?»

Он также пробовал себя как дирижер, некоторое время был главным дирижером симфонического оркестра Аннаполиса, работал с Балтиморским симфоническим оркестром.

После более чем трех десятилетий, врачи, наконец, смогли дать Флейшеру название его болезни: дистония. Мозг посылает ложные сигналы к пальцам.

Недавно, однако, благодаря новейшим достижениям медицины правая рука Флейшера была вылечена инъекциями, и в 2004 г. была опубликована первая после 40-летнего перерыва запись игры Флейшера в две руки.

Дирижер Леон Флейшер выбрал Симфонию из Нового света, всем известную и много раз игранную. Ничто не предвещало каких-либо осложнений. За неделю до отъезда в Америку Леон Флейшер приехал в Израиль провести несколько репетиций. В первых тактах симфонии выяснилось, что оркестр не понимает жесты дирижера, его ауфтакт не понятен, деревянные не могут вступить, струнные также в полной растерянности. Сложилась очень деликатная ситуация. В первый раз в моей многолетней практике участие дирижера в предстоящих концертах было отменено.

Как часто замечательные скрипачи, пианисты берут палочку, занимают должности главных дирижеров в оркестрах, не имея представления о мануальной технике, необходимой дирижеру для передачи своих замыслов. Симметричные движения обеих рук производит впечатление гимнастических упражнений, – много движений и никаких достижений. О каком творческом вдохновении, сопереживании, общении с артистами можно говорить, если голова подгружена в партитуру. Можно подумать, видят ее впервые, боятся сбиться, потерять строчку.

Дирижер – темная профессия. Может быть, это совсем не профессия?

Последний концерт Буси Гольдштейна

«Не иначе – провидению было угодно, чтобы Борис Гольдштейн завершил свой путь артиста на Святой Земле», – писал Я. Сорокер. 17 марта 1987 года в зале театра «Жерар Бехар» в Иерусалиме состоялось последнее выступление Бориса Гольдштейна, на котором мне посчастливилось присутствовать. Борис Гольдштейн играл со своей дочерью, Юлией. Я сделал несколько снимков. Играл он

произведения Моцарта, Франка, Блоха, Бетховена – играл блистательно.

Борис Гольдштейн и его дочь Юлия

После концерта пригласили его на частную квартиру Даниэля Фрадкина, который организовал концерт.

Слева на право: Наум Зайдель, Борис Гольдштейн, Моисей Гиршович, Адик Сприкут

«Мы охотно принимаем Ваше приглашение и будем счастливы, осуществить нашу давнюю мечту – посетить Израиль, маленькую, и в то же время великую, героическую страну, к которой моя семья и я лично относимся с благоговением», – ответил Борис Гольдштейн. На этой встрече, а также на концерте я фотографировал Бусю, сделал несколько снимков. Кто мог только подумать, что жить ему осталось всего полгода.

Мы друзья и почитатели Бориса Гольдштейна – выдающегося еврейского скрипача-виртуоза, извещаем всех любивших этого прекрасного человека и музыканта, что он скончался 8 ноября 1987 года.

Мы благодарны судьбе за то, что именно нам, израильтянам, довелось слушать последний его концерт, последние звуки его волшебной скрипки, обреченной умолкнуть навеки.

Да будет благословенна его память.

С. Мельник, В. Коренблит, К. Такеучи, Д. Фрадкин, А. Сприкут, Й. Тавор, М. Гиршович, Н. Зайдель, Л. Гофштейн, А. Зисерман, Н. Фруман, Я. Сорокер.

Прозвучала сирена

В Первой иракской войне (Iraq War) Израиль не принимал участия, но 42 ракеты Scud запущенные Ираком, разорвались в жилых кварталах Тель-Авива. Жители уезжали к друзьям, знакомым и родственникам в «безопасные места» – Иерусалим, Эйлат. Все взрослое население получило противогазы на случай химической атаки. Позаботились также о маленьких детях. Изготовили конструкцию из прозрачной пленки на металлическом каркасе, в которой ребенок чувствовал себя уютно и просторно. Запрещено было проводить концерты в темное время суток.

Скрипач Исаак Стерн специально приехал в Израиль поддержать моральный дух страны, играл несколько концертов, в том числе концерт с JSO в иерусалимском Концертном зале Henry Crown. Во время концерта, когда он играл 2 часть Концерта Моцарта, завывла сирена. Все немедленно покинули сцену и одели противогазы. Через полчаса концерт возобновился. Моя дочка полюбила сирену, ждала ее с нетерпением.

Звезда XXI века

На одном из концертов по телевидению я услышал тринадцатилетнего Сергея Накарякова. Его музыкальность и виртуозность покорили меня. Я уже двадцать лет работал в Иерусалимском симфоническом оркестре, который находился в ведении Израильского радио. Зная лично всех музыкальных редакторов, составителей программ радиопередач, я рассказал одному из них о мальчике-трубаче, и рекомендовал пригласить его для записи. Нет проблем, сказал редактор, но существует порядок, по которому исполнитель должен прежде играть прослушивание. Найдя номер телефона, я позвонил родителям, сообщил отцу, Михаилу Накарякову, о моем разговоре с редактором.

– Если правильно я вас понял, мой Сережа должен играть прослушивание для редакторов. Никогда!

Разговор был коротким. Несколько позже, мне стало известно, что семья Накаряковых живет в Париже, а папа сопровождает Сережу во всех гастрольных поездках.

Совсем недавно, а точнее, 14 октября 2010 года в музыкальном центре Раананы состоялся концерт выдающегося исполнителя на трубе Сергея Накарякова. Никакой рекламы, ни афиш, ни объявлений в газетах. Я узнал о концерте от двоюродной сестры моей жены, дочь которой Мария Меерович играет с Накаряковым. Новое современное здание, приятный зал на 80 мест, хорошая акустика. Если кто-нибудь ожидал услышать трубу, от звука которой зазвонят люстры хрусталем в зале. Или труба звезданет, загвоздит так, что штукатурка с потолка начнет осыпаться и рухнуть прочные стены как в Иерихоне. Нет, ничего похожего не случилось. С одной стороны звук трубы

значительно сильнее, чем звук скрипки, виолончели, гобоя, кларнета, например, а с другой, труба не может выполнить чарующее *pianissimo*, *morendo*. Слабонервные дамы в оркестре жалуются на соседней-трубачей, выбирают место возможно дальше от них, закрывают уши пробками. В сочинениях для камерных ансамблей (*Histoire du Soldat* by Stravinsky, Darius Milhaud – *Concertino d'été* for viola and chamber orchestra, Op.311 1951, Гавриил Попов Септет для Fl, Cl, Fg, tr-be, v-no, cello, c-basso в 4 частях. Соч. 2.) особенно трудно разрешить проблему акустического баланса в концертах и на записях. Звукорежиссеры ставят акустические стенки, ширмы перед трубачом, отодвигают подальше микрофоны, применяют микширование.

Программа концерта

К сожалению, в консерваториях существуют стандартные образовательные программы, в которых изначально заложены неприемлемые для меня стереотипы. Это относится, например, к тому образу трубы, который традиционно всем внушается. Я с этим не согласен. 99 % педагогов готовят музыкантов для оркестров. Поэтому существуют определенные традиции в том, какой должен быть звук трубы. Это только яркий, звонкий, громкий инструмент – и все. Манера игры, репертуар, музыкальные ценности выстраиваются в связи с этими представлениями. Мне же кажется, что труба –

инструмент очень богатый, он заслуживает другого отношения. Мне повезло, что с детства со мной занимался папа, который сам по профессии не трубач, а пианист. Он смог мне привить иное отношение к этому инструменту, что уберегло меня от существующих стереотипов. Мне кажется, что тембр трубы может приближаться к звучаниям человеческого голоса, виолончели и многих других духовых инструментов.

Труба Накарякова – это другой инструмент, а сам Накаряков – трубач новой формации, нового стиля, нового XXI века.

Он играет без какого-либо физического напряжения, на лице ни один мускул не дрогнет, смена дыхания незаметна, пальцевая беглость поразительная. Трудно найти, если даже очень хочешь, подозрительно исполненный пассаж, или неточную по интонации ноту. Он владеет так называемым циркулярным дыханием (circular breathing), когда исполнитель на духовом инструменте выдыхает воздух в инструмент, и одновременно вдыхает воздух в легкие. При такой технике дыхания он играет четырехминутную пьесу “Moto perpetuo” Н. Паганини, не нарушая вечное движение. После концерта, ошеломленный впечатлением, я зашел в артистическую комнату.

Артист выглядел свежим и совсем не утомленным. Познакомился с ним, с его мамой. Я спросил ее, как случилось, что восьмилетний мальчик выбрал именно трубу. Вот ее краткий рассказ:

– Сережа начал играть на фортепиано. После случившейся в 1986 году автомобильной аварии и травмы позвоночника, вынужден был долгое время проводить лежа в кровати, а потом врачи запретили ему сидеть и заниматься на рояле. Его отец, профессиональный пианист, предложил Сергею играть на трубе.

Можно предположить, что этот выбор был случайным, или папа ткнул пальцем в небо. Специалисты-врачи и педагоги-методисты считают, что медные духовые инструменты и труба, в том числе, требуют физически развитый организм, так как при игре на духовом инструменте дополнительная нагрузка падает на легкие и

сердце. Но 9-летний мальчик стал продвигаться семимильными шагами.

Мария Меерович и Сергей Накаряков после концерта

Сергей рассказывает о том, что повлияло на выбор инструмента:

Примерно в это время великий трубач, солист оркестра Большого театра Тимофей Александрович Докшицер записал на пластинку баховские прелюдии в собственном переложении для трубы и органа. Я был потрясен той новой мощью, которую вдруг приобрели слышанные мной сто раз хрестоматийные вещи. А тут еще мой папа с детства хотел стать трубачом, но бабушка этому противилась. По сути, я воплотил в жизнь то, о чем он так страстно мечтал». (Из интервью Анатолию Стародубцеву.)

Я участвовал в городском конкурсе в Горьком (теперь Нижний Новгород). Потом я стал дипломантом Всероссийского конкурса среди взрослых, хотя мне было тогда 10 лет. Официально я в нем не участвовал, просто перед жюри сыграл программу первого тура. На этом мои конкурсы закончились.

Уже в 1988 году он получает диплом на Всероссийском конкурсе трубачей в Ленинграде. Надо

подчеркнуть, конкурс трубачей для взрослых. В 1991 году у Сергея происходит много событий. Это и большой успех на международном фестивале Иво Погорелича в Бад-Верисхофене (Германия), и эмиграция с родителями в Израиль. Отныне, они свободны в передвижении и выборе творческого пути. С 1993 года живут во Франции (Париже).

В настоящее время Сергей Накаряков играет в самых престижных залах мира, включая Hollywood Bowl in Los Angeles, (a seating capacity of 17,376.), Lincoln Center in New York, Royal Festival Hall and Royal Albert Hall in London; выступает на фестивалях во многих европейских странах. Каждый год он совершает многодневное турне по Японии.

Сергей Накаряков часто выступает с сольными концертами, играет с всемирно известными музыкантами, оркестрами и дирижерами.

<http://www.youtube.com/watch?v=QXnkAnmAOEc&feature=related>
moto perpetuo - Paganini

<http://www.youtube.com/watch?v=Pd6952T4vq0&feature=related>
Carnaval of Venice with orchestra

<http://www.youtube.com/watch?v=XicAdVWttLw&feature=related>
Variations on a theme from Norma

<http://www.youtube.com/watch?v=snzRsv1Ewy0&feature=related>
Tarantella 12 old years

http://www.youtube.com/watch?v=xNT_eF9ICBY&playnext=1&list=P L6E397CD96C233A43

Sergei Nakariakov - Introduction & Rondo Capriccioso

Скрипач Вениамин Райхлин

По разным причинам в оркестр приглашались дополнительные музыканты. Мне стало известно о прослушивании скрипачей, чтобы выбрать лучшего и приглашать в случае необходимости. Я присутствовал на прослушивании. Был избран скрипач, учившийся со мной в Музыкальном училище в Казани. Не видел его десятки лет – Вениамин Райхлин.

Он произвел самое благоприятное впечатление знанием оркестрового репертуара, отличался аккуратностью игры, ритмической точностью. Веня совсем недавно приехал в Израиль уже в солидном возрасте, не мог рассчитывать на постоянную работу, но его очень часто стали приглашать в оркестр. Веню дважды брали в заграничные поездки.

Пунктуальность и обязательность были привиты ему не кем-нибудь, а великим Натаном Рахлиным. Мы подружились семьями, перезванивались, гостили друг у друга.

Музыка в жизни, жизнь в музыке

Я еще ничего не рассказал о своей личной жизни. Я женат уже больше тридцати лет. У нас родилась в 1989 году дочка Helen. Отлично училась, после окончания школы служила два года в армии. Не говорит по-русски, не интересуется классической музыкой. В отличие от меня, в 21 год еще не знает, куда пойти учиться, какую профессию выбрать.

Helen Zaidel

Видел я в приезде Вени некий знак – мой соученик, музыкант из Казани. Круг замкнулся.

Не поехать ли мне в Казань родную сестру навестить? – спрашивал я себя. Во-вторых, подошел мой возраст выхода на пенсию. Выясняется, для оформления статуса пенсионера у меня отсутствует документ о высшем образовании – диплом. Проработал я 26 лет в оркестре, одновременно преподавал в Академии музыки имени Рубина в Иерусалиме. Никто и никогда не интересовался моим дипломом. Я объясняю чиновникам в Министерстве культуры, когда я уезжал в 1972 году, запрещалось вывозить

с собой диплом, рабочую книжку и удостоверение водителя. Разрешалось взять заверенные нотариусом копии этих документов. Вот они – копии.

– Знаем, знаем, сейчас Россия свободная страна. Вы можете поехать в Москву и привести ваш диплом. Мы признаем только документ-подлинник.

В 1998 году я поехал в Москву, впервые после выезда из Советского Союза. Первым делом – визит в консерваторию. В тот же день получил диплом-дубликат и отдельно, список всех сданных экзаменов с оценками. Теперь, в Казань.

Моя сестра бережно хранила документы, оставленные мной. Я стал счастливым обладателем двух дипломов – подлинника и дубликата.

Неведомая сила тянула меня к местам, где провел детство, юность. У меня достаточно счастливая судьба. Я прожил долгую интересную жизнь. Встречался с интересными талантливыми людьми, много видел, много слышал, купался всю жизнь в музыке. Теперь, я свободный художник в том смысле, что занимаюсь только приятными делами.

Пианисты волнуют мое воображение, потрясают меня необычным прочтением известных произведений, фантастическим техническим совершенством. Пианисты-мыслители не подражают своим знаменитым предшественникам, а находят свой собственный путь. Их игра отличается высокой интеллигентностью и безукоризненным вкусом.

С выходом на пенсию жизнь только начинается. Кроме писем к матери, я ничего не писал, а сейчас разразился. Графоман? Может быть, судить читателю.

Я очень старался искренне, правдиво и объективно рассказать о музыке, концертах, дирижерах, солистах, о себе, – иногда, даю только пищу для размышлений. На этом умолкаю.

Виктор Юзефович

**«Если в Ваш лавровый суп
подсыпать немного перца...»**

**Переписка С.С. Прокофьева с С.А. и
Н.К. Кузевицкими
1910-1953
Вступление**

еще в самом начале XX века, задолго до изобретения персонального компьютера, до появления интернета и электронной почты, эпистолярный жанр начали подвергать анафеме как архаичный, устаревший, не способный более обеспечить общение между людьми. Говорилось об этом, к примеру, немецким философом Теодором Адорно (1903-1969) многолетней корреспонденткой Бориса Пастернака (1890-1960) филологом Ольгой Фрейденберг (1890-1955).

Сергей Прокофьев был одним из немногих, кто не только активно переписывался с коллегами и друзьями, но сохранил высочайшую культуру письма как литературного жанра. Письма Прокофьева несут в себе приметы яркого литературного дарования композитора, несравненные образцы его неповторимого стиля и тонкого, отсвечивающего иронией юмора. Читаются они зачастую с увлечением ничуть не меньшим, чем первоклассная беллетристика. Любопытно, что свободно владея французским языком, Прокофьев поражал чистотой литературного стиля и своих французских коллег. «Перечитывая его письма, нельзя предположить, что они

написаны русским – ни по стилю, ни по орфографии», – вспоминал Франсис Пуленк¹.

Сергей Кусевицкий

Круг корреспондентов Прокофьева был чрезвычайно широк. Николай Мясковский и Борис Асафьев, Игорь Стравинский и Сергей Дягилев, Всеволод Мейерхольд и Сергей Эйзенштейн, Петр Сувчинский, Владимир Держановский и Константин Бальмонт, Нина Кошиц и Фатма Ханум Самойленко... С многими из них переписка его продолжалась десятилетиями. Объясняется это различными причинами. Прежде всего, конечно, открытостью, чрезвычайной общительностью характера Прокофьева. В не меньшей степени огромной внутренней дисциплиной, которая позволяла ему уместить в каждодневном своем расписании невероятное количество больших и малых дел. И, быть может, прежде всего, тем, что, покинув Россию в 1918 и оставаясь вне ее до середины 30-х г.г., он, как никто другой, умел жить одновременно словно бы в двух мирах – живо общался с корифеями

¹ Франсис Пуленк. Сергей Прокофьев. В кн.: Сергей Прокофьев. Статьи и материалы. 2-е изд. Составители И. Нестьев и Г. Эдельман. Москва: «Советский композитор», 1965. С. 385.

культуры Запада и никогда не порывал духовных связей с родиной, продолжая активную переписку с коллегами и друзьями в Москве и Ленинграде.

В переписке Прокофьева и Кусевицкого, продолжавшейся с 1910 года вплоть до смерти дирижёра в 1951, запечатлены достаточно полно все этапы их сотрудничества, она содержит массу интереснейших реалий жизни и творчества каждого из музыкантов. Отражает она также их во многом несхожие человеческие характеры.

Часть писем Прокофьева к Кусевицким была опубликована мной в 1975 и 1991 годах в журнале «Советская музыка»². Ныне все они вновь выверены с оригиналами, раскрыты купюры, выправлены вкравшиеся в публикацию неточности. Публикация полного корпуса писем Прокофьева к Сергею и Наталии Кусевицким позволяет воссоздать более полную картину творческого общения музыкантов.

Как правило, Кусевицкий сохранял копии своих писем. Однако многих копий его писем к Прокофьеву, в Архиве дирижера в Библиотеке Конгресса обнаружить к сожалению не удалось. Их предстоит еще выявить в Архиве Прокофьева в Лондоне, опубликовать и прокомментировать.

Публикатор придерживается современной орфографии и грамматических норм сегодняшнего дня. Все собственные имена даются в их принятом ныне виде (например, Сенкар не Сценкар, как у Прокофьева). Выправлено написание имени Наталии Константиновны Кусевицкой, которое Прокофьев, как правило, писал неверно как «Наталья», и только редко как «Наталия», а Лина Прокофьева писала всегда «Наталья». Названия всех музыкальных произведений даются, в отличие от написания их в письмах композитора, кавычках.

² См.: Сергей Кусевицкий: «"...Приобщение человека к вселенским ценностям". Материалы к творческой биографии». / Вступ. статья, публ. и коммент. В. Юзефовича // «Советская музыка», 1975. № 1; Сергей Прокофьев: «Спасибо маэстре: не посрамил земли скифской!» / Публ. и коммент. В. Юзефовича // Там же. 1991. № 4-6.

Большинство писем публикуются впервые.

Публикатор выражает свою искреннюю признательность за всестороннюю помощь научным сотрудникам Отдела исполнительских искусств Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, Музыкального отдела Бостонской публичной библиотеки, Архива Бостонского симфонического оркестра (Бостон), Российского Государственного Архива литературы и искусства и Государственного Центрального Музея Музыкальной Культуры имени М.И. Глинки в Москве, а также всех других библиотек и архивов, перечисленных ниже.

Принятые сокращения

Архивы и библиотеки:

АК-БК – Архив Кусевицкого, Библиотека Конгресса, Отдел исполнительских искусств, Вашингтон.

Архив БСО – Архив Бостонского симфонического оркестра

ББУ – Библиотека Бостонского университета.

БК – Библиотека Конгресса, Вашингтон.

БПБ – Бостонская публичная библиотека.

БПФ – Библиотека Петербургской (Ленинградской) филармонии.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва

ГДМЧ – Государственный Дом-музей Чайковского, Клин.

ГТМ – Государственный Театральный музей имени Бахрушина, Москва.

ГЦММК – Государственный Центральный Музей Музыкальной Культуры, Москва

МС – Музей Скрябина, Москва.

НБФ – Национальная библиотека Франции, Париж.

НЙПБ – Нью-Йоркская Публичная библиотека.

РГАЛИ – Российский Государственный Архив Литературы и Искусства, Москва

РГБ – Российская государственная библиотека (бывшая Библиотека имени Ленина), Москва.

РИИИ – Кабинет рукописей Российского Института истории искусств, Петербург.

РНБ – Российская национальная библиотека (бывшая Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина), Петербург.

Книги:

МДВ – С.С. Прокофьев. Материалы. Документы. Воспоминания. Издание второе, дополненное. Составление, редакция, примечания и вступительная статья С. Шлифштейна. Москва: Государственное музыкальное издательство, 1961.

М-П – С.С. Прокофьев и Н.Я. Мясковский. Переписка. Составление и подготовка текста М. Козловой и Н. Яценко. Комментарии В. Кисилева. Москва: «Советский композитор», 1977.

ПД-1 – Сергей Прокофьев. Дневник. 1907-1933. (Часть первая). Париж: sprkfv, 2002.

ПД-2 – Сергей Прокофьев. Дневник. 1907-1933. (Часть вторая). Париж: sprkfv, 2002.

Thompson – Kenneth Thompson. A Dictionary of Twentieth-Century Composers. 1911-1971. London: Faber and Faber, 1973.

1910 годы:

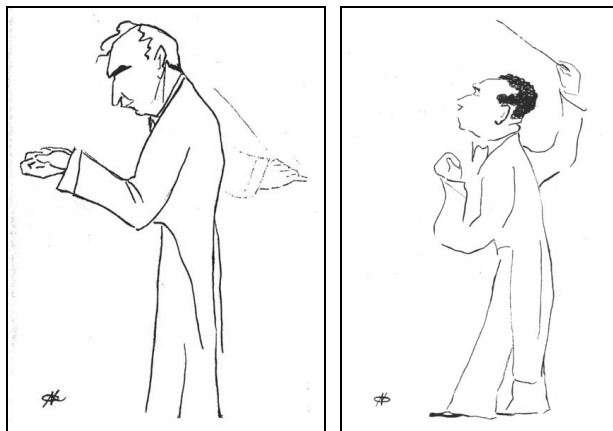
Появление на музыкальном горизонте России 10-х г.г. XX века Прокофьева вызвало острые баталии среди слушателей и критиков. Спектр оценок молодого композитора простирался от восторженного признания до тотального отрицания. Наиболее прозорливые из критиков подмечали свежесть и искренность его музыки, присущий ей неиссякаемый запас энергии, редкое сочетание гротесковости, остроумия и глубокого лиризма. «...в лице Прокофьева мы имеем дело с живым и, что важнее всего, своеобразным, индивидуальным талантом...», – писал уже в 1912 Каратыгин³. «...только слепые от природы или ослепленные предвзятостью могут не видеть сильного и самобытного таланта, чреватого еще более богатыми возможностями», – восклицал тогда же Мясковский⁴.

Безуспешно атаковал поначалу Прокофьев дирижеров и концертные организации в попытках услышать свои партитуры исполненными и увидеть их изданными. «Зилоти прислал мои "Сны" и в сопроводительном письме говорит, что очень интересуется последующими моими сочинениями, считает меня очень талантливым и пр. и пр., но "Сны" играть, конечно, не будет. И дурак!», – писал в

³ Цит. по: «Среди печати», «Музыка», № 94, 8 сентября 1912. С. 769.

⁴ М. [Николай Мясковский]. «Библиография. С. Прокофьев. Ор. 2. Четыре этюда для фортепиано. Издание П. Юргенсона», «Музыка», № 94, 8 сентября 1912. С. 772.

1910 композитор с присущей ему амбициозностью⁵. Не состоялось и исполнение «Снов», обещанное в Москве Эмилем Купером.

Сергей Кусевичский. Шаржи Ольги Кусевичской

«Не попробуете ли [обратиться. – В.Ю.] со "Снами" к Кусевичскому?», – советовал Прокофьеву друживший с ним с консерваторских лет Мясковский⁶. Прокофьев решил однако не предпринимать первого шага самостоятельно. «С Кусевичским Вы, пожалуйста, сцепитесь; он нужен не только как игратель, но и как издатель», – отвечал он, имея в виду «Концерты С. Кусевичского» и Российское музыкальное издательство, учрежденное им год назад⁷.

Известный прагматизм в своем отношении к Кусевичскому Прокофьев обнаружил таким образом уже в молодости. Что же до Кусевичского, то далеко не сразу оказался он – «игратель и издатель» – готовым к пропаганде творчества Прокофьева. «Сны» дирижер исполнять не стал. Представленные в 1910 в Петербурге самим автором, они

⁵ Сергей Прокофьев – Николаю Мясковскому, 5 августа 1910, Сонцовка. М-П. С. 84.

⁶ Николай Мясковский – Сергею Прокофьеву, 13 августа 1910, Петербург. Там же. С. 85.

⁷ Сергей Прокофьев – Николаю Мясковскому, 19 августа 1910, Сонцовка. Там же.

прозвучали затем летом 1911 в Москве под управлением Константина Соломоновича Сараджева (1877-1954). Тем же летом Александр Метнер провел исполнение симфонического эскиза «Осеннее».

Не складывалось поначалу и сотрудничество Прокофьев с РМИ. Если Стравинского, как автора, домогался Кусевицкий, то Прокофьеву в двери РМИ пришлось стучаться самому. Послав в издательство летом 1910 рукописи своей Первой фортепианной сонаты, ор. 1 и Четырех этюдов, ор. 2, он получил от возглавлявшего его Николая Струве ответ столь же любезный, сколь и неутешительный.

**Российское музыкальное издательство –
С.С. Прокофьеву**

9(21) августа 1910, Берлин

Милостивый Государь!

Мы отправляем Вам через наше Моск[овское] от[деление] почтой Ваши манускрипты: Соната ор. 1 и два этюда ор. 2 и доводим до сведения Вашего, что Совет не нашёл возможным издать эти произведения.

С совершенным почтением,

Российское музыкальное издательство.

По до[верению] Совета

Н. Струве.

Рукопись. Послано в Петербург. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 2, ед. хр. 527, л. 1. На бланке РМИ.

Прокофьев был слишком уверен в самом себе, чтобы предаваться отчаянию. «...сообщаю Вам "радостную" весть, – делится он с Мясковским, – РМИ вернуло мне сонату и этюды с соответствующим печатным бланком, которых у них заготовлено сотни. Но если они хотели поразить меня в сердце, то, безусловно, ошиблись точкой...»⁸. Композитор хотел было издать эти произведения сам, но затем отдал их и Четыре пьесы для фортепиано ор. 3 в издательство Юргенсона, как, впрочем, и ряд других ранних сочинений – вплоть до «Сарказмов» ор. 7.

⁸ Сергей Прокофьев – Николаю Мясковскому, 7 сентября 1910, Долинская. М-П. С. 88.

Прокофьев заручился рекомендательным письмом Александра Оссовского, хорошо знавшего его по Петербургской консерватории.

«Позволю себе обратить Ваше внимание на предъявителя сего письма, моего доброго знакомого Сергея Сергеевича Прокофьева, соединяющего в своем лице композитора (ученик Ан. Лядова), пианиста (ученик А. Есиповой) и дирижера (ученик Н.Н. Черепнина), – писал Оссовский. – Даровитость – и притом большая – этого совсем еще молодого музыканта для меня вне сомнений. Судя по началу, его ожидает светлое будущее, и было бы грешно не облегчить его первых шагов на трудном артистическом поприще. В Вашей власти поддержать мужество г. Прокофьева как композитора и поощрить его к дальнейшему творчеству изданием сочинений, с которыми он явится к Вам»⁹.

Два года спустя Прокофьев предпринимает вторую «атаку» на Кусевицкого. Он решает специально поехать из Петербурга в Москву, чтобы познакомить дирижера и издателя со своей музыкой. За протекцией обращается к Александру Оссовскому, который принимал активное участие в работе РМИ.

«Глубокоуважаемый Александр Вячеславович, – пишет Прокофьев. – Разрешите обратиться к Вам с нижайшей просьбой. На сих днях я еду в Москву и хотел бы показать Кусевицкому некоторые мои партитуры. Если он не найдет возможным исполнить их зимой, то быть может они подойдут для лета. Я боюсь, что он, как человек занятой, не пожелает уделить мне своего времени, а потому очень прошу Вас не отказать мне в нескольких строках, свидетельствующих о Вашем добром отношении к моим сочинениям.

Приношу Вам извинение за беспокойство и прошу позволить зайти к Вам завтра во втором часу.

⁹ Александр Оссовский – Борису Юргенсону, 5 мая 1911, Петербург. – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 1, ед. хр. 424. Копия, переписанная рукой С.С. Прокофьева. Публикуется впервые.

Искренне уважающий Вас, Прокофьев¹⁰.

Через день в руках Прокофьева было письмо Оссовского.

«Дорогой Серг[ей] [Алекс[андрович], – писал он Кусевицкому. – Позволь рекомендовать твоему вниманию предъявителя этого письма мол[одого] ком[позитора] Сергея Сергеевича Прокофьева. Он питомец нашей кон[серватории], ученик А.К. Лядова по композиции и А.Н. Есиповой по ф[орте]п[иано]. Его желание – ознакомить тебя с некот[орыми] из своих ор[к]естровых сочинений в надежде, что ты, быть мо[жет], не откажешь вклю[чить] какую-либо его вещь в прогр[амму] твоих абонем[ентных] или общедост[упных] конц[ертов].

Сочинений, кот[орые] он везет тебе, я еще не знаю. Но я знаком с его ф[орте]п[ианным] (с орк[естром]) концертом и другими ф[ортеп]ианными пьесами, частью изданными уж у Юр[генсона], с его виолончельной балладой, романсами. В них чувствуется несомн[енный] и притом своеобр[азный] талант. Поддержать этот тал[ант] еще на первых его шагах представляется мне достойной задачей. Вот почему я и решился, по просьбе С. С.Пр[окофьева], побеспо[коит]ь тебя этой запиской.

Прими мой душевн[ый] привет и благодарность за исполнение этой моей просьбы. Любящий и высоко ценящий тебя

Твой А. Оссовский»¹¹.

Предваряя свой приезд в Москву, Прокофьев сам пишет в тот же день Кусевицкому:

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому

21 февраля 1913, Петербург

Кусевицкому в Москву

Глубокоуважаемый Сергей Александрович,

¹⁰ С.С. Прокофьев – А.В. Оссовскому, 20 февраля 1913, [Петербург]. Послано в Петербург – РИИИ, ф. 22 [А.В. Оссовский], оп. 1, ед. хр. 144. Публикуется впервые.

¹¹ А.В. Оссовский – С.А. Кусевицкому, 21 февраля 1913, [Петербург]. Послано в Петербург. – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 1, ед. хр. 375. Публикуется впервые.

разрешите обратиться к Вам с покорнейшей просьбой выслушать от меня мои сочинения. В воскресенье я буду в Москве в Вашем концерте и беру на себя смелость представиться Вам.

Приношу мое извинение за причиняемое беспокойство и позволю себе приложить письмо от Александра Вячеславовича Оссовского.

Примите уверения в совершеннейшем уважении к Вам

Сергей Прокофьев.

Рукопись. Послано в Москву. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 1, ед. хр. 375.

По совету композитора Александра Юрасовского Прокофьев посетил 24 февраля 1913 последнее в сезоне «Симфоническое утро по общедоступным ценам». Они регулярно давались в рамках московских «Концертов С. Кусевицкого» в Большом зале Благородного собрания (нынешний Колонный зал Дома Союзов). Сам Кусевицкий дирижировал в них сравнительно редко, но в тот день «Остров мёртвых» Рахманинова, его Второй фортепианный концерт (солист – Исаяя Добровейн) и «Поэма экстаза» Скрябина звучали именно под его управлением. Особенно сильное впечатление произвело на Прокофьева исполнение «Поэмы экстаза».

«Перед началом концерта Юрасовский познакомил меня с Кусевицким, – записал Прокофьев в дневнике. – Кусевицкий был крайне любезен, сказал, что давно интересуется моими сочинениями: очень, очень рад их послушать и назначил аудиенцию завтра в пять»¹².

На следующий день Прокофьев посетил хорошо известный в Москве особняк Кусевицких в Глазовском переулке близ Смоленского бульвара. Здесь останавливались Скрябин и Клод Дебюсси, бывали Ферруччио Бузони и Гарольд Бауэр (Bauer) (1873-1951), здесь часто устраивались музыкальные вечера, на которых показывали свои новые сочинения Танеев и Рахманинов, пели Шаляпин и Собинов. Три года назад приходил сюда и

¹² ПД-1. С. 233.

Прокофьев, чтобы показать свои сочинения Скрябину. «Когда я переступил порог, то почувствовал себя "тоже джентльменом"... – заметил он тогда¹³.

Кусевицкий тепло принял Прокофьева. «Я исполнил мой Концерт Des dug очень недурно, с увлечением и удовольствием¹⁴. Он очень внимательно сидел с партитурой и иногда тихонько дирижировал. Когда я кончил, мой Концерт получил похвалу, превосшедшую все дотоле полученные:

– Ваша вещь привела меня в экстатическое состояние. Это настоящая, прекрасная, прекрасная и прекрасная музыка! Я ужасно сожалею, что мои абонементные концерты будущего сезона уже подробно распределены, и я не могу его поместить в их программу, но на общедоступных я его непременно исполню. Его может сыграть только большой пианист ...вы, например. Я надеюсь, что вы согласитесь исполнить его зимой на общедоступном концерте, а через сезон и в абонементном, в Петербурге и Москве...»¹⁵.

Симфоническая картина «Сны» ор. 6, сыгранная затем Прокофьевым, показалась Кусевицкому сочинением менее интересными по музыке. Ее непременно надо издать, заметил дирижер, но сразу же сказал, что играть ее не станет. С другими партитурами композитора он обещал познакомиться позже. Не зная еще, что сочинения Прокофьева были отвергнуты РМИ, Кусевицкий выразил сожаление относительно предстоящего издания Первого фортепианного концерта у Юргенсона.

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому

27 февраля 1913, Петербург

Глубокоуважаемый Сергей Александрович

Позвольте еще раз выразить Вам мою самую живейшую благодарность за то доброе отношение, которое Вы выказали к моим сочинениям.

¹³ ПД-1. С. 115.

¹⁴ Имеется в виду Первый фортепианный концерт ор. 10.

¹⁵ ПД-1. С. 234.

Прошу Вас верить моему искреннему уважению и полнейшей преданности.

Сергей Прокофьев

Рукопись. Послано в Москву. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 1, ед. хр. 375.

Встреча Кусевицкого с 22-летним Прокофьевым положила начало более чем 30-летней дружбе музыкантов. В Петербург композитор возвращался с надеждой, что произведения его будут включены в планы РМИ и в программы «Конcertов С. Кусевицкого». Это было особенно важно Прокофьеву – в Петербурге двери ведущих концертных организаций оставались еще тогда для него закрытыми.

«Русские симфонические концерты» после смерти Митрофана Беляева становились все более консервативными. «...было, когда-то, передовое учреждение, а теперь – Митрофаньевское кладбище», – писал с присущей ему едкостью Прокофьев¹⁶. В «Конcertах А. Зилоти» исполнение Второго фортепианного концерта Прокофьева было в 1914 отклонено. Зилоти полагал, что композитор не нашел еще самого себя. «Неужели я так прыгаю во 2-м концерте от одной крайности к другой, что не найти моей физиономии? – вопрошал Прокофьев, имея в виду Зилоти и его «Конcertы», переполненные сочинениями французских композиторов. – Или же у него самого прыгает в глазах от чрезмерного обжорства пустозвучными французскими пряностями?»¹⁷.

С.С. Прокофьев – Российскому музыкальному издательству

8 апр[еля] 1913, Петербург

В Рос[сийское] Муз[ыкальное] Изд[ательство]

Препровождая при сем рукописи:

1/ Op. 15. Баллада для виол[ончели] и ф[орте]п[иано] и

¹⁶ Сергей Прокофьев – Николаю Мясковскому, 31 мая 1913, Вержолово. М-П. С. 105.

¹⁷ Сергей Прокофьев – Николаю Мясковскому, 10 апреля 1914, Петербург. Там же. С. 112.

2/ Ор. 7. «Сны» для орк[естра] (партитура и перелож[ение] для ф[орте]п[иано] в 4 руки), покорнейше прошу провести их через жюри и, если жюри найдет возможным, то издать их.

Сергей Прокофьев

Петербург. Первая рота, 4

Р.С. Ввиду того, что «Сны» во второй половине июня исполняются в Павловске, прошу не отказать выслать партитуру снов¹⁸ в первых числах июня А.П. Асланову, Павловск Спб губернии, вокзал.

Рукопись. Черновик. Послано в Москву. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 1, ед. хр. 427.

Париж

Дирижер Александр Петрович Асланов (1974-1960) руководил с 1909 Симфоническими концертами в Павловске под Петербургом. 3 августа 1912 в Петербурге Прокофьев играл здесь под управлением дирижера свой Первый фортепианный концерт вскоре после его московской премьеры (25 июля). 23 августа в их же исполнении прозвучала в Павловске мировая премьера Второго фортепианного концерта Прокофьева (первая редакция). Двенадцать лет спустя премьеру второй редакции Второго фортепианного концерта автор представит Париже под управлением Кусевицкого (8 мая 1924, Grand Opera).

¹⁸ Так у Прокофьева – с прописной буквы и без кавычек.

В мае 1917 во время волжского путешествия Прокофьева трое суток провели вместе с ним на пароходе супруги Аслановы – с женой дирижера, арфисткой, работал вместе в оркестре Большого театра Сергей Кусевицкий в бытность свою контрабасистом. С самим Аслановым Кусевицкий был дружен более полувека. В одно время учились они в Москве в Филармоническом училище, не раз выступали вместе – Асланов аккомпанировал ему – контрабасисту на рояле. Позднее пути их разошлись: Асланов уехал в провинцию и весь отдался работе оперного дирижера, Кусевицкий уехал в Германию учиться дирижированию. Эмигрировав из России в 1921, годом позднее Кусевицкого, Асланов не раз пользовался его рекомендательными письмами – сначала в Париже, затем в Америке. В марте 1946 Кусевицкий был в числе спонсоров концерта, данного Аслановым в честь 50-летия своей творческой деятельности.

Сергей Кусевицкий играет на контрабасе

Пересылая свои рукописи в РМИ, Прокофьев надеялся в этот раз на успех. «Если там не согласятся напечатать, то пошлю Юргенсону, – замечает он в дневнике; – если же согласятся, то тем лучше, так как, во-первых: я получу за «Сны» гонорар; во-вторых: сделают они это живо; в третьих: совсем мне не интересно слушать нытье

Юргенсона, что «Сны» ему принесут расходы, а «Балладу» лучше подождать...»¹⁹.

**Российское музыкальное издательство –
С.С.Прокофьеву**

9 апреля [1913, Москва]

Господину С. Прокофьеву, С. Петербург

М[илостивый] Г[осударь]

**Сим доводим до сведения Вашего, что Ваши
манускрипты**

Баллада для виолончели и ф[орте]п[иано]

**«Сны» для оркестра партитура и 4-х ручное
переложение для ф[орте]п[иано] мы получили.**

**О результатах постановления музыкального
совета мы Вас уведомим.**

**С совершеннейшим почтением, Российское
музыкальное издательство. Московская контора.**

Москва, 9 апреля 1913 г.

Рукопись. На бланке РМИ. Послано в Петербург. РГАЛИ,
ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 2, ед. хр. 527, л. 2.

Контакты Прокофьева с Кусевицким-издателем не наладились однако в одночасье. Дело было не в самом Кусевицком, а в Совете РМИ. Еще до учреждения издательства, находясь весной 1909 в Лондоне, Кусевицкий советовался с Петром Кропоткиным о целесообразности его коллегиального руководства с помощью Совета из нескольких авторитетных музыкантов. Кропоткин выразил тогда показавшееся Кусевицкому парадоксальным – по крайней мере из его уст – убеждение, что искусство не терпит демократии. И хотя в РМИ был все-таки создан Совет, конфликты между его членами не раз подтверждали впоследствии правоту известного революционера-анархиста.

Принять решение об издании сочинений Прокофьева, обойдя Совет РМИ, Кусевицкий не мог. В то же время, зная отношение Рахманинова и Метнера к «модернистам», не надеялся найти с их стороны поддержку прокофьевской музыке.

¹⁹ ПД-1. С. 258.

Н.Г. Струве – С.С. Прокофьеву
без даты [апрель – май 1913, Москва]

Милостивый Государь!

Мы отправляем Вам через нашу Московскую контору почтой Ваши манускрипты:

Ор. 7. «Сны» для оркестра (партитура)

Ор. 15. «Баллада» для виолончели и ф[орте]п[иано] и доводим до сведения Вашего, что совет не нашел возможным издать эти произведения.

С совершеннейшим почтением,

Российское музыкальное издательство

По доверению совета Н. Струве

Р.С. Совет интересуется Вашими дальнейшими сочинениями и просит присылать таковые издательству.

Машинопись с подписью от руки. Послано в Петербург.

РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 2, ед. хр. 527, л. 3.

На бланке РМИ.

Р.С. вписан Н. Струве от руки.

Сергей Рахманинов и Николай Струве. 1918, Копенгаген

Письмо Струве, вероятно, не застало Прокофьева в Петербурге – 30 мая он уехал вместе с матерью в Европу и после путешествия по Франции, Англии, Швейцарии и Германии и возвратился в Россию только 19 июля. Вежливая формулировка письма была, впрочем, хорошо знакома Прокофьеву. Достаточно вспомнить цитированные выше строки из адресованного ему в 1910 году письма Зилоти об отказе включить в программы своих концертов его «Сны».

Могло показаться, будто негласная антипрокофьевская коалиция существовала между Зилоти и Кусевицким!

Моральной компенсацией Прокофьеву сделалось письмо, полученное им в середине августа 1913 от Дирекции «Концертов С. Кусевицкого».

Дирекция «Концертов Сергея Кусевицкого» – С.С. Прокофьеву

16 августа 1913, Москва в Петербург, Измайловский полк Рота 4

Милостивый Государь,

Настоящим имеем честь предложить Вам принять участие в 7-м концерте 2-й серии «Симфонических утр по общедоступным ценам», имеющим быть в воскресенье 16 февраля 1914 г. В Москве в Большом зале Благородного собрания.

Исполнить просим Вас Ваш Концерт для ф-п. Гонорар за Ваше участие можем Вам предложить в размере 100 р. (ста рублей), при чем дорога за Ваш счет.

О Вашем согласии покорнейше просим Вас уведомить нас по возможности скорее (телеграммой).

В ожидании Вашего скорого ответа остаемся с совершенным почтением.

Дирекция Концертов Сергея Кусевицкого.

Заведующая дирекцией Л. Рыбникова

Машинопись. Послано в Петербург. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 1, ед. хр. 798, л. 1.

Подписавшая письмо Любовь Федоровна Рыбникова (1887-1956) была секретарем Концертного бюро Кусевицкого в Москве (с середины сезона 1910-1911), позднее – заведующей Дирекцией «Концертов С. Кусевицкого», она происходила из семьи известного харьковского адвоката, связанного с Кусевицкими по делам их имения Дергачи под Харьковом. С детства приобщенная к музыке, пианистка и педагог, она не обладала поначалу опытом концертного дела, но с годами сделалась его знатоком, а после отъезда Кусевицкого из России работала секретарем дирекции Персимфанса и инспектором оркестра Большого театра.

Предложенный Прокофьеву гонорар (100 рублей) был намного более низким, чем гонорар, который получали в те годы солисты в концертах ИРМО. «...доступ моим

сочинениям на концерты Кусевицкого открыт. Шикарно», – замечает тем не менее композитор²⁰.

С.С. Прокофьев – Дирекции «Концертов С. Кусевицкого»

21 августа 1913, Петербург

В Дирекцию концертов С. Кусевицкого

Принося Дирекции благодарность за оказанную мне честь приглашением участвовать в концерте 16 февраля 1914 – настоящим письмом подтверждаю телеграфированное мною согласие на мое участие и на предложенные мне условия²¹.

Извиняюсь за некоторое опоздание с ответом, произошедшее однако по вине неверно написанного адреса («4-я рота» вместо «1-я рота, 4»), вследствие чего я получил приглашение только сегодня.

С совершенным уважением имею честь быть покорнейшим слугою

Сергей Прокофьев

Рукопись. Послано в Москву. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 1, ед. хр. 375.

Осенью 1913 для выступлений в «Концертах С. Кусевицкого» Россию посетил Клод Дебюсси. Композитор дирижировал в Москве – 30 ноября (13 декабря) 1913 – два Ноктюрна: «Облака» и «Празднества» («Nuages», «Fêtes»), Первую рапсодию для кларнета и оркестра (Петр Бессмертнов), «Море» («La Mer»), «Послеполуденный отдых фавна» [Al'après midi d'un Faune], «Образы» («Жиги» и «Весенние хороводы») и Marche Ecossaise; в Петербурге – 28.11(11.12)1913 – ту же программу плюс Шотландский марш сыгранный вместо Marche Ecossaise.

«...журнал "Аполлон" приглашает к себе французского композитора, – записывает Прокофьев в дневнике. – Каратыгин приглашает меня сыграть мои сочинения»²².

²⁰ ПД-1. С. 341.

²¹ Телеграмма С. Прокофьева не обнаружена.

²² Сергей Прокофьев. Дневник. 1907-1933 (Часть первая). [Paris:] sprkfv, 2002. С. 379.

Прокофьев пытается воспользоваться приездом Кусевицкого в Петербург, для новой встречи с ним. Дозвониться до дирижера в гостиницу «Европейская» ему однако не удалось. 27 ноября композитор посещает концерт Оркестра Кусевицкого под управлением Дебюсси в Дворянском собрании. «Кусевицкий очень мило встретил меня, но просил показать ему мои новые произведения в его следующий приезд или когда я приеду в Москву. Я сказал, что еду в Москву послезавтра, но это его не устроило. Так пока ни на чем не порешили...»²³.

Встретив в фойе редактора «Аполлона» Сергея Маковского, Прокофьев был польщен его словами: «Мы все ждем Ваших сочинений! Вами очень заинтересован Дебюсси, ему Кусевицкий много про вас говорил, да и мы рекламировали вас как «compositeur russe qui a le plus de talent» [«самого талантливого русского композитора» (фр.)]»²⁴.

Чествование Дебюсси в редакции «Аполлона» состоялось на следующий день, 28 ноября. Прокофьев сыграл третий «Этюд» и «Легенду» – «...чуть волнуясь и заплетаясь пальцами <...>. Публика выслушала внимательно и одобрительно захлопала. Дебюсси встал, подошел и похвалил вещи и своеобразность техники. Николаев хвалил мое исполнение, Каратыгин – "Легенду", которая являлась новинкой. Кусевицкий не процедил ни слова, чем до некоторой степени разогорчил меня. Но супруга, почетно восседавшая одесную [справа; от слова *десница* – правая рука] от Клавдия Дебюсси, с готовностью мне аплодировала»²⁵.

С.С. Прокофьев – Дирекции «Концертов С. Кусевицкого»

22 декабря 1913, Петербург

²³ Там же. С. 380.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 381.

По получении Вашего уважаемого письма от 16 декабря с. г.²⁶ я обратился к печатающему мой Концерт издательству П. Юргенсона, которое и взяло на себя войти в непосредственное отношение с дирекцией и доставить нотный материал Концерта к необходимому времени.

С совершеннейшим уважением,

Сергей Прокофьев

Рукопись. Послано в Москву. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 1, ед. хр. 375.

В январе-феврале 1914 Прокофьев усиленно занимается на рояле – программой своего выпускного концерта в Петербургской консерватории и Первым фортепианным концертом. Премьера Первого концерта состоялась еще два года назад, а теперь в дневнике композитора появляется характерная запись: «Учил 1-й Концерт. Хорошо, что его еще не награвировали – пришел в голову целый ряд переделок. Все-таки как с течением времени вырастаешь из пьесы и начинаешь видеть ее недостатки!»²⁷.

Партитура и авторское переложение Первого фортепианного концерта ор. 10 будут изданы в 1914 Юргенсоном²⁸.

С.С. Прокофьев – Дирекции «Концертов С. Кусевицкого»

3 февраля 1914, Петербург

В Москву

В Дирекцию концертов С. Кусевицкого

Покорнейше прошу Дирекцию не отказать сообщить мне на какие дни назначены репетиции концерта 16-го февраля, а также день, с которого потребуется мое присутствие.

С совершенным уважением

Сергей Прокофьев

²⁶ Это письмо Дирекции «Концертов С. Кусевицкого» не обнаружено.

²⁷ ПД-1. С. 407.

²⁸ Указания на издание Первого фортепианного концерта в 1913 у С. Шлифштейна (См.: МДВ. С. 373) ошибочно.

Р.С. Для меня представляется наиболее удобным приехать в Москву 14-го утром или 13-го.

Рукопись. Послано в Москву. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 1, ед. хр. 375.

Перед предстоящим выступлением в Москве у Кусевицкого Прокофьев заметно волнуется. «Вечером, когда я лег спать, мне с ужасом представилось, что моя программа еще не готова, Концерт для Кусевицкого не выучен <...>, я даже вскочил с постели и должен был пить воду»²⁹. Репетиции с соучеником по консерватории дирижером Владимиром Дранишниковым успокаивают его. «Концерт выходит у меня довольно шикарно, а на Дранишникова производит прямо ошеломляющее впечатление»³⁰.

Дирекция «Конcertов Сергея Кусевицкого» – С.С. Прокофьеву

6 февраля 1914, Москва

В ответ на Ваше письмо от 3 сего февраля сообщаем Вам, что в настоящее время еще не выяснено точное время репетиции к концерту 16-го сего февраля, а в виду этого покорнейше просим Вас по Вашем приезде в Москву, не позже 14-го утра, позвонить по телефону 196-00, к инспектору оркестра С. Кусевицкого Михаилу Иннокентьевичу Табакову, который сообщит Вам точное время и место репетиции.

Кроме того, покорнейше просим Вас поторопить Юргенсона присылкой нам струнных партий Вашего концерта, которые необходимы нам не позднее 12-го сего февраля.

Просим Вас также прислать нам Вашу краткую биографию (по возможности скорее).

С совершенным почтением,

Дирекция «Конcertов Сергея Кусевицкого».

Заведующая дирекцией Л. Рыбникова

Машинопись. Послано в Петербург. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 1, ед. хр. 798, л. 2.

²⁹ ПД-1. С. 409.

³⁰ Там же.

Как раз в этот день, 12 февраля, накануне своего отъезда в Москву, Прокофьев встречается в Петербурге с Кусевицким после проведенной дирижером петербургской премьеры «Весны священной» Стравинского.

В Москве все складывалось поначалу для Прокофьева не лучшим образом – явно не хватало репетиционного времени, Юргенсон не успел награвировать партитуру его Концерта, в рукописных партиях оказалось немало ошибок. С дирижером Александром Орловым, с которым Прокофьеву предстояло дебютировать в «Концертах С. Кусевицкого», он познакомился в Москве еще год назад. Репетиция с ним – единственная – немного успокоила его волнение, но перед началом концерта он снова чувствовал себя не уверенно. «Я не вполне был уверен в аккомпанементе и не играл свободно, – записал композитор. – <...>. Успех был значительный, меня несколько раз вызывали и я трижды играл на bis...»³¹. Позднее он заметит, что играл «...довольно плохо», а дирижер Орлов аккомпанировал «средне»³². Но так или иначе, «Концерты С. Кусевицкого» опередили «Концерты А. Зилоти» с первым представлением слушателям Прокофьева, как это было прежде и с первым исполнением музыки Скрябина у Зилоти.

В программах «Концертов А. Зилоти» в Петербурге сочинения Сергея Прокофьева появятся только осенью 1915³³. Правда в «Концертах А. Зилоти» Прокофьев проведет в 1916 премьеру своей «Скифской сюиты» («Ала и Лоллий») ор. 20 (16 [29] января) и второй редакции эскиза «Осеннее» ор. 8 (8 [21] октября). Как справедливо заметит Николай Андреевич Малько (1883-1961), Зилоти «...иногда шел наперекор своему личному вкусу, если чувствовал в

³¹ Там же. С.С. 414, 415.

³² Сергей Прокофьев. Надпись на статье Болеслава Яворского «Сергей Прокофьев, ор. 10. 1-й концерт для фортепиано с оркестром», опубликованной в журнале «Музыка» 1914, 15 февраля, № 169, с. 156, 157. – ГЦММК, ф. 3 [В.В. и Е.В. Держановские], № 2067.

³³ 24 октября 1915 под управлением автора прозвучит его Симфониетта ор. 5.

чем-либо значительный интерес или особенно сенсацию. Так было с Прокофьевым, к музыке которого тогда Зилоти относился с отвращением, но давал Прокофьеву место в программах...»³⁴. Кусевицкий, напротив, сразу же загорелся желанием исполнить и издать сделанную композитором на основе этого балета партитуру «Скифской сюиты».

Перспектива исполнения «Скифской сюиты», анонсированной уже в программах «Концертов С. Кусевицкого» делалась все более сомнительной, так как Оркестр Кусевицкого терял все новых и новых призываемых на войну музыкантов. Подтвердились и его сомнения относительно возможности получить одобрение музыки Прокофьева от Совета РМИ. «...Рахманинов решительно, со всей силой своего авторитета выступил против принятия этой, по его мнению, варварской, новаторски дерзкой, нарочито какофонической музыки», – вспоминал Александр Оссовский обсуждение Советом «Скифской сюиты» в 1915³⁵. Рахманинова поддержал Николай Карлович Метнер, чье отношение к музыке Прокофьева было стабильно негативным.

Хотя большинство голосов в Совете оставалось на стороне Прокофьева («за» голосовали Оссовский, Александр Федорович Гедике и сам Кусевицкий), пойти против Рахманинова и Метнера Кусевицкий не мог. Это означало бы поставить себя, как владельца издательства, выше наиболее авторитетных членов его Совета и испортить всякие с ними отношения. Жизнь, как это нередко случается, подсказала однако издателю другое решение.

Первая мировая война разгоралась. Антинемецкие настроения накалялись в России с каждым днем. 28 мая 1915 группа оголтелых, националистически настроенных молодчиков разгромила в Москве ряд магазинов и контор,

³⁴ Николай Малько. Задачи филармонии. В кн.: Павел Кристи. Десять лет симфонической музыки. Ленинград: Издание Государственной Академической Филармонии, 1928. С. 6.

³⁵ Александр Оссовский. С.В. Рахманинов. В кн.: Воспоминания о Рахманинове. Составление, редакция, комментарии и предисловие З. Апелян. Москва: «Музыка», 1973. Том 1. С. 383.

владельцами которых были немцы и австрийцы. Сразу же после разгрома своего магазина на Кузнецком мосту, по соседству с магазином РМИ, Карл Гутхейль – сын основателя фирмы Александра Гутхейля – обратился к Кусевицкому с предложением купить его фирму, которая считалась одним из крупнейших в России музыкальных издательств. Кусевицкого не остановили ни неопределённость общественно-политического и экономического положения России в годы войны, ни названная Гутхейлем цена. Издательство было приобретено им за 200 000 рублей золотом.

Приоритетной задачей всей издательской деятельности Кусевицкого всегда оставалась пропаганда творчества современных русских авторов. Подобная ориентация шла вразрез с какими бы то ни было коммерческими интересами. Как напишет позднее Любовь Рыбникова, при всей убыточности концертного предприятия Кусевицких, оно стоило им «...сущие пустяки по сравнению с Российским музыкальным издательством, куда было вложено несколько миллионов и кроме того ежегодно вносились колоссальные суммы»³⁶.

Прокофьев, как и три года назад, продолжал надеяться на возможность издания своих сочинений Кусевицким. И как и тогда, уповал на посредничество Оссовского. «С нетерпением жду, когда получу деньги от Зилоти за концерт или от РМИ, если Оссовский сладит дельце, – записывает он в Дневнике 28 января 1916. – О, какая фаланга хлынет у меня тогда в издательство! 2-й Концерт, «Симфоньетта», «Сны», «Осеннее», «Скифская сюита», «Утенок», семь романсов, следом: «Игрок», «Магдалена» и балет. Недурно!»³⁷. 10 февраля добавляет: «Я теперь определенно и очень горячо хочу туда попасть. Очень уж приятно двинуть в печать всю мою фалангу»³⁸.

³⁶ Любовь Рыбникова. Из воспоминаний. Машинопись. – ГЦММК, ф. 303 [С.А. Кусевицкий], ед. хр. 76. С. 7.

³⁷ ПД-1. С. 584.

³⁸ ПД-1. С. 588.

Проходят еще две недели. На вечере у Николая Николаевича Черепнина Прокофьев встречает Оссовского. Только что вернувшись из Москвы, он ничего однако не говорит ему об РМИ. «Раз не говорит – значит сражение проиграно, – сетует композитор. – Вот тебе и "фаланга"»³⁹. Узнав вскоре от друзей, что после московского исполнения сказки для голоса и фортепиано «Гадкий утенок» (по Г.Х. Андерсену) ор. 18 Кусевицкий сказал: «Я потрясен», Прокофьев пишет: «Я смеялся и отвечал, что когда я сыграл ему мой 1-й Концерт, он был не только потрясен, но в «экста-ти-че-ском состоянии», что однако ему не помешало отрицать в дальнейшем мою музыку (и в самом деле, с тех пор он как в воду канул по отношению ко мне)!»⁴⁰.

21 и 23 марта 1916 Прокофьев слушал в Петербурге очередные концерты Оркестра Кусевицкого. Они встретились 24 марта на вечере у Петра Сувчинского. «От Кусевицкого я держался в стороне», – пишет Прокофьев⁴¹. Кусевицкий однако сам подошел к нему и спросил: «Ну кто же у меня в будущем году будет дирижировать «Алой и Лоллием» – вы или я?»⁴², на что композитор ответил уклончиво, что, быть может, ему было бы лучше послушать свое произведение из зала.

Через несколько дней, 29 марта 1916, Прокофьев узнает о благожелательном к себе отношении Кусевицкого. Узнает от Александра Зилоти, что достаточно парадоксально при той конкуренции, которая существовала между концертными организациями Кусевицкого и Зилоти. «Он сказал, – пишет Прокофьев, – что Кусевицкий крайне заинтересован издавать меня, что поднятый на заседании жюри вопрос Оссовским был отложен ввиду недостаточного ознакомления членов жюри с моими последними произведениями»⁴³.

³⁹ ПД-1. С. 592.

⁴⁰ ПД-1. С. 590.

⁴¹ ПД-1. С. 601.

⁴² ПД-1. С. 602.

⁴³ ПД-1. С. 603.

Зилоти сообщил кроме того композитору, что даже в случае несогласия членов Совета РМИ публиковать сочинения Прокофьева, Кусевицкий намерен сделать это в недавно приобретенном им издательстве «Гутхейль». Тем самым проявился интерес Кусевицкого к исполнению «Алы и Лоллия», цель которого заключалась, как писал Прокофьев, в «ознакомлении жюри с моею последней физиономией»⁴⁴.

8(21) октября 1916 Кусевицкий присутствовал в Петрограде на премьере симфонического эскиза Прокофьева «Осеннее». Еще пять лет назад это сочинение прозвучало впервые в Москве под управлением Александра Метнера, брата композитора Николая Метнера. Но тогда Кусевицкий музыки этой не слышал. Теперь же, сделав вторую редакцию партитуры, Прокофьев встал за пульт сам. «"Осеннее" было сыграно недурно и даже имело успех. В специальном восторге были Коутс и неожиданно приехавший Кусевицкий. Оба, кроме того, хвалили меня за дирижирование, да не просто снисходительно, а очень горячо», – записал композитор в дневнике⁴⁵.

На следующий день Кусевицкий сказал Прокофьеву, что не сумеет исполнить «Алу и Лоллия» из-за того, что многие артисты его оркестра призваны на фронт, но намерен издавать его сочинения в «А. Гутхейле». «Я этого приглашения ждал и хотел, да оно и не могло не случиться», – пишет самоуверенный композитор⁴⁶.

Судьбе угодно было столкнуть 29 октября 1916 в Петрограде в программе «Концертов А. Зилоти» Второй концерт Рахманинова в исполнении автора и проведенную Прокофьевым премьеру «Скифской сюиты». Как сообщил потом Прокофьеву Зилоти, Рахманинов «...одобрил яркую инструментовку, мое дирижирование, даже много мест в сюите, находя, что параллельно с этим много «музыкального гримасничества» и такого, что он не может слышать, но что все же это очень талантливо и что надо печатать у

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ПД-1. С. 620.

⁴⁶ Там же.

Кусевицкого. Оказалось, что, хотя Кусевицкий и приписывает меня в свое Гутхейлевское отделение, Рахманинов и тут состоял в жюри (Кусевицкий, Рахманинов и Струве), был до сегодняшнего дня в оппозиции, и лишь теперь сказал "да"⁴⁷.

Партитура «Скифской сюиты» будет опубликована в «А. Гутхейле» в 1923. Исполнить сюиту в России Кусевицкому так и не придется. В 1921 он продирижирует ее в Париже. В Москве же сюита прозвучит впервые в программе Персимфанса, которым руководил концертмейстер бывшего Оркестра Кусевицкого Лев Моисеевич Цейтлин (1881-1952) и в составе которого играли многие участники этого оркестра.

Уже через несколько дней после встречи с Сергеем Рахманиновым в Петрограде Прокофьев получает письмо от директора РМИ Николая Густавовича Струве.

Н.Г. Струве – С.С. Прокофьеву

31 октября 1916, Москва

Милостивый государь Сергей Сергеевич,

Сергей Александрович Кусевицкий говорил с Вами по поводу издания Ваших произведений фирмой «А. Гутхейль, Москва», и Вы изъявили желание вступить с ним в переговоры по этому поводу.

Полагая, что для выяснения вопросов, связанных с этим, удобнее всего было бы переговорить с Вами лично, мы просим Вас сообщить нам, не собираетесь ли Вы в ближайшее время в Москву. Если Вы не предполагаете этого, Вы, м[ожет] б[ыть], будете любезны уведомить нас, какие сочинения у Вас имеются в настоящее время для издания и, приблизительно, на каких условиях Вы передавали Ваши авторские права издателю.

С музыкально-издательской деятельностью «Рос[сийского] муз[ыкального] изд[ательства]» и перешедшей к нам фирмы «А. Гутхейль» Вы, вероятно, уже знакомы. Война, к сожалению, сильно подорвала ее,

⁴⁷ ПД-1. С.С. 622,623.

создала чрезвычайно неблагоприятные условия для работы.

В ожидании Вашего ответа

С совершеннейшим почтением,

По дов[ерению] Н. Струве

Рукопись. На бланке: «Magasin et Depot de l'Édition Russe de Music. Moscou – Petrograd». Послано в Петроград. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 2, ед. хр. 527, л. 4.

Какой разительный контраст с тоном писем, которые Прокофьев получал из РМИ ещё три года назад! Кусевичкий готов был к переговорам о долгосрочном сотрудничестве с Прокофьевым даже вопреки тому, что Первая мировая война существенно подорвала деятельность РМИ. Композитор тотчас же ответил согласием.

С.С. Прокофьев – Н.Г. Струве

6 ноября 1916, [Петроград]

Милостивый государь Николай Густавович,

Настоящим подтверждаю, что Ваше крайне для меня интересное письмо я получил.

Сочинений, готовых к изданию, я имею весьма значительное количество, но вполне оценивая Ваше указание на неблагоприятность нынешних условий для работы, назову лишь некоторые⁴⁸: 2-ой ф[ортепианный] концерт (б[ыть] м[ожет], пока лишь клавиры, хотя партитура довольно прозрачна); вокальная сказка «Гадкий утенок» (около 20 печ[атных] стр[аниц]), романсы: ор. 9 (два), ор. 23 (пять) и ор. 27 (пять). Далее весьма важным вопросом для меня является издание к сентябрю 1917 года клавира четырехактной оперы «Игрок», рукопись которого я могу представить после постановки оперы Мариинским театром, т[о] е[сть] весной 1917 [года]. Авторские условия я имею в виду те, которые заключены со Стравинским.

До 15 ноября я остаюсь в Петрограде, 18 играю в Киеве, 20-21 могу быть в Москве для переговоров.

⁴⁸ Первоначально написано и вычеркнуто Прокофьевым: «укажу лишь на...»

Прошу Вас верить глубочайшему моему уважению

Сергей Прокофьев

Петроград, 1-ая рота, 4.

Рукопись. Черновик. Послано в Москву. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 2, ед. хр. 278.

Из сочинений Стравинского РМИ опубликовало к этому времени партитуру балета «Петрушка», авторский 4-ручный клавир балета «Весна священная», клавир оперы «Соловей» и несколько романсов. Условий его контракта РМИ Прокофьев, естественно, знать не мог, но запрашивал – сразу же! – аналогичные условия для себя. Будучи на девять лет моложе Стравинского, он словно пытался сократить эту возрастную разницу. Его Первый фортепианный концерт (1912) появился всего годом спустя «Петрушки», «Скифская сюита» (1914) – лишь на год позднее «Весны священной». Имя автора «Жар Птицы» было тем не менее овеяно уже славой, когда Прокофьев писал лишь свой симфонический эскиз «Осеннее», и даже к 1914 мало кому дано было понять, каким чудесным лебедем русской музыки обернется вскоре автор «Гадкого утёнка».

Н.Г. Струве – С.С. Прокофьеву

13 ноября 1916, Москва

Милостивый государь Сергей Сергеевич,

Ваше письмо я получил и благодарю. Простите, что запаздываю с ответом, но только сегодня я выяснил, буду ли я в Москве в 20-х числах с[его] [месяца].

Я уезжаю на несколько дней и вернусь 19-го. По приезде в Москву будьте любезны протелефонировать в Магазин РМИ (217-07) и вызвать заведующего Федора Ивановича Гришина, с которым переговорите, в какое время мы можем с Вами увидеться.

Личные переговоры в виду серьезности вопроса я считаю безусловно весьма желательными.

С пожеланиями Вам всего лучшего и искр[енним] уважением к Вам,

Н. Струве

Рукопись. Послано в Петроград. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 2, ед. хр. 527, л. 5-6.

Встреча Прокофьева со Струве и Кусевицким состоялась в Москве в 20-х числах ноября 1916 и оказалась на редкость продуктивной. «Со Струве, заведующим издательством Кусевицкого, очень обходительным господином башенной величины, мы разговаривали в первый день с одиннадцати часов вечера до часа ночи, а на другой день с трех часов до десяти, причем у меня дважды заболела голова, а один раз я даже удрал на двадцать минут погулять. Он мне показал почти все последние издания, выказал массу любви к своему делу и в конце концов, обедая в "Праге", мы почти договорились. Условия ничего, но маловат процент. <...> По окончании войны он надеется перевести меня в РМИ и, может быть, даже с вещами, изданными у Гутхейля»⁴⁹.

Речь на встрече со Струве шла о публикации нескольких сочинений Прокофьева, включая только что завершённую им и готовившуюся к постановке в Мариинском театре оперу «Игрок».

Федор Иванович Гришин работал управляющим Московской конторой РМИ и был приглашен Кусевицким на эту должность по совету Рахманинова, которому удалось уговорить братьев Бориса и Григория Юргенсонов отпустить главного продавца их московского магазина. Стремясь, чтобы РМИ и после национализации РМИ (1919) оно оставалось верным служению русской музыке, Кусевицкий сумел сохранить в нём Гришина. Именно благодаря ему сбережен будет после эмиграции Прокофьева из России его чемодан с рукописями и дневниками. «Чемодан Ваш <...> не был взломан, – напишет Прокофьеву Мясковский, – так как Фёдор Иванович Гришин, под чьим бдительным оком он до сих пор хранился, дал нам ключ, которым и открыл чемодан...»⁵⁰. Позднее Гришин заведовал нотницей Государственного музыкального издательства.

⁴⁹ ПД-1. С.С. 625,626.

⁵⁰ Николай Мясковский – Сергею Прокофьеву, 12 августа 1923, Москва. М-П. С. 168.

С.С. Прокофьев – Н.Г. Струве

8 дек[абря] 1916, [Петроград]

Н.Г. Струве в Москву

Глубокоуважаемый Николай Густавович,

Я обдумал намеченные Вами условия и пришел к заключению, что предложенные Вами 10 % со второго издания являются не вполне соответствующими моим желаниям. Приняв однако к сведению «беспроцентное» (если можно так выразиться) направление издания Гутхейля, я не хочу возражать против 10 %, но должен внести поправки в намеченную нами таблицу гонораров. Именно: исключить из рубрики романсов и ф[ортепиан]ных пьес цифру 100, оставив только 200; исключить из рубрики сонат и трио и пр[очее] цифру 300, оставив только 400 и 500; считать «Игрока» в качестве большой оперы по наивысшей расценке, т[о] е[сть] 5 000.

В случае Вашего согласия на означенные поправки прошу Вас сообщить, удалось ли Вам выяснить вопрос об издании клавира «Игрока» и уплаты гонорара в продолжении 1917 года.

Приношу Вам мои приветствия и благодарность за столь любезный прием в Москве.

Искренне уважающий Вас

Сергей Прокофьев

Рукопись. Черновик. Послано в Москву. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 2, ед. хр. 278.

Не все пожелания Прокофьева оказались исполненными Струве. В новом письме из РМИ излагались «окончательные условия» контракта.

Н.Г. Струве – С.С. Прокофьеву

17 декабря 1916, Москва

Глубокоуважаемый Сергей Сергеевич!

Ваше письмо от 8 дек[абря] мною получено. Благодарю Вас и спешу уведомить, что после всестороннего обсуждения всех деталей вопроса издания Ваших сочинений фирмой Гутхейль, мы нашли возможным сделать Вам окончательно нижеследующие предложения. Мы выплачиваем Вам гонорары в таких пределах:

1/ За сочин[ения] для разных INSTR[УМЕНТОВ], романсы и т. д. – от 100-200 р[ублей].

2/ За кам[ерные] сочин[ения] (сонаты, трио, кварт[еты] и т. д.) – от 400-500 р[ублей].

3/ За симфон[ические] произв[едения] (симф[онии], сюиты, фанта[зии] и т. д. – от 400-1 000 р[ублей].

4/ За концерты для разных инструментов – от 400-800 р[ублей].

5/ За балеты и оперы – от 2 000-3 000 р[ублей].

Мы оставляем за вами право пользоваться со всех проданных фирмой изданных ею сочинений Ваших 10 % с продаж[ной] цены экземпляра, со второго издания начиная.

Вами сохраняется полностью право исполнения сочинений (заграничные издатели большей частью сохраняют это право за собой или пользуются им частично) и половину прав на передачу произведений на всякого рода механическ[ие] инструменты.

Таким образом, за «Игрока» мы можем уплатить Вам 3 000 руб[лей].

Издание клавира можно, я надеюсь, начать весной 1917 г[ода] и в течение того же года выпустить, конечно, только если условия печати и издательской деятельности в связи с войной не изменятся, не ухудшатся. Гонорар будет выплачен также в 1917 г[оду].

Имеющиеся у Вас 10 романсов (ор. 9, 18, 23 и 27)⁵¹ мы можем принять и начать гравировать сейчас же. Гонорар за них может быть выплачен Вам полностью по высылке манускриптов.

В ожидании Вашего ответа с сердечным желанием Вам всего лучшего.

Искренне уважающий Вас Н. Струве.

Рукопись. Послано в Петроград. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 3, ед. хр. 527, л. 7-7об.

⁵¹ Описка Струве – сумма романсов этих четырех опусов Прокофьева – не 10, а 13.

С.С. Прокофьев – Н.Г. Струве

21 дек[абря] 1916, Петр[оград]

Н.Г. Струве в Москву

Глубокоуважаемый Николай Густавович,

Ваше письмо от 17 декабря я получил, подробно изучил и принял все пункты за исключением одного. Кроме того пункт первый (о пьесах и романах) я хотел бы формулировать несколько подробнее, а именно: гонорар в 100 руб[лей] уплачивается за пьесы и романсы, музыка коих занимает 1-2 печатных страницы (сюда относятся ор. 22 целиком и бóльшая часть ор. 27); за пьесы и романсы, начиная от 3 страниц и выше – 200 рублей.

Протестовать же я вынужден против пункта, соединяющего в одну категорию оперы и балеты, т[ак] к[ак] такое соединение я считаю несправедливым. Во-первых, потому, что современные балеты имеют объем втрое и лишь изредка вдвое меньший по сравнению с оперой; во-вторых, потому, что арена для исполнения балета несравненно уже, чем для оперы, ограничиваясь антрепризой Дягилева и воскресными днями российских императорских театров, причем оба предприятия взаимно друг друга исключают. Вспомним, что балеты Стравинского исполняются одной только антрепризой Дягилева, тогда как его же «Соловей» перед войной был принят к постановке в Париже (Opera Comique), Берлине, Петрограде и даже Москве, следовательно, невзирая на бóльшую свою музыкальную недоступность по сравнению с балетами, [опера,] имеет в будущем перспективы на значительно более интересное распространение, нежели они. И дело тут не в дягилевском veto, а в немногочисленности балетных организаций⁵².

⁵² Эта пространная фраза вписана Прокофьевым вместо вычеркнутого предложения: «Вспомним, что Соловей перед войной был принят в Париже (Opera Comique), Берлине, Петрограде и даже Москве, а балеты того же автора ограничиваются антрепризой Дягилева».

Кроме того, независимо от вопросов справедливости, я должен считать фиксированный Вами оперный гонорар архаически-преуменьшенным и самым категорически образом против него протестовать. Быть может, вы со свойственной вам благожелательной любезностью, найдете возможным пересмотреть этот пункт, который я, к величайшему моему огорчению, лишен возможности принять.

Прошу Вас принять мое сердечное приветствие и верить моему глубочайшему уважению

Сергей Прокофьев.

Рукопись. Черновик. Послано в Москву. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 2, ед. хр. 278.

Скрупулезность, с которой обсуждал свои контракты с издателями Стравинский, основывалась, как подмечали публикаторы его писем, на юридическом образовании, полученном им в Петербургском университете. Прокофьев такого образования не получил, однако в тщательности обсуждения каждого контракта не уступал Стравинскому.

5(18) февраля 1917 в Москве состоялся авторский концерт Прокофьева, на котором присутствовала, по его словам, «вся музыкальная Москва»⁵³. Впрочем, не только музыкальная. Наряду с Рахманиновым, Метнером, Кусевицким, Купером, Ниной Кошиц, Игумновым, Боровским, Сувчинским, Асафьевым, в зале были Бальмонт и Маяковский. Рахманинов сидел, по словам Прокофьева, «неподвижный, как изваяние Будды»⁵⁴. Метнер воскликнул после этого концерта: «Если это музыка, то я не музыкант»⁵⁵.

Воспользовавшись пребыванием в Москве, Прокофьев передал Струве для издания в «А. Гутхейле» сказку «Гадкий утенок». Оркестр Кусевицкого уже не существовал, все концертные планы Прокофьева связывались теперь с Зилоти. После того, как в мае 1917 Кусевицкий был назначен директором бывшего

⁵³ ПД-1. С. 637.

⁵⁴ Там же. С. 638.

⁵⁵ Сергей Прокофьев. Автобиография. В кн.: МДВ. С. 158.

Придворного оркестра, композитор часто встречается с ним в Петрограде. В связи с тревожным положением на фронтах он доверяет Кусевицкому для хранения в РМИ чемодан с рукописями своих сочинений, письмами, тетрадями дневника.

Проведя часть 1917 и начало 1918 на Кавказе, Прокофьев твердо решает уехать в Америку. Один за другим отпадают предполагавшиеся поначалу варианты поездки через Сербию или Константинополь, и он останавливается в конце концов на маршруте через Владивосток и Японию. «Лишь бы получить пять тысяч от издательства, да несколько рекомендаций, например, от Шляпина, Бальмонта и Кусевицкого», – записывает он⁵⁶.

Сергей Прокофьев, 1918

Время подтвердило опасения, выраженные полтора года назад в письме Струве: война и революция изменили не только условия для издательской деятельности, но и всю жизнь страны. Тем не менее в 1917-1918 Кусевицким были изданы Два стихотворения для голоса с фортепиано ор. 9, «Гадкий утенок» ор. 18, Двадцать фортепианных пьес «Мимолетности» ор. 22, Пять стихотворений для голоса с фортепиано ор. 23, Пять стихотворений Анны Ахматовой для голоса с фортепиано ор. 27, Третья ор. 28 и Четвертая

⁵⁶ ПД-1. С. 687.

ор. 29 фортепианные сонаты. Последние две вышли из печати под маркой «А. Гутхейля» уже после того, как в 1918 Советами было национализировано РМИ.

В начале марта 1918 Прокофьев получает от Кусевицкого 500 рублей – аванс за Четвертую фортепианную сонату. В том же месяце композитор играет в московском особняке Кусевицкого отрывки из только что написанной кантаты «Семеро их» ор. 30⁵⁷. Играет сначала одному дирижеру («...несмотря на голод, очень комфортабельно»⁵⁸), а через несколько дней ему и Константину Дмитриевичу Бальмонту (1867-1942), на чьи стихи сочинялась кантата. Прокофьев познакомился с поэтом 5 февраля 1916 в Петербурге в доме дирижера Алберта Коутса. Он был уже к тому времени автором двух романсов на стихи поэта в том числе «Есть иные планеты».

«Свет не видел такой партитуры», – воскликнул, услышав «Семеро их» Кусевицкий⁵⁹, а после ухода Прокофьева сказал Бальмонту: «Вы знаете, по богатству и оригинальности оркестровки, сейчас нет на всем земном шаре такой блестящей музыкальной фантазии»⁶⁰. Трудно было предположить тогда, что партитура эта многие годы будет ждать и свой премьеры, и публикации.

На следующий день Кусевицкий вручает композитору 6 000 рублей под будущее издание «Скифской сюиты», балета «Шут» и оперы «Игрок».... «...а впредь, чем дальше, тем больше будете получать», – провидчески говорит он ему⁶¹. Как и в разгар Первой мировой войны, когда Кусевицкий приобрел издательство «А. Гутхейль», поступок его снова свидетельствовал о присущем ему

⁵⁷ Хотя Прокофьев и протестовал против того, чтобы именовать эту партитуру кантатой, о чем писал Мясковскому еще в 1926 году, собственное его жанровое определение партитуры как заклинания так и не прижилось ни в музыкознании, ни в концертной практике.

⁵⁸ ПД-1 С. 690.

⁵⁹ Там же. С. 691.

⁶⁰ Мстислав [Константин Бальмонт]. Константин Бальмонт и Сергей Прокофьев. – «Сегодня», 13 февраля 1927.

⁶¹ ПД-1. С. 691.

неиссякаемом оптимизме. Простим Прокофьеву его сардоничность, с которой он напишет позднее, что со стороны Кусевицкого «...был тут и широкий жест, но также коммерческий расчет: рубль быстро обесценивался, в керенки никто не верил, мои же сочинения могли сохранить свою ценность»⁶².

8(21) апреля 1918 Прокофьев выступает в Петрограде со своей «Классической симфонией» во главе Государственного оркестра. Прошел год после вступления Кусевицкого в должность его директора. Проводив 19 музыкантов на пенсию, он провел в коллективе конкурс на все вакансии. «...я боялся, что при исполнении моих новых вещей будут скандалы с "революционным оркестром", – пишет Прокофьев, – но вышло как раз наоборот: государственный оркестр, обновленный молодежью, гибок и послушен, и симфонию играли с чрезвычайным удовольствием»⁶³.

Об отношении к революционным событиям в дневнике Прокофьева сказано недвусмысленно: «Я не контрреволюционер и не революционер и не стою ни на той стороне, ни на другой»⁶⁴. На слова Анатолия Васильевича Луначарского «Оставайтесь, зачем вам ехать в Америку», он отвечал: «Я проработал год, а теперь хочу глотнуть свежего воздуха»⁶⁵. 24 апреля (7 мая) 1918 Прокофьев выезжает транссибирским экспрессом из Москвы во Владивосток. Решения своего композитор не меняет даже после подтверждения Мариинском театром, что в будущем сезоне состоится постановка оперы «Игрок», которую он с таким нетерпением ждал, даже, зная, что в Сибири бушуют бои гражданской войны. Позже в дневнике его появится запись: «...чехословаки захватили сибирскую линию от Томска до Самары и в борьбе с большевиками. Я проскочил с последним поездом <...> Я проскочил феерически»⁶⁶.

⁶² Сергей Прокофьев. Автобиография. Цит. по кн.: МДВ. С. 161.

⁶³ ПД-1. С. 695.

⁶⁴ Там же. С. 669.

⁶⁵ Там же. С. 696.

⁶⁶ Там же. С. 711.

С отъездом Прокофьева из России творческие контакты между ним и Кусевицким прервались и возобновятся после эмиграции Кусевицкого два года спустя. В декабре 1917 Кусевицкий провожал покидавшего Россию Рахманинова. Известно ему было и о намерении Прокофьева ехать в Америку – он снабдил даже его рекомендательным письмом к виолончелисту и дирижеру, выпускнику Московской консерватории Модесту Исааковичу Альтшуллеру (1873-1963), который с 1895 жил в Америке, где основал в 1903 возглавленный им Русский симфонический оркестр. Сам Кусевицкий не был однако готов последовать их примеру.

Сразу после большевистского переворота в прессе появилось открытое письмо Кусевицкого, в котором он заявил, что «...ни о каком "контакте" между мной и фактической новой властью не может быть и речи; наряду со всеми сознательными гражданами, я подчиняюсь только тому правительству, которое будет установлено Учредительным Собранием. <...> Что касается концертов, то я продолжаю давать их, разумеется, не во имя утверждения воцарившегося у нас режима грубейшего произвола и насилия, а во имя тех избранных, чутких представителей нашего исстрадавшегося общества, для которых музыка – то же, что хлеб насущный, и которые в стихии искусства ищут хотя бы кратковременного отдыха от захватившей нас отвратительной стихии зверства и хамства»⁶⁷.

Подобно многим деятелям российской интеллигенции, Кусевицкий воспринимал революцию прежде всего сквозь призму культуры и культурной политики государства. Выдвигавшиеся советской властью идеи свободы творчества, демократии как принципа руководства культурой, приближения его к народу полностью отвечали устремлениям дирижера. Никогда прежде не имела музыка столь широкой и столь жадно внимающей ей аудитории. Все это вселяло в Кусевицкого

⁶⁷ Сергей Кусевицкий. Письмо в редакцию. // «Полночь» (Петроград), 23 ноября 1917.

надежду на возможность сделать много полезного на ниве музыкального просветительства. В первые послереволюционные годы он много дирижировал в Петрограде и Москве, сделался главным дирижером Большого театра, оказался вовлеченным в интенсивную музыкально-общественную деятельность.

С каждым днем осознавал однако Кусевицкий, что лозунги советской власти остаются лишь красивыми словами, что обостряется ее наступление на интеллигенцию. Это и привело его к решению покинуть Россию. Концерты скрябинского цикла оказались последними выступлениями дирижера в Москве, с Петроградом он прощался Девятой симфонией Бетховена. Закрывающая ее «Ода радости» замкнула собой русский период творчества Кусевицкого.

Прощение Кусевицкого о поездке за границу для лечения удовлетворено не было. Недостаточной оказалась и встреча Кусевицкого с Луначарским. Визу на выезд из России удалось получить благодаря его настойчивости только после встреч с наркомом иностранных дел Георгием Чичериным и с членом Президиума ЧК Вячеславом Менжинским.

Если в 1910 годы в России сотрудничество Кусевицкого с Прокофьевым только начиналось, то в 1920-е, за рубежом, их жизненные и творческие судьбы переплелись намного теснее. С полным основанием мог бы Кусевицкий назвать Прокофьева «братом по Дням» – так называл Шостаковича Евгений Мравинский⁶⁸.

Вскоре после приезда во Францию Кусевицкий получает приветствие от Прокофьева.

1920 годы:

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому

10 августа 1920, Mantes sur Seine

Дорогой Сергей Александрович,

был очень рад услышать, что Вы благополучно прибыли в Париж, и очень разочарован, узнав, что Вы уже перебрались в Aix-les-Bains. Я живу в Mantes, в

⁶⁸ Евгений Мравинский. «Из дневников», «Музыкальная академия», 1995, № 4-5. С. 3.

расстоянии часу езды от Парижа, и пробуду здесь до 20 сентября, после чего отправлюсь в Америку. Надеюсь, что до того времени вы успеете вернуться в Париж, и я увижу Вас.

А пока очень прошу ответить мне на волнующие меня вопросы: цел ли мой чемодан с рукописями? Где партитура «Семеро их»? Возобновит ли Рос[сийское] Муз[ыкальное] Изд[ательство] свою деятельность, к[а]к теперь возобновляет за границей Беляевское издательство? Что Вы знаете про Мясковского, Сувчинского и Игоря Глебова?

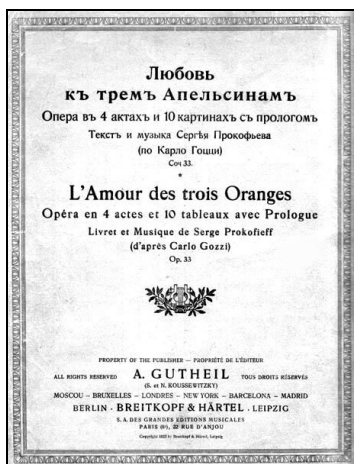
Пожалуйста, не поставьте себе в труд черкнуть мне об этом, а пока, в ожидании Вашего ответа, сердечно приветствую Вас и жму Вашу руку.

Искренне уважающий Вас

Сергей Прокофьев.

P.S. Не известен ли Вам адрес Коханского?

Рукопись. Послано в Экс-ле-Бен. АК-БК. Копия: РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 6. Опубликовано: Советская музыка. 1991. № 4. С. 55.

Первое издание оперы С. Прокофьева «Любовь к трем апельсинам». Издательство «Гутхейль», 1922

Появление в Париже Кусевицкого много значило для Прокофьева. Недавно возвратясь в Европу из Америки, где

была отложена постановка оперы «Любовь к трем апельсинам», он обнаружил, что в Париже его мало кто знает, а среди знающих нашел очень разное отношение к своему творчеству. Все говорили вокруг лишь о Стравинском, Прокофьева же умудрялись порой называть его последователем и чуть ли не учеником...

Кусевицкий приглашает Прокофьева приехать к нему в Aix-les-Bains. Однако отлучаться из Mantes композитору не хотелось: совсем недавно приехала из Америки его будущая жена – Лина Кодина и из Константинополя – его мать, Мария Григорьевна Прокофьева. В апреле 1920 Прокофьев писал находившейся тогда в Тифлисе и собиравшейся покинуть Россию Нине Кошиц: «В Константинополе наведи справки в Российском посольстве о моей матери, Марии Григорьевне Прокофьевой, которая эвакуирована с русскими беженцами на Принцезы острова. От волнений и тревог она почти ослепла. Окажи ей помощь во всем, в чем можешь. Я со своей стороны прилагаю все усилия, чтобы доставить ее в Париж»⁶⁹.

Кусевицкий заверяет Прокофьева, что ко времени его отъезда из России чемодан с рукописями сохранялся сначала Федором Гришиным в московской конторе «А. Гутхейля», а затем Павлом Ламмом, который заведовал Музсектором Госиздата.

Как и РМИ, издательство «М.П. Беляев в Лейпциге», основанное в 1885 известным русским музыкальным деятелем и меценатом Митрофаном Петровичем Беляевым (1836-1903[1904]), имело своей главной целью поддержку русских композиторов и пропаганду их сочинений. Оно печатало свою продукцию в той же лейпцигской нотопечатне Редера, которой пользовалось РМИ, и имело торговую базу в Петербурге. После смерти Беляева издательство в значительной степени теряет просветительскую миссию и становится все более коммерческим. Работая после 1917 за пределами России,

⁶⁹ Сергей Прокофьев – Нине Кошиц, 8 апреля 1920, Нью-Йорк. – Коллекция С. Прокофьева. Отдел исполнительских искусств, БК

испытывая, помимо сильнейшего экономического прессинга, пагубное воздействие глубоких разногласий с наследниками Беляева, руководство издательства вынуждено было в 1924 вдвое повысить цены на свои издания. «Это был государственный переворот, – вспоминал впоследствии управляющий "М.П. Беляева в Лейпциге» Франц Шефер. – ибо этим поступком я нарушал заповеди основателя фирмы»⁷⁰.

О Николае Мясковском и Борисе Асафьеве (Игоре Глебове) речь будет не раз еще вестись и в самих письмах Прокофьева, и в комментариях к ним. Дружба Прокофьева с Петром Петровичем Сувчинским (1892-1985) – русским музыкальным критиком и издателем, а впоследствии философом-мыслителем и одним из активнейших деятелей евразийства – восходила к 1913. Именно Сувчинский, одним из первых оценивший дарование композитора, привлек его в Петербурге к концертам редактируемого им журнала «Музыкальный современник», а 18 февраля 1917 организовал его авторский концерт в Москве, где состоялась премьера им же вдохновленного вокального цикла Прокофьева Пять стихотворений Анны Ахматовой op. 27. Эмигрировал из России Сувчинский двумя годами позднее Прокофьева, с 1920, жил в Софии, Берлине, Париже. Переписка, возникшая между ними 20 августа 1920, продолжалась долгие годы. Одних писем Прокофьева в ней, по свидетельству Сувчинского, было около 200. Продолжались и радостные для обоих встречи – редкие, пока Сувчинский жил в Берлине, частые в период их проживания в Париже – и споры. «Я часто с ним не соглашался...» – назвала свою публикацию части из прокофьевских писем Елена Польшяева, и слова эти в равной мере можно отнести к обоим корреспондентам. Однако как бы глубоко не коренились их разногласия (главным образом

⁷⁰ Франц Шефер. Издательская идея Митрофана Петровича Беляева. Воспоминания его сотрудника. В кн.: Памяти Митрофана Петровича Беляева. Сборник очерков, статей и воспоминаний. Париж: Издание попечительного совета для поощрения русских композиторов и музыкантов, 1929. С. 49.

относительно понятия современности в искусстве, в коей Сувчинский отказывал музыке Прокофьева), они не мешали – по крайней мере в первой половине 1920 годов – их дружбе. Позднее наступило охлаждение...

Хорошо знаком с Сувчинским был и Кусевицкий. Сувчинский был частым посетителем его концертов, в особенности тех, в программах которых звучали новые сочинения Стравинского и Прокофьева. После смерти дирижера Сувчинский напишет статью о нем⁷¹.

С польским скрипачом Павлом Коханским (Kochański) (1887-1934) Прокофьев был знаком по Петербургской консерватории, профессором которой он был в 1916-18. Именно Коханский посоветует ему в 1921 сделать скрипичную версию Пяти песен без слов для голоса и фортепиано ор. 35 – композитор назовет их Пять мелодий для скрипки и фортепиано ор. 35-bis. Коханский был также одним из предполагавшихся первых исполнителей Первого скрипичного концерта Прокофьева.

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому

5 сентября 1920, Mantes sur Seine

Дорогой Сергей Александрович,

Благодарю Вас за интересные новости, а также за то, что сберегли мой чемодан. Не ответил Вам до сих пор, потому что все время собирался лично явиться в Aix-les-Bains. Кажется, на днях это мне удастся, а потому очень прошу Вас по получении этого письма послать мне телеграммку, все ли Вы еще в Aix и не собираетесь ли в ближайшем будущем в Париж. Получив ее, я немедленно уложу чемодан и катну в Aix на день или два. Мне будет очень приятно повидать Вас и поболтать о России, а также крайне важно выяснить вопросы о дальнейшем издательстве моих сочинений. Это теперь мое больное место, ибо я не хотел бы печататься в заграничных «лавках», а с другой стороны, ни на американском, ни на европейском рынке нет никаких моих сочинений, и

⁷¹ [Souvtchinsky, Pierre.] Hommage a Serge Koussevitzky. – Musique Russe. Etudes reunies par Pierre Souvtchinsky. Tome II. Paris: Presses Universitaires de France, 1953. P.P. 393-395.

вероятно не очень скоро будут, ибо все доски, и Юргенсоновские, и Ваши, гравированы в России.

Кроме того случилась следующая вещь: мой американский импресарио⁷², устроивший мне на октябрь турне по Америке (8 концертов с гарантией в 3 400 долларов), телеграфирует, что оно переносится целиком на декабрь, а потому в моем бюджете чего доброго может образоваться дыра, которую в таком случае понадобится заткнуть, продав новые фортепианные пьесы.

На эту тему мне тоже хотелось бы с Вами поговорить: купит ли Росс[ийское] Издательство или нет.

Пока же шлю Вам мой сердечный привет и надеюсь – до скорого свидания.

Искренне преданный Вам

С. Прокофьев

Рукопись. Послано в Экс-ле-Бен. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 6. Опубликовано: Советская музыка. 1991. № 4. С. 55.

Встретиться Прокофьеву и Кусевицкому удалось только в октябре 1920, после того, как оба они возвратились в Париж. «Мы встретились очень радостно и разговаривали насчет издательства», – записывает в дневнике Прокофьев⁷³. Кусевицкий уверил Прокофьева, что РМИ начнет функционировать, как только приглашенному им Николаю Струве удастся приехать из Копенгагена в Париж, обещал композитору издать отвергнутые прежде американскими издателями пьесы «Сказки старой бабушки» ор. 31 и Четыре пьесы для фортепиано ор. 32 и выдал ему в качестве аванса 3 000 франков. Это дало Прокофьеву возможность спокойно уехать в Америку, где предстояли премьеры Третьего фортепианного концерта и оперы «Любовь к трем апельсинам». Удалось Прокофьеву и снабдить некоторой суммой денег остававшихся в Париже мать и Линетту, как называл он Лину Кожину.

⁷² Речь идет об импресарио Фицхью Хензеле (Haensel, Fitzhugh).

⁷³ ПД-1. С. 118.

Новая встреча музыкантов состоялась в феврале 1921 в Лондоне. Композитор только что возвратился из Америки и встретился здесь со своей Линеттой. Дирижер выступал 13 февраля в Queens Hall с программой из сочинений Моцарта, Бетховена и Вагнера.

Обложка программ «Конcertов Кусевитцкого» в Париже

«Кусевитцкий <...> сказал, что готов печатать, но гонораров платить не может, – записывает Прокофьев. – Зато предлагал 50 % с продажной цены. Он сказал, чтобы те три тысячи франков, которые я ему должен, я послал в издательство в Берлин, и на эти деньги немедленно начнут гравировать мои ор. 31 и 32. И так, вместо гонорара за сочинения, который я рассчитывал иметь в размере тысяч тринадцати франков, надо платить три тысячи франков. Но 50 % – огромный процент и очень уж надо было толкнуть в печать мои сочинения. Поэтому я согласился, и он забрал «Бабушкины сказки» и ор. 32»⁷⁴.

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевитцкому

17 февраля 1921, Лондон

Дорогой Сергей Александрович,

Вам вдогонку дополнительно:

⁷⁴ Там же. С. 151.

«Сказки старой бабушки» надо напечатать все вместе, одною тетрадью.

Четыре танца ор. 32⁷⁵, врозь четырьмя тетрадками.

В Менуэте на 2-й стр[анице] Вы найдете карандашный вариант. Его вычеркнуть.

Мой постоянный адрес: Serge Prokofieff, c/o American Express, rue Scribe, Paris, 9-e.

А затем желаю Вам счастливого пути, обнимаю Вас и целую ручки у Наталии Константиновны.

Визу мне прислали из Парижа, но для Pierre Prokofieff, вместо Serge, и консул не хочет визировать. Черт знает что!

Ваш СП

Почтовая открытка. Послана в Париж. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 6.

Задержавшись в Лондоне в ожидании французской визы, Прокофьев только 22 февраля возвращается вместе с Линой в Париж. Уже на следующий день он пишет Кусевицкому.

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому

23 февраля 1921, Париж

Дорогой Сергей Александрович,

нежно умоляю Вас прислать мне из Германии Фантазию Шуберта C dur в переложении Листа для фортепиано с оркестром, оркестровую партитуру. Кажется, это называется “Wanderer”, так мне говорил Зилоти. Я хочу выучить ее и играть в Америке с оркестром, но ни у Честера, ни в Париже ее нет. Вышлите ее мне, пожалуйста, или c/o American Express, Paris, или еще лучше на адрес моей матери: 19 rue Ballu, Paris IX. Буду страшно Вам обязан.

На днях буду телеграфировать в Рос[сийское] Муз[ыкальное] Изд[ательство] 2 000 франков, а третью тысячу, если Вам не противно, переведу 10-го июля (ибо 1-го июля получение новой партии долларов из Чикаго).

⁷⁵ Так именует Прокофьев свои Четыре пьесы для фортепиано ор. 32.

Если же Вы найдете, что это задержит печатание, то напишите мне, я понатужусь и постараюсь прислать теперь же.

Обнимаю Вас и целую ручки Наталии Константиновне.

Ваш С. Пркфв

Рукопись. АК-БК. Копия. На бланке «Hôtel du Quai Voltaire, Paris». Послано в Париж. – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 6.

Имеется в виду магазин издательства «J.&W.Chester», основанного в 1915 году в Лондоне директором лондонского отделения немецкой нотоиздательской фирмы «Breitkopf&Härtel» Отто Мариусом Клинггом и унаследованного его сыном Гарри (Харри) Клинггом. Здесь публиковали свои сочинения Арнольд Бакс, Гренвилл Банток, Альфредо Казелла, Франческо Малипьеро, Игорь Стравинский, Мануэль де Фалья и другие крупные композиторы XX столетия.

Программка совместного концерта С. Прокофьева и С. Кусевицкого. Париж, 1922

В начале 1920 годов в одном из писем к Кусевицкому Владимир Николаевич Цедербаум сообщал, что в ближайшую пятницу в Париже состоится 16 концертов, назавтра, в субботу – 12. Во второй половине 20-х г.г. интенсивность жизни сделалась во французской столице еще более интенсивной. Так, в сезоне 1927-1928

здесь было дано 267 симфонических концертов, на которых прозвучало 133 первых исполнений 105 композиторов⁷⁶.

Очень скоро Кусевицкий правда осознал, что количеству концертов далеко не всегда соответствует в Париже их качество – широта и разнообразие репертуара, уровень исполнительского воплощения музыки. Понял, что главные концертные организации Парижа – «Общество концертов Консерватории во главе с Филиппом Гобером (Gaubert, 1879-1941), «Концерты Колонна» (Colonne) с неизменным Габриэлем Пьерне (Pierné, 1863-1937), «Концерты Ламуре» (Lamoureux), «Концерты Паделу» (Pasedeloup), воссозданные Рене-Батоном (Rhené-Baton, 1879-1940; подлинное имя – Батон Рене) – мало чем отличаются друг от друга. Дирижировавшим поочередно в каждой из них Полю Парей (Paray, 1886-1979), Камиллу Шевильяру (Chevillard, 1859-1923), Эжену Биго (Bigot, 1888-1965) присущи были консерватизм, негативное отношение к музыкальному новаторскому. Несмотря на лояльность французской публики ко всему новому в музыке, основная ее масса продолжала жить традициями минувших десятилетий, основу которых были положены концертами Колонна и Ламуре. Даже признанный публикой Дебюсси исполнялся не без элемента слащавой сентиментальности, а произведения Равеля не получили еще адекватного их блеску исполнения.

С Оркестром Колонна Кусевицкий выступил уже летом 1920. В бетховенской программе прозвучали Седьмая симфония и Скрипичный концерт (солист – Фриц Крейслер). Позднее, после того, как наберут силы собственные его концерты в Париже, дирижер будет приглашен оркестрами Паделу (1922) и, вторично, Колонна (1924).

Вписаться в интенсивную концертную жизнь Парижа Кусевицкому было однако тем более сложно, что, не довольствуясь разовыми приглашениями оркестров (даже и лучших) поставил он своею целью выступить, как это

⁷⁶ См.: Roger Nichols. The Harlequin Years. Music in Paris 1917-1929. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 2002. P.P. 53,54.

было в русские годы, во главе постоянного оркестра, более того – во главе собственной концертной антрепризы. Тем более сложно, что не полагался он на французских меценатов, таких, к примеру, как поддерживавшая «Русский балет» Дягилева Элизабет Греффюль (Greffuhle, 1860-1952)⁷⁷ или спонсировавшая Стравинского маркиза Винаретта де Полиньяк (de Polignac, (1865-1943)). Но Кусевицкий не был бы самим собой, если бы не ставил перед собой максималистских задач и не умел решать их.

Как это было и в 1909 в России, «Концерты Кусевицкого» в Париже начались еще до того, как им был сформирован новый оркестр. Дирижер выступал во главе сборного оркестра, составленного из 85 артистов «Концертов Колонна» и «Концертов Ламуре».

За право первого представления в Париже музыки Прокофьева разгорелась борьба между Сергеем Кусевицким и Сергеем Дягилевым. Первый готовил издание ряда партитур композитора и парижскую премьеру «Скифской сюиты», второй – премьеру балета «Шут». В кулуарах шутили, что два Сергея схватились друг с другом из-за третьего Сергея. «Кусевицкий <...> требовал, чтобы я приехал на репетицию, – писал Прокофьев. – Дягилев, узнав, что Кусевицкий ставит сюиту за две недели до балета, всполошился и стал слать мне телеграммы на двух листах, подробно объясняя, какой ужасный вред в этом предвосхищении, и что если Кусевицкий сыграет сюиту до «Шута», то чуть ли не и я погибну, и Дягилев погибнет, и весь мир провалится»⁷⁸.

Ревность Дягилева была, впрочем, вполне оправданной. Нельзя забывать, что в 1915, когда Кусевицкий не дирижировал еще сочинения Прокофьева,

⁷⁷ Графиня (урожд. Караман-Химей) была кузиной и другом детства поэта и коллекционера живописи графа Робера де Монтескью-Фезензака (de Montesquiou) и оба они, по свидетельству Александра Бенуа, поддерживали Дягилева, начиная еще с 1906-1907 г.г. (См.: Александр Бенуа. Мои воспоминания. В пяти книгах. Книги четвертая и пятая. Москва: «Наука», 1980. С.С. 451, 453).

⁷⁸ ПД-2. С. 154.

Дягилев не только распознал гигантское дарование композитора, но и немало сделал для изменения его творческой ориентации и художественных вкусов и приобщения к самым современным течениям музыки и живописи. Фрагменты балета «Ала и Лоллий», показанные тогда Прокофьевым, как известно, не удовлетворили Дягилева. «Очень жалко и надо все начинать сызнова, – писал он Стравинскому. – Для этого его надо приласкать и оставить на некоторое время (2-3 месяца) с нами, и в этом случае я рассчитываю на тебя. Он талантлив, но что ты хочешь, когда самый культурный человек, которого он видит – это Черепнин, эпатирующий его своей передовитостью»⁷⁹. В начале того же 1915 Дягилев обещал Прокофьеву поставить балет «Сказка о шуте», но вынужден был отложить премьеру до окончания войны. Теперь, шесть лет спустя, Дягилев забрасывал телеграммами не только Прокофьева, но и Кусевицкого. Он все еще относился к композитору как к автору отвергнутого им балета «Ала и Лоллий», а не автору принесшей ему успех в России «Скифской сюиты», с которой просто не был знаком.

Просьбам Дягилева об отсрочке исполнения «Скифской сюиты» Кусевицкий не внял. Перед отъездом в Монте-Карло, где шли репетиции «Шута», Прокофьев посетил Кусевицкого. Он «...закричал, что и разговоров не может быть никаких, так как это «*pièce de résistance* (основное произведение – *франц.*) всего концерта и чтобы я перед Дягилевым валил все на него. Я был только рад и вместо протестов прошел всю сюиту с Кусевицким...»⁸⁰.

Увиденное в Монте-Карло ужаснуло Прокофьева. Ставил «Шута» художник Михаил Ларионов, чья хореография (совместно с польским балетмейстером Тадео Славинским) находилась в разительном несоответствии с требованиями партитуры. Ларионов, в свою очередь, еще до

⁷⁹ Сергей Дягилев – Игорю Стравинскому, 23 февраля [8 марта] 1915, Рим. – Цит. по публикации: Виктор Варунц.

«И.Ф. Стравинский – С.П. Дягилев. Переписка», «Музыкальная академия», 1996, № 3,4. С. 181.

⁸⁰ ПД-2. С. 154.

начала репетиций сетовал: «Все-таки забавно, даже такие композиторы, которые знают сцену, думают, что достаточно сказку или еще что-нибудь пересказать своими словами и к этому написать музыку, и уже это можно давать на сцене в таком виде...»⁸¹.

Сергей Прокофьев. Шарж О. Кусевицкой

Объясняя это противоречие, Борис Шлецер справедливо писал: «Прокофьевская партитура обладает громадной силой внушения; она в слушателе способна разбудить и зрительные, и двигательные ощущения; но эти образы, подчиненные ей, всецело зависят от игры звуковой стихии. [...] Прокофьев творил свободно, как музыкант, как если бы музыка существовала одна, в себе замкнутая, как если бы не должно было быть сцены. [...] Сказка о шуте – не балет вовсе, не пантомима, но именно: музыка плюс танец. Зависит это не от того, что постановка Ларионова неудачна: отдельные моменты ее превосходны; но оттого, что музыка

⁸¹ Михаил Ларионов – Сергею Дягилеву, 24 марта 1921, без указания места [Испания]. – Библиотека Grand Opéra в Париже, фонд М. Кохно. Цит. по: «Долгая дорога в "родные края"...» Из переписки С.С. Прокофьева с его российскими друзьями. Публикация Ю. Деклерк. В сб. Сергей Прокофьев. К 110-летию со дня рождения. Письма, воспоминания, статьи. Москва: Труды ГЦММК, 2001. С. 19.

Прокофьева столь полноценна, столь закончена, что выход из нее на сценический простор невозможен. [...] Я думаю потому, что прокофьевскому "Шуту" нужна лишь, в конце концов, концертная эстрада и что всю красоту этой музыки мы постигнем только тогда, когда явится она нам в облики симфонической сюиты»⁸².

И когда сюита из «Шута» появится, многократным исполнителем ее делается Кусевицкий. Но случится это только через пять лет, а пока, в Монте-Карло, Прокофьев вынужден репетировать целыми днями, вычищая сцену за сценой, и тем труднее было композитору возвратиться в Париж. «Дягилев, узнав, что я еду на репетицию "Скифской сюиты" к Кусевицкому, пришел в большой раж, устроил мне скандал, послал Кусевицкому ругательную телеграмму – словом, пришлось остаться еще на два дня и, пропустив репетицию "Скифской сюиты", приехать прямо на концерт»⁸³.

Парижская премьера «Скифской сюиты» состоялась 29 апреля 1921. Концертный зал Гаво (Gaveau), акустически явно маловатый для большого симфонического оркестра, оказался переполненным. Среди публики – множество поэтов и художников, среди присутствовавших музыкантов – Стравинский и Флоран Шмитт (1870-1958).

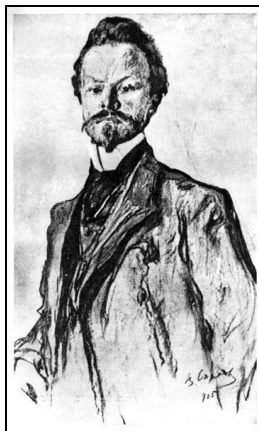
Прокофьев, под управлением которого состоялась в 1916 в Петербурге мировая премьера «Скифской сюиты», впервые слушал ее не с дирижерского пульта, а из концертного зала. Лучше других, по его словам, прозвучали первая часть, хотя и несколько затянутая Кусевицким, и вторая, сыгранная «бойко». Во второй части, из-за нехватки репетиций, наряду «...с хорошими звучностями попадались и простенькие, вылезавшие несколько вульгарными пятнами»⁸⁴. Замечает Прокофьев и собственные ошибки в инструментовке третьей части сюиты, необходимость переписать кое-что в четвертой. «Все искупается "Восходом солнца", – пишет он, – который действительно звучит

⁸² «Последние новости», 2 июня 1921.

⁸³ ПД-2. С. 156.

⁸⁴ ПД-2. С. 157.

ошеломляюще, особенно то место, где Глазунов встал и вышел (предпоследняя страница). После «Скифской сюиты» огромные овации и масса поздравлений»⁸⁵.

Константин Бальмонт. Рисунок В. Серова, 1905

Вскоре после премьеры в русскоязычной парижской газете «Последние новости» появилось стихотворное послание Бальмонта «С.А. Кусевицкому, создавшему праздник русской музыки в Париже».

Мне говорят, что ты, волнуя
Того, кто смотрит на тебя,
Миг звукового поцелуя
Взметаешь, душу теребя.
Мне говорят, что ты, в бурливом
Кипеньи увлекая хор,
Всю музыку ведешь курсовом.
О, да. Я слышу. Стонет бор,
Верхушки сосен дружным звоном
Свирелят рьяную мечту
И в море лиственно-зеленом
Вскипают пляски налету.
Пришла гроза, и радость часа

⁸⁵ Там же.

Желает бешеных затей,
В густом гуденьи контрабаса
Вскипают скрипки веселей.
Мусоргский с грезой исполинской,
И Глинка, первый вождь струны,
И обновляющий Стравинский,
В ком пляшет шабаш старины.
И тот, в ком гений неослабен,
Кто весь – волнующий извив,
Огнекометный лунный Скрябин,
Прокофьев, солнцезвонный скиф.
Крылатая несется стая,
Из распаленного жерла,
Огни вулканные, сплетая,
Ты – воля, жгущая дотла.
Ты жжешь всю робость колебаний,
Как коршун, крыльями грозишь.
И вдруг пчелы в цветке медвяной,
Нежнейшую качаешь тишь.
Гроза, безумствуй в вихрях света,
И подтверждай, тревожа мир,
Дает курсивом эльзевир⁸⁶.

Отклики критики оказались разноречивыми. Как писал один из рецензентов, партитура Прокофьева «...воспламенила энтузиазм и, вместе с тем, гнев»⁸⁷. Но так или иначе, премьера «Скифской сюиты» состоялась в Париже раньше дягилевской премьеры «Шута» (17 мая 1921, Париж; 9 июня, Лондон). Премьере «Шута» предшествовало в Париже также исполнение певицей Верой Георгиевной Янакопулос «Гадкого утенка» Прокофьева (20 мая 1921).

Еще во время первой парижской встречи с Кусевицким Прокофьев рассказал ему, что работает над Третьим фортепианным концертом, мировая премьера которого обещана Чикагскому оркестру. Кусевицкий тут же

⁸⁶ Последние новости «Последние новости», 12 мая 1921.

⁸⁷ “Le Gaulois”, 14 May 1921.

заверил композитора, что готов провести европейскую премьеру Третьего концерта и издать его. Последнее было особенно кстати Прокофьеву, так как сулило так необходимый ему в то время гонорар.

С.С. Прокофьев – Н.К. Кусевицкой

21 июля 1921, St. Brevin-les-Pins

Дорогая Наталия Константиновна,

Надеюсь, что Вы благополучно встретили своих варшавян⁸⁸ и ныне отдыхаете в тени прохладного курорта⁸⁹. Правда ли, что Сергей Александрович уезжает дирижировать в Америку? Если да, то от души поздравляю. Кто manager и какой оркестр?

Я продолжаю работать над 3-м концертом и вообще чувствовал бы себя прекрасно, но сломался подо мною велосипед и с лицом, превращенным в котлету, я был принесен домой. Теперь стараюсь поправляться.

Целую Ваши ручки и сердечно приветствую Сергея Александровича.

Искренне уважающий Вас

СПркфв

Рукопись. Послано в Париж. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 6. Опубликовано: Советская музыка. 1991. № 4. С. 55-56.

В другом письме об инциденте в Сэн-Бревэн-лэ-Пен Прокофьев рассказывает еще более красочно: «...у меня произошла неприятность: я, между нами, получил пощечину от земного шара, упав на него щекою с велосипеда. Земной шар был сердитый, сделал мне “black eye” (в буквальном переводе с англ. – черный глаз, однако это словосочетание используется для выражения неудачи; по-русски возможно перевести, как сглаз. – В.Ю.), окровавил щеку, разорвал губу и даже выбил зуб, к сожалению, не американский, а свой.

⁸⁸ Родственники Н. Кусевицкой, которые эмигрировали из России на Запад через Варшаву.

⁸⁹ Имеется в виду Динар (Dinar) на Атлантическом побережье Франции.

Теперь я несколько оправился и уже несколько раз проткнул его шпагой»⁹⁰.

С.С. Прокофьев – Н.К. Кусевицкой

30 августа 1921, Сэн-Бревен-лэ-Пэн

Дорогая Наталья Константиновна,

Ваши сомнения относительно правдоподобности моей поездки в Динар кажутся находят свое место: я все более и более увязую в Сэн-Бревен-лэ-Пэн. Главная причина это проклятый концерт, который оказался таким длинным, что я его инструментую-инструментую и все не вижу конца. Затем меня задушили корректуры, над которыми, желая быть честным, сижу по несколько часов в день. И наконец, меня пригласили дирижировать «Тремя апельсинами» в Чикаго и Нью-Йорке, стало быть надо зубрить свою же собственную партитуру. Я этого не рассчитывал и написал ее ужасно трудно; теперь плачусь (и плачусь).

В Париже рассчитываю быть около 1 октября, а в Америку отъезду 15-го. Неужели вас в это время не будет в Париже?

В феврале, когда Вы приедете в Америку, я буду как раз в Нью-Йорке и «Апельсины» будут еще идти, если конечно американцы будут до того времени переносить их. Тогда кутнем верхом на небоскребе.

Целую Ваши ручки и очень жалко, что не выкликается Динар. Обнимаю Сергея Александровича. Надеюсь, до Парижа.

Искренне преданный Вам

СПркфв

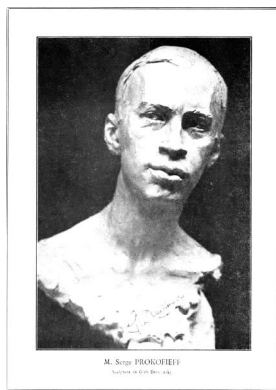
Машинопись с подписью от руки. Послано в Париж. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 6. Опубликовано: Советская музыка. 1991. № 4. С. 56.

Многие письма Прокофьев адресует к Наталие Константиновне Кусевицкой – порой, чтобы не беспокоить

⁹⁰ Сергей Прокофьев – Фатьме Ханум Самойленко, 12 августа 1921, Сэн-Бревен-лэ-Пэн. Послано в Париж. – Библиотека Гарвардского университета (Houghton Library), Кембридж, США. Фонд 58М (Fund 58M), No.118.

маэстро, нередко, с просьбой чтобы она повлияла на дирижера и издателя.

Летом 1921 на Прокофьева на самом деле навалилось множество корректур. В «А. Гутхейле» готовились к изданию вышедшие в следующем году партитуры Симфонической сюиты из оперы «Любовь к трем апельсинам» в 6 частях ор. 33-bis и Увертюры на еврейские темы для кларнета, двух скрипок, альты, виолончели и фортепиано с *molto* ор. 34, авторские переложения для фортепиано балета «Сказка про шута, семерых шутов перешутившего» ор. 21 и оперы «Любовь к трем апельсинам» ор. 33, концертная обработка автора для фортепиано Марша и Скерцо из оперы «Любовь к трем апельсинам» ор. 33-ter, а также Четыре пьесы для фортепиано «Сказки старой бабушки» ор. 31, Четыре пьесы для фортепиано ор. 32 (Танец, Менуэт, Гавот, Вальс) и Пять песен без слов для голоса с фортепиано ор. 35.

Бюст Сергея Прокофьева работы Г. Дерюжинского, 1920

Сведения о переезде Кусевицкого в Америку оказались неточными. В начале 1921 дирижер действительно получил приглашение возглавить Лос-анджелесский оркестр, однако отказался от него, вспомнив предсказание своего учителя Артура Никиша о том, что будущее его окажется связанным с Бостонским оркестром. Год спустя Кусевицкому придет приглашение из оркестра Цинциннати. Но, как сам он писал Рахманинову, «...в

Цинциннати у меня дело не вышло...»⁹¹. Позднее дирижеру стало известно, что главными против него аргументами сделались настойчивые слухи, будто он не намерен оставаться в Америке больше года и к тому же запрашивает баснословные гонорары. Впрочем, ему не придется впоследствии сожалеть об этом.

Встретиться в Америке с Прокофьевым Кусевицкому доведется только в начале 1926, а еще четыре года спустя осуществиться и желание Прокофьева «кутнуть на небоскребе». 7 февраля 1930 композитор сыграет в Нью-Йорке под управлением Кусевицкого свой Третий фортепианный концерт. «После концерта Кнопфы⁹² везут нас в шумное ночное кабаре на крыше небоскреба, – записывает он, – но там не очень интересно»⁹³.

Пока же, в октябре 1921-го, Кусевицкий продолжает жить и работать в Париже, а в Америку отправляется Прокофьев. Бальмонт посвятил ему в эти дни опубликованный позднее в Нью-Йорке сонет «Америка»:

Америка. Великая страна
Двух океанов, гор, полей и прерий,
Ты всем, чье сердце пронзено потерей,
Была не раз как родина дана.

И в тех сердцах опять цвела весна
Ты учишь быть могучим в полной мере.
Ты воля, и велишь не гаснуть вере
В творящий дух. Ты знаешь глубь до дна.

Ты медленно куешь свои решенья.
Так выберет не сразу ювелир

⁹¹ Сергей Кусевицкий – Сергею Рахманинову, без даты [до 8 августа 1922], Париж. Черновик. Послано в Нью-Йорк. – АК-БК.

⁹² Имеются в виду известный американский книгоиздатель Альфред Кнопф и его супруга. Год спустя в его издательстве будет выпущена книга Артура Лурье о Кусевицком – Lourie, Arthur. *Sergei Koussevitzky and His Epoch. A Biographical Chronicle*. New York; Alfred A. Knopf, 1931.

⁹³ ПД-2. С. 754.

Вон тот рубин, и этот вон сапфир.

Но, раз решив, одно творишь: Свершенье,
Работаешь – твой труд похож на пир,
Ты пламя. Меткострельность достижения.
Бретань, 1921, Осень⁹⁴.

Пять дней спустя в той же газете появился еще один посвященный Прокофьеву сонет Бальмонта:

«По ступеням»

Я медленно всхожу по ступеням
Обрывистых уступов, лестниц черных.
В воспоминаньях медлю я позорных,
Я с жадными губами возле ям.

Я человек. И вновь мой дух к полям
Смарагдовым прильнул. Я искра в горнах,
Под молотом, в кованиях упорных,
Травинкою склоняюсь я к ручьям.

За море в бирюзовые пределы,
Тропою влажной пенистых долин
Бежит корабль, трубный исполин.

И альбатрос, пират полета смелый,
Уводит дух, от рабства и низин,
К свиданью с Солнцем, в храм, что в синем – белый⁹⁵.

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому

Пятница, 9-15 веч[ера] [15 октября 1921, Париж]⁹⁶

Очень хорошо! Я для Вас сберегаю последний европейский вечер, а Вы исчезаете!

Гневно стыжу Вас и крепко обнимаю.

Ваш СПрк.

⁹⁴ Утро (Нью-Йорк). 2 января 1922.

⁹⁵ Утро (Нью-Йорк). 7 января 1922.

⁹⁶ Записка датируется по дате отплытия Прокофьева в Америку – суббота, 16 октября 1921.

Наталии Константиновне ручку.

АК-БК. Записка на бланке «Imperial Hôtel Champs-Élysées, Paris».

16 октября 1921 на пароходе «Аквитания» Прокофьев отплывает в Америку, где должен дирижировать премьерами оперы «Любовь к трем апельсинам» и Третьего фортепианного концерта. Предстояла ему также серия других концертных выступлений. Предотъездные дни были чрезвычайно суматошными для Прокофьева. Если Вы думаете, что был Париж, а в нем я, то я думаю, было колесо, а в нем белка, – писал он. – Вылетел как бомба»⁹⁷.

Прокофьев и впоследствии будет в своих письмах к Кусевицкому метаться между двумя крайностями – то негодуя на недостаточную производительность издательства, то сетуя на непомерное количество навалившихся на него корректур.

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому

18 октября 1921, борт корабля «Аквитания»

Дорогой Сергей Александрович,

Шлю Вам и Наталие Константиновне привет с «Аквитании» по дороге в Нью-Йорк. Пока путешествие протекает отлично, зубрю «Три Апельсина» и играю в шахматы (турнир, шанс на I приз).

Еще раз очень жалко, что не повидались перед отъездом. И кроме того, мы не выяснили вот чего: как я получу партитуру и материалы «Скифской сюиты» в Нью-Йорк, где она идет в феврале или марте? Самое лучшее, если Вы немедленно после Вашего исполнения отправите ее с оказией. На почту или транспортную контору плохая надежда: года 2 назад мой manager так отправил ее из Америки в Лондон – Коутсу, и она прошла 3 1/2 месяца, мы уже были уверены, что она погибла.

⁹⁷ Сергей Прокофьев – Фатьме Ханум Самойленко, 15 октября 1921, Шербург. Послано в Париж. – Библиотека Гарвардского университета (Houghton Library), Кембридж, США. Фонд 58M (Fund 58M), No. 118.

Итак, черкните немедленно только одно слово: что намерены с нею сделать, дабы я был спокоен. Адрес для «одного слова» и для посылки сюиты:

Haensel & Jones 33 West 42-nd Str[ee]t New York.

Обнимаю Вас. Целую ручки Наталие Константиновне.

Ваш СПркфв

Рукопись. На бланке «On Board the Cunard RMS Aquitania». Послано в Париж. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 6.

Через всю жизнь пронес Прокофьев страстное увлечение шахматами. Он не только тщательно следил за всеми международными турнирами, не только был лично знаком с крупнейшими шахматистами мира, но и сам был сильным игроком, гордился, что в сеансах одновременной игры выиграл в 1909 у Эмануэля Ласкера (1868-1941), а в 1914 – у Хосе Рауля Капабланки (1888-1942).

С.С. Прокофьев – Н.К. Кусевицкой

6 декабря 1921, Чикаго

Дорогая Наталия Константиновна,

На прошлой неделе перевел в Лондон на текущий счет Сергея Александровича 57 фунтов и 14 шиллингов. Еще раз благодарю Вас за услугу и целую Ваши ручки.

«Три апельсина» вместо 28-го ноября дают 23 декабря. Оркестр после 12 репетиций готов, солисты и хор тоже и завтра начинаются сценические репетиции, пока под фортепиано. Отношение превосходное и спектакль обещает быть на славу.

Мой 3-й концерт оказался таким чертовски трудным, что я его до сих пор еще не выучил, а между тем через десять дней уже играть. Волнуюсь и зубрю по 3 часа в день

Доходят слухи, что Сергей Александрович скоро вступит во владение Бостонской Симфонией. То-то было бы здорово!

Рахманинова видел один раз, во время его чикагского recital'я. Отлично сыграл мерзейшу

программу⁹⁸. С тех пор, как его оперативным путем лишили геморриодальности, он заметно повеселел.

Ну, я кажется начинаю писать письма не для дам. Поэтому скорее ретируюсь, целую Ваши ручки и обнимаю Сергея Александровича.

Любящий Вас СПркфв

**Как оказались переделки в «Скифской сюите»?
Делаю сюиту из «Трех Апельсинов».**

Рукопись. На бланке «Auditorium Hotel, Chicago». Послано в Париж. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 6. Опубликовано: Советская музыка. 1991. № 4. С. 56.

В конце февраля 1921, вернувшись из Америки после премьеры оперы «Любовь к трем апельсинам», Прокофьев пересылает в РМИ 2 000 франков в погашение своего долга и обещает выслать последнюю 1 000 франков летом, что свершается на самом деле в декабре.

На этот раз Прокофьев обладал верными сведениями о Кусевитком. Еще летом 1921 дирижер получил из Америки письмо от одного из своих старых друзей. Он рассказывал, что еще в годы Первой мировой войны, когда возглавлявший БСО Карл Мук (1859-1940) был признан по недоразумению немецким шпионом и должен был покинуть свой пост, возник вопрос о его заместителе. «Из намеченных кандидатов Вы значились на первом месте. И когда обратились к Малкину⁹⁹ с вопросом, не знает ли он какой-нибудь способ, чтобы с Вами по этому поводу снестись, он, к сожалению, не мог его указать, так как всякое сообщение с

⁹⁸ Выступление Рахманинова в Чикаго состоялось 20 ноября. «Днем концерт Рахманинова с второстепенной программой, но играл отлично, прямо-таки изумительно, – записал в тот день Прокофьев. – Заходил к нему. Рахманинов будто помолодел и повеселел, шутил, удерживал меня около себя. Спросил, как постанетка. <...> Надо бы ему послать «Бабушкины сказки», может он разберется в них и будет относиться к моим сочинениям более прилично, чем до сих пор». (ПД-2. С. 175).

⁹⁹ Иосиф Малкин (1879-1969) – русский виолончелист, в то время концертмейстер виолончелей Чикагского симфонического оркестра.

большевистской Россией тогда прекратилось. А тут под рукой оказался Монтё¹⁰⁰, которого и пригласили. Монтэ сумел за это время престиж и славу Бостонского оркестра совершенно уронить, так как оркестр перестал ездить в другие города за отсутствием успеха. Контракт с Монте (получает 20 тысяч долларов) кончается в будущем году, то есть он там будет еще один сезон. Из этого видно, что Вы имеете наибольшие шансы получить это место»¹⁰¹.

Несколько влиятельных визитеров из музыкальных кругов Бостона присутствовали на выступлениях Кусевицкого в Париже и Лондоне. Летом 1923 в парижской квартире Кусевицкого раздался звонок. Импресарио Макс Рабинов (Rabinoff) (1877-1966), представивший Америке Анну Павловну Павлову (1881-1931), просил о встрече с Кусевицким и был приглашен на Rue de Conseiller Collignon. Проведя несколько часов в беседе с ним, он лишь мимоходом намекнул на возможность появления дирижера в Америке. Много лет спустя в одном из писем к нему он расскажет, что истинной целью его давнего визита в парижский дом Кусевицких было поручение менеджера Бостонского оркестра Уильяма Бреннена (William H. Brennan, 1863-1935) подумать о преемнике Пьеру Монтэ на посту музыкального директора оркестра, и что именно он первым предложил кандидатуру Кусевицкого¹⁰².

Затем Совет директоров Бостонского оркестра отправил в Париж своего персонального представителя Мэрион Шоу Хоутн (Marion Shaw Haughton). Улышав концерт Кусевицкого, она тотчас же послала в Бостон краткую телеграмму: "This is the man..." («Это тот, кто нам

¹⁰⁰ Пьер Монтё (Monteaux) (1875-1964) – французский дирижер, в антрепризе Дягилева дирижировал премьерами балетов «Дафнис и Хлоя» Равеля (1912) и «Весна священная» Стравинского (1913). В 1919-1924 возглавлял БСО. Неоднократно гастролировал в СССР.

¹⁰¹ ? Фидельман – Сергею Кусевицкому, 20 июля 1921, Аркадия, Мичиган. – АК-БК.

¹⁰² См.: Max Rabinoff to Serge Koussevitzky, May 14, 1940, Chicago. – АК-БК.

нужен!»)¹⁰³. Контракт для Кусевицкого привез весной 1923 в Париж менеджер Бостонского оркестра Уильям Бреннен. Официальное сообщение о назначении дирижера музыкальным директором оркестра было сделано 10 сентября 1923 после его встречи в Лондоне с двумя специально приезжавшими туда членами Trustees оркестра. Одновременно Кусевицкий приостановил начавшиеся уже переговоры о своих гастролях в Южную Америку и попытки со стороны многих европейских оркестров заполучить его на будущий сезон. 12 сентября 1924 дирижер прибывает в Бостон и начинает работу во главе Бостонского оркестра, которой суждено будет продлиться четверть века.

(продолжение следует)

¹⁰³ Marion Shaw Haughton to the Trustees of the Boston Symphony, without date [1923], Paris. Cable. – АК-БК.

Андрей Пелипенко

Между природой и культурой.

Главы из новой книги

Глава 4

Рождение смысла

(продолжение. Начало в №1/2011)

За фасадом любого разумно организованного явления скрывается изнасилованная разумом природа, в мстительном ожидании подкарауливающая момент, когда не выдержит препятствующее ей ограждение, и, смирив всё на своём пути, она ринется в данный сознанию мир.

К.-Г. Юнг

Это радость, когда человек всеми корнями своего существования проникает в другого.

Ф. Шиллер

4.1. Общие замечания

Теперь и только теперь мы можем перейти к стрелковой теме нашего исследования – проблеме СМЫСЛА. Позволю себе опустить реферативный обзор многочисленных и многообразных концепций смысла, накопившихся на сегодняшний день в научно-философской литературе. Во-первых, поле этих концепций, как и само содержания понятия *смысл* почти необозримо, а во-вторых, этот обзор, буде он сделан, мало что даст для прояснения собственно смыслогенетической позиции.¹

Позиция эта постулирует следующее. Смысл и смыслогенез понимаются как первичное, основополагающее условие возникновения и существования Культуры: ничто в ней не существует вне и прежде смысла. Смысл –

¹ В качестве самого общего обзорно-реферативного исследования см. напр. *Сергеев Д.В.* Онтология культурного смысла. Новосибирск, «НАУКА», 2009.

элементарная единица культурного пространства, клетка организма культуры и, соответственно, единица её анализа. Поэтому способы построения смысловых конструкций, характер смысловых связей и конфигурации смысловых структур – корневая основа культурного многообразия, системных межкультурных различий. Смысл не существует вне культуры, и потому деление смыслов на *культурные* и какие-то иные, как это делается в некоторых направлениях наук о культуре – категорически отвергается.

Смысл – последний рубеж, в который «упирается» рефлектирующая мысль, принципиально не желающая дальше дробить единицы анализа. На этот счёт требуется важное методологическое пояснение. Европейский научно-философский дискурс формировался под влиянием неуёмного «аналитического зуда». Разуму любой ценой надо было докопаться до «самой сути», последовательно выявляя самые мелкие и дробные единицы анализа. Но стоило «поднести эти единицы к глазам», представив их в виде отстранённых объектов, как очередной приступ «эссенциалистской похоти», несвойственной, кстати, ни одной из неевропейских культур, понуждал немедленно «расковырять» и эти единицы. Казалось бы, вот-вот – и откроется последняя тайна бытия, последний рубеж неподатливой, не желающей подчиняться анализу субстанции и станет окончательно понятно, «как это всё устроено на самом деле». Но в самый последний момент вожденная субстанция почему-то исчезает, а отчуждающий анализ по инерции мчится вперёд, не замечая, что находится уже не в мире реальных, как ему представляется, вещей, а в мире собственного эпистемологического инструментария, спекулятивных конструктов, «невзначай» подменивших предательски скрывшиеся вещи. Погружённый в жизнь многослойных дискурсивных оболочек и заморожённый происходящими там событиями, интеллект уже не дотягивается до вещей, смутно мерцающих из-под их ярлыков. Это явление, которое можно было бы назвать *эффектом исчезновения субстанции*, ставшее одной из причин методологического и гносеологического кризиса европейской научно-

философской мысли – не случайность, а результат сознательной манипуляции со стороны культуры, не желающей допускать человеческий разум к своим сокровенным тайнам. Тупик и очевидность печальных последствиях «эффекта Мидаса», превращающего всё, к чему бы ни притрагивался рационалистический интеллект, в мёртвые отчуждённые объекты, точнее, их ярлыки-репрезентации, очевиден. Однако инерция аналитического зуда продолжает господствовать в учёных умах.

Сама мысль о том, что можно сознательно остановиться на каком-то уровне анализа, дабы не скатываться в дурную бесконечность субъект-объектного отчуждения, мало кому приходит в голову; для европейского научного интеллекта это почти табу. Между тем, думается, что выход из кризиса лежит, как ни парадоксально это звучит, именно на пути *самообуздания интеллекта* и переориентировки познавательного интереса от погони за горизонтом аналитических возможностей – к прорыву вглубь, к постижению взаимосвязей *органически* бытийствующих реалий культуры (см. Введение). Во всяком случае, на этом пути можно скорее добиться каких-то результатов по выходу из кризиса (если выход вообще есть) чем, к примеру, прибегать к инъекциям восточной мудрости двухтысячелетней давности, которые, по мнению некоторых авторов, способные оживить усохшее древо европейской мысли².

Следуя принципу самообуздания интеллекта, я сознательно отказываюсь от дурной бесконечности анализа, дробления смысла на умозрительные компоненты, разложения его на сумму дискурсивных плоскостей и поиска его субстанции, ибо результаты этих аналитических усилий представляются заведомо условными и несущественными. Исследовательский интерес заостряется на постижении самой жизни смысловых структур в их органической непосредственности, а не разъятых на механические элементы.

² См. напр. *Торчинов Е.* Религии мира: опыт запредельного. СПб. 2005.

Сложность рассмотрения проблемы смыслогенеза усугубляется ещё и тем, что смысл представляет собой результат сложнейших процессов, который может быть адекватно понят только как органическая, неразделимая целостность. Но такое понимание никак невозможно выразить в линейно-последовательном изложении. Иного, однако, не дано, и мне остаётся лишь время от времени напоминать об условности такого изложения и его неизбежных издержках. Кроме того, представленная ниже модель смыслогенеза носит обобщённо-теоретический, а не исторический характер. Исторические её экспликации будут развёрнуты в последующих частях исследования. Поэтому, говоря о тех или иных её аспектах, я не буду строго соотноситься с конкретными историческими условиями и обстоятельствами, всякий раз задающими особые модификации общей смыслогенетической формулы. Таким образом, смыслогенез может пониматься двояко. С одной стороны, это понятийная модель акта смыслообразования, в своей обобщённости притязаящая на некую универсальную схему. С другой же стороны, рассматривая конкретную историческую ситуацию, мы реконструируем особый контекст смыслообразования, где параметры общей схемы предстают всякой раз в своеобразных и неповторимых конфигурациях.

Каким образом смыслогенез связывает природу и культуру? Следует помнить, что в истории смыслогенетическая схема реализуется в виде растянутого на невообразимо долгий процесс эволюционного становления морфофизиологических, нейрофизиологических, психосоматических и некоторых других предпосылок изменения психических настроек в сторону постепенного, поначалу периферийно-разрозненного и локально-точечного проявления тех или иных аспектов смыслогенеза. Правда пишущие об истоках культуры авторы говорят не о смыслогенезе, а о социогенезе, символизации, происхождении языка или знакового поведения. Но в нашем представлении всё это – суть аспекты/продукты смыслогенеза. Закономерности эволюции систем таковы, что разрозненные, периферийные

и невостребованные в полной мере феномены (не обязательно только инновационные) на каком-то этапе начинают проявляться *системно* и образуют новое качество. Начнём рассуждать с уровня психофизиологии.

Есть основания предполагать, что все психические возможности для смыслогенеза имелись уже в среднем палеолите³. Так морфологические особенности мозга т.н. «прогрессивного» неандертальца указывают на развитие центров, ведающих приспособлением руки к точным и дифференцированным действиям⁴. Однако возможности эти существовали порознь, вне связи между собой. Формируясь и проявляясь в разных когнитивных сферах, они лишь к верхнему палеолиту⁵ оформились в единый психический контур⁶. В высшей степени вероятно, что фактором, определяющим нейрофизиологический аспект

³ Важно добавить, что первичные смыслогенетические процессы начались ещё раньше – в нижнем палеолите у кениантропов и хабилисов, а истоки их восходят к эпохе австралопитеков. Т. е. дозревание психофизиологических условий смыслогенеза по меньшей мере, в мустьерскую эпоху, направлялось и стимулировалось уже не природной необходимостью, а им самим, в то время как первичный, нижнепалеолитический протокультурный «праксис» не оказывал существенного воздействия на морфофизиологические изменения, поскольку был изначально не более чем их эпифеноменом. Тем не менее, природная эволютивность стала постепенно корректироваться культурным фактором, а к финалу антропогенеза оказалась почти полностью ему подчинена.

⁴ См. Якимов В.П. Ранние стадии антропогенеза // Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951. С. 84.; Австралопитековые // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966. С. 79-83. См. Также сноски о прогрессивных неандертальцах в гл. 2.

⁵ См. Mithen S.J. From domain specific to generalized intelligence: a cognitive interpretation of the Middle/Upper Paleolithic transition // The Ancient Mind. Elements of Cognitive Archaeology. Cambridge, 1994. P. 35-36; The prehistory of the Mind. London: Thames and Hudson, 1996. P. 181-186.

⁶ Это положение не опровергается даже самым радикальным «оправданием неандертальца». См. гл. 2.

формирования этого контура, явилось окончательное оформление МФА, а также развитие лобных долей⁷. А завершение его образования, как правило, уверенно связывают с развитием речевых центров вкупе с формированием голосового аппарата и переходом к членораздельной речи. Центр речи в левом полушарии активно развивался и у неандертальца⁸ (если не раньше), но для чёткой и разнообразной артикуляции звуков, было необходимо более тонкое устройство голосового аппарата, которым неандерталец, по-видимому, не обладал.⁹ Анатомическое доразвитие и настройка этого аппарата завершались параллельно с развитием сознания как продукта становления системного психического контура. При этом роль интегратора на психофизиологическом уровне сыграли предлобные, теменные и отчасти височные области. Именно их развитие позволило реализовать имевшиеся ещё у ранних гоминид, задатки и связать их у *Homo sapiens* в единую систему¹⁰. Даже наиболее «продвинутому» неандертальцу, называемому обычно

⁷ См. Фролов Б.А. Неоантроп: искусство и психология творчества // Вопросы антропологии. М., 1974. Вып. 46. С. 62. Впрочем, масштаб эволюционного отрыва кроманьонца от неандертальца по этому параметру в современной антропологической литературе остаётся предметом споров.

⁸ См. Бунак В.В. Происхождение речи по данным антропологии // Труды ИЭ АН СССР. Т. I. М., 1951 С. 241,242; Кочеткова В.И. Палеоневрология. М., 1973. С. 203-209.

⁹ Впрочем, по некоторым современным реконструкциям, сделанным на основе генетических исследований, формирование членораздельной речи относится к эпохе ок. 100 тыс. лет назад, а не 40, как это было принято считать до недавнего времени. Причина – генетическая мутация, сгладившая поверхность основания черепа и изменившая вследствие этого положение гортани. Впрочем, по вопросу времени появления речи, среди специалистов никогда не было единого мнения, как нет его и теперь относительно генезиса голосового аппарата и общих когнитивных возможностей неандертальца в сравнении с сапиенсом.

¹⁰ Eccles J.C. Evolution du cerveau et creation de la conscience. Fayard. 1992. P. 187.

атипичным (прогрессивным), развивавшемся в сторону уменьшения объёма мозга и усложнения его структуры, не хватало уровня межполушарной дифференциации функций для связи всех психофизиологических и психических признаков в единую систему и выходу в новое качество. Решающий эволюционный шаг был сделан за счёт нарастающего в филогенетическом ряду асимметричного дуализма психических функций. Эволюционная самонастройка МФА связала новые когнитивные процессы мозга с гаптической системой, создав тем самым сгармонизованную связку мозг-тело. Достижение нового эволюционного качества проявилось, в частности, и в том, что развитие органов речи и языковые способности современного подвида человека по сравнению с неандертальцем, согласно исследованиям Ф. Либермана, Д. Пилбима и Э. Крелина, взрывным образом возросли примерно в десять раз¹¹. Впрочем, согласно новейшим исследованиям, этот скачок был не столь резким¹².

Итак, базовый постулат смыслогенетической теории гласит: **коренное отличие человека от животного составляет способность к порождению и продуцированию смыслов.** Но что же, в таком случае, есть смысл? Общее определение таково: **смысл – есть дискретное психическое состояние, выраженное в кодах и транслируемое в сферу социальной коммуникации.**

Смысл – дискретный импульс особого рода интенциональности, испускаемый (излучаемый) человеческим сознанием. Своей смысловой природой интенциональность человеческого сознания отличается от всех прочих видов интенциональности как в живой, так и в неживой природе. Психически феномен смысла задаётся особым режимом право-левополушарного взаимодействия, что и является генерализующей причиной возможности для

¹¹ См. *Lieberman P.H., Crelin E.S.* On the speech of the Neanderthal man // *Linguistic Inquiry*.1971. V.II. № 2.

¹² См. *Current Biology* <http://www.cell.com/current-biology/> от 18 окт. 2008. Можно сказать, что вопрос о речевых способностях неандертальца остаётся открытым.

мозга воздействовать на квантовые процессы: осуществлять декогеренцию и рекогеренцию квантовых суперпозиций (см. гл. 1) и участвовать в формировании «объективной реальности» на уровне макропроцессов.

Определение это, как и в случае с такими понятиями, как *культура* или *эволюция*, разумеется, не может претендовать на полноту и окончательность. Но именно с него целесообразно начать продвижение к пониманию феномена *смысла*. Всё, что будет изложено в этой главе – развёрнутое пояснение этого определения.

Прежде всего, поясню, что имеется в виду под *дискретностью*. Поток психической активности животного *непрерывен*, и потому, не только параллелен нераздельно-текущему континууму реальности, а просто неотделим от него, чем и обуславливается не-выделение животным себя из окружающего мира. Как бы ни усложнялись сами по себе поведенческие программы, какие бы конфликты ни возникали между приобретёнными в онтогенезе формами поведения и их инстинктивным базисом, определённый природой уровень и характер связанности животной психики с универсумом сохраняется.

Впрочем, у высших млекопитающих психические и поведенческие сбои всё же ситуативно возникают, но неизменно «лечатся» с помощью либо ритуальных действий, либо корректирующих актов индивидуального поведения, восстанавливающих исходную «правильность». Чем сложнее организована нейродинамическая сфера животного и выше психическая автономность отдельной особи, тем чаще возникают ситуации «неправильного», неадаптивного поведения, ситуационно выходящего за рамки видовых автоматизмов. Усложнение ритуальных форм поведения у высших млекопитающих – свидетельство возрастания сбоев в инстинктивном поведении и латентном конфликте между ним и онтогенетической «надстройкой». (Впрочем, с учётом концепции ПМ, причины сбоев могут лежать и глубже). Проявления этой конфликтности в виде неадаптивного поведения у отдельных особей нивелируются коллективными ритуальными действиями. Чем острее ощущаются надрывы в континууме ВЭС, тем острее

необходимость в коллективных действиях, по вторичной концентрации и фокусировке психической энергии с целью восстановить нарушенную устойчивость психических процессов и функций.

Причина сбоев может заключаться и в неадекватном срабатывании самих инстинктивных программ. Этология накопила большой материал об аномальных формах поведения животных – отклонениях от наиболее эффективных для данной особи способах действия. К ним относятся, например, случаи поедания собственного потомства, неадекватная агрессивность (например, при брачных «церемониях»), вскармливание чужого потомства, «ухаживание» за представителями другого вида и т. п. Особое значение здесь приобретает способность (или неспособность) особи отклоняться от инстинктивной предзаданности и проявлять тем самым признаки индивидуального поведения. Тенденция к такому поведению закрепляется эволюционно. Давно установлено, что по мере продвижения по эволюционной лестнице врождённый набор автоматизмов, ввиду его нарастающей сложности (и не только поэтому), ослабляет свою регулируемую хватку. Например, строгая стереотипность ритуала брачной церемонии, выраженная у рыб, птиц и многих млекопитающих, заметно редуцируется у высших обезьян, у которых всё больше значение приобретают индивидуальные модификации поведения¹³. Таким образом, по мере усложнения психической организации, система инстинктивного поведения неуклонно расшатывается. Но чтобы совершить эволюционный прорыв от доминанты генетически обусловленных инстинктов, через возрастание роли онтогенетических навыков, к поведению и деятельности на основе доминанты актов сознания, требовался весь комплекс морфофизиологических и психических трансформаций, которые в совокупности и составляют антропогенез. Не говоря уже о том, что главная

¹³ Вопросы ритуального поведения у животных основательно исследованы К. Лоренцом и его школой.

интрига этого прорыва состоит в загадке генезиса самого сознания.

Антропогенетические трансформации состояли не только в приобретении новых, «неправильных» с точки зрения горизонтального вектора развития свойств, но и в отмирании тех животных свойств, которые мешали переходу в новое системное качество. Более всего это касалось тех органов и систем организма, функции которых непосредственно обеспечивали когнитивные процессы и формы поведения. Поскольку сопряжение процессов отмирания и формирования вряд ли могло быть мягким и щадящим, то кризисные моменты такого сопряжения определяют и маркируют межвидовые границы гоминид: границы возможных эволюционных изменений в рамках того или иного вида, как относительно устойчивого переходного состояния. Сама же направленность этих процессов шаг за шагом «выдавливала» предков человека из царства природы. Но куда?

4.2. ВЭС и родовая травма

В гл. 2 я уже вскользь касался вопроса о родовой травме в контексте морфофизиологических факторов антропогенеза. Теперь же возникает необходимость вновь обратиться к этому вопросу, но уже в связи с началами смыслогенеза и культуругенеза. Роль родовой травмы в культуругенезе обычно связывают с тем, что в силу «преждевременности» рождения, у ребёнка возникает потребность в дополнительном *символическом импринте*; его приходится специально доучивать, восполняя отсутствующие врождённые программы. Иногда из этого обстоятельства даже выводится генезис культуры вообще. Рождение культуры, однако, процесс комплексный, многоаспектный, и несводимый к одному сколь угодно важному частному фактору, а роль родовой травмы в культуругенезе намного глубже и сложнее. Саму проблему родовой травмы никак нельзя назвать новой: она неоднократно обсуждалась разными авторами от О. Ранка до С. Грофа и Ж. Лакана, но интерпретировалась, главным

образом, в психоаналитическом ключе¹⁴. Между тем, теоретико-культурное её значение остаётся недостаточно выявленным.

«Диссидент» от фрейдовского психоанализа О. Ранк был, пожалуй, первым, кто всерьёз обратился к проблеме родовой травмы и даже построил на её основе собственную психоаналитическую методику и клиническую практику¹⁵. Однако, поскольку его метод психотерапии не получил достаточного признания и не имел широкого круга последователей, то и сама тема родовой травмы оказалась в тени.

В трансперсональной психологии С. Грофа¹⁶ феномен родовой травмы служит отправным пунктом построения концепции базовых перинатальных матриц (БПМ). Оставляя в стороне неоднозначное отношение к репрезентативности результатов, полученных в ходе сеансов ЛСД-терапии, а также опуская критику многочисленных натяжек и подгонок в интерпретации образности, связанной с переживанием пребывания в той или иной матрице, отметим, что именно Гроф впервые показал не только психоаналитическое, но и *экзистенциальное* значение родовой травмы. И хотя само выстраивание 4-х БПМ в строгой последовательности представляется весьма проблематичным как в логико-методологическом, так и экспериментальном аспектах, трансперсональный метод Грофа со всей наглядностью выявил, по крайней мере, два важнейших момента. Первый: безусловное подтверждение существования филогенетической и эволюционной памяти и

¹⁴ Психоаналитический интерес к феномену родовой травмы восходит ещё к Фрейду, указавшему на то, что она является переходом из относительно спокойного состояния в стрессогенное. У Фрейда же намечено и толкование отделения от материнского тела как типологический аналог (или первообраз) всякого отделения (отчуждения) от какой либо целостности, нераздельность с которой переживается экзистенциально.

¹⁵ *Rank O. Das Trauma der Geburt und seine Bedeutung für die Psychoanalyse. Zürich, 1924.*

¹⁶ *Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 1993.*

возможность экспликации и исследования её содержания¹⁷. Второй – фундаментальное значение родовой травмы как фактора определяющего первичный импульс генезиса сознания.

Грофовские интерпретации пренатальных и перинатальных переживаний в виде мифологической или религиозной образности отчасти сродни отмеченному выше искушению биологизаторов описать, поведение животных в человеческих понятиях и образах, а затем «обратным ходом» вменить животным «очеловеченные» мотивировки, а людям – «анимализованное» поведение. Особенно это касается БПМ II – интерпретации схваток в закрытой маточной системе как антагонизма с матерью (корреляты такой интерпретации есть также у О. Ранка, Дж. Кэмпбелла и Э. Нойманна) и БПМ III – интерпретации синергизма с матерью, т. е. проталкивания через родовой канал в образах оргиастических культов и кровавых жертвоприношений. Но в любом случае, независимо от характеристик и интерпретаций этих матриц, для проблемы перехода от природного психизма к сознанию самое важное значение имеют два состояния: собственно пренатальное (в терминах Грофа: БПМ I – первоначальное единство с матерью до начала родов, переживаемое как высшее блаженство, «океанический экстаз» – по Э. Нойманну и т. п.) и постродовое (по Грофу – БПМ IV, образная интерпретация которой в отличие, к примеру, от более изящных построений Э. Нойманна, противоречива и, прямо скажем, невнятна).

¹⁷ При всех справедливых упрёках в адрес трансперсональных методик С. Грофа, факт остаётся фактом – нервный импульс оказывается не единственно возможным способом формирования памяти. В соответствии с представлениями традиционной нейрофизиологии, запоминание возможно только после миелинизации нервных волокон, которое у новорожденного ещё не завершено. Однако, как достаточно убедительно, несмотря на возражения скептиков, показали опыты Грофа, человек вполне способен запоминать не только эпизоды из жизни плода и эмбриона, но и фрагменты своей филогенетической «предыстории» вплоть до весьма далеких биологических предков.

В данном контексте, однако, важен не столько комплекс психоаналитических смыслов и их образных корреляций, сколько само *экзистенциальное* состояние переживающей психики, оказавшейся в ситуации выброса из внутриутробного состояния во внешний мир. Поэтому психоаналитические характеристики переходных состояний, столь важные для Грофа, для нас особого значения иметь не будут, а переход из пренатального в постродовое состояние рассматривается исключительно в ракурсе вышеозначенного перехода от синкретического психизма к отпавшему и приобретающему всё большую автономность сознанию. Эта проблема Грофом на передний план вообще никогда не выдвигалась. Попытка построения теории происхождения сознания как экспликации пренатальных комплексов (с упором на комплекс уробороса) предпринималась и Э. Нойманном.¹⁸ Несмотря на его блестящие и по достоинству не оцененные интуиции и догадки, он, будучи последовательным юнгианцем, так и не вышел за пределы психоаналитического дискурса, со всей его ограниченностью, натяжками и абберрациями. Впрочем, критика психоаналитической культурологии – отдельная тема.

Значение постродового состояния (соотносимого с грофовской БПМ IV) отразилась и в рассуждениях Ж. Лакана¹⁹. Говоря о «зеркальной стадии» развития сознания, Лакан указывает на то, что в силу «преждевременности рождения», выраженной в недоформированности нервной системы младенца, отсутствием моторной координации и некоторых других факторах, ребёнок является не столько автономным организмом, сколько полуавтономной частью материнского тела. (Эта, казалось бы, совершенно умозрительная идея полностью согласуется с концепциями, изложенными в гл. 3) Соответственно, будучи не способным укрыться под «сенью инстинкта», ребёнок вынужден строить отношения с

¹⁸ Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М., 1992 (1949).

¹⁹ Ecrits. P. 1966: Le seminaire de Jacques Lacan. P. 1973-1986.

окружающим миром искусственным образом, т. е. посредством культуры. Преодоление состояния «фрагментарного тела», т.е. выделение себя из окружающей среды, ориентация и перемещение в пространстве, по Лакану, достигается ребёнком посредством апперцепции своего зеркального образа. Ребёнок ассимилирует свою форму или гештальт на расстоянии, помещая хаотический внутренний опыт в оболочку зрительного образа. На фоне естественнонаучных данных «зеркальная» концепция Лакана, при всём её изяществе, предстаёт весьма надуманной, да и к тому же, мягко говоря, не вполне самостоятельной. Впрочем, философский дискурс чрезвычайно удобен тем, что позволяет легко выдать любое недоказуемое положение за «невинную» теоретическую метафору. Однако сама идея не до конца разорванного единства новорожденного с материнским телом и понимание пребывания в утробе как опыта органической полноты, (в терминах Лакана – «Реальное») связывает концепцию родовой травмы с философскими интуициями гегелевско-фрейдовско-хайдеггеровской линии, где травма полагается как некий неизбывный опыт «экзистенциальной негативности» и служит основополагающим антропологическим началом.

Родовая травма у человека имеет два этапа: собственно выход из утробы и затем окончательный отрыв от матери, проходящий в свою очередь несколько стадий. И хотя некоторые авторы, например тот же Ж. Лакан, отмечали значение экзистенциально переживаемого ребёнком единства с материнским организмом уже после рождения, эта вторая ступень родовой травмы часто недооценивается в своём значении.

На медицинском уровне реакция на разделение с матерью описана в виде ясной симптоматики: беспокойство, проявляемое в форме голосовых сигналов, поисковая активность, тревога, отчаяние, затем спад активности,

беспомощность, отсутствие аппетита, бессонница, снижение реакций, упадок сил²⁰.

Чрезвычайно важно, что этот несвойственным животным стресс (который на самом деле есть нечто гораздо больше, чем просто стресс, лечится путём установления круга вторичных экзистенциальных связей – социальных – компенсирующих утрату единства с матерью. Эта терапевтическая функция социализации ясно выражена и в древнейших коллективных практиках – ритуальных²¹.

Вполне возможно, что описанное Фрейдом экзистенциально-психологическое единство с матерью, которое уже в зрелом возрасте вступает в конфликт с вовлечением человека во «взрослые» социальные роли и программы поведения тоже не является последним уровнем связи. Т. е. органическая по природе своей связанность с матерью сохраняется на протяжении всего (или почти всего) жизненного цикла, хотя и может уходить в тень, подавленная социальными компенсациями. В ослабленном виде аналогичный тип связанности охватывает всех людей вообще (о природе этой связи, правда без «психоаналитического дополнения» см. в предыдущих главах) и проявляется в экзистенциально-психологической синхронизации биологических ритмов находящихся «под грузом социального»²². И хотя в наиболее явном виде такая

²⁰ Bowlby J., Teschmacher H., Blasing J., Henschen F., Lottspeich F. Opioid Activities of Beta-Casomorphins // *Life Science*. 1981. Vol. 28. P. 1903-1909.

²¹ «В ходе недавних исследований в психологической антропологии учёные пришли к выводу о том, что огромное большинство ритуальных церемоний связаны, прежде всего, с общетерапевтическим эффектом, так как они влияют на комфортность бытия, усиливают идентичность и повышают сплочённость общности». Э. Фреска, *С Кюльсар*. Социальные связи в модуляции физиологии ритуального транса // *Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология*. М., 1001. С. 502.

²² Hoffer M.A. Relationship as Regulators: A Psychobiologic Perspective on Bereavement // *Psychosomatic Medicine*. 1984. Vo 1. 46. P. 183-197.

синхронизация прослеживается в отношениях мать – ребёнок, универсальность её можно считать установленным фактом²³.

Итак, в силу комплекса эволюционно-морфологических изменений, родовая травма у человека стала точкой разрыва связанности с природой и путём выпадения из последней. Напомню, что «преждевременность» рождения не только количественно усиливает шок экзистенциального отчуждения при выходе из утробы, но и качественно меняет все психические режимы. Ребёнок не просто вынужден дольше «доучиваться» по сравнению с детёнышами животных; тенденция к угасанию роли биоимпринтов достигает принципиально иного уровня, что кардинально меняет всю психическую конституцию. Это уже не просто корректировка инстинктов или выработка частично подавляющих их условно-рефлекторных программ. Теперь задачу гармонизации отношений с окружающим миром можно решить лишь вторичным образом, посредством развивающейся активности сознания и социокультурных практик. Родовая травма, таким образом, создаёт взаимосвязанный набор условий смыслогенеза, главные из которых заключаются в следующем.

Шок экзистенциального отчуждения накладывает неизгладимый отпечаток на всё последующую активность бессознательного, задавая подспудные мотивации к возвращению в непротиворечиво-континуальное состояние²⁴.

²³ Field T. Attachment as Psychobiological attunement: being on the Same Wavelength // The psychobiology of Attachment and Separation/ V. Reite, T Field (Eds.). New York, 1985. P. 415-454.

²⁴ Разумеется, нет оснований слишком идеализировать внутриутробное состояние, полагая, что пребывание в нём связано лишь с непрерывным и незамутнённым блаженством. Процессы, протекающие в материнском организме, безусловно, оказывают на психическое состояние плода самое разнообразное, подчас и весьма негативное и травматическое воздействие, в той или иной мере нарушая «эйфорию» нераздельного существования. Но все

Растянность периода детства и сама частичная «невооружённость» новорожденного готовыми инстинктивными программами выбивает его из биоритмически организованного существования и понуждает искать путь назад, в гармонизованное и укоренённое, соответствующее пренатальному, состояние. При этом растянность периода детства способствует смягчению перехода к дискретному функционированию психики. Однако прямой путь назад, в силу необратимости эволюционных изменений, невозможен, и частичная гармонизация (полная оказывается утраченной навсегда) достижима только через инкультурацию. Иными словами, масштаб экзистенциального отрыва от природы, задаваемый родовой травмой, обрекает человека стихийно переориентироваться на внегенетические способы передачи опыта, т. е. выстраивать вокруг себя пространство *культуры*.

Если к открытому Геккелем закону единства онто- и филогенеза добавить ещё и культурогенез (а для этого есть все основания), то можно сказать, что глубинная память отдельного человеческого субъекта о непротиворечиво-гармоничном внутриутробном состоянии параллельна коллективной памяти человечества о докультурном, природном прошлом.

Современные эмбриологические исследования психических процессов плода в утробе наводят на отчётливые аналогии с докультурным состоянием. Психическая жизнь плода в утробе оказывается намного сложнее, чем представлялось ранее. Усложнение реакций, зачатки сознательного поведения и даже некоторые сбои в цикличности витальных процессов – всё это в немалой степени указывает на приближение к рубежу культурогенеза. Но переход этого рубежа осуществляется лишь вследствие акта рождения и последующей инкультурации.

Эпигенетическая память служит мощнейшим магнитом, подспудно фокусирующим и направляющим

эти негативные воздействия – лишь слабый отзвук того, что предстоит испытать ребёнку после рождения.

широчайший спектр психических по основаниям, но уже культурно оформленных мотиваций, направленных на возврат в непротиворечиво-континуальное состояние. Состояние это смутно мерцает в глубинах экзистенциальной памяти (как филогенетической, так и онтогенетической) в виде некоего априорного идеала существования – наилучшего состояния из всех возможных.

Таким образом, родовая травма, с одной стороны, служит фактором неизбывной «ностальгии» по счастливому синкретизму существования и, с другой, выступает одним из главных обстоятельств комплексного изменения психических режимов. Изменения эти, в свою очередь, связаны с важнейшим эволюционным событием – частичным выпадением из природного континуума и началом перевода ВЭС в новую системную модальность. Становление же новых психических режимов связано с аритмическими сбоями и задержками в функционировании предкультурной когнитивности гоминид.

4.3. Сбои и разрывы

Мне уже неоднократно приходилось говорить о культурогенетическом значении МФА и, в частности, о механизмах преодоления перцептивного хаоса, который возник в психике гоминид в результате частичного разрушения каналов ПМ и природных перцептивных настроек. Схематизируя картину можно сказать, что выпадение предчеловеческой психики из животного состояния на пути к формированию культурного сознания происходит в три шага. **Первый** – разбалансировка правополушарных психических функций, связанных с восприятием и обработкой целостных «гештальтов» в соответствии с видовым генокодом. Гештальты эти репрезентируют локусы/пучки когерентных связей, которые транслируются из ИМ через психосферу. В результате их разбалансировки, в психике стали образовываться сбои и задержки – состояния, когда ни одна из инстинктивных программ не «ведёт» психику, не определяет её поведение. А эмпирические корреляты «реалий» когерентного мира стали отрываться от своих имплицативных матриц-

праобразов и превращаться в своего рода «вещи в себе» – экзистенциально отчуждённые и неосвоенные феномены.

Феномены эти вызывают не только «романтическое» удивление, о котором иногда пишут, пытаясь охарактеризовать отношение раннего сознания к неосвоенному миру. Уместнее говорить о жесточайшей фрустрации с богатым симптоматическим набором: от перманентного диффузного страха, экзистенциальной прострации и чувства незащищённости до широкого комплекса эндокринных, сенсорных, секреторных, тонических и иных дисфункций, составляющих один из сегментов конкретного патогенного содержания эволюционной болезни. Но главный итог означенной разбалансировки, поднимающий этот процесс над обычной патологией на уровень общеэволюционной значимости – выталкивание предчеловеческой психики из природной сети когерентных связей, где любые флуктуационные колебания, напряжения и возмущения не разрывают холономной оболочки когерентного и каузального миров и не порождают эксплицитных проявлений психофизического дуализма.

Разумеется, не следует забывать о том, что синкретическая нераздельность биосистемы – относительна. Ни о какой абсолютной холономности здесь не может идти речи, ибо автономизация и субъективирующее обособление форм прошло до выхода на уровень живых организмов, по меньшей мере, несколько системных ступеней. Однако для отпадающей от биосистемы человеческой ментальности, уровень холономности живой природы может быть принят за условный максимум.

Частичная утрата по природному прямым и непосредственным связям с ИМ (точнее, с его психосферными проекциями/экспликациями) вынудило психику, а именно, правую гемисферу в стихийно-бессознательном режиме искать способы самонастройки, призванные заново наладить *медиативные функции*. Иными словами, ещё не искусственным, но уже и не вполне естественным образом перекинуть мост между мирами, заделать опасную и травматическую брешь между

спонтанно мерцающими в психике паттернами когерентных связей и фрагментарно отпадающими от них эмпирическими коррелятами. Собственно, и сам феномен такой корреляции обязан своим появлением именно этому отпадению и стремлению психики его преодолеть.

Первым актом психической самонастройки в направлении медиации между «расколотыми мирами» и, соответственно, **вторым** шагом, ведущим к выпадению из континуума животного психизма, стала выработка правой гемисферой механизма эйдетической памяти. Если бы этот механизм не доказал свою действенность на протяжении сотен тысяч (или даже миллионов) лет в раннем культурогенезе, то вряд ли бы он столь прочно закрепился на онтогенетическом уровне, став универсальной стадией развития детской психики. О глубоких корнях «эйдетического» режима медиации свидетельствуют и его многочисленные «метастазы» в поздних ментальных структурах и психологических стереотипах (бессознательная, а также, впрочем, и осознанная ориентация на образец, самопричинное стремление к предельно точному его воспроизведению, ставшее одним из оснований традиционализма и т.п.). Помимо этих многократно опосредованных и превращённых форм эйдетизма эпизодически дают о себе знать и его прямые отблески-проявления в психике современного взрослого человека.

В эйдетической памяти нет ничего от обычного припоминания с его обобщающими и классифицирующими процедурами. Мысля по-детски точно, эйдетик не группирует элементы картины в соответствии с образцами и правилами культурного опыта, а в точности воспроизводит в памяти энграмму, оставленную образом, восходящим не только и быть может даже не столько к эмпирическим впечатлениям, сколько к психосферным образам-проекциям из мира свёрнутого порядка. Косвенно это можно обосновать тем, что для эйдетика зрительная картина никогда не сводится к чистой визуальности. Она всего лишь маркирует целостный комплекс впечатлений/переживаний, своего рода «гештальт», где фотографически схваченная

визуальность выступает не более чем скрепляющей упаковкой, организующим контуром. Эйдетический образ не конструируется мышлением, он просто фиксируется в психике в виде целостной и относительно устойчивой энграммы – результата ситуационной встречи переживающей психики с *другим*. И образ этого *другого* оформляется в виде его слепка, снятого визуальным и довербальным правополушарным мышлением.

Эйдетическая визуализация – одна из первичных форм «перевода» напрямую считанных во фрактале психических матриц (см. гл. 3) в операбельные образные ряды и начала представлений.

Поскольку, в самом ИМ никаких дискретных психических матриц не существует, то здесь явно напрашивается аналогия с квантовой механикой. Как взгляд наблюдателя вызывает коллапс квантовой волны, превращая квантовый объект в то, что можно трактовать как локальную и дискретную частицу, так и психическая матрица приобретает дискретную и локальную структуру с условной конфигурацией и границами лишь в результате её апперцепции психикой. И однажды образовавшись, такие матрицы пребывают в психосфере, (а не в самом, повторю ещё раз, ИМ) откуда и считываются при вхождении психики во фрактал (см. гл. 3).

Эйдетическая память – это, прежде всего, способность воспринимать предмет в его отсутствие, т.е. возможность удерживать в себе его интенционально-онтологический шлейф.²⁵ Эйдетическая память – атавистическая для современного взрослого человека, форма рецепции и перевода опыта медиации (в описанном выше смысле) в сферу раннего, довербального сознания. Поэтому феномен эйдетической памяти наиболее явственно

²⁵ Не случайно психофизиологической основой эйдетической памяти является *остаточное* возбуждение зрительного анализатора. *Марютина Т.М. Ермолаев О.Ю.* Введение в психофизиологию. М. 2001. С. 192.

проявляется именно у детей.²⁶ Для них прямые пути во фрактал ещё не перекрыты инкультурацией, и потому считывание психических матриц и энграмм протекает в режиме минимального опосредования, каковым выступает эйдети́зм. Здесь уместно говорить не только об эйдети́ческой памяти, но и об эйдети́ческом когнитивном комплексе, представляющим собой наиболее прямую проекцию фрагментированных в психосфере локусов имплицитивного мира в пространство психической апперцепции. Здесь эти локусы – суть свёрнутые вероятности осуществления – подвергаются первичной распаковке в правой гемисфере и репрезентируются в сознании в виде целостных гештальтов.

И наконец, **третий** шаг – образование, соответственно, третьего когнитивного модуля, в котором протекает вся дальнейшая эволюция ментальности – широкомасштабное включение левополушарных когнитивных техник и переход к «полноценному» **смыслообразованию**. Подключение левой гемисферы постепенно происходило на всём протяжении антропогенеза и раннего культурогенеза. Основанием для пробуждения левополушарных функций было:

– недостаточность эйдети́ческих когнитивных репертуаров для осуществления полноценной медиации,

– вызванная этим глубокая фрустрация психики, испытывающей разбалансировку правополушарных режимов.

– бессознательный «запрос» на развитие левополушарных когнитивных функций и технологий, отправляемый по каналам интенциональной медиации в имплицитивный мир. (Как иначе объяснить последовательную серию мутаций, происходящую именно в левом полушарии на протяжении антропогенеза и раннего культурогенеза и не имеющего прямого отношения к адапциогенезу горизонтальной эволюции?)

²⁶ *Выготский Л.С.* Эйдетика / Психология памяти. М., 2002. С. 186.

При этом между вторым и третьим когнитивными модулями пролегает качественная эволюционная граница, структурно-типологический барьер²⁷.

Что же происходит в результате постепенного включения левой гемисферы? Психические режимы коренным образом меняются. Левополушарные когнитивные техники связывают диссоциированные компоненты разбалансированных правополушарных перцепций, «вводя в обращение» специальный *феномен-медиатор*, по своей природе родственной *знаку*; теперь счастливая природная нераздельность переживающий психики и «оно само», становится принципиально недостижимым идеалом. (Видимо, нет нужды лишней раз напоминать, что для самих гоминид, эти процессы протекают неосознанно). В отличие от знаковых комплексов животных, служащих наборами информационных сигналов по поводу инстинктивных или условно рефлекторных программ поведения, феномен-медиатор возникает как инструмент установления вторичной, т. е. однажды распавшейся связи в очаге поражения (разбалансировки) природных психических настроек. *Подменяя собой по природному прямое считывание гештальта, а также вытесняя и его эйдетическое энграммирование, феномен-медиатор репрезентирует его (гештальт) в новом, опосредованном виде. Опосредование же связано с тем, что будучи результатом сцепки, взаимодействия, ситуационного синтеза право- и левополушарных когнитивных паттернов, феномен-медиатор «переводит» гештальт, схватывающий «оно само», невыразимый комплекс переживаний (самотождественную таковость) в плоскость ментальных репрезентаций. Причём, в силу симметрично-асимметричной диалектики феномена-*

²⁷ Наличие этого барьера отмечал и Н. Хомский, с которым вполне можно согласиться в том, что допустить плавное эволюционное развитие довербальной (эйдетической) когнитивности в дискурсивное «не больше оснований, чем допустить эволюционное развитие от дыхания к ходьбе». *Хомский Н.* Язык и мышление. М., 1972. С. 86.

медиатора, природа его оказывается внутренне подвижной, динамичной, бесконечно становящейся. Боюсь, что на прямой вопрос: что такое феномен-медиатор и как его можно представить, вообще невозможно ясно ответить.

Иными словами, если животная психика, при всей сложности своего знакового поведения, считывает лишь те гештальты ИМ, которые санкционированы генетически закреплённым видовым кодом, то разбалансированная психика предчеловека на путях нащупывания вторичной связи с этими гештальтами, забыв, как их следует «правильно» читать, опосредует перцепты с помощью феномена-медиатора. Преобразуясь в синтезе право- и левополушарных психических фильтров, исходные гештальты «распускаются» на почти бесконечное множество потенциальных семантических проекций (вариаций).

Иными словами, «свёрнутая» абстрактная потенциальность осуществлений конвертируется в бесконечность **семантических значений, актуализуемых в человеческой ментальности**. В этом, при всех внешних сходствах человеческого языка с языками животных, содержится их принципиальнейшее различие: **язык животных не знает семантической многозначности**. (К этой теме ещё не раз придется вернуться). Именно со стадии первичного формирования семантических репрезентаций, или, точнее, психического конструирования семантического инобытия потенциального полиморфизма ИМ, можно начинать отсчёт жизни новой системы – культуры её носителя – человеческой ментальности.

При этом не следует связывать означенный процесс исключительно с развитием вербального языка, который, скорее всего с верхнего палеолита стал главным, но далеко не единственным языком культуры. Будучи проводником разворачивания левополушарной когнитивности, вербальный язык выдвинулся на доминирующие позиции не случайно. Но на протяжении всего раннего культурогенеза он испытывал конкуренцию со стороны других языковых систем, часто превосходившими его в точности прямых

репрезентаций исходного гештальта и в большей степени несущими его живые «эманации». Таковым языком был, к примеру, язык ритуальной пантомимы или язык изображений. Однако вербальный язык, в конце концов, выиграл в главном: в комбинаторных способностях, которые, в конечном счёте, всегда определяют потенциал развития всякой конфигурации. Слово – последняя неделимая операбельная единица конструирования, позволяющая, не копируя гештальт напрямую, аналитически «развинчивать» его, а затем снова «свинчивать» в разнообразнейших семантических комбинациях и смысловых модусах. Титаническая борьба довербально-традиционных технологий ментальности с вербальными, пройдя бесчисленное количество паллиативных решений, завершилась в целом победой принципа семантической комбинаторики. Но это отдельный вопрос.

В связи со сказанным необходимо ещё раз отметить значение левополушарных когнитивных техник. Вспомним, что в биопсихике активизация левополушарных функций и закрепление их на видовом уровне происходит тогда, когда возникает необходимость в выработке знаковых или прото-знаковых репрезентаций, замещающих некое «оно само» в коммуникационной ситуации (См. ссылки гл. 2). Но в становящейся ментальности человека левополушарные функции совершают в своём развитии радикальный прорыв. Они не только привязывают размытые параметры данного в правополушарной перцепции гештальта²⁸ к неким определённым пространственно-временным координатам, но и переводят его в каузальную модальность, конвертируют его непосредственную (или минимально опосредованную) форму в **набор семантических возможностей/модальностей**. И уже из них сознательно или бессознательно выбирается и актуализуется тот или

²⁸ Изначальная размытость гештальта определяется тем, что, стоящий за ним «локус» имплекативного мира сам по себе не имеет чётких границ, а представляет собой разомкнутый сгусток стереометрического поля потенциальных осуществлений, пронизываемое интенциональными потоками.

иной вариант. Иначе говоря, ясная и безальтернативная данность сменяется вариативным набором вероятностей, полагаемых по принципу «если – то...».

Таким образом, в левой гемисфере разбалансированный, хаотически сегментированный и утративший целостность гештальт собирается в новой конфигурации – в виде «распластанного» во времени ментального конструкта, где исходный интенциональный импульс из имплицативного мира удерживает шлейф первоначальной целостности, сохраняя также её энергетический субстрат. Но общая конфигурация теперь состоит из разнесённых во времени компонентов, цепи асинхронных незавершённых состояний, где исходная целостность оказывается разъятой на первичный импульс, актуальное переживание – действие и его условное завершение, которые связаны между собой необратимым вектором времени и вариативными каузальными зависимостями.

Время, вклиниваясь в зазоры разъятого в психике гештальта, делает его завершение в когнитивной репрезентации потенциально вариативным. Альтернативы эти по своей природе не флуктуационны и не предопределены заранее биокodemом, как в природе, а простираются в становящемся мире семантики, в смысловом поле человеческой ментальности. Потому ни один гештальт не завершается окончательно: смысловые позиции не знают полного оконечивания, как бы ментальность не убеждала себя в обратном. Причём ни один гештальт (в перцептивном смысле соотносимый с *прафеноменом* (см. ниже)) не бывает исчерпан в своих семантических потенциях до конца, до абсолютного завершения.

Предрасположенность к синтезу право- и левополушарных когнитивных паттернов в ходе антропогенеза и раннего культурогенеза исторически развивается. Так правополушарное мышление идёт навстречу левому в своих хотя бы и минимальных, но действительных вербально-аналитических и символических возможностях. И это свойство, несомненно, возрастает как в филогенетическом ряду антропогенеза, так и в истории

культуры. Разумеется, наилучшей иллюстрацией ко всему сказанному были бы живые наблюдения за мышлением и поведением архантропов. Но об этом, увы, остаётся только мечтать. И даже верхний палеолит, который даёт уже гораздо более «продвинутую» карту ментальности, изучается нами на основании косвенных, хотя уже и не столь скудных данных.

Вышеприведённые рассуждения, отчасти забегающие вперёд и отчасти комментирующие то, что уже было сказано выше, не уводят, а, наоборот, приближают нас к главной теме – смыслогенезу, сопровождая её необходимыми разъяснениями. А минимальное опережающее использование в них таких понятий, как *смысл* и *смыслогенез*, было вызвано необходимостью и оправдано надеждой на то, что возникающая при этом неясность будет снята в последующем изложении.

Итак, болезненная аритмия – выпадение из космо- и биорегуляций, вызванная комплексом органических и психических изменений (напомню ещё раз о родовой травме), выражается прежде всего в *сбоях, разрывах и задержках* непрерывности психического потока, которые выступают первой предпосылкой смыслогенеза, ибо инициируют структурно-функциональное преобразование психики и открывают путь к формированию сознания. Что представляют собой эти задержки? Как уже говорилось, здесь наблюдаются точки протрации, состояния ситуационной выключенности из неразрывности природного психизма, неподверженности природным ритмическим регуляциям или их ослабление.

Это явление и раньше попадало в поле философских интуиций. Так, согласно учению Фихте, ощущения – это задержки в спонтанности Я, остановки в интенциональной деятельности психики. Сами по себе эти задержки абстрактны – они не субстанциональны, никак не выступают началом чего-либо и не инициируют никаких изменений, имеющих отношение к содержанию сознания. «Спонтанность же, напротив, возвращается в отражении к себе самой и полагает, таким образом, себя как

изменяющуюся во времени»²⁹. Фиксация на задержках-ощущениях, каждое из которых, даже будучи, казалось бы, направлено на тот или иной внешний объект, всегда включает в себя и отправную точку стихийной интроспекции.

Не будем отвлекаться на специальную работу по переводу с философского языка на культурологический. Укажем лишь на то, что такая фиксация разрывает непрерывность психического потока, изначально неотделимого от континуума внешней реальности. В результате возникает *ритмический диспараллелизм*, который и обуславливает выпадение человека из системы природных ритмических регуляций. Но выпадение это неполное, и диспараллелизм не превращается в полный хаос, поскольку задержки-ощущения изначально носят не более чем точечный характер, а возникающее при этом травматическое отчуждение затрагивает лишь некоторые из жизненно важных аспектов существования. Однако именно в этих аспектах и устанавливаются принципиально новые, надприродные ритмические отношения и регуляции. Поэтому сбои и задержки выступают также и основой становления человеческой субъектности/субъективности.

Иными словами, аритмический разлад врожденно-генетических «отзывов» на космо- и биоритмы частично разрушил сетку отбора жизненно важных раздражителей или, говоря терминами этологии, *врожденный разрешающий механизм*³⁰ – сито, через которое просеивается бесчисленное множество сигналов внешнего

²⁹ *Лаут Р.* Трансцендентальная позиция Мюнхенской школы: Пер. // РЖ. Общественные науки за рубежом. Философия / ИНИОН. 1992. № 5/6. С. 25-44.

³⁰ «Отбор раздражителей является составной частью любого поведения животного. В каждый данный момент органы чувств бомбардируются самыми разными формами физической энергии. На эту гамму раздражений животные реагируют избирательно; некоторые изменения энергии влияют на его поведение, другие – нет. Таким образом, очевидно, происходит своего рода отбор среди тех изменений энергии, которые воздействуют на животное». *Хайнд Р.* Поведение животных. М., 1975. С. 67.

мира. Действие этого механизма обеспечивает жёсткую фильтрацию сигналов и других воздействующих факторов в соответствии с генетически закреплёнными видовыми программами. Вызванные аритмическими сбоями «пробоины в сите» впоследствии, уже после прохождения рубежа смыслогенеза, породили одну из вечных экзистенциальных проблем человека – необходимость выбора, ставшую у истоков культуры одной из первых проекций метаоппозиции *я – иное*. (Сама по себе эта оппозиция естественным образом вписывается в ряд последовательных сепараций, охватывающих всё сущее во Вселенной, начиная с квантового уровня см. гл. 1). Животные не выбирают и потому не ошибаются. Как уже говорилось, через «пробоину» повреждённых биокосмических регуляций (в силу частичного разрушения правополушарных каналов ПМ), на предков человека обрушился поток травмирующего информационного шума. Жёсткие инстинктивно заданные связи психики с реалиями внешнего мира разладились, и выходом из сложившейся ситуации могло стать лишь переналаживание фильтрующего сита на основе первичных культурных практик, вырабатываемых в процессе смыслогенеза. Так, незнакомая животным необходимость выбора диктуется разладом инстинктивной связки сигнал – действие. А необходимость адаптации психики к потоку симультанно воспринимаемых сигналов ориентирует её и на партиципационную интенцию (см. ниже), и на постепенную выработку способности к экзистенциальному отчуждению, что само по себе продуцирует целый комплекс внеприродных когнитивных возможностей: абстрагирование, надситуативная активность, образование семантем вместо животной сигнальности и другие.

Таким образом, формирование человеческого сознания оказывается обусловленным *частичным разрывом ВЭС*. Разрыв этот был, повторю, именно частичным, ибо полного разрыва психика гоминид просто не перенесла бы. Один из главных аспектов культурной динамики – «расширение пробоин» от точечных сбоев в раннем культурогенезе к максимальному удалению от природных

форм ВЭС (современное состояние). А стремление к снятию развивающегося при этом отчуждающего субъект-объектного дуализма – противонаправленная тенденция, пронизывающий культурное сознание от архаических мифов и эсхатологических учений до философских рефлексий, в частности, хайдеггеровской фундаментальной онтологии раскрытости, где субъект и объект разомкнуты навстречу друг другу.

Частичный разрыв непрерывности психического потока служит отправной точкой «конвертации», вызванного МФА внутреннего асимметричного напряжения психической системы, в эксплицитный дуализм смыслогенетических/культурогенетических процессов.

Травматичность означенных сбоев проявляется в том, что с самого их появления, человека неотступно преследует страх психической пустоты. Для архаической (или, с оговорками, современной обыденной) ментальности с её простым однослойным устройством существуют простейшие способы не оставаться наедине с собой: от практически не значимой и слабо структурированной болтовни и «забывания головы» любым информационным шумом, элементы которого служат внешним (в отсутствии внутренних) семантико-ритмическими регулятивами, до неуёмного «синдрома социальной активности». В качестве материала здесь годится всё, что угодно: главное, увести сознание от фиксации травматических лакун, сквозь которые просачивается глубинная экзистенциальная тревога, восходящая к патологическим дисфункциям правого полушария. Более развитая, внутренне дифференцированная и, следовательно, более самодостаточная ментальность решает эту проблему на путях продуктивного внутреннего диалога – форме принципиально недоступной архаическому и обыденному сознанию. Вот почему архаическое сознание, а также сознание, являющееся его современным типологическим аналогом, постоянно занимает себя «бессмысленным психотерапевтическим трёпом» – сплетнями, бесконечным обсуждением несущественных мелочей, отупляющим

полупогружением в музыкальный или речевой «background» и т. п. Именно бессознательный страх психической пустоты, а вовсе не угроза распада социальности (и необходимость в связи с этим социализовать свободное время) как полагают сторонники теории гроуминга (Р. Данбар, Н.В. Клягин), понуждает примитивную ментальность ретушировать травматическую дискретность своих психических режимов с помощью внешних квази-континуальных регуляций³¹.

Если первоначальные формы сбоев и задержек восходят к эволюционному «стыку» природы и культуры, то внутри Культуры они в смягчённом виде отмечают границы её внутрисистемной эволюции и, соответственно, пороги изменения ментальной конституции человека как субъекта этой эволюции. Показателем здесь выступает способность вести нетравматический внутренний диалог, снижающий при этом значение любого рода внешних регулятивов, – т. е. достижение внутренне противоречивой, но относительно гармонизованной самодостаточности.

4.4. Общая формула смыслогенеза

Теперь мы можем, наконец, перейти в сердцевине всего исследования – **ОБЩЕЙ ФОРМУЛЕ СМЫСЛОГЕНЕЗА (ОФС)**, связывающей природу и АС и потому, без специальных оговорок употреблять такие понятия как *дуализм, деятельность, субъектность, сознание* и др.

По-видимому, будет целесообразно обозначить эту формулу кратко и в самом общем виде, а затем подробно пояснить и прокомментировать каждый из её пунктов.

Итак, ОФС предстаёт как последовательность следующих позиций:

³¹ Причём, если Данбар связывает означенные обстоятельства только с происхождением языка, Н.В. Клягин выводит из них всю культуру вообще. См. *Dunbar R.I.M. Theory of mind and the evolution of language // Approaches to the Evolution of Language. Cambridge. 1998. P. 92-110; The origin of the human mind // Evolution and the Human Mind. Modularity, Language and Meta-Cognition. Cambridge. 2000. P. 238- 253. Клягин Н.В. Указ.*

1. Спонтанные аритмические задержки и разрывы психического потока, вызывающие шок экзистенциального отчуждения и широкий комплекс психических дисфункций.

2. Фиксация психики на внеположенном *нечто (иное)* и установление с ним *партиципационной связи* с неосознанной целью преодоления дуализующего отчуждения: *я – иное*.

3. Ситуационное снятие отчуждения путём частичного восстановления всеобщей эмпатической связи через достижение партиципационного единства.

4. Разрыв партиципационной связи и переживания вторичного отчуждения.

5. Создание психического образа вторично отчуждённого *иного как прафеномена*.

Этот термин употребляется не в гуссерлианском и вообще не в философском понимании. Под ним, говоря пока грубо и схематично, имеется в виду то первичное иное, с которым имеет дело психика в состоянии «нащупывания» обратной дороги к утраченной слитности с миром. Прафеномен – это адресат первичной неприродной перцепции, к чему в ходе долгой эволюции сознания предстоит превратиться в объект в современном смысле этого слова.

6. Экспликация психического образа прафеномена в виде кода в акте социальной коммуникации³² и установление вторичной партиципационной связи с синкретической связкой прафеномен-код, что и представляет собой собственно рождение смысла.

7. Коллективная (социальная) апперцепция смысла и его трансляция с последующим прагматическим его использованием в качестве *медиатора* в отношениях социального коллектива с окружающим миром и психосферой.

³² Что касается социально-коммуникативного аспекта, то данная позиция справедлива лишь в отношении более поздних стадий развития ментальности и культуры. О том, как обстоит дело в прото-культуре см. ниже, а также гл. 5.

Перед тем, как приступить к подробному комментированию данной формулы, подчеркну, что она соотносится, прежде всего, с ситуацией палеогенезиса смысла, т. е. с минимальным количеством поправок применима только к рождению первичных смыслов – первых краеугольных камней в фундаменте смыслового тела культуры. Чем дальше мы уходим от первосмыслов и «первого поколения вещей», тем большее количество приводящих факторов и обстоятельств мы должны учитывать при анализе смыслогенетических процессов, протекающих в тех или иных культурно-исторических условиях.

Итак, о причинах сбоев и задержек в непрерывности психического потока уже было сказано.

4.5. Метаоппозиция *я – иное*.

Обратимся ко второй позиции общей формулы смыслогенеза. Она начинается словами: «фиксация психики», что требуют пояснения. Речь идёт не об актах апперцепции, но лишь об интенционально-энергетической устремлённости (интенции) психики к тому, чему ещё только предстоит стать дискретным *нечто* и быть пережитым как внеположенное *иное*.

Иное здесь это ещё не объект как его понимает современное рационалистическое сознание, с детства приученное видеть и описывать мир сквозь призму субъект-объектных отношений и как механическую сумму дискретных и априорно отчуждённых вещей. Первичное полагание метаоппозиции *я – иное*, вызванное психическими дисфункциями антропогенеза и фрагментарно наблюдаемое на материале онтогенеза, представляет собой сложное когнитивное и экзистенциальное состояние, когда *иное* находится в своеобразном полуютчуждённом состоянии по отношению к *я*.

Я – это не рефлексивная саморепрезентация «в третьем лице», а *иное* – не более чем абстрактный *прафеномен* (см. ниже), единственная функция которого – служить своеобразными воротами, каналом, через который центростремительная интенция психики ситуационно возвращает её (психику) на более архаичный уровень

слитности с пространственно-временным континуумом. И фиксация психики в этой ситуации ещё очень далека от каких-либо семантизирующих или дистрибутирующих процедур. Она лишь фокусирует интенционально-энергичную интенцию, намечая изначально зыбкие и проницаемые границы того, что в пробуждающемся сознании мерцает как *нечто-не-в-полной-мере-я*. Возникающие при этом диспозиции будут рассмотрены ниже.

Итак, **метаоппозиция я – иное – самый первичный и абстрактный уровень преобразования внутреннего дуализма психики в проявленный дуализм смыслообразования**³³. Она охватывает все без исключения ситуации дуальных отношений, в которые включается человеческая ментальность. В этом утверждении нет редуccionизма, поскольку речь идёт не о содержательном сведении всей разнообразнейшей семантики дуальных отношений в культуре к этой метаоппозиции, а всего лишь о её генетической первичности по отношению к бесконечно ветвящимся производным. В течение многовековой истории культуры многие смыслогенетические процессы рутинизовались, перешли в фоновый режим и утратили экзистенциальную остроту, сделав лежащее в их основе бинарное оппозиционирование почти незримым. Но с помощью сравнительно несложных «археологических раскопок» его не составляет труда выявить и реконструировать. В обыденной жизни дуалистические корни смыслообразования обычно скрыты под толщей автоматических и полуавтоматических программ, рутинных по содержанию и начисто лишённых переживания взаимодействия с иным. Но, достаточно, к примеру, представить ситуацию, когда человек попадает в совершенно иную, непривычную культурную среду, где значительная часть стереотипных программ, начиная с языка и кончая бытовыми привычками, оказывается остро неадекватной прежнему опыту. Тогда-то и открывается возможность пережить отдалённое подобие того

³³ Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М., 1998.

экзистенциального отчуждения, с которым сталкивается ещё не ставшая сознанием психика в преддверии смыслогенеза. Психика, первоначально «растворённая» в текучем континууме реальности, начинает «проваливаться» в новообразовавшиеся бреши и лакуны, где внешние природные регуляции не действуют или действуют критически слабо, а внутренние генетические программы поведения, не «знакомые» с новым типом ситуаций, дают сбой или вовсе не срабатывают.

Оппозиция *я – иное*, которую можно обозначить и как оппозицию *самость – инакость*, – это отправная точка всего смыслогенетического процесса, осуществляющегося в режиме оперирования бинарными оппозициями (другого, впрочем, и не существует).

Притуплённость восприятия дуальных оснований смыслогенеза в обыденном мышлении часто приводит к недооценке последних и неспособности видеть их универсальность. Так, подвергая критике те или иные познавательные подходы, будь то классическая диалектика или любые иные дихотомические построения, не связанные напрямую с философской традицией, но основанные на чётко выраженном бинаризме, критики часто стремятся вместе с конкретными методологическими схемами, отбросить или «окончательно развенчать» сам принцип бинарных оппозиций. Особенно «преуспели» в такой критике постмодернисты. Необычайно трогательно наблюдать, как ничуть не менее любого другого пронизанный дуализмом постмодернистский дискурс тщится выдавить его на доктринальном уровне, протестуя при этом против всякого доктринёрства, и метанарраций. При этом пафос отрицания дуализма доходит подчас до абсурдного отрицания очевидности: например, полового диморфизма.

Есть и другая аберрация, за которой прячутся дуалистические основания смыслогенеза. Это уравнивание бинарного принципа в своём значении с другими, например, тринитарным, или трактовка бинаризма как принципа равнозначного другим, т.е. как частного случая. А между тем бинарная структурность как основа основ любого

дискурса без труда выявляется везде и даже там, где от неё всячески отрешиваются. Однако не буду сейчас подробно на этом останавливаться.

Полагание этой метаоппозиции выступает общей предпосылкой становления сознания, ибо последнее обязано своим появлением шоку экзистенциального отчуждения, а также и пробуждением человеческой протосубъектности, как реакции на этот шок. Первым актом её проявления выступает бессознательный импульс к восстановлению «подпорченной» ВЭС, и это есть не что иное, как первичный акт собственно человеческой когнитивности в отличие от животной инстинктивности, рефлексорности и даже ритуальности. И вот когда, повинувшись этому неодолимому импульсу, психика стремится заново «нырнуть» во всеобщую связь, между ней и (частично, не более того) отчуждённым *иным* возникает особое, незнакомое животной психике отношение – *партиципация*.

4.6. Партиципация

Партиципация – одно из ключевых понятий смыслогенеза – трактуется более широко и более теоретично, чем у Леви-Брюля, с чьим именем связано введение этого термина в широкий научный обиход³⁴. Партиципация – не просто культурно-психологическое явление, связанное с ощущением сопричастности к тем или иным ценностям (у Леви-Брюля – ритуально-племенным) и присущее, главным образом, архаическим обществам. **Партиципация – есть универсальная культурно-антропологическая константа, режим, регулирующий широчайший спектр ментальных и культурных процессов от развития человеческой самости, субъектности и рефлексии до мотивирования всех без исключения социокультурных практик и определения ценностных ориентаций.** (Вполне отдаю себе отчёт в смелости подобного обобщения). **Партиципация – проявление универсальной интеграционной силы (см. гл. 1) на ментальном и психосоматическом уровне**

³⁴ *Леви-Брюль Л.* Указ. соч.; Он же: Первобытное мышление. М., АТЕИСТ. 1930 (1910).

человека. Не исключено, что глубинные основания партиципации как психического феномена связаны с квантовыми процессами и способностью ментальности влиять на декогеренцию и рекогеренцию квантовых суперпозиций. Однако, подробное обоснование этого предположения само по себе не слишком прояснит культурное значение феномена партиципации, а потому, я не стану на нём останавливаться.

Прежде всего, отмечу, что партиципация по своей интенциональной природе ничего общего не имеет с *познанием*, (по крайней мере, в новоевропейском понимании), ибо последнее предполагает не природнение, а, наоборот, объективирующее отчуждение познаваемого объекта (здесь уже без кавычек). Иное дело, что осмысление и семантизация партиципационного опыта может быть представлена как составляющая познавательного процесса. Но не более того.

Если в основе универсальной потребности человека в партиципации (далее – *партиципационная потребность*) лежит некая интенция, то какова природа этой интенции, чем и как она направляется? Вернёмся к началу предыдущего параграфа, где говорилось о фиксации психики на прафеномене. Добавим к сказанному, что здесь опять возникает повод обратиться к обстоятельствам МФА и уже упомянутой разбалансировке перцептивных режимов в ходе эволюционной болезни. Напомню, что в ходе разрушения биопсихических каналов связи с имплицитивным миром, правополушарные перцептивные паттерны (гештальты) взрывным образом расширились. Это расширение привело к размыванию установленных генетическим кодом границ перцепции. Правополушарные паттерны, по природе своей связанные с переживанием априорной, императивной и безусловной данности (своего рода первичной, до-дискурсивной аподиктичности), стали, в силу безразмерности и эластичности границ, вмещать в себя случайный, посторонний материал.

Императивность, априорная самоочевидность правополушарных перцепций выражается в присущем детскому и архаическому мышлению неразличению (или

недостаточному различению) воображаемого и действительного, желания и его реализации и т.п. По наблюдениям Пиаже, для ребёнка к 6-7 годам любая идея становится верованием, а мир воображения – важнее и реальнее, чем внешняя действительность³⁵. При этом игровая реальность, о которой говорит Пиаже применительно к детям, – это не столько игра во «взрослом» смысле, сколько *деятельность* в мире, «подсмотренном» и обработанном правополушарной когнитивностью. Что же касается мышления архаического, то примерами вышеозначенных проявлений переполнена этнографическая литература.

Это, в свою очередь, создало проблему выработки адекватной линии поведения в конкретных жизненных ситуациях. Отсюда, в условиях частичного разрушения стандартных инстинктивных сценариев, проистекает острейшая потребность в фокусировании, дискретизации, конкретизации и поэлементной перцепции материала целостных и симультанно воспринимаемых правополушарных паттернов, что в свою очередь способствует снятию болезненной и фрустрирующей неопределённости.

Опуская множество культурогенетических тем, берущих начало из этой точки, отмечу лишь, что отсюда вполне понятным образом, берёт начало и партиципационная интенция, обнаруживающая себя в форме априорной потребности. Впрочем, вернее будет сказать, что универсальна метасистемная интегративная сила (см. гл. 1) являет себя в виде партиципационной интенции, опосредуясь обстоятельствами эволюционной болезни. Одно из важнейших среди этих обстоятельств – необходимость выработки антииррадирующих режимов рецепции. Отсюда и

³⁵ Пиаже Ж. Речь и мышление ребёнка. М. Педагогика-Пресс. 1999. С. 383. Идеи Пиаже относятся к классике возрастной психологии и за прошедшие со времени их разработки года, они подвергались разнообразной критике. Не останавливаясь на ней, отметим, что с приводимыми здесь суждениями можно в целом согласиться.

упоминавшийся выше, обращённый в имплицативный мир, «заказ» на ускоренное развитие левополушарных когнитивных техник и вызванное их развитием неодолимое желание «вытянуть» из перцептивного континуума некую онтологически неопределённую и незавершённую данность – прафеномен. Так вертикальная эволюция сопрягает решение кризисной проблемы биопсихики с формированием начал культурного сознания.

Рассматривая партиципационные ситуации, на первый план, как правило, выводят отношение *часть – целое*: когда человек переживает себя как часть некоего положительно отмеченного единства – этнической, конфессиональной, социальной или какой-либо иной общности – и переживает сопричастность к её ценностям. Но отношение часть – целое может быть и обратным: субъект может ощущать себя целым, природняющим внешний феномен как часть. Партиципационные отношения могут быть и паритетными (что, впрочем, встречается реже) – например, контекст половых контактов или отношения взаимных социальных обязательств (напр. ритуальное братание, установление кровнородственных связей, договор, сделка и т.п.) в тех или иных культурных традициях. При этом вектор изменения доминанты по линии часть – целое исторически смещается в сторону субъекта. Речь идёт о ситуациях, когда целым оказывается не иноположенный сознанию объект, а сам субъект. Так, субъект европейской культурной системы, достигая должного уровня самодостаточности, приравнивает не себя к чему-то внешнему, а всякую внешнюю данность – адресат партиципации – к самому себе.

Это связано с неуклонной автономизацией субъекта, становлением его самости и рефлексии, что и позволяет здесь говорить уже о субъект-объектных отношениях без натяжек и кавычек. (Не будем, впрочем, забывать, что в разных культурах процессы становления субъектности протекают не синхронно и по-разному. Поскольку сейчас речь идёт о партиципации вообще, а не только о первичных её формах, то употребление выражения «субъект-объектные отношения» уже вполне допустимо).

Акт партиципации – это ситуативное снятие субъект-объектного дуализма или, если речь идёт о ранней, протосубъектной, стадии, снятие отчуждающей дуализации, ещё не достигшей уровня рефлексивного полагания субъект-объектных отношений. Для характеристики этого состояния специальных терминов пока не существует. **Переживание партиципации временно и, разумеется, в ослабленном виде, возвращает психику в не-дуальное состояние, приближенное к первичной нераздельности с миром, на некоторое время частично восстанавливает ВЭС, снимая, тем самым, ощущение отчуждённости и конфликтности пребывания к дуалистически разорванном мире, что в той или иной мере вызывает ощущение эйфории**³⁶. Восстанавливая ВЭС и предкультурный субъектно-объектный синкретизис, (впрочем, строго говоря, синкретизис восстановить невозможно) психика временно утрачивает свою самость, как бы выпадая из дуализованного пространства. Пространство это нельзя однозначно, вне конкретного контекста назвать ни природным, ни культурным. Чаще всего – нераздельная слитность того и другого. Но, в любом случае, оно есть пространство внешнее по отношению к переживающей психике.

³⁶ Психофизиологической основой влечения к партиципации выступает открытая психологической антропологией индукция материнской эндогенной опиатной активности, которая в психике ребёнка отзывается переживанием сложного синкретического комплекса эмоций, из которого развивается и чувство доверия, и предчувствие вознаграждения, и априорная убеждённость в могуществе и покровительстве Другого. *Panksepp J., Herman B., Vilberg T., Bishop P., Deeskiyanazi F.G.* Endogenos Opioids and Social Behavior// *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 1980..№ 4. P. 473-487. Какую роль играют эти, ещё по сути, предсоциальные когнитивные диспозиции в становлении социально-культурного сознания, видимо пояснять не надо.

Выпадение касается, прежде всего, культурного времени³⁷ как длительности «расплющивания» симультанных гешталтов (см. выше), которое оборачивается становлением бинарных различий, распознаванием и интерпретацией культурных кодов. Поэтому ситуация партиципационного переживания отмечена совершенно особым ощущением времени, вернее, обычное ощущение времени пропадает, сменяясь погружением в нераздельное единство *я – состояние*. Партиципационные ситуации служат каналом, через который происходит включение человека в социокультурные сценарии или, иначе говоря, тем универсальным средством, с помощью которого культура, точнее, те или иные её подсистемы, манипулируют человеком, задавая цели и мотивы его любого рода активности. Партиципационный магнит накрепко привязывает человека к тому или иному классу смыслов и набору ролевых программ, связанных с их продуцированием; ценность партиципирования здесь оказывается намного ценнее и самой жизни, ибо опыт партиципации – это школа трансцендирования. Так можно, в частности объяснить психологический комплекс жертвы и психологический феномен жертвенности вообще. Именно через партиципационное притяжение культура переламинает в человеке незыблемые, казалось бы, в своей непреложности природные программы, заставляя неосознанно служить своим целям.

Зато, выпадая из культурного времени и оказываясь в своеобразном «инсайте», человек открывает перед собой поле неведомых дотоле возможностей. Природняясь к чему-либо, субъект как бы «впитывает в себя» его онтологию, бессознательно изменяя, содержание своего культурного опыта и расширяя тем самым возможности будущего смыслообразования. (Одним из примеров глубокой партиципации может служить импринтинг, в котором

³⁷ О выпадении из культурного времени можно, разумеется, говорить применительно уже не к первичным стадиям культурогенеза.

осуществляется онтологический диалог психики и вещей внешнего мира).

Обращаясь вновь к исследованиям Пиаже, добавим, что не только импринтинг, но и простые акты подражания в детском поведении связаны со смещением между *я* и *не-я* (здесь Пиаже идёт вслед за Боудином и Жане). Это смещение и составляет самую суть participatory акта. Когда ребёнок подражает, «он делает это всем своим существом, отождествляя себя с предметом подражания».³⁸ Пластическое подражание здесь, как и во всех других случаях, – это простейший моторный отзыв на participatory потребность, выраженный в предметно нацеленной, хотя и в широком ряде случаев, бессознательной, локомоции – осязательно-двигательной реакции. Звукоподражательное, а затем вербальное подражание имеет ту же основу.

Порыв к participatory единению априорен, непреодолим и бессознателен, ибо как экзистенциальная предпосылка предшествует возникновению любых частных мотиваций и осмыслению их содержания.

Одним из ярких примеров устойчивости participatory привязок является фетишизм, который возникает на основе закрепления participatory связи психики с определённым классом адресатов. Формируются устойчивые психические матрицы, восходящие к «доисторическому импринтингу» коллективного сознания. Фокус в том, что в ходе развития культуры, эти матрицы модифицируются: в первоначальную структурную конфигурацию «вкладывается» иная семантика, подчас весьма далеко отстоящая от первоначальной – «родной». В общем случае, опосредующая семантика легитимизируется культурой и закрепляется в традиции, а удаление от первоначального архаического единства структуры и семантики происходит пошагово: медленно и незаметно. Фетишизм как психическая патология – это нелегитимное с точки зрения доминирующей культурной традиции высказывание из глубин культурной памяти психических

³⁸ Там же. С. 19.

матриц опосредованных неадекватной (девиантной) семантикой. Это своего рода «послания» архаического сознания, направляемые через голову господствующих культурных традиций, но вынужденно использующие, за неимением утраченной «настоящей», присущую им семантику. Отсюда парадоксальная participационная привязанность фетишистов к различного рода замещениям. Причины этого явления кроются в области скорее медицинской, чем культурологической. Впрочем, тема фетишизма, явно обделена вниманием психоаналитиков.

Разумеется, приведённая выше модель обрисовывает лишь лабораторно чистую ситуацию. В конкретных культурных контекстах participационное переживание всегда неполно, частично и редуцировано, а participационные режимы конфигурируются всякий раз особой сеткой параметров.

Можно сказать, что человеческая жизнь – это перманентный и в разной степени осознанный поиск participационных переживаний. При этом частая актуализация однотипных participационных связей вырабатывает устойчивые каналы их реализации. Наблюдается обратная зависимость между стабильностью канала participационной связи и остротой, и интенсивностью participационного переживания. Рутинизация и вытеснение в подсознание целых классов participационных связей выступает своего рода индикатором исторической эволюции ментальности, его слоистой структуры. Поэтому, есть основания разделять participационные связи на *фоновые* и *актуальные*: первые функционируют в режиме психо-психологических автоматизмов, вторые же принадлежат преимущественно сознательной сфере.

Исторически типология participационных ситуаций выстраивается в прогрессию: первоначально человеческая экзистенция ориентирована на природнение к самому ближнему, чувственно конкретному кругу феноменов. Примером здесь может служить глубокая интимная привязанность, которую ребёнок переживает к освоенным и природнённым им вещам. При этом

утилитарные качества этих вещей не имеют никакого значения, важен, прежде всего, экзистенциальный опыт их природнения. Опыт этот формализуется в следах отметинах, полочках и других привнесённых особенностях, отличающих эту конкретную вещь от ей подобных и служащих кодом актуализации партиципационного переживания. Вот почему детское сознание так болезненно расстаётся со старыми игрушками. Впрочем, глубокая партиципационная привязанность к вещам присуща, разумеется, не только детскому сознанию. Экзистенциальная связь человека с вещью, очеловечивание вещи и связанный с этим смысловой комплекс – колоссальная и на удивление мало исследованная тема.

Прямая партиципация к единичным вещам – это первый и простейший уровень партиципации. Укореняясь в соответствующем секторе ментальности, он выступает фундаментом, над которым надстраиваются следующие уровни. Далее прогрессия партиципационных отношений, развивающаяся как вширь, так и вглубь, достигает уровня «удалённых» умозрительных вещей – ноуменов³⁹. И, на самом высоком уровне, партиципационный порыв «дотягивается» до трансцендентного, вернее, его «удалённых» имманентных проекций в психосфере. Абсолютное трансцендирование – конечная цель партиципационных устремлений. И цель эта, разумеется, недостижима. Речь может идти лишь о степенях приближения.

В каждой культурной системе образы трансцендентного оформляются по-разному. Но почти всегда образы эти прямо или инверсионно связаны с её сакральным ядром⁴⁰, и партиципационное восхождение к

³⁹ Мысль о том, что «естественный прогресс» человеческих идей состоял в «переходе от чувственных предметов к отвлечённому сознанию», высказывалась ещё в XVIII в. Ш. де Броссом. *De Brosse Ch. Du culte des dieux-fétiches ou parallèle de l'ancienne religion de l'Égypte avec la religion actuelle de Nigritie*. P., 1760. с. 15.

⁴⁰ К примеру, в логоцентрических культурах, трансцендирование, через партиципацию к образам Мирового Зла в разнообразных его

ним неизменно трактуется как реализация человеком своего собственно человеческой начала, что, впрочем, выражается менее явно, когда трансцендирование достигается на путях ИСС.

Уровни партиципации имеют в истории культур многообразные и ступенчато дифференцированные корреляции. Так, за партиципацией к отдельным вещам следует стадия партиципации к той или иной разновидности социальных отношений. (Жажда власти выше жажды собственности). Причём, на каждом уровне прогрессии партиципационного переживания существует развилка: либо в сторону дурной бесконечности – горизонтальный срез, либо к стадияльно-следующему (по принципу нарастания трансцендирования) уровню – вертикальный срез. Дурная бесконечность здесь означает количественное развёртывание объектного поля партиципации на одном и том же уровне трансцендирования. Например, акт партиципации в форме переживания обладания собственностью может бесконечно дрейфовать от одного объекта собственности к другому при сохранении стандартного по глубине, интенсивности, длительности, а, главное, по экзистенциально-психологическому режиму уровня трансцендирования. (Переживание чувства обладания новым домом или бассейном может быть совершенно идентичным переживанию от чувства приобретения какой-нибудь мелочи вроде приятной для глаза вещицы или вкусного пирожка). По мере того, как этот режим партиципации рутинизуется и становится бессознательно-фоновым, человеческая экзистенция, не способная подняться на следующий уровень, пускается в погоню за горизонтом, партиципируя к новым и новым вещам и скатываясь, тем самым в дурную бесконечность. Такое движение в принципе не может иметь конечной цели; вопрос *зачем* отбрасывается изначально и бессознательно табуируется. Можно всю жизнь коллекционировать марки

обличьях, как инверсия партиципации к всеблагому Абсолюту, также имеет самое непосредственное отношение к сакральному ядру культуры.

или пополнять список сексуальных партнёров – всё это движение по горизонтальной плоскости, ни на йоту не приближающее к выходу на следующий уровень партиципационных отношений. Здесь нетрудно усмотреть объяснение таких феноменов, как потребительский фетишизм, где статус «окна в трансцендентное» придаётся профанным по общекультурным конвенциям бытовым реалиям.

Таким образом, сознание создаёт для себя иллюзию выхода на следующий уровень. Но, в действительности, такой выход достигается только по снятию (в гегелевском смысле) предыдущего. Здесь тоже действует эволюционная логика, в силу которой скачок на следующий уровень сложности оказывается возможен лишь при условии скатывания партиципаций предыдущего уровня в дурную бесконечность или, по меньшей мере, угрозы такового. Осуществить скачок на следующий уровень способна уже более узкая субъектная группа. При этом вовсе не следует считать, что всякий отдельный субъект обречён проходить все уровни прогрессии партиципационного переживания. «Застревает» ли человек на самом первом из них, продвигается ли дальше, и если продвигается, то, насколько быстро, где, в конце концов, останавливается – всё это уже зависит от его ментальной конституции, формируемой «историческим фенотипом» культуры. А глубина и интенсивность партиципационного переживания зависит от двух факторов: внешнего и внутреннего.

Внешний определяется тем, насколько рутинизованы в данной историко-культурной ситуации рассматриваемые партиципационные связи. Эту позицию можно проиллюстрировать на примере такого феномена как мода. Сначала партиципация к тому, что является модным, вызывает острое переживание сопричастности и актуализацию чувства идентичности. Затем же это переживание притупляется и либо переходит в фоновый режим, либо вовсе пропадает, переключаясь на другой объект. То же можно сказать и о господствующих идеях, умонастроениях и т. д. и т. п. Иными словами, без

рутинизации, говоря словами А. Кроули, «любое действие становится оргазмом».

Внутренний же фактор задаётся специфическими свойствами самого субъекта, индивидуальными особенностями его ментальности.

Абсолютная партиципация, которое можно представить как полное и окончательное погружение в психосферу, в принципе недостижима, как недостижим возврат в абсолютно холономное состояние, не имеющее внутри себя даже логически внутреннего момента не-тождества. Но максимальное приближение к ней (абсолютной партиципации) возможно: его я буду называть *предельной партиципацией*. Кем и как устанавливаются эти пределы – вопрос не только психологических или психосоматических изысканий, но также и историко-культурного анализа.

Говоря о прогрессии уровней партиципации, помимо напрашивающейся аналогии с пирамидой потребностей по Маслоу⁴¹, можно проинтерпретировать и данные современной нейрофизиологии. В упоминавшихся в предыдущей главе изысканиях Р. Уилсона и Т. Лири обосновывается, хотя и без обращения к этому термину, сам феномен партиципации. Последний, с позиций нейрофизиологической науки, понимается как априорное стремление к воссоединению с миром и, при этом прорисовываются качественно разграниченные уровни режимов партиципации, характер которых зависит не только от «объекта» партиципационной интенции, но и от психосоматического состояния субъекта (упомянутые авторы ограничиваются здесь понятием *сознания*). Выход на каждый следующий уровень, связанный с изменением режима перцепции, требует соматической перестройки всего организма.

⁴¹ Аналогия эта, впрочем, поверхностна. По А. Маслоу, всякий человек устремлён к движению вверх по пирамиде, от уровня к уровню. Но в действительности, наблюдается совершенно иная картина. Впрочем, не будем здесь специально присоединяться к многочисленным критикам пирамиды Маслоу.

Итак, путь к предельной партиципации разворачивается в виде многоступенчатой прогрессии, где более тонким адресатам партиципации соответствуют включения всё более глубоких нейрофизиологических процессов и перцептивных репертуаров. Так, абстрагирование от мира наличных дискретных вещей выводит партиципационную потребность в сферу умозрительных реалий, для восприятия которых требуется уже не физическое, а, говоря богословским языком, духовное зрение. На языке же нейрофизиологии это описывается как активизация лимбической системы и связанных с ними структур переднего мозга: таламусом, гипоталамусом, поясом извилистой коры мозга и гиппокампом. Подчеркну ещё раз, что «запуск» этой нейросоматической программы (пятый контур по Уилсону) связан главным образом с активностью правого полушария.

Поэтому, кстати сказать, когнитивность правой гемисферы не сводится к «элементарному «первосигнальному» уровню гнозиса» (простое образное восприятие) и «образной психонервной деятельности»⁴².

Дальнейшая прогрессия партиципационной потребности идёт вширь, охватывая всё более глобальные и содержательные сферы, доступные человеческому восприятию. Параллельно усложняется, продвигаясь вглубь вплоть до уровня клеточных ядер и структур ДНК, и режим психосоматической вовлечённости. Таким образом, уровни партиципации – это не только иерархия ступеней на пути к результату, но и иерархия уровней самого результата, т.е. репертуаров единения с миром. Выход партиципации на надэмпирические уровни связан с процессом трансцендирования, обусловленным способностью человека к надситуативной активности и построению психических образов (см. ниже). Чтобы всё это не казалось отвлечёнными рассуждениями, предлагаю читателю пронаблюдать за тем, в чём обычно находят партиципационное удовлетворение

⁴² *Адрианов О.С.* Структурные предпосылки функциональной межполушарной асимметрии мозга // Физиология человека. 1979. Т. 5. № 3. С. 436.

люди, не способные или минимально способные к абстрагированию от сиюминутных обстоятельств, планированию, прогнозированию и следованию принципу отложенного удовольствия.

Что же касается высоких (или глубоких?) уровней партиципации, то они, не говоря об улучшении душевного состояния, оказывают на психику терапевтическое воздействие. И дело здесь не только в отсекании стрессогенных связей с внешним миром и временном перекрытии каналов таких связей. Возникающая при переживании глубокой партиципации (примером которой в данном случае, может служить молитвенный транс) ПМ, корректирует психические режимы на более тонком и глубоком уровне, чем те, на которых наблюдается ослабление симптоматики психических расстройств и т. п.⁴³ патологий. В нейрофизиологическом аспекте такой эффект обуславливается «отключением коры» – угасанием активности мозга, когда в результате замедления ритмов биотоков мозга до 3 Гц (как в первый месяц после рождения) полностью тормозится когнитивная активность.

Итак, партиципационная потребность в любом своём режиме нацелена на снятие субъект-объектной диспозиции, предполагающей гносеологически активное познающее сознание, противопоставленное онтологически пассивному миру объектов. (Не будем забывать, что в таком крайнем выражении эта диспозиция представлена только в новоевропейской рационалистической традиции). В партиципационной ситуации субъект и объект оказываются онтологически связаны в единой системе *я – мир*, где разнятся лишь уровни слияния. Но разница эта в высшей степени существенна! Существенна настолько, что способна определять даже парадигматические основы всей культурной системы, а не только самоидентификацию тех или иных субкультурных групп.

⁴³ Черкасов И. Интервью с профессором В.Б. Слезиным «Молясь, человек превращается в ребёнка» // Комс. Правда. 2001. № 213. 20 нояб. С. 16.

Вполне закономерно, что здесь напрашивается квазигегелевская схема, где творящее сознание возвращаемся к самому себе через опыт самообъективации. Остаётся лишь провозгласить, что система эта, в отличие от гегелевской, является открытой и новая интегративная парадигма готова. Я, однако, не склонен идти таким незамысловатым путём, а добавить в систему ещё один ключевой параметр – Культуру, действующую *как субъект и преследующую свои собственные цели*. Но это – впереди.

Пока же с трудом преодолевая искушение порассуждать о захватывающих дух перспективах раскрытия тайников нейрогенетической памяти, отмечу лишь один момент, связанный с концепцией партиципации. Границы постприродных по содержанию партиципационных программ (у Р. Уилсона и Т. Лири – программ расширения сознания) хоть и не напрямую, но всё же достаточно определённо соотносятся с типологическими фронтами ментальных конституций разных культурно-исторических субъектов. Уклоняясь от этой щекотливой в идеологическом смысле темы, вышеозначенные авторы, как, впрочем, и подавляющее большинство других, по-прежнему, предпочитают оперировать образом абстрактного человека. А, между тем, вопрос, всякий ли человек способен подняться до наиболее высоких уровней расширения сознания (в нашей терминологии – предельной партиципации) сродни тому риторическому вопросу, который задал Гегель, рассуждая об абстрактной и действительной возможности: может ли турецкий султан стать Римским Папой? Но проблема различие ментальных конституций культурно-исторических субъектов – тема, по вполне понятным причинам, пока не разработанная.

Повторю: партиципация – это не просто психическое или психологическое состояние. Это *универсальная экзистенциальная интенция, органически присущая человеку*. Ее природа определяется спонтанным стремлением человека восстановить частично распавшуюся всеобщую эмпатическую связь с универсумом и вернуться в естественно-непротиворечивое состояние, соотносимое с непрерывным природным психизмом или внутриутробным

состоянием. Служа основой любого рода идентичности, а также и предпосылкой всякого смыслообразования вообще, партиципация выступает не только одним из ключевых понятий, но и категорией смыслогенеза. Её значение столь глубоко и универсально, что охватить сейчас всю типологию её проявлений и описать подробно партиципационные режимы во всём многообразии их культурных модификаций невозможно. По ходу исследования мы будем по самым разнообразным поводам многократно обращаться к теме партиципации, высвечивая те или иные её аспекты.

Что же касается отчуждения – состояния противоположного партиципации, то оно в гораздо большей степени привлекало внимание философов, социологов и др. специалистов. Это, пожалуй, неудивительно, поскольку естественное и органическое куда реже попадает в сферу рефлексии, чем причины, вызывающие его разрушение. К тому, что сказано об отчуждении начиная с гегелевской «Феноменологии духа» и далее от Маркса до экзистенциалистов и от философии жизни до М. Бубера по существу добавить почти нечего. Надо лишь взглянуть на эти представления сквозь призму смыслогенетического понятия партиципации. Если партиципация восстанавливает эмпатическую связь и переживание вожделенной непротиворечивости, то отчуждение, напротив, обостряет полагание субъектно-объектной дуализации в оппозиции *я – иное*. Если в партиципации субъект познаёт свою онтологию, отражённую в природняемой онтологии *иного*, то отчуждение, разрывая это единство, умаляет онтологию самого субъекта. Проще говоря, если *я* познаётся через *иное*, то отчуждение *иного*, в той или иной степени, дезонтологизует *я*. К формам и уровням отчуждения *я* также будем неоднократно возвращаться, рассматривая это явление, как правило, в связке с анализом форм и уровней партиципации.

Добавим, что, говоря о вызываемой партиципацией состоянии эйфории, я не приравнивал последнее к простому переживанию положительных эмоций. В определённом смысле, эмоциональность вторична по отношению к

партиципации. Это значит, что стремление к единению с миром и снятию отчуждающей раздвоенности настолько экзистенциально важно, что для его достижения годятся и отрицательные эмоции. Болевой шок, травматические переживания, унижение и пр. – все эти атрибуты *негативной партиципации*, способны не менее эффективно продуцировать партиципационную эйфорию. И механизмы такого рода продуцирования коренятся ещё уровне животной психики. «Негативный» вариант достижения партиципации получает закрепление в ментальных структурах и культурных традициях. Не случайно, усвоение жизненно важного опыта протекает наиболее успешно на фоне острых негативных переживаний. Здесь, впрочем, помимо механизмов партиципации/отчуждения включаются и иные, очень древние и глубокие психические программы.

Примером негативного партиципирования может служить широко понимаемый мазохизм как совокупность ментальных установок, который эксплицируется и закрепляется в культурных традициях и ярко проявляется в «реперных» партиципационных ситуациях. Эти ситуации особенно важны для культуры, когда речь идёт о партиципации второго уровня – к удалённым умозрительным реалиям. Тогда негативная партиципация может принимать предельно жёсткие формы: сомооскопление, различные проявления аскетизма и болезненного самоограничения, флагелляции, в более мягком варианте – покаяние и т. п. О том, как и почему «духовный» вектор партиципации стремился перебороть «телесный» – речь пойдёт в других частях исследования.

Подчеркну, что в контексте общей формулы смыслогенеза, значение имеет не весь комплекс ментальных феноменов, связанных с партиципационной ситуацией, но лишь первичный и *всегда бессознательный* интенциональный импульс к природнению *иного*, действующий до всякого осознания (апперцепции) и семантизации последнего.

4.7. Вторичное отчуждение

Следующий шаг смыслогенеза связан с неизбежным распадом партиципационного единства: вернуться в

непротиворечивое не-дуальное состояние удаётся лишь ненадолго. В общем случае, два ключевых параметра participационной ситуации – продолжительность и интенсивность находятся в обратно пропорциональной зависимости; чем дольше длится переживание природнения, тем меньше его сила. Причиной распада participационного единения с миром являются необратимые изменения в психических функциях, поэтапно закреплённые в антропогенезе. Здесь вновь возникает повод вспомнить об эволюционной болезни и выталкивании предков человека из природы. Многочисленные факторы «отрыва», среди которых главные – «преждевременность» рождения и родовая травма, будучи закреплены на генетическом уровне, воздвигают непреодолимый барьер на пути окончательного возвращения в ВЭС.

Для палеомышления адресатом participационной потребности, выступает ещё не отдельная вещь, но уже и не нерасчлененный континуум. (Здесь мы опять сталкиваемся с отсутствием терминов, необходимых для описания промежуточных и паллиативных состояний). Прафеномен (адресат participационных устремлений) ещё слишком слитен с континуумом, чтобы стать в полной мере дискретным объектом. Но, в то же время, он уже настолько из этого континуума выделен (слегка «вытянут» из континуума для фиксированной на нём психики)⁴⁴, что обнаруживает себя в модальности конечного. А это означает, что и participационное к нему природнение также конечно, ибо онтологические параметры прафеномена, в виде набора о-пределённых эмпирических свойств, даже будучи едва намечены, ставят непреодолимые препятствия для «свободного дрейфа» по неразрывно-текучему континууму. Упираясь в границы эмпирической о-пределённости прафеномена, переживающая психика выталкивается из participационной ситуации, испытывая шок *вторичного отчуждения*.

⁴⁴ Здесь, конечно же, вспоминается Гуссерль с его феноменологическим анализом интенциональности, психической концентрации и фиксации внимания.

Первичный акт участия протекает симультанно и бессознательно, не зная субъект-объектного различия и, соответственно, полагания *я-самости*. Он напрямую погружает психику в ту или иную выхваченную из континуума таковость. Разрыв участия связи создаёт тот самый «зазор», преодолевая который психика сворачивает на путь культурогенеза.

Это теоретическое построение можно подкрепить обращением к данным нейрофизиологических экспериментов, связанных с исследованием психических основ интроспекции. Так в опытах Б. Либета и Б. Файнштейна измерялось время прохождения осязательного стимула в виде электрического импульса по нервам в мозг. Хотя время прохождения стимула составляло 0,1 с., испытуемый устно сообщал об осознании стимула лишь спустя 0,5 с., тогда как для поведенческой (моторной) реакции или автоматического произнесения слова «готов», уходило лишь 0,1-0,2 с. Выявляемая в этих опытах задержка – и есть тот зазор, в котором происходит вторичное отчуждение, пробуждающий неведомую животным *я-самость* и способность к интроспекции. Задержка в полсекунды – это время, уходящее на интроспекцию: *я – есть это*. «Чистые» ментальные состояния и прямые непосредственные участия словно потерянный рай остаются за порогом этой ретроспекции – внешнего проявления вторичного отчуждения. И психика устремляется к восстановлению участия связи, которая, однако, протекает теперь в режиме опосредования дискретными смысловыми конструктами. В своём стремлении обойти эти конструкты, человек становится на путь ИСС. В конечном счёте, цель медитативных практик – устранение означенной задержки и погружение в прямое участие природное непосредственно считаваемых гештальтов-таковостей. При этом, что неудивительно, «срезание», уменьшение времени вторичного отчуждения вызывает чувство эйфории, поскольку непосредственным образом вызывает переживание не-дуальности и ситуативного «заглядывания» в глубинную холономность мира. К тому же, в такого рода

переживаниях почти всегда присутствует момент трансцендирования – ПМ, с присущей ему сакральной (широком смысле) окраской. Отсюда – особая эмоциональная и, более того, экзистенциальная отмеченность пиковых переживаний, достаточно подробно описанная философами и психологами.

Здесь требуется важное уточнение. Говоря о вторичном отчуждении, мы должны различать две ситуации. Первая – почти неуловимый момент вышеозначенной временной задержки, протекающий в бессознательном режиме. Вторая – связана с разрывом пролонгированных во времени и в той или иной степени осознанных партиципационных ситуаций, т. е. ясно фиксируемых состояний выхода из переживания нераздельности с адресатом партиципации. Адресатом здесь выступает уже не прафеномен, а в той или иной мере объективированные эмпирические данности – дискретные феномены, представления, идеи и т. п. Первая ситуация отсылает к глубинную и скрытому, фундаментально-экзистенциальному уровню психических процессов. Вторая – выступает их продолжением, ослабленным отзвуком на уровне внешнем, в сфере проявленной когнитивной активности.

Подведение под феномен вторичного отчуждения и вызываемого им субъект-объектного дуализма «квантовой базы», утверждение, что дуализм этот возникает в результате коллапса квантово-волновой функции ума-мозга, представляется мне изящной, но малоубедительной подгонкой. Слишком уж просто и непосредственно парадоксальные закономерности микромира переносятся на макропроцессы, протекающие даже в таком тонком образовании как мозг⁴⁵. Если мой скептицизм несправедлив – тем лучше. Но пока я предпочитаю в данном вопросе обойтись без «квантовых подпорок».

⁴⁵ Такие перенесения стали сейчас довольно модными в «популярной науке». См, например, книги Ф. Адамса, Д. Дойча и др.

Констатируя патологичность ранней человеческой психики, многие авторы сразу же перебрасывают мостик к знаковой природе культуры как первого, и по сути, единственного лекарства против этой патологичности⁴⁶.

С точки зрения смыслогенетического подхода дистанция видится несколько более длинной: между разбалансированными инстинктами и порядком знакового мышления лежат трудно уловимые, но исключительно важные стадии смыслогенеза, о которых собственно и идёт речь. Здесь формируются ментальные условия знакопорождения, каковые понимаются не как нечто самопричинное, а как исключительно важный, но всё же подчинённый аспект смыслогенеза. Не исчерпываясь своей знаковой составляющей, смысл несёт в себе весь комплекс когнитивных актов и психических состояний, которые, подчас неявным образом участвуют в формировании семиотических систем культуры. Здесь мышление⁴⁷ отделяется от поведения, а смысл становится структурной единицей – живой клеткой развивающегося организма культуры.

На стадии вторичного отчуждения возникают предпосылки и начала широкого комплекса неразрывно связанных между собой когнитивных феноменов: *абстрагирования, формирование идеальных образов, рефлексии и нек. др.* Общим следствием всего этого выступает *приобретение способности к надситуативной*

⁴⁶ «При этом каждый специалист опирается на эмпирический материал своей научной дисциплины. Но все единодушны в том, что *без патологической лобилизации нервной системы и психики гоминид было бы невозможно превращение знака в основное орудие внешнего и внутреннего управления, становление семантической модели мира и культурной коммуникации*». Назаретян А. «Голубь с ястребиным клювом»: об экзистенциальном кризисе антропогенеза и начале эволюции человека. Мир психологии. № 4. 2005. С. 105.

⁴⁷ Во избежание терминологической путаницы. Поясню, не претендуя, опять же, на нормативность, что под мышлением понимается вся совокупность когнитивных актов, тогда как под сознанием – лишь сознательная её часть.

активности – культурогенетический фактор первостепенной важности. Причём, все вышеперечисленные когнитивные феномены проявляются не по отдельности, а представляют собой внутренне взаимосвязанный *смыслогенетический комплекс*, анализ которого чрезвычайно сложен, в виду его глубокой синкретичности.

По поводу состояния *вторичного отчуждения* следует заметить, что его экзистенциально-психологическая острота притупляется по мере разворачивания предметно-знакового тезауруса культуры, формирования стандартных поведенческих программ и автоматических (фоновых) режимов партиципации. А погружённость значительной части психики в автоматизм фоновых партиципационных репертуаров, часть которых была «запущена» на довольно ранних стадиях культуры, делает стадию вторичного отчуждения почти неразличимой. На онтогенетическом уровне он нагляднее всего проявляется в раннем детстве, а на филогенетическом – в реконструкциях переходных форм психики предков человека с её патологическими дисфункциями. Тем не менее, степень вторичного отчуждения является необходимой фазой смыслогенеза как в логическом, так и в эмпирическом аспекте.

4.8. Психический образ

Следующей и, в некотором отношении, решающей фазой смыслогенеза выступает формирование психического (идеального, ментального) образа. Это особенно сложный, многоаспектный и трудно анализируемый процесс, содержащий в себе, тем не менее, наиболее выявляемую часть ответа на вопрос о качественном различении человеческой ментальности от животной психики.

Размышляя о формировании психического образа, вновь обратимся к теме МФА, без учёта которой, анализ генезиса человеческой ментальности и культурного сознания представляется невозможным. Вспомним, что правая гемисфера хранит интенциональные пути к самотождественным таковостям – целостно-комплексным довербальным и досемантическим переживаниям сущности

вещей⁴⁸, событий и ситуаций и психические и психосферные энграммы этих переживаний. Правое полушарие, таким образом, генерирует в культурном сознании сферу означаемого. Левое же полушарие, дробя и расчленяя энграммы исходных таковостей, придаёт их элементам семиотические эквиваленты. Иначе говоря, левополушарный принцип конституирует сукцессивную связь агентов линейных темпоральных связей. Правополушарный же принцип удерживает синкретичность, акаузальность, «кучность» смыслов и целостность «гештальта». А также возможность варьировать смысловые доминанты (иерархические отношения) внутри него. Эта вариативность лежит в основе очень важного для понимания структурирования смысловых отношений в культуре **принципа переменного доминирования смысла**, а продуктивный компромисс между право- и левополушарным когнитивным принципами оказывается в ряду наиболее глубоких предпосылок феномена **семантического ряда**.

То, что правая и левая гемисферы оперируют разными дескриптивными техниками, известно давно⁴⁹. Не является открытием также и то, что в основу когнитивности образуют вербально невыразимые репрезентации. (Для культур, не знакомых с европейской рационалистической наукой, последнее было не «гипотезой», а самоочевидной данностью). Современная же наука то и дело с удивлением натывается на неустранимость дистанции между выражаемым и невыразимым,⁵⁰ которая то и дело

⁴⁸ *Moscovich M.* On the representation of language in the right hemisphere of the right-handed people // *Brain and Language* . 1976. V. 3 № 1. P. 47-71.

⁴⁹ См. напр. *Coldberg E., Costa L.D.* Hemisphere difference in the acquisition and use of descriptive system // *Brain Lang.* 1981. V. 14. P. 144-173.

⁵⁰ «...Существуют мысли, которые очень трудно выразить словами и при объективации которых мы сталкиваемся со значительными трудностями. ...Большая часть нашего знания находится в ещё не выкристаллизовавшемся состоянии и лишь в момент речи лежащие в её основе знание выкристаллизовывается в

обнаруживает себя в самых разнообразных исследовательских направлениях. Так, к примеру, гештальтисты приходят к различению гештальтов-оснований и гештальтов-фигур. Первые обнаруживают все признаки правополушарной перцептивности: континуальностью, диффузность, размытостью, эластичностью границ, текучестью. Гештальты-фигуры, напротив, обладают противоположными свойствами, присущими левополушарной перцептивности.⁵¹ Напомню, что со смыслогенетической позиции обусловленная МФА дистанция между скрытыми текуче-непрерывными основаниями когнитивности и дискретными единицами пропозиционального мышления, является не частной и в принципе устранимой дисфункцией, а фундаментальным и не снимаемым противоречием, благодаря которому только и возможно само существование человеческой ментальности в его динамическом развитии.

Показательно, что возражения против очевидно доказанной концепции бисистемного кодирования перцептов в мозге человека, основанные на попытках отстоять механистическую панпропозициональную картину когнитивности⁵², не выдерживают серьезной критики⁵³.

пропозициональные «языковые структуры». См. *Chafe W.L. Repeated verbalizations as evidence for the organization of knowledge // Vorabdruck der Plenarvorträge 14. Internationaler Linguistic Kongress. Berlin. 1987. P. 109; Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12. С. 72; Он же. Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика. М., 1984.*

⁵¹ См. *Lakoff G. Linguistic gestalts // Papers from the 13-th regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago. 1977.*

⁵² См. *Anderson J.R., Bower J.H. Human associative memory. Washington. D.C.: Winston, 1975; Anderson J.R. Language, memory and thjught. Hillsdale; NY: Erlhaum, 1976; Norman D.A., Rumelhart E.S. E[plonation in cognition. San Francisco: Freeman. 1975.*

⁵³ См. напр. *Kosslin S.M. Pomerantz J.P. Imagery, propositions and the form of internal representations // Cognitive Psychology. 19977. № 9; Kosslin S.M. Ghosts in the Mind's machine. NY: Norton. 1983;*

Итак, после распада партиципационного единения и переживания вторичного отчуждения, в психике запечатлевается энграмма адресата партиципации. Это, казалось бы, тривиальное утверждение нуждается в пояснении. Для животных, у которых, при всех отклонениях, связанных с усложнением психики, механизмы генетически закреплённых связей с имплицативным миром не дают таких сильных и травматических сбоев, нет необходимости во вторичном энграммировании дискретных феноменов. Реальность в животной психике представлена и закреплена в некой «окончательной» модальности, подверженной лишь сравнительно небольшим рецептивным вариациям, в рамках рефлекторной «надстройки» над инстинктивной основой. Ввиду отсутствия разрывов в психической континуальности с её «первозданной» погружённостью в когерентность, животная психика относительно легко и непринуждённо считывает предустановленные психические матрицы в границах чётко ограниченных диапазонов. «Выбор» вариантов поведения в рамках когерентной суперпозиции (не в квантовом смысле) диктуется не произволом самости, которая едва намечается у высших животных, а контекстом предшествующих обстоятельств. Поэтому в животной психике не вспыхивает вопрос «что это?», им не приходится заново переоткрывать мир по отдельным его элементам, и потому, у них нет партиципационной потребности в её человеческом виде, как нет и человеческих механизмов памяти. (Не стоит обманываться и очеловечивать поведение животных, приписывая им способность к постановке «онтологического» вопроса, наблюдая за их замешательством при столкновении с чем-то незнакомым). Можно сказать, что у животных нахождение медиационного пути к разворачиваемым в психосфере паттернам имплицативного мира вполне обходится возможностями эмоциональной памяти, тогда как у человека последняя

Он же Image and brain: The resolution of the imaginary debate.
Cambridge: M.A. The VJU Press. 1994.

выступает предпосылкой формирования психического образа.

Поведение животных показывает, что стандартизованная модальность реакций и поведения неизменно преобладает над любыми проявлениями самостных начал (индивидуальные эмоции и т.п.) Животным несвойственны, к примеру, сильные переживания, подобные тем, что испытывает человек в ситуациях разрыва глубоких партиципационных связей (смерть близких и т.п.). Не знающий мучительных сбоев, простраций и обращений на себя, биопсихический поток, тотчас же подхватывает не успевающую погрузиться в переживание наставшую животную самость и возвращает её в императивность стандартных программ, где всё уже есть, всё заранее предусмотрено и градиент вариаций не велик и не опасен. У антропоидов это разнообразие максимально, но для качественного перелома ситуации понадобился толчок вертикальной эволюции и эволюционная болезнь антропогенеза.

У человека же, энграммирование полуотчуждённого прафеномена в формирующемся человеческом сознании – это установление нового медиационного пути с ИМ по некоему вновь возникшему поводу с опорой на не до конца распавшуюся когеренцию. Именно это «реликтовое» чувство когеренции выступает причиной неразличения в раннем сознании внешнего и внутреннего, воображаемого и действительного, феномена и ноумена. А рефлексия зазора, онтологической дистанции между ними понуждает к её преодолению. Психический слепок, растождествлённый с физической формой, но «помнящий» свою субстанциальную онтологию, энграммируясь в психике в момент партиципационного единения, смутно мерцает в ней, образуя своего рода матрицу, структурную конфигурацию, внутри которой организуются дискретные элементы «живого» психического образа. Причём, образа не только зрительного, но и всякого целостного слепка исходного гештальта.

Говоря о природе психического образа, следует помнить о том, что он не есть просто отфильтрованная

аппаратом человеческого восприятия «объективность». Нейрофизиологические и психологические исследования (в частности, процессов восприятия визуальных образов), заставляют окончательно отбросить всевозможные «теории отражения». Согласно этим исследованиям, идеальный образ, в некотором смысле, первичен по отношению к своему внешнему эмпирическому корреляту: ментальные механизмы всегда преобразуют «эмпирический объект» в то, что сознание способно и готово увидеть и не более того. А модальности и границы апперцепции, не говоря уже об её дальнейших смысловых интерпретациях, задаются, прежде всего, культурой и, в меньшей степени, индивидуальными особенностями воспринимающего. Это обстоятельство необходимо учитывать, говоря о способности сознания участвовать в квантовых процессах: в частности в декогеренции и рекогеренции квантовых суперпозиций.

Никакого «объекта-на-самом-деле» не существует, а существуют лишь культурно-смысловые слепки, снимаемые с него воспринимающей психикой. Мозг посылает в сетчатку управляющие импульсы, среди которых выделяются *детекторные признаки*, которые фильтруют входящий поток впечатлений, пропуская в мозг лишь то, что так или иначе корреспондирует с внутренними психическими образами. Образы эти, большей частью неосознанные, как принято считать, хранятся в памяти. (Мне же представляется, напомним, что в памяти хранятся лишь энграммы интенциональных путей к ним, но это сейчас не столь важно). Из этого делается вывод о том, что мы живём в консенсусной реальности: реальности не вещей, а значений. Но я бы уточнил, не произвольно придумываемых людьми значений, а задаваемых культурой смыслов. (Напомним, что смысл не исчерпывается значением). При этом замечено, что в непосредственном опыте восприятию открывается не значение а «ощущаемый смысл» (термин Ю. Гендлина)⁵⁴, который потенциально содержит в себе весь

⁵⁴ Ощущаемый смысл – ещё не есть смысл в нашем понимании, но только лишь его субстрат, психическая основа, имплицитная предпосылка.

возможный в данном контексте набор значений. Далее же сознание (по моему мнению, не столько само сознание, сколько культура посредством сознания) выбирает из этого расплывчатого множества те значения, которые оказываются наиболее адекватны контексту ситуации, т.е. наиболее вероятны с точки зрения уже установившихся медиационных каналов с имплицативным миром (см. гл. 3)⁵⁵.

К аналогичным выводам в контексте обоснования голографической теории приходит и К. Прибрам. На основе экспериментальных исследований им установлено, «что информация, прежде чем достичь зрительного центра коры головного мозга, уже подвергается радикальной модификации. Входящая информация в определённой степени «противоречит» той информации, которая содержится в памяти, отчего создается своеобразный «голографический образ» воспринимаемого мира. Поэтому мы видим не столько то, что происходит непосредственно в «данный момент» (отметим, что само существование «данного момента» в свете нейробиологии кажется весьма относительным), сколько ассоциированный комплекс этого «момента» с данными нашего прошлого опыта, включая наши ожидания, переживания и т.д.⁵⁶. То, что мозг рецептирует и транслирует в сознание не то, «что есть», а лишь то, что сознание готово воспринять и осмыслить, подтверждается рядом экспериментов. Так К. Прибрам провёл эксперимент с использованием «белого шума» на телеэкране. Этот шум представлял собой разнообразные комбинации точек, хаотически изменяющие свои конфигурации. Как выяснилось, нейроны, реагируя на поле

⁵⁵ Здесь, само собой напрашивается аналогия с редукцией квантовой функции с её «собственному» значению. Аналогия эта, однако, слишком красива, чтобы принять её некритически. Но отвлёкаться на эту критику сейчас нет возможности. Впрочем, даже отдалённая корреспонденция здесь вполне определённо указывает на единство законов структурообразования на разных системных уровнях.

⁵⁶ *Торчинов. Е.* Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб., 2005, С. 397.

этих точек, «упорядочивают» их, в соответствии со своими внутренними модулями порядка. Вывод К. Прибрама: «мы всё время конструируем собственную реальность из массы того, что, как правило, кажется хаосом. Однако этот хаос имеет свою структуру: наши уши подобны радиоприемникам, а глаза – телеприёмникам, которые выбирают соответствующие программы. Имея другие системы настройки, мы могли бы принимать другие программы»⁵⁷.

Отсюда – императивность мифологем, конституирующих представления о действительности и их нечувствительность к верификации опытом⁵⁸. Здесь мы наблюдаем частное проявление всё той же логики преобладания инерционного начала над новационным, которое было описано в гл. 3., где речь шла о распаковывании паттернов ИМ. Там, напомним, инерционное воспроизведение форм в рамках исходного имплицативного паттерна допускает инновации лишь в виде сравнительно незначительных флуктуаций. В мире культуры этот диапазон резко расширяется. А борьба за рационалистическое стремление жить «не по мифу», а «по опыту» – идеологическое оформление динамики этого расширения на поздних стадиях культурогенеза.

У авторов, пишущих об МФА можно встретить суждение о том, что правое полушарие функционирует в настоящем времени, опираясь на прошлое, в то время как левое – в настоящем с направленностью в будущее⁵⁹. Очень важное наблюдение. Но, что значит для правой гемисферы «настоящее» и «прошлое»? Гештальты, которые оно бессознательно считывает из мира когерентных отношений, не принадлежат ни прошлому, ни настоящему. Они просто

⁵⁷ Цит. по: *Друри Н.* Трансперсональная психология. Львов: Инициатива. 2001. С. 21.

⁵⁸ «В форме мифического образования отражается не столько объективная форма вещей, сколько форма человеческих действий» *Кассирер Э.* Сущность и действие символического понятия // *Кассирер Э.* Избранное: Индивид и космос. М., 1992. С. 353.

⁵⁹ См. напр. *Меркулов И.П.* Когнитивная модель сознания // *Эволюционная эпистемология.* М., 2003. С. 31.

есть. Они вспыхивают в переживающей психике как априорная, безусловная и самая непосредственная данность. Вот почему, не будучи привязаны к пространственно-временным координатам, они с позиций развитого современного сознания, где правое полушарие, как принято считать, играет субдоминантную роль, предстают размытыми, нечеткими, кучными. Можно сказать, что потенциальные акты осуществления, усиливая под действием тех или иных причин, свою интенциональность, вспыхивают в правой гемисфере, образуя в ней текучий background бессознательной когнитивности. Первичный уровень включения сознания, или, точнее, предсознания, в обработку исходного перцептивного гештальта – это его энграммирование правым полушарием, когда эмоциональная память фиксирует в нейронных структурах мозга его эйдетический след, впитывая, рецептируя, природняя тем самым его имманентную онтологию. Здесь, говоря словами Платона, внешний образ выступает как *действующее*, а сознание пока ещё, не более как *страдающее*. Действовать оно начинает, когда бессознательно соотносит обрабатываемый и новопережитый образ с латентно присутствующими в опыте правой гемисферы образцами или аналогами, т. е. осуществляет апперцепцию.

Вот только в таком виде здесь можно усматривать идею прошлого. Но для самого сознания здесь никакого прошлого нет: все образы равно актуальны и присутствуют в настоящем. А настоящее – это не только *теперь, здесь и так*. И даже не *здесь-теперь-и-так-для-меня*, а *я, переживающий нераздельность с этим конкретным нечто, которое есть это-здесь-теперь и так*. При этом, «испорченная» эволюционной болезнью психика, действующая изначально в режиме безраздельного доминирования правополушарных режимов, оказывается перед необходимостью снять дистанцию между актуально рецептируемым образом и его аналогами в памяти, т. е. устранить *болезненный перцептивный диссонанс между медиационными путями, ведущими к прошлому и актуально переживаемому опыту*. Иными словами – преодолеть

несвойственный биопсихике разлад между *прошлым и настоящим*, возникший в результате её (биопсихики) разбалансировки и началом её эволюционной перестройки в сторону сознания.

Преодоление означенных перцептивных/когнитивных диссонансов к эпохе зрелого мифологического сознания вылилось, среди прочего, в двойном концепте времени. Так, в древнем Египте сформировались представления о *двух формах* всего сущего: изменчивой и завершённой, а также о двух соответствующих компонентах в каждом сущем. Имелись и два понятия для обозначения изменчивости и завершённости: *нехех* и *джет*. Потому, о времени говорится как о едином в двух ипостасях феномене: о времени – *нехех*, динамичном, пульсирующем, в котором происходит изменение и созревание, и о времени – *джет*, которое неподвижно и сохраняет без изменения и движения все осуществленное, созревшее до завершённости во *времени* – *нехех*. Жизнь человека, обладающего загробным психо-энергетическим двойником (психическим субстратом) – *ка* и потенциалом витальной энергии в посястороннем мире – *ба*, рассматривалась в как процесс становления, (*хепер*), от изменчивой и подвижной формы существования к статичной, завершённой, оконеченной, которая и полагалась как высшая ценность. (Последнее, в свете вышеприведённых рассуждений, представляется вполне понятным) Отсюда и тот «разговор с вечностью», который вели египтяне (как, впрочем, и другие народы классической древности) посредством сооружения погребальных комплексов и заупокойной ритуалистики. Древний Египет (и не только он) не знал понятия времени как триады концептов: прошлого, настоящего и будущего, и, по меньшей мере до II-го тысячелетия до н. э., в языке египтян не существовало слов и грамматических категорий для отображения такого деления времени. Лишь к середине II тыс. до н. э., что само по себе весьма характерно, появляется символизация Осириса как бога *джет* – бога вчерашнего дня, бога всего *уже состоявшегося*, осуществившегося и ставшего. В качестве же антагонистической констелляции к

Осирису возникает символизация Солнечного бога как бога *nehex* – бога завтрашнего дня, бога всего того, что обладает еще не реализовавшимися потенциями. Причём за этими представлениями просматривается мифологическое осмысление реальности *ставшей* и уже как бы состоявшейся, но не эксплицированной, не распакованной, не вызванной к эмпирическому бытию из имплицативного мира. Подобным же образом развивается представление о времени и в других культурах древнего мира. Так, в мифологии древней Индии такая же антагонистическая констелляция обнаруживается в противостоянии бога Индры, олицетворяющего солнце в зените, как вечное Солнце, не знающее перемен, и бога Сурьи, ассоциировавшегося с видимым движением солнца от восхода к закату. Ряд примеров может быть продолжен.

Таким образом, «когнитивное грехопадение» было совершено ещё правым полушарием, отчего оно, едва расставшись с режимом счастливо-инфантильного невыделения себя из окружающего мира, ввергается в состояние неизбывной омраченности, вызванной постоянной фоновой диссоциацией перцептируемых гештальтов и имеющихся в памяти образцов. Попытка снять возникающее при этом напряжение, вырабатывает в ментальности мощнейшую мотивацию к *прецедентному мышлению*, ориентацию на образец, стремление тем или иным образом сымитировать утрачиваемую (для современного сознания – давно утраченную) способность к непосредственному «эйдетическому» (в идеале – без кавычек) энграммированию гештальта. А коль скоро это не удаётся – то, по крайней мере, минимизировать опосредующие формы и процедуры апперцепции. Не случайно, в обыденном сознании, опирающегося в своей полусознанной активности преимущественно на правополушарную когнитивность, столь сильные бессознательные установки на копирование образца.⁶⁰

⁶⁰ См. напр. *Smith E.E. Concepts and Thought. In The Psychology of Human Thought. Cambridge, 1988. P. 19-47.*

Однако полностью избавиться от «омраченности» не удаётся, не смотря ни на какие ухищрения мифологического сознания – великого иллюзиониста, разработавшего широчайший арсенал средств для ретуширования разницы (диссоциации) между внешними перцептами и априорными внутренними смысловыми конструктами. Эти конструкты – древнейшие слепки «неправильных» с точки зрения природного психизма гештальтов, сделанные предсознанием в эпоху его «импринтинга» – антропогенеза, как потом будет показано, оказываются основой мифам и мифологического сознания вообще. И хотя наблюдение Леви-Брюля о господстве мифа над опытом справедливо не только в отношении первобытных народов, одной лишь психологической суггестией здесь не спасёшься. Тем более, что суггестивность по мере усложнения структур сознания имеет свойство ослабевать. Но омраченность остаётся⁶¹.

Преодоление болезненного зазора между образом-перцептом и образом-представлением требует специальной работы по установлению между ними *вторичных ассоциативных связей*. Ранняя психика (детская или раннепалеолитическая) оперирующая преимущественно фигурами эйдетической памяти, ещё во многом опирается на сохраняющиеся механизмы животных психических режимов, и потому, выпадение из единого психофизического континуума, где отражающееся и отражённое – суть одно, не испытывает, в этой связи критического напряжения, или испытывает его лишь ситуационно. Но усугубление эволюционной болезни – дальнейший разлад инстинктивных и, следовательно, перцептивных репертуаров – ставит психику перед необходимостью проведения всё более сложной работы по вторичному ассоциированию, поскольку дистанция диссоциированности между перцептируемыми гештальтами и элементами опыта становится всё больше. Нарастает,

⁶¹ Так в ходе экспериментов по изучению раздельного восприятия полушариями, установлено, что для правой гемисферы характерно выраженное преобладание негативных оценок. См. напр. *Саган К. Драконы Эдема*. М. 1986. С. 190.

соответственно, и внутренняя диссоциация между образами, хранящимися в разделах «долгой» эпизодической правополушарной памяти. Ещё раз напомним, что речь может скорее не о складировании самих образов, а о сохранении энграмм-путей к ним.

Вот здесь и оказываются востребованы спящие дотеле когнитивные режимы левого мозга, который не только дробит и «развинчивает» целостные правополушарные гештальты на компоненты. Эти дискретизованные компоненты связаны между собой по принципу *вторичной ассоциативной корреляции* и определяются, что важно, в пространственно-временных координатах. Так, спонтанно вспыхивающий в переживающей психике перцептивный гештальт преобразуется в идеальный конструкт раннего сознания. Он переживается как нечто отчасти ему иноположенное и потому сохраняясь как нерасчленённая таковость, ситуационно определяется в координатах *здесь, теперь и так*. Причём, между чувством «объективности» перцептивного образа и развитием линейно-дискретных (сукцессивно-каузальных) возможностей левой гемисферы существует самая прямая связь. Аналитически развинчивая правополушарные когнитивные паттерны и свинчивая их вновь во вторично ассоциированном виде, левополушарная когнитивность включается в процесс ПМ. Но, в отличие от природной ПМ, предполагающей простое совпадение (с незначительными отклонениями) входящих и исходящих интенциональных потоков, эта вновь устанавливаемая на уровне коррелятивного ассоциирования связь, приобретает временное измерение. Возникающий при этом порыв к снятию, преодолению этой временной дистанции и достижению тем самым гармонического стабильно-ассоциированного состояния психики, выражается в бессознательной устремлённости в будущее. (Но, опять же, не в рефлексии концепта будущего в современном понимании). Отсюда – стремление к изменению, «подправлению» как идеального образа, который уже не есть «неприкосновенный» и целостно-неделимый гештальт,

а уже вновь свинченный левым полушарием конструирует его эмпирического коррелята – самой вещи.

Так становящееся сознание выходит в надприродный режим функционирования, основанной на кооперации право- и левополушарных когнитивных паттернов, совместно осуществляющих ПМ и формирующих принципиально новые, несвойственные животным когнитивные репертуары. Именно кооперация право- и левополушарных когнитивных паттернов рождает СМЫСЛ как дискретную структурную единицу собственно человеческой когнитивности.

Картина этой кооперации фрагментарно проясняется в современных нейрофизиологических исследованиях. Так, измерение электрического напряжения, соответствующего распределению электрических потенциалов на поверхности коры мозга, которое отражает, в свою очередь, общую картину импульсной электрической активности нейронов тех или иных отделов мозга, показывают, что помимо импульсной активности, значение имеют также и медленные изменения электрического заряда мембран нейронов. И изменения эти, что принципиально важно, не связаны непосредственно с импульсной активностью. При этом наблюдается совпадения по фазе электрических потенциалов, измеряемых в разных зонах мозга, что указывает на синхронизацию активности разных областей коры мозга, т.е. на их кооперативную, согласованную вовлечённость в некий общий процесс. Некоторые нейрофизиологи делают из этого вывод о том, что синтез разных сенсорных модальностей: осязания слуха, зрения, и т.д., определяет способность человека к символизации опыта⁶². Такого рода исследования, среди прочего, легли в основу концепции нейронных ансамблей и их роли в когнитивных процессах, что отнюдь не опровергает роль в них МФА, но в некотором смысле дополняет и уточняет общую картину функционирования мозга.

⁶² См. Хант Г. О природе сознания с когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. М., 2004.

Итак, вторичное отчуждение от прафеномена в сочетании с вышеописанными механизмами рецепции создают возможность формирования его (прафеномена) психического образа. Но, почему из необъятного множества комбинаций выстраивается именно этот образ? Популярная до сих пор теория отражения предлагает незатейливый ответ: психический образ формируется по закону подобия. Свойства прафеномена, который теория отражения, как правило, приравнивает к внешнему объекту, просто на него переносятся. Но по какому принципу, по каким правилам устанавливаются отношения подобия? Чем руководствуется палеомышление, ещё не имеющее тезауруса идеальных образов и стандартизованных представлений о вещах? Ведь, как уже отмечалось, они (вещи) представляется не таким, каким они физически воспринимаются, а такими, какими сознание их знает, т. е. *моделирует* в соответствии с априорно предзаданными культурно-смысловыми клише (см. выше). И как обстоит дело тогда, когда эти клише ещё не сложились? (Такое восприятие свойственно детям, не имеющим закреплённых представлений о функциональности вещи как целого и воспринимающим её по отдельным аспектам). Необходимо нечто, что служило бы ядром, центром и одновременно принципом организации дискретных элементов в целостный психический образ. Таковым, по моему мнению, выступает «атавизм» ВЭС, которая, напомним, никогда и ни при каких обстоятельствах не разрывается до конца и проявляется в человеческой ментальности в виде *интенциональных волн* различных частот и уровней.

Психический образ ассиметричен по отношению к прафеномену – агенту утраченной партиципации. Он всего лишь репрезентирует те или иные его аспекты. В отличие от плоского, испорченного псевдофилософской казуистикой и по существу неверного понятия «отражение», здесь представляется уместным употребление таких понятий как субстанция и модус.

Поясним дополнительно, что перцептивный образ сознания не есть ни отражение, ни отображение реальности как она есть «на самом деле», как это предполагается

теорией отражения. Оптические рецепторы хранят данные дольше, чем доли секунды и кажущаяся фрагментарность удаляющегося образа обусловлена не их собственными характеристиками, а свойствами мозга. Даже в темноте глаза улавливают избыточное, а не недостаточное количество фотонов, но мозг фильтрует данные сетчатки, отбирая лишь то, что, во первых, соответствует сенсорной модальности восприятия и, во-вторых, подлежит восприятию и осмыслению. При этом тормозится активность всех нейронной сетчатки, за исключением тех, что воспринимают ожидаемую информацию. (Известно, что наш глаз передаёт в мозг менее одной триллионной части той информации, которая достигает сетчатки). Поэтому в зрительные отделы мозга в каждый момент поступает разностный сигнал. Здесь мозг использует механизм *краевого торможения*, что усиливает значение границы фигура-фон: при размытой границе, изображение фрагментируется. (Вспомним в связи с этим то, что говорилось выше о размытых границах правополушарных гештальтов).

Субстанция прафеномена, этой «вещи в себе», эксплицируясь в психическом образе, обнаруживает себя в наборе модальностей, закладывая тем самым фундамент будущего смыслообразования. Но об этом будет сказано чуть позже. Матрица психического образа как «продукт полураспада» ВЭС, и предпоследний шаг на пути рождения **смысла есть та самая точка, из совокупности которых постепенно в очагах экзистенциального отчуждения образуется надприродное пространство культуры, её топос, вернее, ещё не пространство, а лишь его абстрактная возможность**. Теперь можно говорить уже не о переходной внеприродной когнитивности, а о первичных формах мышления, не о психике, а о прото-сознании, которая нащупывает дорогу «назад к вещам», заделывая образовавшиеся бреши и лакуны в полуразрушенном природном психическом порядке.

Считается, что психические образы, равно как и ритуальные действия заложены и в генотипе высших

животных⁶³. Но у человека природа психических образов всё же существенно иная. Это не непосредственная, хотя и искажённая перцептивными фильтрами проекция внешних реалий на психику, а вторичным образом сконструированный продукт психической интенциональности. Рекомбинации дискретных элементов восстанавливают, а, точнее, создают заново модальный образ вещи, критически оторвавшийся от своей прафеноменальной субстанции. Дистанция между психическими образами у животных и у человека связана ещё и с тем, что эволюция мозга – это не только рост клеточной массы, физиологическое развитие его органов и усложнение уже имеющихся функций, как иногда до сих пор считают. Это и перенастройка нейронов на улавливание новых ритмических частот, взамен прежних – нарушенных или ослабленных. Формирующийся в антропогенезе мозг – это мозг, перенастраивающийся на считывание ритмически-волновых колебаний в иных, недоступных (или почти недоступных) животным диапазонах, что кардинальным образом меняет психические репертуары, преобразующиеся при этом в функции становящегося сознания. Палеомышление ещё не догадывается, что имеет дело уже не с теми же самыми природными реалиями. Оно, к счастью своему, не видит онтологического зазора между вторично отчуждённым прафеноменом и его психическим репрезентантом. Так рождение культуры начинается с обмана, вернее с манипуляции, знаменующей первый акт проявления её (культуры) субъектности, изначально стихийный и бессознательный, подобный жизненному порыву организма.

В действительности же, между самотождественным прафеноменом и его психическим образом пролегла непреодолимая онтологическая граница. Органическая целостность прафеномена распалась безвозвратно, и теперь мышление может конструировать и удерживать те или иные его аспекты лишь в относительной целостности

⁶³ Мак-Фарленд Д.Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. М., 1988.

психического образа. Эта относительность, в свою очередь, обеспечивает возможность последующей комбинации и рекомбинации составляющих этот образ компонентов, делая тем самым онтологию вещи в смыслогенезе неисчерпаемой. Так на смену животной сигнальности приходит семантика.

Как тут не вспомнить, постмодернизм, который в своём стремлении избавиться от ненавистных линейно-логоцентрических дискурсов, реконструирует, на понятийном, разумеется, уровне, архаические модели смыслообразования. Это и «рассеянные» смыслы по Ж. Деррида и *фреймы* и поставленная во главу угла денотативная диффузия и неопределенность как ключевая ценность семантизма как психической и смыслопорождающей практики. Впрочем, сейчас речь не об этом.

Вообще, **дискретизация первоначального единства и последующее собирание нового синтеза путём рекомбинации его элементов в режиме усложнения и повышение уровня дифференцированности новообразуемых структур – универсальный алгоритм культурной эволюции, действующий как на системном, так и на подсистемном уровне. А всякий культурный синтез, в силу вторичности и «искусственности» своего происхождения оказывается относительным и на следующем витке генезиса системы оборачивается для сознания новым синкретизмом, подлежащим очередному витку дробления.**

Становящееся сознание заново строит для себя онтологию вещи, «поворачивая» её к себе то одними, то другими аспектами, формируя и при этом и самоё себя, ибо через новооткрываемые уже в культурно-смысловой модальности аспекты вещей, оно осваивает новые каналы их партиципационного природнения. Поскольку психический образ никогда не соответствует прафеномену, в постприродной психике пробуждается перманентный импульс к приведению их в субъективное соответствие. Вот почему в синкретизме детского или первобытного сознания предмет не растожествляется с образом действия с ним.

В этом смысле, к примеру, история формообразования есть одно из отражений истории сознания и ключ к её археологии и реконструкции. Так, сколотые камни олдувая – это ещё не формы, а всего лишь абстрактные морфемы, а разница между деструктивной технологией мустье, которая знает лишь раскалывание и расщепление камня до нужных размеров и формы, и конструктивной технологией верхнего палеолита, оперирующей уже специально заготовленными деталями, может многое сказать о путях и характере трансформации раннего сознания. Правда, этот первичный «праксис» по «исправлению» вещей, дабы они могли быть заново природнены и пережиты как часть себя, протекает уже в психических репертуарах завершающих стадий смыслогенеза.

Вообще синкретизм мышления и действия в процессе «подправления» психического образа даёт ключ к реконструкции широкого ряда феноменов в раннем культурогенезе: и когнитивных, и технологических. «Технологический» диалог с подправляемым прафеноменом (который в ходе этого превращается в артефактуальный объект), с необходимостью рождает в раннем сознании две позиции. Первая: установление с ним партиципационной связи, и вторая – экспликация с помощью магических (глядя с внешней стороны – технологических) операций его модальности, соответствующей психическому образу, т.е. придание ему *формы*. Форма, таким образом, рождается как изначально равноправный диалог сущностей между палеомышлением и вещью, в ходе которого происходит выбор, «отслаивание» тех или иных модальностей вещи от её абстрактной потенциальной многозначности.

Так из бревна, которое уже изначально содержит внутри себя лодку, последняя извлекается путём магического диалога с субстанцией дерева и духом, заключённым в этом конкретном бревне. Аналогичным образом в диалоге со стихией камня, извлекаются на свет «готовые» формы рубил и др. артефактов, как корреляты или проекции всё более усложняющихся психических образов. В этом смысле, прорыв к «демиургической»

технологии неолита был поистине революцией в ментальности. Впервые формирование психического образа вырвалось из режима партиципационного диалога «на короткой дистанции». В неолите человеческая когнитивность овладела полным циклом, включающим в себя глубокое отчуждение от некой психической субстанции, технологическое уничтожение последней (растирание зерна, плавка руды) и, наконец, технологически многоэтапное превращение вещества – демиургическое творение несуществующей до того в природе новой вещественной реальности с её новой психической субстанциональностью. Только такие когнитивные технологии формирования и экспликации психических образов могли породить в неолите (и никак не раньше) развитые космологические представления. При этом комплекс психических образов, связанных с глиной, как универсальной субстанции творения, по семантическим рядам самым непосредственным образом связывает магию керамической технологии с архетипальной космологией, где объединяющим началом выступает не только психическая образность, но и сама физическая форма.

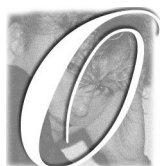
Итак, повторю, психический образ в его имплицитном, когнитивном измерении – это ещё не сам смысл, но его онтологический фундамент (субстрат), необходимейшее условие его рождения.

(продолжение следует)

Григорий Пруслин

Юрий Рост: «Жизнь – это ЖИЗНЬ»

бозревателъ российской «Новой газеты» Юрий Рост вместе с редактором газеты Дмитрием Муратовым прибыли в конце 2010 года в Кельн для получения почетной награды «Премии имени Льва Копелева «За мир и права человека», которой была удостоена в том году газета.

Юрий Рост

Юрий Рост очень известный не только в России, но и за рубежом фотограф и журналист. Достаточно сказать, что его книга «Групповой портрет на фоне века» была удостоена Государственной премии России.

– Юрий Михайлович, вы фотограф, журналист, писатель, актер. Как бы вы кратко написали о себе в энциклопедии?

– Безусловно, я написал бы, что я – журналист. Я пишу, фотографирую, у меня была своя телевизионная

программа «Конюшня Роста». Ну, и иногда меня друзья приглашают немножко сниматься, тогда я становлюсь актером. Я снимался у Георгия Данелия в трех фильмах и в двух картинах у Отара Иоселиани.

– **А скажите, фотограф – это журналист или художник?**

– Фотограф это фотограф. Фотоаппарат для него – инструмент, с помощью которого он находит способ самовыражения. Фотограф, достигший каких-то вершин, может быть и художником в известном смысле, а так он может быть или просто любителем, или хроникером. Фотография – это способ передачи определенной информации.

– **Ваши фотографии – это рассказы из жизни, а ваши рассказы – это фотографии этой самой жизни. Вы с самого начала своей деятельности выбрали этот принцип или он выработался у вас со временем?**

– Со временем у меня сам собой выработался какой-то свой жанр, в котором я и функционирую. У меня получилась такая форма симбиоза текста и изображения.

– **Есть ли фотография, которая вам особенно дорога?**

– Те фотографии, которые я предлагаю, допустим, в книге, или в газете, или на выставках, мне все дороги. Это то же самое, что спросить, какой для тебя твой ребенок самый дорогой. Я не могу назвать какую-то одну фотографию, но могу сказать, что, конечно же, есть любимые, которые мне дороги и несут в себе воспоминания о моменте создания этого кадра.

– **Есть ли чья-то фотография, глядя на которую вы пожалели, что она сделана не вами?**

– Нет, таких фотографий я не знаю, потому что прекрасно понимаю, что у меня есть возможность делать собственные снимки. Я могу пожалеть только о жизни другого человека, потому что он прожил эту жизнь, оказался в этой ситуации и увидел этот момент именно так. Если же говорить о моих любимых фотографах, то, это даже не Александр Родченко, которого я очень люблю, а Анри

Картье-Брессон, самый для меня интересный мастер из того прошлого времени.

– **А правда, что свою первую фотографию вы сделали в семь лет? Она хранится у вас? После этого вы снимали постоянно?**

– Ну, может быть не в семь, а в восемь, но где-то в этом возрасте. У меня тогда был трофейный «цейсовский» аппарат. И самое удивительное, что у меня не сохранилась фотокарточка, но сохранился этот негатив. И этот снимок был у меня и в книге, и на выставке. Я сфотографировал тогда своих друзей. А снимал я после этого не постоянно, а как все любители, в отдельных ситуациях. Постоянным ремеслом фотодело стало у меня уже потом, в процессе работы в газете. Сначала в «Комсомольской правде».

– **Вам интереснее снимать простых людей или известных?**

– А для меня все люди становятся известными, если они достойные.

– **А почему вы не любите снимать политиков?**

– Политиков я не люблю снимать, потому что я придумал себе такой принцип, что я буду снимать только продуктивных людей, тех людей, которые ничего не отбирают – у времени, у других людей, буду снимать тех людей, которые могут прибавить что-то жизни, природе. Помоему, единственного из политиков, кого я снимал, это Горбачева, и то, когда он уже покинул пьедестал, то есть перестал быть активным политиком. А так – нет. Не интересны мне они, так же, как не интересны, скажем, поп-звезды.

– **Мне показалось, что вы любите снимать стариков и детей...**

– Да, вы правы, я предпочитаю снимать именно их, потому что одни еще не научились врать, а вторые уже устали.

– **У фотографов в советские времена были цензоры? Ваши фотографии «лежали на полке»?**

– Цензура была, конечно же. Но фотографии на полке не лежали. Их просто не печатали и все. Но изменениям цензурным снимки подвергались. Вот есть у

меня одна из любимых фотографий – рядовой войны Богданов, который за то время, что он воевал, потерял одиннадцать детей. Фотография, с моей точки зрения, получилась очень удачная. На ней на деревянной мостовой своего города Каргополя стоит невысокий человек с четырьмя медалями. А за ним была церковь. Так вот, в «Комсомолке» эту фотографию поместили, а церковь зарисовали. Наверное, это тоже можно назвать цензурой.

– В 2008 году на XXI Московской международной книжной выставке ваша книга «Групповой портрет на фоне века» была признана «Книгой года». В ней содержится 250 черно-белых фотографий, сделанных вами за 40 лет работы. А почему они все черно-белые? Разве у вас нет цветных снимков?

– Это не случайно. Я снимал людей только черно-белыми. Цветные фотографии я, конечно же, делаю, но снимаю только природу. Вернее, цвет природы. Потому что, как я считаю, природу надо показать такую, какой ее сделал Господь, а человек поучаствовал в своем развитии, так пусть он будет черно-белым.

– Свою замечательную книгу «Групповой портрет на фоне века», за которую вы, к слову, получили Государственную премию России, вы готовили больше года. Когда она вышла, вам ничего не хотелось в ней поменять, добавить, убрать?

– Я готовил ее к изданию почти два года. Ну, что вам сказать? Книга есть книга. Конечно, там можно было бы и что-то добавить, и что-то поменять, что, кстати, и сделано во втором издании, где я заменил кое-какие тексты и фотографии.

– У вас есть «Групповой портрет на фоне века». Затем вы собирались сделать следующие книги – «Групповой портрет на фоне мира» и «Групповой портрет на фоне жизни». Они будут?

– Сейчас у меня задача сделать «Групповой портрет на фоне мира» и я работаю над этим. А «Групповой портрет на фоне жизни» – это все тексты, что я пишу и все фотографии, которые я делаю.

– **Вы работали в нескольких ведущих наших газетах – в «Литературной газете», «Комсомолке»... Вы поддерживаете контакты со своими бывшими коллегами?**

– Есть такие люди, которые придерживаются символов. Ну, например, болеют за «Спартак», кто бы там ни играл. Я поддерживаю отношение с теми людьми, которые мне дороги, в какой бы газете они ни работали. Скажем, я подружился с людьми, с которыми мы вместе работали в «Комсомольской правде». Сейчас они работают в других газетах, и я с ними поддерживаю связи. А с самой газетой я контактов не имею, сейчас это совершенно другая газета.

Юрий Рост Фото: Сергей Пятериков

– **Вы лауреат многих премий. В том числе «Государственной премии РФ в области литературы и искусства», премии «Правительства России в области печатных средств массовой информации» за 2005 год, независимой общенациональной премии «Триумф-2000» и других. Какие награды вам наиболее дороги?**

– Ну, кто спорит, что приятно получать награды. Но наиболее значимы для меня премии, полученные от людей, которых я уважаю. Мне, например, очень дорог приз «Амаркорд». Это медаль, которую учредили Федерико Феллини и Антонио Гуэрра для людей, которых они чем-то

выделяют. Антонио Гуэрра мне этот приз и вручил. Дорог мне «Триумф», поскольку его присуждают уважаемые люди искусства и культуры. Да и от Государственных премий тоже не стоит отказываться.

– Вы работаете в «Новой газете». Естественно, что она нравится вам. А за что?

– Конечно, она мне нравится, иначе я бы в ней просто не работал. А почему нравится? Как бы вам понятнее сказать... Она сейчас среди других газет, как театр «Современник» во времена Олега Ефремова по отношению к другим театрам. Это меняющийся живой организм. Она – молодая газета, хотя существует уже 15 лет. И средний возраст наших ребят около 30 лет. Сама атмосфера в «Новой» очень симпатичная. У нас в кабинетах открыты двери, и мы свободно заходим друг к другу. Я не могу сказать, что в «Новой газете» у меня такие же ощущения, как много лет назад, когда я пришел в «Комсомолку». Тогда я был молодым, только начинал журналистскую работу. И «Комсомольская правда» в те годы была... кто читал, тот помнит. Все же меняется. И люди другие, и отношения другие, возможно потому, что я все-таки старше своих коллег. Да и время изменилось здорово.

– А, правда, что вы называете главного редактора «Новой» Дмитрия Муратова сынком? Это не смахивает на фамильярность?

– Ну что вы, какая фамильярность. Просто у нас с ним такие отношения. Он и есть сынок для меня. И он, бывает, меня называет папой. Собственно говоря, я из-за Мити Муратова и пришел в эту газету.

– В 2009 году вам исполнилось 70 лет и Президент России Дмитрий Медведев поздравил вас с юбилеем. А вы фотографировали его? Какое ваше мнение о нем?

– Я его не фотографировал, хотя бы уже потому, что не встречался с ним. Он действительно прислал мне поздравление, и это было очень приятно. Что же касается моего представления о нем, то, вероятно, оно будет неполным, потому что он до конца не проявил себя, и мы все еще надеемся, что он может совершить какие-то поступки, которые будут приняты обществом как

нормальные. Что же касается предстоящих выборов, то, не зная подноготной, кто может что-то сказать. Может быть, Путин, может, Медведев. Но думаю, что вместе свои кандидатуры они выставлять не будут. Хотя было бы очень любопытно. А самое главное, я хотел бы, чтобы были нормальные, честные выборы.

– **А какие у вас отношения с Горбачевым?**

– У нас с ним очень хорошие личные отношения. Хотя наши встречи – не часты. Мы нормально общаемся, иронизируем друг над другом, и он, надо сказать, прекрасно чувствует юмор. Он никогда не обижается на добрые шутки, да и сам может ответить с тонкой иронией. К слову говоря, у Михаила Сергеевича хороший музыкальный слух, он поет просто замечательно.

– **Юрий Михайлович, а как, по-вашему, что интереснее: брать интервью или давать их?**

– Ну, прежде всего, это совершенно разные вещи. Когда берешь интервью, то стараешься раскрутить собеседника, узнать его со всех сторон. А когда даешь интервью, наоборот, стараешься защититься, не раскрываться полностью. Кому какое дело, что у меня внутри? Брать интервью, по моему мнению, это очень не простое дело. Настоящие интервью получаются только у настоящих профессионалов. У меня же, как вы знаете, несколько другой профиль деятельности.

– **В октябре 2010 года вы брали интервью у М. Ходорковского и П. Лебедева в суде, куда их привезли специально для встречи с корреспондентами «Новой газеты». Это интервью потом было перепечатано многими мировыми изданиями. Вы считаете его каким-то знаковым? Какие у вас впечатления от этих людей?**

– Знаковый момент? Смотря для кого. Вполне возможно для тех людей, которые прислушиваются к Ходорковскому. Некоторые, наверное, подумали, что раз им разрешили дать интервью, то последуют какие-то изменения в отношении к ним. Думаю, что этого не случится (наш разговор состоялся до вынесения приговора Ходорковскому и Лебедеву). А впечатление об «узниках» у меня хорошее. Они очень разные люди. Ходорковский – собранный, с

большой внутренней работой, Лебедев больше «казак» такой, «Чапаев». Он способен на острое слово, не боится. Думаю, что Ходорковский тоже не боится, но это не его жанр. Они хорошо дополняют друг друга. Но лучше бы, конечно, они дополняли друг друга на свободе, а не в тюрьме.

– **Вы уже упоминали о великом фотографe Анри Картье-Брессоне. Расскажите о вашей встрече с ним.**

– Брессон мне представляется самой интересной фигурой в фотографическом мире. Он делал все. И так он жил. У него замечательные портреты, блестящие репортажи. Он любил людей, у него был добрый глаз, у него присутствует ирония в снимках. Он ведь бывший художник и поэтому понимал структуру кадра, его внутренний сюжет. Но самое главное, что он вовремя нажимал на затвор. К сожалению, его уже нет. Он ушел в возрасте глубоко за девяносто, но до конца сохранял живость, бодрость духа. Он был красивым высоким человеком, пожалуй, его и нельзя было назвать стариком. Но мне кажется, что к концу жизни он уже устал смотреть фотографии.

– **В первый же год появления на телевидении вашей программы «Конюшня Юрия Роста» она была признана лучшей программой года. Как вы думаете, почему?**

– Наверное, это на самом деле была хорошая программа. Она была о людях. И по существу, я писал сюжеты как для газеты. Но некоторые программы я делал полностью – не только как автор, но и как режиссер и как оператор. «Конюшня» продержалась на НТВ два года и потом еще пару лет на другом канале.

– **В свое время вы окончили в Киеве институт физкультуры. Вы работали по специальности?**

– Да. Целый год. Я был тренером в Киевском СК, тренировал детей в плавании. А через год уехал в Ленинград учиться на журналиста.

– **Не хотелось вернуться в Киев?**

– Я люблю этот город, он мне очень нравится. И не только потому, что я родился там. Просто это замечательный, красивый город. Конечно, я давно уже не

живу в Киеве. Но я наблюдаю за тем, что сейчас происходит там. С 1967 года я стал москвичом.

– **Вы любите Россию? Фотографом ведь можно работать в любой стране.**

– Я очень люблю Россию, хотя многие из моих знакомых сейчас за рубежом. И действительно, фотографом можно работать везде. За границей даже интереснее, видишь много нового, необычного. Но я люблю Россию.

– **Так почему же вы сказали, что в России народ – сука?**

– Народ – это же не Россия. Россия это люди. К слову, я это не сказал, а с большим удовольствием процитировал писателя Астафьева. Я думаю, что хороших народов вообще не бывает. Хорошими могут быть только люди.

– **А Москву вы любите?**

– Я скажу так... В воскресенье – люблю. Особенно летом и ранним утром, когда ни машин, ни людей. Саму Москву, конечно, испортили «вставными зубами», но в целом это прекрасный город, особенно его Бульварное кольцо. Чистые пруды, где я живу, я просто обожаю, хотя и поперек прудов построили какое-то здание.

– **А правда, что у вас украшенная елка стоит на балконе?**

– Абсолютная правда. Она у меня иногда до мая стоит. И люди, которые катаются на коньках на «Чистых прудах», уже так привыкли к ней, что как-то раз, когда я еще не успел ее поставить, пришли ко мне по этому вопросу.

– **У вас сосед по дому – известный режиссер Георгий Данелия. А кто еще из интересных людей живет в вашем доме?**

– Да, Георгий Николаевич живет как раз подо мной. И я думаю, что одного такого человека, как Данелия, вполне достаточно на один дом. А если учесть, что у меня сосед – он, а у него сосед – я, то больше и не надо.

– **А кто ваши друзья?**

– Ну, вот мой «сын» Дмитрий Андреевич Муратов и есть мой самый близкий друг. А других друзей, как ни печально, и близких и не очень, становится все меньше.

– **А вы любите тусовки?**

– Нет, я тусовки не люблю, но под контролем их держать надо.

– **2 февраля 2011 года вам исполняется 72 года.**

Вы ощущаете свой возраст?

– Нет, не ощущаю. Хотя организм иногда напоминает, чтобы я не зарывался.

– **В одной из своих статей вы написали о прошедших годах: «Мы выпивали, бузили больше, чем сейчас». А что, время уже не то или вы уже не те?**

– О-хо-хо... и мы уже не те, и время не то... и водка не та...

– **Вы много путешествовали. А есть места, где вам еще не удалось побывать, а хотелось бы?**

– Конечно... И путешествовал я много, и много мест есть куда хочется. Ну, скажем, мне хочется попасть на материковую Антарктиду. Именно на материковую, потому что на антарктических островах мы были, а до самого материка так и не дошли. Хотя во многих местах, куда я хотел, я оказывался.

– **Юрий Михайлович, как-то вы сказали: «Функция человека на Земле – это жизнь. Она же является и смыслом». А жизнь – это что?**

Юрий Рост задумался, и в этот момент мой диктофон щелкнул, потому что кончилась пленка. Рост услышал это, засмеялся и сказал: «Ну, вот видите, на этот вопрос нет однозначного ответа. Жизнь – это жизнь».

Борис Тененбаум

Герцог Мальборо, 1702-1704

(окончание. Начало см. в №1/2011)

I

звестие о смерти Вильгельма Оранского во Франции встретили примерно так, как встретили бы вести о крупной победе. Человека, соединявшего в своем лице функции штатгальтера Республики Объединенных Провинций и короля Англии, заменить было трудно. Поэтому неудивительно, что речь Джона Черчилля, лорда Мальборо, обращенная к Генеральным Штатам, была встречена с истинным восторгом.

Он уверил *...высоких и могущественных господ, депутатов собрания...*, что единственным изменением, происшедшем с восшествием на престол его повелительницы, королевы Англии, Шотландии и Ирландии, Анны Первой, будет то, что королева по понятным причинам не будет возглавлять свои войска лично. Но ее *...стремление к восстановлению справедливости и свободы Европы...* и ее *...верность заключенным союзам столь же тверды и неуклонны, как если бы они стояли на незыблемом основании из скал...*

Как всегда в таких случаях, имела место цветистая риторика. И как всегда в речи, произносимой на публике, спорные вопросы старательно обходились. Как раз главным из них и был вопрос военного командования. Понятно, что королева Анна не могла возглавить союзные войска – но кто-то же должен был это сделать?

Смерть Вильгельма Оранского действительно составляла огромную потерю: во-первых, самим фактом своего существования он решал проблему единого командования союзных английских и голландских войск, во-

вторых, он в одном лице соединял и опытного генерала, и державного государя. Теперь же, в его отсутствии, голландцам надо было выбирать кого-то из множества претендентов, причем они делились на две взаимоисключающие группы: на генералов, обладающих огромным опытом, и на генералов, обладающих огромным аристократическим престижем.

В первую группу входили голландские генералы, спутники и соратники Вильгельма Оранского – их опыт и лояльность Республики были вне сомнений, но их способность добиться безоговорочного подчинения войск союзников Голландии была крайне сомнительна.

Во вторую группу входили государи держав, союзных Республике – например, король Пруссии. Подчиняться полководцу, носящему королевский титул, наемные войска союзников не сочли бы зазорным – но Генеральные Штаты не имели никакого желания доверять иностранцам командования своими солдатами.

Лорд Мальборо – конечно, не в речи, обращенной к депутатам, а частным образом – предложил правительству Голландии кандидатуру принца Георга, супруга королевы Анны.

Предложение было логичным. Это устраняло все проблемы с единым командованием англичан и голландцев, и снимало все вопросы, связанные с престижем должности. К тому же, это служило своего рода страховкой, важной для голландской элиты – принц Георг был хоть и принц, но не державный владетель, а всего-навсего *...супруг королевы Анны...*, так что шансы на то, что он попытается оттеснить власти Республики на второй план, так, как это делали принцы Оранские, были минимальны.

Тем не менее, правительство колебалось. За время царствования Вильгельма Оранского многие голландцы успели пожить при английском дворе, и повидать и принца лично, и людей из его окружения. Их единодушное мнение сводилось к тому, что принц Георг – безмозглый чурбан, и что в случае назначения его на должность главнокомандующего настоящим командующим будет Джон Черчилль, граф Мальборо.

Тот самый человек, который так красноречиво доказывал все выгоды этого назначения.

II

В начале июля 1702 года граф Мальборо был назначен командующим всеми английскими, голландскими, и наемными войсками, действующими в Нидерландах. Генеральные Штаты, вероятно, тянули бы и дольше, если бы только могли – назначение было сделано в разгаре лета, в то время как пограничные стычки шли с марта 1702, а войну союзники объявили еще в мае. То есть и война уже была объявлена – а командующего все еще не было.

Вопрос решили французы – они перешли границу и двинулись на Нимвеген.

Оттягивать решение и дальше стало невозможным. Почему депутаты решили именно так, а не как-то иначе, сказать трудно. Причин могло быть сразу несколько: иностранных государей они определенно не хотели, назначение голландца исключало соединенное англо-голландское командование – Парламент еще при короле Вильгельме принял постановление, что английские войска не должны быть подчинены никому, кроме англичан – а назначение принца Георга депутаты могли посчитать неудобным, потому что новоназначенного командующего с самого начала было решено попридержать. Он не получал входивший в «номенклатуру» высших должностей Республики пост «Генерал-Капитан», а должен был довольствоваться рангом на ступень ниже.

Уменьшить статус должности, на которую назначен принц, было бы неудобно. А поскольку фактическим руководителем при принце Георге так или иначе стал бы Мальборо – депутаты назначили его заместителем «Генерал-Капитана», оставив саму эту должность незаполненной. Как всегда, Республика назначила своему новому командиру двух советников. Это был старый обычай – советников назначали даже Вильгельму Оранскому, хотя он мало с ними считался. Сейчас, в новых обстоятельствах, эти люди получали право «вето». Войска Республики должны были быть использованы только для оборонительных операций под прикрытием укреплений.

Командующему вменялось в обязанность избегать всякого риска и разрешалось вступать в сражение только в том случае, если этого нельзя избежать.

Советников – депутатов Генеральных Штатов – назначили именно с той целью, чтобы они следили за неуклонным исполнением этих правил.

Если прибавить к этому тот факт, что его назначение было встречено в штыки всеми без исключения голландскими генералами, смотревшими на него как на выскочку, навязанного им интригами – надо признать, что деятельность графа Мальборо в качестве командующего началась нелегко. На первых своих военных советах он говорил очень мало – больше слушал. Часто беседовал с подчиненными, особенно с опытными генералами наемных войск.

Ожидал подхода подкреплений, пруссаков и ганноверцев.

Наконец, предложил депутатам, назначенным при нем в качестве своего рода «комиссаров», план действий.

Он собирался перейти реку Маас и идти к Маастрихту.

III

Восторженные определения, используемые по отношению к деятельности того или иного человека, разложенные по шкале от скромного слова – «мастер» – и до восхищенного – «гений» – в сущности, обозначают одно и то же: способность этого человека делать то, что другие не могут.

Интересно применить эту шкалу к *...скромному предложению...*, сделанному Джоном Черчиллем, графом Мальборо, двум депутатам Генеральных Штатов, надзирающим за его деятельностью.

Имя инструкции: *...действовать строго оборонительно и избегать сражений...*, он предложил переправить всю свою армию через Маас, и двинуть ее в обход французской армии, с целью отрезать этой армии путь отступления обратно, в Брабант.

Маас – широкая река. Переправа – нелегкая операция, в первую очередь потому, что противник может

ей легко помешать. А если она удастся, но дела пойдут неудачно, то переправу придется повторить уже в обратном направлении. Французской армией командовал опытный военачальник, герцог де Буффле. Если обход, предлагаемый Мальборо, окажется удачен, герцогу надо будет немедленно отступить.

А что, если он не отступит?

В этом случае на поле боя сойдутся две стороны – сплоченная французская армия под единым и незыблемым командованием маршала де Буффле¹, сражавшегося уже в генеральских чинах под командой самого легендарного Тюренна, и пестрое войско союзников, состоящее из контингентов солдат из полудюжины разных государств, под командой графа Мальборо, который целой армией вообще еще никогда не командовал.

И весь этот крайне рискованный план предлагается вниманию тех самых людей, которых и назначили-то для того, чтобы они не допускали никаких авантюр.

Ничего удивительного не было в том, что оба уполномоченных Генеральных Штатов на совещание с Мальборо пришли с готовым решением: отказать и запретить.

Дальше, однако, начались вещи удивительные.

Один из этих депутатов вспоминал впоследствии: ...у милорда Мальборо были редкие способности к убеждению собеседников в том мнении, в котором он хотел бы их утвердить...

Милорд обратил внимание *...высоких господ уполномоченных...*, что опасения их напрасны – герцог де Буффле не решится дать сражение, ибо он опытный военачальник.

В самом начале войны, имея инициативу – и, следовательно, возможность выбора – французское командование решило двинуться вперед, на голландскую

¹ Герцог де Буффле, иногда в источниках на русском языке именуемый «де Буффлер» – Louis François, Duc de Boufflers, Comte de Cagny.

территорию, и оставило позади крепость Маастрихт, со значительным гарнизоном в 14 тысяч солдат.

Предполагалось, что крепость никуда не убежит, и ей можно будет заняться позже.

Если союзная армия переправится через Маас и пойдет в обход армии герцога де Буффле, ему придется выбирать одну из трех возможностей:

1. Препградить союзникам путь, рискуя при этом получить удар в тыл из Маастрихта.

2. Остаться на месте и позволить Мальборо соединиться с гарнизоном крепости. В этом случае французам придется иметь дело с противником, обладающим значительным превосходством, при этом де Буффле будет отрезан.

3. Немедленно отступить, пока не поздно.

Мальборо заверил депутатов, что ни один здравомыслящий генерал в выборе своем не поколеблется – он отступит. А что касается опасений насчет риска переправы – беспокоиться тут не о чем, вот детальный и четко проработанный план. Уже подготовлены и материалы, и саперные части, через Маас будут наведены одновременно три моста, а место выбрано так далеко от французских позиций, что помешать операции они не смогут чисто физически – у них не будет времени сделать это.

Совещание кончилось тем, что депутаты дали санкцию на наступление.

К своему собственному глубокому удивлению.

IV

Уильям Кадоган, один из близких сотрудников лорда Мальборо, говорил, что его начальник свои военные планы составляет чрезвычайно гибко, и единственная вещь, которая в них неизменна – это поставленная цель. Все остальные элементы могут меняться под изменившиеся обстоятельства. Надо сказать, что Кадоган хорошо знал предмет, о котором говорил. В 1701 году Мальборо назначил его, 26-летнего майора, своим генерал-квартирмейстером – человек, занимавший в ту пору эту должность, нес ответственность за снабжение всей армии.

Так что не удивительно, что и переправа прошла без сучка и задоринки, и ворчливые голландские генералы, поведение которых колебалось в диапазоне от некоторых нарушений субординации и до открытого саботажа, все же делали то, что им было велено, и прусские офицеры, сообщившие командующему, что у них есть приказ их короля – Маас не переходить – вдруг получили из Берлина распоряжение, отменяющее предыдущие инструкции.

Дело тут было в том, что Мальборо загодя отправил депешу в Лондон, адресованную лорду Годолфину, ведавшему английской казной, лорд, в свою очередь, поговорил с королевой Анной, королева *...сформировала свое мнение...*, поговорив с Сарой Черчилль (свои мнения она обычно так и формировала), и прусскому королю были посланы самые цветистые комплименты, которые только удалось изобрести – с мягким указанием на то, что английские субсидии находятся в прямой зависимости от того *...блистательного вклада, которую полки Пруссии вносят в общее дело...*

Довод был веский – деньги королю были очень нужны. И все моментально уладилось.

Так что остались довольны все, а больше всех – депутаты Генеральных Штатов. Потому что маршал де Буффле действительно поспешно отступил. Причем в течение двух месяцев его войска были дважды пойманы в чрезвычайно невыгодном для себя положении – и оба раза по настоянию не желавших рисковать депутатов Мальборо отказался от атаки, показав себя не только умелым генералом, но и в высшей степени лояльным союзником.

Уильям Кадоган в своих записках утверждал, что его обожаемый начальник, лорд Мальборо, был необыкновенно проницателен, и обладал способностью видеть людей насквозь и угадывать их тайные побуждения и намерения.

Депутаты Генеральных Штатов такими свойствами определенно обладали в недостаточной степени. Иначе они заметили бы, что у плана Мальборо был и еще один «слой», который он с ними не обсуждал.

Командующий союзной армии тщательно и очень продуманно пытался создать ситуацию, в которой сражение стало бы неизбежным.

V

Французская армия в самом начале кампании 1702 года шла на Голландию, оставляя у себя в тылу стоявшую на Маасе крепость Маастрихт. Вынужденное отступление меняло картину – теперь армия союзников занимала долину Мааса, а в тылу у нее оставались крепости с французскими гарнизонами, запиравшими реку для судоходства.

И Мальборо принял рискованное решение – он разделил свою армию. Меньшая ее часть ушла на север, осаждала французские крепости, а большая встала недалеко от Маастрихта.

Командующий союзной армией совершенно явно пытался спровоцировать французов на наступление.

Маршал де Буффле оказался перед выбором – атаковать Мальборо, стоявшего в укрепленной позиции, или обойти его и двинуться обратно, в долину Мааса, в надежде выручить осажденные крепости. Оставаться на месте он не мог. Король Людовик побуждал его к более активным действиям – и де Буффле подчинился, двинувшись вперед.

Он пытался обойти армию Мальборо и встать между ней и ее базами в Голландии.

Установление сплошных фронтов в то время было невозможно – армии, как правило, не превышали 50-60 тысяч человек. Однако и такое число людей прокормить было нелегко, армии были вынуждены опираться либо на запасы, собранные заранее и хранимые в крепостях, либо на так называемые «коммуникационные линии», обеспечивающие им подвоз. Наилучший подвоз был водой – баржи, в отличие от телег, могли брать много груза.

Именно поэтому и были так важны судоходные реки, вроде Мааса.

Весь сентябрь 1702 между маршалом де Буффле и графом Мальборо шла игра в кошки-мышки. Обе армии маневрировали, стараясь встать в наиболее выгодную позицию, и однажды де Буффле удалось оказаться «за спиной» своего противника. И тогда тот сделал

парадоксальный ход – отступил, удаляясь от своих рубежей и как бы «пятясь» по направлению к французской границе. Что случилось бы, если бы маршал последовал за ним, начав преследование, мы не узнаем никогда.

Он этого не сделал.

И никто в военном совете армии маршала за это не упрекнул – даже горячий начальник его авангарда. А авангардом французской армии командовал молодой Джеймс Фитцджеральд, герцог Бервик, незаконный сын короля Джеймса II и Арабеллы Черчилль. И он очень хорошо помнил, как месяц назад он сам погнался за своим отступающим дядюшкой – и попал в засаду, хитро устроенную в холмистой местности, и был бы полностью разгромлен, если бы его не выручили два обстоятельства: во-первых, союзники от атаки воздержались, во-вторых, де Буффле успел подоспеть ему на помощь.

После этого и он, и де Буффле, получили через парламентаря от Мальборо вежливейшее письмо с извинениями. Граф писал, что ...почел бы за честь скрестить шпаги со своими достойными оппонентами, но не смог этого сделать по независящим от него обстоятельствам...

То, что атаку ему запретили депутаты Генеральных Штатов, он, конечно, не написал, но тем не менее неудачный август 1702 оставил у герцога Бервика чувство глубокого уважения к стратегическим талантам противника.

Чувство это, по-видимому, разделял и де Буффле. Во всяком случае, приглашение *...следуйте за мной...*, сделанное ему Мальборо, он отклонил. Тем временем пали те крепости, которые маршал надеялся выручить, и к Мальборо подошли войска, занятые в их осадах. Теперь союзники были явно сильнее, и уже без всяких хитростей и маневров шли прямо на французскую армию.

Герцог де Буффле, избегая сражения против превосходящих сил противника, отступил и укрылся за укрепленными «линиями Брабанта».

А Мальборо сходу взял Льеж.

VI

Европейские войны вплоть до изобретения железных дорог велись по принципу, более или менее совпадающему с

сельскохозяйственным циклом. Военная кампания, как правило, начиналась весной, когда появлялась трава для кавалерии, и длилась до осени. К этому времени враждующие стороны занимали так называемые «зимние квартиры» – укрепленные лагеря, желательны, размещенные в плодородной местности.

Там накапливались запасы продовольствия, приводились в порядок оружие и амуниция – а весной война начиналась снова. Армия союзников после кампании 1702 года встала на «зимние квартиры» в завоеванной долине Мааса. Ее командующего, лорда Мальборо, Генеральные Штаты в Гааге встретили просто с ликованием. Вильгельм Оранский, столь недавно почивший, был лучшим генералом Республики Объединенных Провинций. И даже ему в ходе долгой, шедшей добрых 9 лет, «Войны за английское наследство», не удалось сделать и четверти того, что граф Мальборо добился за 4 месяца, с июля по октябрь 1702 года.

Мало того, что за эти короткие месяцы были взяты четыре крепости, но и война была перенесена на территорию противника. Пал Льеж, столица князя-епископа Льежского, союзника Франции. Вся река Маас оказалась свободна, что представляло собой крупный выигрыш для начала кампании в 1703 – теперь стоящие в долине реки войска можно было без всяких помех снабжать продовольствием и военными припасами.

И еще одно, дополнительное обстоятельство, особенно радовало сердца голландцев – все это было достигнуто одними маневрами, без рискованного генерального сражения.

Вообще-то – не стоит кидать в них за это камень. Согласно их поговорке: *Бог создал землю, а голландцы создали Голландию*. Поля отвоевывались у моря, отгораживались от него прочными дамбами – и совершенно такой же подход был в ходу при обороне с суши. Нидерланды отгораживались от возможных вторжений тщательно разработанной системой крепостей и защитных линий, а народ был готов вести долгую и изнурительную войну, но ни в коем случае не рисковать генеральным сражением – проигрыш в этой рискованной игре мог

означать конец всей страны. Мальборо не делился с союзниками своими наступательными планами – и правильно делал.

Но сам он результатами своей кампании 1702 года был недоволен.

VII

Дело тут было не в «комиссарах» Генеральных Штатов, без согласия которых он не имел права действовать так, как считал нужным. Это обстоятельство Мальборо как раз надеялся поправить – его авторитет в Голландии сильно возрос. Проблема была поближе к дому, в Англии. И опять – дело было не в королеве Анне.

Она-то была в восторге, и втайне подготовила ему сюрприз – в награду за подвиги Джон Черчилль был возведен в сан герцога, и именовался теперь не графом, а герцогом Мальборо.

Шаг этот был одобрен в Нидерландах – Генеральные Штаты очень хотели закрепить за собой услуги такого генерала, каким показал себя командующий союзными войсками, и повышение его статуса считали необходимым. Против герцогского титула, как ни странно, возражала Сара Черчилль, леди Мальборо. Она резонно отмечала, что *...бедных герцогов не бывает...*, и питала сильные подозрения в отношении готовности Парламента это печальное обстоятельство как-то поправить.

И оказалась совершенно права.

Палата Общин, воздав должное *...герою, восстановившему честь английского оружия...*, в выделении ему денежной награды отказала наотрез. Дело тут было не в личности самого Джона Черчилля, и не в желании уязвить королеву, которая и просила Парламент о выделении ему *...национального дара...*, а в партийной политике и в конфликтных отношениях тори и вигов.

В числе многих и многих вопросов, разделявших эти две партии, входил и вопрос о стратегии. Тори, основной опорой которых были консервативно настроенные сквайры, *...джентльмены Англии...*, стояли за то, чтобы сосредоточиться на морских операциях, а в *...континентальные дразги...* не влезать.

Виги, преобладавшие в Палате Лордов, о делах Европы знали куда больше, чем тори, и отчетливо понимали, что без активной помощи английскими войсками Франция может попросту разгромить союзников – и тогда война будет проиграна, окончательно и бесповоротно. Кампания 1702 года больших успехов английскому флоту не принесла, в то время как армия под командованием Мальборо достигла выдающихся результатов.

Получалось, что стратегия вигов была верной? Признать это партии тори было совершенно не с руки. А поскольку в Палате Общин преобладали именно тори, и деньгами распоряжалась именно эта палата, то и было признано разумным всячески подчеркивать, что всякие там маневры в долине Мааса – даже если они и прошли удачно – особого значения не имеют.

А лорду Мальборо было указано, что совмещая две должности – Генерал-Капитана (главнокомандующего) английских войск, и заместителя Генерал-Капитана голландских войск – он получает огромную сумму в 60 тысяч фунтов стерлингов в год. Следовательно, в деньгах не нуждается.

Формально это было совершенно справедливо.

Но доход семейства Мальборо состоял в основном из его жалованья, независимого состояния он не имел вовсе. А при короле Вильгельме Черчилль долгие годы жил в опале, не занимая никаких должностей. Главнокомандующим же стал только в 1701 – а пожалованный ему герцогский титул требовал и соответствующего образа жизни. Так что Сара Черчилль действительно была права – и в отношении Парламента, и в отношении титула, который она находила пустым.

Ее муж, Джон Черчилль, действительно был *...бедным герцогом....*

VIII

При обсуждении планов на 1703 год в Гааге мнения Мальборо и представителей Генеральных Штатов разошлись. Спора о том, что следует делать – наступать или обороняться – теперь не было. За зиму 1702-1703 союзникам удалось набрать такое количество наемных войск в Дании и

в Германии, что теперь у них имелось перед французами некоторое численное превосходство. Так что было решено наступать. Мнения разошлись только в вопросе о методах наступления. Голландцы считали, что делать это следует медленно, методично, шаг за шагом, отбирая у противника его крепости одну за одной – это будет менее рискованно.

Мальборо, напротив, говорил, что это не так, и что следует использовать стратегическую инициативу для наступления на широком фронте, не ввязываясь до поры в долгие осады. Французы не будут знать, куда придется главный удар, и им придется, пытаясь удержать свои крепости, или разбросать войска по гарнизонам, или решится на генеральное сражение, в котором преимущество будет у союзников.

Генеральные Штаты, однако, не хотели и слышать о генеральном сражении – и какие при этом будут обстоятельства – благоприятные или нет – им было решительно все равно.

В итоге был достигнут компромисс. Кампания 1703 начнется так, как желают Генеральные Штаты – с осады. Но осажден будет стоящий на Рейне Бонн. Пушки этой крепости запирали реку, мешая коммуникациям между Голландией и ее союзниками в Германии, так что взятие крепости будет делом полезным.

Однако сразу после взятия Бонна будет проведен стремительный маневр – пехота и артиллерия со всеми своими припасами пойдут вниз по реке, к морю. Баржи с войсками будут идти вниз, по течению Рейна, и смогут поспевать за идущей берегом кавалерией. А достигнув за считанные дни низовьев, они высадятся на левом берегу реки и пойдут на Остенде. Поскольку захват или даже угроза захвата этого морского порта создала бы базу для английских морских десантов, французскому командованию придется бросить крупные силы на защиту крепости.

И вот тогда главные силы союзников под командой Мальборо нанесут решительный удар – они вторгнутся на территорию Испанских Нидерландов и захватят крупный приз – возьмут Антверпен.

План был превосходным.

Но, если в кампании 1702 года лорду Мальборо удалось победить и французов, и своих голландских союзников, то в 1703 голландцы взяли реванш.

Бонн был действительно осажден и взят. Освободившиеся от осады войска были погружены на баржи, и действительно в очень короткое время достигли дельты Рейна, и успешно высадились на берег, и противник действительно не смог им воспрепятствовать.

Все случилось именно так, как герцог Мальборо и планировал. Вот только того, что случилось дальше, он никак не ожидал – на Остенде войска не пошли.

Рассудив, что крепость им, пожалуй, ни к чему, Генеральные Штаты брать ее передумали.

IX

Причин для такого решения было две. Первая была проста и понятна – голландский генерал Кохорн (Cohorn) предложил, что вместо атаки Остенде его корпусу следует провести рейд по территории Испанских Нидерландов, взимая контрибуцию с необороняемых малых городов и местечек. Это должно было дать значительную сумму, деньги Республике были очень нужны – поэтому предложение было одобрено, и ему даже добавили еще один корпус, который должен был идти на Антверпен.

Вторая причина состояла в том, что в Голландии рассудили: взятие Остенде даст англичанам порт и крепость, следовательно, это уменьшит в их глазах ценность союза с Голландией: она станет им менее необходима.

Мальборо о перемене планов известили с изрядным запозданием, скорее всего – намеренным.

Тем временем генерал Опдам (Opdam) нарушил данные ему инструкции и выступил в направлении на Антверпен преждевременно, по собственной инициативе. В итоге он налетел на французские войска, вчетверо превосходившие его по численности. Сражение началось в условиях, хуже которых трудно было бы себе и представить – но Опдам сумел ухудшить их еще больше. Он умудрился потерять свой корпус – французская кавалерия отрезала его штаб от остальных его войск. Он бежал с поля боя, успев только разослать с гонцами сообщение о своем полном

разгроме. Получив эти вести, в Гааге объявили чрезвычайное положение. Один из гонцов оказался перехвачен французами, и его бумаги были с торжеством отправлены в Париж.

Но торжество победителей оказалось преждевременным. Заместитель Опдама, генерал Слангенберг, головы не потерял. Он привел корпус в порядок, и сумел прорваться сквозь французские заслоны к своим. Потеряно было около трети людей, все пушки и весь обоз – но корпус все-таки отступил в относительном порядке, и его успели выручить.

В Гааге генерала встречали как героя – после чего он произнес громовую речь, обвинив во всем *...иностранныго главнокомандующего...* К нему немедленно присоединились и все прочие голландские генералы – его коллеги. Партия тори в Парламенте тоже нашла, что сказать, по поводу *...паркетного генерала, которому не хватало опыта, но которому тем не менее поручили командование...*

В общем, неприятностей было столько, что всерьез поднимался вопрос о замене Мальборо кем-нибудь другим. Дискуссия, однако, споткнулась именно на этом пункте – заменить-то можно, но кем? Служить под командованием голландца англичане отказывались. Оставался выбор между каким-нибудь германским принцем и другим английским генералом, и оба этих варианта не устраивали ни Генеральные Штаты, ни Парламент.

Тем временем Мальборо взял Лимбург. Это было значительным достижением. Вспомнилась удачная кампания 1702. В итоге решили оставить все, как есть. К тому же на горизонте появилась новая огромная проблема.

У Франции появился шанс одним ударом выиграть войну.

Х

Обе стороны великой «Войны за Испанское Наследство» старались найти себе союзников среди европейских держав, так сказать, «второй лиги». Помощь, которую от них надеялись получить, могла заключаться в их войсках, крепостях или даже просто в их географическом положении. Расположения герцога Савойи добивались с

особым старанием – герцогство контролировало некоторые альпийские проходы, и в борьбе Франции и Австрии за Италию могло оказаться решающим фактором для достижения успеха. Двор герцога в Турине служил своего рода «полем боя», на котором сошлись дипломаты Франции и стран антифранцузской коалиции.

В принципе, по династическим соображениям, герцогу Савойскому следовало бы примкнуть к французам – две его дочери были замужем за внуками короля Людовика, при этом один из внуков был потенциальным наследником престола Франции (он был старшим сыном Великого Дофина), а второй, Филипп, уже считался королем Испании.

Однако, помимо родственных чувств, у герцога были и государственные соображения – он хотел бы получить территориальные приращения за счет испанских владений в Италии, ему были нужны деньги на снаряжение армии, и так далее. Деньги ему охотно обещали дипломаты «морских держав» – особенно англичане. Парламент, конечно, был прижимистым учреждением, но от выгодного приобретения 20 тысяч солдат по сходной цене не отказался бы.

Совершенно неизвестно, сколько длилось бы такое неопределенное положение Савойи, но тут случилась беда: по какой-то невообразимо нелепой промашке один из английских дипломатов поговорил на тему о возможных английских субсидиях с савойским сановником, принадлежавшем к «французской» партии, и в тайну о переговорах герцога Савойи с англичанами не посвященным.

Узнав об *...измене...* командующий французскими силами на этом театре войны, маршал Вандом, немедленно принял меры – он разоружил все савойские части, до которых мог добраться, известил обо всем Париж, и отправил запрос герцогу Савойскому, требуя от него *...твердых гарантий лояльности...* Выражение, конечно, не слишком определенное – но в виду он имел сдачу ключевых крепостей.

Герцог подумал, взвесил все последствия – и принял решение: он открыто встал на сторону коалиции и запросил ее о помощи.

Однако примерно в это же время случилось и еще одно событие – курфюрст Баварии, находившийся примерно в таком же положении, как и герцог Савойи, и долго торговавшийся и с Францией, и с коалицией, принял решение примкнуть к французам. Король Людовик письменно пообещал ему, что *...Франция гарантирует все его возможные завоевания...* – это и оказалось решающим фактором. Внезапным нападением баварские войска захватили у австрийцев крепость Ульм.

Теперь франко-баварская армия оказывалась нацеленной прямо на столицу Австрии – расстояние от Мюнхена до Вены не велико, а свободных войск у австрийского императора не было. Его армия была разбросана от Италии и до Дуная – в Венгрии началось антиавстрийское восстание.

Австрийская Империя в 1703-1704 году оказалась в положении, весьма близком к полному коллапсу.

XI

Государственный организм, который мы до сих для простоты называли Австрией, был устроен на манер, по сравнению с которым конституционное устройство Республики Объединенных Провинций Нидерландов показалось бы образцом простоты и логики.

Империя именовалась сложно – она звалась Священной Римской Империей², а наследник ее престола имел титул «Короля Рима». Еще с XV века императорский титул принадлежал династии Габсбургов.

Столица размещалась в Вене.

Теоретически император избирался германскими государями Германии, хотя выборы давно уже носили совершенно формальный характер – старший сын императора, уже сидевшего на троне, признавался его наследником совершенно автоматически. Несмотря на такой порядок, участие в «выборах» ценилось очень высоко. В Империи было добрых три сотни князей и епископов, но

² English: The Holy Roman Empire, (HRE), German: Heiliges R;misches Reich (HRR), Latin: Imperium Romanum Sacrum (IRS), Italian: Sacro Romano Impero (SRI).

правом голоса из всех них располагало только семеро, три архиепископа (Кельна, Трира и Майнца), и четыре светских государя (Бранденбурга, Саксонии, Ганновера и Баварии) которые так и именовались – князья-электоры, или курфюрсты.

Все князья в выборе своей политики были независимы, по-настоящему император правил только в пределах собственных владений. Князьям случалось и воевать против своего номинального сюзерена. Тем не менее, как правило, никто из них на наследственные владения Габсбургов не покушался. Курфюрст Баварии эту неписанную традицию нарушил, и в самый неподходящий момент. Новый «баварский» фронт Вене прикрыть было нечем. Оставалась надежда на помощь союзников – Англии и Голландии.

Имперский посол в Гааге, граф Вратислав, двигал небо и землю, пытаясь растолковать Генеральным Штатам последствия краха Империи.

Курфюрст Баварии вполне мог согнать династию Габсбургов с престола. В этом случае Франция получила бы контроль над югом Германии, итальянский фронт рушился бы сам по себе, а контингенты германских наемников на службе коалиции были бы немедленно отозваны на защиту собственных государств. «Морские державы» остались бы одни: Голландия – внутри кольца своих крепостей, Англия – на своем острове.

А хозяином Европы стал бы Людовик XIV.

И словам графа вроде бы внимали. Только вот дело его не двигалось: Генеральные Штаты полагали ситуацию опасной, но вывод из этого положения делался в том смысле, что *...плотины следует укреплять...*, то есть сооружать защитные линии вокруг собственных владений.

В Англии партия тори все надежды возлагала на морскую силу. Общее мнение ее лидеров состояло в том, что *...войну следует перенести в Испанию...*

Единственный человек, в беседах с которым граф Вратислав находил утешение, был Джон Черчилль, герцог Мальборо.

ХII

Примерно в середине мая 1704 года английские войска выступили в поход. Сборным пунктом послужил Бонн. 19 мая начался марш в общем направлении к Кобленцу, вверх по течению Рейна. У Кобленца в Рейн впадал его приток, Мозель, и было известно, что в этом районе войска Австрии и тех германских государей, которые выступили на ее стороне, оказались под серьезным давлением французов. Голландские генералы, оставшиеся в нижней части долины Рейна, ближе к Нидерландам, заявили Мальборо протест.

Он их выслушал, и предъявил приказ, отданный королевой Анной: *...английским войскам, и войскам, оплаченным Англией...*, предписывалось идти на выручку союзникам, стоящим на позициях у Мозеля. Герцог сказал генералам, что приказы своего сюзерена он не обсуждает, а выполняет, и посоветовал им заниматься своими делами и тем *...исполнить свой долг перед Республикой...*

Приказ - вплоть до последней запятой – был написан самим Мальборо. Королева его только подписала.

К 26 мая полки действительно подошли к Кобленцу, и кавалерия несколько углубилась в западном направлении, вверх по течению Мозеля. Однако основная армия не последовала за кавалерией, а двинулась дальше, вверх по Рейну, и к 3 июня дошла до Майнца.

А ушедшая было конница вернулась в Кобленц и тоже двинулась к Майнцу, догонять пехоту. В процессе своего движения на восток английская армия росла. К ней присоединились ганноверцы, в количестве пяти тысяч человек. А поскольку в Майнце остановки тоже не произошло, и поход вверх по течению Рейна все продолжался – к англичанам присоединились и идущие к Рейну с севера Германии пруссаки и датчане, добавив в распоряжение Мальборо еще 14 тысяч солдат.

Французское командование было просто в недоумении – в те времена сплошные фронты не существовали, и проследить движение английской армии на восток особого труда не составляло. Для этого достаточно было иметь несколько человек, собирающих слухи на

городских рынках, несколько человек, знакомых с тем, куда двигаются местные телеги со свежими припасами для английских войск, и иметь налаженную курьерскую службу, способную доставлять все собранные сведения в штаб.

Так что о движении армии французы знали практически все. Вот только непонятно было – куда она двинется дальше? Примерно 10 июня английская армия сделала внезапный поворот, ушла из долины Рейна, и двинулась прямо через леса Шварцвальда, в общем направлении на восток.

Теперь она шла через ненаселенную местность – и французы потеряли ее из виду.

ХIII

Она нашлась 22 июня 1704, под Ульмом. Поход английской армии, приведшей ее в мае-июне 1704 года с Рейна на Дунай, потом изучали во всех военных академиях. Максима военной науки, гласящая: *...надо устроить так, чтобы армия жила врозь, а сражалась вместе...*, в столь лапидарной форме еще не была сформулирована – это сделает Наполеон примерно лет через 100 после описываемых событий – но суть ее, конечно, была уже известна. Желательность того, чтобы можно было *...сражаться вместе...*, самоочевидна, а вот необходимость *...жить врозь...* нуждается в пояснениях.

Есть детальные подсчеты того количества припасов, которое было необходимо армии того времени. Считалось, что ежедневный рацион, необходимый в день на одного человека, составляет (в современных мерах веса) один килограмм печеного хлеба в день. Это, конечно, не обязательно хлеб – могут быть какие-то его эквиваленты.

Далее – люди в армии не равны друг другу, и то, чего вполне хватает для прокормления рядового, не хватает для более привилегированной части армии: унтер-офицеров, ценных специалистов, и уж тем более офицеров. Поэтому за основу принимался не голый минимум, а 150 % от него. Таким образом, для прокормления армии численностью в 60 тысяч человек требовалось 90 тысяч килограммов хлеба ежедневно.

Далее – хорошо оснащенная армия конца XVII века – начала XVIII века, численностью в 60 тысяч человек, нуждалась в 40 тысячах лошадей. Дело даже не в том, что кони нужны кавалерии – они нужны для перевозки вообще всего, что солдат в своем ранце унести не может: пушек, всевозможных припасов, еды для людей, и даже фуража для пропитания тех же самых лошадей, которые все это возят. Это, кстати, служило еще одной причиной для того, чтобы зимой военные действия не вести – без использования подножного корма в качестве добавки к имеющимся в обозах запасам овса кавалерия действовать не могла.

Теперь становится понятно, почему военные считали необходимым делать так, чтобы армия жила врозь – войска, либо раскиданные по широкой местности, либо размещенные в крепостях, было куда легче снабжать.

Трудности, упомянутые выше, многократно возрастали, если армия не стояла на подготовленных позициях, а уходила в поход. Возможности ее транспорта, как бы ни были они велики, не позволяли вести с собой снабжение больше чем на неделю-другую. Регулярное пополнение запасов было необходимостью. Но даже и подвезенные вовремя запасы следовало еще превратить в еду. Например – муку в выпеченный хлеб. На 60 тысяч человек требовалось 60 пекарен. Их обслуживало 240 пекарей. Поскольку гарантировать, что в местах остановки армии на отдых пекарни найдутся на месте, было невозможно, в обозе имелся запас кирпичей – 250 кирпичей на каждую печь.

Таким образом, печи можно было складывать прямо в лагерях, там, где войска останавливались на один-два дня для отдыха. Печам требовалось топливо. Припасы часто подвозили не в виде муки, а зерном. Соответственно, требовались мельницы. Одной из мер, принятых Мальборо для прокормления своих солдат в походе, было то, что он прихватил с собой ручные мельницы. В результате английские войска меньше зависели от местных мукомольных ресурсов, но понятно и без слов, что сама по себе операция проведения большой армии с Рейна на Дунай была очень трудной, даже просто с точки зрения логистики.

И это была еще не самая трудная часть задачи.

XIV

Существуют два способа мобилизации ресурсов: путем реквизиции и путем приобретения их за деньги. С точки зрения обильности добываемых припасов и скорости их доставки метод покупки имеет большое и неоспоримое преимущество: не надо ничего разыскивать и не надо ни за чем ездить, при наличии хорошей цены продавец все сам изыщет и все сам подвезет.

Единственным – но крупным – недостатком этого метода является то, что армии совсем необязательно имеют денежные средства, поэтому приходится прибегать к реквизициям.

А реквизиции требуют рассылки повсюду отрядов фуражиров, поиска того, что армии в настоящий момент надо, и подвоза найденных и захваченных припасов в место расположения войск, что поневоле ведет к потере времени.

Летом 1704 года Мальборо имел достаточно денег – об этом позаботился лорд Годолфин. Были заранее найдены агенты на местах, которые на коммерческих началах занимались организацией снабжения. На случай возможных затруднений герцог Мальборо озаботился тем, что обеспечил себе полную поддержку властей Империи – вместе с ним, в составе его свиты, ехал граф Вратислав, в качестве личного представителя императора и полномочиями решать любое административное затруднение его именем.

Поскольку многое зависело от внезапности, то надо было скрыть от французов если не сам марш, то хотя бы его истинные цели – отсюда и демонстративный рейд конницы в долине Мозеля, или наведение мостов через реку в верховьях Рейна – имитировалось вторжение в Эльзас.

Помимо французов, было совершенно необходимо ввести в заблуждение и союзников.

Когда сразу после остановки в Кобленце, заявленной было конечной точкой похода, движение на восток возобновилось, вдогонку за армией Мальборо пустились делегаты голландских Генеральных Штатов, задававшие ему все более и более недоуменные вопросы, на которые он

давал все более и более неясные ответы – впрочем, неизменно очень учтивые – и делал это до тех пор, пока не стало уже поздно что-то спрашивать: его армия вышла в верховья Дуная.

К этому времени с ней соединились войска принца-электора Бадена, а с итальянского театра военных действий подтянулись те австрийские полки, которые смогло наскрести венское военное министерство. Ими командовал прославленный полководец, принц Евгений Савойский. Если Мальборо стал полковником к 25 годам, то принц Евгений получил этот чин в 22 года.

Интересно, что прославленный австрийский генерал родился в Париже, в 1663. Он был младшим сыном графа де Суассона и племянницы кардинала Мазарини, Олимпии Манчини. Со стороны отца Евгений принадлежал к древнему роду герцогов Савойских, будучи правнуком савойского герцога Карла Эммануила I.

Семья предназначала его для церковной карьеры, но он выбрал другой путь – ходатайствовал о предоставлении ему роты в армии Франции. Король Людовик ему отказал – нашел, что юный проситель говорил с ним недостаточно почтительно. Тогда просьба о капитанском чине была повторена в Вене. Там его поняли лучше – второй сын графа Суассона по бабушке, испанской инфанте, был в родстве с Габсбургами. В Империи он сделал блестящую карьеру – к 40 годам стал и фельдмаршалом, и принцем, и даже главой военного совета Австрии.

Теперь, после достигнутого наконец соединения всех войск союзников в единое целое, встала знакомая проблема – вопрос о командовании.

XV

Вопрос не возникал долго – вплоть до того момента, как английская армия подошла к Ульму. Слишком уж сильно были отдалены войска союзников друг от друга... Мальборо двигался вдоль Рейна, вверх по течению. Река была под контролем англичан, голландцев и их союзников. Параллельно двигались и французы, но французское командование держалось очень осторожно. Маневр, который Мальборо осуществил в ходе кампании 1703 года,

когда голландские войска, подчиненные ему и занятые на осаде Бонна, вдруг, в считанные дни, оказались переброшены водой в низовья Рейна, произвел на французских маршалов сильное впечатление. Голландцы на Остенде не пошли. Но факт, что движение войск вниз по течению Рейна можно провести со скоростью, в восемь раз превышающей движение армии вверх по течению Рейна, был установлен твердо.

Был осознан и тот факт, что английский командующий хитер и ловок, и что относиться к нему следует с большой осторожностью. Маршалы очень опасались, что весь поход Мальборо к Кобленцу, и дальше – попросту ловкий трюк. Что, если его настоящая цель – увлечь французские войска за собой? А потом, пользуясь преимуществом в скорости, вернуться Рейном вниз, и атаковать французские силы во Фландрии? Поэтому они следовали за ним вверх по Рейну, намеренно отставая на три-четыре дневных перехода.

Мальборо, однако, именно на этом и основывал свой план похода. Сама по себе возможность быстро вернуться действительно существовала, и он даже использовал это обстоятельство, успокаивая взволнованных депутатов Генеральных Штатов, с ужасом смотревших на то, как их номинальный верховный командующий уводит свои войска все дальше и дальше от границ Республики. Делать он этого не собирался, но использовать как отговорку отнюдь не отказывался.

А в тот момент, когда он резко отвернул марш в сторону от Рейна, голландцам протестовать уже было поздно, да и преследующие его французские войска перехватить его уже не успевали.

В итоге к июню 1704 французские силы оказались разбросаны по дуге, в центре которой стояли союзники, получившие тем самым так называемый *...позиционный перевес внутренних линий...* Суть дела тут состояла в том, что их объединенная армия теперь могла по своему выбору ударить в любом желательном ей направлении, и напасть на какую-то часть французских войск до того, как другие части успеют подойти ей на помощь.

Оставалось выяснить – кто же этой объединенной армией будет командовать?

Претендентов было три: сам Мальборо, курфюрст Бадена, и принц Евгений Савойский. Они были не равны друг другу. Владетельный государь, князь-электор Империи по рангу уступал только королям. Принц Евгений имел громкую военную репутацию и был в родстве с самим императором. В отношении имевшегося у них военного опыта и курфюрст, и принц Евгений тоже значительно превосходили Мальборо. Перед герцогом возникла нелегкая проблема. Он бы, пожалуй, сладил с ней.

Но, увы, проблема была не единственной.

XVI

Чтобы получить некоторое представление о паутине проблем, внутри которой оказался герцог Мальборо в июле 1704 года, есть смысл процитировать одно письмо. Посол Империи в Гааге, граф Вратислав, сопровождал английскую армию в ее марше с Рейна на Дунай, и силою обстоятельств стал связующим звеном уже не столько между императором и Генеральными Штатами, сколько представителем Вены при лорде Мальборо.

И вот он сообщает своему повелителю, что курфюрст, очень может быть, замыслил измену, и что и Империи, и безопасности священной особы Его Величества Императора угрожает опасность – причем курфюрст, упомянутый в его депеше, вовсе не изменивший императору государь Баварии, а князь-электор Бадена, теоретически – верный союзник и даже генерал-лейтенант войск Империи. Потому что ведет он себя странно, и распоряжения его так неудачны, что прямо помогают баварцам. Что же касается государя Баварии, в данный момент – врага, изменника, и союзника французов – то с ним ведутся переговоры об очередной перемене фронта. Если он оставит короля Людовика, император обещает ему полное прощение, выплату компенсаций за понесенные потери – и делает это с ведома и под гарантией своих союзников, Англии и Голландии.

Так что политическое и военное положение командующего английской армией на Дунае, герцога Мальборо, было следующим:

1. Союзник, князь-электор Бадена, по компетентному мнению графа Вратислава, может изменить общему делу в любую минуту.

2. Противник, князь-электор Баварии, ведет серьезные переговоры о возможном выходе из войны, и, кто знает, даже о полной перемене фронта. Так что из противника он станет союзником.

3. Император Австрии настолько слаб, что вынужден балансировать между своими собственными номинальными «вассалами», обещая все, что они только ни попросят.

4. Войска, которые Империя прислала в помощь Мальборо на Дунай, плохо оснащены, у них не хватает транспорта и полевой артиллерии. Обещанной осадной артиллерии из Вены не прислали вовсе, поэтому идти на Мюнхен бесполезно – крепости на пути туда взять будет нечем.

5. Курфюрст Баварии, начав переговоры с Веной, вольно или невольно избрал самую правильную тактику для получения срочной французской помощи – маршалы Франции получили повеление из Парижа сделать все возможное, чтобы выручить Баварию из беды.

6. Поведением самого Мальборо, уведшего свою армию так далеко вглубь Европы, очень недовольны и в Голландии, и дома, в Англии. Считают, что он пошел на огромный и ничем неоправданный риск.

7. Крупная армия маршала Таллара уже соединилась с баварскими полками.

Мальборо решил форсировать ситуацию.

XVII

В легенду о том, что ранним утром 13 августа 1704 года, перед самым сражением, герцог Мальборо воскликнул: *Победа или смерть!* сэр Уинстон Черчилль не верил. В своей книге о Мальборо он роняет на редкость трезвое замечание:

Скорее всего, он проверял отчеты о поставках фуража, или ведомость продовольственных рационов...

Если поглядеть на обширную переписку герцога, то с сэром Уинстоном приходится согласиться – никаких пылких восклицаний в ней не наблюдается. Есть и тревога, и размышления, и временами, в переписке с людьми, которым он полностью доверял, есть даже депрессия – бремя ответственности, лежащей на нем, не было легким. Но преобладающий тон переписки – очень спокойный и деловой, с множеством практических замечаний, связанных с обеспечением войск. Скажем, он подробно обсуждает с лордом Годолфином вопрос о том, во что обойдется найм повозок для доставки продовольствия с местных складов в лагерь его армии – это новый расход, во Фландрии такого рода перевозки обеспечивались тыловыми ведомствами Республики Объединенных Провинций.

Самый знаменитый материал из всего его эпистолярного наследия – карандашная записка, написанная им буквально в седле и отправленная Саре Черчилль в Лондон сразу после сражения. Она написана чрезвычайно трезво и содержит в себе известие о победе, изложенное в паре слов, просьбу засвидетельствовать королеве его почтение, и короткое замечание:

... в моей карете сейчас находится месье Таллар...

Как к нему в карету попал месье Таллар (Камилл д'Отен де ла Бом, герцог де Таллар, командующий французской армией, маршал Франции), и что он там делает, Мальборо не объясняет. К своей короткой записке он только еще прибавил, что *...подробности адъютант сообщит тебе устно...* – и это все. Записка отправилась в свой долгий путь, с берегов Дуная, из Баварии, от местечка, называемого Бленхейм, на берега Темзы, в Лондон, в королевский дворец в Уайтхолле.

Как мы видим – никакого пафоса.

Примерно за сто лет до описываемых событий Френсис Дрейк, получив сведения о замеченных парусах идущей к берегам Англии испанской Великой Армады, заметил, что он в данный момент играет в мяч, и что времени доиграть партию еще вполне достаточно.

Примерно через сто лет после описываемых событий лорд Нельсон, получив под Трафальгаром сведения об

идушем навстречу ему французском флоте, приказал поднять сигнал:

Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг.

По-видимому, такое затертое до дыр понятие, как «национальный менталитет», все-таки имеет под собой какие-то основания.

XVIII

Подробное описание битвы при Бленхейме может легко составить целую книжку – многие годы Бленхейм исследовали вдоль и поперек, и разбирали так, как в шахматных школах разбирают вечные, «неувядающие» партии великих гроссмейстеров. В книге сэра Уинстона битва посвящена отдельная глава (20-я, Том Второй), и состоит она из 25 страниц, снабженных 12-ю диаграммами-планами расположения войск противоборствующих сторон, и даже с факсимиле карандашной записки Мальборо, отправленной им жене. Военный атлас-справочник³ куда более лаконичен, и приводит пару диаграмм и буквально одну фразу:

Сражение при Бленхейме было выиграно после того, как вслед за ложными атаками на фланги противника войска Мальборо прорвали его центр.

В общем, есть смысл поискать золотую середину.

На поле боя у Бленхейма сошлись две армии – франко-баварская под командованием Таллара, Марсина и курфюрста Баварии – и англо-австрийская, под командованием Мальборо и принца Евгения Савойского. Верховное командование армиями принадлежало маршалу Таллару, под прямым началом которого находилось 33 тысячи человек, и герцогу Мальборо, у которого в прямом подчинении было 36 тысяч.

Битва началась одновременной атакой на фланги: принц Евгений с 16-ю тысячами солдат атаковал левый фланг противника, на котором под укрытием наспех возведенных заграждений стояло 23 тысячи баварцев и

³ Atlas of World Military History, edited by Richard Brooks, Barnes & Nobles, 2000.

французов, герцог Мальборо напал на правый фланг позиции, на котором стояли войска маршала Таллара.

Дальше есть смысл привести замечание сэра Уинстона Черчилля, связанное со стилем действий его великого предка:

Ложные атаки Мальборо никогда не были ложными....

Это свое парадоксальное замечание он объясняет следующим образом – ложная атака велась со всей решимостью, и в случае успеха вполне могла оказаться настоящей.

Если же успеха добиться не удавалось, то сама энергия, с которой велось нападение, волею обстоятельств притягивала к месту атаки резервы противника, ослабляя тем самым его позицию в каком-то другом месте. Именно так и получилось при Бленхейме – принц Евгений трижды вел свои войска в атаку, и трижды его отбрасывали огнем. Наступление англичан на правый фланг французской позиции было столь же безуспешным. Однако в попытке удержать фланги маршал Таллар ослабил свой центр – там было затишье. И именно туда оказался направлен удар, который Мальборо организовал уже в процессе боя – он сдвинул часть своих сил с фланга в центр, и успел это сделать до того, как французское командование успело как-то среагировать на этот маневр.

Ему немедленно помог принц Евгений, перенаправив туда же бригаду элитной кавалерии – и центр оказался прорван. В результате французская армия, разрезанная на две части, оказалась разделена. Ее левый фланг под командованием маршала Марсина и курфюрста Баварского сохранил строй и смог отступить в порядке. Правый фланг, под командой маршала Таллара, оказался полностью разгромлен. Сам маршал, потерявший и свой штаб и свой эскорт, был увлечен толпой беглецов к Дунаю. Его настигли кавалеристы-гессенцы, наемники на службе английской Короны.

Он был опознан по ордену, который носил – орден Св. Духа был принадлежностью исключительно высшей знати Франции. Пленный маршал был доставлен прямо к

Мальборо, который встретил его вежливейшим поклоном, Герцог Мальборо сказал герцогу Таллару – он надеется, что его гостю будет у него удобно. А пока месье Таллару следует отдохнуть.

Карета Мальборо – в его распоряжении.

XIX

Первым человеком, доставившим в Англию достоверные вести о победе под Бленхеймом, был адъютант Мальборо, полковник Парк (Parke). Он мчался без отдыха, меняя лошадей на ходу, и в итоге опередил регулярную почту. Записку, переданную ему Мальборо, он вручил его жене. Как ему и было поручено. Та пробежала ее глазами – и отослала полковника во дворец, королеве.

Леди Мальборо знала, что делала – королева прослезилась, расспросила Парка о подробностях, и в итоге задала ему вопрос: что он хотел бы получить в награду за благословенное известие, доставленное ей с такой быстротой и рвением? Полковник пал на колени, и сказал, что не просит ни о чем, кроме миниатюры с портретом Ее Величества. Ну, он не прогадал – в придачу к своему портрету королева вручила ему тысячу фунтов...

Мальборо позволил маршалу Таллару написать королю и отправить гонца, которому Мальборо выдал пропуск, за своей собственной подписью... Гонец по понятным причинам не летел по дорогам с сумасшедшей скоростью полковника Парка, так что новости попали в Париж позднее, чем в Лондон...

«Баварская армия» Франции на три четверти погибла. Спешно отступавшие к Страсбургу части насчитывали всего 16 тысяч человек... В тылу были оставлены раненые под охраной считанных батальонов, задачей которых было сдаться в плен и передать переполненные госпитали на попечение наступавших союзников...

Маршал Вильруа, даже не известив короля Людовика, свернул свои операции на Рейне и спешно двинулся к Страсбургу, выручать маршала Марсена. Маршал командовал отступлением от Бленхейма, и его вполне могли настигнуть...

Примерно в это же время (чуть раньше) в Париж пришли плохие новости и из Испании – англо-голландский флот вошел в Средиземное Море. Огромное морское сражение с французским флотом, базировавшимся на Тулон, окончилось более или менее вничью. Хотя потери в людях у обеих сторон были огромны, суть дела заключалась в том, что французы вернулись в Тулон – а англичане взяли Гибралтар.

В результате, в дополнение к фронту, идущему вдоль Рейна, возникал и еще один – в Испании. А необходимость в переформировании и пополнении разбитых армий вызвала общее отступление французских войск вообще повсюду. Ситуация поменялась радикально.

Инициатива в войне перешла в руки союзников.

XX

Причины такого резкого поворота в ходе войны объяснялось современниками по-разному. Квалифицированные военные специалисты отмечали, что у англичан лучше конница: в сражении под Бленхеймом 5 английских эскадронов отбросили 8 французских. Обсуждалась такая техническая деталь: английским кавалеристам на всю летнюю кампанию выделяли три пистолетных заряда, в то время как французским выдавался карабин с полным запасом пуль и пороха. По мысли французских военных это должно было дать им перевес, но на практике все вышло наоборот. Преимущество оказалось на стороне англичан, которые не тратили времени на стрельбу, а атаковали противника холодным оружием, сплоченной тесной массой тяжелой конницы.

Отмечалось, что у английских и вооруженных англичанами войск были мушкеты, снаряженные кремневым замком, а у французов – ружья более старого образца, имевшие запальный фитиль. Английская пехота в результате могла поддерживать более быстрый темп стрельбы.

У англичан было превосходно налажено снабжение. Качество упряжного транспорта, обслуживавшего английские обозы, было настолько высоким, что в немецкий язык вошло новое слово, «мальбрук» – производное от

произносимой на немецкий лад фамилии английского командующего. Так называли особо добротные повозки.

Много говорилось и о проблемах, связанных с качеством командования.

Вот, например, характерный эпизод: осматривая поле боя, Мальборо сказал одному из пленных французских солдат – раненому, еле державшемуся на ногах, но сохранявшему гордый вид:

Будь у Его Величества, короля Франции, больше таких людей, как вы – исход сражения мог бы быть другим...

На что солдат ответил:

Таких, как я, у Его Величества довольно. Вот таких генералов, как вы, у него действительно не хватает...

Сказанное было совершенно справедливым. Мальборо действительно показал, что он истинный мастер в нелегком искусстве ведения войны.

Но блестящая победа, достигнутая союзниками под Бленхеймом, продемонстрировала еще одну важную вещь, которая поначалу была не так уж и видна. Обе стороны конфликта для достижения своих целей использовали комбинацию, так сказать, «стали» и «золота».

Считалось, что у Франции есть значительный перевес в «стали» – ее армии были сильны, лояльны, и управлялись из единого центра, но ее финансовые средства уступали сумме того, что могли мобилизовать против нее союзники по антифранцузской коалиции. То есть – «сталь» превалировала над «золотом».

Основой силы союзников было «золото» – в «стали» они Франции уступали.

Предполагалось, что «золото» в принципе слабее: при всей своей полезности, оно не в силах компенсировать рыхлость политических структур, разногласия между государствами коалиции, споры политических партий внутри Англии, хаотичное политическое устройство Голландии, и так далее. Однако 13 августа 1704 года всей Европе было продемонстрировано – это не так.

Лорд Мальборо сумел сделать из «золота» отменную «сталь».

XXI

Как командующий коалиционной армией, Мальборо волею обстоятельств не мог ограничиваться просто ролью полководца – он должен был быть еще и тонким дипломатом, каким-то образом примиряющим интересы государств, участвующих в коалиции. А свою роль командующего английскими войсками на континенте Европы он мог играть, только балансируя между партиями Парламента – одного только благоволения королевы для этого было бы недостаточно.

Хотя сам термин – «конституционная монархия» – еще не был изобретен, и Конституция Англия не написана и по сей день, но Англия в 1704 году уже была именно конституционной монархией. Сэр Уинстон Черчилль писал, что Мальборо, действующий в одно и то же время как дипломат, политик и военный, находился внутри *...работающей политической машины, и должен был постоянно увертываться от ее шатунов, рычагов и механических передач...*

И добавлял:

...только в случае успеха на этом поприще он мог найти возможность для того, чтобы нанести противнику удар шпагой...

Для этого требовалась, конечно, и отменная ловкость, и огромная проницательность, и умение манипулировать людьми, и неуклонное стремление к достижению поставленной цели.

Что, естественно, вызывает законный вопрос: какова же была эта цель?

Надо сказать, что именно в этом мнения сэра Уинстона и великого английского историка, лорда Маколея, резко разошлись. Они не были современниками – знаменитая книга Маколея «История Англии с времен восшествия на престол короля Джеймса Второго» (“History of England from accession of James II”) вышла в свет в 1848 году, в то время как сэр Уинстон родился в 1874, целым поколением позже – так что лично поспорить они никак не могли.

Но Маколей в своем труде нарисовал портрет лорда Мальборо весьма темными красками, в то время как сэр Уинстон Черчилль, внук 7-го герцога Мальборо и, таким образом, являвшийся потомком великого героя в 9-м поколении, защищал своего предка и обвинял лорда Маколей в необъективности и предвзятости.

В частности, сэр Уинстон писал, что в Войне за Испанское Наследство Джон Черчилль, 1-й герцог Мальборо, считал своим долгом защитить свободы Европы от тиранической гегемонии Франции и ее короля, Людовика XIV, и, сражаясь, служил своей стране и своей королеве.

Лорд Маколей истинным героем эпохи считал Вильгельма Оранского. А о Мальборо говорил, что его главным мотивом неизменно была жадность. И прибавлял:

В молодые годы он продавал свою красоту, а в зрелые годы – свой гений.

XXII

Не вмешиваясь в спор пламенного сторонника герцога Мальборо и его сурового обличителя, мы можем, однако, рассмотреть один хорошо документированный эпизод из жизни герцога, случившийся почти сразу после победы под Бленхеймом.

28 августа 1704 лорд Мальборо получил от Леопольда, императора Священной Римской Империи, главы дома Габсбургов, письмо⁴, часть которого мы приведем:

Моему Сиятельному Кузену и Дражайшему Принцу:

С чувством истинного удовольствия приветствую Вас этими титулами, которые Я по своей воле даю Вам и ввожу тем самым в число Принцев Священной Римской Империи, не столько из внимания к Вашей благородной семье и происхождению, сколько в признание Ваших личных заслуг передо Мной, и Моим Августейшим Домом, и Священной Римской Империей...

⁴ Текст письма (в переводе с английского) приводится по книге У. Черчилля «Мальборо, его жизнь и время», Том 2-й, стр. 891, издано в Чикаго, 2002.

Письмо это заслуживает комментариев. Во-первых, оно было написано не спонтанно, а являлось ответом на запрос, сделанный послом императора, графом Вратиславом. Граф извещал своего повелителя, что герцог Мальборо, сразу после Блейнхеймской битвы, наметнул послу, что теперь, после победы, он не отказался бы от титула принца Священной Римской Империи. Разговор на эту тему между ними шел и раньше, еще тогда, когда граф Вратислав всеми силами уговаривал Мальборо спасти Империю, и сулил ему за это любую награду, вплоть до возведения его в княжеское достоинство.

Летом 1703, находясь в ужасной беде и вполне серьезно опасаясь краха своей династии и перехода столицы Священной Римской Империи из Вены в Мюнхен, в Баварию, император был готов обещать все, что угодно. В августе 1704, когда опасность уже миновала, он увидел в выполнении данного им обещания некоторые неудобства.

Как же можно сделать германским князем англичанина, сына бедного английского сквайра, Уинстона Черчилля, возведенного в рыцарское достоинство всего лишь одно поколение назад? Конечно, сейчас сын сэра Уинстона был английским герцогом, но в Германии и владетельные электоры Бранденбурга, Гогенцоллерны, считались выскочками по сравнению с истинно сиятельными домами вроде дома Виттельсбахов – о Габсбургах уж и не говоря.

Нет, это было совершенно невыносимо – и в таком духе император своему послу и ответил. Граф Вратислав спешно, буквально с обратной почтой, послал императору Леопольду письмо, в котором умолял его передумать. Он говорил, что лорд Мальборо оказал Австрии исключительные по ценности услуги, что он может пригодиться и в будущем, и добавлял, что оставлять такого человека обиженным – опасно.

В общем – император передумал. И послал Мальборо письмо, которое мы процитировали выше. Результат, однако, оказался крайне неудовлетворительным. Герцог Мальборо не выразил никакого восторга. Напротив –

он счел себя обиженным. Да, ему предлагался высочайший титул князя (принца) Империи.

Но – что стоит княжеский титул, если княжества к нему не прилагается?

XXIII

22 сентября Мальборо отправил лорду Годолфину письмо, в котором, в частности, писал следующее:

...Граф Вратислав вручил мне письмо, в котором говорится, что император возводит меня в князя Священной Римской Империи. Я был крайне удивлен, что сделано это было без моего ведома. И сделано не в надлежащей форме – извещены должны были бы быть и прочие князья, и к титулу должно быть присоединено название владения, связанного с ним. Я не могу принимать участие в Имперском Совете, если у меня нет владений, переданных мне императором как одному из его владетельных вассалов...

Письмо это крайне интересно. Годолфин был ближайшим другом лорда Мальборо с молодых лет, они тесно сотрудничали еще со времен короля Карла II, то есть уже добрых тридцать лет. Лорд Годольфин заведовал казной, и деньги, на которые Мальборо вел войну в Европе, целиком и полностью доставлялись ему через него и его сотрудников. Более того – Годолфин и Мальборо породнились, поженив своих детей. И тем не менее, Мальборо не только не откровенен со своим другом – он просто-напросто говорит ему чистую неправду. Разумеется, он прекрасно знал о якобы неизвестных ему *...намерениях императора...* – более того, он сам их и организовал.

И с выделением ему владения, связанного с титулом, он тоже преуспел, хотя дело и заняло несколько месяцев. Ему выкроили кусок завоеванной Баварии, и он стал принцем Миндельхеймским (Imperial Prince of Mindelheim), владетельным князем Империи.

Граф Вратислав убедил императора сделать это, приведя следующий аргумент:

...Король Людовик, чтобы обеспечить себе услуги такого человека, не пожалел бы любой провинции Франции...

Уже при вступлении в свои права князя Империи лорд Мальборо выставил новое условие. Подобно плате за офицерский патент, новому владельцу имперского фьефа надо было заплатить и за многие церемонии, связанные с этим событием.

Мальборо заявил графу Вратиславу, что он согласен заплатить и за оказываемую ему честь, и за сопровождающие это празднества – но ни в коем случае не больше, чем 45 тысяч фунтов.

Честно говоря – от этой цифры захватывает дух.

Мы уже знаем, что семейного состояния у Мальборо не было. Еще в 1702 году Сара Черчилль не хотела, чтобы он принимал герцогский титул – *...кто слышал о бедном герцоге?..* вопрошала она супруга. Ее замечание может быть проиллюстрировано бесстрастными документами – дочери четы Мальборо, к этому времени уже все повыходившие замуж, в качестве приданого получали стандартную сумму в 5 000 фунтов – хотя королева неизменно предлагала добавить что-нибудь от себя, что иногда (не всегда) принималось – с выражением должной благодарности.

Владение Миндельхейм было невелико, небогато, лежало в разоренной войной Баварии, и серьезного дохода приносить не могло – герцог Мальборо платил в основном за честь и за титул, и явно не последними своими деньгами.

Как он мог, без всяких явных усилий, внести 45 тысяч фунтов – просто за повышение статуса?

XXIV

Вот на этот интереснейший вопрос сэръ Уинстон Черчилль не дает нам никакого внятного ответа. Он просто приводит слова герцогини Мальборо, взятые из ее мемуаров, где она говорит о том, что деньги в ее пору приносили 5 %-6 % годового дохода, и что они с мужем были крайне экономны и много откладывали. Это *...много откладывали...* как-то слабо вяжется с готовностью уплатить 45 тысяч фунтов за право заседать в Имперском Совете – но, положим, герцог Мальборо рассматривал этот расход не как трату, а как инвестицию. У него могли быть – и действительно были – далеко идущие планы, для осуществления которых статус князя Империи был

необходим. Про бережливость герцога Мальборо уже к 1704 году рассказывали анекдоты. В частности, утверждалось, что если ночью ему доводилось принимать гонцов со срочными вестями, он первым делом спрашивал – привез ли гонец письмо или у него устное поручение?

И, если поручение было устным, с облегчением приказывал НЕ зажигать свечей.

Есть достоверный рассказ о том, что, когда адъютант принца Евгения Савойского пожаловался ему, что собственноручные письма герцога Мальборо трудно читать, потому что у него есть обыкновение не ставить черточки в латинском «t», и не обозначать латинское «i» верхней точкой, принц заметил, что это вполне понятно – герцог считает, что так он сбережет чернила.

Но, откладывая анекдоты в сторону, мы можем отметить, что для них были хорошие основания. Мальборо, единственный среди крупных генералов своего времени, не держал у себя открытого стола, за которым его гости и офицеры могли бы отобедать.

Для сравнения – маршал, избранный королем Людовиком XIV для командования маневрами, в которых участвовал наследник престола, устраивал приемы, на которых трудилось 5-6 дюжин поваров и три с лишним сотни официантов. В то время как герцог Мальборо частенько отправлял несколько срочных писем в Англию одним пакетом – он таким образом сэкономил на плате за курьерскую службу.

То есть спору нет – Сара Черчилль права, ее муж был действительно осмотрителен со своими деньгами и держал расходы под контролем.

Однако, обратимся к таблицам пересчета, и прикинем, сколько составляли бы 45 000 фунтов начала Восемнадцатого Века, сейчас, в начале Двадцать первого?

Пересчет можно делать по двум индексам – по ценам за покупки в розничной торговле, и по средним зарплатам соответствующего времени.

Так вот, по первому индексу – по розничным ценам – у нас выходит 6 с лишним миллионов фунтов, а по индексу зарплат – 72 миллиона⁵.

Если пересчитать эти деньги еще раз, в более привычных долларах и используя индекс средней заработной платы как меру, то получается, что герцог Мальборо выложил за честь называться Имперским Принцем примерно 120 миллионов долларов разом.

При этом еще за два-три года до описываемых событий он крупными деньгами не располагал вообще. Лорд Маколей подозревал герцога в казнокрадстве – и имел для своих подозрений неплохие основания.

Сэкономить такую сумму только на почтовых расходах все-таки представляется затруднительным.

XXV

Как было заведено в те времена, когда железных дорог еще не существовало, в зимнее время военные операции замирали. Войска размещались на своих «зимних квартирах», а их командующие частенько, пользуясь затишьем, куда-нибудь уезжали.

Путь герцога Мальборо лежал через Германию – где его повсюду встречали с величайшим почетом – прямым путем в Гаагу, где Генеральные Штаты устроили ему прием, достойный государя. Ну, например, в качестве мелкого сувенира ему подарили умывальный прибор – тазик, кувшин, и все прочее – сделанный из чистого золота.

Дома, в Лондоне, Парламент обратился к королеве с просьбой высказать свои желания, связанные с тем, каким именно образом следует наградить герцога Мальборо. Высказывалась, например, такая идея: воздвигнуть в центре столицы в память о великой победе две колонны, на одной из которых будет установлена статуя королевы Анны, а на другой – ее верного паладина, герцога Мальборо.

⁵ Пересчет сделан с помощью таблиц, предоставляемых сайтом <http://www.measuringworth.com/ppoweruk/> Указал сайт мне мой друг, Самуил Любицкий – которому, пользуясь случаем, автор выражает свою искреннюю признательность.

Интересно, что против этого предложения выступил лорд Годолфин – как казначей, он в принципе не одобрял церемониальных расходов – он находил их бессмысленными.

Королева с ним согласилась.

Она подарила герцогу поместье Вудсток, с землей площадью в 15 тысяч акров (6 000 гектаров), приносящее 6 000 фунтов дохода в год, и предложила Парламенту поучаствовать в том, чтобы это место, названное впоследствии Бленхейм, стало достойным памятником великому деянию, совершенному лордом Мальборо.

Ему был дарован постоянный грант в 5 000 фунтов и должность полковника Первого Полка Гвардии – должность чисто декоративная, но очень хорошо оплачиваемая. Наконец, дворец герцогу в его новом поместье было решено построить за государственный счет.

Джон Черчилль, герцог Мальборо, кавалер Ордена Подвязки, обычно даруемого английским монархом только членам собственной семьи⁶, владетельный князь Священной Римской Империи, которую он спас от неминуемого разрушения, на 54-м году своей жизни мог считать, что наконец-то Фортуна ему поистине улыбается.

Он, конечно, не мог знать, что в 1711 году, всего через 7 семь лет после его неслыханного триумфа при Блейнхейме, он окажется в опале, будет лишен всех своих высоких чинов и должностей, и будет вынужден бежать из Англии под угрозой уголовного преследования.

Его невероятная судьба преподнесет ему много сюрпризов, но на уже рассказанном кончается Первая Книга «Герцога Мальборо».

Вторую Книгу нам еще только предстоит написать.

⁶ Согласно уставу Ордена Подвязки, число лиц, имеющих право на его ношение, в каждый данный момент не может превышать 25-и.

Макс Вексельман

С.М. Михоэлс в Ташкенте

Московский государственный еврейский театр

(декабрь 1941 - сентябрь 1943 гг.)¹

Первым театром, прибывшим в эвакуацию в Ташкент, был Московский ГОСЕТ. Отечественная война настигла его в Харькове, где театр находился с гастрольями.

Вот как вспоминает об этом бывшая актриса Московского ГОСЕТа М.Е. Котлярова: «В воскресенье 22 июня 1941 г. в Харьковском Доме офицеров в 12 часов дня должен был начаться спектакль «Цвей кунилемлех». Актеры приготовились выйти на сцену, когда услышали по радио, что выступает Молотов. За кулисами появился Михоэлс – это вселило тревогу. После страшного сообщения о начале войны на сцену вышел Соломон Михайлович. Он произнес речь... Само собой разумеется, что речь не была подготовлена – ведь он не мог знать о фашистском нападении. Но как он говорил! Все присутствующие в зале офицеры после его речи сразу же ушли, остальные зрители остались на местах – спектакль смотрели до самого конца...

Вечером должна была идти премьера «Блуждающие звезды» – будет ли перед кем играть? Мы все стремились домой, в Москву, к нашим детям, к родным... И представьте себе – вечером театр переполнен. Зритель принимал спектакль так, как будто ничего не произошло...

¹ Глава из книги «Еврейские театры (на идиш) в Узбекистане: 1933-1947». Иерусалим «Филобиблон» 2005. Фото, публикуемые впервые, помечены *.

Мы – несколько актеров – собрались у Вениамина Львовича Зускина, сидели у него до рассвета. Михоэлс уехал раньше. 23 июня занятые в «Блуждающих...» выехали в Москву, свободных от этого спектакля отправили накануне»².

В Москве театр пробыл недолго. В период с июля по начало октября 1941 г. театр находился в Москве, но спектакли почти не ставились, так как основная масса зрителей театра эвакуировалась или готовилась к эвакуации.

*Санитарная дружина Московского ГОСЕТа.

Сидят (слева направо): Э. Безверхняя, Е. Иццоки, Э. Берковская;
стоят: Сиротина, Э. Теблина, Х. Блинчевская, С. Биник, Б. Рейнер,
С. Карчнер, С. Ротбаум. Москва, 1941 г.

(Из архива Э.М. Безверхней)

С. Михоэлс и В. Зускин добровольно включились в пожарную дружину дома, где они жили. Почти каждую ночь они дежурили на площадке верхнего этажа дома и ждали сирены тревоги, после чего поднимались на крышу дома, чтобы сбрасывать с крыши, в случае попадания туда, немецкие авиабомбы³.

² Котлярова М.Е. Воспоминания еврейской актрисы// Соломон Михоэлс. Исследования, архивы библиография. – М. 1999. С.32, 33.

³ Вовси-Михоэлс Н.С. Воспоминания. Рукопись хранится в архиве Центра изучения диаспоры им. Горен-Гольдштейна (Тель-Авив). Ф. Р-51. Личный фонд М.И. Гольдבלата. Оп. 1. Ед. 50. Лл. 3-5.

Актрисы театра записались в санитарную дружину. Некоторые актеры ГОСЕТа были призваны в Красную Армию и ушли на фронт.

22 сентября 1941 г. Совнарком СССР принимает Постановление № 1212, в котором было записано: «Разрешить Комитету по делам искусств при СНК СССР эвакуировать МГЕ театр в г. Ташкент... Обязать Совнарком УзССР принять, разместить работников МГЕ театра и предоставить помещение для работы театра»⁴.

«15 октября 1941 г. обстановка в Москве накалилась, – вспоминает актриса М. Котлярова. – С самого утра коллектив Московского ГОСЕТа с нетерпением ждал С.М. Михоэlsa, отправившегося в Комитет по делам искусств для получения указания, что делать театру дальше. Когда Михоэлс вернулся, на нем не было лица: он узнал, что немцы уже под Москвой, и нам необходимо было немедленно эвакуироваться. Причем Михоэlsa, как председателя Еврейского антифашистского комитета, обязали выехать срочно, без труппы. Актеры должны были уйти пешком, кто куда.

Нетрудно представить себе, в каком состоянии разошлись люди. Часа через два часть актеров, с собранными впопыхах вещами, отвезли из театра на Казанский вокзал. Михоэлс и Зускин, с небольшой группой, уехали еще раньше. (В этом месте Котлярова ошиблась. См. ниже воспоминания Э.М. Безверхней – М.В.)

На рассвете мы распрощались с Москвой, и наш поезд двинулся в сторону г. Куйбышева (Самара). Там нам велели выйти и ждать Соломона Михайловича с остальными актерами, которые должны были приехать с другого направления»⁵.

Другим направлением оказалась Сибирь. Именно через Сибирь в Куйбышев ехал с группой артистов ГОСЕТа С. Михоэлс.

Об этом вспоминает известный театровед Александр Дейч: «Ноябрь 1941 г. Эвакуация. Пол-Москвы на колесах...

⁴ Гейзер М. Соломон Михоэлс. – М., 1990. С. 161.

⁵ Котлярова М.Е. Указ. соч. С. 33.

Наш эшелон уже восемнадцать дней в пути. Через север, по Сибири, по Турксибу мы едем в Среднюю Азию. Непреодолимое желание осесть где-то, работать и работать. На станциях хватаем газеты, слушаем по радио сводки Совинформбюро.

Снова остановка. Глухой полустанок. Напротив – состав из грузовых и нескольких пассажирских вагонов. Спускаюсь на платформу и попадаю в объятия Михоэлса. Оказывается, ГОСЕТ тоже в пути. «Вы куда?» – «Тоже в Ташкент?» – «Прекрасно!»

Слышу крепкий, бодрый голос Михоэлса, чувствую его сильное рукопожатие, и мне становится теплее от этой неожиданной радости: в незнакомом Ташкенте будет хороший друг»⁶.

Соломон Михоэлс вместе с женой А.П. Потоцкой выехал из Москвы 25 октября 1941 г. Об этом вспоминает бывшая артистка ГОСЕТа Эльша Моисеевна Безверхняя: «Управление искусств не эвакуировало театр. Но предоставило 6 мест в последнем эшелоне, эвакуированном в Ташкент. Мы выехали из Москвы в последний день эвакуации – 25 октября 1941 г. Это были: Соломон Михайлович с Анастасией Павловной (Потоцкой – М.В.) Вениамин Львович Зускин и его жена (актриса Эда Берковская – М.В.), Моисей Соломонович Беленький (директор Театральной студии при Московском ГОСЕТе – М.В.), я – беременная – с сыном... Доехали до Куйбышева. В Куйбышеве объединились с остальными актерами. 5 ноября мы приехали в Ташкент»⁷.

В Ташкенте театр встречали председатель Совета Народных Комиссаров УзССР Абдуджабар Абдурахманов, начальник Управления по делам искусств при СНК УзССР Якуб Велиев, заведующий отделом кадров Управления М.Р. Рахманов, работники искусств Узбекистана,

⁶ Дейч Ал. Четверть века. //Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981. С. 427.

⁷ Магнитофонная запись воспоминаний Э.М. Безверхней (Реховот, Кирьят-Моше, 4.02.2000; хранится в личном архиве М. Вексельмана).

находившиеся в Ташкенте артисты эвакуированных театров (в частности, Клара Юнг)⁸.

Актриса Клара Юнг

В Ташкенте актеров ГОСЕТа поначалу не оставили – не были подготовлены ни помещение для театра, ни жильё для артистов. Во главе с В. Зускиным они поехали дальше – в Самарканд. В Ташкенте остались лишь С. Михоэлс с женой и еще пара помощников для поисков жилья и помещения для работы театра⁹.

В Самарканде к труппе ГОСЕТа присоединилась самая молодая актриса театра Этель Ковенская (ей тогда было 15 лет)¹⁰. Условия жизни в Самарканде были тяжелые, и артисты не могли выступать.

В декабре 1941 г. Михоэлс приехал в Самарканд и увез артистов в Ташкент¹¹, где к тому времени было

⁸ Котлярова М.Е. Указ. соч. С. 34; магнитофонная запись воспоминаний М.Р. Рахманова (Ташкент, 23.03.2002; хранится в личном архиве М Вексельмана); магнитофонная запись воспоминаний Э.М. Безверхней.

⁹ Котлярова М.Е. Указ. соч. С. 34.

¹⁰ Магнитофонная запись воспоминаний Э.Л. Ковенской (Яффо, 2001, хранится в личном архиве М. Вексельмана).

¹¹ Гейзер ошибочно указывает, что «в конце 1942 года Михоэлс приехал в Самарканд...». См.: Гейзер М. Соломон Михоэлс. – М., 1990. С. 162; Он же. Михоэлс: Жизнь и смерть. – М., 1998. С. 225.

выделено помещение для работы театра. Это было здание бывшего Клуба имени М. Кафанова (на ул. Пролетарской). Часть здания занимала Ташкентская консерватория, а другую часть, вместе со зрительным залом, передали Московскому ГОСЕТу.

Как отмечалось выше, в Ташкент приехали 55 артистов и работников ГОСЕТа, в том числе 47 актеров: нар. арт. СССР С.М. Михоэлс, нар. арт. РСФСР В.Л. Зускин, засл. арт. РСФСР Я.Д. Гертнер, засл. арт. РСФСР Д.М. Финкелькраут, засл. арт. РСФСР Т.Н. Хазак, засл. арт. РСФСР И.А. Шидло, засл. арт. РСФСР М.Д. Штейман, засл. арт. РСФСР С.Д. Ротбаум, засл. арт. РСФСР Ю.Я. Минкова, засл. арт. РСФСР Э.И. Карчмер, засл. арт. РСФСР Л.М. Розина; артисты А. Баславский, С.Я. Зильберблат, Л.И. Гукайло, З.М. Каминский, А. Коган, В. Крейчман, С.М. Латнер, Леензон, Г.К. Луковский, И.Г. Лурье, М.И. Ней, Е.Л. Спивак, А. Пустыльник, И.С. Рогалер, Э.Я. Трактовенко, Я.Н. Цибулевский, Д.Л. Чечик (он был также и заведующим труппы), М.И. Шапиро, и артистки: Э.М. Безверхняя, Э.С. Берковская, С.М. Биник, А.И. Блинчевская, О.М. Гольдбурт, Р. Именитова, Е.Д. Ицхоки, Э.Л. Ковенская, М.Е. Котлярова, Р.А. Курц, А.М. Мазур, Э. Ройтман, Л.И. Ром, Сиротина, Э.С. Тайблина, С.И. Фабрикант, Ф. Фридман, А.Б. Шмаенок и Е.Б. Эпштейн¹².

Позже, в 1942 г., в труппу театра был принят один из старейших еврейских артистов, засл. арт. УССР Григорий Вайсман (1871-1943), бывший актер Киевского ГОСЕТа.

Ташкент, 1942 г. (Из Театрального архива Тель-Авивского университета)

Вместе с артистами в Ташкент приехали главный художник театра А.Г. Тышлер, заведующий музыкальной частью композитор Л.М. Пульвер, директор театра В. Фишман и другие работники театра.

Острой проблемой для театра в Ташкенте было размещение артистов по квартирам.

Весь 1942 г. Московский ГОСЕТ уже гастролировал в Ташкенте. – См.: Макс Вексельман. «"Тевье-молочник" с узбекским акцентом: Ташкентский период в творчестве Соломона Михоэлса» // «Калейдоскоп». 1994. 29 дек.

¹² Список артистов труппы Московского ГОСЕТа составлен со слов Эльши Моисеевны Безверхней 4 февр. 1994 г.

Михоэлс с женой по приезду в Ташкент был поселен в гостинице «Националь», а затем получил большую комнату в общежитии Академии наук (ул. Пушкинская, 84). В этом четырехэтажном здании бывшего Управления мест заключения НКВД УзССР в годы войны были поселены семьи крупных ученых из Москвы и Ленинграда (Е.А. Косминского, А.Д. Удальцева, Д.Н. Ушакова, С.В. Бахрушина, В.М. Жирмунского, С.Б. Веселовского, В.Ф. Струве и др.).

*С. Михоэлс, Анна Гузик и В. Зускин

Когда артисты ГОСЕТа переехали из Самарканда в Ташкент, то их поселили в старом городе в большом зале Музыкального училища, где поставили 60 кроватей. Впоследствии многих расселили по частным квартирам.

Другой трудностью, с которой столкнулись актеры ГОСЕТа, был голод. Об этом вспоминают бывшие актрисы театра Эльша Безверхняя и Этель Ковенская, а также художник Александр Тышлер, метко охарактеризовавший сложившуюся ситуацию: «Пришлось всем нам много потрудиться, да еще на голодный желудок»¹³.

Эльша Безверхняя вспоминает о том периоде: «Условия жизни были тяжелые. Голодали, было плохо. Я все время мечтала о хлебе, особенно тяжело было беременной. Мой 6-летний сын ездил в центр города за супом». И тут же добавляет: «Мы жили Дружно. Спектакли

¹³ Тышлер А. Я вижу Михоэлса. Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981. С. 416.

проходили с большим успехом. Нас хорошо принимали, иногда мы давали по два спектакля в день»¹⁴.

А вот как описывает это время артистка Этель Ковенская: «В Ташкенте я всегда была голодная. В спектакле "Заколдованный портной" я играла мальчика вместе с Зускиным. У меня однажды был такой эпизод. Я была ужасно голодная. Вечером, во время спектакля, у меня была фраза на идиш в эпизоде, когда мы с Зускиным мечтаем о еде: *Гехактелегерхе, гефилте фиш мит хрен* Жареную печеночку, фаршированную рыбу с хреном»). И, произнеся эту фразу, я упала в обморок. Ко мне подошел Зускин и сказал: "Ты голодная!" – А я была очень гордая – полячка. – "Вот тебе 18 рублей, и ты пойдешь завтра в коммерческую булочную и купишь себе булочку"»¹⁵.

В. Зускин в роли Шимона-Эле в пьесе
«Заколдованный портной». Ташкент, 1943 г.
(Из кн. А. Зускиной «Путешествие Вениамина»)

Несмотря на все эти трудности, артисты Московского ГОСЕТа нашли в себе силы войти в привычную норму, и уже 12 января 1942 г. состоялся

¹⁴ Магнитофонная запись воспоминаний Э.М. Безверхней. (См. <http://berkovich-zametki.com/2005/Zametki/Nomer5/Levina1.htm> – Ред).

¹⁵ Магнитофонная запись воспоминаний Э.Л. Ковенской.

первый спектакль Московского ГОСЕТа. Это был «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема. Местная газета следующим образом описала это событие: «Уйгур (известный узбекский писатель и режиссер – М.В.) при открытии занавеса тепло приветствовал коллектив Московского ГОСЕТа. С горячей ответной речью выступил тов. С. Михоэлс.

– Внуки Тевье-молочника, – сказал он, – не хотят быть больше жертвами. Вместе с другими народами Советского Союза они находятся сейчас на полях сражения, сокрушая самую большую силу – гитлеризм... Сегодняшняя встреча – это не только акт гостеприимства, это проявление дружбы народов»¹⁶.

В опубликованной в этой же газете через несколько дней рецензии Давида Бергельсона «Тевье-молочник» следующим образом оценивается этот спектакль: «Одна из значительных постановок ГОСЕТа – «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема (инсценировка И. Добрушина и Н. Ойслендера), показанная театром в день открытия его гастролей в Ташкенте. Тевье-молочник – сын народа, человек труда. В его уста великий писатель Шолом-Алейхем с большой любовью вложил мудрость обездоленных народных масс, ропщущих на своих угнетателей, на свое бесправие и свою тяжелую судьбу, на которую их обрек царизм. Изумительный образ этого прямодушного горемыки и кристально чистого человека создал народный артист СССР С.М. Михоэлс. На сцене заурядный человек. Он возится со своей клячей и телегой, с помощью которых он добывает скудное пропитание для себя и для своей семьи. Но Тевье несет в себе философскую мудрость угнетенных масс, является их представителем, направляющим острие народной мудрости против угнетателей народа.

Каждым своим появлением на сцене Михоэлс вызывает восторг зрителя. Вся его игра подчинена одному особенному, ему лишь свойственному, ритму. Его жесты глубоко осмыслены и часто выразительнее слов. Они чрезвычайно скупы, но, кажется, – чем скупее, тем они выразительнее. И они не обособлены, они составляют одно

¹⁶ «Правда Востока». 1942. 13 янв.

целое с гримом, со словом, с продуманными, размеренными движениями. В своей совокупности это и составляет неподражаемо-своеобразный ритм игры этого замечательного артиста.

Ярче всего слились все качества Михоэлса в сцене, когда он рассказывает своей жене выдуманный сон, чтобы вырвать у нее согласие на брак их дочери с революционером Перчиком.

Столь же своеобразным и взыскательным художником проявил себя Михоэлс в этом спектакле и как режиссер. Достаточно вспомнить сцену смерти жены Тевье. Голда умирает на ступеньках своего убогого дома, на голой земле, срывая с себя одну за другой свои ветхие шали, точно весь груз тяжелых лет горестной жизни. Артистка Ром хороша в этой сцене, как и во всей роли, проведенной ею с большим чувством и искренним драматизмом.

Живые и правдивые образы дочерей Тевье создали артистки С. Ротбаум (Годл) и А. Шмаенок (Бейлке), успеху спектакля в значительной мере способствовал композитор Л. Пульвер.

Спектакль «Тевье-молочник» показывает, что ГОСЕТ недаром окружен вниманием и любовью везде, где он демонстрирует свое творчество»¹⁷.

В спектакле играли также артисты М.И. Шапиро (Перчик), М.И. Ней (Лейзер-Вольф), А.С. Пустыльник (Педоцур), Я.Н. Цибулеский (Фроим-сват), Д.Л. Чечик (урядник)¹⁸.

Спектакли Московского ГОСЕТа шли почти каждый день. А порой и дважды в день (утренний и вечерний спектакли). Вот некоторые рекламные объявления, публиковавшиеся в республиканской газете в Ташкенте в 1942 году: 25, 26, 27 января – «Тевье-молочник», 28 января и 1 февраля – «Блуждающие звезды», 13, 14, 15 февраля – «Цвей кунилемлех», 20 февраля – «Блуждающие звезды», 21

¹⁷ Там же. 1942. 18 янв.

¹⁸ См.: Программа спектакля «Тевье-молочник». – Хранится в Театральном музее и архиве им. И. Гура (Иерусалим, Еврейский университет).

февраля – «Тевье-молочник», 22 февраля (утро) – «Цвей кунилемлех», 22 февраля (веч.) – «Тевье-молочник», 28 февраля – «Тевье-молочник», 1 марта – «Блуждающие звезды», 6 марта – «Цвей кунилемлех», 7 марта – «Блуждающие звезды», 8 марта – «Тевье-молочник», 14 марта – «Цвей кунилемлех», 15 марта (утро) – «Блуждающие звезды», 15 марта (веч.) – «Тевье-молочник», 21 марта – «Тевье-молочник», 22 марта (утро) – «Цвей кунилемлех», 22 марта (веч.) – «Блуждающие звезды», 24 и 25 марта – премьера спектакля «Суламифь» (С. Галкин по А. Гольдфадену), 27 и 28 марта – «Суламифь», 29 марта (утро) – «Тевье-молочник», 29 марта (веч.) – «Цвей кунилемлех». Все эти спектакли были показаны на тогдашней сцене театра, то есть в Клубе им. Кафанова.

*Э. Ковенская и Л. Ром в спектакле «Блуждающие звёзды»
(Из архива Э. Ковенской)

5 и 8 мая 1942 г. в помещении Ташкентской гос. филармонии состоялась премьера спектакля «Король Лир» В. Шекспира. Затем спектакль был показан 10, 13 и 15 мая¹⁹.

¹⁹ В последующие месяцы (май-сентябрь 1942 года) Московский ГОСЕТ показывал ташкентским зрителям 5 своих постановок: «Тевье-молочник», «Цвей кунилемлех», «Блуждающие звезды», «Суламифь» и «Король Лир». В библиотеках Ташкента сохранились неполные комплекты газеты за 1942 г., поэтому не

На одном из представлений этого спектакля, во время сцены в степи, произошло пятибалльное землетрясение. В воспоминаниях художника А. Тышлера мы находим следующее описание этого события: «С колосников на голову играющего Михоэлса и с потолка на зрителей посыпалась штукатурка. Началась паника. Михоэлс продолжал играть, как будто ничего не произошло. Своим огромным темпераментом он заставил публику слушать спектакль до конца. Казалось, что землетрясение пришло не извне, а из спектакля, из сцены бури, из печального крика и стоны Михоэлса, обращенного в зрительный зал, как бы ищущего успокоения в народе, который напряженно, с волнением слушал Лира-Михоэлса. Во всем этом вечере было что-то библейское, поистине шекспировское»²⁰.

Дополнением к этому воспоминанию может служить отрывок из рассказа Якова Кумока «Михоэлс»: «После антракта, когда на сцену вышли Лир и Шут, произошел первый толчок. Запахло пылью. В рядах пронеслось замешательство. Ближние к выходу вскочили, взвихрилась давка. И тут начался гул. Не с улицы, не из-под земли – ниоткуда, из Вселенной. Зазвенела люстра. Мама схватила наши головы и прижала к своим коленям.

И только королю Лиру вольготней стало среди хаоса как естественного продолжения его боли, как подтверждения его права боль... Сподвижники актера утверждают в своих мемуарах, что он и не заметил землетрясения.

Перепуганные зрители вернулись в свои кресла»²¹.

Жена Михоэлса – А.П. Потоцкая-Михоэлс – пишет: «Нельзя не вспомнить, что когда летом 1942 г. в Ташкенте был сильный толчок землетрясения, – Михоэлс на сцене его

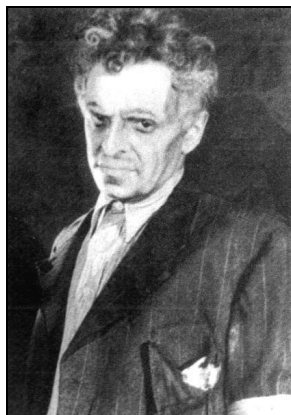
выявлена реклама многих спектаклей Московского ГОСЕТа, показанных в Ташкенте в период октября-декабря 1942 г. (См.: «Правда Востока» за февр.-сент. 1942 г., рубрика «Театральные рекламы»).

²⁰ Тышлер А. Я вижу Михоэлса. Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981. С. 416-417.

²¹ Журн. «Звезда Востока» (Ташкент). 1967. № 3. С. 205.

не почувствовал. Покачнулось здание, погас свет, люди вскочили с мест, а Михоэлс продолжал монолог Лира. Ему только показалось, что у него вдруг немного закружилась голова»²².

Спектакль «Король Лир» получился замечательным. Вот какую оценку получил спектакль в рецензии известного театроведа Абрама Эфроса «Король Лир в ГОСЕТе»: «Такого Лира на сцене еще никогда не было. Впервые с Михоэлсом Лир поднимается до философско-государственного обобщения, до эпического образа, не бывшего тогда даже у Росси, у Сальвини, а тем более у Юрьева или Певцова...

В. Зускин в роли доктора Сфарда в пьесе «Око за око». Ташкент 1943 г. (Из кн. А. Зускиной «Путешествие Вениамина»)

Сегодня хочется во всеуслышание сказать о яркости спектакля, получившего в ташкентском варианте окончательный чекан и весомость»²³.

Осенью 1942 г. Московский ГОСЕТ поставил в Ташкенте пьесу Переца Маркиша «Око за око» – о войне, о польском городке, оккупированном нацистами, о евреях

²² Потоцкая-Михоэлс А. О Михоэлсе богатом и старшем. //Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981. С. 406.

²³. «Правда Востока». 1942. 17 мая.

городка, согнанных в гетто, о еврейской молодежи, поднявшейся на борьбу против фашистов. Премьера спектакля «Око за око» состоялась 6 октября 1942 г., и он не сходил со сцены около полугода. В этом спектакле Зускин сыграл роль старого доктора Сфарда²⁴.

В конце 1942 г. началась подготовка нескольких новых спектаклей в Московском ГОСЕТе. Ставил их уже не Михоэлс. В частности, спектакль «Заколдованный портной» ставил В. Зускин, но Михоэлс держал под своим контролем его подготовку. Об этом свидетельствуют записи в его рабочих тетрадях-блокнотах, сделанные им во время пребывания в Ташкенте. Так, в одной из них имеется такая запись: «Заколдованный портной»: 1) Макет. Пустить в работу и усл [овиться] насчет оркестра. 2) Пульвер – все прослушать. 3) Просмотреть I акт и наметить срок II акта. 4) Изготовление декораций»²⁵.

В блокноте с рабочими и дневниковыми записями Михоэлса имеется запись: «Вторник – 15-го [декабря 1942]. Конец недели Заколдов [анный портной]»²⁶.

Премьера спектакля «Заколдованный портной» состоялась 1, 2, 3 января 1943 г. Зрителю его показывали с 1 января по 2 мая 1943 г.²⁷. Главную роль – портного Шимона-Эле – в спектакле играл В. Зускин. Спектакль получился интересным и пользовался большим успехом у зрителей²⁸.

²⁴ Зускина-Перельман А. Путешествие Вениамина. Размышления о жизни и судьбе еврейского актёра Вениамина Зускина. – Иерусалим; М., 2002. С. 233, 234; «Правда Востока», 1943. 21 февр., 13 марта.

²⁵ Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим). Архив семьи Соломона Михоэлса, отдел рукописей, папка «Рабочие записи Михоэлса. Ташкент (1942-1943)». С. 2.

²⁶ Там же. Папка «Блокнот с рабочими и дневниковыми записями Михоэлса». С. 2.

²⁷ «Правда Востока». 1943. 1 янв., 7 янв., 11 февр., 20 февр., 21 февр., 28 февр., 10 марта, 19 марта, 24 марта, 31 марта, 1 мая.

²⁸ Подробнее о спектакле «Заколдованный портной» см.: Зускина-Перельман А. Путешествие Вениамина. Размышления о жизни и судьбе еврейского актёра Вениамина Зускина. – Иерусалим; М., 2002. С. 236, 237.

В конце 1942 г. началась работа над пьесой К. Яшена и А. Умари «Хамза» (перевод с узбекского писателя П. Нистора). Постановщиком спектакля был режиссер Э. Лойтер. Роль Хамзы исполнял артист Иосиф Шидло, его невесты – Сара Ротбаум. В нем играли также актрисы Э.С. Берковская и Э.М. Безверхняя.

* Э. Берковская в спектакле «Хамза» Ташкент, 1943 г.
(Из архива А. Зускиной)

Хотя Михоэлс не был постановщиком данного спектакля, но он принимал самое живое участие в постановке. Об этом свидетельствуют сохранившиеся рабочие записки Михоэлса 1942-1943 гг. В них записано:

«"Хамза".

1. Тышлер – макет.
2. Беседа с актерами.
3. Беседа с Лойтером.
4. Сокращение. Усиление образных начал:

§ 1.

- а) Дом Хамзы, ожидают гостей.
- б) Саадат, мать, Комилл.
- в) песни Хамзы.
- г) антре Хамзы.
- д) Семья – Хамза.

е) Полет ... орла и т. д.

ж) поведение Назири

§ 2»²⁹.

В блокноте с дневниковыми записями за декабрь 1942 г. имеется несколько записей по этому спектаклю:

«ГОСЕТ. Вторник – 15-го [декабря] Проверить: конец недели. «Хамза». Среда –17-го... ГОСЕТ: ...

3) Заглянуть к Лойтеру на репетицию.

4) Звонить Тышлеру насч[ет] "Хамзы" Лойтера»³⁰.

Работа над спектаклем завершилась в начале мая 1943 г., и 14,15 и 16 мая состоялась премьера спектакля «Хамза». 11 сентября 1943 г. Московский ГОСЕТ в помещении Русского драматического театра имени М.Горького показал свой последний прощальный спектакль перед отъездом в Москву. Им был спектакль «Хамза»³¹.

В декабре 1942 г. Михоэлс начал работу над пьесой «Чудесная история». Главные роли в этом спектакле должны были сыграть И.А. Шидло и Я.Н. Цибулевский. Об этом мы находим записи в одном из блокнотов С. Михоэлса: «Вторник. 15 декабря [1942 г.], 5.30-6.30 Шидло и Цибул[евский] над пьесой «Чуд[есная] история»»³².

Репетиции этого спектакля продолжались и после отъезда Михоэлса из Ташкента³³. Однако спектакль не был поставлен ни в Ташкенте, ни – позже – в Москве.

²⁹ Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим). Архив семьи Михоэлса. Отдел рукописей. Папка «Рабочие записи Михоэлса. Ташкент (1942-1943)». С. 2.

³⁰ Там же, папка «Блокнот с рабочими и дневниковыми записями Михоэлса». С. 2.

³¹ «Правда Востока». 1943. 7 сент.

³² Там же. 1943. 23 июля.

³³ Центральный архив истории еврейского народа (Иерусалим). Ф. 166. Личный фонд С.М. Михоэлса. Папка «2». С. 14. (Речь идет о первом варианте спектакля «Фрейлехс»). После возвращения С.М. Михоэлса в Москву из поездки по Америке, Мексике, Канаде и Англии в конце 1943 г. он начал готовить новый спектакль «Фрейлехс» З. Шнеера (Окуня). Оформлял спектакль художник А. Тышлер, музыку написал композитор Л. Пульвер. 23 июля 1945 г.

После отъезда С. Михоэлса из Ташкента, в апреле 1943 г., В. Зускин взялся за постановку пьесы З. Окуня-Шнеера, И. Добрушина и М. Гершензона «Фрейлехс». Музыка написал композитор Л. Пульвер, декорации к спектаклю подготовил художник А. Тышлер. Премьера спектакля «Фрейлехс» (первый вариант) состоялась 23, 24 и 25 июля 1943 г.³⁴

11 августа 1943 г. директор Московского ГОСЕТа В. Фишман писал в Москву А. Потоцкой (жене Михоэлса): «Мы за это время (очевидно, имеется в виду апрель-август 1943 г. – М.В.) выпустили спектакль «Фрейлехс». Очень веселый спектакль, делающий большие сборы»³⁵. Спектакль шел в Ташкенте в июле-сентябре 1943 г.

К сожалению, мной не обнаружены рецензии на спектакли ГОСЕТа, за исключением указанных выше, поэтому не представляется возможным рассказать об игре актеров в том или ином спектакле.

Сохранившиеся программки некоторых спектаклей Московского ГОСЕТа позволяют, в какой-то мере, восстановить фамилии исполнителей тех или иных ролей в спектаклях. Так, в «Короле Лире», помимо С. Михоэлса и В. Зускина, играли многие артисты театра. Это Ю. Минкова – *Гонерилья*, С. Ротбаум (Э. Карчмер, Л. Розина) – *Регана*, Э. Берковская (Е. Ицхоки) – *Корделия*, М. Ней – *герцог Албанский*, В. Крейчман – *граф Корнуэльский*, И. Лурье (М. Шапиро) – *король Французский*, А. Баславский (С. Зильберблат) – *герцог Бургундский*, Д. Финкелькраут (М. Штейман) – *граф Кент*, Т. Хазак (И. Шидло) – *граф Глостер*, Яков Гертнер – *Эдгар*, А. Пустильник – *Эдмонд*, Г. Луковский – *Освальд*, С. Латнер – *слуга герцога Корнуэльского*, Г. Гукайло – *джентльмен из Свительюра*,

спектакль был показан московскому зрителю, а 5 июня 1946 г.

спектаклю была присуждена Государственная премия.

³⁴ . См.: Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим). Архив семьи Михоэлса. Отдел рукописей. Папка «Блокнот с рабочими и дневниковыми записями Михоэлса». Лл. 2, 3.

³⁵ Центральный архив истории еврейского народа (Иерусалим) Ф. 166. Личный фонд С.М. Михоэлса, папка «2. С. 14.

Д. Чечик – *врач*, М. Минскер и М. Шехтер – *слуги Глостера*, а также О. Гольдбурт, Р. Курц, С. Фабрикант, А. Шмаенок.

В спектакле «Суламифь» играли артисты: Т. Хазак (М.И. Ней), Л.М. Розина (А.И. Блинчевская), М. Шапиро, Ю.Я. Минкова (Л.И. Ром), А.Б. Шмаенок (Э.И. Ройтман), Л.И. Гукайло (Г.В. Луковский, Э.Я. Трактовенко), Э.С. Берковская (Э.М. Безверхняя), С.И. Фабрикант (Ф.Б. Фридман), С.М. Биник (Э.С. Тайблина), Е.Л. Спивак, С.М. Латнер³⁶.

Артистка Московского ГОСЕТа Этель Ковенская играла в спектаклях «Блуждающие звезды», «Заколдованный портной», «Око за око», «Суламифь» и «Фрейлехс». Во всех этих спектаклях у нее были роли разного плана (например, *Рейзеле* – в «Блуждающих звездах» или *Девушка в толпе* – в «Суламифи»), но отношение ее к ним от этого не менялось. Так, сама актриса вспоминает, что хотя в спектакле «Суламифь» у нее «роль была небольшая..., но я очень красиво одевалась, на меня обращали внимание: «Какая красивая девушка!» Это мне импонировало. Я была счастлива. Очень волновалась, относилась к своей роли ответственно»³⁷.

³⁶ . См.: Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим). Архив семьи Михоэлса. Раздел «Программы спектаклей».

³⁷ Магнитофонная запись воспоминаний Этель Ковенской (Яффо, 2000). Этл (Этель) Ковенская поступила в театральную студию при Московском ГОСЕТе в 1940 г. в возрасте 15 лет. Вскоре, будучи еще на 1-м курсе, она получила роль Рейзеле в «Блуждающих звездах». Играла на сцене ГОСЕТа до его закрытия в ноябре 1949 г. После этого режиссер Юрий Завадский пригласил Ковенскую в Театр им. Моссовета и дал ей роль Дездемоны в спектакле «Отелло». В этом театре она играла до 1972 г. – до своего переезда в Израиль. 15 лет проработала Ковенская в театре «Габима», а затем, со дня основания в Тель-Авиве театра «Идишпил», вошла в его труппу. В Израиле актриса известна также как певица на идиш, иврите и русском языках. 25 июня 2002 г. ей была присуждена премия имени Давида Гофштейна за 2002 г. (См.: «Актриса еврейского театра» (интервью с Ю. Аптером) // «Новости недели». 1993. 7 мая; Алмазова И. Три сцены Этель Ковенской // «7 дней» (приложение к газете «Новости недели»). 1999. 9 июля; Рейдлер Я. Праздник в «Бейт Лейвике» // «Евр. камертон». 2002. 27

Несмотря на тяжелое материальное положение, жители Ташкента и многочисленные эвакуированные приходили на спектакли Московского ГОСЕТа, смотрели их с большим вниманием, грустили и смеялись во время спектаклей. Как вспоминает бывший профессор Ташкентской консерватории Семен Маркович Векслер, учившийся в годы войны в Ташкентской консерватории (она находилась в одном здании с Московским ГОСЕТом), «во время спектаклей театральные залы всегда были заполнены, свободных мест никогда не было. Нам (студентам) приходилось, по большей части, стоять»³⁸.

* Э. Ковенская в роли Рейзеле в спектакле «Блуждающие звёзды»
(Из архива Э. Ковенской)

На спектакли Московского ГОСЕТа приходили не только еврейские зрители, но и представители других национальностей.

Ташкентский период в жизни С.М. Михозлса не ограничивался только работой в ГОСЕТе. Его дочь, Наталья

июня; Красильщиков А. Очарование таланта Этель Ковенской //«Семь дней». 2002. 8 авг.).

³⁸ Магнитофонная запись воспоминаний С.М. Векслера (Офаким, апр. 1998 г.; хранится в личном архиве М. Вексельмана).

Соломоновна Вовси-Михоэлс, вспоминает: «Однажды ночью мы решили сосчитать, сколько у него обязанностей – «должностей» – как он сам это называл, – и вот что получилось:

- 1) Руководитель Московского Государственного еврейского театра;
- 2) Руководитель Ташкентского оперного театра;
- 3) Председатель Еврейского антифашистского комитета;
- 4) Член театральной секции Комитета по Сталинским премиям;
- 5) Профессор и педагог театральной студии;
- 6) Режиссер-постановщик Узбекского драматического театра и еще примерно в пять раз больше, чего я уже не помню»³⁹.

Более подробно о ташкентском периоде жизни Михоэлса вспоминает А.Л. Дейч: «С Михоэлсом я виделся ежедневно и ежедневно поражался той титанической энергии, с которой он работал в Ташкенте. Мало того, что он поставил на ноги ГОСЕТ и выпускал новые постановки, привлекающие внимание местного и приезжего населения к этому театру, Михоэлс был, так сказать, "Главковерхом" всех ташкентских театров. Он принял это назначение с чувством общественного долга, столь свойственным ему. И надо было видеть, как старательно заботился он о том, чтобы поднять узбекское оперное искусство, оживить репертуар Узбекского драматического театра имени Хамзы и, в свою очередь, перенять у них для себя и своего коллектива все новое, свежее, интересное»⁴⁰.

Выявленные в различных архивах документальные материалы позволяют шире, полнее осветить творческую деятельность Михоэлса в Ташкенте и его вклад в развитие узбекского театрального искусства.

³⁹ Архив Центра изучения диаспоры им. Горен-Гольдштейна (Тель-Авив). Ф. Р-51. Ед. 50. Л. 18.

⁴⁰ Дейч Ал. Четверть века. //Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981. С. 428.

В начале 1942 г. в Узбекском государственном театре оперы и балета была сложная обстановка. Театр имел неинтересный репертуар, слаба была дисциплина работников, срывались репетиции хора и балета, посещаемость спектаклей была низкой. Для того чтобы вывести театр из застоя необходимо было сменить его руководство. В первую очередь необходим был новый художественный руководитель. Найти такого человека среди местных работников руководство Управления по делам искусств при СНК УзССР не смогло. Стали искать среди деятелей искусств, эвакуированных в Узбекистан из Москвы и Ленинграда. Выбор пал, неслучайно, на Соломона Михайловича Михоэlsa. Он был народным артистом СССР, художественным руководителем Московского ГОСЕТА, профессором Театрального училища при нем, высокообразованным, авторитетным человеком. С. Михоэls дал согласие, и в апреле 1942 г. состоялось его назначение художественным руководителем и председателем Художественного совета Узбекского Государственного театра оперы и балета⁴¹. Михоэls проработал в этом театре год (с апреля 1942 по апрель 1943 гг.) и проделал колоссальную работу по поднятию уровня театра.

В своей работе в театре Михоэls столкнулся с рядом проблем – дисциплина, материальная база, повышение квалификации артистов, их учеба. Они нашли отражение на страницах его «Рабочих записок» и в протоколах заседаний Художественного совета театра. Так, на многих страницах «Рабочих записок» Михоэlsa за июнь 1942 г – март 1943 г. мы читаем: «О дисциплине», «самов [ольно] ушел с концерта», «отказывает[ся] участ[ивать] в концертах», «отсутств[овал] без уважит[ельных] причин», «плохо

⁴¹ Приказ № 49 по Узбекскому государственному театру оперы и балета от 21 апр. 1942 г. – См.: Архив театра, а также магнитофонную запись воспоминаний бывшего начальника отдела кадров Управления по делам искусств при СНК Узб. ССР М.Р. Рахманова (Ташкент, март 2002; хранится в личном архиве М. Вексельмана).

работает (в середине игры разговарив[ает]), «срывают спектакль» и т. д.⁴²

Но его целеустремленность, полная самоотдача и авторитет сыграли важную роль в преодолении трудностей в работе Узбекского театра оперы и балета. Важнейшими своими задачами в этом театре Михоэлс считал: повышение квалификации актеров, расширение материальной базы и улучшение репертуара театра. Он добился возвращения в театр музыкальных инструментов (шести роялей и пианино), увеличения классных помещений для репетиций вокалистов и музыкантов. Кроме того, он убедил дирекцию Ташкентской консерватории выделить две классные комнаты для репетиций артистов Узбекского Государственного театра оперы и балета, а также добился освобождения ряда помещений в клубе РАБИС для мизансценных и оркестровых репетиций и групповых занятий по повышению квалификации.

Особое внимание Михоэлс уделял повышению уровня актерского и вокального мастерства. С этой целью он привлекал в театр для работы с артистами профессионалов высокой квалификации, благо многие из них находились в эвакуации в Ташкенте. Так, занятия по сценическому мастерству вел сам Михоэлс. Вокальное мастерство преподавала солистка Большого Академического театра оперы и балета Н.А. Обухова, работу по музыкальной грамоте вели преподаватели Ленинградской и Ташкентской консерваторий. Согласно постановлению режиссерского совещания при Узбекском театре оперы и балета от 19 июня 1942 г. были введены занятия по общеобразовательным художественным дисциплинам (введение в эстетику и история музыки), которые проводили известный искусствовед, литературовед и театральный критик А.М. Эфрос и преподаватели консерватории.

⁴². Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим). Архив семьи Михоэлса. Отдел рукописей. Папка «Рабочие записи Михоэлса. Ташкент (1942-1943)». Лл. 6, 8, 9, 10, 13, 20 и другие.

Усилия Михоэлса дали положительные результаты. Значительно повысилось мастерство узбекских актеров, вокалистов и музыкантов.

Много сил, знания и опыт С. Михоэлс отдавал изменению и улучшению репертуара театра. И это неудивительно, так как в течение 1941 и частично 1942 гг. в театре не был поставлен ни один оперный спектакль. На режиссерском совещании при Узбекском театре оперы и балета Михоэлс впервые поставил вопрос о необходимости постановки новых опер. Сохранилась стенограмма его выступления на этом совещании, где он, в частности, сказал: «Решено поставить к 25-й годовщине Октябрьской революции двухактную оперу "Мать". Текст и либретто готовы (Миртемир и Смирнов). Постановщик – Музафар Мухаммедов, дирижер – Бурханов, художник – Тышлер.

Времени осталось мало. Работы – много. В ближайшие дни вся труппа и зав. цехами познакомятся с либретто.

Вторая работа – осуществление постановки оперы "Улугбек". Частично эта работа уже делалась. Возникает вопрос. Меняется постановщик (постановщик проф. Э.И. Каплан). Значит, новый замысел. Художественное оформление, согласно мнению Музафара Мухамедова, – не на высоте. Возникает вопрос о новом художнике...

Мы продемонстрируем правительству прежние эскизы и костюмы, затем предложим тов. Каплану изложить свой режиссерский, постановочный план, и тогда придем к заключению о художнике и оформлении»⁴³. Добавим, что музыку к опере «Улугбек» написал композитор Мухтар Ашрафи.

Две эти оперы находились в центре внимания Михоэлса на протяжении июня-декабря 1942 г. Он ставил вопрос об их постановке на заседаниях Художественного совета театра 22 июня и 2. августа 1942 г., где выступил с

⁴³ РГАЛИ. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2693. Оп. 1. Ед. 196. Лл. 3,4. (См. <http://www.florida-rus.com/archive-text/11-01volovich.htm> – Ред).

предложениями о порядке подготовки и выпуска этих опер. Открывая заседание 22 июня 1942 г., Михоэлс отметил: «Возможны еще некоторые изменения в содержании после прочтения либретто "Мать" в ЦК и СНК. Выпустить эти две огромные работы к празднику (25-й годовщине Октябрьской революции – М.В.) театр не сможет, т. к. к опере "Мать" необходимо будет написать музыку. Кроме того, театр должен будет обслуживать бригадами различные кампании. Поэтому нужно решить вопрос так: в первых числах октября выпустить "Улугбек" и через полтора месяца... выпустить оперу "Мать"»⁴⁴.

Наряду с указанными двумя операми, Михоэлс в июне 1942 г. начал работу и над другими постановками. Так, на режиссерском совещании 19 июня 1942 г. он подчеркнул, что «следующей работой театра является балет "Акбилак". Композитор Василенко уже приступает к работе. Срок 1942 г. Не намечен еще художник. Очень хорошая кандидатура балетмейстера тов. Чабукиани»⁴⁵.

27 июня 1942 г. Михоэлс записал в своей «Записной книжке»: "Акбилак". 1). Композитор Василенко приступил к своей работе 27 июня...»⁴⁶

В 1942 г. театр приступил к постановке оперы «Кармен» силами театральной студии, в которой преподавали С.М. Михоэлс и профессор Ленинградской консерватории Э.И. Каплан. Первоначально Михоэлс предполагал сам поставить этот спектакль (I акт). 27 июня 1942 г. был заключен договор с Миртемиром о переводе II акта «Кармен». Так как выпуск спектакля планировался на 5 ноября 1943 г. и Соломону Михайловичу явно недоставало

⁴⁴ Архив Узбекского академического театра оперы и балета им. А. Навои. Протокол заседания Художеств. совета театра от 23 июня 1942 г.

⁴⁵ РГАЛИ. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2693. Оп. 1. Ед. 196. Л. 4.

⁴⁶ Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим). Архив Михоэлса. Папка «Блокнот с рабочими и дневниковыми записями». С. 4.

свободного времени, то спектакль передали проф. Каплану. Однако сам спектакль состоялся лишь 15 января 1944 г.⁴⁷

В 1943 г. Михоэлс как художественный руководитель театра планировал отредактировать или заново поставить ряд наиболее ценных, уже осуществленных спектаклей, таких как «Лейли и Маджнун» и «Фархад и Ширин».

Планировалось в этом же году поставить оперу «Великий канал». Дирижером намечался М. Ашрафи, художником – В.С. Басов. Спектакль вышел уже после отъезда Михоэлса в Америку.

Групповое фото, на котором запечатлены С. Михоэлс, А. Толстой, актриса Халима Насырова, драматург К. Яшен и другие

По инициативе Михоэлса при Узбекском театре оперы и балета была создана Музыкально-драматическая лаборатория, при которой в июле 1942 г. был утвержден ученый совет. Председателем совета был Михоэлс, а членами: А.М. Эфрос, В.М. Беляев, Э.И. Каплан, Е.Е. Романовская, Н.Н. Миронов, композиторы Т. Садыков, М. Ашрафи, М. Бурханов, В.А. Успенский, М.О. Штейнберг, С.Н. Василенко, А.Ф. Козловский, писатели, поэты,

⁴⁷ РГАЛИ. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2693. Оп. 1. Ед. 196. Л. 5; архив Узбекского академического театра оперы и балета им. А. Навои. Ед. 49. Лл. 81, 143; Театральный музей и архив им. И. Гура (Иерусалим). Архив семьи Михоэлс. Папка «Блокнот с рабочими и дневниковыми записями». С. 5.

драматурги – Шейхзаде, Миртемир, К. Яшен, нар. арт. СССР Халима Насырова, М. Кари-Якубов, Тамара Ханум, И.Г. Захт, известные ученые-историки В.В. Струве, А.Ю. Якубовский, А.А. Семенов и др.⁴⁸.

Интерес представляет сохранившийся в архиве «План-программа научно-исследовательской работы лаборатории на 1942-1943 гг.». Так, в его 4-м пункте «Новые постановки театра» на 15 января 1943 г. планировался доклад по балету «Акбиллак». Докладчиками должны были выступить композитор С.Н. Василенко и С. Михоэлс, а на 15 мая 1943 г. намечалось обсуждение постановки оперы «Тараби», но докладчики не были указаны⁴⁹. Можно предположить, что одним из них должен был быть С. Михоэлс, который, по воспоминаниям А.Л. Дейча, «затеял создать узбекскую историческую оперу «Тараби», из истории монгольского нашествия XIII века, и вел по вечерам долгие беседы с писателем Айбеком и композитором Чишко. Меня он тоже вовлек в создание либретто этой оперы. К этому времени он прочитал много материалов по истории Узбекистана»⁵⁰. Однако присутствовать на совещании 15 мая 1943 г. Михоэлс не смог, так как был вызван из Ташкента для командировки в Америку, Мексику, Канаду и Англию.

Наряду с руководством Узбекским театром оперы и балета, Михоэлс принимал активное участие в работе Узбекского театра драмы имени Хамзы в качестве режиссера-постановщика.

В театре им. Хамзы С. Михоэлс, совместно с режиссером М.М. Уйгуром, начал постановку спектакля по пьесе Хаида Алимджана «Муканна». Прежде чем приступить к постановке спектакля, С. Михоэлс много внимания уделил изучению истории Узбекистана VIII в., то есть того периода, когда происходили описываемые в пьесе события. Он встречался и беседовал с ученым-востоковедом

⁴⁸ Архив Узбекского театра оперы и балета... Ед. 49. Л. 72.

⁴⁹ Там же. Л. 71.

⁵⁰ Дейч Ал. Четверть века. //Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981. С. 429.

Бертельсом, прочитал много литературы по истории Узбекистана, изучил и хорошо знал местные старинные обряды и обычаи.

Своими воспоминаниями о работе Михоэлса в театре им. Хамзы и, в частности, над пьесой «Муканна», поделилась, во время встречи со мной в Ташкенте в мае 1994 г., бывшая артистка театра, народная артистка СССР Сара Ишантураева:

«Репетиции у нас проходили очень интересно. Михоэлс был такой внимательный и такой необычный. Хотя он был уже немолодой, но мог из зала прыгнуть на сцену. А оттуда – в зал. Кое-что ему приходилось показывать актерам, потому что у нас были актеры, которые не имели представления о жизни Средней Азии VIII века. Соломон Михайлович из зрительного зала смотрел все сцены, наблюдал, кто как двигается. Следил за каждым, а мы все следили за ним, за его реакцией... Он был человеком эмоциональным, очень эрудированным и умным. Содержание пьесы, каждую роль он прекрасно знал. Каждый день он и Уйгур разрабатывали новые и новые сцены, мизансцены. Михоэлс предлагал свои решения тех или иных образов... Актеры, конечно, с большим интересом его слушали. С ним было очень интересно работать... Он вообще часто бывал в нашем театре. "Отелло", "Гамлет" и другие спектакли смотрел по нескольку раз и делал замечания актерам. Мы у Михоэлса очень многому научились»⁵¹.

Музыку к спектаклю «Муканна» написали композиторы А.В. Успенский и А.Г. Мушель, однако Михоэлс и Уйгур пытались подобрать и настоящую арабскую музыку. Так, по воспоминаниям переводчика Куркмаса Маноновича Маджидова, сына драматурга и режиссера Манона Уйгура, однажды вечером собрались у Уйгура на квартире Михоэлс и Алексей Толстой, чтобы вместе послушать по радиоприемнику арабскую музыку. Во время передачи на дом к Уйгуру явилась группа работников

⁵¹ Магнитофонная запись беседы с Саррой Ишантураевой (Ташкент, май 1994; хранится в личном архиве М. Вексельмана).

НКВД, вызванная соседом – работником НКВД. Налицо были нарушения правительственных постановлений (о необходимости сдачи во время войны радиоприемников и запрещении слушать передачи из-за границы). Радиоприемник был изъят, а Уйгур получил предупреждение.

У Михоэлса в Ташкенте сложились хорошие отношения с руководителями Узбекистана Абдуджабаром Абдурахмановым (председателем Совнаркома Узбекистана) и Усманом Юсуповым (первым секретарем ЦК КП Узбекистана). И если ему нужна была помощь в организации работы Узбекского театра оперы и балета или Узбекского драматического театра, он обращался к ним и получал эту помощь. Так, Абдурахманов помог Узбекскому театру оперы и балета вернуть себе шесть роялей и пианино, находившихся на частных квартирах, и расширить классные помещения для учебы и репетиций артистов театра.

А.Н. Толстой, актриса Х. Насырова и С. Михоэлс. Ташкент, 1945 г. (Архив Узбек. театра оперы и балета)

На даче Усмана Юсупова неоднократно собирались Х. Алимджан, С. Михоэлс и М. Уйгур, чтобы работать над сценарием пьесы «Муканна».

По словам Шадии, дочери нар. артиста УзССР и СССР Шукура Бурханова, Михоэлс сыграл решающую роль

в становлении Ш. Бурханова как артиста. В спектакле «Муканна» Ш. Бурханову была поручена бессловесная роль Саида Батталя – одного из арабских воинов, который специально сдался в плен, чтобы попасть в лагерь руководителя восставших – Муканны. Михоэлс поручил балетмейстеру Узбекского драматического театра им. Хамзы – Глизерс – помочь Шукуру Бурханову создать пластический образ арабского разведчика. Но Глизерс создала не только пластический образ, но и балетный номер с антраша, прыжками, танцем на пальцах, танцем с двумя мечами.

«Поскольку Михоэлс поручил Ш. Бурханову эту роль, – рассказывает его дочь Шадия, – то он подчинился Глизерс, усиленно репетировал с ней этот номер с утра до ночи. За довольно короткое время – около двух недель – он изучил этот балетный номер.

Когда Михоэлсу показали этот номер, когда он увидел, что сотворила Глизерс с этим парнем, то он расхохотался и сказал: "Ах ты мой бедняжка! Что же вы с ним сделали! Надо было просто в пластике передать зрителям, что Батталь не просто пленный, а разведчик. Он должен был просто совершать прыжки и во время прыжков оглядываться и пересчитывать солдат и оружие"».

Михоэлс понял, что парень не только может и хочет быть артистом, – он бешено влюблен в свою профессию. И когда в театр пришел Усман Юсупов, серьезно относившийся к развитию искусства в республике, и спросил, кому нужно помочь, то Михоэлс указал на Бурханова и сказал, что его надо женить.

Михоэлс опекал отца. Он встречался с будущей женой Бурханова – Шакор Раимовной. Побеседовал с ней и убедил ее стать женой, подругой и помощником Ш. Бурханова.

Когда он убедился, что это подходящая кандидатура, то он договорился с Усманом Юсуповым, и тот дал указание организовать свадьбу за общественный счет. На ней было

много артистов как местных, так и из эвакуированных театров»⁵².

Хотя спектаклю «Муканна» Михоэлс отдал много сил, знаний и опыта, он не смог его выпустить, так как по заданию Советского правительства выехал в апреле 1943 г. в заграничную командировку, из которой он вернулся лишь 10 декабря 1943 г., но уже в Москву.

Премьера спектакля «Муканна» состоялась 22 августа 1943 г. В тот же день в республиканской газете была опубликована статья С. Ишантураевой, в которой она, в частности, писала: «Эта монументальная постановка стала для нас своеобразной школой, где коллектив встретился с одним из выдающихся мастеров современного театра – народным артистом СССР С.М. Михоэлсом, который вместе с художественным руководителем нашего театра народным артистом УзССР Уйгуром и осуществил постановку "Муканны"»⁵³.

2 сентября 1943 г. в этой же газете была опубликована рецензия члена-корреспондента АН СССР профессора В.М. Жирмунского «Муканна». В ней отмечалось: «Постановка "Муканны" в театре им. Хамзы является достижением узбекского театра. Постановщики – народные артисты С.М. Михоэлс и М.М. Уйгур – придали спектаклю известную праздничность, правильно подчеркнув романтическую героику пьесы и усилив ее лирический элемент удачным музыкальным сопровождением (композиторы А.В. Успенский и А.Г. Мушель). Талантливый художник-постановщик Александр Тышлер, пренебрегая натуралистическим воспроизведением ненужных археологических деталей прошлого, сумел вместе с тем создать серию исторических и бытовых картин, насыщенных конкретными чертами национального и исторического своеобразия. Особенно удачны массовые сцены, имеющие решающее значение для народной драмы.

⁵² Магнитофонная запись беседы с дочерью нар. арт. СССР Ш. Бурханова – Шадией (Ташкент, март 2002; хранится в личном архиве М. Вексельмана).

⁵³ «Правда Востока». 1943. 22 авг.

Из отдельных исполнителей выделяются нар. артисты Аббар Хидоятов (Муканна), Шукур Бурханов (Батталь), Сара Ишангураева (Гюль-Айин), Абид Джалилов (Джалаир).

В целом театр создал прекрасный спектакль, созвучный драматическим настроениям нашего времени. Насыщенный богатым национальным и историческим содержанием, он, несомненно, вызовет интерес и за пределами Узбекистана, среди братских народов нашего Союза»⁵⁴.

Помимо работы в трех театрах, Михоэлс был занят общественной работой, очень часто выступал, встречался со зрителями, ранеными воинами, «бывал в узбекских колхозах, горных кишлаках, присматриваясь к людям и природе»⁵⁵.

Первым зафиксированным публичным выступлением С.М. Михоэлса в Ташкенте была его речь на общегородском собрании интеллигенции 27 декабря 1941 г.⁵⁶

1 марта 1942 г. С. Михоэлс и В. Зускин приняли участие в «Большом вечере-концерте», состоявшемся в Концертном зале (бывший Клуб швейников по ул. Чехова, 3/5).

2 и 3 марта 1942 г. в помещениях Летнего театра и театра «Мюзик-холл» ташкентского Парка культуры и отдыха им. Горького состоялись праздничные представления «Весенний мюзик-холл» Во всех концертах приняли участие Михоэлс и Зускин.

Уникальный в своем роде концерт состоялся в Ташкенте 4 и 5 апреля 1942 г. Он был дан деятелями искусств в пользу эвакуированных детей (в Узбекистан в годы войны было эвакуировано более 100 тысяч детей). Организаторами вечера были С. Михоэлс, писатель А.Н. Толстой и их жены – Анастасия Павловна Потоцкая-Михоэлс и Людмила Ильинична Толстая.

⁵⁴ Там же. 1943. 12 сент.

⁵⁵ Дейч Ал. Четверть века. //Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981. С. 429.

⁵⁶ См.: «Боевые огни рампы» // «Звезда Востока». 1975. № 5.

Согласно опубликованному объявлению в газете «Правда Востока» (1942, 28 марта, № 4), в помещении Государственного театра оперы и балета им. Свердлова проходил большой вечер (в 3-х отделениях) «Работники кино – эвакуированным детям: Кино на эстраде».

В информации была указана программа вечера:

1-е отделение – Музыка и песни из кинофильмов.

2-е отделение – Герои кино на эстраде.

В этом отделении выступили: Б.А. Бабочкин (Чапаев) и Л. Кмит (Петька) – эпизоды из кинофильма «Чапаев».

Н.К. Черкасов (Паганель) – эпизод из кинофильма «Дети капитана Гранта».

В.Л. Зускин – эпизод из кинофильма «Искатели счастья».

Л.Н. Свердлин – эпизод из кинофильма «Волочаевские дни».

Халима Насырова и Мукарам Тургунбаева – эпизод из фильма «Асаль».

3-е отделение – «Съемка хотя и состоялась, но... – Комическое происшествие».

В нем участвовали: засл. артист РСФСР О. Абдулов, П. Алейников, нар. артист РСФСР Б.А. Бабочкин, В. Грибков, нар. артист РСФСР В.Л. Зускин, Ст. Каюков, засл. артист РСФСР Л. Кмит, засл. артист РСФСР Н.В. Комиссаров, Тамара Макарова, С. Мартинсон, нар. артист СССР С.М. Михоэлс, Татьяна Окуневская, засл. артистка РСФСР Ф.Г. Раневская, Л.Н. Свердлин, Алексей Толстой, Е.А. Тяпкина, А.Л. Хвыля, нар. артист РСФСР Н.К. Черкасов, засл. артист РСФСР М.М. Штраух, Эмма Цесарская.

Сценарист – Козьма Прутков (так в объявлении, а в действительности – Алексей Толстой)⁵⁷.

⁵⁷ Идея этой комической сценки возникла у С. Михоэлса еще до приезда в Ташкент. Когда он по пути в Ташкент, во время эвакуации, остановился в Куйбышеве, то посетил квартиру И. Козловского. Как вспоминал позднее Козловский, «в войну в Куйбышеве, у меня на квартире, в обществе Толстого,

Режиссер представления – заслуженный деятель искусств РСФСР Я.А. Протазанов.

Вместе с Я. Протазановым в постановке этой комической пьесы участвовал С. Михоэлс⁵⁸.

С. Михоэлс и А.Н. Толстой в роли плотников. Ташкент, 1942 г.

Содержание веселой пьесы и суть происходящего на сцене действия живо описала А. Потоцкая: «В киностудии идет съемка современного фильма. Царит суета, сумятица... Среди загримированных, готовых к пробе актеров бегают рабочие сцены, сбивают с ног друг друга рабочие с "юпитерами", кричат помреж, кинооператор, и

Шостаковича, Альтшулера, он был грустен, трагичен – и это звучало в его песнях. Но тут же он блистательно изображал с Алексеем Толстым мимическую сценку двух плотников – конечно, под соответствующую музыку и при нашем старательном участии. Позже, в Ташкенте, они выступали с этим номером в открытом концерте перед многотысячной аудиторией и потрясли своим юмором. (См.: Козловский И. О друге. С. 442).

⁵⁸ «Правда Востока». 1943. 12 сент. Первое упоминание об этом вечере-концерте мы находим в публикации Н. Пушкарской («Звезда Востока». 1967. № 3), но в ней не указаны фамилии артистов, участвующих в концерте, а также неправильно указана дата этого концерта – июнь 1942 г. Примерно эту дату (лето 1942 г.) указывает в своих воспоминаниях и А. Потоцкая-Михоэлс. (см. «О Михоэлсе богатом и старшем». //Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981. С. 469-470).

сам "реж" покрывает звучным голосом весь гул... Здесь же два плотника. Сначала почти незаметные. В дальнейшем ходе действия выясняется их главная роль».

Этих двух плотников играли С. Михоэлс и А. Толстой, играли без единого звука.

И далее Потоцкая пишет: «И вот занавес открыт. На сцене шумно, беспокойно, волнительно. "Костюмерша" Ф.Г. Раневская, судорожно прикрыв левой рукой авоську с драгоценными новыми галошами, мылом и зеленым луком (реквизит, взятый на время из самых главных, самых соблазнительных выигрышей лотереи, которая была организована в большом фойе театра)⁵⁹, наспех исправляет что-то в костюмах уже одетых, загримированных актеров.

Звучит ее низкий необыкновенный голос, и зрители смеются при каждом ее движении, от каждого ее слова.

Последние приказания, торопливые движения, почти давка на сцене и вдруг...

Никого нет, все исчезли, сцена пуста!

Зажигается огромный транспарант: "Полная тишина! Идет съемка!"

И тут появляются два плотника. Впереди Михоэлс, за ним Толстой. Михоэлс в сплющенной кепке, Толстой в рваном берете. Оба в рубахах, передниках, из карманов торчат поллитровки.

⁵⁹ По воспоминаниям Эстер Маркиш (вдовы писателя Переца Маркиша) организаторами благотворительной лотереи была жена боевого генерала Сергея Трофименко – Ирина, Эстер Маркиш, Л.И. Толстая и другие жены писателей. В частности, она пишет: «Однажды авторитет боевого генерала Трофименко даже помог его жене добиться от правительства Узбекистана помощи «литературным женам» в виде выделения призов для нашей благотворительной лотереи. Сборы от лотереи должны были поступить в фонд помощи детям солдат и офицеров, воюющих на фронте. Лотерея была после указанного концерта». – См.: «Пускай стыдится вечность, или Встречи с Михоэлсом!» (отрывок из новой книги воспоминаний Эстер Маркиш «Отражение света») // «Калейдоскоп». 2002. 7 февр.; Потоцкая-Михоэлс А. О Михоэлсе богатым и старшем. //Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981. С. 469-470.

Молчаливый проход по авансцене (почти марш). Движения, абсолютно совпадающие и повторяющие друг друга. Прошли...

Остановились. Двинулись. Двинулись дальше, опять остановились, молча "поговорили", присели и начали исступленно вколачивать гвозди, неистово стучать молотками.

Вбегает целая толпа... Скандал! Съемка сорвана! Плотников куда-то выпихивают.

Вновь тишина! Опять вспыхивает транспарант: "Полная тишина! Идет съемка!"

И вновь повторяется точно такой выход плотников. И было такое подлинное мастерство в этом молчаливом дуэте...»⁶⁰

Затем плотники вновь начинали заколачивать гвозди молотками. И вновь на сцену вбегала толпа участвовавших в съемке артистов, среди которых был и артист, игравший Гитлера. Они пытались вытолкать плотников со сцены. К великому удовольствию зрителей плотники в конце пьесы выражают свое отношение к Гитлеру кулаками.

Долго в зале не смолкали смех и аплодисменты зрителей.

Свидетельством этого концерта остался фотоснимок «плотников», сделанный Л.И. Толстой. Копию этого фотоснимка она подарила С. Михоэлсу, который им дорожил. Ныне он хранится у его дочерей.

Такой подробный рассказ о вечере-концерте обусловлен тем обстоятельством, что в нем проявился С. Михоэлс и как сценарист, и как постановщик, и как талантливый актер.

В последующее время Михоэлс и Зускин принимали участие во многих концертах.

Так, 20 апреля 1942 г. в помещении Русского драматического театра им. М. Горького, проводился литературно-художественный вечер «Шолом-Алейхем», в

⁶⁰ Потоцкая-Михоэлс А. О Михоэлсе богатом и старшем. //Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981. С. 469-470.

котором участвовали С. Михоэлс, В. Зускин и другие артисты.

2 и 3 мая 1942 г. в Парке культуры им. М. Горького в помещениях Летнего театра им. Свердлова и театра «Мюзик-холл» состоялся концерт «Великий мюзик-холл», в котором участвовали Зускин, Михоэлс, артистка Сиди Таль и др.

16 августа 1942 г. в помещении театра «Мюзик-холл» был дан «Единственный концерт мастеров искусств», в котором участвовали М. Гольдштейн, С. Михоэлс, В. Зускин, Н. Ратбаум, С. Гиацинтова и др.

22 августа 1942 г. на сцене Русского театра оперы и балета Михоэлс выступает в программе антифашистского вечера и концерта⁶¹.

4 ноября 1942 г. в помещении Узбекского и Русского театров оперы и балета состоялся «Симфонический концерт», в программе которого была исполнена «Первая узбекская героическая симфония» нар. артиста УзССР М. Ашрафи. Со вступительным словом выступил «нар. артист СССР, профессор С.М. Михоэлс».

В декабре 1942 г. Михоэлс выступил с творческим отчетом в военном госпитале № 3666 в Ташкенте⁶².

В течение того же года Михоэлс и Зускин выступали в различных концертах как артисты кино⁶³.

В Ташкенте С.М. Михоэлс, как он сам говорил, стал «инстанцией». Разрываясь между тремя театрами, которые находились в разных частях города, Михоэлс «вообще не успевал забежать домой, чтобы перекусить хотя бы затирухой, и один из узбекских театров (Узбекский театр драмы им. Хамзы – МВ.) прикомандировал к нему старую кобылу с повозкой. Узбек-возница ежедневно около шести утра возвещал, постукивая кнутом по двери: "Сулейман, моя

⁶¹ См.: «Правда Востока». 1942. 20 апр., 29 апр., 16 авг., 22 авг.

⁶² См.: Приказ № 764 Управления по делам искусств при СНК УзССР от 5 дек. 1942 г. (См.: ЦГА Узбекистана. Ф. Р-2366. Оп. 2. Ед. 14. Л. 3).

⁶³ См.: Отчет Узгосфилармонии за 1942 г. (ЦГА Узбекистана, Ф. Р-366. Оп. 1. Ед. 31, Л. 40об.)

пришла!" Михоэлс вскакивал и, спотыкаясь о раскладушки, быстро отправлялся на своей колыхаге по всем пунктам. По дороге его поджидали просители со всевозможными проблемами. Прием продолжался. И какой прием, какие просьбы! Тут были и сульфидин для тещи, и очки для слепнувшего отца, и прикрепление к столовой № 5 жены, приехавшей из другого эвакуопункта, и струна "ля" для какого-то горемычного работника оркестра...

"Просители" додумались до того, что подарили Михоэлсу чернильницу "Ванька-встанька" и самодельную ручку – обструганную лучинку с пером, привязанным к ней суровой ниткой.

Это «вечное» перо было сделано руками жаждущих подписи Михоэлса и бесконечно верящих в его сердце и силу. А может быть и в то, что он все-таки "инстанция"⁶⁴. Организованность и сосредоточенность Михоэлса были поразительны. Он ни от чего не отмахивался и ни на что не смотрел сквозь пальцы. Все для него было существенно важным. Спал он очень мало и с утра до поздней ночи был в работе.

Занятый сложной повседневной работой, Михоэлс все же успевал жить и интересами общежития Академии наук – четырехэтажного «ученого и артистического улья». То, бывало, Соломон Михайлович забежит к Якубу Коласу послушать его новые стихи, то встретится с востоковедом Бертельсом, чтобы узнать нужное ему о древнем Самарканде, то послушает отрывки из перевода поэмы Навои «Фархад и Ширин», выполненного Л.М. Пеньковским⁶⁵.

Наталья Соломоновна Вовси-Михоэлс вспоминает, что ее отец «успевал даже побеседовать с нашими соседями-

⁶⁴ См.: Вовси-Михоэлс Н. Из воспоминаний // «Соломон Михоэлс. Исследования, архивы, библиография. М., 1999. С. 12-13; Потоцкая-Михоэлс А. О Михоэлсе богатом и старшем. //Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981. С. 457.

⁶⁵ См.: Дейч Ал. Четверть века. //Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981. С. 429.

академиками. Нередко бывало, что, выйдя из комнаты на минуту, папа исчезал на час или больше, а вернувшись, поражал нас подробнейшими рассказами о новой идее химика-академика Каблукова, об интереснейших концепциях профессора Жирмунского или открытии Ревекки Самуиловны Левиной, члена-корреспондента Академии наук СССР, той самой Ревекки Самуиловны, которая спустя семь или восемь лет была арестована за связь с агентом Джойнта Михоэлсом и замучена в тюрьме, о чем рассказывает в "Архипелаге ГУЛАГ" Солженицын»⁶⁶.

Поскольку С. Михоэлс был целый день занят на работе, то возвращался поздно вечером в сопровождении друзей, и начиналась ночная жизнь.

Вечерами к Михоэлсу приходил Александр Иосифович Дейч, и они предавались воспоминаниями о еврейском театре периода Грановского.

Постоянным гостем был художник Александр Тышлер, который, начиная с «Лира», оформил в театре большинство постановок.

Среди гостей неизменно бывал друг Михоэлса артист О.Н. Абдулов⁶⁷. С ним Михоэлс «сочинял и разыгрывал импровизированные сцены из семейной жизни, – вспоминал Ал. Дейч. – Один из них изображал старика-бая, другой – благочестивого имама, и оба сговаривались отправиться на богомолье в Мекку. Однажды ночью, накрутив чалмы на головы и надев халаты (узбекские – М.В.), они вышли в пустынный переулок. Встретив старика-узбека, по-видимому, ночного сторожа, спросили его, где дорога на Мекку. Изумленный старик сказал, что он этого не знает, что идти надо далеко, через моря и горы. Но Михоэлс вполне серьезно его убедил, что самое трудное – дойти до Чирчика⁶⁸, а дальше уже совсем недалеко»⁶⁹.

⁶⁶ Вовси Н.С. Воспоминания. (См.: архив Центра изучения диаспоры им. Горен-Гольдштейна. Ф. Р-51. Ед. 50. Л. 19).

⁶⁷ Там же. С. 20-21

⁶⁸ Город Чирчик находится в 40 км от Ташкента, недалеко от отрогов Тянь-Шаня – Чимганских гор.

В апреле 1943 г., как уже упоминалось выше, Михоэлс вынужден был выехать из Ташкента. Отъезд его был неожиданным, внезапным. Он не смог даже как следует попрощаться с артистами своего театра и, тем более, – с актерами двух узбекских театров. Это его беспокоило и буквально терзало. О том, с какими чувствами он покинул Ташкент, мы узнаем из его письма к жене Анастасии Потоцкой, написанном с дороги:

«Впрочем, все было бы, конечно, иначе, если бы я уехал из Москвы или Ташкента⁷⁰, наладив все. Я с ума схожу от того, что меня вырвали, а не снарядили... Остался театр. Почти без планов. Без перспектив, фактически без руководства.

Остались мои узбеки, и повисла в воздухе неоплаченная мною и реализованной ответственностью моею обязанность перед ними за доверие и ласку...» И далее в письме Михоэлс дает поручения жене: «...9. Узбекские театры. Созвонись, пожалуйста, с Ашрафи, с Уйгуром, Левиным, Нишан-Ходжаевым⁷¹. Объясни, в общих чертах, что я получил срочное задание – займет 2-2,5 месяца. Так что – пока пусть Ашрафи руководит оперным театром. А

⁶⁹ Дейч Ал. Четверть века. //Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. – М., 1981 С. 429.

⁷⁰ По воспоминаниям Н.С. Вовси-Михоэлс: «Из Ташкента папа вылетел в конце апреля 1943 г. Мы, конечно, поехали его провожать. Наконец, добрались до места, которое носило громкое название - аэродром. На самом деле, это было поле, поросшее цветами и травой, на котором стоял один-единственный самолет. Самолет оказался десантный, который, за неимением пассажирского, вылетел за папой...» (Вовси-Михоэлс Н.С. Воспоминания // Архив Центра изучения диаспоры им. Горен-Гольдштейна. Ф. Р-51. Ед. 50. Лл. 23,24).

⁷¹ Композитор Мухтар Ашрафи – режиссер и драматург - был в то время зам. художественного руководителя Узбекского театра оперы и балета; М.М. Уйгур – художественный руководитель Узбекского театра драмы им. Хамзы, сопостановщик пьесы «Муканна» в этом театре; Левин – секретарь Художественного совета Узбекского театра оперы и балета; Нишан-Ходжаев – представитель дирекции Узбекского театра оперы и балета.

Уйгур пусть не трогает «Муканны», если хочет ждать меня, а займется пока другой постановкой. Если же он найдет, что ждать невозможно – тогда его воля делать как он найдет лучше. О моем отъезде, о целях, о направлении – говори им... лишь в самых общих чертах...»⁷².

Отъезд Михоэлса поверг артистов Московского ГОСЕТа в уныние, но они продолжали работать, показывать ташкентским зрителям спектакли. Театром руководил, в отсутствие Михоэлса, В.Л. Зускин.

Зускин и некоторые другие артисты ГОСЕТа принимали участие в различных концертах, организуемых Узбекской филармонией.

Так, В.Л. Зускин с 27 по 31 июля и 1 августа 1943 г. участвовал в концерте «Артисты кино на эстраде», организованном Узгосфилармонией в помещении театра «Мюзик-холл», а с 17 по 19 сентября 1943 г. Зускин и артистка ГОСЕТа Л.М. Розина участвовали в «Вечерах еврейского творчества» в том же театре «Мюзик-холл»⁷³.

В состав Московского ГОСЕТа в 1943 году вошел В.Е. Шварцер, приглашенный из Одесского ГОСЕТа.

В годы эвакуации в Ташкенте находилось театральное училище при Московском ГОСЕТе во главе с профессором Моисеем Беленьким⁷⁴. В училище вели

⁷² Письмо не датировано. Очевидно, написано в апреле 1943 г. (Цитируется по машинописной копии, хранящейся в Центральном архиве истории еврейского народа (Иерусалим). Ф. № 166 –Личный фонд С.М. Михоэлса. Папка «2».)

⁷³ См.; «Правда Востока». 1943. 27 авг. и 17 сент.

⁷⁴ Беленький Моисей Соломонович (1910-1996). В 1930-38 гг. преподавал философию на еврейском отделении Коммунистического ун-та Запада, был гл. ред. изд-ва «Дер Эмес». С 1930 г. начал преподавать философию в театральном училище Московского ГОСЕТа, а с 1932 г. был назначен его директором. В 1949 г. был арестован по делу Еврейского антифашистского комитета и приговорен к 10 годам заключения. Был освобожден в 1954 г. и реабилитирован. С 1956 по 1973 гг. работал заведующим кафедрой философии в Щукинском театральном училище. Читал лекции по философии в МГУ и по линии общества «Знание». В те же годы был консультантом по выпуску литературы на еврейскую

занятия нар. артист СССР, профессор С.М. Михоэлс, нар. артист РСФСР В.Л. Зускин, засл. артистка РСФСР С.Д. Ротбаум и другие. Как и в других городах, где гастролировал Московский ГОСЕТ, в Ташкенте был организован новый набор в училище. Среди принятых в число студентов училища был и Эмиль Горовец.

23 сентября 1943 г. Московский ГОСЕТ, вместе с Театральным училищем при нем, выехал в Москву – завершился ташкентский период их деятельности.

Руководство Узбекистана высоко оценило вклад режиссёров, артистов и других работников Московского ГОСЕТА в развитие узбекского искусства. Указами Президиума Верховного Совета УзССР В.Л. Зускину было присвоено звание народного артиста УзССР, режиссеру Э.Б. Лойтеру – звание заслуженного артиста УзССР, а театральному художнику А.Г. Тышлеру было присвоено звание «Заслуженный деятель искусств УзССР».

Художественный руководитель Московского ГОСЕТА С.М. Михоэлс был награжден Почетной грамотой Верховного Совета УзССР и именными золотыми часами⁷⁵.

тематику в изд-ве «Сов. писатель». Доктор философских наук, профессор. Автор 13 книг по истории философии, иудаизму и литературоведению, 24 сент. 1990 г. репатриировался в Израиль, где продолжил научную работу и выпустил книгу «Философия Маймонида» (1993). – См.: Вексельман М. Подвижник Моисей Беленький // «Евр. камертон». 2005. 14 июля.

⁷⁵ См.: Гейзер М. Михоэлс: Жизнь и смерть. – М., 1998. С. 311, 312, 316; «Вечерняя Москва». 1943. 6 окт.

и до Бреста... Моей душе не близок Катманду: в его название слышу непотребство. Жить в Польше? – но меня не любит лях, арабов до хрена в Александрии. На кампучийских рисовых полях всё дуже гарно, кроме малярии. Во Франции – заносчивый халдей, в Израиле кругом одни евреи. А в Эритрее кушают людей, я лучше обойдусь без Эритреи. В Гренландии неприхотливый быт, на Кубе слово молвить запретили... В Бангкоке наводнения и СПИД, на Амазонке – перебор рептилий. Фекалии легли на вечный Рим; южнее его – сплошная «Коза Ностра»...

Поэтому мне ближе остров Крым (хоть он, по мнению многих, полуостров).

Здесь не полезет в голову Страбон, не тянет слушать оперу «Эрнани», поскольку здесь полнейший расслабон, не отягченный жаждою познаний. Здесь очень хорошо депрессий без, здесь далеки война и мирный атом... Здесь, разбивая лоб о волнорез, летит волна стремительным домкратом на шумный пляж, где тучные тела соседствуют с модельными телами, где радостным знакомствам несть числа (и прочим отношениям меж полами). В песок зарылись люди, как кроты; им отпуск – и надежда, и отрада... Им просятся в иссушенные рты беременные гроздья винограда; забыт любой континентальный криз, забыты дом, заботы и поступки, пока с ума сводящий легкий бриз летит от Феодосии к Алушке. И здорово среди этой красоты, на этом ослепительном просторе всюю кидать эвксинские понты, как камни в зеленеющее море.

Писателям здесь тоже ничего, и даже – не поверите! – поэтам. А то, что не бывал здесь Ивлин Во – так он и сам не раз жалел об этом. Качает шевелюрой кипарис, погодным соответствуя канонам, и вдохновенье, словно главный приз, является к нуждающимся в оном. Поэт в Крыму сверкает, как рубин; фантазиям его открыты двери, и создает он всяких черубин; придумает – да сам же в них поверит. И я б хотел сидеть на берегу, как многие Великие сидели, и убеждать себя, что я могу, и этот факт доказывать на деле созданием невероятных строк, что станут для людей небесной манной... А чуть поздней, когда наступит срок, я звучно их прочту своей желанной; и для нее выиграют краски дня от мощи поэтического слова...

Увы, но без стихов она меня не любит. Как Волошин – Гумилёва.

Но дело в том, что нет меня в Крыму, и горизонт мой слишком редко ясен. И в Бостоне я грустен, как Муму, которую несет к пруду Герасим. Сижу, на всех и каждого похож. Обжил отменно жёрдочку насеста... А кто-то всё твердит, что это ложь:

считать, что человека красит место, что, дескать, всё как раз наоборот, что человек сильнее обстоятельств... Но лучше б он закрыл на время рот и с глаз свалил долой, по-рачьи пяťясь. Мы все, пока свободою горим, о дальних странах сочиняем песни...

Сегодня мне опять приснился Крым. И будет сниться завтра. Хоть ты тресни.

Из окна второго этажа

Ветрено. Дожливо. Неприкаянно.

Вечер стянут вязкой пеленой.

И играют в Авеля и Каина

холод с календарною весной.

Никого счастливее не делаю:

ни дома, ни землю, ни людей,

морось кокаиновая белая

заползает в ноздри площадей.

Небо над землёй в полёте бредущем

проплывает, тучами дрожа...

И глядит поэт на это зрелище

из окна второго этажа.

По вселенным недоступным странствуя,

он воссоздает в своем мирке

время, совмещенное пространственно

с шариковой ручкою в руке.

И болят без меры раной колотой

беды, что случились на веку...

Дождь пронзает стены. Входит в комнату.

И кристаллизуется в строку.

Жили-были дед да баба

От жары превращался асфальт в раскаленную лаву,

изнывали от пекла деревья, народ и дома...

Третьеклассник за стенкой учил сонатину Кулау.

Он был явно не Рихтер. И это сводило с ума.

Из квартиры четырнадцать духом тянуло борщовым;

надрываясь, соседка авоськи домой волокла...

Доминошники дружно вбивали эпоху Хрущева

в потемневшую, в пятнах от пива, поверхность стола.

Шестилетнему мне эта жизнь не казалась короткой,

ожидание будущих дней не грозило бедой...

Дед и бабка меня соблазняли картошкой с селедкой,

говорили: «Поел бы, внучок... До чего ж ты худой...»

И они ни журналов, ни книг, ни газет не читали.
Не слышали о Байроне, По и аббате Прево...
Им досталось от века. Отныне на их пьедестале
были дети и внуки. И больше, считай, никого.

Что им слава земная, и мене, и текел, и фарес?! –
им хватало других, пусть не слишком глобальных, задач:
беспокойно глядеть из окна, преждевременно старясь,
на худого внука, беззаботно гонявшего мяч.

Не герои ничуть, не носители горнего света
для эпохи, во время которой и ветер затих...

Что я мог понимать в то горячее душное лето,
в то последнее лето, живыми заставшее их?..

Игра будущего

I. Прорицание

Ты зря наговорила мне, Кассандра,
великий и недобрый прогнозист,
про светлое компьютерное Завтра –
сверкающее, словно аметист;
как станут гармоничны дух и тело,
и сколько света в каждом новом дне
(когда бы жили Мор и Кампанелла,
они бы были счастливы вполне)...
Везде: от Сан-Франциско до Сан-Ремо –
свечение довольных жизнью глаз...
И остается лишь одна проблема
из тысячи, гнетущих нас сейчас.
Но молодежь Москвы, Кали и Рима,
пусть даже разобшенная порой,
прекрасно знает: это – разрешимо
одной простой компьютерной игрой.

II. Содержание Игры

Умыли руки Понтии Пилаты;
у каждого душа белым-бела...
Враги – высоколобы и носаты,
носители кочующего Зла.
Они, а также жены их и дети,
как и отцы, погрязшие во Зле,
ответственны за всё, что есть на свете,

за боль и грусть живущих на Земле.
Но есть отряд борцов за Дело Чести,
за идеалы Веры и Любви:
они и соберут злодеев вместе
и дружно включают бластеры свои.
Луч лазерный в чарующем полёте
войдет в толпу подобием клинка,
и сладкий аромат горящей плоти
наполнит счастьем ноздри Игрока.
И через час – ни криков, ни рыданий...
Зла больше нет. Оно лежит в пыли,
повержено. И вместо поля брани –
гектары изувеченной земли.
И только Буревестник гордо реет
над Рыцарями в кожаных пальто...

III. Эпилог

Отличная игра – «Погром евреев».
Планета – та же.
Год – две тыщи сто.

Океан

За века ни на миг не состарясь,
не утративший силы ничуть,
океан мой, усталый Солярис,
на минуту прилег отдохнуть.
Чтоб к покою его причаститься
и не знать ничего ни о ком,
стань его составною частицей –
темной рыбой, холодным песком.
В отдаленье от линии фронта –
тишина. Ни событий, ни дат...
Лишь кривой ятаган горизонта
нарезает на дольки закат.
Чуткий воздух, пропитанный снами...
Притяжение мягкого дна...

Перед тем, как нахлынет цунами, –
тишина.
Тишина.
Тишина.

Спецэффекты

Ты давно не глупый, давно не маленький
и привык служить попугаем в клетке,
но в концовках писем рисуешь смайлики,
как студент веселой своей соседке.
Пули счастья, шедшие по касательной,
прерывают вдох и идут навывлет.
Ты сегодня странный, необязательный,
словно свет, что солнцем на землю вылит.
Пролетают волны по глади омота,
размыкая силой объятья ряски.
И живей глаза, и просторней комната,
и длиннее дни, и реальней сказки.
Спецэффекты эти судьбой затеяны
лишь таких прозрачных мгновений ради...

И как странно яркое твой мир затерянный
несмотря на трещины на фасаде.

Carpe diem

Выпить крепкого чаю. Побольше. С вареньем и кексом.
И отправить диеты мудрёные к ведьмам и лешим –
всё же лучше, чем снова и снова скрести по суссексам,
по холодным суссексам, обобраным и обмелевшим.

И глаза призакрыть, и нирвану найти в полудрёме,
позабыв о попытках идти от сансары к сансаре...
Только скомканный воздух. И всё. Ничегошеньки кроме.
Под амбарным замком в пустотелом и гулком амбаре.

Время лупит прицельно по нраву, по сердцу, по пломбам...
С ним поди повоюй тонкой шпагой изящного слога.
Два часа пополуночи. Стены смыкаются ромбом
в отдаленных углах, где ни света, ни Господа Бога.

А за окнами тишь. И беременно бурями небо,
констатируя факт: мы теряем всё то, чем владеем...
И сереющий снег, словно плесень на корочке хлеба,
припадает к холодной земле утомленным Антеем.

Это миг полной ясности. Сорваны времени маски.
И реалии строятся в ряд, как деревья, нагие...
Потому что грядущее с прошлым срослось по-сиамски,
корневою системой, и их не раззять хирургии.

Оттого-то не стоит стонать, словно Русь под Батыем;
это всё не навек: бездорожье, безрыбье, безлюдье...
Повторяй сам себе: «Carpe diem, мой друг, carpe diem!»
Проживи этот миг, как умеешь.
Другого не будет.

Предутренне

Горит над нами чуткая звезда,
а нас несет неведомо куда –
к водовороту, к бурному порогу...
Бессонны ночи, окаянны дни...
Храни нас, Бог. Пожалуйста, храни,
подбрасывай нам вешки на дорогу.

Писать – легко. Труднее – не писать.
Часы в прихожей отбубнили пять.
И всё, как прежде – ночь, фонарь, аптека...
На письменном столе – бокал «Шабли»;
не виден снег, рассвет еще вдали.
Покоя нет. Февраль. Начало века.

Как хорошо, что есть на свете ты
и право на объятья немоты,
на памяти внезапную атаку...
Еще всё так же одноцветна высь,
но мы с тобою знаем, согласись,
что эта ночь не равнозначна мраку.

Курсор мерцает на конце строки...
Но кроме Леты, горестной реки,
на свете есть еще другие реки.
Я вновь пишу. И снова – о любви,
с трудом подняв, как легендарный Вий,
бессонницей истерзанные веки.

Апрель

Говорят, что весна. Я синоптикам верю на слово.
Ими честно заслужен пропахший апрелем сестерций...
И в порядке вещей, если с ритма сбивается сердце;
я люблю тебя, жизнь, даже если ты снова и снова...
Наше прошлое вряд ли потянет на статус былого;
и напрасно пером ты к чернильнице тянешься, Герцен.

Мы искали и ищем. И значит однажды – обрящем.

Потому как весна. А весною нельзя по-другому.
Пусть журчат наши реки, покуда не впавшие в кому,
и стучит в наши двери умение жить настоящим
вместе с теплым дождем и воздушным коктейлем пьянящим,
и с безродной тоскою, ещё не набившей оскомю.

Мы надеждой себя слишком долгие годы травили
и привыкли к манящему вкусу медового яда...
Уплывают, как дым, времена снегопада и града
в те часы, когда солнечный луч нас пронзает навывлет.
На исходе привал. Лишь идущий дорогу осилит:
это лозунг для нас, для людей неособого склада.

Наши игры с тобой всё никак не сверстаются в роббер,
в чем изрядная прелесть. Не время ещё об итоге.
И, покуда застряли в пути погребальные дроги,
бес бушует внутри и грозит переломами рёбер.

Пусть растает, как тучка на небе, дождинка на нёбе.
Мне не хочется знать, что написано там, в эпилоге.

Июльские сны

Мне снится, что меня «ведут» затейливо, но незаметно.
Вокруг меня вскипает Этна тревожных сумрачных минут.
Дождливый день горчит на вкус, как послевкус грехопадений...
И люди с ликами медуз за мною следуют, как тени.
А их апоплексичный босс, угрюмый безымянный Некто,
давно зовет меня Объектом бесповоротно и всерьёз.
А я, вины не зная сам, тоскою смертною окутан...
Мой день расписан по часам, мой путь разложен по минутам –
не мной. Я не принадлежу
себе. В полшаге воют волки...
Усталым бурлаком на Волге тащу громадную баржу
предчувствий несказанных бед, застенка, подлости и пыток...
Всё.
Передоз.
Переизбыток.
Но сну конца и края нет...

Мне снится, будто я пропал. А мир всё тот же, тот же, тот же...
На бриге мой весёлый Роджер другим являет свой оскал.
Июль всё так же краски дня переплавляет в адской домне...
Мой сын рожден не от меня. Моя жена меня не помнит.
Я ни на пике, ни на дне в вечерний час, и в час рассветный...

Мои родители – бездетны. Мои друзья – друзья не мне.
А стайки некогда врагов иных боёв раздули угли...
И не найти вовек следов моих ни в яндексе, ни в гугле...
И как безмерно тяжело
мне, бестелесному, немому,
не верному земле и дому, смешавшему добро и зло,
признать незначимость свою в краю, где счастливы давно все,
и быть лишь тенью в том раю – в раю, где я не нужен вовсе.

Но вот рассвет, свободой пьян, приходит тропкою рутинной.
Белёсой плотной паутиной на деревьях висит туман.
Неброскость птичьих фонограмм, и воздух, будто терпкий
рислинг,
и, как бывает по утрам, кристальная прозрачность мысли.
Куда-то делись боль и злость, тревог критическая масса...
Что не сбылось – ещё удасться. Что удалось – то удалось.
И, избежав пилюль и пуль, я полон солнечного пульса...

Так в сорок пятый мой июль
приснилось мне, что я проснулся.

Под дождём

I

Ступить под дождь, набросив капюшон,
увязнув в тине собственных клише,
хоть результат раздумий предрешён
и оседает моросью в душе.
Я убегаю крысой с корабля;
слова танцуют в глупой голове:
комедия, финита, нота «ля»,
конец надеждам, аутодафе...
Вези меня, извозчик, хоть куда
в потёртой барокамере такси;
туда, где растворяется беда
в словах: «Не верь, не бойся, не проси...»;
в края, где животворные сады,
в континуум, где всё вокруг – МОЁ...
Я слышал: дождь смывает все следы,
но всё это – киношное враньё...

II

Вот здесь, где неподвижный черный пруд,
останови. Исполни мой каприз.
Холодный дождь, хранилище простуд,
тоске на бис играет бенефис.

Я здесь останусь, полуночный тать,
смотреть, как бьётся о воду вода...
А ты езжай; какого чёрта ждать;
я заплатил обратно и туда.
Я остаюсь. Я попросту созрел
для волглой тьмы, накрывшей материк...
И сотнями акупунктурных стрел
врывается мне дождь под воротник.
Всё к худшему в не лучшем из миров
премудростям житейским вопреки...
Пусть будет боль – но лишь во имя строф,
во имя гениальнейшей строки;
но и её – как не было, так нет.
Мой тихий голос в шорохе воды
неразличим. И, чутко взяв мой след,
дождь, как в кино, смывает все следы.

Моисей Борода

Баллада о благородном рыцаре

I

Ил некогда рыцарь, прекрасный собой
С чувствительной, тонкой и нежной душой.
Успешный в науках, в турнирной борьбе
Не знал он противников, равных себе.

Он с детства о подвигах втайне мечтал.
И в снах он всё девушек освобождал
Из плена, в котором, коварный душой,
Держал их колдун, бессердечный и злой.

И он, колдуна поразивши мечом,
Сказавши ему: «Получай! Поделом!»
Принцесс выводил по одной из темниц,
А их благодарность не знала границ.
И девы, треть жизни проведши в цепях,
Его обнимали – но лишь в его снах.

Так жил он и жил бы. Но вдруг он сказал:
«Я должен жениться!» Зачем – он не знал.
Быть может, волшебники перевелись.
Иль, может, услышал он свыше: «Женись!»
А может, наслушавшись притчей про дам,
Решил, наконец, он попробовать сам.

II

Невеста его Кунигундой звалась.
О ней говорили, что мир отродясь
Не видел такой неземной красоты.
Её добиваться – пустые мечты.

Она только ангелу в жёны годна.
Но им там, на небе, жена не нужна.
К тому же известно, что грешную плоть
Не пустит наверх Вседержитель Господь.

Отбоя ей не было от женихов.
И каждый из них предложить был готов
Ей больше, чем сердце – но гордое "Нет!"
Он слышал на все предложенья в ответ.

III

Шло время, и с ним претендентов поток
В ручей превратился, потом – в ручеёк.
Потом же и он как-то стал засыхать.
«Одумайся, дочка», – сказала ей мать.

Уехали все женихи уж домой.
Гляди, чтоб тебе не остаться одной.
Одной просыпаться, одной засыпать!
О Боже!» Тут дочь прервала её: «Мать,

Ты видишь, там рыцарь стоит у ворот.
Уж этот, конечно, домой не уйдёт.
– Он беден? Зато он собою хорош
И чем-то на принца из сказки похож...».

Вот так вдруг судьба улыбнулась ему.
Он был удивлён. Он не знал – почему.

IV

Всё шло хорошо, но вот в брачную ночь
Он вдруг оробел. Как тут горю помочь?
По счастью, он вспомнил советы друзей:
«Невеста научит. Доверься лишь ей».
Ему эта мысль вмиг прибавила сил –
И меч свой ей в ножны он смело вложил.

Она показалась бесстрастной сперва.
Потом разгорелись сухие дрова.
Обоим на радость костёр запылал,
Пока не сказал он: «Ну всё, я устал».

«И как? Это всё?» – удивилась она.
«Мой милый, ты долг мне отдал не сполна».
Но рыцарь дал даме достойный ответ:
«Чему полыхать-то? Дровишек уж нет».

«Ах, вот как!» – с презреньем сказала она. –
«Быть может, Вам выпить немного вина?
Быть может, оно чуть прибавит Вам сил –
А то, как я вижу, Ваш пыл уж остыл...
– Как, где оно? Здесь же, стоит на столе...
Да нет, не на этом... Ну да, божоле».
Он выпил вина и опять воспылал.
И крепость треклятую снова он взял.
«И что – это всё?» – усмехнулась она.
Но чаша терпенья была уж полна.

Вскочивши с постели, он вынул свой меч
И, с криком «Умри ж!», попытался рассечь
Её на две части. Но ловко она
Меча избежала и крикнув: «Война
На смерть между нами навеки теперь!»
Ему указала рукою на дверь.

Он к выходу медленно, молча, пошёл.
Не видя дороги, наткнулся на стол.
И, в ярости вскрикнув: «Тебе преподам
Наглядный урок: разрублю пополам!»

Но стол не поддался – был крепок, видать.
И меч в нём застрял – ну, никак не достать.
Она рассмеялась: «Вы истинный лев!
Но только для юных неопытных дев».

Сего униженья стерпеть он не мог
И вышел из дома, сказав чрез порог:
«Прощай! Отправляюсь в крестовый поход.
Тебя же пусть дьявол в невесты возьмёт.
Иль, может быть, ты, ненасытная тварь,
Повесишь у входа в дом красный фонарь?».

V

Он храбро сражался, неверных разил.
И как-то в походе вдруг песню сложил
О рыцарской доблести, жалких врагах,
О том, как мы их раздраконили в прах.

Та песня имела огромный успех.
Бросать это было б не глупость, а грех.
И вправду: за первой вторая вела
Уж третью, четвёртую – ну и дела!

Он времени уж не имел воевать.
Какая война, когда надо писать!

VI

Окончился Малый Крестовый Поход.
Кто пленниц прекрасных с собою везёт,
Кто золота слиток, а кто – и раба,
А кто – ничего. Так уж вышло. Судьба.

А он вёз с собою лишь ворох стихов.
Немного? – О, нет! Отпущеньем грехов
Пожертвовал он бы за каждый свой слог.
Что ж: был он поэт, и иначе не мог.

В честь важной победы за пиром был пир.
Устроил король трубадуров турнир,
В котором сражались они не мечом,
Не пикой, не саблей, но только пером.
Наш рыцарь был тоже туда приглашён,
Хотя среди первых не числился он.

Немного смущаясь на первых порах,
Разбил он затем всех соперников в прах.
Победа над ними досталась легко.
Воскликнул король: «Ты пойдёшь далеко!»

«А впрочем, зачем далеко так ходить?
Остался бы здесь, чтобы мне послужить
Ты видел: богат я, роскошен мой двор.
А что говорят, на расправу я скор...

Так это ведь с теми, кто очень не мил.
Но вот трубадуров пока не казнил.

Останься. В награду тебе я отдам
Любую из этих прекраснейших дам.
Чисты, беспорочны. А что до утех,
Поверь, и святого введут они в грех».

«О Боже!» – вскричал он. – «Опять в эту роль!»
Потом же сказал: «Благородный король!
Тебе послужить почитаю за честь.
А что же до дам, у меня уже есть
Прекрасная телом и даже душой.
Я предан ей – и мне не надо другой.
И к ней я всем сердцем давно уж стремлюсь.
Отпустишь меня – через год возвращусь.

Король, чуть нахмурясь, ответил: «Ну, что ж.
Рассказ твой, о рыцарь, на правду похож.
Коль будешь ты мне так же верен, как ей...
Согласен... Тогда – отправляйся скорей».

VII

И вот, помолясь, он отправился в путь.
Опасен и труден он был. Дотянуть
Ему помогли лишь мысли о том
Как он возвратится в оставленный дом
И как к нему с криком: «Я вновь не одна!»
На шею бросается страстно она.

И вот уже «Здравствуй, мой город родной!»
Вот дом на пригорке за низкой стеной.
И сердце забилося в волненьи, как встарь...
Но... Боже! Что видит он? – Красный фонарь!

И надпись: «О путник! Устал ты – так что ж?
Зайди, не стесняйся! Ты здесь отдохнёшь!
Побудь нашим гостем хотя бы на час!
Ты будешь доволен, обрадуешь нас,
Узнаешь любви всепобедную власть!
Предайся ж греху – и вкуси его всласть!»

Как громом сражённый, он долго стоял,
Потом покачнулся и наземь упал.
Сказал только “Credo...” и «нет больше сил».
И с “Gloria deo in ex...” опочил.
И ангелы душу его унесли
В безгрешное небо от грешной земли.

VIII

На месте кончины построили храм.
И надпись пред ним – в назидание нам:
«Сей муж благородный в неравной борьбе
Со смертным грехом пал, покорный судьбе.
Прохожий, кто б ни был ты, остановись,
Войди и за душу его помолись».

Но в дом, что напротив, ты не заходи.
И дьявола в сердце своём не буди.
Пред домом пред тем горит красный фонарь.
Там раньше жила ненасытная тварь.

Она погубила немало мужей
Прекрасных душой, но поверивших ей,
Что счастье найдут среди любовных утех,
Тогда как они – ужасающий грех»

Эпилог

Я был на том месте и видел тот храм,
И надпись прочёл, подивившись, что там
Стоит против храма тот дом, как и встарь.
И светит прохожему красный фонарь...

Елена Шуваева-Петросян

Время платить по счетам

Стихи

На северной вершине Арагаца¹

Ветер исхлещет

Плетью нежные плечи.

Я провинилась.

Ветер и горы –

Извечные спутники.

Я – третий лишний.

И на вершине,

Застыв в немом восхищеньи,

У неба прошу прощенье

За то, что не ценила жизнь.

Стая птиц и надежда

Вспорхнула стая...

Плеск волны и солнца вздох.

Тревожно в мире.

Опоздал рассвет.

В закатной крови тонет

Моя надежда.

¹ Гора Арагац – самая высокая точка Армении, потухший вулкан, имеющий четыре вершины. Высота вершин: Северная – самая труднодостижимая (4095 м), Западная (4080 м), Восточная (3916 м) и Южная (3879 м). Между ними кратер глубиной более 400 м.

С каждым шагом, с каждым вздохом
Погружаюсь в бездну мрака.
Море крови, море боли...
Стая птиц – моя надежда.

Мёртвые деревья

Острые копыя
Мёртвых деревьев – в небо.
Рваное тело.

Тонкие руки
Мёртвых деревьев – к небу.
В последней мольбе.

Небо провисло
Под тяжестью крови,
Воды затихли
В предчувствии войн...

Разрубающий Солнце

Столетний дуб-меч.
Светило напололам.
Имеет право.

Что видел он,
На этом свете, солнце?
Сто лет побоищ.

В извечной бойне
Сам невольню
Он стал бойцом.
Прости его.

Судьба

Не за плечами –
Невидим, но ошутим –
Судьбоносный крест.

О, чакатагир!²

² судьба (арм.).

«Что написано на лбу», –
Гласит перевод.
Используй сотни языков,
Заройся в дебри диалектов,
Но от судьбы не убежишь –
Она везде, всегда с тобой.

Русалка

Душа-русалка
Стучится в мир бездушья.
Непробиваем...

Пещера мира
Темна, обезжизненна.
И умер Данко...

Уж лучше без ног,
Но с душой
Промаяться и –
Взлететь...

Стражи солнца

О, стражи солнца,
Сохраните оазис
Света и тепла,

Черты знакомой
Нам природы...Незванный
Час пронзите! Миг!

Миг возрождения
Сквозь затмение.
Всё золото небес...
Воскрес! Воскрес!

Лунные камни

Лунные камни
Спят в ожерелье твоём...
Все безвозвратно?!

Были мгновенья...

Спят в ожерелье твоём...
Только лишь вера
Их оживит
И наполнит
Дыханьем
Вечной Луны...

Время платить по счетам

Вот и настало
Время платить по счетам...
Мелочь в карманах.

Страхи немые
Вдруг обретают свой глас...
Душу на паперть!

Взываем к спасителю,
Клянём искусителя –
Среди виноватых
Не видим себя...

Бескрылость

Птица сорвется
в небо – с ладони моей...
Путь ее долог.

Бескрылость моя
Ей незнакома – зовёт
За собой. Увы...

Мне б воспарить
С ладони земной
И покорить
Путь непокорный мой.

Чёрные мысли

Если родятся
Чёрные мысли, стирай
Их только «Тайдом».

Если есть накипь,
То «Калгоном» разбавь вмиг...

Жавель отбелит...

Не порождай мыслеформы!
Ты сам себе враг!
Взашей их, не для проформы,
С обрыва, в овраг...

Зимнее солнце

Зимнее солнце –
Слепое. Мёртв горизонт.
Заледенели

Травинки. Хрусталь
Их тонких ладошек. Звон! –
Поступь мороза!

Не отравляй меня печалью
В морозный день. Хрустальный свет
Я равнодушно выключаю.
Тебя всё нет!!! Тебя всё нет...

Зимняя луна

Зимняя луна –
Распутница слепая –
Вновь заплутала

В берёзах. Млеет!
Светла! Коварна она!
Во власти её

Моё настроенье.
Ищу я спасенье
В тенях ночных...
О, утомленье!!!

Поздняя птица

*Поздняя птица
В дом залетела ко мне...*

Павел Флоренский
Поздняя птица
Вдруг постучалась в окно –
Плохая примета.

Будут утраты?
О, сколько их было?! Ты
Принеси добро,

Добрую веточку –
Тонкую веточку
Из русской глубинки,
Милой моей душе...

Ольга Ольгерт

Читая на твоих страницах

Стихи

Жизнь разбивает миг на строфы
И чудо, что всегда со мной
Твои звонки из Петергофа
И голос Бога за стеной,

Где гнев становится обманчив,
Где между призрачным и сном
Врастает в сердце одуванчик,
Цветущий под твоим окном.

Живу от мудрости до лета,
Меня вечность, трепеща,
На петербургские рассветы
В кармане твоего плаща.

Гололедица в небе, и я надеваю коньки,
Чтоб суметь до мечты докатиться быстрее, и всё же
Гололедицу в небе придумал всевидящий Боже,
Чтобы чувства скользили по сердцу небесной реки.

Мы – не беженцы, мы – бегуны,
В поднебесную глушь
Мы уже записались, земными оставшись при этом,
Мы отбросим коньки от любви – как однажды поэты,
Отыгравшие в чреве разлуки бессмертия туш.

Забывая о том, как метели о вёснах скорбят,
Подражая антично заоблачным снам Громовержца,
По небесному льду всё бегут и бегут конькобежцы,
Кто – от вечной любви, кто – от жизни, а кто – от себя...

Мы вырвались из липкой суеты
Привычных страхов на подножке века,
И наши поезда почти пусты,
Мы – души книг в ночных библиотеках.

Из плена одиночества сбежав,
Открыв объятия зимней круговерти,
Мы все живём на разных этажах
Отеля жизни с видом на бессмертье

Там ночь сойдёт с июньского крыльца
И будет длиться звёздное звучанье,
Там каменные львы, с глухим рычаньем
Уснувшим рекам отдадут сердца.

Слепой фонарь заточит острый клюв
И ты пойдёшь сквозь питерскую полночь.
Фонтанка и Нева тебя не помнят,
Львы съест тебя хотят.
А я люблю.

Где тополь твой окажется в снегу
Пуховом, называя сны пустыми,
Нева с Фонтанкой день твой не покинут,
Львы тоже не уйдут.
А я могу.

Пусть белой ночи белая свеча
Сгорит в огне вселенской круговерти,
Фонтанка и Нева впадут в бессмертье.
Львы вечно будут жить
А я – сейчас.

Где солнце оставит метки
На лицах лесов чужих,
Поэты живут на ветках.
А где же ещё им жить,

Чтоб видеть сквозь дней оконце,
Как тает печаль во мгле,

И варится ночью солнце
В небесном стальном котле,

Где разум в рассветной хмари
Прощеньем веков увит,
Где сердце грызёт сухарик
Гранитной чужой любви,

Весна отступает к лету,
И кажется мне – не зря
На ветках живут поэты
От марта до ноября.

Где спит закат в оранжевой ветровке,
И жизнь цветёт, печали неподсудна,
Машины, словно божии коровки,
Летят по автостраде снежных будней.

Там все дороги сходятся у неба,
Как чайня земных сороконожек,
Там мысли ветра плаваются под снегом
И ты летишь как тень коровки божьей.

И там, где выбивает снов подушки
Ушедшее от лени вдохновенье,
Зима посеет снежные веснушки
На стареньком плаще твоих сомнений,

И станет день торжественней и чище,
Расправит крылья звёздная пирога
В тот миг, когда мечта тебя отыщет
В январский день за пазухой у Бога.

Там взрывало пространство и резало темноту
Сердце щедрого Бога, и, странный обет нарушив,
Улетала печаль и кричали ей вслед «Ату!»
То ли призраки, то ли пропахшие горем души.

Зимней ночью метельной, спешащей за снежным днём,
Там, где дремлют сердца, где сомнения спят на полках,
Возвращались к себе и мигали святым огнём

То ли люди, то ли зажжённые Богом ёлки.

Позволь и мне в тебя влюбиться
Зима, кричащая «Живу!»
Читая на твоих страницах
О том, что было наяву
Не с нами – с нашими стихами,
Когда ходили под балкон
К любимым с белыми цветами
Под колокольчиковый звон,
Когда сдували пыль столетий
С лица земли и дождь шагал
Без компаса, где в каждом третьем
Искали новый идеал,
А идеал стоял и плакал,
Не научившись долго ждать,
Так ждёт хозяина собака,
Так смотрят на ручную кладь.
В бою неравном, рукопашном
Так жизнь дралась за наше «За
втра»... Может, оттого бесстрашно
Блестят сейчас твои глаза?

Там, где расходятся жизни у трёх стихий,
Двигутся в ночь, возведённые в ранг искусства,
Равновеликие мысли, мечты, стихи,
Равноничтожные страхи, обиды, чувства.

Выглянешь в небо – оно навсегда с тобой,
Знаю, взлетишь, даже если твой дух низложен.
Кто-то же видел, как ты побеждаешь боль?
Кто-то же знает твою пентаграмму... кто же?

Если к Богу без визы попасть нельзя,
Если мудрость бежит по небесным венам,
Я хочу, чтобы знали мои друзья –
Есть под небом земля, где весна священна.

Если снам в зазеркалье не нужен гид,
Если правда, как ложь, на земле бессонна,

Я хочу, чтобы знали мои враги,
Как зимой расцветает под сердцем солнце.

Так лети и не падай, моя душа,
Неурядицы чаем во сне встречая,
И не бойся за чей-то неверный шаг,
Стань похожей на крылышки розы чайной.

Ну а если узнаешь, как пахнет боль,
И услышишь, как плачет звезда под снегом,
Не тревожься – я буду всегда с тобой,
Не печалься, а просто доверься небу.

Мы там, где сражались за небо столетья,
И с нами делились духовным излишком.
А знаешь, враги – это взрослые дети,
Которых обидел твой плюшевый мишка.

И там, где играют в сомненья азартно,
Где спрятались истины за частоколом,
Вы так же, как в детстве, сидите за партией,
И ходите утром и вечером в школу

С названием жизнь,
Где страданье – учитель,
Где в каждом учебнике знание – сила
Посмотрит с укором,
Где вы прокричите
Отчаянным хором:
Всевышний, помилуй!

Считаю сновидения в уме,
И мир делю на сонных и отважных.
Журавль в руках – ты всё-таки бумажный,
И змей в окне – всего лишь чей-то змей,

Летающий в направлении зимы,
Где люди строят замки из картона,
И смотрит Бог с небесного балкона
На книжные летучие умы.
Где чувства набирают высоту,

Храня мечту в старинном переплёте,
Взлетает в ночь бумажный самолётик
С бумажной стюардессой на борту.

А там, где предрассветные шаги
Лучей во тьме не слышит сонный город,
Летит к тебе с письмом бумажный голубь,
Ты только небеса не подожги.

Ладе Пузыревской

Смотри, как потемнели дни поэтов,
Закованные в мысли и гранит,
Им плыть – от невесомости до лета.
И нам с тобой однажды предстоит
Искать в траве дрожащих трубадуров
В обличье муравьёв, плести венки,
Следить за вдохновеньем и фигурой,
Высаживать везенья черенки,
С Невой меняться утром именами,
Врастая петербургово в любовь,
Выращивать под окнами цунами
Стихов и мыслей, ландышей и слов,
Стоять в очередях за медным счастьем,
Отряхивая с душ осколки льда,
И плыть по воле случая и страсти.
А жить когда?

Играешь Скарлатти. К ужину
Сегодня меня не жди.
Пришли мне сонетов дюжину,
Туда, где идут дожди,
Где прошлое пахнет вечностью,
Где, свет отделив от тьмы,
Играют в любовь до вечера
Ветра... почему не мы?
Прости мне мои чудачества,
И ангелов звонкий хор,
Где гений Скарлатти прячется
В тональности до-мажор,
Где чувства, от снов осенние,

Сгорали в ладонях дня,
Как жил ты, моё спасение,
В тональности до-меня?

Живу, поменяв на высь
Остатки вчерашней боли,
И роскошь – плохую мысль –
Себе не могу позволить,
Ведь там, где игра ума
Продлится рассветной ранью,
Вселенная – светлый маг –
Исполнит мои желанья:
На спины небесных волн
Взойдёт тишина неловко,
И спрячется старый кельн
В кармане твоей ветровки.

Эстер Пастернак

Снежные птицы

בס"ד

Ителла Мастбаум «Снежная фантазия», 1994,
акварельная монотипия на бумаге

нежные птицы-паломницы,
Что-то во мне надломится,
Когда я взгляну на вас
В этот утренний час.

Живете на ветках, пролитых
В зимние рукава,
Прислушиваясь, как молится
Под снегом глубоким трава.

Клюв под крыло упрятанный,
Будто его украли,
Забывтые, точно памятники,

Разрушенные, опальные.

Застыли деревья-стражники
В воздухе из стекла,
И видно как птицы колотятся
Внутри голубого ствола.

Как холодно. В лиловой дымке спит
Зимы начало, осени кончина.
И белый день чернилами прошит.
Темнеет раньше слепоты совиной.

Пейзаж любви по-зимнему угрюм.
Нет ни души, лишь тени на дорогах.
И ночь глядит из сумки кенгуру
На странный мир с гостями на пороге.

Точно лопнувшие нити
На окнах тонкий лед горит.
Сад занесен. Дорога спит.
Как тихо падают снежинки.

А солнце зимнее, дневное,
Как выжатый лимон горчит.
В халатах белых, как врачи,
Как доноры, стоят деревья.

Опять, опять мы опоздали.
Нас катера не увезут.
Открыв ноябрьские ставни
Глядим, как индевет пруд.

Парк зимних птиц
Парк зимних птиц.
Водоворот знакомых лиц.
А рядом зимние глаза –
Бамбуковая пустота.
И филин дерево трясет.
Под деревом стоит народ.

Я подхожу, орехи в ряд,
Но нет ни белок, ни лисят.

А от стоящих вокруг людей
На снег ложится шрифт теней.

Деревья непричесанны и зябки.
Обычай соблюдая января,
Не гневаясь, и не играя в прятки,
Лежат снега, как белые моря.

В лесу свирели синие на ветках.
Волнение, знакомое перу.
В снегу следы, а на деревьях белки
Царапают сосновую кору.

Высоких птиц безмолвное паренье
Под соколиный нежный снегопад.
А звери, погода чуток, степенные
И вольные, уходят в зимний сад.

Когда вечерний час к печали клонит,
Дотронувшись до пожелтевших красок,
Вдруг понесут, играя гривой, кони
К осенней одинокой пропасти.

Ты их не остановишь в дымный полдень,
Ты их не остановишь в час заката.
Вертявых листьев игры на ладони,
И запах тленья голову туманят.

Дрожал закат на красной прялке.
Туманом наплывал Восток.
Хранительницы очага – весталки,
Мне страсти примеряли сапожок.

В ночи звенела амфора. Я слогом
На мельнице желания была.

Овальный месяц, рог единорога,
Пунцовый мед неистово алкал.

И в изумленье, более чем строго,
Двусмысленно, охотничье ружье
Одной ногой стояло на пороге,
Вторую наступало на плечо.

И слизывая слезы, безрассудно
Вставал рассвет, и памяти бледней
Глядела я, как осень бьет посуду,
Осколки зажимая в пятерне.

Фиолетовой гроздью висит колыбель темноты,
И слезами чернильными воздух горячий проshit.
А в саду только горлицы и землемеры-кроты.
Тихо шепчет, листвою шумя, эвкалипт.

А разлука, что зоб пеликаний, и жертвенник сытый
остыл.

И качается маятник – магия вечной любви.
Это блики осели на грунт посеревших холстин.
Это так ненадежно, как памяти тонкий настил.

Играли бережно Шопена.
Ломались струи на стекле.
Над нами, вырвавшись из плена,
Висело звездное колье.

Протяжно длилось чье-то пенье,
Горело море серебром.
Законченным стихотвореньем
Ирисы мокли под дождем.

Продрогшие молчали совы,
Как спичечные коробки.
Оливки, бархатные снобы,
Рассеянно несли кивки.
И полдороги рядом с нами

Бежал латинский акведук,
Так пристально напоминая
Всю чужесть неивритских букв.

Я рисую тебя, и наброски в камине сгорают.
На галерее светло. Мы с тобою сегодня одни.
Темно-бархатный грог позабыт – в стороне остывает,
И в него окунается ночь, как пятнистый налим.

Мы с тобою, как музыка в сотах любовного бреда,
Жаркий воздух колеблется, как на ветру палантин.
На рисунке раскатанной шерсти шотландского пледа
Изумрудно-зеленые зерна клюющий павлин.

Ты останешься слогом на ветви фамильного древа.
Задышаются вишни, зажатые в белой горсти,
И ладони мои перепачканы розовым мелом,
И горячие капли на лбу, словно капли росы.

На рассвете все грани отточены. Память острее.
И знакомится ночь с переводчицей нового дня,
И камин замолчал, догорают глухие поленья,
И беснуются тени, как черная грива коня.

Март – 2011

Арье Бацаль

Долгая благополучная жизнь

*Жизнь казалась такую славною,
Были в ней и любовь, и значение,
Так откуда же ощущение,
Что пропущено что-то главное?*

не было двадцать лет, а ей семнадцать. Я выходил из лифта, а она хотела в него войти. И, естественно, наши взгляды встретились.

– Ну как? – неожиданно для самого себя произнёс я.

– **Здорово!** – ответила она.

Я не был таким уж невоспитанным хамом, чтобы ни с того ни с сего задавать незнакомой девушке подобный вопрос. Но я же задал его. Задал и потом пытался объяснить самому себе, почему. Она была очень красивая? Да, если уточнить, что такое женская красота. А я давно пришёл к выводу, что это сочетание доброты и здоровья. Её же внешность просто сияла красотой доброты. Поэтому, перед неизбежной перспективой её исчезновения за дверью лифта, из меня и вырвалось это несуразное «Ну как?».

Но почему она ответила? Просто была не в состоянии кого-то оборвать или поставить на место? Доброта же. И спонтанно произнесла это своё «**Здорово!**». А за ним стояло мироощущение девчонки, стремительно входящей в жизнь, где все ей улыбались. Это действительно было здорово.

И был ещё один вариант объяснения. Я ей тоже понравился, и её «**Здорово!**» выражало восторг именно по этому поводу. Но подобная трактовка, конечно же, выглядела, как форменный бред.

Этот немногословный диалог довольно долго владел моим воображением. Потом он постепенно был оттеснён на второй план другими впечатлениями. Я, в свои двадцать лет,

тоже находился в мире, где всё было «здорово». Но мы жили в соседних домах, и иногда мне приходилось издали видеть её. Я был свидетелем, как это угловатое, юное создание постепенно наполнялось формами сказочной принцессы на выданье.

Когда мне исполнилось тридцать, у меня возникла странная идея повторить ту, десятилетней давности встречу. Мечты бывают несбыточными. Но эта, похоже, к ним не относилась. В свои двадцать семь лет она должна была где-то служить. Прикинув время возвращения людей с работы, я вошёл в её подъезд, поднялся на верхний этаж и некоторое время наблюдал за улицей сквозь фигурные щели внешней стены, ограждавшей лестничный марш. Когда показалась её фигура, я вошёл в лифт и стал ждать. Вскоре лифт стремительно понёсся вниз, остановился и раскрыл свою дверь. Мы стояли лицом к лицу. Такой, несказанно красивой я её себе и представлял.

– Ну как? – я принудил себя произнести этот вопрос и сделал шаг наружу.

– **Прекрасно!**

Она улыбалась такой радостной, счастливой улыбкой, что я просто опешил. Ну не по поводу же моего неожиданного появления. Просто я возник перед ней в момент, когда она думала о чём-то очень приятном. Меня-то она, скорее всего, даже не узнала.

Автоматическая дверь безжалостно положила конец нашему диалогу. Я медленно зашагал к выходу. Что значило это слово «**Прекрасно!**»? Жизнь возносила её на вершину любви и счастья? Она преуспевала в работе? Мир был полон чудесных замыслов? Да. Очевидно. И она со своей красотой такой участи вполне соответствовала.

Несколько месяцев эта встреча не выходила из моей головы. Но со временем воспоминание о ней потускнело. Меня, тридцатилетнего, окружала жизнь, полная многообещающих надежд. Её тоже можно было оценить словом «**Прекрасно!**».

Незаметно подкралось сорокалетие. Я отмечал его вместе с женой, в окружении друзей. Мы пили вино, танцевали. Музыка и весёлый смех дополняли атмосферу

безоблачного праздника. Но придирчивая система самоанализа всё же фиксировала в этой красочной палитре жизни какое-то пятнышко несоответствия. Только к концу вечера я понял, в чём дело. Я должен с ней встретиться. И задать свой дурацкий вопрос. Её ожидаемый ответ содержал оценку и моего собственного бытия. Между нами существовала какая-то внутренняя связь.

На следующий день я повторил свой нехитрый трюк, обеспечивающий нашу встречу. Дверь лифта сдвинулась, и мы несколько секунд стояли друг против друга. Она узнала меня и обрадовалась. В этом невозможно было ошибиться, глядя на её улыбку. Она чуть раздалась в бёдрах, доброта её лица стала царственной. Это был настоящий апофеоз женственности. Я на мгновение представил себя с нею в интимной обстановке. Какое это было бы головокружительное счастье! Но у каждого из нас уже существовал сложившийся ареал благополучия, и его разрушение едва ли можно было чем-то оправдать.

– Ну как?

– **Вполне!** – ответила она, находясь уже в лифте.

Её ответ был обоснованной оценкой ответственного человека. Но секунды, отпущенные нам для свидания, кончились. Я брёл домой, анализируя оттенки произнесённого ею слова. Она продолжала парить на уровне своих высших достижений. Окружающие её обожали. Семейная жизнь складывалась благополучно. В карьере ей сопутствовала удача. Слово «**Вполне!**» как нельзя лучше выражало подобное положение дел. И ко мне оно относилось в такой же мере. Эта встреча уже не исчезала из моей памяти.

Так я дожил до пятидесяти. Отмечая полувековой юбилей, я уже заранее знал, чем он кончится. Конечно же, встречей с ней.

При моём появлении её лицо озарилось улыбкой облегчения. Как будто она что-то долго искала и, наконец, нашла. Значит, она ждала меня? Она сохранила стройность фигуры и пленительную женственность. Хотя, в глазах уже не было прежнего блеска.

– Ну как? – за прошедшее время я так и не придумал ничего лучшего.

– **Всё ещё...** – она как-то растерянно улыбнулась.

Теперь она стала неотъемлемой составляющей моего внутреннего мира. Иногда я с восхищением наблюдал за ней, но сближения не искал. Зачем? Бог дал нам, может быть, нечто большее – беспрецедентное и бесконечно чистое духовное общение, не искажённое грубыми реалиями материального мира.

Достигнув шестидесятилетия, я, прежде всего, подумал о встрече с ней и только потом об организации какого-то юбилейного вечера с участием родных и друзей.

Она стояла напротив и не торопилась входить в лифт. Её по-прежнему стройная, со вкусом одетая фигура ласкала глаз. А лицо в ореоле седеющих волос хранило пленительно-ласковую доброту под сеточкой едва намечившихся морщин. Она улыбалась приветливо, но с примесью грусти. Мне даже показалось, её глаза подёрнулись влагой.

– Ну как? – произнёс я заученные слова и сделал шаг наружу.

– **Нормально!** – её ответ сопровождался шумом закрывающейся двери лифта.

Что значит «**Нормально!**»? Сияющие прожектора любви и женского счастья остались позади. Колёса её судьбы продолжали катиться по безупречному дорожному покрытию в условиях неяркого, но вполне комфортного освещения. Этот переход в новое состояние произошёл почти незаметно, не давая оснований для мучительной тоски по безвозвратному прошлому. Разве что немного грусти. Я и сам испытывал подобные чувства.

Говорят, после пятидесяти годы несутся с удвоенной скоростью. В этом что-то есть. Ещё, казалось, недавно я отмечал своё шестидесятилетие. А вот мне уже восемьдесят. Значит, наступило долгожданное время нашего очередного свидания. Она оставалась единственной в этом мире женщиной, которая продолжала меня волновать. От своего соседа, знавшего её семью, я случайно узнал, что она стала вдовой.

Когда-то, в плену максимализма молодости, я пришёл к заключению, что настоящая человеческая жизнь кончается, когда из неё уходит любовь. От меня она не уходила. Отправляясь на встречу, я купил розу. Оказавшись лицом к лицу с ней у раскрытой двери лифта, я протянул ей цветок. Со времени последней встречи она почти не изменилась. Только морщин стало больше и кожа лица чуть темнее. А улыбка осталась прежней. Она извлекала из глубин её души свет неугасающего очарования.

– Ну как?

– **Вполне!** Спасибо за розу.

Автоматическая дверь лифта строго ограничила наше общение несколькими секундами. Но больше и не требовалось. Словно я читал чудесный роман, в котором автор доверил часть изложения воображению читателя. И я привык его домысливать. В возрасте тридцати семи лет она уже употребляла это слово. Разумеется, нынешнее «**Вполне!**» было совсем не то. Но в этом возвращении к определению далёкой молодости, возможно, был особый смысл. Теперь, двигаясь в обратном направлении, она могла бы выбрать «**Прекрасно!**» в качестве следующего определения, а потом и «**Здорово!**». И тогда круг замкнётся.

А я? Я тоже «**Вполне!**»? Да, конечно, всё ещё вполне.

Но достигнув девяностолетия, я явно ощутил дыхание старости. Дети и внуки организовали вечер. Жены и друзей на нём не было. Их уже не было вообще. Улицы, дома, офисы, магазины и пляжи заполняли люди нового поколения. Это было их время. А я оставался одним из немногочисленных осколков прошлого, случайно залетевших в этот новый век. У меня заметно тряслись руки. Это почти ничему не мешало, но неважно выглядело. А в остальном, всё было в порядке.

Потом мы встретились с ней у раскрытой двери лифта. Мой пристрастный взгляд скрупулёзно фиксировал все изменения. В её фигуре появилась небольшая сутулость. И вся она как будто слегка уменьшилась. На руках образовались светло-коричневые пятна. И только улыбка не

изменилась. Это было чистое сияние её души без каких-либо коричневых пятен. Я протянул ей розу.

– Ну как?

– **Прекрасно!** И спасибо. Мне никто ещё не дарил таких светлых роз.

Мы уже поменялись местами. Она стояла в лифте, а я снаружи. Я вынужден был придержать автоматическую дверь, чтобы позволить ей завершить фразу. Это открывало путь к продолжению разговора.

– Но слово «**Прекрасно!**» вы уже однажды произносили, – я, вслед за ней, нарушал все условные правила наших диалогов, – вы помните?

– Я всё помню. Я была влюблена в вас. Но вы долго не появлялись, и моя судьба покатила по другой дороге.

– Вы об этом сожалеете?

– Не знаю. У меня был безупречный муж, хорошие дети, благополучная жизнь. Хотя, кажется, в ней не было чего-то главного. Я всегда испытывала неясное ощущение, что вы где-то рядом. И сердце замирало только при встрече с вами. Я так обрадовалась, когда вы пришли вторично. А после четвёртого свидания уже не могла не думать о вас постоянно.

– А какое слово вы бы произнесли при следующей встрече? – это не было нетерпение. Мы оба понимали, что следующего свидания может и не быть.

– Не могу сказать. Оно возникает само собой в момент, когда нужно отвечать. Между прочим, через пять лет будет платиновый юбилей наших свиданий. Я могла бы напоить вас чаем. Я увлекалась японскими чайными церемониями.

– Благодарю.

В лифт вошли ещё несколько человек. Они по праву были хозяевами этого нового времени и спешили по своим делам. Я не мог их задерживать. Лифт энергично щёлкнул дверью и стремительно помчался вверх. А в моих ушах продолжало звучать её признание. Она сказала, в её жизни не было чего-то главного? Но это же обо мне самом.

Моё предположение оправдалось. Ответив «**Прекрасно!**», она логично двигалась по направлению к

«**Здорово!**». А толкование определения «**Прекрасно!**» особого напряжения мысли не требовало. Она не страдала от старческих недугов и могла всеми органами чувств воспринимать этот удивительный, вечный и живой мир. Разве это не прекрасно? Но относилось ли это определение ко мне? Да. Более, чем. Я не только созерцал окружающий мир. Я любил. У человека всегда должна быть любимая девушка. И у меня она была. Та самая, которую моя душа любила всю жизнь. И ещё я мечтал. Наверно, в девяносто лет это смешно. Но я мечтал, что через десять лет мы с ней всё-таки встретимся.

– Ну как? – спрошу я.

– **Здорово!** – ответит она точно так же, как и на первом нашем свидании, когда ей было семнадцать лет.

И сияющий круг нашей любви замкнётся, чтобы уже никогда не померкнуть.

Елена Мазур-Матусевич

**Записки из несумасшедшего
дома**

Три рассказа

Джемма

Любимой почти тете Джеме

Мурадовне Гульназарян посвящается

Але! Здравствуй. Все здоровы? Нет, ты мне скажи, где начинается Азия и кончается Европа? Нет, скажи. Безобразие какое, голову морочат. Запутали совсем. В одном словаре одно, в другом другое. А кому верить?

Да нормально я себя чувствую. Чувствую, и Слава Богу. Смешная я, вишь. Тут плакать давно надо. Ты лучше там в своем университете узнай, пожалуйста, где эта граница проходит? А то я спать не могу. Карты так и плывут перед глазами. Замучалась. Почему Кипр в Азии, а Саратов в Европе? Ну, скажи, какая Саратов, к черту, Европа? А Кипр, это же греки, греки или не греки, я тебя спрашиваю? Кому верить? Я вот привыкла верить нашим словарям. Что значит, отвыкать пора? Мне уже на тот свет пора, там и отвыкну. Сразу и от всего. Ну, про твои дела я и от мамы твоей знаю. А у кого мне про Европу еще спрашивать, интересно знать? У меня вокруг одни старые болваны и болванки. Говорят только о своем стуле: вчера был пожиже, сегодня потверже, назавтра вообще пропал. Запор. Ты что думаешь? Легко мне? И не живут, и не умирают. Надоели. Да, а как твой малыш? Гений, конечно, гений, а чего ты удивляешься? И нечего удивляться. Я вот хотела спросить, картинки ты свои рисуешь, так их покупает кто? Да? Так ты, наверное, дешево продаешь? Я тебя не спрашиваю, хороши

они или плохи, как будто это имеет значение! А дешево не отдавай, любишь ты это. Кому это надо? А за рассказы тебе платят? А зачем ты их тогда пишешь? Что значит, Пушкин умер в долгах! Пушкин в долгах, так теперь, значит, и все туда же? А, не все ... Так тем более. Ты все с тем же мужем? Что ты говоришь? Это что-то долго. Ну, любовника заведи. Как, зачем? Что я тебе еще объяснять должна, зачем любовников заводят? Ну, не влюблена, без любви заведи, так, на холодную голову. Хотя с холодной головой у тебя, кажется, не очень. Зачем любовник без любви? Ну, это я и сама точно не знаю. Но читала. В романах. Бывают случаи. Но, если муж нравится, так и живите себе, я же не настаиваю. Это я так, на всякий случай. А, это я тебя понимаю! Старость ведь это не тогда, когда ты никому больше не нравишься, а когда тебе никто больше не нравится. Будешь смеяться, а ко мне тут сватается один старый пердун, прости Господи. Так я ему отказала. Вишь, притулиться решил к Джемме Мурадовне. Щас. Слушать его увлекательные рассказы об увеличении, размягчении, атрофии, скукоживании и выпадении сама знаешь чего. Я это уже с любимым мужем проходила, так зачем мне это с чужим старикашкой, скажи мне пожалуйста? Мужчины интересно у нас устроены, они думают, что когда они делают предложение, у меня родимчик от радости случиться должен. Обиделся. Соблазнитель. Ничего, пообижается и опять ныть притащится. И вот интересно, я вот к людям не пристаю, я одна люблю, а ко мне все лезут. Прямо житья нет, к телефону подходить боюсь. Спрашивают все, вы, мол, не скучаете одна? Нет, говорю, без вас не скучаю. Я давно уже скучаю не без людей, а с ними.

Так ты в Германию решила? Мне что-то боязно. И как это евреи массажи в Германию едут? Не понимаю я. Это как бы мы, армяне, в Турцию рванули. Только этого не будет. Мы еще в своем уме. И не страшно тебе там? Я немцев до смерти боюсь. Мы же в Пятигорске жили, и когда немцы наступали, за город бои шли, и мы в окопах сидели. Так я, маленькая, семь лет, из окопа вылезла и прямо в немецкий сапог уперлась. В солдатский сапог. А я такая черненькая, курчавенькая была. Так этот немец мне в грудь

пальцем своим уперся и говорит: «Юде». И смеется. Тут пули засвистели, я обратно в окоп нырнула, а что с ним стало, не знаю. Надеюсь, прибило там же. Многих они тогда так расстреляли, без разбору. Но с тех пор не доверяю я им. Я ведь всю классическую немецкую литературу в оригинале прочитала, а вот, ничего ведь им не помогло, ни музыка, ни культура. Потому и не доверяю. Солдат, детина, в ребенка, девочку, как, скажи, это можно?

И мама твоя к языкам такая не способная, страсть. Как она там объясняться будет? Хотя, с ее языком, лучше, пожалуй, и вовсе не объясняться, ты права. От греха подальше. Помню, Андропов к власти как раз пришел, и у нас в секторе его портрет, как водится, повесили. Так твоя мать входит и громко так, на всю комнату, а голос у нее известный, всем петухам на зависть, «ой, Джемма, как он на моего дядю Арона похож, прямо вылитый!». Ты можешь себе представить? Андропов на ее местечкового дядю Арона! А при чем тут я? Я и знать не знаю ее дядю Арона. Хотя, как оказалось, и правда, вылитый, вот потеха! Счастье еще, что Андропов так быстро в кремлевскую стенку переехал, Черненко сразу за ним нырнул, а на Горбачева уже можно было походить в свое удовольствие, будь ты хоть эскимос.

А жалко мне ее, маму твою. Она же не виновата, что у нее характер такой: ничего не видит, ничего не слышит, зато говорит, как назло, громко и все без разбору. Люблю ее. Дай Бог, что не увижу как ты ее увезешь... К немцам этим. Да, ты не жалеешь, что развелась? Нет, не с тем, а с этим, ну, с этим, как его? Ну и правильно. А, муж пришел? И чего это он так рано? Опять не работает? Не рано? Час ночи? Вот дура я безмозглая, а еще на других пеняю. Конечно, у вас же сейчас ночь, ясно. Тогда почему так поздно? Где он шляется вообще? Привет ему передавай. Не потолстел? Я этого терпеть не могу. Ну и хорошо. Фигуру помним, помним. Как же. Да хорош, хорош. Никто у тебя его не отнимает. Нравится, так мучайся себе на здоровье. Это и есть счастливый брак, когда мучаешься с тем, кто нравится. Семейное счастье. Уж я-то знаю.

Случай. Весна 2005

Мы бежали навстречу друг другу. Переход на Наличной, зеленый свет, она быстро идет. Переход на Наличной, зеленый свет, я быстро иду. Воскресенье. Великий пост. Я боялась опоздать на исповедь, год назад попался свирепый священник. Я бежала, глядя себе под ноги, пытаюсь настроиться. Что это здесь такое? Зачем это? Люди в форменной одежде возятся посреди перехода с большим куском полиэтилена. Неважно, мимо. Предпоследняя мысль: «как надоели эти работы на дорогах, вечно у нас все перекрыто» Последняя мысль: «И вечно везде грязь». Темная грязевая струйка приближается к моим нетерпеливым ботинкам. Она дымится. Она живая и красная. Она медленно струится из под полиэтилена вместе с золотыми длинными локонами. Чуть поодаль сумочка. Никто не останавливает меня и не обращает внимания. Мрачные милиционеры заботливо и суетливо поправляют полиэтилен. Это только что было. Нет, никто не запомнил номера. Шофер маршрутки, куда я вскочила, не посмотрев на номер, и которая ехала не туда, сказал мне, что еще минуты назад теплый пар от дыхания поднимался к небу. Он сам видел. Шофер изменил маршрут и подвез меня к церкви.

В церкви служка, со знанием дела, заявила, что плакать тут нечего, раз погибла, значит так надо. Не нашего ума дело. Лицо в платке протянуло свечку. Знакомая прихожанка, многозначительно: «Вы же ее не знали? Ну вот». Они улыбаются с пониманием, они знают ответ, они знают все ответы.

Нет, я ее не знала. Позже, прочитав на нашем доме объявление ее родителей, я узнала: «студентка, единственная дочь, кто видел...» Я не видела, я застала уже полиэтилен. Я ничем не смогу им помочь. Я не знаю секрета жизни и смерти. Я только знаю, что там, перед светофором, на белых полосках перехода, мрачные милиционеры бессмысленно, из какого-то странного, трагического стыда, поправляют на погибшей полиэтилен, тщетно пытаюсь скрыть от равнодушно-любопытных глаз пряди светлых волос. И на том спасибо.

Записки из несумасшедшего дома

- Сына, ты голодный?
 - Пожарные машины едут, уууууууууууууууу У нас есть огнетушитель?
 - Есть. Ты голодный?
 - Я люблю Николь. И тебя люблю, а ты меня не любишь.
 - Люблю! Ну, почему ты так говоришь? Люблю!
 - У меня неправильный мозг. Пожарная тревога и все вышли на улицу. Я с Николь. – Что тебе снилось, мама?
 - Кошмар.
 - Кошмар? А что? Какой кошмар?
 - Про плохого дядю.
 - Монстра?
 - Нет, плохого дядю. А тебе?
 - Что?
 - Тебе снился кошмар?
 - Нет, мне не кошмар, мне Чебурашка. Только синий.
 - Страшный?
 - Нет. Мне монстр вчера снился. Такой бедный, большой, толстый монстр. У него были плохие кака...
 - Ты есть будешь?
 - За мной на перемене бегал мальчик. Мне сказали, будет бегать, скажи дежурной, будет бегать, скажи дежурной, будет бегать, скажи дежурной.
 - Ты сказал?
 - Мне не нравится этот мальчик, мне нравятся девочки. Я умею десятками считать.
 - Я знаю, ты молодец. Ты есть будешь?
 - Я буду! Я построил город.
 - Что ты будешь есть?
 - У нас в школе сигнализация. Она гудит, все бегут.
- Я с Николь.
- А учительница?
 - Учительница сгорела.
 - Что ты будешь есть?

– Я буду кашу. Это аэропорт. Ты знаешь, что надо делать, когда пожар? Надо хватать Дюмашу (кота) и Даки (рыбку) и бежать. А то они будут бояться.

– А курицу будешь?

– Курочку Рябу? Нет, я хочу курочку любить, а не есть. Курочки нам яички дарят, а мы их есть?!

– Каша готова, иди.

– Я никого не хочу есть, я люблю всех живыми.

– Ты руки после школы мыл?

– А у акулы маленький мозг?

– Кажется, да, не очень большой.

– Я так и думал! А у меня ОЧЕНЬ большой мозг.

– Откуда ты знаешь?

– Чувствую!

– Мама, я хочу смотреть видео, где я маленький, я хочу смотреть видео, где я маленький, я хочу смотреть видео, где я маленький!

– Ты уже 200 раз смотрел.

– Я хочу смотреть видео, где я маленький, я хочу смотреть видео, где я маленький, я хочу смотреть видео, где я маленький. АААААААААААААА!!!!!!!!!!!!

– Ты же кашу хотел?

– Я хочу смотреть видео, где я маленький, я хочу смотреть видео, где я маленький, я хочу смотреть видео, где я маленький.

– Я иду на работу.

– Я буду все ломать.

– Не надо. Папа спит.

– Мама, ты переживаешь?

– Да.

– Потому, что я такой?

– Да.

– А Даки прекрасный, мама!

– Да, почему?

– Он живой.

– Сына, я больше не могу. Буди папу.

– Мама, я буду хороший! Я уже хороший. Я уже совсем сильно хороший. Не отдавай меня в спецшколу! Я

заберу учительницу из пожара. Оставлю там только дежурного.

– Папа, я хочу смотреть видео, когда я маленький, я хочу смотреть видео, когда я маленький, я хочу смотреть видео, когда я маленький, АААААА!!!!

Отчего ты плачешь, папа?

Кирилл Подрабинек

Шок. Два рассказа

Щенок

Марии Николаевне повезло. Лифт уже сутки не работал, но надо было идти в магазин. Мария Николаевна спустилась с десятого этажа, со страхом думая о предстоявшем подъеме. Как раз за время странствия по магазинам лифт починили. Повезло и с продуктами. Еще на прошлой неделе сосед Валерка сообщил о дальней палатке, где пшеника на полтинник дешевле. Известие подтвердилось. К сожалению, купила она только два килограмма. Конечно, знать бы все заранее, взяла и четыре.

Впрочем, если лифт и ломался регулярно по нескольку раз в месяц, было несравненно легче, чем осенью. Тогда его попросту отключили на две недели за неуплату частью жильцов коммунальных услуг. Мария Николаевна с горечью думала, как не повезло ей жить на последнем этаже. Присутствовала и досада на жильцов. «Вот им, например, молодым с третьего этажа, все нипочем. Вроде и неплохо получают, а всегда в должниках...» Думая о некоторых соседях она начинала раздражаться. Тогда же осенью тепло в ее квартире появилось на две недели позже, чем у большинства в доме. Самые злостные неплательщики жили в ряду квартир под Марией Николаевной, и слесарь Коля перекрыл стояк отопления. На упреки он отвечал, что действует по приказу начальства, а сам бы рад обеспечить всех теплом. Позже, зимой, она убедилась в истинности этих слов. Сосед Валерка по секрету поведал ей, как слесарь Коля втихомолку расширил патрубок на прямой линии. Мария Николаевна ничего не понимала в патрубках, но восхищали горячие батареи. Теперь, в феврале, они вновь стали

привычно тепловатыми, как и у всех в округе, а Мария Николаевна начала зябнуть. Всезнающий Валерка рассказал о жильцах тридцатой квартиры, написавших жалобу в управление, мол им жарко. Слесарь Коля получил нагоняй и вернул патрубок в исходное состояние.

Мария Николаевна прожила долгую жизнь и думала, что все понимает и ничему не удивится. Но каждый раз не понимала и удивлялась. «Ну почему не открыть форточку, если жарко? Неужели написать жалобу проще? Тем более, – размышляла Мария Николаевна, – что в действительно важных случаях никто и не думает жаловаться. Протекает крыша в подъезде, сломан лифт, на лестницах тьма египетская – нет лампочек».

Поднимаясь в лифте, она старалась забыть о непривлекательных соседях, радовалась везению и с теплом вспоминала Валерку. «Какой молодец, узнал почему крупа. Наверное и пшенку бы сам купил». Мария Николаевна несколько дней не видела соседа. «Опять запил. Скоро объявится и попросит в долг». Обычно она давала на опохмелку небольшую сумму, которую Валерка неукоснительно возвращал. Сосед по лестничной площадке, легкий, веселый человек, вечно что-то мастерил, частенько помогал ей: то по дому, то картошки принести. Но пил... При этом и пьяный отличался неизменной доброжелательностью и держался с Марией Николаевной еще уважительней.

Лифт подозрительно скрипел и раскачивался. «Опять бы не застрять, как на прошлой неделе», – встревожилась Мария Николаевна. Но обошлось. На лестничной площадке слышались детские голоса и выйдя из лифта она увидела стайку ребятишек. Они весело галдели, окружив что-то. Это был щенок. Белый, с черными пятнами, он недоуменно таранился на детские руки, сующие ему кусок хлеба. Перебивая друг друга, дети рассказали, что нашли щенка на улице, совсем замерзшего, что принесли на верхний этаж потому, что Игорь (соседский мальчик), обещал щенка кормить, что они все будут заботиться о нем, и гулять с ним, и дрессировать. Мария Николаевна растерялась, представив последствия: грязь, крики детей, лай собаки. Но делать было

нечего. Она понимала, ругать сейчас ребят невозможно. Уже к вечеру предчувствие сбылось. Щенок скулил тихонько, но почему-то все было слышно. Мария Николаевна не находила себе места. Даже любимый сериал не доставил удовольствия. Она говорила себе, что на маленькую пенсию и одной не прокормиться, что нет сил и за собой ухаживать, что в мире огромное количество нуждающихся в помощи людей, не то что бездомных собак. Все напрасно. Перед глазами стоял забившийся в углу на темной лестнице щенок.

Выдержав характер Мария Николаевна легла спать. В пять часов в очередной раз проснулась, встала, открыла дверь и вышла на лестницу. Взяв щенка вернулась в квартиру и, не выпуская его из рук, села в любимое кресло. Началась новая жизнь.

Щенок стал Принцем. Он проявил понятливость и свойственную возрасту игривость. Какие-то охотничьи инстинкты бродили в шаловливом Принце. По несколько раз в день он выходил на охоту, и его добычей становилась Мария Николаевна. Вернее, тапочки на ее ногах. Из подходящей засады он кидался на них с грозным, как ему казалось, рычанием. Она прогоняла щенка и тот обиженно удалялся. Но ненадолго. «Ах ты Принц беспринципный, – выговаривала ему Мария Николаевна, – ты же решил обижаться, а снова лезешь!» Щенок радостно вилял хвостом, чувствуя ласковые нотки в голосе хозяйки, и снова кидался в атаку. Мария Николаевна любила смотреть на него спящего». Чудо мое лохматое», – думала она. Чудо тихонько посапывало. Иногда во сне Принц начинал смешно тявкать и перебирать лапами. В какой-то неведомой стране он с вечной стаей преследовал царственную дичь.

До сих пор Мария Николаевна не подозревала, что люди делятся на две категории: имеющих собак и не имеющих. Она и раньше здоровалась с женщиной из первого подъезда, выгуливающей абрикосового пуделя. Теперь они не только здоровались, но и несколько минут болтали. В первые же дни она получила множество полезных советов от собачников во дворе. Например, от владельца огромного ирландского волкодава по кличке Барсик.

Мария Николаевна почти не боялась собак, а Барсик был предобрейшим существом. Тем не менее, она неизменно вздрагивала, когда перед ней внезапно распахивалась дверь подъезда и в нее просовывалась лохматая серая морда. Владелец Барсика настойчиво советовал щенка привить. О том же говорил и врач с шестого этажа, хозяин эрдельтерьера – Мария Николаевна начинала разбираться в породах. Узнав цену прививки, она ужаснулась. На это ушло бы четверть пенсии. Не менее еще четверти тратилось на коммунальные услуги. На еду оставалось совсем немного. К тому же кончались лекарства, которые она постоянно принимала. Брать в долг не любила, да и у кого занимать? Она жила одна, без родственников рядом.

Муж Марии Николаевны был похоронен на городском кладбище, под березами. Летом она часто приходила сюда, вспоминала Андрея, слушала шум листвы и думала о смерти. Или о жизни? Мария Николаевна плохо представляла себе смерть. Она не могла понять «меня нет». «Если нет, то кого? Если меня – значит есть».

Дочь в Эстонии вышла замуж за хорошего человека. Мария Николаевна любила двух своих внуков, но много лет их не видела. И раньше деньги на поездку находились с трудом. Тогда, еще при СССР, дети ей помогали – зять неплохо зарабатывал. Теперь он давно работал от случая к случаю, дочь получала мизерную зарплату медсестры, семья бедствовала. Если бы, чудом, и нашлись вдруг деньги на проезд, оставались еще почти непреодолимые для Марии Николаевны препятствия. Загранпаспорт, виза, консульские сборы, декларируемые суммы, новые и новые формальности и траты. И везде чиновники, режимы работы, очереди, справки, при невозможности толком понять, что все-таки наконец требуется. И еще ездить в Москву, узнавать адреса, писать заявления. Кружилась голова только при мыслях об этом.

Покойный муж всю жизнь проработал мастером на заводе, а Мария Николаевна учителем начальных классов в городке ближнего Подмосковья. Единственным ценным имуществом являлась однокомнатная квартира. Наверное ее

следовало продать и на вырученные деньги с семьей дочери перебраться куда-нибудь. Но квартира и так оставалась детям, а Мария Николаевна не могла покинуть этот город и кладбище на его окраине, рядом с лесом. Жизнь заканчивалась и она хотела быть похороненной там, под березами.

Прошел март. Пенсию, как обычно, задерживали. Хозяин эрдельтерьера обещал при случае достать дешевую вакцину, но она твердо решила с первых же денег сделать прививку. День восьмого апреля выдался на удивление теплым и солнечным. Мария Николаевна отправилась с Принцем гулять в сквер и с благодарностью смотрела на зеленеющие почки. «Дожили!» – говорила она Принцу. Ошалев от весенних запахов, щенок радостно носился вокруг хозяйки.

Вечером Принц отказался от каши. Напрасно Мария Николаевна посыпала кашу сахаром и просила его поесть. Он безучастно лежал в углу на подстилке и грустно смотрел на Марию Николаевну. Потом щенка замучила жажда. Он часто ходил пить и с трудом тащил задние лапы. Сомнений не оставалось, Принц заболел.

Марию Николаевну охватило то чувство беспомощности и отчаяния, которое посетило ее, быть может, лишь несколько раз в жизни. Звонить, бежать? Куда? Вызвать на дом ветеринара она явно не могла. Везти утром Принца в ветлечебницу, нанимать машину, представлялось невозможным. Да и бесплатно ли там лечат? Денег просто не было. Мария Николаевна помчалась к врачу на шестой этаж. Хозяин эрдельтерьера находился на дежурстве в больнице. Жена обещала, что Алексей Петрович утром непременно зайдет. Оставался еще Валерка. Новость его страшно огорчила. Он постоянно приносил своему любимцу разные кусочки, а Принц отвечал взаимной симпатией: хвост вилял, едва слышались Валеркины шаги на лестнице.

Стараясь ее успокоить, Валерка обзвонил знакомых, и к полуночи выяснилось следующее. Желательно срочно начинать лечение, нужен шприц и лекарства, аптеки закрыты, ни у кого ничего нужного поблизости нет. Завтра зайдет знакомый по прежней работе на заводе дежурный

слесарь. Сейчас он в смене. Мария Николаевна уже слышала о странном человеке, бесплатно лечащем собак и консультирующем ветеринаров. Пообещал также Валерка найти деньги и купить все необходимое: «О чем речь, сочтемся!»

Мария Николаевна заснула только под утро. В восемь часов разбудил вернувшийся с дежурства Алексей Петрович. Он принес шприц и сделал Принцу какой-то укол. Потом составил длинный список лекарств, заметив при этом о необходимости посоветоваться со специалистом именно по собачьим болезням. Пообещав приходить, Алексей Петрович ушел. Она снова задремала, но скоро пришел слесарь, то есть ветеринар, нет, специалист... Она окончательно запуталась. Главное, пришедший соглашался Принца лечить.

Константин внимательно осмотрел и выслушал щенка. Не менее дотошно выпытал у Марии Николаевны сведения о Принце: как ел, как пил, как на двор ходил. Узнав об Алексее Петровиче, сообщил, что лучше один плохой врач, чем два хороших, а на корабле принято иметь одного капитана. Мария Николаевна тут же согласилась. Тогда составилась новый список лекарств, еще длиннее предыдущего. Константин выделил те из них, без которых невозможно обойтись, поместив остальные в разряд желательных. Кроме того, многие лекарства имели аналоги, и весь список оценивался как более дешевый. Приступили к обучению Марии Николаевны. Константин извлек из своей сумки шприц, антибиотик, физраствор, вату, спирт и наглядно показал технологию инъекции. Затем ей самой пришлось сделать укол Принцу. Потом долго записывала, что и как разводить, когда и как давать и вводить, как кормить, поить, выгуливать, измерять температуру, вести дневник и многое другое. Константин заявил о необходимости все назначения неукоснительно выполнять и при малейших неясностях звонить ему домой или на работу. И вообще, надо регулярно сообщать о состоянии Принца, а при ухудшениях разыскивать Константина немедленно. В свою очередь он и сам будет и звонить и приходить. Еще желательно сегодня Валерке побывать у него, есть

некоторые лекарства – остались после лечения других собак. Наконец, пробыв не менее двух часов, Константин удалился.

Валерка принес кучу медикаментов, Мария Николаевна приободрилась и приступила к лечению. Сперва получалось плохо. При вскрытии ампулы раздавливались, из шприца вытекало, Принц выплевывал таблетки обратно. Память не удерживала названия лекарств. Она по-своему их сокращала и то и дело заглядывала в конспект. Сутки прошли в каком-то тумане. Отдыхала Мария Николаевна урывками, снились кошмары отягощенные схемой лечения. На следующий день руки и память стали лучше слушаться ее, в действиях ошутился некий порядок. Даже заинтересовали названия лекарств, и она одолжила у Алексея Петровича справочник Машковского. Читая, не все понимала, тем не менее выяснилось нечто любопытное. Оказывается, медицина не являлась неким таинством, доступным только жрецам, а не простым смертным, вроде Марии Николаевны. Вместе с тем убедилась, как много должен знать лечащий и сколь многое не знают и знающие. Медицина представилась искусством, где нужны и знания, и талант, и интуиция. «Но ведь я понимаю музыку, даже если не разбираю ноты», – думала Мария Николаевна. Главное, она и сама принимала участие в спасении Принца.

Двое суток прошли без изменений, на третьи Принцу стало хуже. Он прерывисто дышал, иногда по телу пробегала волна судорог. Приехавший Константин помрачнел и решил ставить капельницу. Банку с приготовленным раствором подвесили на швабре, Принца положили на диван и остригли переднюю лапу. Марии Николаевне хотелось плакать, глядя на худую, в синих жилках лапу щенка. Она держала ее, пока Константин, проклиная российские иголки, свертываемость крови и еще что-то, не попал в вену. Принц даже не дернулся. По прозрачной трубочке побежала жидкость.словно в странных водяных часах капли в рассекателе начали отсчет времени.

Константин куда-то долго звонил, а потом сообщил о приятеле, работающем в бактериологическом институте за полсотни километров отсюда. У приятеля есть

чудодейственная, поднимающая из мертвых сыворотка. Константин убедился в ее силе и давно собирался пополнить запас. И вот теперь знакомый Константина, обязанный ему спасением собаки – тут промелькнула фамилия директора фабрики – отправлен за этой сывороткой. Часа за два должен обернуться.

Тревога Марии Николаевны все усиливалась. Пришел Алексей Петрович, и они долго спорили с Константином. «Шок... клинические испытания... много они понимают, ваши разработчики!» – доносилось до Марии Николаевны. Она не разбиралась в предмете спора, но уловила суть: иные лекарства опасней болезни и важно правильно оценивать риск от обеих напастей. Прошло два часа, Принца несколько раз укололи, машины все не было. Наконец глубокой ночью послышался гул мотора во дворе.

Константин предупредил: после введения сыворотки собаке будет хуже, но впоследствии состояние улучшится. «Куда же еще хуже! – ужаснулась Мария Николаевна, – Наверное дела совсем плохи и Константин сам не уверен в исходе». Совершенно обессиленная она опустила в кресло. От яркого бокового света лампы по стене метались тени, наклонялись над диваном, то уменьшаясь, то возрастая до гигантских размеров. Она чувствовала наступление решающих событий, болезнь и лекарства бросали в бой последние силы, а полем битвы им служило бедное тельце щенка. Прошло еще три часа. Наконец дыхание Принца выровнялось, прекратились страшные хрипы, судороги стали реже. Ушел Алексей Петрович. Мария Николаевна задремала ненадолго, а когда проснулась, солнце уже проложило на обоях яркую дорожку. Остро пахло медикаментами. На столе перемешались пустые ампулы, шприцы, упаковки. На полу валялись измазанные кровью куски ваты. Принц спокойно спал. Константин тоже спал, уронив голову на подлокотник кресла.

Выздоровление шло медленно. Константин говорил, что лечение будет долгим, надо опасаться рецидивов болезни. «Если бы вовремя привили, по крайней мере обошлось без таких тяжелых последствий», – сожалел он и назначил сильное противосудорожное средство. Оно

оказалось очень дорогим, пенсию опять задерживали. Если Принц шел на поправку, то окончательно разболелась Мария Николаевна. Мучили головные боли, поднималось давление, отказывали ноги. «Вызывать врача?» Он бы конечно выписал прежние средства, или, скорее всего, направил в больницу. Она не доверяла больницам, знала, каково там находиться. И куда девать Принца? Щенок нуждался в лечении и уходе. Валерка опять запил. Не могла она обременять и двух своих приятельниц, таких же старых одиноких женщин. «Кому нужна больная собака?» Мария Николаевна понимала, без нее Принц пропадет.

В ночь с четверга на пятницу Мария Николаевна видела чудесный сон. Счастливые, они идут с Принцем по зеленой долине, следом за ними могучие добрые собаки, похожие на Барсика, а впереди их ждет Андрей. Проснулась она солнечным утром и вспомнила, что послезавтра Пасха. Мария Николаевна всегда ходила в Пасху на кладбище. Но теперь сил не было. «А ведь все равно принесут», – подумалось ей. Она написала записки дочери, Константину, Валерке. «Прости... Возьмите лекарства... Умоляю похоронить рядом с мужем...» Взяв щенка на руки, вышла на балкон. Давнее, почти забытое чувство свободы, молодой легкости вдруг охватило ее. Лес на краю города уже стоял в зеленой дымке. Принц лизнул Марию Николаевну в щеку, и она невольно улыбнулась. Потом крепко прижала его к груди и перегнулась через перила.

Похоронили Марию Николаевну под березами, рядом с мужем. Позаботился об этом Валерка. И Принца он закопал сразу за кладбищем, на опушке леса. На похоронах присутствовали Валерка, Алексей Петрович, Константин да две приятельницы Марии Николаевны. На устроенных им же поминках Валерка сидел на удивление трезвый, чуть отпивая из рюмки. В тот же вечер он дозвонился в прямой эфир популярной народной программы и сообщил, что у них в доме старушка выбросилась с балкона со щенком на руках. Реакция ведущего была молниеносной: «Что со щенком?»

Примечание

Эпизод со звонком на телевидение действительно имел место.

Шок (Памяти Самурая)

Рядом со мной живет убийца. Пятнадцать лет я смотрю из окна на близлежащее шоссе. На перекресток со светофором и «зеброй», на дорожку, уводящую с перекрестка в лес. Дважды в день я перехожу шоссе со своими собаками. Собаки старятся, умирают, появляются новые. Старею и я. Убийца не стареет, и все прибавляет силы. Все быстрее мчатся машины, все чаще они проскакивают на красный свет светофора – смерть неустанно рыщет по дороге. Каждый месяц, а то и неделю, вижу столкнувшиеся машины. Иногда они валяются в кювете, порой я успеваю заметить «скорую помощь». Иногда просто поваленный фонарный столб говорит о происшедшем.

На этом перекрестке машина насмерть сбила молодую женщину, дочь нашей доброй приятельницы. Остался маленький ребенок. Правда, шофер был вроде бы не виноват. Но был виноват другой шофер, на этой же дороге задавивший пожилую женщину. Водитель работал в милиции, и дочка погибшей так и не смогла добиться справедливости. Здесь, как-то летом, жена переходила дорогу с могучим черным терьером Виком. На свой, зеленый свет. Нарушая правила, с поворота, не пропуская пешеходов, вынырнул автомобиль и толкнул женщину с собакой. Машина остановилась и из нее, с монтировкой в руке и бранью на устах, выскочил водитель. Глупец! Через секунду монтировка валялась на капоте, а водитель с прокушенной рукой топтался возле машины. До приезда гаишников. Но всех лихачей не перекусаешь...

Частенько светофор ломается, и тогда... Впрочем, он один на километр и влево, и вправо. Но людям надо переходить дорогу – к автобусным остановкам, к лесу. Гибнут взрослые и дети. Гибнут кошки и собаки, вовсе в дорожном движении не разбирающиеся. Их безжизненные тельца замечаешь на обочинах. Год назад погиб Цезарь, старший друг и воспитатель щенка Самурая. Пес моих приятелей погиб на дороге.

Мы никогда не держали доберманов. Но Татьяна, съездив в Дятьково к своей маме, познакомилась с заводчицей породы. И влюбилась в ее замечательную Перлу. Когда Вик умер, Татьяна решила взять щенка добермана. Напрасно ей втолковывали, что это очень быстрые, импульсивные собаки, и лучше бы опять завести черного терьера – как и раньше. Женщину не переспоришь. Так в нашем доме появилось юное существо, вечный бегатель и прыгатель, внук Перлы. В первый же день щенок носился по всем диванам и креслам, из конца в конец квартиры, веселясь от души. Никогда еще не живший в комнатах, он быстро сообразил, сколько замечательных возможностей открывает обстановка, многочисленные предметы, обувь. Прятать подальше от пронырливого носа и острых зубиков все, что плохо лежит, в первую очередь тапочки – стало нашим условным рефлексом. Но щенок быстро рос, умнел, воспитывался. Необыкновенно ласковый и веселый, с хитроватыми, чуть раскосыми глазами, он гордо носил кличку Самурай. Через полгода это уже был черный, с желтыми подпалинами красавец, как ветер носящийся в лесу. Куда его неизменно, два раза в день, водили гулять. Тогда-то Татьяна и заявила: «Все-таки хочу черного терьера! Самураю нужен компаньон». И в доме появилась красавица Воля. Это была замечательная пара! Навозившись, они ложились отдыхать в коридоре, и Самурай нежно клал голову Воле на плечо. В лесу они то носились друг за другом, то скакали и боролись. Когда-то, давно, я смотрел на моих играющих собак – черного терьера Рону и ирландского волкодава Мурзика – и думал, что это и есть счастье. И теперь, глядя на резвящихся в лесу Волю и Самурая, я опять думал, что это и есть доступное мне счастье.

18 декабря я пришел с ночной смены и повел собак на прогулку. Потом уже Татьяна говорила, что, посмотрев на нас, стоявших в дверях, она подумала: «Какой же Самурай стал красивый!» Действительно, ему исполнилось полтора года. Он стал почти взрослым, великолепно сложенным, с благородной осанкой псом. А Воле скоро будет годик.

В лесу я отпустил собак с поводка. Но Самурай не стал, как обычно, сразу же играть с Волей, а помчался куда-то с лаем. Я подозвал его свистком, он послушался, но все порывался вновь убежать. Потом вроде бы успокоился, но поведение его изменилось. Так и не стал играть с Волей, во что-то внюхивался, вслушивался в лесную тишину. С ним что-то произошло...

Сделав круг по лесу, остановились на полянке, где под дубом я похоронил когда-то двух наших собак. Тут, более чем за двести метров от дороги, по привычке закурил. Сигаретный дым относил ветром к старым, укрытым снегом могилам. «Не скоро еще придется мне рыть здесь землю, впереди много счастливых лет», – подумалось опять. Краем зрения заметил двух маленьких собачек, старых знакомых. Самурай никогда не нападал на собак. Он всегда бросался к ним только поиграть. Но теперь кинулся на них с рычанием, испуганные собачки разбежались. «Кавказ, Кавказ!» – кричала хозяйка. «Самурай, ко мне!» – кричал я и дул в свисток. Помчалась за Самураем и Воля, но сразу же вернулась. Потом появился Самурай, проскочил мимо и снова убежал. Опять вернулся, развернулся, и вихрем пронесся рядом. Я не успел его поймать... Таким я его и запомнил – стремительная черная молния, несущаяся на меня.

Самурай скрылся в кустарнике. «Самурай, Самурай!» – кричал я, и бежал, задыхаясь, с Волей на поводке, за ним, туда, к дороге. Затем раздался страшный глухой удар. Еще ничего не видя, я все понял, и надеялся, и бежал... Зацепив поводок за дерево, выскочил к обочине... и сердце оборвалось. Чуть далее, на дороге, лежал Самурай. Неслись машины, автобус, не затормозив, промчался над ним. С помутненным сознанием, с криком, застрявшим в горле, я бросился к нему. Меня едва не сбила машина слева, потом справа. Упал на колени перед бездыханным телом, обнял дорожную голову, и все гладил и гладил ее, и все кричал «Самурай, Самурай!» Не останавливаясь, с воем, мчались машины. Сегодня я одел почему-то не серую телогрейку, а ярко синюю куртку, с надписями «шок»

большими красными буквами на спине и на груди. Если бы не она, я вряд ли вернулся домой.

С трудом подняв тяжелое обвисшее тело, шатаясь, наперерез движению, добрался до обочины и бережно положил Самурая. Смерть была мгновенной. Только из пасти вылилось немного крови. Больше ничего. Только что это было прекрасное юное создание, полное сил и задора.

Рядом остановилась машина, вышел водитель, молодой кавказец.

– Помочь? Довезти в больницу?

– Ему уже ничем не помочь. Друг, помоги мне отнести его подальше.

Отнесли тело к лесу. «Спасибо, друг!»

Потом меня начала бить дрожь, и я все не решался позвонить Татьяне.... Все стоял и курил: «Самурай, ах Самурай! Как же так!» Этим утром он стал взрослым. Так ненадолго! Почувствовал смерть... и кинулся ей наперерез.

Запечатлелась картина: заснеженный лес, рыдающая Татьяна, бредущая к нам по обочине, распластанное тело Самурая, красное пятно на снегу и черная Воля под деревом.

Я немало прожил. Хоронил родных, друзей, любимых собак. Рисковал жизнью, испытывал страх и преодолевал его. Но такого ужаса, когда увидел лежащего на дороге Самурая, не испытывал никогда. Разве только при рождении? Но я не помню...

Вдвоем с приятелем вырыли могилу под дубом, положили в нее Самурая. Из простыни высовывались крепкие лапы в желтых носочках – под цвет глиняных краев могилы. Закидали землей, набросали веток. Три холостых выстрела. С начала прогулки прошло три часа – прошла целая жизнь.

Дома я пил спирт. Спирт не брал меня. В чуть захмелевшей голове проносилось: «Ну зачем, зачем ты поспешил тогда на дороге, не остался сидеть? Минута, две – все было бы кончено и для тебя».

Прошло уже несколько дней. Когда прихожу с работы, меня радостно встречает Воля. И кажется, что прикорнувший на любимом диванчике Самурай тоже выскочит сейчас из кухни. Несостоявшиеся рыдания душат

меня. И мысли. Надо было загодя брать Самурая на поводок. Надо было приобрести электрошейник. Но он стоит пятнадцать тысяч рублей, больше моей зарплаты. А мы за десять тысяч выправили бумаги к выставке.... Зачем нам бумаги без собаки? Надо было, когда Самурай мчался на меня, не ловить, а бросаться наперерез, на него. Я зачем-то инстинктивно пожалел недавно сломанную ногу...

Выходя в коридор, я вдруг вижу торчащие из кресла уши. Нет, это сбившийся край покрывала.... Самурай очень любил хозяйское кресло, при каждом удобном случае нырлял в него, почувствовав, пусть ненадолго, себя главным.

Я знаю, пройдут дни, месяцы, годы. Останется светлая печаль, шок пройдет. Или нет?

По ночам Татьяне кажется: Самурай выходит из могилы, бежит по любимому лесу, ищет нас и никак не найдет, и горько, горько жалуется. А я и боюсь, и хочу увидеть на утреннем снегу, вокруг могилы, будто бы следы его лап. Нет, это меня сбили. Это я остался лежать там, на дороге, среди мчащихся машин.

Я зачем-то все прячу тапочки. Ночью долго не могу заснуть, потом забываюсь. Слышится цоканье когтей, Самурай идет меня проведать, тычется носом в лицо. «Самурай, отстань, дай поспать», – бормочу я. Снова просыпаюсь. Перед глазами опять лежащий на дороге Самурай. Я подхожу к окну и смотрю на дорогу. Машин почти нет, убийца дремлет. Скоро он проснется.

Эрнст Левин

Опыт размышления над переводом

«Заметках» (<http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer2/Shnajder1.php>) был помещён перевод песни известной израильской поэтессы и композитора Наоми Шемер «АЛЬ КОЛЬ ЭЙЛЕ», сделанный Семёном Вайнблатом. Он мне не понравился, но объяснять почему, писать критический отзыв, а затем отбиваться от обвинений в злопыхательстве, указывая конкретные недостатки, – решительно не хотелось. В то же время стихотворные переводы – моё хобби с юности (а сейчас, не сглазить бы, мне почти 77), и много-много лет назад я тоже переводил эту самую песню. И вот, я решил «поделиться опытом», попытался восстановить в памяти свои раздумья и соображения в процессе работы над этим текстом. Хочу надеяться, что это, как любит говорить мой друг Борис Тененбаум, будет «кому-нибудь интересно». И одновременно – станет понятно, чем мне не понравился новый перевод С. Вайнבלата.

Для начала послушайте «Аль коль эйле» в авторском исполнении – может, не самом артистичном, но уж наверняка самом искреннем. <http://youtu.be/hBIEx2bIRNI>

Эта песня была второй песней Наоми Шемер, которую я перевёл после очаровавшей меня «Ерушалаим шел за́гав». Первым делом я попытался разобраться в жанре – что это за песенка? Прочитал её всю полностью, дважды, очень внимательно и сделал хороший подстрочник. Но не буду приводить его целиком, а разберу последовательно, куплет за куплетом, после того как найду общий подход к тексту. По форме это песня-молитва – монолог, обращенный к Богу. Причём её эмоциональность, темперамент, настрой – безусловно, женские, материнские, кроткие. Бывают монологи безличные. «Я другой страны такой не знаю»

может петь и мужчина, и женщина. А «Тонкую рябину» мужику исполнять как-то даже неприлично. Но в ивритском оригинале никаких указаний на пол певца нет. Я попробовал петь, представляя певца мужчиной, – вышло фальшиво. Нет, молится женщина. Но это и не настоящая молитва (с прикрытыми или возведёнными к небу очами, жаркая, страстная, истовая, самоотверженная) – в ней всё время чувствуется задумчивость, полускрытая улыбка, добрый юмор, самоирония... Какая-то ласка... Игра слов...

В самом названии песни уже игра! АЛЬ КОЛЬ ЭЙЛЕ... Ведь слово АЛЬ неоднозначно: это на иврите и «на», и «об», и «про», и отрицание «не», и – как чаще всего в этой песне – не существующий в русском языке предлог винительного падежа (ШМОР АЛЬ КОЛЬ ЭЙЛЕ – храни всё это). И поэтому без слова ШМОР заголовок звучит несколько игриво. Сама Наоми могла бы даже написать с кавычками: АЛЬ «КОЛЬ ЭЙЛЕ» (ПРО «ВСЁ ЭТО»), но это уже было бы «точками над ё», и я не имею морального права менять название без спросу. Итак, первый куплет.

*Аль га-дваш вз аль га-о́кэц, (Мёд и жало,)
Аль га-мар вз аль маток, (Горькое и сладкое,)
Аль битэйну га-тыно́ккет (Нашу дочь-младенца)
Шмор, Эли га-тов; (Храни, мой добрый Боже...)*

Мёд и жало... Старая библейская антитеза. «Ни мёду, ни жала твоего мне не нужно»... Горькое и сладкое, волна и камень, лёд и пламень, день и ночь, чёрное и белое... Здесь любая пара подойдёт – например, смех и слёзы, свет и тень... Но при чём тут дочка-младенец? И что же мне так смутно напоминает этот мотив, этот размер? Что-то медленное, успокаивающее, ласковое. Напеваю, мурлычу... Вспомнил! 1977 год. Тель-Авив. Нашей доченьке пять месяцев. Никак не хочет засыпать. Мы – мама и папа – по очереди носим её на руках по комнате, импровизируя сюсюкальную колыбельную:

*«У малютки нашей дочки
Очень розовые щёчки,
У малютки нашей крошки*

Очень мягонькие ножки»...

Мама уже измучилась – сил нет! Эта сладенькая-вкусенькая то ревет, то не спит, то животик болит... Вот оно – и мёд, и жало, храни её Господи, эту писюшку!.. (Надо будет перенести «нашу дочь-младенца» из третьей в четвертую строчку – на закуску, для неожиданности!) Пойдите, да ведь это и есть разгадка жанра: молитва-колыбельная! Вот так я и буду её переводить: представляя себе, что мама ходит с ребёнком на руках, напевает и думает о чём-то другом, отвлечённом – чтобы всем было хорошо: сначала другим, затем близким и в последнюю очередь – самой себе. Хорошее хранится лучше, но не стоит забывать и плохого. И смех, и слёзы... И смех сквозь слёзы... И чем больше она редела, эта кроха, тем дороже становилась и родней...

Итак, первый куплет, пожалуй, готов – напишем так:

*Сохрани мне, добрый Боже,
Боль и радость, день и ночь,
Мёд храни – и жало тоже,
И малютку дочь.*

Кстати, посмотрим, как этот куплет перевёл Семён Вайнблат.

И о меде, и о жале,
Обо всём, что я сберег,
И о маленькой дочурке
Позаботься, добрый Бог.

Первая строка некрасива акустически. Неестественна. В живой русской речи ее просто нет и быть не может. «Позаботься» – вместо «храни» – не годится. «Храни» (шмор) – значит также «охраняй», соблюдай неприкосновенность, безопасность. А «позаботься» – широкое понятие. В случае маленькой дочурки оно означает кормить, поить, купать, пеленать, лечить, учить и многое другое, требующее прикосновения. А Бог не нянька. Его обычно просят: «Боже, царя храни; от мора, труса и глада упаси и помилуй; таасэ шалом алейну вэ аль коль Исраэль»

А в прочих мелочах – на Бога надейся, да сам не плошай. Тем более неуместно просить Его позаботиться «обо всём, что я сберёг». Ты уже сберёг, так чего просишь? В банк положить? И вообще странно, что мёд и жало – это всё, что ты сберёг... А дочурка стоит уже после «и»: её, выходит, ещё не сберёг?

Во втором куплете продолжается перечисление: что ещё сохранить (охранить, спасти от гибели) просит Всевышнего автор песни:

Аль га-эш га-мэвоэрэт, (Горящий огонь,)
Аль га-майим га-закким, (Чистую воду,)
Аль га-иш га-шав габайтá (Человека,
возвращающегося домой)
Мин га-меркахим. (Из далёких мест).

У Семёна в этом куплете перечисляются объекты, о которых он Богу поручает *позаботиться* (проследить, чтобы всё было в порядке):

О еде в горячей печке,
Ведрaх с чистой водой,
И о путнике спешащем
Добрести домой.

То есть, топить печку; следить, чтобы не выкипел суп, не пригорела каша, таскать воду из колодца... Только с путником не совсем понятно; если он спешит домой, так почему «добрести» – пьяный он, что ли, еле ноги волочит? Или заблудился?

Нет, мне это не подойдёт. У меня поёт молодая мама, похожая на Наоми Шемер, с домашним хозяйством она справляется, слава Богу, и без Божьей помощи, и просит Его лишь сохранить всё доброе от злого, с которым человеку самому не управиться.

Позвольте мне небольшое отступление. Когда сравнивают два перевода одного стихотворения, часто возникают примерно такого типа разногласия: «В оригинале было «храни горящий огонь», а у тебя «храни горячую печку», – говорит один. Второй отвечает: «Так тоже можно

сказать. В печке тоже огонь горит... А откуда ты взял «костёр в пустыне»? (см. ниже – Э.Л.) «Понимаешь, – объясняет ему первый, – по двум причинам. Во-первых, представь себе вынужденную ночёвку в пустыне. Дикая холодина, ветер, песок. Голодный как собака. С трудом собрал каких-то сухих стеблей на костёр, воды мало, и спички кончаются... Если ветром огонь задует, песком занесёт, кипяточку не попьёшь – так это же трагедия! Только и остаётся Бога молить!.. А что печка? Лёгкий дискомфорт, без Господа обойдёшься! Это во-первых. А во-вторых, зависит от того, как переводчик к автору относится. Если я знаю, что автор – Наоми Шемер, написавшая «Ерушалаим шел за́гав», человек высокой души, – мне даже в голову не придёт, что она может мечтательно поэтизировать лужёные вёдра с водой и горячую кашу в русской печке. Уж если ради рифмы, ритма, образности я позволю себе какие-то вольности, рискуя исказить её истинную мысль, то только те, что возвышают её образ, а не снижают, не примитивизируют его».

Итак, второй куплет. В отличие от первого, в нем и далее рифмуются только вторая и четвёртая строчки, но (опять же, отдавая дань любви и уважения автору) постараюсь, если получится, рифмовать и первую с третьей, чтобы и по-русски было благозвучней, как-то «песенней».

*Береги костёр в пустыне.
Чистоту струи речной,
И скитальца на чужбине,
По пути домой.*

Далее следует припев – повторение-обобщение уже сказанного.

*Аль коль эйле, аль коль эйле (Всё это, всё это,
Шмóр-на ли, Эли га-тов: (Пожалуйста, храни
мне, мой добрый Боже:)
Аль га-дваи вэ аль га-óкэц, (Мёд и жало,)
Аль га-мар вэ аль маток. (Горькое и сладкое)*

В припеве я не удержался и, продолжая лёгкое лукавство автора, которое мне почудилось в причислении доченьки к категории «жала», заменил в четвёртой строчке «вкусовую» антитезу «температурной» (в самом же деле, израильский «мороз» – это мёд, а «тепло» – истинное жало!):

*И всё это, и всё это
Сохрани мне, милый Бог:
Сбереги и мёд, и жало,
И жару, и холодок!*

О припеве в переводе Вайнבלата ничего хорошего сказать не могу. Опять он просит Бога **позаботиться**, но на этот раз пропущено личное местоимение «я», и получается, что Бог сберёт в своей собственной душе всё горькое и сладкое, о котором ему следует как-то **позаботиться**:

Обо всём ты, обо всём ты
Позаботься, добрый Бог,
И о горьком, и о сладком,
Что в душе своей сберег.

В следующем куплете «поток сознания» плавно поворачивает от «глобальных, общечеловеческих проблем» к своим – личным, семейным...

*Аль-на тáакор натуа, (Пожалуйста, не корчуй
посеянного,
Аль тишках эт га-тиквá, (Не забудь надежду,
гашиивэйни вэ ашува (Верни меня – и я вернусь)
Эль га-áрэц га-товá. (На хорошую землю)*

Над этими строчками я довольно долго раздумывал. И решил (возможно, ошибочно, но звонить Наоми и расспрашивать постеснялся) – решил, что это не простое перечисление отдельных желаний, а одна на весь куплет, единая, деликатно зашифрованная просьба. И расшифровать её можно так: «Господи, пожалуйста, не выдёргивай того, что сам посеял. Не забудь: Ты посеял в моей душе стремление к чистой и праведной жизни без греха, и я стараюсь, но не всё у меня получается, и я начинаю терять

надежду. Не покидай меня, самой мне не справиться, но Ты подтолкни меня только немножко, и я вернусь от своих заблуждений на правильную дорогу!» В тексте всё это, конечно, должно оставаться иносказаниями: читателям эти откровения не адресуются, а Всевышний и так всё поймёт. Но слегка смысл всё же нужно прояснить:

*Не сгуби корней растений
И надежд не обмани,
И меня от заблуждений,
На стезю верни.*

Посмотрим теперь, как этот куплет переведен Семёном Вайсблатом:

Что посажено, не вырви,
О надежде не забудь,
Укажи, пока мы живы,
К дорогой Отчизне путь.

Ну конечно, первая строчка буквальна, вторая непонятна (не забудь надеяться? А на что?), а остальное – от лукавого. Разве Наоми родилась и выросла не в Эрец-Израэль? И где-то есть «дорогая Отчизна», к которой знает путь только Бог? Или она просит указать адрес Израиля кому-то другому (не сказано «нам»)? А «пока мы живы» – это уж ваще! Отсебятина, истерика и даже как рифма к «вырви» не годится.

Следующие два куплета никаких сложностей для перевода не содержат. Вот их произношение и подстрочный перевод:

*Шмор, Эли, аль зэ га-бáйит, (Храни, мой Боже,
этот дом)
Аль га-ган, аль га-хомá, (Этот сад, эту стену)
Ми ягон, ми пáхад пэта (От печали, от
внезапного страха)
У ми милхамá. (И от войны).
Шмор аль га-меáт, ше еш ли, (Храни малое, что
у меня есть)
Аль га-ор вз аль га-таф, (Свет и детей)*

Аль га-при, ше ло гиивиль од (Плод, что ещё не созрел.)

Вэ ше нээсаф. (И что уже собран).

Здесь особая точность от переводчика не требуется. Даже наоборот – язык оригинала нарочито беззаботный, нелитературный, в письменном школьном сочинении так не напишешь – двойка обеспечена: «плод» вместо «плоды», «свет и детей» – неуклюжее сочетание, «храни малое» – не хватает слова «то»... Но в мыслях, сами себе, (хотя оно и правильно говорят, что мы мыслим словами) мы ведь не формулируем, полностью произнося про себя идеально построенную фразу, а как бы выдёргиваем отдельные слова, отбрасывая всё остальные. И песня эта, как мне кажется, имитирует как раз этот процесс: текст этот проносится в голове, а не старательно, с редактированием, записывается на бумаге. Поэтому он такой «неграмотный, неряшливый, некультурный, простонародный». С лёгким юмором. Попробуем подражать... Главное, чтобы не переборщить. Чтобы примитивность формы не снизила благородного смысла.

Тихий дом, привычный с детства,

Сад тенистый вдоль стены

Сбереги от разных бедствий,

В том числе войны.

Не забудь про наших деток,

Очага тепло и свет;

Про плоды, что сняты с веток,

И про те, что – нет.

В альтернативном переводе Вайсблата, если пренебречь экзотической рифмой «береги – войны» и поверить, что плод незрелый и созревший созданы вручную, руками переводчика и способны испытывать невзгоды, эти два куплета вполне приемлемы. По крайней мере, для людей политкорректных:

Дом родной и сад цветущий,

Добрый Бог мой, береги

От беды, печали, скорби,

Страх и войны.
То, что я руками создал,
Защити ты от невзгод,
Плод, пока еще не зрелый
И созревший плод.

Зато следующий куплет г-н Семён Вайсблат (извините, Бога ради!) ни в дугу не понял и безбожно переврал, превратив в бессмыслицу. Или в этом виноват Миша Шнайдер и его дочка, приславшие Семёну в июне 2006 года неправильный подстрочник? Этого я не знаю, но в любом случае считаю дальнейшее распространение этого перевода недопустимым. Если, конечно, вам дорога память Наоми Шемер.

Вы только представьте себе. Молодая женщина смиренно обращается к Богу с просьбой беречь и защищать всё доброе на Земле – и вдруг:

Пусть листвою играет ветер,
Вниз звезда несется, пусть...
В моём сердце сохраню я
Всё, к чему стремлюсь!

Что за чепуха! Кто мешает ветру играть, а какой-то звезде нестись, как курице? Куда несёшься ты, дай ответ? Не даёт ответа! – Пусть – Ваал капитализма! Пусть – Молох империализма! Пусть! Моем сердце? (если «моем» – нарушится размер) И зачем мы его моем? Чтобы хранить в нём заветные мечты и желания? Да храни себе, пожалуйста, разве Бог тебе этой несущейся звездой запрещает куда-то стремиться?

А ведь это был самый красивый куплет в песне! Представляю себе: она стоит в этом своём саду, о котором только что пела; ребёнок наконец уснул; она замолчала и с улыбкой взглянула вокруг, в звёздную ночь:

*Мераиэрэи илан ба руах,
Ме рахок ношер кохав,
Мишгалот либи ба хошэх,
Ныршамот ахшав.*

(Шелестит дерево на ветру, издалека падает звезда: в этот момент записываются тайные желания моего сердца)

Старая народная примета! Пока летит падающая звезда, загадай желание, и оно исполнится. К слову, у Наоми Шемер есть и другая песня – полностью посвящённая народным поверьям: «Лу еги» («Да сбудется»). В ней тоже упоминается метеор, «падающая звезда»:

...И если свет звезды падуцей промелькнёт над головой,

Дай мне всё, о чём попрошу!

И всем, кого мы любим, дай здоровье, силы и покой:

Дай им всё, о чём я попрошу!

(Эту песню я тоже перевёл: её можно послушать здесь: <http://www.youtube.com/watch?v=Uu2LS9t6czU> (вместе с русскими олим, которых певица просила подпевать припев, а они только набычились и молчали), а перевод – <http://berkovich-zametki.com/Forum2/viewtopic.php?f=8&t=325> .Приведенный выше куплет – последний (в звукозаписи исполнительница его не допела).

А в нашей песенке-молитве «АЛЬ КОЛЬ ЭЙЛЕ» падающая звезда, как мне кажется, – не просто красивый пейзажный элемент, а как бы благосклонный ответ Всевышнего: «Согласен, мол, выполнить твои пожелания, вот тебе звезда – давай загадывай всё, что хочешь!»

И поэтому в следующем куплете, заключительном куплете этой песни, наша героиня немедленно высказывает своё желание, подводя итог:

Ана шмор ли аль коль эйле

Вэ аль аѓувэй-нафши,

Аль ѓа-шеккет, аль ѓа-бэхи,

Вэ аль зэ ѓа-шир.

(Так, пожалуйста, сохрани мне и всё это, и тех, кого любит душа моя, и спокойствие, и плач, и эту песню!

Вот два последних куплета в моём переводе:

Ветерок шуришит листвою,

С высоты звезда летит,

Мне желанье потайное

*Загадать велит.
 Сохрани же мне всё это:
 Смех, и слёзы, и друзей,
 И неспетые секреты
 Песенки моей.*

Осталось привести последний куплет в варианте Семёна Вайсבלата. Смысла в нём, при всём желании, я не нахожу.

Обо всем ты позаботься,
 Сохрани любовь мою,
 Плач и смех, и эту песню,
 Что сейчас пою.

Свой перевод я поместил лет шесть назад в «Заметках», а в мае 2008 удалось улучшить несколько строчек, и я перенёс его на форум:

<http://berkovich-zametki.com/Forum2/viewtopic.php?f=8&t=302>

Полностью он выглядит так:

Слова и музыка Наоми Шемер	Произношение на иврите	Перевод Эрнста Левина
על כל אלה	АЛЬ КОЛЬ ЭЙЛЕ...	ПРО ВСЁ ЭТО...
על הדבש ועל הועקץ, המר על והמתוק, בתנו על התינוקת שמור אלי הטוב.	Аль га-дваш вэ аль га- о́кэц, Аль га-мар вэ аль маток, Аль битэйну га- тынóккет Шмор, Эли га-тов; Аль га-эш га-мэвоэрэ́т, Аль га-ма́йим га- закким, Аль га-иш га-шав габа́йта Мин га-меркахим.	Сохрани мне, добрый Боже, Боль и радость, день и ночь, Мёд храни – и жало тоже, И малютку дочь. Береги костёр в пустыне. Чистоту струи речной, И скитальца на чужбине, По пути домой.
על האש המבוערת, המים על הזכים, על האיש השב הביתה מן המרחקים.	Припев: Аль коль эйле, аль коль эйле Шмо́р-на ли, Эли га-	Припев: И всё это, и всё это Сохрани мне, милый
פזמון על כל אלה, על אלה כל שמור נא לי אלי הטוב –		

<p>על הדבש ועל העוקץ, על המר והמתוק</p> <p>אל נא תעקור נטוע, אל תשכח את התקנה, השיבני ואשובה אל הארץ הטובה</p> <p>שמור אלי על זה הבית על הגן - על החומה מגור, מפחד־פתע וממלמה.</p> <p>שמור על המעט לי על האור ועל הטף, על הפרי שלא עוד ושנאסף.</p> <p>פזמון מרשש אילן ברוח, מרחוק נושר כוכב, משאלות לבי בחושך נרשמות עקשיו.</p> <p>אנא שמור לי על כל אלה ועל אהובי־נפשי, על השקט, על הבכי ועל זה השיר.</p> <p>פזמון</p>	<p>тов: Аль fa-дваш вэ аль fa- ókэц, Аль fa-мар вэ аль маток.</p> <p>Аль-на таакор натуа, Аль тышках эт fa- тыквá, faшивэйни вэ ашува Эль fa-áрэц fa-товá.</p> <p>Шмор, Эли, аль зэ fa- байит, Аль fa-ган, аль fa-хомá, Ми ягон, ми пахад пэта У ми милхамá.</p> <p>Шмор аль fa-меát, ше еш ли, Аль fa-ор вэ аль fa-таф, Аль fa-при, ше ло fiшвилъ од Вэ ше нээсáф.</p> <p>Припев</p> <p>Мерашрэш илан ба руах, Ме рахок ношер кохав, Мишгáлот либи ба хошэх, Ныршáмот ахшав.</p> <p>Ана шмор ли аль коль эйле Вэ аль агувэй-нафши, Аль fa-шеккет, аль fa- бэхи, Вэ аль зэ fa-шир.</p> <p>Припев</p>	<p>бог: Сбереги и мёд, и жало, И жару, и холодок.</p> <p>Не сгуби корней растений И надежд не обмани, И меня от заблуждений, На стезю верни.</p> <p>Тихий дом, привычный с детства, Сад тенистый вдоль стены Сбереги от всяких бедствий, В том числе войны.</p> <p>Не забудь про наших деток, Очага тепло и свет; Про плоды, что сняты с веток, И про те, что - нет.</p> <p>Припев</p> <p>Ветерок шуршит листвою, С высоты звезда летит, Мне желанье потайное Загадать велит.</p> <p>Сохрани же мне всё это: Смех, и слёзы, и друзей, И неспетые секреты Песенки моей.</p> <p>Припев</p>
---	--	--

В заключение мне хотелось бы кое-что напомнить всем начинающим поэтам-переводчикам. Господа, ваша работа гораздо труднее и ответственнее, чем у стихотворцев всех прочих жанров. Так же как среди художников самая горькая доля у портретистов. Живописец, работающий над пейзажем или натюрмортом, демонстрирует лишь свой собственный талант и мастерство и рискует, таким образом, лишь своей собственной репутацией. А портретист несёт также персональную ответственность перед портретируемым. Гениальный мастер злонамеренно, а «маляр негодный» – ненароком способны любого красавца изобразить уродом, превратив портрет в карикатуру.

С поэзией – ещё хуже. Начинающий поэт-переводчик может быть и не графоманом, и не «фигляром презренным», он может хорошо владеть стихосложением и даже писать неплохие собственные стихи, и всё же рискует «пародией обесчестить Алигьери» даже при полном уважении и любви к поэту, которого он переводит.

Такого переводчика я уподобил бы художнику, пытающемуся написать портрет человека, которого не видит и никогда не видел, а следует чужим рассказам о нём (как составляют портрет-робот разыскиваемого преступника на основе словесного описания, но без технических средств и без познаний в криминалистике).

Не зная языка, пользуясь неумело составленными подстрочниками, не проверяя наличие и качество уже существующих переводов, воображать, что до тебя никто не знал иврита, никто не слышал песен Наоми Шемер; десятками, поточным методом лепить их русские «переводы», и главное – публиковать их, то есть подсовывать людям, которые и в самом деле не знают автора, свою стряпню под видом её творений, превращая их в примитивную серенькую посредственность, опошляя её и дискредитируя – для этого нужна большая смелость.

Справедливо советуют Правила дорожного движения: НЕ УВЕРЕН – НЕ ОБГОНЯЙ!

Юдифь Каган

О еврейской теме и библейских мотивах у Марины Цветаевой

Опыт толкования нескольких стихотворений¹

Под редакцией Шуламит Шалит

Тема эта включает в себя не только краткий обзор жизненных обстоятельств, по которым можно судить об отношении Цветаевой к евреям, но также и попытку увидеть и истолковать в ее творчестве библейские реминисценции, касающиеся очень важных для нее вопросов веры и неверия, связи иудаизма и христианства.

Отношение к евреям, к их месту и роли в истории было у нее очень глубоким. Наряду с некоторыми другими чертами ее огромного дарования глубина эта существеннейшим образом отличала ее от многих русских писателей и поэтов, в том числе – как ни грустно это сказать – и от Блока, и от стыдившегося потом своего антисемитизма Андрея Белого², и от не стыдившихся этого Садовского или же Тинякова...

Цветаевой важны были как ее собственные жизненные и литературные встречи с евреями, так и еврейство, иудаизм в связи «последними» вопросами, с вопросами «искусства при свете совести». Скрытые или явные аллюзии на тексты Священного Писания у Цветаевой, конечно, должны быть истолкованы, исходя не только из ее собственной биографии, ее собственного творчества, но и из

¹ Впервые опубликовано в журнале “De Visu”, 1993, № 3(4).

² См. об этом в прекрасной книге А.З. Штейнберга «Друзья моих ранних лет (1911-1928)», Париж, 1992.

литературного, философского и религиозного контекста ее времени. Творческая честность Цветаевой, ее непереносимое желание, говоря словами Пастернака, дойти «во всем до самой сути» проявились и в отношении к «еврейскому вопросу». Это было в то время, когда русские интеллигенты еврейского происхождения нередко переходили в христианство или же выбирали путь, не требующий от них какой-либо определенности в религиозных взглядах. Оказавшись после революции на Западе, они продолжали ощущать себя русскими интеллигентами, и вышло так, что некоторые из них – в том числе и те, которых хорошо знала Цветаева – не утратили глубочайшего интереса к темам, связанным с иудаизмом. Католик Владислав Ходасевич переводил еврейских поэтов и писал о них, принявшего православие Льва Шестова³ восхищал Иов и другие герои Ветхого Завета...

Многие стихи Цветаевой имеют очень глубокий смысл, не всегда ясный сразу при быстром чтении, их надо читать неторопливо, терпеливо, веря и зная, что поэту необходимы были именно такие слова, именно эти поэтические средства.

Что касается биографии и жизненных обстоятельств, то отец Марины Цветаевой – профессор Иван Владимирович Цветаев, сын священника, сам церковный староста, первым браком был женат на дочери историка Д.И. Иловайского, ненависть и враждебность которого к евреям, кажется, общеизвестна. Отношения с Иловайским в семье Цветаевых поддерживались все время. После второй женитьбы И.В. Цветаева на Марии Александровне Мейн в их доме в Москве в Трехпрудном переулке бывали как Дмитрий Иванович Иловайский – издатель антисемитской газеты «Кремль», так и Александр Данилович Мейн – отец матери Марины и Анастасии Цветаевых, управляющий в Земельном банке еврея Лазаря Соломоновича Полякова. Сам Л.С. Поляков, построивший синагогу на Малой Бронной, здание бывшего Еврейского театра погубленных Михоэлса и

³ Шестов Лев Исаакович (урожд. Иегуда Лейб Шварцман, 1866-1938), известный философ (Примеч. – ШШ).

Зускина (ныне это Театр на Малой Бронной), принимал живейшее участие в создании Музея изящных искусств имени Александра III, основателем которого был И.В. Цветаев. Известно, что А.Д. Мейн сочувствовал и помогал евреям. Беспринципности или какой-либо «всеядности» в хороших отношениях И.В. Цветаева с Иловайским и Мейном не было. Была принципиальная терпимость. Близкой подругой второй жены И.В. Цветаева была дочь Л.С. Полякова. В очерке «Дом у Старого Пимена» Марина Цветаева вспоминала, что Иловайский при всей своей «жестоковейности» прощал Марии Александровне, ее матери, «юдоприверженность: постоянную и в России и за границей окруженность евреями, не объяснимую ни происхождением (полупольским), ни кругом (очень правым) – **только** Генрихом Гейне, **только** Рубинштейном, только еврейским гением и ее женским вдохновением, **только** ее разумом, **только** ее совестью, – хотела сказать **только** ее христианством, но вспомнив слово «нести ни эллин, ни иудей», не могу, ибо для нее иудеи – были, и были – милее «эллинов»...»⁴. Дочери очень любили рано умершую мать, убедительно просившую Иловайского не говорить при детях плохо о евреях. Ее влияние на всю их дальнейшую жизнь несомненно, ее позиция, конечно, в большой мере определяла их отношение к этой теме. Отвечая на вопросы анкеты ГАХН в 1926 г., Марина Цветаева писала: «главенствующее влияние – матери (музыка, природа, стихи, Германия. Страсть к еврейству». Важна была также и большая открытость европейской культуре, свойственная И.В. Цветаеву, роль давней встречи его в Италии со скульптором М. Антокольским, – всего этого не могло пересилить ни умонастроение бывшего тестя, ни явное черносотенство родного брата (дяди Марины Цветаевой) – историка протестантизма в России профессора Д.В. Цветаева. В ответах на ту же анкету есть и такие слова: «Более скрытое, но не менее сильное влияние отца...» Выйдя замуж за Сергея Яковлевича Эфрона, мать которого была

⁴ Здесь, вероятно, надо отметить, что в советском издании 1992 г. эти строки выпущены.

русская дворянка революционерка Елизавета Петровна Дурново, а отец – народоволец Яков Константинович Эфрон, лютеранин, крестившийся внук раввина, Марина Цветаева гордилась, что в ее юном муже блестяще соединились две крови. Она писала об этом в 1914 г. В.В. Розанову, который за год до того навсегда опозорил себя своими вызывающе лживыми антисемитскими статьями во время дела Бейлиса. В ее письме нет никаких признаков знания об этом нашумевшем процессе, хотя писала она вслед за своей сестрой Анастасией, высказывавшейся как раз по поводу утверждений Розанова. Не знать о позиции Розанова не могла. По-видимому, Цветаева просто не захотела говорить с ним об этом. Гораздо позднее, уже в эмиграции, в марте 1927 г., она «под ударом», в ответ на слова известных евразийцев П.П. Сувчинского и Л.П. Карсавина о том, что среди ближайших сотрудников журнала «Версты» есть еврей, объясняла значение православия для С.Я. Эфрона. Это свое письмо она заканчивала строкой: «Евреев я люблю больше русских и может быть очень счастлива была бы быть замужем за евреем, но – что делать – не пришлось». Еще позднее она писала литератору Ю. Иваску, который серьезнейшим образом интересовался ее творчеством: «...там, где говорят: еврей, а подразумевают: жид – мне, собрату Генриха Гейне – не место. Больше скажу: то место – я на него еще и не встану – само не вместит: то место меня чует, как пороховой склад – спичку». Эту цитату не хочется здесь обрывать, несмотря на то, что она довольно длинная. Далее следует такой рассказ: «...вот живая сценка. Доклад бывшего редактора и сотрудника Воли России (еврей) М. Слонима: Гитлер и Сталин. После доклада – явление младороссов в полном составе. Стоят, «скрестивши руки на груди». В конце прений продвигаюсь к выходу (живу за городом и связана поездом) – так что стою в самой гуще. Почтительный шепот: «Цветаева». Предлагают какую-то листовку, которой не разворачиваю. С эстрады Слоним: «Что же касается Гитлера и еврейства...» Один из младороссов (если не «столп», то столб) – на весь зал: «Понятно! Сам из жидов!» Я четко и отдельно: «Хамло!»

(Шепот: не понимают). Я: «Не поняли? Те, кто вместо еврей говорят жид и прерывают оратора, те – хамы». (Пауза и созерцательно: «Хамло»). Засим удаляюсь. (С каждым говорю на его языке)».

Этот текст ни в каких пояснениях не нуждается. Отношение Цветаевой к такого рода «патриотизму» совершенно ясно. Это было не только инстинктивное, благородное отвращение от зла, но и глубоко продуманная позиция. Предположительно в 1916 г., когда вдохновителем многих стихов Цветаевой был еврей Никодим Акимович Плущер-Сарна (друг Маврикия Александровича Минца – второго мужа ее сестры), написано стихотворение, опубликованное только в 1924 г. за границей. (Возможно, оно было создано не в 1916 г., а позднее – в годы революции)⁵.

Еврейя

Кто не топтал тебя – и кто не плавил,
О купина неопалимых роз!
Единое, что на земле оставил
Незыблемого по себе Христос:

Израиль! Приближается второе
Владычество твое. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: Герои!
Предатели! – Пророки! – Торгаши!

В любом из вас, – хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке –
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матфее, Иоанне и Луке.

По всей земле – от края и до края –
Распятие и снятие с креста.
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа!

⁵ Эти сомнения в дате написания поддерживает Л.Ф. Кацис – глубокий знаток еврейской темы в русской литературе десятых-двадцатых годов.

Казалось бы, тоже совершенно понятное стихотворение, но именно из-за его общей эмоциональной, рациональной и иррациональной внешней понятности, хочется еще раз медленно прочесть это стихотворение, вникая в его словесный и ритмический смысл. Останавливает внимание то, что Цветаева, отличающаяся обыкновенно глубоко собственными личными взглядами, включает себя здесь в некий круг людей – русских, православных или даже шире – христиан (она пишет: «нам», «мы», противопоставляя этот круг евреям, о которых пишет «вы», «вас»). В первой строке идет речь о том, что топтали, плавил – т. е., причиняли страдания, истребляли, меняя сущность, но это не удавалось, потому что истребить было невозможно, т. к. речь шла о неистребимом – о неопалимой купине. Или о том, что поэт здесь метафорически уподобляет неопалимой купине. В Книге Исход (3.6) сказано о Моисее: «...и пришел он к горе Божией Хориву. И явился ему Ангел Господень в пламени из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает. Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из «среды куста, и сказал: Моисей! Моисей!..» И в Деяниях апостолов (7.30-32): «...явился ему в пустыне горы Синая Ангел Господень в пламени горящего тернового куста.

Моисей, увидев, дивился видению: а когда подходил рассмотреть, был к нему глас Господень: Я Бог отцов твоих. Бог Авраама и Бог Исаака и Бог Иакова. Моисей, объятый трепетом, не смел смотреть...»

Неопалимая купина – это теофания, богоявление. Дальше стает ясно, что образ этот, мысль об этом будет тревожить Цветаеву очень долго; может быть, всю жизнь. В терновом кусте Бог.

Здесь неопалимая купина – метафора, обозначающая евреев.

Это в их среде пребывает Бог. Розы – куст терновый. В словаре Даля дается и русское народное название этого растения – «жидовник». Вероятно, по ассоциации с

терновым венцом на голове Иисуса. В христианской религиозной символике розы – символ молчания, тайны.

Оставленное Христом «единое» – в старинном смысле «только одно, единственное» определяет слово «Израиль», следующее сразу же после двоеточия. Наименование «Израиль» – было дано Богом Иакову, семье его, его потомкам, народу, в котором пребывает Бог. С этим народом Бог заключил союз на горе Хорив (Исход 19:1-9). Название народа Божьего, к которому принадлежал Христос и был не против этого народа, а из него, с ним и за него, Цветаева намеренно выделила, перенесла это слово из первой строфы в начало второй. Все знают, что с Христа началась эра иудео-христианская, появилось новое исповедание. Однако незыблемо одно – Израиль. Народ, избранный Богом и признавший Его заповеди, первая из которых: «Я Господь Бог твой...», а дальше сказано: «Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим» (Второзаконие 5:6-7).

Слова о втором владычестве сейчас сразу понять нелегко. В Книге пророка Михея (4:6,8) сказано: «...совокуплю разогнанное и тех, на кого Я навел бедствие... к тебе придет и возвратится прежнее владычество... владычество Его – в роды и роды...» В другом месте (кн. Даниила 7:27) читаем: «Царство же и власть и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых всевышнего, которого царство – царство вечное...» Если предположить, что стихотворение Цветаевой было создано во время революции, то владычество это можно представить себе как исполнение пророчества. Владычество Бога – это Спасение. Иисус не сомневается, что владычество Бога наступит для евреев. Его владычество это в то же время и владычество Его народа. В Книге пророка Исаи написано: «Ибо, как новое небо и новая земля, которые я сотворю, всегда будут перед лицом Моим, говорит Господь, так будет и семья ваша и имя ваше» (66:22). И потом в Откровении Иоанна (21.1-4): «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали... И Он будет обитать с ними: они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их». Мировая война, революция – наступают

последние времена. Приближается Царство Божие во исполнение пророчеств и молитв – «Да придет Царствие Твое...» (Матф. 6.10). Кто спасется? В евангелии от Матфея сказано: «идите наипаче к погибшим овцам Израилевым» (10.5-6)⁶. И еще: «Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лук. 12.32). Другие спасутся не вместо евреев, а только вместе с ними. Единственное неизблемое. Во всем остальном как бы можно сомневаться, истолковывать по-разному, но единство Христа и евреев для Цветаевой не подлежит сомнению, оно неизблемо. Среди евреев есть и были люди самые разные: хорошие и плохие – герои, предатели, пророки, торгаши – невозможно определить всех одним словом, потому что одной точки зрения недостаточно.

«За все гроши вы кровью заплатили нам...» – слова тоже не очень-то ясные. Гроши, данные кому-то или отнятые? Понятно одно: если была вина, то она оплачена дорогой ценой – ценой собственной крови. В последней строфе названы распятие и снятие с креста, но не упомянуто воскресение, т. е., все обстоит в высшей степени серьезно: не признают евреев, предадут Христа, не обретут спасения. (Нет ли в стихотворении «Евреям» своеобразного ответа на антисемитские статьи В.В. Розанова, который в своем «Апокалипсисе», уже не разъясняя причин изменения собственных взглядов, назвал одну главку «Почему евреям нельзя устраивать погромов?». Оказывается, все-таки нельзя).

В эмиграции, в 1924 г., в «Поэме Конца» Цветаева писала:

Жизнь – это место, где жить нельзя:
Ев-рейский квартал...

Так не достойнее ль во сто крат
Стать Вечным Жидом?

⁶ В новом переводе В.Н. Кузнецовой: «Избегайте дорог, ведущих к язычникам, и в самарянский город не заходите. Идите прежде всего к потерянными овцам народа Израиля» (в книге: Канонические евангелия. М., 1992).

Ибо для каждого, кто не гад,
Ев-рейский погром –

Жизнь. Только выкрестами жива!
Иудами вер!
На прокаженные острова!
В ад! – всюду! – но не в

Жизнь, – только выкрестов терпит, лишь
Овец – палачу!
Право-на-жительство свой лист
Но-гами топчу!

Втаптываю! За Давидов щит –
Мечь! В – месиво тел!
Не упоительно ли, что жид
Жить – не захотел?!

Гетто избранничеств! Вал и ров.
По-щады не жди!
В сем христианнейшем из миров
Поэты – жидаы!

При полной, казалось бы, ясности здесь почти каждая строка нуждается в комментарии: Цветаевой мало, как у Достоевского, вернуть билет. Ей надо его растоптать! Но это не имеет отношения к «еврейским мотивам», а даже как бы противоречит им...

«Вечный жид» – Агасфер из поздней западноевропейской средневековой легенды, по которой он не дал Христу передохнуть на пути к Голгофе и, осужденный за это скитаться по земле до Страшного Суда, был лишен могильного покоя. Об Агасфере писали многие. В том числе и поэты-романтики, которых очень любила Цветаева. Важно, что Вечный Жид, не принимая Христа, свидетельствует о Нем, постоянно повсюду напоминая о Нем самым фактом своего существования. Цветаевой здесь явно гораздо ближе Агасфер, чем принявшие Христа отказавшиеся от веры отцов выкресты.

«За Давидов щит – Мечь...». У самого библейского Давида щита не было. На Голиафа он пошел с пращой и

сказал ему: «Ты идешь против меня с мечом и копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа...» (I книга Царств 17.45). У Давида был иного рода щит – щит веры. В Псалмах много раз говорится, что Господь – твердыня, щит для всех уповающих на Него, щит и ограждение – истина Его Давидов щит – символ иудаизма, шестиконечная звезда. «За Давидов щит – Месть» – наказание за веру, за верность. Жизнь требует отказа от веры, требует предательства. (Здесь поразительно предугадана собственная трагическая судьба Цветаевой – ведь существуют сведения о том, что непосредственным поводом ее самоубийства послужило предложенное ей в Чистополе сотрудничество с НКВД, предательство...)

Судьба избранного Богом народа – евреев, обреченных на мучения и изгнание, для Цветаевой сходна с судьбой избранных Богом людей, слуха которых касается «божественный глагол», – с судьбой поэтов.

Кафка написал свои романы до всякого фашизма. Эти строки Цветаевой появились тоже задолго до Гитлера, до Катастрофы, до Бабьего яра, до реальных рвов, заполненных трупами замученных, до сатанинской попытки «окончательного решения еврейского вопроса». В современной протестантской теологии обсуждается не только моральная ответственность христиан за то, что произошло в Европе с евреями, но и религиозные истоки того, что произошло. В теме «Христианство после Освенцима» теологи затрагивают и вопросы антииудаизма в Новом Завете. К Цветаевой антииудаизм отношения не имеет. Ей важен был не только Новый Завет, но и книги Ветхого Завета. В полном соответствии со словами Христа из евангелия от Матфея: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить».

Некоторые исследователи (например, С.В. Полякова в своей недавней статье в «Венском славистском альманахе»⁷ полагают, что ветхозаветные реминисценции

⁷ Полякова С.В. Из наблюдений над поэтикой Цветаевой // Wiener Slawistischer Almanach. – SBD.32. –1992.

Цветаевой холодны. Думаю, что это не так. Эти реминисценции вовсе не сводятся к бездумному упоминанию имен Моисея, Иова, Агари, Измаила, Давида, Саула и других в стихах «на тему». Они свидетельствуют о глубочайшем переживании истории, которую Цветаева воспринимает не как ушедшее прошлое, а как нечто, требующее понимания, оказывающее влияние, существующее с тех пор, как оно произошло, т. е. всегда. Вопросы же веры и неверия никогда не оставляют ее равнодушной.

В октябре 1927 г. в письме к Горькому она писала о своей нецерковности, даже о внецерковности. За несколько месяцев до этого очень трудную «Поэму Воздуха» она кончала словами:

Так, пространством всосанный,
Шпиль роняет храм –
Дням...

И потом:

В час, когда готический
Храм нагонит шпиль
Собственный – и вычислив
Все – когорты числ!
В час, когда готический
Шпиль нагонит смысл
Собственный...

В более позднем стихотворении «Тоска по родине» (1934) она напишет «Всяк храм мне пуст», а кончит его словами «Но если по дороге – куст / Встает, особенно – рябина...» Храм пуст – от нецерковности, от внецерковности, но вовсе не от антирелигиозности и не из-за отсутствия веры. Бог для нее не в храме, не в церкви.

К еврейской теме это стихотворение, кажется, не имеет никакого отношения. Рябина – символ памяти о незабвенной и забываемой родной стране, любви к России. Но рябина – это куст. «Древовидное растение, разветвляющееся от самого основания», – как сказано в

Словаре современного русского языка. Под текстом стихотворения «Тоска по родине» в тетради Цветаевой имеется помета: «Эти стихи могли бы быть моими последними». Могли бы, но не были. После них – слава Богу – написано еще много, но непосредственно за ними – два о кусте. На этот раз без упоминания рябины. О кусте, который неотступно стоит перед поэтом, побуждает к самым что ни на есть исповедальным мыслям о даровании, о творчестве, к таким мыслям, которые, кажется, невозможно передать словами, потому что передать словами – это все равно что предать:

Да вот и сейчас, словарю
Предавши бессмертную силу –
Да разве я то говорю.
Что знала – пока не раскрыла

Рта, знала еще на черте
Губ, той – за которой осколки...
И снова, во всей полноте,
Знать буду – как только умолкну.

А Мандельштам примерно в то же время (начале 1934 г.) писал:

Быть может, прежде губ уже родился шепот,
И в бездревесности кружились листья...

Но стихотворение Цветаевой о кусте. И куст этот очень напоминает библейскую купину неопалимую, куст, в котором являл Себя ветхозаветный Бог. Даже не просто являл Себя, а «Лицом к лицу говорил Господь... на горе из среды огня...», (Второзак. 5.4) Может быть, этот куст и есть та самая купина, а на месте Моисея – поэт? Перед Богом. Всяк храм был пуст, но «разверстая душа» поэта, «место пусто» – «только кустом не пуста». «Кустом» – значит «из-за куста». И у куста, у Самого Господа Бога поэт – избранник Божий. Мастер слова просит не речи, не слова, а тишины.

А мне от куста – не шуми
Минуточку, мир человеческий!

А мне от куста – тишины:
Той – между молчаньем и речью.

Той – можешь ничем, можешь – всем
Назвать: глубока, неизбывна.
Невнятности! наших поэм
Посмертных – невнятицы дивной.

Невнятицы старых садов.
Невнятицы музыки новой,
Невнятицы первых слогов,
Невнятицы Фауста Второго

«Поэма Воздуха» кончалась словами:

В час, когда готический
Шпиль нагонит смысл
Собственный...

То есть – смысл пребывает за пределами храма, за пределами шпиля, – вообще – за пределами. Смысл – Бог. Этот смысл неясен, но непременно присутствует. Есть он, кажется, и в «Тоске по родине...»

В стихотворении «Куст» дальше:

Как будто бы все кувшины
Востока – на лобное всхолмье.

Но «лобное всхолмье» – это Голгофа. И в ней попытка разьяснения смысла? В «невнятице», невнятности, непонятности этого? Странна в связи с этим и мысль Цветаевой о том, что она – человек – знает что-то, может знать что-то «во всей полноте»...

Одно из последних стихотворений Цветаевой, написанное уже после возвращения в СССР, в начале 1940 г., после ареста дочери и мужа, было посвящено ее московскому другу – еврею Евгению Борисовичу Тагеру. (То, что он еврей, на первый взгляд не играет здесь никакой роли, но, возможно, какое-то значение имеет).

Последняя строфа там такая:

Вас и на ложе неверья гложет
Червь (*бедные мы!*)
Не народился еще, кто вложит
Перст – в рану Фомы.

Здесь снова о вере и неверии. О желании веры, о том, как страдает тот, кто не в состоянии верить. Цветаева сострадает неверующему. Она пишет: «*бедные мы!*»...

У Вл. Соловьева читаем: «Вера, когда она есть только факт, принятый чрез предание, есть дело чрезвычайно непрочное, неустойчивое, всегда и всем застигаемое врасплох. И слава Богу, что так. Исключительно фактическая, слепая вера несообразна достоинству человека. Она свойственна или бесам, которые веруют и трепещут, или животным бессловесным, которые, конечно, принимают закон своей жизни на *веру*. <...>

Я сказал о бесах и животных не для красоты слога, а для исторического напоминания, а именно, что религии, основанные на одной фактической, слепой вере; или отказавшиеся от иных, лучших основ, всегда кончали или дьявольской кровожадностью, или скотским бесстыдством»⁸.

У евангельского Фомы раны не было. Фома неверующий страдал, хотел вложить перст в раны Иисуса Христа, чтобы удостовериться, признать, что перед ним действительно Христос. Увидев, Фома сказал: «Господь мой и Бог мой!» Иисус ответил ему: «Ты поверил, потому что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие». Рана Фомы – это тяжчайшие терзания неверия, такие, которые и измерить-то нельзя⁹. Известное изречение Тертуллиана: «Верую, ибо нелепо» – по-латыни: “Credo, quia absurdum”. Но “absurdum” значит: «непостижимо». То есть – за пределами разума. Это не значит «глупо» или «абсурдно» в

⁸ Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 586.

⁹ Пользуюсь возможностью поблагодарить здесь Ю.А. Айхенвальда и В.М. Герлин за разговоры с ними на эту тему.

нашем смысле. Это не слепая вера, о которой говорил В. Соловьев. Это – за пределами.

Мандельштам хотел

...вложить перста
В кремнистый путь из старой песни,
Как в язву...

Он писал:

Нельзя дышать, и твердь кишит червями,
И ни одна звезда не говорит.
Но, видит Бог, есть музыка над нами...

Марина Цветаева при всем разнообразии ее творческих устремлений, при всем ее любопытствующем внимании к язычеству в поэмах «Молодец», «Царь-Девница» и во многих других стихах, не была язычницей.

Сложность, многослойность написанного Цветаевой, привлекает внимание читателей и исследователей, но тема, всего лишь затронутая в этой статье, пока еще, кажется, изучена гораздо меньше, чем она того заслуживает.

Ион Деген

Действительность, превращенная в неправду

русский интеллигент, личность явно не ординарная, возможно, поэтому весьма симпатичная, человек, к которому я питаю добрые чувства, подарил мне отлично изданную книгу Виктора Астафьева «Прокляты и убиты». (Москва, Эксмо, 2009 г.), считая, что я обязан прочитать этот роман. Вообще об этой книге уши мне пожужжали. Причём, большинство отзывов было просто восторженным. Правда, восторгавшиеся были не фронтовиками, хотя именно они говорили, что эта книга открыла им глаза на ужасы войны.

Произведений Астафьева не читал. Не имел представления о нём, как о писателе. Знал, правда, что он зоологический антисемит. Даже на себе ощутил порцию астафьевского антисемитизма. Но, в конце концов, не повод же это, чтобы не познакомиться с его творчеством. Не отвергаю ведь я Вольтера и Гоголя, Достоевского и Шопена, Ренуара и Вагнера потому, что они антисемиты. Почему же не следует прочитать книгу Астафьева о войне, тем более что меня всегда интересовала и продолжает интересовать военная тема?

С первых же страниц книги, начинающих описывать запасной полк, на меня дохнула такая знакомая, такая затхлая, невыносимая, нечеловеческая, подлая атмосфера, в которую погружён несчастный советский солдат перед уходом на фронт. Сильно написано.

31 декабря 1942 года меня после второго ранения ещё не окрепшего и почти недолеченного выписали в 21-й учебно-танковый полк. К счастью, пробыл я в нём всего несколько дней. Не успел стать доходягой от голода и

глупой, никому, тем более танкисту в боевых условиях не нужной муштры. Я мог подумать, что это единственное в своём роде подразделение Красной армии, не отличающееся от концентрационного лагеря. Подумать, что больше нигде нет ничего подобного. Но в конце мая 1944 года в Нижнем Тагиле на 183-м заводе получил танк, а к нему экипаж, выпущенный из местного учебно-танкового полка. «Господи! – Подумал я, – как же воевать в одном экипаже с этими дистрофиками?». Оказывается, запасной полк, в который я попал после госпиталя, не единственный в Красной армии. Башнёр – кожа да кости. Ему ведь предстоит в тесном боевом отделении танка на ходу из-под ног левой рукой поднять пятнадцатикилограммовый снаряд и правой рукой дослать его в казённый орудия. А у него нет сил для этого даже в открытом пространстве. Механик-водитель двумя руками с трудом переключал кулису перемены передач. Ко всему, вождению танка он обучался всего восемь часов.

Вот почему, начав читать, я был благодарен автору за то, что он так реалистично знакомит читателя с обстановкой запасного полка. Но жёлтый огонь светофора зажгётся предо мной, когда вскоре наткнулся на первую ошибку. В такой книге всё должно быть документально точно, чтобы у читателя не могло возникнуть сомнений, чтобы не решил читатель, что автор, не имеющий представления о предмете, подменяет истину вымыслом.

Виктор Астафьев, безусловно, был в запасном полку. Не мог не быть, призванный в армию (а не доброволец, как указано в его биографии) в восемнадцатилетнем возрасте. Но создавать книгу начал через пятьдесят лет после описанных событий. Подвела его память. И всё-таки странно, что он забыл разницу между капитаном и старшим политруком, тем более что автор так старался создать отрицательный образ. (Зато в 1943 году у него комиссары, когда такое звание уже ликвидировали). Не было в 1942 году начмеда военного округа. Был начальник медицинской службы, военврач определённого ранга.

Несколько раз Астафьев называет в ту пору Красную армию Советской армией. Не знает автор, что командир, до

войны окончивший Забайкальское пехотное училище, выпускался лейтенантом, а не младшим лейтенантом. Что командир не мог сидеть на гауптвахте, а только находиться под домашним арестом. Что осуждённый офицер не в штрафной роте, а в штрафном батальоне. Эту ошибку в дальнейшем он повторил, поместив в штрафную роту врача-офицера. Забыл автор, что в 1942 году в Красной армии ещё не было понятия офицер, а командир, или политработник – политрук, комиссар. Что у командира Красной армии не мог быть значок БГТО. Такой значок мог быть только у ребёнка. Что никаких иммунологических данных в красноармейской книжке не было и не могло быть. Пустяки? Возможно. Меня, например, знающего, что это просто ошибки автора, описывающего реальность, такая небрежность только раздражает. Но ведь читатель, не видевший всего этого, перестанет верить даже правде.

По мере продвижения по книжке уже натыкаешься не на, скажем, неточности, а на ошибки, просто уничтожающие текст, вызывающие сомнение в минимальной компетентности автора.

Конец января 1943 года. Завершается разгром Шестой немецкой армии, итальянцев и румын под Сталинградом. Но в книге ни звука, хотя эти события в ту пору больше всего занимали солдат и имеют непосредственное отношение к героям его книги. Более того, Астафьев пишет, что в это время Воронежский фронт скрытно готовился к наступательной операции. Но уже в декабре 1942 года без всякой «скрытости» Воронежский фронт в Среднедонской операции разгромил 8-ю итальянскую армию. Допустим, не знал этого начинающий солдат Астафьев, ещё в запасном полку, или только что прибывший в действующую армию. Но если пишешь о чём-то, чего не знаешь, или в чём не уверен, надо, хотя бы посмотреть в соответствующие источники. Увы, Астафьеву это не свойственно. Дальше это будет повторяться неоднократно. Как правило.

По мере чтения всё больше огорчали меня и даже раздражали такие ошибки. Но на странице 317 наткнулся на следующее: «...кто-то из комсомольцев-добровольцев,

начитавшийся книг, допрежь всего бестселлера соцреализма "Как закалялась сталь", и внявший воплям неистового публициста: "Хочешь жить – убей немца!", "Где увидишь, там и убей!" – завидевши на другом берегу врага, спустившегося с ведром за водой, схватил винтовку и подстрелил его». Так было нарушено негласно установленное перемирие, за что солдат получил тумаки и от командира взвода и от командира роты. Не знаю, был ли на фронте подобный случай. Думаю, за такое перемирие расстреляли бы командира соединения. Я уже не говорю о стиле этого пассажи. Но оцените моральную позицию даже не солдата Асафьева, а позицию автора. Кроме того, не было сомнений в том, кого автор презрительно назвал «неистовым публицистом». На этой странице мне захотелось прекратить чтение. Всё-таки перевозмог себя. Привычка дочитывать до конца.

И пополнялась коллекция. Командир дивизии – генерал-лейтенант! Это в 1943 году, когда командирами дивизий в основном были полковники. Помощник помкомвзвода. Что это? Недалеко от клокочущего фронта немцы Поволжья. Хоть бы на карту посмотрел, чтобы оценить это «недалеко». «На ротной кухне ящики с консервами» Я обомлел! В каком это подразделении была ротная кухня? А ящик с консервами! В ящике с консервами 24 банки. В воюющей роте в самом лучшем случае вряд ли наберётся 40-50 солдат. Какой же старшина выдаст повару ящик, один только ящик консервов, а тут ящики! Командир артиллерийского полка, симулянт, «с язвой желудка залёг в санбате». Тут просто надо совсем не иметь представления об армии, или нагло плевать на истину ради выдуманной ситуации. Раненого после раздробления голени со свищом и «ободранной лонгеткой» (?) выписали на фронт. До бóльшего абсурда даже додуматься трудно. На фронте ночью «красные и зелёные огни самолётов». Астафьев не был на переднем крае. Но ведь и там, в тылу, где он на своём грузовике возил боеприпасы, в ночном небе можно было только слышать рокот самолётов. Что лётчики самоубийцы, чтобы демаскировать себя огнями? Награбленное у народа золото пошло на позолоту погон. Где на фронте автор видел

позолоченные погоны? «Осветительные ракеты, света ошметками». Какими ошметками? Осветительная ракета, пока не погаснет, подобна электрической лампочке. Светит лампочка ошметками?

В такой же тональности «взвод истребителей» (о самолётах), капсуль гранаты, «спусковая скоба» (это у какого оружия?), «малинопогооники», «сверкая кокардами», младшие политруки на фронте в ноябре 1943 года. В ту же пору – командир танковой дивизии. Не было танковых дивизий. Были танковые бригады, танковые корпуса, танковые армии. Лётчицы на истребителях. Это двукрылые «У-2» истребители? Конца нет подобным нонсенсам.

Определить, что Виктор Астафьев не был воюющим солдатом, мне достаточно по одной фразе: «свежегорящая смазка пулемёта». Какой же солдат, даже самый нерадивый, будет стрелять из пулемёта, из винтовки, из автомата, из пистолета, не удалив смазки? Просто удивительно! Солдат, служивший в артиллерийском полку, не знает, что орудия, поддерживающие пехоту, болванками не стреляют. Ведь на плацдарме у немцев не было танков.

Поэтому меня уже не удивляло, что автор не имеет понятия о переднем крае и об оружии. На господствующей высоте над Днепром у немцев противотанковый ров. Даже если допустить, что немецкой дивизией командует клинический идиот, приказать выкопать противотанковый ров в этом случае он не мог. Но, может быть, противотанковый ров выкопали советские войска при отступлении в 1941 году? На высоте, соседствующей с оврагами? Перед рекой? Нет, при всём бардаке в начале войны в Красной армии тоже не было таких клинических идиотов. Это изобретение автора. И как можно располагать пехоту в обороне в противотанковом рву? И что такое немецкое истребительное орудие?

Надо ли удивляться тому, что описания немцев вообще ни в какие ворота не лезут. Чего стоит история побега из советского плена, из далёкого советского тыла двух немцев и вообще их приключений? Стоит ли говорить об описании немецких наград, о которых у Астафьева абсолютно нет ни малейшего представления. А откуда оно

может быть у автора, не имеющего непосредственного опыта и не пользующегося справочной литературой?

Множество ошибок, только незначительная часть которых приведена для примера, можно объяснить незнанием. Но как объяснить отсутствие понятия времени, доводящее изложение до абсурда? Не поленился подсчитать, сколько лет матери Алексея, с описания которого начинается роман, в момент его призыва в армию. Оказалось, 27. Алексея естественно призвали в восемнадцатилетнем возрасте. Могла ли в северном отрезке Оби девятилетняя дама родить ребёнка?

Вот к чему приводит отсутствие ощущения времени: «Первый бой дивизия генерала Луконина приняла в Задонской заснеженной степи, встав на пути немецких войск, прорвавших фронт и стремившихся не выручку еще одной окружённой армии, кажется, итальянской или румынской». Дивизия, как пишет автор, выехала из Сибири в конце января 1943 года. Естественно, в Немецкую автономную республику она прибыла не через несколько минут. Там дивизия, как пишет автор, занималась боевой подготовкой, доукомплектовывалась, вооружалась. Допустим, это заняло минимум две недели. Таким образом, на фронт дивизия могла попасть не раньше середины февраля. О каком же немецком прорыве вообще можно говорить, если Сталинградская операция завершилась 2 февраля? Не говоря уже о том, что никакого прорыва, который должна была совершить армия Манштейна, вообще не было.

В некоторых случаях временные нелепости доходят до анекдота не меньшего, чем возраст матери героя. Командир роты, затем командир батальона Щусь вступил в бой, как только что подсчитано, в лучшем случае в середине февраля. Был ранен. Допустим, в первый же день боя. После госпиталя получил отпуск. Для этого ранение должно было быть достаточно серьёзным. Следовательно, Щусь был в госпитале, скажем, минимум 2 месяца. Следовательно, к жене в Сибирь он мог добраться не раньше конца апреля. А уже в октябре, во время боёв на Днепровском плацдарме ему известно о рождении сына. Можно упустить время,

необходимое для получения письма из Сибири. Что там каких то несколько недель! Главное, что пятимесячная в самом оптимальном случае беременность завершилась так удачно.

Виктор Астафьев с иронией описывает красивый значок, появившийся на плацдарме буквально через несколько дней после форсирования Днепра. Возможно, значок изготовили даже до начала войны. Кроме вопросительных и восклицательных знаков без всякого текста такую фантастику обсуждать невозможно. Что уж говорить о 66 миллионах населения Германии в 1939 году, которое у Астафьева 85 миллионов. Подумаешь, прошло каких-то 60 лет! Что для этого автора время!

Виктор Асафьев пишет о марше пленных через Москву после завершения Сталинградского окружения. Не было такого. Первый и единственный марш нескольких десятков тысяч пленных немцев, прошедших через Москву, состоялся летом 1944 года. В медсанбате хирурги «в серо-голубой медицинской спецовке». Ещё в 1977 году в Советском Союзе эта «спецовка» была белой. И не было в ту пору понятия предынфарктное состояние. Все эти «мелочи» проходят мимо внимания автора.

Впрочем, многого, описанного в романе, не было. Не было в запасном полку рекламных щитов. Что там рекламировать? Не было в Красной армии в 1943 году понятия фельдфебель. Не было в госпитале няни. Не мог у Шестакова в бою карабин превратиться в автомат и автомат в карабин. Не мог тяжелораненый солдат с перебитой ногой прыгать по пересечённой местности. Не было немецкого контрнаступления с форсированием Днепра. Боюсь возразить по поводу туч мух на плацдарме. Но всё же возникает сомнение, могли ли быть мухи во время начинавшегося снегопада. Не могло быть у командира роты, а затем командира батальона за полгода два ряда орденов и медалей. Даже у маршала. Много ещё несоответствий, несуразностей, цитирования песен и стихов, которых не было в ту пору.

Значительно хуже нелепости, объясняемые не незнанием, а мировоззрением Виктора Астафьева.

Начальник Главного политического управления Рабоче-крестьянской Красной Армии не ненавидимый еврей Мехлис, а русский Щербаков. Но ведь именно еврей должен быть другом еврея, презренного начальника политотдела дивизии. Автор не знает, что не начальник политотдела главная ненавидимая им политическая единица, а заместитель командира дивизии по политчасти, до 1 января 1943 года комиссар дивизии. В книге такой личности нет. Начальник политотдела и до и после занимал такую же должность. Карикатура похорон начальника политотдела вообще выходит за границы здравого смысла. Гроб, окантованный серебром. Серебряные ручки. И духовой оркестр, играющий Девятую Героическую симфонию Бетховена (Не знает автор, что Героическая симфония не Девятая, а Третья. Так зачем позориться?). А ещё полонез Огинского. На похоронах! И это всё на берегу ещё прифронтового Днепра! Но антисемитизм Астафьева непреодолима. Даже положительный герой, начальник связи артиллерийского полка внешне типичная геббельсовская, штюрмеровская карикатура еврея. Есть ещё перлы в комментарии, добавленном автором. Не сдержался Астафьев. Как в анекдоте скорпион на лягушке.

Всё написанное выше – отзыв солдата, реакция на факты в книге о войне, участником которой он был. Я не литератор. Не моё дело судить о художественных достижениях и недостатках книги. Астафьев, безусловно, мастер. Описания биографий героев книги, привязанные к местам, которые знакомы автору, могли бы существовать как отличные отдельные рассказы. Прямая речь персонажей, переполненная уральским и сибирским диалектом, сдобренная сленгом и матом, богата, образна. Хуже, когда литературный русский язык собственно автора засоряется диалектом и сленгом. Плохо, например, *испитое лицо у девочки-ребёнка, тендрякнул водочки, похожий на прыткую насекомую, слышал боль, его и на кинe показывают* и т. д. Это не прямая речь и не литературный русский язык.

Вероятно, книга могла выиграть, если бы сократить в ней значительную часть ботаники и зоологии. Из 794 страниц оставить примерно 400-450. Это субъективное

мнение рядового читателя. Но как эту книгу сделать правдивой?

Александр Зелинский

Черный ворон украинской литературы

По впечатлениям от прочтения очередного украинского «бестселлера» и отзываю в СМ

*Черный ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной?!
Что ты когти распускаешь
Над моею головой?*

лова из этой старинной народной песни как нельзя более подходят к той ситуации, которая сейчас сложилась в украинской литературе. А там разгорается очередной скандал по поводу присуждения высшей литературной – Шевченковской – премии 2011 года некоему Василю Шкляру за роман «Чорний Ворон» (в другом варианте – «Залишенець. Чорний Ворон»).

Слово «Залишенець» – плод «творчества» Шкляра. Как он сам заявлял в интервью, его, якобы, он нашел у одного из непосредственных участников борьбы Михаила Дорошенко. Больше оно нигде не встречается. По мысли Шкляра «Залишенеці» – это те, кто остался в лесу. Все ушли, а они – остались вести войну за идею. Ну, как, к примеру, японские самураи(?). «Этого слова нет в словарях, но оно мне очень понравилось, т. к. имеет некий магнетизм».

Но оставим эти потуги в новациях на ниве многострадального отечественного языка на совести несостоявшегося украинского Даля и перейдем к сути вопроса.

Кто есть кто на украинском литературном олимпе

Владимир Яворивский – председатель Национального союза писателей. В недалеком прошлом – завзятый певец коммунистической партии, а ныне яркий национал-патриот, Яворивский – член КПСС с 1971 по 1990 год, лауреат Государственной премии Украины им. Т.Г. Шевченко за повесть «Вічні Кортеліси» (1984) о зверствах бандеровцев (ОУН-УПА)

В интервью ряду украинских СМИ Яворивский объяснил выбор тем, что «роман "Черный ворон" не просто реставрирует большой период нашей истории, он фактически "консолидирует(?)" Украину, потому, что послевоенные подвиги воинов УПА за независимость сегодня дополняются тем, что Восточная Украина так же буквально до последнего боролась против советизации украинской жизни».

Иван Драч – украинский политик, поэт, писатель, критик и «почти диссидент» советской эпохи. Член КПСС с 1959 по 1990 год. Герой Украины. После разгрома советским режимом диссидентского движения Драч написал властям покаянное письмо, в котором каялся в своих связях с диссидентами (май 1966). После этого отношения Драча и официальных властей стали гладкими. В 1976 году он даже получил Государственную премию УССР им. Т.Г. Шевченко за свой очередной сборник стихов. В 1983 году Иван Драч был удостоен уже Государственной премии СССР в той же категории. В 1992-2000 гг. Драч был главой Украинского всемирного координационного совета. Кроме того, с 1995 года и до сих пор он возглавляет Конгресс украинской интеллигенции.

Драч, используя все свое влияние в украинских литературных кругах, стал наиболее активным лоббистом В. Шкляра и его «Черного ворона» в Шевченковском комитете по премиям.

Роман Лубкивский – глава Шевченковского комитета, галичанин.

Украинский поэт, литературный деятель и дипломат. Закончил филологический факультет Львовского университета. Работал редактором во львовском

издательстве «Каменяр». Возглавлял Львовское областное управление культуры. Опубликовал поэму «Дорогой ангелов», где сравнил В. Ющенко с Иисусом Христом, а бывшего президента Л. Кучму вывел в образе Сатаны. Был послом Украины в Чехии и Словакии. В его бытность в Чехии: покончила с собой главный бухгалтер посольства Наталья Майборода, мать двоих детей. Она выпрыгнула с четвертого этажа после того, как она представила финансовый отчет посольства. Тогда пресса прямо связала эту трагедию с приездом в Прагу комиссии Министерства иностранных дел и решением о замене посла Украины. В своих высказываниях Лубкивский утверждает, что всегда «должны быть четко прописаны национальные приоритеты, защита украинского языка как государственного, защита исторических ценностей, контакт с мировым украинством». Он же добился исключения из списка номинантов на премию спектакля по повести Оксаны Забужко «Полевые исследования украинского секса», якобы за натуралистические сексуальные сцены, чем вызвал немало нареканий в кругах театральной общественности. Но, что не дозволено было для Забужко, на то же, и в гораздо большем объеме Лубкивский закрыл глаза у Шкляра. «Решение Шевченковского комитета по «Черному ворону» считаю правильным», – говорит его глава.

<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83%D0%B1%D0%BA%D0%B8%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9,%D0%A0%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%9C%D0%B0%D1%80%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87> - cite note-prim-
1 Василь Шкляр – автор скандального романа «Черный Ворон». Родом из Черкащины. Закончил почему-то Ереванский университет. Работал журналистом, редактором. За долгие годы тусовки в замкнутом мирке киевского литературного бомонда приобрел немалые связи, даже стал заместителем председателя Национального союза писателей. Связи же с успехом использовал для проталкивания написанных им книг прозы, что, впрочем, так и не помогло ему приобрести широкую известность в среде читающей публики. С приходом в президентство В. Ющенко и с

началом взятого им курса на украинизацию и русофобию, Шкляр решил, что должен наступить его «звездный час», результатом чего и явилось появление «Черного Ворона» – откровенного бульварного ширпотребя, густо замешанного на сексе, антисемитизме и ксенофобии.

Но Шкляр со своим творением слегка не успел. Ориентиры новой власти сменились, хотя на литературном олимпе пока остались все те же одиозные личности. И они своим решением по «Черному ворону» добавили головной боли и новому президенту и его команде, у которых хватало проблем с другими, более важными аспектами жизни в Украине.

Член комитета писатель Александр Сизоненко: «Я не знаю, что же тогда является русофобией и антисемитизмом, если не этот роман. Мы пытались остановить это безумие, но проиграли сражение». Увы, пересилили уже вышеописанные «столпы» украинской элиты и необходимые 17 из 25 голосов в Шевченковском комитете «Черный ворон» собрал. Позор, но он обошел трилогию детского писателя Владимира Рутковского «Джури» – первую и широко популярную детскую книгу о казаках. Видимо клясть последними словами «жидов и москалей» по мнению национал-просвещенных членов Шевченковского комитета сегодня важнее, чем какие-то там детские книги о казаках.

Вот так и получилось, что престижную премию получил человек, считающий Крым и Донбасс «раковыми опухолями» Украины: «Да, давайте согласимся, Донбасс и Крым никогда исторически не были украинской территорией, и если нация больна и не может переварить, освоить эту территорию, то от нее лучше избавиться... Если провести границу по результатам президентских выборов, мы станем меньше территориально, но превратимся в полноценное государство» – вещает этот новоявленный оракул, лауреат Шевченковской премии-2011. Впрочем, чему удивляться после того, какознакомишься с фактами из карьер деятелей, которые дали автору этого вот излияния высшую премию Украины.

Этим украинские национал-творцы, которые продолжают быть в большинстве в Шевченковском комитете (а он является государственной организацией – структурным подразделением «Государственного управления делами»)!) решили популярно объяснить всей русскоязычной Украине: «вы можете сколько угодно выплавлять сталь, добывать уголь, строить турбины и запускать ракеты, но вопросы идеологии все равно будем решать мы, националисты. Мы в этой области хозяева, а не вы. Утритесь, когда Президент будет вручать нам эту премию»!

Основная фабула романа «Черный Ворон»

В романе речь идет о малоизвестных событиях 1920 годов по причине их незначительности в сравнении с гигантским катаклизмом, повергшим в хаос гражданской войны останки Российской империи. Тогда «украинские повстанцы» боролись против советской власти, которую по сюжету книги в основном представляют «москали» и «жиды». Фактически же это были жалкие остатки новоявленной казацкой вольницы, так называемой «Холодноярской республики» – кратковременного образования из нескольких сел в районе Митронинского монастыря, существовавшего в 1920-1922 гг. на Черкасщине и переродившегося потом в откровенный бандитизм и мародерство.

Воспетый в романе атаман Черный Ворон – темная личность, вынырнувшая из небытия в мутные годы конца гражданской войны. Судя по историческим документам, да и по признанию самого Шкляра, главарей банд, действовавших на территории Украины, с такой кличкой было не менее пяти. Из них он намеренно выбрал наименее известную личность, сведений о которой почти не сохранилось. Это – некий Иван Черноус (Черноусов, Белоусов) из-под Толмача, что в нынешнем Шполянском районе Черкасщины. Он, якобы, мнил себя поэтом, и даже свои воззвания к крестьянам на борьбу с советами писал в стихах. Так ли это – история умалчивает, но бесспорно, что выбор Шкляра был обусловлен тем, что это давало ему простор для необузданной «творческой» фантазии в его

опусе. Ведь опровергнуть то, что он там наваял, при скудости исторических свидетельств невозможно.

О масштабе личности и деяниях его героя можно судить лишь по документам архивов ЧК, а они свидетельствуют следующее.

В 1921 году в его банде было 150 пехотинцев, 25 конников и один (!) пулемет. Банда зверствовала в Звенигородском, Черкасском, Чигиринском *повятах*, Холодном Яре, в Лебединском и Шполянском лесах, в районах сел Толмач, Водяное, Шестаковка, местечек Белозерье и Златополь, у Виноградского монастыря и др.

Из документа ЧК: «Черный Ворон – непримиримо хитрый и тупой враг. Будучи уже амнистированным, он, по донесениям агентуры, тайно продолжает убивать других амнистированных, выдавая это за деяния Советской власти, изменяющей своим обещаниям...»

И еще: «26 июня между селами Толмач и Водяное... был бой с означенным батальоном, в результате которого батальон потерял 3 лошадей убитыми, тачанку, пулемет, кроме того, убито два красноармейца, первый – помощник комиссара, второй – разведчик, и ранен командир батальона... Черный Ворон тяжело ранен... Бой продолжался четыре часа. Количество бандитов доходило до 100 человек, из них 30 сабель».

29 октября 1922 г. возле села Москаленки, что в 25 верстах от Смелы, произошел бой объединенного отряда милиции и самообороны села Ротмистровка с остатками банды Черного Ворона численностью в 6 человек. Во время боя были убиты сам Черный Ворон и еще один бандит. «Труп Черного Ворона опознан местным населением и в Черкассах сфотографирован». На этом, как свидетельствуют документы, эпопея холодноярского Робин Гуда бесславно завершилась.

По мысли Шкляра повстанцы Холодного Яра действительно «убивали, вешали, сжигали, но кого? Видите ли – врагов украинской независимости. И они продолжали борьбу даже тогда, когда уже не оставалось ни единой надежды на "освобождение"». Именно таким в интерпретации Шкляра был отряд атамана Черного Ворона.

Его банда и «залишенцы» по мысли автора боролись за свободу Украины против всех вокруг – большевиков, ЧК, ГПУ, других банд, литовцев, башкир, а также, конкретно, против москалей и жидов. В конце все «герои» умирают за правое, по их мнению, дело – свободу Украины, а их родственники погибают от голода в 1933 году и в лагерях. В контексте всего этого русский или еврей как слова в романе вообще не употребляются. Сплошные москалей, жида и «ходи» (китайцы). Эти, что ли, свободе Украины тоже угрожали? И, как всегда, москалей – самые жестокие, женщин насилуют, детей убивают и свободе угрожают. Жида, так те вообще антихристы! Шкляр именно так и пишет «жида-антихристи» через дефис.

Вердикт всему этому: тупая графомания, помноженная на антисемитизм и русофобию. Притом, по сути своей, антиисторическая. Судя по всему, речь идет о борьбе с советской властью крестьянских повстанцев. Но в 1920 годы она шла на территории всей бывшей Российской империи, а не только в Украине. Это была война крестьян против большевиков, война классовая, но, никоим образом, не национальная. Если повстанцы «Черного ворона» воевали против «кацапских» оккупантов, то с оккупантами какой национальности воевали в тоже время русские повстанцы-крестьяне в Тамбовской губернии во время Антоновского мятежа?

«Перлы» из романа О китайцах

...Так вот, подвели раскосых к бревну и я приказал им, чтобы положили на него головы. Даже не знаю, что это за придурки такие были: китайцы, которые попадали к нам в руки, словно замороженные, подставляли шеи под наши сабли. Никаких тебе мольб о пощаде, ни писка, полное согласие с тем, чего не миновать. И вот, когда уже несколько голов покатило в красную от крови траву, к бревну подошел последний. Худой, небольшого роста, ноги колесом, мне показалось, что если бы я схватил его за колено и швырнул подальше, то он и катился бы, как колесо, неизвестно куда, ну, несчастье и – все. Но вот что интересного было в этом несчастье: лоб спереди выбрит, а

волосы на затылке заплетены в косичку, и когда он опустился на колени и положил голову на колоду, то вдруг взял эту косичку и задрал ее на темя. Это меня рассмешило.

Он что – боялся, чтобы такую «красоту» не отсоединили от головы? Или убрал ее с затылка, чтобы не заляпать кровью?

Рука моя опустилась. Я не знал, смеяться, что ли, но хорошо видел, что у этого косоного нет ни капли страха, будто он отправлялся напрямик в рай и, сукин сын, боялся только одного – чтобы в том раю его косичка была целой, красивой и не забрызгана кровью. Тогда я схватил его за этот хвост, резко поднял с колен и повернул к себе лицом. Нет, никакой тени страха не было в черных щелях его глаз, он смотрел на меня с каким-то тихим интересом и пониманием. А потом сказал:

– Чань воюет за тот, кто дает кусать. Ты даешь кусать – Чань будет воевать за тебя.

Я отпустил его косичку и вместо того, чтобы вновь бросить косоногого на бревно, обернулся к ребятам:

– А что, заберем этого придурка с собой? Может быть, обтешем и вымуштруем, как собаку.

(Стр. 10-11 – Часть 1 Раздел 1 Глава 1)

О русских

1. Его орда восприняла эту ярость как приказ, кацапюги толпой налетели на мертвого – мелкие, кривоногие, но очень мордатые, с плоскими, налитыми кровью рожками, – они с дикарским гоготаньем и матючною также начали дубасить атамана Кольбу, и так дубасили, что приبلуда с недалекого Жаботина Федя Песков, который показал им дорогу на хутор Кресельцы, наложил в брюки, и долго не мог сообразить, что это такое там горячее (не кровь ли?) стекает по его икрам. Испугался насмерть, выродок, хотя и не знал, что через неделю сам будет болтаться в петле на сухой ветке.

2. Кацападлы никак не могли угомониться, и кто знает, сколько бы они еще нагоняли злость

(Стр. 18, Часть 1 Раздел 1 Глава 4)

3. Это были небольшого роста, кривоногие, надменные и нахрапистые москали, долговязые,

толстокожие латыши с ледяными глазами, угрюмые и вечно голодные китайцы, которых наши крестьяне называли «слепыми», юродивые с лица чуваши и башкиры, и у всех на языке крутилось одно загадочно-ужасающее слово «Хальоднияр».

(Стр. 25, Часть 1 Раздел 2 Глава 2)

4 ...на них двинулась орда пьяных москалей-дезертиров, что вывалилась из вагонов в поисках легкой добычи <...> В этой потасовке с вишивой кацапнею...

5. Выхватил саблю, взмахнул со всего плеча, и чужая рука, отсеченная по локоть, упала на землю.

Толпа вмиг притихла, ошалевшие москали, потупив головы, смотрели на отрубленную руку, которая еще жила и шевелила растопыренными пальцами.

6. В этой потасовке с вишивой кацапнею настигла беда и Черноуса

(Стр. 35-36, Часть 1. Раздел 2. Глава 3)

7. Мы должны показать кацапам и нашим крестьянам, кто здесь хозяин

(Стр. 38, Часть 1 Раздел 2 Глава 3)

8. Операцию начали в четыре ночи, когда пьяная москальня захрапела крепким сном

9. Москали выскакивали из дверей и окон в одном белье, спросонья бежали напрямую кто куда, через заборы, перелазы, огороды, сады, мелькая своими кальсонами. Но какой хорошей мишенью были эти кальсоны ночью!

10. Когда понемногу рассвело, они увидели, какой урон они нанесли москалям. Поселок был усеян трупами, распластанные и скрюченные они валялись в пыли, в сорняках, под заборами, в огородах, пустошах. Один бедняга свисал с плота в таких загаженных кальсонах, что противно было смотреть, другой где-то по дороге потерял голову (видно, наткнулся на саблю) и застыл в луже смолистой крови, еще один лежал на куче навоза с выпущенными кишками.

(Стр. 41, Часть 1 Раздел 2 Глава 3)

11. Грызло вытащил из кустов сжавшегося москаля и так навзмишь рубанул его, что голова отлетела вместе с плечом и рукой.

12. Черноус сразу узнал ушастого москаля.

(Стр. 42, Часть 1 Раздел 2 Глава 3)

13. Удивительно трогательный вид имели бритоголовые солдатики – странные такие, мелкие, ушастые, наивные, сопливые, ну совсем как дети, они гудели, как жуки, но так вдохновенно, что можно было зарыдать от этого зрелища. Все их роты стояли буквой «о», и из этих о-подобных дырочек, как из дупел или нор, раздавалось какое удивительно жалкое гудение жуков.

(Стр. 62, Часть 1 Раздел 3. Глава 3)

14 ...подошел к задним рядам и так замахнулся гранатой, что солдатики в один миг понагиналы головы, закрыв руками уши, словно боялись не столько «кукурузных» осколков, сколько оглушительного взрыва.

15. Братья крестьяне! Не спите, убивайте, где только можно московскую нечисть. Кто еще способен взять в руки оружие – идите в лес. Не верьте обещаниям москалей и хриstopродавцев. Не суйте голову в ярмо кацапщины!

(Стр. 90, Часть 1 Раздел 4 Глава 4)

16. Варфоломей упал навзничь, и москальня проскакала по нему, наступая копытами на голову, грудь, живот, будто бы хотела сравнять его с землей.

(Стр. 82, Часть 1 Раздел 4 Глава 3)

17. Кацапчуки нам попались покладистые, не упирались, сразу отдали оружие и разделись так быстро, словно мы им растопили баню.

(Стр. 203, Часть 2 Раздел 4 Глава 2)

18. И тут появляется Болбочан, который без их помощи очищает от москальни пол-Украины, Крым.

(Стр. 255, Часть 3 Раздел 1. Глава 3)

О евреях

1 ...разгоряченные от хорошей работы казаки подвели к атаману испуганного в смерть человека, который не имел никакого вида.

Подвели и спрашивают, что с этим жидом делать – повесить сразу или пощекотать, чтобы признался, кто он такой? «А ну дайте сала, будет есть?» – велел атаман. Дали бедняге целую четверть, он впился в нее зубами, отрывал большие куски и глотал, не прожевывая. «Э, видно, что

еврей, но еврей хороший, – засмеялся атаман. – Отпустите его».

(Стр. 66, Часть 1 Раздел 4 Глава 1)

2. Циля была интересна жидовочка

(Стр. 94, Часть 1 Раздел 4 Глава 4)

3. *Быстро появились листовки с призывами не верить московским палачам, бить на каждом шагу жидо-кацапскую коммуну.*

4. *Должны дождаться того часа, когда весь мир убедится, что такое жидо-московская коммуна, и наш народ, протрезвев, снова возьмется за оружие.*

(Стр. 142, Часть 2 Раздел 1 Глава 2)

5. *От села через поле сюда подтягивалась воинственная толпа – это двигалась жидовская самооборона.*

6. *Жиды не полезут – это точно.*

(Стр. 231, Часть 3 Раздел 1. Глава 3)

7. *Братья ордена создали для себя слишком строгие правила: не спать в еврейских домах, не заниматься любовью с женщинами, не курить и не пить.*

(Стр. 247, Часть 3. Раздел 2. Глава 1)

А такие, к примеру, сексуальные перлы этого, с позволения сказать, «произведения»:

...«Когда Циля, задрав руки, сладко потянулась и жакетка тоже подскочила вверх, ему показалось, что те панталончики соскочили с нее. Но нет, в следующее мгновение она сама стащила их едва ли не до колен, ...потом присела, и упругая струя зашелестела в траву».

Нельзя без содрогания читать в этом опусе и об изобретателе украинской паровой гильотины. По замыслу народного инженера, молодое украинское государство нуждалось в машине для рубки голов «москалям». Поэтому он создал чудо техники – гибрид гильотины и паровой машины, которая должна была работать без остановки. Во время испытаний машина взрывается. Сам горе-изобретатель улетает в небо и, проломив крышу коровника, падает в навозную яму. Спустя три главы в ту же яму прилетает и диверсант, пытавшийся заминировать штаб Красной Армии. Недавно починенная крыша опять

проломлена. Доярка Маша всерьез подозревает, что с украинцами происходит «что-то не то». Таких моментов масса. А возьмите подтекст, например, в финале, где герой умирает от голодомора под забором с надписью «Кто не работает, тот не ест». Он становится легкой добычей ручного говорящего ворона по кличке Абрам Соломонович, который поет украинские народные песни, приступая к трапезе. Низкопробный антисемитизм? Скорее всего, да.

А вот образчик откровенного ширпотреба в этом же опусе:

На первых же его страницах слепая бабка Евдося подкладывает в постель Черному Ворону сельскую шлюху, благоухающую «дикой орхидеей». Самого Ворона бабушка, видимо, обильно окропила любимыми духами Микки Рурка прямо на шаровары – дальше, становится все понятно и продолжать не имеет смысла...

Дина Ратнер

К вопросу формирования национального самосознания грузин

огласно тезису Аристотеля, «Историк описывает факты – то что произошло, а поэт то, что может произойти по вероятности или по необходимости». Здесь вероятность и действительность настолько взаимосвязаны, что часто бывает трудно разграничить функции историка и поэта. Становление национального самосознания является предметом постижения не только истории и искусства, но и философии и богословия.

Национальное самосознание, уходящее корнями в далекое прошлое, непосредственно связано с вероисповеданием. В настоящей статье доказывается, казалось бы, парадоксальная мысль о том, что христианство Грузии более схоже с иудаизмом, нежели с русским православием.

Национальное самосознание – внутренняя, имманентно присущая народу данность. Если фактические события в Грузии, в частности, нескончаемые войны с турками, арабами, татарами, персами, не зависели от воли народа, то «история души» – проявление ее глубинной сущности. Именно эта сущность, выражающаяся в духовной напряженности, а не в численной и военной мощи, определяет особенность нации. Так же и с отдельным человеком – не внешние обстоятельства, а стойкость, великодушие, широта ума определяют ценность личности. И в этом смысле биография души интереснее биографии фактов. Речь идет о проблеме соотносительности духовного ядра, духовной «монады» с внешними обстоятельствами. По

этому поводу Георгий Нодиа в статье «О феномене национального» пишет: «Если история есть творец нации, нация уже не есть хозяйка своей судьбы. Это вызывает справедливый протест. И реакция на него – стремление сделать ядро национального как можно более прочным, "открыть" признак или систему признаков, сопровождающих каждое проявление национального в течение тысячелетий»¹. Сущность самосознания народа следует искать в преемственности развития его духовной культуры, и в частности, религии и философии.

Обратимся к истории становления национального самосознания грузин со времени проникновения в страну идеи единобожия. Настоящая задача, конечно же, требует фундаментального исследования; мы всего лишь наметим возможные пути подхода к поставленной проблеме. Начнем с религиозного самосознания. Характерным признаком грузинского православия является его персоналистический характер, выражающийся, в отличие от русского православия, не только в сознании греха и раскаяния, но и в диалоге с Богом, в желании осмыслить мир и свое назначение. Начал диалог с Богом Амирани. Амирани в грузинском эпосе – символ противостояния Бога и человека, извечного желания абсолюта и невозможности его достичь. Если Прометей, будучи небожителем, сумел в конце концов освободиться, он знал тайну конца Зевсова царствования, то Амирани остался прикованным к скале и по сей день. По сей день человек, раздираемый своей двойственной природой – физической и духовной – мучительно выбирает между свободой и необходимостью.

Амирани – достойный оппонент Бога. Не потому ли после каждого поражения Бог прибавляет ему силы? В самом деле, не рабское смирение, а богоподобность, вызов Творцу, в смысле преодоления физической природы человека, предполагает больше мужества и веры в торжество добра. Героические песни Грузии, восходящие к эпохе апокрифов, воспевают поколение, которое

¹ Нодиа Г.О. феномене национального. – Литературная Грузия, 1986 № 10, с. 200.

предшествовало нам, обычным людям. Амирани был наделен «быстротой с горы скатывающегося бревна, тягой горного снежного обвала, силой двенадцати пар быков и буйволов, походкой волка». Эпос о прикованном к скале Кавказского хребта богоборце дошел до нас в виде многочисленных вариантов. В древней Колхиде и в районах, прилегающих к городу Мцхета, такое сказание существовало задолго до нового летоисчисления. Как пишет А.С. Хаханов, сказание об Амирани отражает влияние Священного Писания, где сохранились мотивы апокрифов о Соломоне².

Богоборческий эпос, отражая мироощущение народа, конечно же, не мог не сказаться на специфике религиозного сознания грузин. Этой специфике предшествовала также история принятия Грузией христианства. Если в принятии христианства Россией есть элемент случайности; князья часто руководствовались дипломатическими и экономическими соображениями, в частности, торговлей с Болгарией и Византией, да и крещение языческой Руси нередко носило насильственный характер, то в Грузии происходило постепенное вращение единобожия в сознание народа.

Религиозно-нравственные поучения христианского культа, проникшего в Россию из Византии в 982 г., выразались в виде идеи сурового аскетизма. Режим аскетического смирения нашел отражение в отрицании всего мирского, в «презрении мирской прелести» и «побеждении мятежа жития сего» молитвой, постом и страданием. Не случайно человек и Бог на Руси – это отношения просящего и милующего. Отсюда возможность греха, ибо есть надежда на всепрощение – Бог милостив, простит.

Не столько смирение и покаяние, сколько библейский диалог с Богом характерен для грузин. Грех же для грузина означал утрату возможности быть достойным собеседником Бога, утрату чести. Смирение имеет место и в иудаизме, однако главная черта иудейского

² Хаханов А.С. Очерки по истории грузинской словесности. Вып. 1 – М, 1895, с. 4.

вероисповедания – свобода воли и ответственность за свои поступки. Индивидуальная ответственность перед Всевышним является основным признаком и грузинского самосознания. Не случайно в Грузии бытует слово «шамертеба», что означает: «последний взгляд человека в глаза Богу».

Согласно истории грузинской церкви, идея единобожия была внесена в Грузию задолго до рождения Христа потомками Первосвященника Илии³. В Горе («Берешит»/«Бытие»/ 10: 21-31) перечислены потомки Шема (Сима) и указаны районы их обитания. Об изначальной общности грузинского и еврейского народов свидетельствует тот факт, что до Авраама у семитских народов и языческой Грузии были одни и те же боги; мы об этом читаем в рукописях Н. Марра. Например, серебряному идолу по имени Га первоначально поклонялись семиты. «Можно предположить, – пишет Н. Марр, – что обозначение «Га» попало в Грузию из Сирии. Но само слово «Га» существовало еще в грузинском тексте Библии, где оно сохранилось и в московском издании. Название бога или кумира «Га» находим в седьмой главе первой книги Самуила или «Царств» грузинского перевода дважды, в третьем и четвертом стихах. Следовательно, можно говорить о том, что библейские племена и в самом деле находили приют на территории Грузии»⁴.

Сведения о территориальной общности грузинского и еврейского народов содержатся в трудах античных писателей. Иосиф Флавий пишет о Геродоте Геликарнасском, который также упоминал о наличии в Грузии еврейских племен⁵. Историк Г. Собинов замечает по поводу еврейских поселений: «Когда греки впервые

³ См.: Пергаментный Синаксар на 1 октября, принадлежащий Мцхетскому католикосному Собору. Рукопись древняя, без означения года написания. – В кн.: Собинов Г. История грузинской церкви до конца VI века. – СПб., 1877.

⁴ Записи Н. Марра в кн.: Орбели Р.Р. Грузинские рукописи Института востоковедения АН СССР. – М. – Л., 1956, с. 17-21.

⁵ Флавий И. О древности иудейского народа. – СПб., 1895, с. 39-40.

познакомились с Западной Грузией, они встретили огромное количество евреев, и чем больше знакомились, тем больше убеждались в преобладании этого народа. Почему и дали этой части Грузии название «Иберия», от еврейского слова «Иврейон», что означало место, населенное евреями. Впоследствии это название перенесено на всю остальную Грузию»⁶. О большом количестве евреев в Грузии свидетельствует Александр Македонский⁷. Не случайно в Грузии распространено предание о том, что тамошние евреи происходят от десяти колен Израилевых⁸. Настоящее предание подтверждается и работами грузинского историка П.И. Иоселиани, который пишет о насильственном изгнании евреев из Эрец-Исраэль во время вавилонского царя Навуходоносора (V-IV вв. до нового летосчисления) и их появлении в Иберии недалеко от города Мцхета⁹. Тот же Иоселиани пишет о том, что евреи селились в Грузии еще прежде Навуходоносора¹⁰. В сочинениях Эльгада ха-Дани (вторая половина IX столетия) сказано о четырех израильских коленах, живших в стране Куш (стране, означающей в средневековой еврейской письменности либо Эфиопию, либо Индию, либо Кавказ). С.Л. Рапопорт доказывает, что автор имел в виду именно Кавказ; в словах «по горам, на берегу моря, на границе (буквально на конце) Персии и Мидии» без всякой натяжки можно найти указание на кавказских евреев, тем более что уже в древнем мидраше имеется намек на поселение колена Иссахарова в древней

⁶ Собинов Г. История грузинской церкви до конца VI века. – СПб, 1877.

⁷ Чичинадзе З. Грузинские евреи в Грузии. – Тифлис, 1904 (на груз. яз.).

⁸ Литературная летопись. Кавказские евреи. Путешествие по Закавказью И.Я. Черного. – Журн. Восход, СПб, декабрь 1884 г., с. 36.

⁹ См. Иоселиани П.И. Краткая история грузинской церкви. – СПб., 1843.

¹⁰ Иоселиани П.И. Различные наименования грузин. – ЖМВД., 1855, № 6. Прил. 1, с. 156.

Иберии¹¹. Принято считать, что на Кавказе живут две различные по языку и обычаям ветви: грузинские и горские евреи. Среди них бытует предание об общности происхождения, причем грузинских евреев считают наиболее близкими по крови к евреям Эрец Исраэль, ибо они не смешивались ни с татарами, ни с хазарами.

Обращаясь к археологическим раскопкам, мы можем отметить тот факт, что при постройке шоссе между Тифлисом и Мцхетой были обнаружены древние погребения, которые, согласно исследованиям, принадлежат народу семитской расы и относятся примерно к I тысячелетию до нового летосчисления¹². О. Габидзашвили первые сведения о евреях в Грузии относит к XV веку до н. э.¹³.

Если массовую миграцию евреев в Грузию принято относить ко времени вавилонского пленения, то следующее большое переселение произошло во время разрушения императором Титом второго Храма. Новая волна беженцев рассеялась по миру; десять тысяч человек осели в Картолинии и Гурии. Особенно большое количество евреев было в Кахетии¹⁴.

Ссылаясь на материалы грузинской Летописи, З. Чичинадзе делает вывод: иврит был настолько распространен в древней Грузии, что им пользовалось и местное население. Интересно, что в некоторых сванских деревнях до сих пор сохранились рукописи Торы на древнееврейском языке. Местные жители берегут их как святыню и молятся над ними¹⁵. С. Баратов говорит о

¹¹ Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. – СПб., 1874, с. 4, 23, 26.

¹² См.: Плисецкий М. Религия и быт грузинских евреев. – М., 1930.

¹³ Габидзашвили О. Иудаизм и его пережитки в Грузии. – Тбилиси, 1973.

¹⁴ См.: Чичинадзе З. Грузинские евреи в Грузии. – Тифлис, 1904.

Те же сведения в вышеупомянутых трудах М. Плисецкого и А. Гаркави. См.: О первоначальном обиталище семитов, индоевропейцев и хамитов. – СПб., 1872.

¹⁵ См.: Чичинадзе З. Грузинские евреи в Грузии. – Тифлис, 1904.

сходстве грузинского алфавита с еврейским¹⁶. В его исследовании можно прочесть и о том, что грузинский язык является характерным представителем особой лингвистической ветви, которая, в свою очередь, находится в генетическом родстве с семитской ветвью языков. Имеет место фонетическая родственность, корни слов и в иврите, и в грузинском состоят из согласных букв. На основании сравнительной фонетики Н. Марру (см. предыдущую сноску) удалось отождествить около тысячи корней! Такая поразительная общность наводит на мысль: а не принять ли всерьез предание о десяти коленах, нашедших пристанище в Иберии?

С. Баратов в ранее названной работе отмечает также и бытующую в Грузии молву о том, что хевсуры – бывшие евреи. Настоящее мнение основывается на сохранившейся легенде о некоем еврее, приближенном царя, ставшем впоследствии родоначальником хевсур. В хевсурском языке (грузинский с большим количеством архаических форм) имеется много слов семитского происхождения; причем хевсуры не едят свинину и соблюдают субботу. А вот что можно прочесть по этому поводу в статье «Иудеи в древней Иберии»: «Неядение некоторыми горскими грузинами свиного мяса и празднование субботы доказывает, что грузины находились под сильным влиянием монотеистической религии. Везде, где были рассеяны иудеи, было много прозелитов правды, принимавших обрезание и весь обрядовый закон»¹⁷. Часто исповедовали иудаизм грузинские землевладельцы, которые имели по несколько тысяч подданных-евреев. Впоследствии грузинские цари многим еврейским подданным дали княжеские звания. В IV-III вв. до н. э. евреи пользовались доверием царя Фарнаоза, который позволил им селиться в столице Грузии Мцхете и

¹⁶ Баратов С. История Грузии – СПб., 1865, тетрадь 1. См. также Марр Н.Я. Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитским. – СПб., 1908.

¹⁷ Садганезов Г. Иудеи в древней Иберии. - Журн. Пастырь, СПб., 1884-1888, № 2, с. 6.

ее окрестностях, а также на берегах рек Арагвы и Куры. Поскольку в иудейских поселениях были люди разных профессий, организовались своего рода колонии – кварталы, где строго исповедовали веру отцов, со своими книжниками, священнослужителями, учеными и мудрецами-хахамами.

Характерно то обстоятельство, что рассыпавшиеся по Кавказу иудеи в Армении не оседали. З. Чичинадзе в ранее означенной работе объясняет это тем, что, будучи торговым народом, они не выдерживали конкуренции с местным армянским населением. Сказывались и политические соображения. Армения принимала участие в борьбе Рима с Иудеей, и евреи, таким образом, становились врагами Армении. Наоборот, когда Кир покорил Грузию, то иудеи Эрец Исраэль и грузины сделались гражданами одного государства, вследствие чего отношения Иберии и Палестины стали особенно близкими.

Грузинское население не ущемляло свободы пришельцев, более того, грузины считали себя потомками израильских царей Багратидов и потому особенно чтит носителей Моисеевой веры. Первый представитель династии Багратидов, Гурам Багратид Куропал из рода царя Давида, прибыл на Кавказ за пятьсот лет до н.э. От Багратидов произошли три важнейшие ветви этой династии: абхазская, карталинская и кахетинская. Историк Л. Туманишвили составил генеалогическую таблицу царей и правителей Грузии (она начата чуть ли не с Адама и доведена до внуков последнего грузинского царя Георгия XII, 1750-1800); историк доказывает, что правители Грузии – семиты¹⁸.

Династия грузинских царей окрепла и развилась в престольном городе Мцхета. В гербе грузинского царя VI в., то есть во время царствования династии Багратидов, изображалась праща, убившая Голиафа, гусли еврейского царя Давида, весы – символ мудрого правосудия Соломона,

¹⁸ См. Рукописи Д. Туманишвили. В кн: Орбели Р.Р. Грузинские рукописи Института востоковедения АН СССР. – М.-Л., 1956.

хитон Господень и Георгий Победоносец¹⁹ с попраным драконом. Над гербом надпись: «Божьей милостью потомок Ишая, Давида и Соломона ...царь всея Грузии», а вокруг одиннадцатый стих 132-го псалма (по еврейскому тексту): «Клялся Господь Давиду истиною и не отвержется ея, от плода чрева твоего посажу на престоле твоем»²⁰.

Багратиды играли важную роль в истории Грузии. Один из них женился на дочери царя Вахтанга Горгасала (ок. 440-502) Потомок Багратидов, Леон II принял титул царя Абхазского, женился на дочери хазарского хагана и с помощью хазар занял всю Мингрелию и Имеретию. Кстати, хазары исповедовали иудаизм.

Евреи Грузии разделяли судьбу местного населения, участвовали во всех политических и хозяйственных делах приютившей их страны, но при этом ориентировались на свою историческую родину. Между Эрец Исраэль и Иберией не прекращалось непосредственное общение; еврейские священнослужители подчинялись религиозным авторитетам своей духовной метрополии. Как свидетельствует Грузинская летопись, главным связующим началом между Грузией и Землей Обетованной были

¹⁹ Легенда о Георгии Победоносце зародилась в Палестине. Неподалеку от Лода показывают гробницу св. Георгия. Возможно, что предместье Иерусалима было его родиной. Во всяком случае, на воротах деревушки Бейт-Джалла (ивритское название – Гило), где когда-то размещалась учительская семинария для девочек от Русского палестинского общества, был изображен Георгий Победоносец, поражающий змея копьем. Бывший настоятель Крестового (Грузинского) монастыря в Иерусалиме, отец Серафим убежден, что исторический св. Георгий – еврей. Равно как и тетка Георгия, св. Нина – дочь Звулона, крестительница Грузии. О. Серафим недоумевал по поводу невежества общества «Память», избравшего Георгия своей эмблемой. – О чем см. в кн.: Дудаков С.Ю. Этюды любви и ненависти, статья «Еще немного о Нилусах». – М., 2003, с. 434.

²⁰ Иоселиани П. Взгляд на состояние Грузии под властью царей. – Тифлис, 1849, с. 66.

рассеянные по разным провинциям Иберии евреи²¹. Согласно Грузинской летописи, ни один народ так стойко не сохраняет своего национального самосознания, как евреи. Будучи замкнутыми в общинах среди другого народа, они в то же время искусно приспосабливаются к местным требованиям. Иудей всюду становится гражданином, везде находит себе место и все-таки остаётся иудеем. Куда бы ни отправился язычник, он мог взять с собой своих богов и вне своей родины найти аналогичные обряды. Напротив, каждый иудей чувствовал, что сделан, выражаясь словами Гейне, из такого теста, из которого делают богов, у него был только один Храм – в Иерусалиме, только один Бог – над Сионом.

Расселившиеся по Кавказу евреи поддерживали связь с мудрецами Сиона через город Мцхету. То был их духовный центр, мост между евреями Кавказа и Иерусалима. Кроме иудеев, Иерусалим посещали и язычники. В иерусалимском Храме находился «двор язычников»; святилище Всевышнего, по словам Иосифа Флавия, «пользовалось уважением народов до конца земли».

Город Мцхета, будучи для грузинских евреев вторым Иерусалимом, имел свою религиозную иерархию с первосвященником во главе, своих толкователей Священного Писания. Должность первосвященника у мцхетских евреев, согласно Грузинской летописи, была наследственная. Мцхетская диаспора, стоящая на очень высоком интеллектуальном уровне, пользовалась уважением как среди местного населения, так и при царском дворе. Причем сами евреи видели в Грузии свою вторую родину.

Замкнутая еврейская община не подвергалась влиянию классической греческой культуры и оставалась верной традициям предков. Жили мечтой снова собраться в Иерусалиме и ожиданием Мессии. Как бы ни любили евреи свою вторую родину, три раза в день они произносили

²¹ Картлис Цховреба – Жизнь Картолинии. – См.: Кавказский календарь, 1884, с. 139; Баратов С. Древняя история Грузии. – Тетрадь 1, с. 13; Иоселиани П. Краткая история грузинской церкви. – Прим. 9, с. 6.

молитву: «Господи, подними знамя изгнанников наших, собери нас вместе с четырех концов земли, воссоздай Иерусалим вскоре, в наши же дни, как создание вечное...»²².

Язычники под влиянием еврейских преданий также прониклись ожиданием Мессии. Как свидетельствуют летопись и документы грузинской церкви (пергаментный Синаксар на 1 октября, принадлежит Мцхетскому Католикосскому собору, рукопись древняя, без означения года написания), евреи первыми принесли в Грузию единобожие. Несмотря на конкурирующее влияние Персии, древние грузины, согласно сказаниям грузинских церковников (католикоса Арсения, Антония I, царевича Вахушти и Теймураза), исповедовали единобожие²³.

В I веке мцхетские священнослужители направились в Иерусалим за разъяснением основ новой веры – христианства. Учение Иисуса Синедрионом было отвергнуто, сам же он признан противником Моисеевой веры. Грузинские евреи, таким образом, продолжали исповедовать иудаизм. В силу же непосредственной близости Грузии и Палестины христианские идеи проникали на территорию Иберии. Элиоз Мцхетский из дома первосвященника Или, служитель мцхетской синагоги, присутствовал при казни Христа. Он же принес в столицу Картли хитон Иисуса, который выкупил у стражника; последнему хитон достался по жребию. В памяти народа живет предание о том, что Сидония, сестра Элиоза, дочь мцхетского священнослужителя, обняла хитон и тут же умерла. Так ее и похоронили вместе с хитоном. Согласно грузинским летописям, в 318 г. на месте погребения был построен Мцхетский храм, явившийся в дальнейшем митрополией иберской церкви. Исторические сведения об обращении грузин в христианство, составленные в IX в.

²² Гретц Г. Христос и христианство. – СПб., 1906, с. 24.

²³ Собинов Г. История грузинской церкви до VI века. – СПб., 1887, с. 23.

Евфимием на Афонской горе, отысканы П. Иоселиани в библиотеке Мцхетского храма среди манускриптов²⁴.

Принятию христианства в языческой Грузии способствовала не только повсеместно распространившаяся благодаря евреям идея единого Бога, но и миссионерская деятельность учеников Иисуса. Когда они метали жребий, кому и куда нести учение Христа, Иберия досталась Марии – матери Иисуса, но вместо нее пошли Андрей Первозванный с Симоном Кананитом. Первыми слушателями проповедницы Нино в IV веке также были евреи, да и проповедовать она начала с еврейских кварталов, на еврейском языке. Сначала Нино проповедовала несколько дней в городе Урбниси. (В Урбниси, как и в Мцхете, евреи жили задолго до нового летосчисления.) Неизвестно, чем закончилась миссионерская деятельность Нино в Урбниси, зато общеизвестны итоги ее деятельности в Мцхете. В мцхетской синагоге, помимо обращения Абиатара, одного из потомков Элиоза, приняли христианство пятьдесят женщин. Они-то и составили первую христианскую паству в Картли²⁵. Надо отметить, что некоторые евреи приняли христианство по той причине, что христианство в то время почти ничем не отличалось от иудаизма²⁶.

За обращением священника Абиатара, принявшего христианство в 20-е гг. IV в., последовало расслоение еврейской общины, и иудеи стали рассеиваться из города Мцхета. Если преданные своей вере иудеи пытались разрушить здание синагоги, чтобы их божий дом, превращенный в церковь, не служил вероотступникам, то Абиатар, напротив, пытался защитить синагогу. Священник уверовал в то, что еврейский Бог, которому поклонялись библейские пророки, одарил людей «новой благодатью», а

²⁴ Иоселиани П. Мцхетский храм. Журнал министерства народного просвещения. – М., 1842, № 33, часть XXXVI.

²⁵ См.: статью Кикнадзе З. и Мирзаношвили Т. У врат молитвенного дома. – Газета «Народное образование», 17 сентября 1989 г.

²⁶ О чем см. статью Берхина И. «Из давно минувшего». – Журн. «Восход», СПб., 1883, № 11-12.

Христос, в первую очередь, явился для спасения евреев. Дело в том, что идеи, на основе которых возникло христианство, существовали задолго до Иисуса, как в Палестине, так и в Грузии. Очевидно, отшельник Давид, поселившийся в горах Грузии, был одним из последователей еврейской секты «пещерников», которая существовала задолго до Р.Х.²⁷ В дальнейшем отшельник Давид основал храм Мтацминда. Интересные сообщения караима Абу-Юсуфа аль Кирсани о еврейских сектах относятся к 937 г. Средневековый теолог говорит о том, что Иисус почитался в еврейских сектах не Богом, а пророком.

Политеизм мог присвоить множеству своих богов различные возможности и моральные качества. Монотеистическая вера ставила человека перед лицом абсолютной цельности и совершенства. Единый Бог воплощает в себе для евреев и абсолютную справедливость. Для грузин, чье восприятие Всевышнего близко к еврейскому, зло в мире появилось из-за происков злого духа – дьявола Саламана. Здесь нельзя не отметить элемент дуализма, что обусловлено влиянием зороастризма, где имеет место доброе и злое божество – бог света и бог тьмы. Интересно, что мифологические представления о двух началах – света и тьмы, дня и ночи, добра и зла – были и у евреев.

По грузинским преданиям, дьявол Саламан помог Богу в сотворении мира, научил, как отделить сушу от воды. При этом злой дух дал начало всему плохому, и страдающий от него человек обратился с жалобой к Богу. Всевышний позволил людям самим расправляться с Саламаном. В этом, очевидно, коренится у грузин свойственное и евреям активное персоналистическое начало, сознание своей личной ответственности. Индивидуальная ответственность за добро и зло – характерная черта грузинского национального самосознания. В этом смысле грузинское православие ближе к иудаизму, где нет посредника между Богом и человеком.

²⁷ Гретц Г. История евреев – Т. 5, с. 180, 421-422.

Здесь, должно быть, сказалась и независимость грузинской церкви, оказавшейся вне влияния Римской империи. Грузинская церковь руководствовалась древними апостольскими проповедями и раннехристианскими преданиями. К вопросу о тяготении грузинской церкви к иерусалимской интересна информация о датировке событий, она читается так: «В патриаршество Агафона в Иерусалиме, в католикоство Михаила во Мцхете». В этой датировке очевидна исходная связь грузинской церкви с иерусалимской патриархией. «Хроникой» также написан по образцу полного Иерусалимского хроникона, заглавия с дословной точностью повторяются во всех списках, восходящих к грузинскому оригиналу. Памятник представляет хронологическую таблицу для определения дня Пасхи и других подвижных праздников²⁸.

Культурная преемственность Грузии и Палестины объясняется не только наличием диаспоры на территории Грузии, но и паломничеством грузин на Святую Землю. Каждый грузин почитал за счастье хоть раз побывать в Палестине и ознаменовать свое пребывание каким-либо богоугодным делом, например, участием в постройке церкви, уютного дома, богадельни. Так в Палестине и на Синае было возведено около семидесяти грузинских обителей. Интересно, что Сионский храм – одна из древнейших построек Тифлиса – расположен в центре города, поблизости от царского дворца, и назван именем палестинского Сиона²⁹.

Во время раскопок 1946-1952 годов в Эрец-Израэль были обнаружены развалины грузинского храма – «монастыря лазов», основанного Петром Ивером, сыном грузинского князя (страна лазов – Западная Грузия, где в IV-V вв. была Колхидская академия.) Только в Иерусалиме грузинам принадлежало около сорока церквей и монастырей. Известно о существовании грузинского

²⁸ Орбели Р. Грузинские рукописи Института востоковедения - М.-Л., 1956, с. 50.

²⁹ Бакрадзе Д. Тифлис в историческом и этнографическом отношении. – СПб., 1870, с. 20.

монастыря в Бир Эль-Куте, недалеко от Вифлеема. В «Православном Палестинском сборнике»³⁰ мы можем прочесть о том, что «грузины жили в Иерусалиме во множестве. Народ красивый, храбрый и воинственный. Соседи-мусульмане их боятся». Связь Грузии с Палестиной – одна из светлых страниц в истории грузинского народа. В Иерусалиме, в монастыре Креста, находился центр грузинской культуры, там и сегодня сохранилось около ста шестидесяти рукописей в греческой резиденции патриарха. (Об этом см. кн. Дэвида Лэнга «Грузины – хранители святынь» – М., 2006, с. 198).

Сионский собор в Тбилиси

На Св. Земле были сделаны переводы богослужебных и библейских книг с иврита на грузинский. Так, в основе перевода пророчества Ирмеягу (Иеремии) лежит Иерусалимский список, в редакционном отношении более древний и полный, нежели Афонская версия. Сличение грузинского варианта с греческой Септуагинтой показало, что последняя не могла быть первоначальным

³⁰ См. Православный Палестинский сборник – СПб., 1988, т. IV, вып. 10.

источником грузинского перевода³¹. Библиеист Т.К. Цкитишвили обосновал положение, согласно которому Гелатская Библия также не является переводом греческой Септуагинты, в ее основе лежит текст, сохранившийся в древних рукописях Иерусалима. Сравнительное изучение Иерусалимской и Гелатской рукописей, сличение с иноязычными вариантами памятника показывает, что переводчик пользовался Иерусалимской Библией. Доказательством является наличие текстуально идентичных или незначительно видоизмененных мест, использование одинаковых фразеологических единиц и специальных выражений³². Ждут исследования рукописи Афонского монастыря, известного под именем Иверского Портаитского, манускрипты библиотеки Мцхетского храма. В них хранится вариант грузинской Библии, поступившей из Мцхетского Католиковского собора. К нему приложен указатель параллельных мест Танаха.

Художественная и философская культура Грузии основана на религиозных традициях. Обратимся к древним апокрифам – рассказам, восполняющих вымыслом Священное Писание. Иудейские предания о сотворении мира, жизни Авраама, Ноаха, царя Шломо, Иова часто служат канвой для грузинских сказаний. Так, Каин убил Авеля по наущению дьявола, явившегося в образе ворона. Ворон – зло вне Бога. Дьявол разъединяет людей, сеет вражду, он же сжег все стада и жилища Иова, «все забрал дьявол – семь сыновей, три солнцеподобных дочери, жену». Остается дьяволу взять у праведника силы, «чтобы он произнес ропот на Бога. Тело Иова покрывают черви, а

³¹ См.: Данелия К.Д. Древнегрузинские версии пророчества Иеремии и их язык. – Тбилиси, 1965.

³² См.: Е. Цкитишвили Т.К. Древнегрузинская версия пророчества Езекииля. – Тбилиси, 1970; Церетели Г.В. О тбилисской рукописи древнееврейского Пятикнижия. – В сб. Восточная филология. – Тбилиси, 1969.

дьявол искушает: «В чем ты согрешил перед Богом, за что Он отнял у тебя все?»³³.

Центральная синагога гор. Тбилиси

Понятие дьявола несет двойную функциональную нагрузку. Во-первых, образ врага, который должен быть попран человеком, предваряет героический дух, сознание необходимости уничтожить зло и, таким образом, обуславливает появление борца за справедливость. Последний привносит характерный для еврейского и грузинского миропонимания аспект активного служения добру. (Низвергающий дракона Георгий Победоносец – наиболее почитаемый святой грузинской церкви, в отличие

³³ Хаханов А.С. Очерки по грузинской словесности. Вып. 1. – М., 1895 с. 184.

от русской, где таковым является Николай Угодник.) Вторых, дьявол вносит в мир хаос, несоответствие между добродетелью и счастьем, преступлением и наказанием: добродетельный далеко не всегда счастлив, а преступление часто остается безнаказанным. Человек вынужден, таким образом, воздаяние за добродетель переносить в мир грядущий. В ожидании торжества добра, непосредственной связи праведности и счастья, собственно, и заключается завет между Богом и Авраамом.

При уяснении духовных традиций грузинского народа нельзя не отметить грузинскую легенду о равноправности и угодности всех религий перед Господом³⁴. Как тут не провести аналогию с признанием евреев права на спасение всех народов: «Бог с теми, кто взывает к Нему». «Дом мой, – читаем мы в пророчестве Йешаягу (Исайи), – назовется домом молитвы для всех народов». Семьдесят тельцов евреи приносили в жертву за семьдесят народов земли. Милосердие следует проявлять по отношению ко всякому нуждающемуся, независимо от вероисповедания.

Представление евреев и грузин о том, что праведники всех вероисповеданий угодны Богу, вовсе не очевидно для русского православия, предающего анафеме всех, не уверовавших в Христа.

Еврейские чаяния о грядущем Мессии, когда царство земное уподобится царству небесному, совпадали с классической формой грузинского философского осмысления мира, объединяющего духовное начало с материальным, с конкретным деятельным отношением к людям. «Даже в нашей церковной литературе, – пишет Гурам Асатиани, – конфессиональное понятие «счастья» (духовной полнокровности, близости к Всевышнему) связано не столько с отшельничеством, сколько с групповой товарищеской деятельностью, с созиданием, в основе которого лежит деятельная любовь»³⁵. О том же мы читаем в наставлениях еврейских мудрецов: «Не в посте и

³⁴ Там же, с. 273.

³⁵ Асатиани Г. О грузинском. – Журн. Литературная Грузия, 1982, № 9, с. 90.

воздержании, не в ...посыпании главы пеплом находит человек благоволение Господа, а в искреннем раскаянии, милосердии к ближнему и благотворительности. Лучше делать добро, чем проводить жизнь в посте и молитве»³⁶. У Йешаягу (Исайи) сказано: "Таков ли пост, который избрал Я, – день, когда мучит человек душу свою? На то ли он, чтобы склонять, как тростник, голову свою и вретище и пепел подстилать? Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу? Не это ли пост, который Я избрал: оковы злости разбей, развяжи узы ярма и отпусти угнетенных на свободу, и всякое ярмо сорвите! Не в том ли пост, чтобы разделил ты с голодным хлеб твой и бедняков скитающихся ввел в дом? Если увидишь нагого, одень его, и от родственника своего не скрывайся"» (58, 5-7).

Основная идея еврейской книги благотворительности – «рука дающего не оскудевает». Доброта, гостеприимство являются также главной грузинской добродетелью: «Каждая зарезанная для гостей скотина, птица возвращаются хлебосольному хозяину впятеро».

Для грузин, так же, как и для евреев, утрата духовной независимости означала исчезновение национального самосознания. Не терпимость, а непокорность спасла Грузию от многочисленных мусульманских набегов. Сознание праведности борьбы не мирило с безысходностью, и в этом смысле надежда на чудо, готовность к риску и испытание судьбы достойнее смирения. Подобное мироощущение народа формировались под влиянием мифологических представлений о героях, борющихся за свободу и выражающих, вопреки христианскому аскетизму, радость деятельной жизни.

Во многом заимствованные у евреев традиции мифологической культуры послужили источником *философских воззрений*. «Первое», «первопричина» Петра Ивера были производными от «Единого» иудеев. Петр Ивер начинает с «первопричины», а затем переходит к бытию. Бытие и первопричина соединяются воедино, ибо вне бытия

³⁶ Гиш А.Г. Из Талмуда и Мидраша. – Одесса, 1889, с. 161.

нет и первой причины. Нет Бога без человека³⁷. Ш. Нуцубидзе и бельгийский ученый Э. Хонигман различными путями пришли к одному и тому же выводу – а именно: в течение столетий разыскиваемый наукой автор Ареопагитских книг не кто иной как внук первого христианского царя Иберии – Петр Ивер³⁸. О едином источнике всего сущего говорится и в учении Иоанна Петрици: «Единое» есть абсолютная реальность, благо и красота, его эманация по ступеням представляет разум, душу, мир. «Единое» – это первопричина и бытие, иными словами – Бог. Грузинская философия подчеркивает значимость разума в познании мира и Бога. Вера, в понимании Петрици, не предполагает превосходства над разумом. Знание не противоречит вере. Человеческий разум стремится к Творцу, и истинное познание приводит к Богу. Разум, философия не только не мешают вере, но представляют собой путь к ней. Именно стремление к знанию, желание разгадать тайну мира приводят человека к вере. Примечателен факт, что именно Иоанн Петрици, а не его противник, стоящий на позициях христианской догматики, А. Икалтоели, выражал духовную ориентацию грузин – одинаковую важность веры и разума, религии и философии.

Грузия не сумела удержать сильное государство, но ей удалось сохранить свои философские традиции, которые, по существу, есть высшее выражение народного самосознания. В основе природы, мироздания – человек. Антропологизм не уничтожает значимости природы, которую боготворили греки; природа становится одухотворенной человеком. Непознаваемый абсолют античности сменился абсолютизированием человеческой

³⁷ Чаганидзе Г. Петр Ивер и археологические раскопки грузинского монастыря в Иерусалиме. – Тбилиси, 1977, с. 13; Ш. Нуцубидзе. История грузинской философии. – Тбилиси, 1960. В кн. Дэвида Лэнга «Грузины – хранители святынь» – М., 2006, с. 111 – читаем о том, что Петр Ивер (409-488) жил и умер в Палестине.

³⁸ См.: Хонигман Э. Петр Ивер и сочинения псевдо-Дионисия Ареопагита. – Труды Тбилисского госуниверситета, 1955, т. 59.

личности, признанием права на свободу воли, реализацию божественной сущности здесь – на земле. Алексей Лосев пишет по этому поводу: «Грузинский антропологизм очень духовен, очень возвышен – стремится к более свободным и идеальным формам человеческого существования. ...Он субъективен, искренне ощутил, является принципом делания, изменения действительности, принципом стремления к высшему совершенству»³⁹.

Влияние еврейской культуры, иудаизма отразилось не только на грузинском православии, философии, но и на художественных традициях: истоки многих грузинских апокрифов – в иудейских преданиях. Интересно сопоставить стихи о Святом Георгии и пророке Элиягу. В тех и других – тема борьбы, героических деяний. Нам дано право на борьбу за справедливость и личное достоинство, в этом и есть наша свобода, спасение души. Священнослужитель, воин и земледелец, как правило, сочетались в одном лице. Грузины разделяли мнение еврейских талмудистов о том, что в случае необходимости защищать свою землю за оружие следовало братья всем. Если же царь собирался воевать в целях расширения границ государства, то тот, кто недавно женился, посадил виноградник или построил дом, мог не идти на войну (Дварим /Второзаконие/, 20:5-8).

Показателем творческого характера нации является ее отношение к идеальному, ориентация на высшие ценности. Человек может освободиться от власти материальных излишеств ради духовных потребностей. В этом выборе и заключается специфика национального самосознания народа.

³⁹ Лосев А. Слово о грузинском неоплатонизме. – Литературная Грузия, 1986, № 6, с. 139.

Реувен Миллер

Тринадцатая страна, или Америка через форточку

Пролог

по свету немало хаживал. Какие только просторы родины чудесной не повидал между двадцатым и пятидесятым годами первой жизни! Отпуска в горах или на побережье Кавказа, в Москве, Ленинграде... И очень много командировок. Но служба службой, а для себя пожить нужно, и я, грешным делом, злоупотребляя потихоньку служебным положением, увидел, за казенный счет, огромный ареал: от Прибалтики и Бреста на западе до Алма-Аты на востоке, от Выборга и Свердловска на севере до Самарканда и Батуми на юге... Но все – внутри «железного занавеса». И лишь в постсоветском 1994-м, да и то, пережив полуторалетние отказные мытарства, незаконно созданные на ровном месте бывшими работниками якобы сгинувшего в небытие КГБ СССР, впервые удалось выбраться «за бугор». Побывал тогда в Израиле, и через короткое время мы перебрались в Страну навсегда. А через несколько лет, став в новой жизни на ноги, занялись освоением закрытого ранее мира. Первым пунктом выбрали Париж... Oh, Paris!!! Затем – три поездки подряд в соседний Египет: в Синай – по следам Моше-рабейну и в Африку к пирамидам. И, вот, кайфуя как-то в номере «Хилтона», что в египетской Нуэйбе, подняли мы с женой рюмочки за то, чтобы посетить еще десяток стран. К осени 2009 года этот план выполнили, побывав в тех странах Европы, куда тянулась душа, и в соседних Иордании с Турцией. А, вот, до Америки я так и не добрался. Хотя, не очень-то и хотелось – для бывшего

военно-промышленного совка не могли пройти бесследно пятьдесят лет оголтелой антиамериканской пропаганды. Безусловно, за израильские, немалые уже годы, мое отношение к Штатам улучшилось, но именно в Стране открылись неизвестные доселе моему еврейскому взгляду грани и нюансы взаимоотношений с нашим Лучшим Другом и Верным Партнером и с тамошними соплеменниками. И не скажу, чтобы знания эти принесли что-то сверх скорбей, обещанных мудрым Кофелетом. Но породили, все-таки, определенное любопытство и желание увидеть самому. А поездка в США – дело сложное. Дабы быть по-настоящему информативной, она требует много времени и средств. А где их взять бедному мельнику, обязанному денно и нощно кормить миллион человек в Иерусалиме и на соседних, как считает прогрессивное человечество, «оккупированных» территориях? Ведь, что «оккупанты», что «оккупированные», пожрать, далеко не дураки!

Так вот, и застопорился летом 2009-го мой список потоптанных ногами стран на числе 12. И вдруг... Я неожиданно получил предложение смотаться в Америку. Предложение, от которого не смог отказаться. Авантюра пахивала безумием, но после некоторых колебаний я решился. Сработали рудименты советской командировочной закладки. Полных шесть суток там, 32 часа в воздухе, остальное – в ожидании пересадок, а всего – чуть больше недели. Развлечение, скорее, для комсомольцев, а не прадедушек на второй половине седьмого десятка. Но кто знает, представится ли еще когда-нибудь случай? А тут, все совпало, сладилось: и отпуск удалось урвать, несмотря на большое число сотрудников нашего маленького мельничного коллектива, загулявших по поводу мохаммеданского разговения Ид аль-Адха, и благодарственные каникулы у наших американских внуков.

– Ха-ха! Открыл Америку... через форточку! – кричала босоногая ватага моего ташкентского детства, если кто-то пытался выдать за новинку осточертевшую банальность. Но в этот блиц-тур Америка, действительно, открывалась мне большей частью, через форточки: то из иллюминатора самолета, то из окна машины. Или из

квартиры друзей моего детства в огромных окнах, обращенных на Чикаго-ривер и густо понатыканные вокруг небоскребы.

Потому, написанное ниже – калейдоскопичное, субъективное, импрессионистско-сионистское отражение наспех увиденного через разные форточки, и на большее я не претендую. Никакой сермяжной правды, никакой объективности. Кстати сказать, налетая к нам на Святую Землю, кратковременные отпускники или командированные тоже нередко грешат большой-большой необъективностью. Да и существует ли объективность, вообще?

Так что, представляю тебе, уважаемый читатель, лишь галерею из нескольких моментальных снимков, точнее, коротких клипов.

Живьем американцев я впервые увидел в Ленинграде, будучи тринадцати лет от роду. Леля, мамина кузина, благословенна ее память, повезла тогда недоросля-племянника в Северную Пальмиру, дабы приобщить к великой культуре. Этакая бар-мицва по-советски. Целыми днями она таскала меня по музеям и паркам, оставляя в осадке восторг увиденным, кашу в голове и ощущение усталости, но посев состоялся, и через несколько лет взросления дал всходы – до меня стало доходить, что я тогда увидел... Так вот, будучи в Эрмитаже, в тихом зале, где, как я много позже понял, буквально перед нашим посещением выставили долгие годы запретную и от того – сенсационную коллекцию импрессионистов, мы с Лелей столкнулись с группой энергичных молодежавых стариков и старух, увешанных диковинными фотоаппаратами. Шумная ватага их, буквально, ворвалась в благоговейно тихий зал, рассыпалась по экспозиции, и, перебегая от картины к картине, громко перекликалась из конца в конец зала, делясь восторгами. И это юношеское впечатление крепко врезалось в память...

В Иерусалиме перед глазами полно американских евреев, большей частью, религиозных: хасидов, хабадников, «вязаных кип». Парней и девушек, присылаемых к нам на учебу в ешивах и колелях. Есть и тонкая струйка романтиков сионизма, прибывающих послужить в

ЦАХАЛе... И эти американцы шумны, суетливы, несдержанны. Даже на фоне по-левантийски шумных израильтян, они резко выделяются громкими голосами: как правило, хриплыми у парней и мяукающими, с каким-то металлическим призвоном у девушек, заокеанским диалектом английского и акцентом иврита, начисто лишенными согласных звуков. Помнится, музыка английского, слышанная в Лондоне, не была так по ушам...

И, естественно, немало американцев сопутствовало нам на пути в Штаты, начиная с тель-авивского аэропорта. И, кто знает, сколько американских граждан было и среди израильтян, привычных по имиджу?

В сторону южную

Первое, что поразило – это организованность посадки, а потом – выхода из самолета. Ранее не сталкивался с такой ни на европейских, ни на израильских линиях и, уж, тем более, мотаясь в прошлой командировочной жизни по Советскому Союзу. Во всех пяти американских полетах посадка и выход происходили по зонам, на которые разделяется салон самолета. Сначала входили пассажиры первой зоны, затем – второй, третьей... И никакой толкучки в проходах, быстро и организованно! Здорово!

Неделя ночных смен, вплотную предшествовавшая началу путешествия, способствовала легкой адаптации к заокеанским часовым поясам. Сонная, после накопленных за неделю недосыпов, ночь ушла на пересечение Европы и Атлантики, а утром, выписав какую-то малопонятную загогулину над Гренландией, мы приземлились в Филадельфии и через полтора часа продолжили путь в Орlando – первый пункт нашего отпуска. И в филадельфийском аэропорту растворились в потоке настоящих американцев. В Штатах вокруг Дня Благодарения, национального праздника, детей распускают на каникулы, взрослые стараются взять отпуска и, кто может, путешествует. Естественно, с холодного севера, погруженного, если и не в зиму, то в глубокую осень – в сторону южную – благословенную Флориду, где стояла погода, подобная нынешнему ноябрьскому израильскому

лету! Летели множество семей: белых, черных, индусов, монголоидов... И, что любопытно: все говорили только на английском и были одинаково спокойны – как взрослые, так и дети. Попадались среди них, судя по внешности, и выходцы с Ближнего и Среднего Востока, так и эти были непривычно сдержаны. Такая удивительная стандартизация массового поведения ранее не встречалась нам ни в Европе, ни, тем более, в наших Палестинах, где арабы, даже, без дурных намерений с их стороны, ведут себя в обществе шумно, развязно, демонстративно вызывающе...

А, может, тогда, в ноябре, мы просто неслись в общем потоке устроенных, состоятельных людей – кто еще ездит за тридевять земель на курорты? Эта сдержанность американской толпы шла вразрез с моими детскими, да и иерусалимскими представлениями об американцах.

Мне понравилась деловитая и спокойная обстановка на американском спецконтроле. Быстро, но не слишком, продвигающаяся очередь, пластиковые корытца для вещей, пропускаемых сквозь рентгеновский сканер. Под разутыми ногами ковровиновая дорожка. Обращение сотрудников – вежливое, но, одновременно, настойчиво-жесткое, с неременной улыбкой, пусть, даже искусственной, профессионально отрепетированной. Кресла и скамейки для приведения себя в порядок на финише антитеррористической экзекуции. Не знаю, как для кого, а для нас, израильтян в самой проверке – ничего особенного.

Учел опыт сестренки Ривки. Может, помните ее рассказ, как по дороге домой, где-то между Детройтом и Тель-Авивом, из ее чемодана, сданного в багаж, уперли видеокамеру (http://world.lib.ru/g/gruppa_t/060411_rivka_krysha.shtml)? Потому вел себя осторожнее. Лаптопчик и фотоаппарат – всегда при себе, в сумке! Ведь, фотоаппарат у меня, хоть и маленький, да удаленький – видео снимает не хуже той украденной камеры! А, уж, лаптопчик, так вообще, не мыслю себя без него – могучего средства коммуникации! Да, прогресс техники огромный, а, ведь, всего-то пять лет прошло после ривкиного посещения Америки...

В одном из аэропортов случился у меня такой «инцидент». Иду я через ворота-металлоискатель,

придерживая рукой штаны, ремень от которых уплыл отдельно, среди прочего, в рентгеновский сканер, а сотрудник шмональни показывает, что надо поднять обе руки. Не знаю, зачем ему, но штаны у меня от этого порядком приспустились. По окончании нескольких секунд процедуры я жестом показал ему на ее результат, и мы оба заржали. Мне-то плевать, я человек старый, и как говорится, калач тертый. Ну, упали штаны! Как говорила некая лимита-станичница Анька, жившая когда-то у нас в доме: «Увидят – не отнимут!» А, вот, окажись на моем месте какой-нибудь мохаммеданин, не по-европейски стыдливый или прихвостень его, правозащитник, вот было бы визгу!

Между прочим, с процедурой разувания и снятия ремней впервые довелось столкнуться года три назад в будапештском аэропорту. Но там не было индивидуальной тары – корытец, и шмотки, обувь, кошельки, сумки – все барахло разных пассажиров попеременно плыло по ленте конвейера в общем потоке. И продвигались мы крайне медленно босиком по холодному полу. И силен был и, в общем-то, оправдан страх чего-то недосчитаться. Более того, сотрудники той венгерской шмональни выглядели, как на подбор, карикатурными гестаповскими типажам из советских фильмов. И они непрерывно и злобно орали на нас, разумеется, на своем непонятном, мало распространенном в мире, языке, и, казалось просто удивительным, что удалось собрать все свои причиндалы, и пройти шмональню, отделившись лишь нервным стрессом.

Тем не менее, дружелюбная, по крайней мере, внешне, проверка в аэропортах США подвергается яростным атакам со стороны борцов за права человека. Человека – воина джихада, разумеется. Особенно атаки усилились после начала внедрения новых рентгеновских систем, на которых оператор видит человека, о, ужас! – голым! В чем только правозащитники не обвиняют власти, внедряющие эту систему! И никакие доводы, вроде того, что в аппарате технически не предусмотрены съемка и запоминание изображения, не действуют. А, вот, все равно! А, вдруг?

Возня эта, между прочим, ясно указывает адресацию кормушки правозащитников – обозы джихада. Тяжко на таком шмоне мохаммеданам с их средневековой стыдливостью. Даже шахидам, быть может, сознательно доживающим последние часы или минуты. И не имея ныне никакой возможности, добиться отмены проверок в легитимном правовом поле, т. е., в рамках действующих законов государств, вопиют на весь свет наемники мохаммедан, неоанархисты-правозащитники...

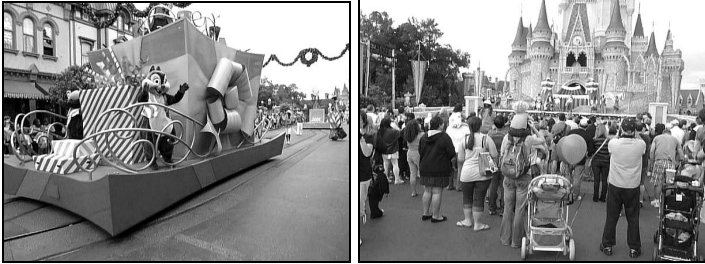
Ладно, черт с ними, вернемся в Америку!

Орландо. Пейзаж из «форточки» снятых апартаментов

Четыре первых дня мы провели в Орландо, расположенном в самом центре Флориды. Это живописный курортный город с лесопарками и озерами. До океанских пляжей или Мексиканского залива, по американским меркам, рукой подать – до часа езды. Изобилие воды и зелени поражает воображение израильянина, особенно, в наш нынешний жаркий, засушливый год. Чтобы иметь возможность достойно принимать у себя внуков, мы заказали через некую английскую фирму апартаменты – четырехкомнатную квартиру площадью более 100 кв.м.: салон, три спальни, полностью оборудованная кухня, холл и балкон с видом на озеро. Две ванны, интернет, телевизоры. Стоило все это удовольствие 100 долларов в сутки – по европейским меркам – даром! Результат кризиса. Мне объяснили, что английская фирма выкупила целый двор – несколько четырехэтажных домов из-под суда, ибо

владельцы квартир не смогли выплатить ипотеку, машканту по-нашему. А теперь фирма сдает апартаменты курортникам-англичанам. И они были основным контингентом жителей нашего двора. Вообще, даже неопытным глазом гостя залетного, в Орландо там и сям видны следы кризиса: заколоченные витрины офисов и магазинов.

Диснейленд. Парад мультгероев Спектакль из жизни мультгероев

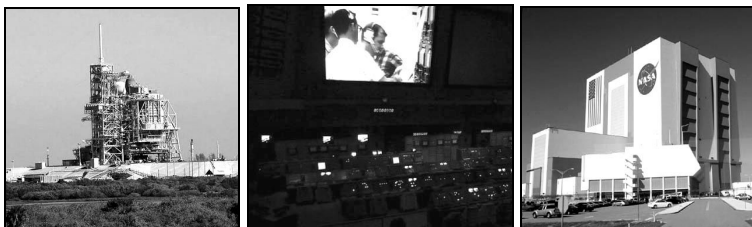
На сайтах местных риелторов мы, для любопытства, посмотрели цены на недвижимость в этом районе. Так вот, такая квартира, как мы занимали, сейчас стоит порядка 80 тысяч долларов, что, в 4-5 раз дешевле аналогичной в Иерусалиме. По возвращении мне попала статья Е. Новицкого «Большое будущее Флориды» в «Русском базаре» (<http://russian-bazaar.com/Article.aspx?ArticleID=18388>), где автор приводит данные об уровне цен в регионе, сходные с теми, что нашли мы. И он пишет, что порядка 25-30 % недвижимости по «смешным» ценам скуплено во Флориде европейцами. Вроде той британской компании, у которой мы жили. Так что, пока кризис, налетай братцы-израильтяне!

Но вернусь к американской толпе. Один из дней, развлекая внуков, мы провели в Диснейленде, к северу от Орландо. Вместе с ними наездили на всем, что только двигалось, с разными стрелялками, через пещеры ужасов, смотрели парад мультяшных героев и спектакль из жизни, опять же, мультяшных героев на площадке перед средневековым замком. Здорово!

Но лично меня просто поразил другой аттракцион, совсем не детский. В 5 часов пополудни в Диснейленде проходила церемония спуска государственного флага. Мне объяснили, что подъем и спуск флага – ежедневный ритуал парка. В церемонии участвовал духовой оркестр, исполнивший государственный гимн. Громила полицейский, словно вышедший из фильма Чаплина, опускал флаг, потом две полицейские девушки, хоть и не слишком грациозно, но аккуратно сложили его треугольником и передали старичку, видимо, представителю администрации. И тут, все присутствующие, а вокруг собралась не менее чем тысячная разновозрастная, разноликая, даже, прости меня, Господи, неполиткорректного! – разнорасовая толпа, запели «Боже, храни Америку!». И в склад, и в лад, и с руками, прижатыми к сердцам! Такого я тоже никогда не видел, да и, представить не мог, чтобы в частном развлекательном парке?.. <http://www.youtube.com/watch?v=CaPZTBF41hc>

Вы когда-нибудь видели подобное в тоталитарном Советском Союзе, где все парки, лесопарки и зоопарки принадлежали Государству? Или (просто смех разбирает!) в Единственной Демократии на Ближнем Востоке? В Стране, где вопрос: а обязаны ли ее граждане уважать символы Государства? – служит предметом яростных политических дискуссий. В Стране, где отдельные несознательные, но, тем не менее, легитимные и равноправные депутаты Кнессета реализуют свое право на свободу самовыражения, покидая зал заседаний, когда остальные поют государственный гимн?

А, уж, какую демонстрацию и пропаганду патриотизма мы увидели на космодроме им. Дж. Кеннеди на мысе Канаверал, куда повезли внуков! Ну, там сам Бог велел! Воистину, цитадель героев и героических достижений! Признаюсь, мне, в прошлой жизни, разработчику спецэлектроники, кое-что сделавшему и для советских космических программ, на космодроме было очень интересно, хотя, на самом деле, на территории действующего космодрома посетителей пускают лишь в огромный музей под открытым небом. Жаль, что в Союзе покойном не было ничего подобного.

Космодром. Стартовый комплекс «Аполлона». На инструкции в ЦУПе. Здание НАСА

Разве что, павильон «Космос» на ВДНХ? Но на Канаверале все в почти реальных условиях. Есть и аттракционы. Например, имитатор ощущений астронавта в полете ракеты от ее запуска до выхода на орбиту.

В музее космодрома. «Аполлон-15»

С соответствующим шумом, вибрацией и т. д. Перед сеансом – инструктаж. Проводит его астронавт на центральном из трех экранов в помещении отставного Центра управления полетами. Посетителей, при этом, мягко и вежливо заставляют стоять строго по квадратам, размеченным на полу. И все стоят, как миленькие! Вновь поразила дисциплинированности американцев, в том числе и детей. Представляю себе наших израильских сорванцов, уж, что бы они там вытворяли! В определенный момент, когда на экранах тренажера виден запуск ракеты, в полу появляется вибрация, довольно ощутимая. Нашего пятилетнего внука она настолько напугала, что он уже не захотел идти в собственно, зал-имитатор полета космического корабля...

Да, интересно! А выходы из всех аттракционов ведут в сувенирные шопы, где детишки требуют купить им космические скафандры или, хотя бы, шлемы. А родители вяло отбиваются: «Хеллоуин уже прошел!»...

И на всех клипах, снятых из разных форточек, американцы всех мастей смотрелись очень сдержанными, дисциплинированными, патриотичными и никак не озабоченными мифически-анархическими правами человека! Может, к нам в Израиль заезжают какие-то другие? Хотя, повторяю, статистика увиденного мною мала и клип короток!

День Благодарения

Четверо суток с внуками промелькнули, как один день. Собираюсь в Чикаго, навестить семью моих одноклассников, разменявших в Америке уже четвертый десяток лет. Знакомству с ними – далеко за полвека. Когда-то в четвертом классе я перешел в его школу, а в седьмом к нам присоединилась она. Потом мы вместе с ней поступали на матфак университета. Она выучилась на математика, программистку, а я сменил профиль на физика, электронщика. На курсе она подружилась с моей будущей женой, и семейная дружба домами продолжалась у нас с полтора десятка лет, до самого их отъезда из Союза. И тогда мы надолго потеряли друг друга. Грешен, работая в «ящике», я был вынужден разрубить старые узы дружбы.

Все было в их жизни: изначальные иммигрантские проблемы, годы трудного становления, достижение успеха...

В начале 1990-х наши контакты восстановились: мой одноклассник наезжал в Ташкент в поисках для фирмы, где он работал, «бизнеса с Россией» (!?). Узбеки принимали американца как VIP-персону, ибо его бывший соученик по техникуму сидел в кресле замминистра, но ничего путного из тех контактов не вышло. Зато, и VIP-жена его гостила как-то несколько дней у нас, прилетев для посещения родительских могил. Помню, совминовский друг мужа снабдил ее «Волгой» на эти дни, но она, как выяснилось, умела водить только на автомате. Ну, раз так, приставили к ней и водителя...

А потом они пару раз навещали нас уже в Иерусалиме...

Но, вот, на обоих навалились старческие недуги, и они ведут тихую пенсионерскую жизнь. Дети, рожденные ими еще в Ташкенте, выросли и обзавелись семьями: старший – ученый-физик, профессор, мотается между Штатами и Женовой, CERN-м; младший – адвокат...

Трое последних суток на американской земле, я провел в режиме автономности, усугубляемой полным английским безъязычием. Хотя, утрирую, не совсем так. Так было лишь во время перемещений по аэропортам. А там – табло, надписи, в которых я, все-таки, могу, через пень-колоду, разобраться. Но на «большой земле» я не был один. Из Орlando меня проводили родственники, а в Чикаго встретили, *метанелили*, холили, лелеяли, и, в конце концов, спровадили в обратный путь, друзья.

Стычка с устным английским все же произошла, но незначительная. На каком-то из аэропортовских шмонов, кажется, в Орlando, отправил я, как положено, свой любимый лаптопчик в жерло рентгеновской шмоналки, отдельно от сумки с остальными вещами. И вдруг конвейер подал вспять, и мой лаптопчик был шмоналкой изрыгнут. Стоявшая рядом сотрудница, с улыбочкой на зубах, но, сверкая очами, что-то возмущенно сказала мне жестяным голосом Хиллари Клинтон. А я, дурак, стою и не понимаю! Тогда она собственноручно расстегнула сумочку, в которую был облачен мой злополучный спутник, изъяла его и пустила на досмотр обнаженным. Черт его знает? Как физик, не один десяток лет работавший с рентгеном, не пойму, чем им помешало лаптопчиково облачение – тряпочка с поролоном?

Но этим, слава Богу, последствия моего английского безъязычия и закончились. Друзья ожидали меня в аэропорту, и, схватив меня и чемодан, повезли к себе.

Был канун Дня Благодарения, народные массы города Чикаго и окрестностей, несмотря на холодную, пасмурную, ветреную, перемежающуюся дождем погоду, бурно перемещались и циркулировали во всех направлениях, по всем улицам и переулкам на нашем пути.

Через час с лишним продираясь сквозь пробки, мы добрались до дома моих друзей в центре города. А на метро, говорили они, было бы езды всего на полчаса! Известное дело – пробки – бич больших городов. Да и не очень больших, что хорошо известно израильтянам.

Чикаго. Вид на соседние небоскребы из «форточки» моих друзей

И вот мы в Чикаго, в их небольшой, но прекрасной квартире на двадцать каком-то этаже небоскреба, окруженного тесной толпой архитектурных собратьев, с видом из огромных окон гостиной на Чикаго-ривер. Раньше, рассказывают они, из квартиры виднелось устье реки и озеро, но за пару лет на противоположной стороне улицы воздвигли два новых здания под сто этажей, и теперь можно любоваться только ими. Хозяева наперебой растолковывают мне технологические подробности строительства этих небоскребов. Насмотрелись, бедняги! Сочувствую, слушаю и кушаю. И выпиваем, конечно: за встречу, за детей, за здоровье, за хозяйку...

Обед у моих одноклассников привычный, вполне ташкентский.

Одна из центральных улиц. По оси – минарет

Разговор, тем не менее, постепенно сворачивает на актуалии. Чикаго, в целом, и их синагога, в частности, рассказывают они – оплот демократов. А этот Обама... – возмущается она. Я дипломатично (ох, как трудно!) молчу, вспоминая, как года три назад, она, чуть ли не часами, отрывалась по телефону насчет Буша. И в тех же выражениях.

– Да, – подтверждает ее муж, это совсем не та страна, в которую мы когда-то приехали. Обама – коммунист и устраивает уравниловку, душит свободные бизнесы.

Я пытаюсь влезть со своим убеждением: Обама, мол, «бывший», а, скорее, действующий, ибо, бывших не бывает, мусульманин, внедрен джихадом в Белый дом с целью разрушения Соединенных Штатов... «Нет, это все чушь, – возражает одноклассник, – он просто коммунист!»

Потом он рассказывает, как разругался с «рабаем» Гусаковским из-за того, что «рабай» проповедует необходимость строительства мечети вблизи от Грэнд-Зиро, и потому мой друг перестал ходить в ту синагогу. А я себе думаю: а что? Нормально для американского реформистского «рабая». Вон, со страниц «Еврейского

мира» не прекращаются трели его коллеги Моше Соловья с теми же идеями...

А еще меня смешит слово «рабай», больше похожее на слово «бабай», чем на еврейское «раби». Ох, уж, этот английский!

По рассказам моих друзей, синагога в Штатах, прежде всего – клуб ради круга общения. Но «рабаи», естественно, ведут там и общеполитическую программу, и религиозную. «Ты, вот, как часто ходишь в синагогу?» – спрашивает меня хозяйка. – «На Йом Кипур – обязательно, а там, как получится. Знаешь, у меня эти синагоги через каждые двести метров, а работников религиозного труда, в соседстве – видимо-невидимо, хоть отбавляй! Иерусалим, знаешь ли! Пойми, в Израиле для чисто еврейского общения мне ничего не нужно специально предпринимать. Сколько хочешь! Все свои. А синагога – учреждение, скорее, культовое, чем просто общественное».

Воспоминания. Подростковое: ее дед – седобородый старик, весь в черном, в черной шляпе... В Израиле я бы однозначно определил его, как «хареди». И другое, относительно недавнее, ее голос в телефоне: «Как? Вы поселились в Иерусалиме? Там же одни фанатики?». Правда, потом, были несколько дней, проведенных ею у нас в гостях. Мои экскурсии по Старому и «обычному» Иерусалиму сделали свое дело. Наша столица ей, безусловно понравилась: и своими раздольным пейзажами, и зеленью... И я, вот, думаю, что жаль галутных евреев, которым не удастся побывать у нас, самим повидать еврейскую столицу. Даже мои, далекие от совершенства, экскурсии сумели поставить мозги на место, дюжине-другой родных и знакомых, сбитых с толку «прогрессивной» или русской пропагандой. И не только евреям!

Разговариваем об Израиле. Друг детства вспоминает их выезд из СССР, незадолго до московской Олимпиады:

– Да, мы тогда ехали в Израиль, мы хотели в Израиль! Но, когда прилетели в Вену, пришел к нам некий Яша-израильтянин и приказал построиться тем, кто продолжит путь в Тель-Авив. А мне стало противно,

находился я строем в Союзе. И мы решили оформляться в Америку...

Стемнело. Бутылка допита, чревоугодие тянет дремоту. Чтобы взбодриться, идем на улицу, смотреть на разукрашенный город. И, хотя до Рождества еще месяц, Америка, несмотря на кризис, а, может, наперекор кризису, яростно готовится к нему. Тем более, завтра – День Благодарения.

Холод, ветер и дождь усиливаются, но мы непреклонны! Идем вперед! Тем более что вдоль улиц многих домов в нижней части козырьки-пассажи. Под одним из таких укрытий от дождя какой-то негр (хотя, тьфу меня! – афроамериканец) с картонной коробочкой у ног играет на саксофоне. И, что бы думали? Да, правильно угадали! – Государственный гимн Соединенных Штатов Америки, тот самый, что три дня назад я слышал в Диснейленде! Вы можете себе представить советского или российского музыкального побирушку, играющего на улице под дождем бессмертную мелодию А. Александрова в надежде, хоть на копейку? Даже без подходящих очередной правящей власти слов величайшего гимнописца всех времен и народов?.. Ох, Америка, Америка!

...Так и шли мы, ветром гонимы, от одного магазина к другому, разглядывая изобилие всячески разукрашенных елок. А на улицах светились LEDяными искорками LEDов, по-нашему, светодиодов, ветки деревьев. Очень красиво! И густо облепили тучи верхушки небоскребов, сокрывая оные от взоров.

Но суровость погоды брала свое – я, так тот, вообще был только что из лета, и два деда с бабкой возвратились к домашнему теплу.

И был вечер, и было утро, день шестой на американской земле.

Дождь и ветер иссякли, хотя и висела облачность.

Позавтракали, и хозяйка повела меня показывать центр города. Было видно, что она влюблена в него, в его урбанистическую архитектуру, о которой неумолчно говорила. До Чикаго, рассказывала она, проживала их семья в каком-то небольшом городке «одноэтажной Америки», где

было все, почти все, кроме «большой культуры». Приходилось ездить за тридевять земель в театр или на концерт. Но дети подросли, один за другим перебрались учиться в Чикаго, а затем устроились там работать. А тут пришло гнусное время: наступившие недуги свалили моих одноклассников под откос трудовой магистрали. Но, слава Богу, пахали они столько лет не даром, заработали на квартиру в центре большого города. Теперь – пенсионерская жизнь, забота о внуках...

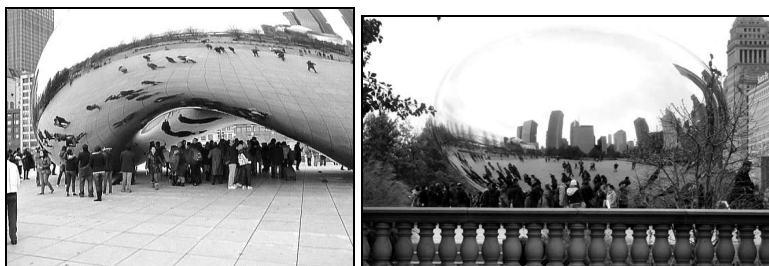
Вечером, кстати, намечались в этом семействе посиделки по поводу Дня Благодарения. Надо было купить какие-то игрушки их внукам, но праздничный день – все закрыто. Между тем, мы шли по одному из главных проспектов и увидели, как на противоположном берегу реки из двух автобусов высадился десант манифестантов и духовой оркестр – все в красной униформе, и пошли они стройными рядами под музыку (угадайте, какую?) по набережной, в направлении озера. Тут подруга детства сообразила, что неподалеку есть дежурная аптека, и там можно найти игрушки. И я вспомнил, еще по Ильфу и Петрову, что в Штатах аптека – это маленький супер, где есть, практически все. И нам повезло. Торговали игрушками в этой аптеке! Так что, все стало о'кэй!

Праздничная процессия в День Благодарения

И повела меня далее школьная подруга по проспекту, продолжая воспевать его урбанистические красоты. Хотя, по мне, так, просторные пейзажи разбросанного Иерусалима, больше глаз радуют. Но это дело вкуса, конечно. Чикаго, безусловно, шедевр

архитектуры конца второго тысячелетия! Центр, который я видел, по крайней мере. Наконец, мы достигли цели – пришли в парк, куда, как иронически отметил оставшийся дома одноклассник, его жена обязательно водит всех гостей. Парк большой, зеленый, в смысле обсаженный деревьями, ибо были они по-осеннему в желто-красном колорите. Огромная лужайка, замкнутая на эстраду, где проводят концерты. А главное украшение парка – зеркальный бублик, по недосмотру пекаря получившийся не плоским тороидом, а изогнутым. Своеобразная «комната смеха», привлекающая большое число праздношатающегося народу. И я там был, и запечатлел свой деформированный образ на видео. Теперь могу посмотреть и похихикать.

Чикаго. Зеркальный «Бублик»

Я спрашивал, а потом даже тянул из школьной подруги, что это за День Благодарения такой, кого благодарят? Я-то сам предполагал – Кого! Но хотелось от нее услышать. Ведь, Он, которого мы благодарим и благословляем в наших брахот, на самом деле, вовсе не тот, кого благодарят христиане-американцы, чьи предки-пилигримы учредили этот праздник. Хозяйка что-то мямлила, а на мое заявление о том, что христиане с их «троицей» и институтом «святых», вообще-то, нормальные язычники, парировала, что сам рабай Гусаковский учил их: христиане и мусульмане – истинные монотеисты. Ааа! – ответил я, – привет твоему Гусаковскому!..

А вечером мы поехали на праздничную *месибу* в дом их старшего сына. Кроме хозяев: профессора физики, его жены, двоих малышей Сэры и Сэма (Ох, этот варварский

английский! Во что он превратил танахические имена Сара и Шмуэль?) и нас троих, прибыли младший сын с женой и их трехмесячной дочкой, сестра его жены с мужем (или бой-френдом?), брат жены и их родители.

Осенний парк

Эта родня моих друзей – итальянского происхождения, католики. Полагаю, что эмигрировали сравнительно недавно, ибо их итальянские имена, даже у молодого поколения, еще не смолотились в англоязычной мясорубке. Свадьба молодых – иудея с католичкой, этаких Ромео и Джульетты, только со счастливым, как положено в мире политкорректности, концом, игралась комплексно: венчание, потом – хупа. Или, наоборот: хупа, потом венчание? И падре, и рабай. Так оно возможно у реформистов!

Благодарение оказалось обычными семейными посиделками за празднично накрытым столом. Я, честно говоря, ожидал какой-то, хоть малой толики официоза праздничной программы, собственно, благодарения. Если не от иудейской, то от католической ветви семейства. Но ошибся, все происходило достаточно по-язычески. Никто никого ни за что не благодарил. Разве что, хозяйку дома за чудно зажаренную ею жертвенную индейку, которую уплетали за обе щеки, поливая куски специфическим для

данного праздника клюквенным сиропом, и, на гарнир – салатами, надо сказать, вполне средиземноморскими, принесенными итальянской родней. Звучали тосты – обычные тосты за здоровье, за успех, за детей. Я вначале сидел и помалкивал, ибо получил таковую инструкцию от своих друзей! Они, по-моему, опасались моих еврейских националистических заявлений, в такой компании и в такой момент – явно не по делу. Впрочем, уговаривать меня особо не надо было, я и сам все прекрасно понимал. Да и английский еще не успел выучить. Когда же пришло итальянское семейство, и мой друг, представляя им меня, сказал что-то, из чего я разобрал «Израэл, Джерузалем», то я все-таки, встрял и добавил «Санта Терра!», вызвавшее ответное: «О! Терра Санта!» у главы итальянского семейства... На этом ресурс общения был мною полностью исчерпан. Но ближайшими моими соседями по столу были, все же, мои друзья и хозяйева дома, так что, разговаривать было с кем. Тем более что два сорта вина предлагалось гостям: «Beaujolais» и второе, названия которого я не запомнил, и потому просил наливать мне «Не-Божолэ». Вина были итальянского, разумеется, производства. «Божолэ», как и положено, слабенькое и кисленькое, а, вот, второе, украшенное этикеткой с четырьмя евангелистами – О-о-о! Это было что-то!

Веселая и шумная беседа за столом, в основном, между молодыми людьми, которые, кроме хозяина-физика, как я понял, все были юристами, и смысл которой оставался мне недоступным, перемежалась тостами, которые мне пересказывали одноклассники. Помнится, и я нарушил обет молчания и произнес какой-то тост, переведенный для всеобщего понимания и вызвавший непосредственный энтузиазм и звон бокалов. А я сочинил его на основе известной иудейской праздничной брахи: «Благословен Ты, Господь наш, Царь вселенной, за то, что мы живы, поддержаны Тобой и дожили до этого времени!» Правда, как положено в реформистской среде, я помнится, в своем тосте смягчил роль Его, а больше упер на земное: «дожили, живы, и доживем!..» Вроде бы, сошло! И мои реформисты, и католики (мать семейства с большим крестом) за это дружно

выпили. Сэра, в маске, оставшейся от недавно прошедшего Холуина, обстреливала всех из нового пистолета, вообще-то предназначенного мной ее братику. Но зато, тот отрывался на погремушке, купленной для его малюсенькой кухни! В общем, было весело! А, уж игра Сэры на пианино вызвала аплодисменты, которым мог позавидовать какой-нибудь Баренбойм!

Но вот, откушав ритуального пирога с тыквой и попив чаю-кофе, вернулись мы в квартиру друзей на двадцать какой-то этаж небоскреба. Не помню как, но возник еще в дороге у нас с подругой идеологический спор по поводу, как она считала, гонений на реформистов в Израиле. Я объяснял ей, что, на мой взгляд, никаких гонений нет. Вот мы, когда жили рядом, не раз посещали в Йом Кипур миленькую реформистскую синагогу на улице Агрон, куда стекалась масса народу, включая известную руководительницу безбожной партии МЕРЕЦ. Но в Израиле не признают гиюр, проведенный реформистами у нас, считая его неприемлемо халтурным. Если же гер-реформист совершает алию откуда-то, все в порядке. Я рассказал ей, что, на мой взгляд, в израильском законодательстве немало несправедливого по отношению к евреям, к нашей идентификации. То, что она отдана государством на откуп ортодоксам и ультраортодоксам, применяющим средневековую, наверняка разумную в свое время, Ѓалаху, но совершенно анахроничную в еврейском Государстве, считаю ошибкой и несправедливостью. Сколько людей, считающих себя евреями, прожившие нередко, долгую жизнь с еврейским самосознанием, вдруг в Израиле перестают считаться евреями! Для многих это психологическая трагедия. И, наоборот, к евреям, по Ѓалахе автоматически причисляют людей, таковыми никогда не считавшимися, и, соответственно себя и не ощущавшими. Ортодоксальный же гиюр для многих неприемлем, ибо требует слишком большой ломки привычной жизни, причем, в галутно-средневековом направлении, совершенно противном сионистскому пути еврейской государственности.

Но, с другой стороны, реформизм, с израильской ветвью которого я почти не знаком, хотя и посещал на «Кол нидрей» реформистскую синагогу, зато могу судить о ветви американской, ибо ее представители активны в русскоязычной прессе, выглядит сплошной профанацией. Ладно, реформисты выступали бы против измышленных людьми наслоений иудаизма, под которыми за тысячелетия, можно сказать, похоронена Божественная Тора, так они нередко выступают именно против ее положений и заветов! Вон, твой муж разругался с рабаем, поддерживающим джихадистов. И этот рабай, судя по вашей, американской прессе, не одинок! А защита реформистами так называемых «сексуальных меньшинств» с их публичными оргиями на городских площадях? И так далее...

Моя одноклассница, за тридцать с лишним американских лет, возможно, в обыденной жизни приученная к политкорректности, во мне продолжала видеть все того же тринадцатилетнего мальчика времен начала нашего знакомства. Потому она завелась, иногда переходя на крик. «Знаешь, – кричала она, – у вас в Израиле не признают меня еврейкой, потому что наша синагога реформистская? Меня, у которой дедушка соблюдал все? У которого была отдельная посуда для молочного и мясного? Который в Песах мучил нас полночи, рассказывая об Исходе?..» – «Да успокойся ты! Дело не в твоём дедушке, который по Галахе мог бы быть хоть китайцем-свиноедом, дело в его жене и тете Розе, твоей маме, а потом – и в тебе. Для Галахи важна женская линия, а мужики ваши ей до феньки! Не волнуйся, сделай алию, и будешь у нас первосортной еврейкой!» Но она не успокаивалась: «Вот ты в синагогу раз в год ходишь, и что ты знаешь в иудаизме?» – «Я, в общем-то, почитываю Тору, нормальный еврей должен каждую неделю читать по главе. И так, каждый год, в цикле. Вот, не могу пока что, себя заставить, приучиться к регулярному чтению. Может, выйду на пенсию, и тогда?.. А ты читаешь?» – «Нет у меня Торы!» – «Читай в интернете». Она подала мне листок на английском с какими-то стихами и, единственное, что я понял, с «Rabby Gussakovsky» в преамбуле: «Смотри, какие мудрые стихи!» – «Чьи?» –

Назвала имя какой-то поэтессы и стала мне переводить. Я послушал несколько строф, и «Карузо, в ее исполнении» показался мне – так, ничего, прилично для женского журнала... «А ты Кофелет читала?» – «Какой еще Кофелет?» – «Ну, по-русски называют эту книгу Экклезиаст. Вот, где мудрость! После нее вся остальная литература пресна. Такая там концентрация ума и эмоций. Шломо га-мелех, царь Соломон – автор. Три тысячи лет назад!..» – «Не читала, нет у меня». И, видимо, желая показать, все же, свои знания, спросила: «Скажи, а ты знаешь, почему Мозес не вошел в Израиль?».

Надо сказать, что время было уже где-то близко к полуночи. Друг мой, человек, когда-то славившийся здоровьем, силой и лихостью, к сожалению, оставил все эти качества в области воспоминаний. Видя, бесконечность нашего спора и, зная хорошо свою супругу, он ушел спать. А мы продолжали интеллектуальную беседу.

– Евреи, – говорю, – вышедшие из Египта, и Моше в их числе, были, за малым исключением прокляты Господом и приговорены к сорокалетним скитаниям по пустыне, пока все не вымрут. И лишь новые поколения, не знавшие рабства, должны были войти в Землю Ханаан и завоевать ее. А проклятье было из-за греха разведчиков, трусивших и навравших.

– Каких еще разведчиков? Что ты мне какими-то советскими подвигами разведчиков голову морочишь? Гад сказал Мойсесу: «Если ты приведешь евреев в Израиль, они про меня забудут, будут говорить, что это ты их привел. Потому ты умрешь!»

Сначала мне пришлось сообразить, что «Гад», это на варварском английском – Бог. И он, оказывается, заревновал к Моше?!

– Интересный поворот! Откуда ты это взяла?

– Рабай Гусаковский рассказывал.

– Да ты что? В Торе написано про наказание за грех разведчиков!

– Докажи!

И вот, в первом часу ночи два старых дурака полезли в интернет. Компьютер моих хозяев писать по-русски мог,

но русской маркировки на клавиатуре не было, и выяснилось, что мои руки лет за сорок печатания, все-таки, запомнили клавиши плюс-минус позиция. А как называется нужная глава Торы, я, вообще, в голове не держал. Наконец, помучавшись, все же вышел на перевод, сделанный в «Маханаим», на главу «Шлах». Стали читать.

Сюжетно все оказалось как у меня, а не как у рабая Гусаковского. Но подруга моего детства не была бы женщиной, если б так легко сдалась. Она стала с презрением говорить о русском переводе, о возможной его неидентичности. Хорошо. Название главы теперь известно, ищем на английском. Нашелся параллельный текст Торы: на английском – для нее, на иврите – для меня. Хотя, честно говоря, я побаивался, что переводил какой-нибудь рабай Гусаковский, и чего-нибудь приврал. Так же, как она полчаса назад не поверила переводу «Маханаим»... Сидим, читаем. На иврите, все так же. Что на английском, не знаю. Смотрю, пыл подруги приутих. Она дочитала, пожелала мне спокойной ночи и ушла в свою спальню. Было уже около двух часов...

А на другой день вылезло солнышко, хотя температура стала минусовой (по нашему родимому Цельсию). Поднялись поздно, позавтракали, и друзья отвезли меня в аэропорт. Чуть ли не слезно распрощались – кто знает, увидимся ли еще когда-нибудь?..

И начался обратный отсчет. Эти дни в Чикаго я был, практически, оторван от интернета: и времени не было, и друг мой за давностью, позабыл пароль подключения к своему роутеру, а в чикагском аэропорту PublicNet давала только рекламную информацию. Зато в Филадельфийском аэропорту удалось изловить нормальный интернет, и уже за три часа до вылета из Америки, я виртуально побывал дома: скайп, новости, любимые сайты... А потом огромный самолет поднял меня в воздух, и в форточке-иллюминаторе промелькнули последние вереницы огней американской земли. Впереди были скоротечные ночь и день над океаном и Европой, и к сумеркам я *вернулся в свой город, знакомый до слез.*

В мой Иерусалаим.

Эпилог

Прошло ровно два месяца со дня возвращения из-за океана. Приехав, я сразу же поспешил набросать основу этого текста. Память уже, к сожалению, не та, нет на нее надежды. И вот, дописываю, шлифую, как могу, свой рассказ, благо выдалась мне несколько тихих дней на берегу Мертвого моря. В четырехзвездочной-плюс гостинице, куда мы с женой традиционно приезжаем подлечить суставы, прекрасный SPA, но совершенно неприемлемые, мародерские расценки на интернет. Но это к лучшему, изоляция – ничто не отвлекает. К тому же – появляются новые штрихи.

Например, свежее впечатление. В гостиничном SPA появляется компания из трех супружеских пар израильских арабов. На вид, приличные люди лет 25-45. Но сколько сразу шума и крика! Больше, чем от нескольких десятков остальных посетителей, в основном, израильтян и русских туристов!..

А следующим вечером, когда гостиничных обитателей в SPA почти не осталось, подвезли откуда-то целый автобус американских туристов. Боже мой, как они бесились, как напомнили своих дедушек и бабушек, увиденных мною более полувека назад в Эрмитаже! Почему в американских аэропортах, не говоря уже о толпе, куролесившей в Диснейленде, взрослые люди и даже дети не носились с дикими воплями? Создается впечатление, что в самих Штатах существует очень жесткая общественно-государственная и, разумеется, самая демократическая в мире, система контроля поведения индивидуумов. Этакое управляющее силовое поле, напрягаемое неусыпным общественным мнением и видом полицейской дубинки. И, выход из тисков этого силового поля на чужбине побуждает американцев как бы срываться с цепи, хотя, на родине они ведут себя тихо и беспрекословно ходят строем. Таковы, выходит, порядки в эталоннейшей демократии, такова основа их свободы? Осознанная необходимость? Почему же они тогда зачастую превозносят нарушителей и разрушителей чужих порядков, объявляя их борцами за свободу? Прагматическое ханжество? Инстинктивная

зависть из-за подавленных комплексов? – Для меня - загадка!

А между тем, Рам Эммануэль, еврей-антиизраилист, бывший советник Хусейна Обамы, добился через суд права баллотироваться на должность мера Чикаго, и сам Обама открывает там штаб-квартиру по подготовке своих перевыборов в 2012 г.

Вот, в чем у меня нет и тени сомнения, так в их массовой поддержке прогрессивными жителями г. Чикаго, в том числе – прихожанами мудрого рабая Гусаковского.

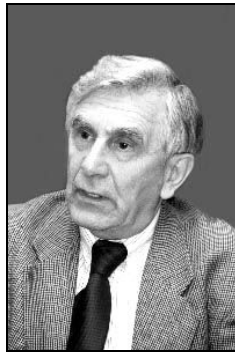
Иерусалим – Неве Зоар
Декабрь 2010 – январь 2011

Об авторах

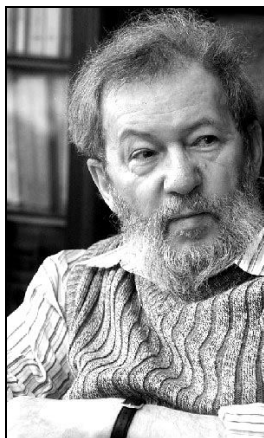
Мирон Амусья – профессор теоретической физики,
Иерусалим

Мерзон Габриэль – российский физик, доктор физико-
математических наук

Михаил Хазин – писатель, поэт, публицист.

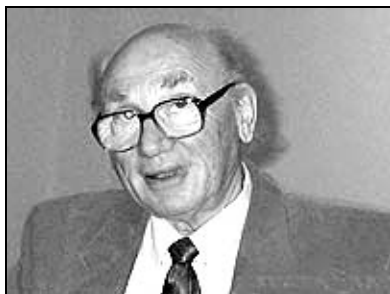
Игорь Ефимов – писатель, философ, издатель.

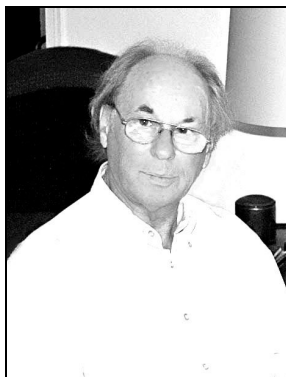
Александр Ласкин – историк, прозаик, профессор Санкт-Петербургского университета культуры и искусств.

Раиса Ей – пианистка, преподаватель музыки.

Георгий Кантор – музыковед, профессор, засл. деятель искусств РФ и РТ, член союза композиторов России.

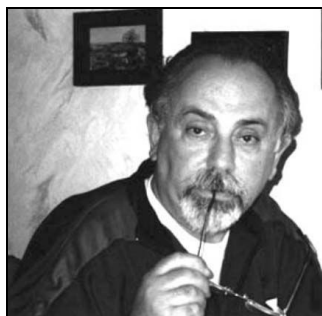
Наум Зайдель – музыкант с многолетним стажем.

Виктор Юзефович – искусствовед, писатель.

Андрей Пелипенко – российский философ, искусствовед.

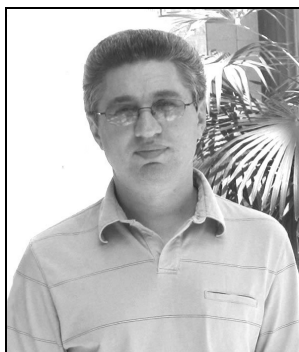
Григорий Пруслин – писатель и журналист.

Борис Тененбаум – автор исторических очерков и книг.

Макс Вексельман – историк.

Александр Габриэль – поэт, инженер по образованию.

Моисей Борода – композитор, писатель, поэт.

Елена Шуваева – писатель и журналист, член Союза литераторов России, Союза писателей Армении.

Ольга Ольгерт – поэт, врач по образованию.

Эстер Пастернак – поэт, журналист, прозаик.

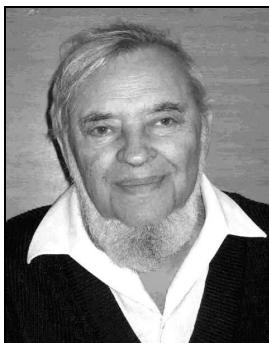
Арье Бацаль – писатель и поэт.

Елена Мазур-Магусевич – писатель, художник, профессор университета Аляски (США)

Кирилл Подрабинек – писатель, участник правозащитного движения.

Эрнст Левин – поэт и переводчик, радиожурналист и публицист.

Каган Юдифь – литератор, переводчик.

Ион Деген – врач, писатель, ветеран ВОВ.

Александр Зелинский – научный работник в области информационных высоких технологий.

Дина Ратнер – доктор философских наук, член Союза писателей России и Израиля.

Реувен Миллер – израильский публицист, инженер по образованию.

Журнал «Семь искусств», Март 2011
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2011, 665 стр. 25,9 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Общество любителей еврейской старины